

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

СКАЗКИ
НАРОДОВ
ЕВРОПЫ

Annotation

В том вошли сказки о животных, волшебные и бытовые сказки народов Европы.

Составление, вступительная статья и примечание А. Л. Налепина.

Иллюстрации Г. А. В. Траугот.

Сказки народов Европы

(том 4 из серии "Сказки народов мира")

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

ТОМ
IV

МОСКВА
«Детская литература»
1988

Редакционный совет издания «Сказки народов мира»:

Аникин В. П. Ващенко А. В. Кор-оглы Х. Г. Михалков С. В. Налепин А. Л.

Никулин Н. И. Путилов Б. Н. Рифтин Б. Л. Уваров В. А. Шатунова Т. М.

Научный руководитель издания В. П. Аникин.

Составитель, автор вступительной статьи и примечаний А. Л. Налепин.

Оформление серии Б. А. Диодорова.

Иллюстрации Г. А. В. Траугот.

Налепин А. Л. Вступление

В давние времена жил на свете финикийский царь Агенор. Гордился царь богатством и славой, но более всего своей дочерью — красавицей Европой. Влюбился в Европу всемогущий бог-громовержец Зевс и решил похитить ее. Превратился он в прекрасного белого быка и на широкой спине своей перенес Европу через бурное море.

Этот поэтический миф, возникший на земле древней Эллады, вот уже многие столетия вдохновляет поэтов, художников, музыкантов. Сюжет «Похищения Европы» можно встретить и на древнегреческих вазах, и на фресках Помпеи, и на полотнах Рафаэля, Тициана, Тинторетто, Веронезе, Рембрандта, Ватто, Буше, Валентина Серова и многих других живописцев. Однако образ прекрасной царевны сохранился не только в произведениях искусства, но и в названии той части света, которая стала колыбелью одной из самых значительных мировых цивилизаций.

Если мы взглянем на карту мира, то Европа не поразит нас своими размерами. Это самая маленькая, после Австралии, часть света, но именно здесь происходили решающие события мировой истории и многие поколения славянских, германских и романских народов в течение долгих веков творили уникальную европейскую культуру, которой суждено было сыграть столь значительную роль в истории человечества. Культура эта перешагнула океаны и высокие горы и стала поистине общечеловеческой, одарив своим богатством народы на других материках и континентах.

Часть нашей страны тоже находится в Европе, но сегодня наш рассказ о Европе зарубежной, на территории которой проживает около шестидесяти больших и малых народов. Надо ли говорить, что история и культура каждого из них неповторима. Счастлив тот народ, который не замыкается в своей культуре, а делает ее достоянием других. Европейские народы, в большинстве случаев родственные между собой, находясь в постоянном контакте друг с другом в течение многих веков, вырабатывали во многом сходные представления об окружающем мире, творили схожие фольклорные образы. Однако при всем подобии каждое явление культуры того или иного народа сохраняло свое национальное своеобразие.

Вы держите в руках книгу сказок народов Европы и если внимательно вчитаетесь в тексты, помещенные в ней, то заметите, что некоторые сказки рассказывают о схожих приключениях. Всякий раз история вроде бы та же, да на поверку выходит совсем другая. Вот, к примеру, немецкая сказка «Госпожа Метелица», прочитав которую вам наверняка вспомнится русская сказка «Морозко». С первого взгляда сходство это уловить нелегко — слишком много непривычного в немецкой сказке: другая страна, иная

одежда, иное убранство дома. Впрочем, читатель вдумчивый заметит и сходство сюжетов, и, самое главное, единый смысл обоих произведений. Ведь обе сказки говорят о торжестве труда, о презрении к лентяям и лежебокам, о справедливости и чести. Пусть не всегда в своей трудной жизни русский, немецкий или, скажем, испанский крестьянин получал награду за свой тяжелый каждодневный труд, но именно созидание было смыслом его существования на земле, он презирал людей, не способных к работе, и мечтал о том времени, когда человеку будет воздаваться не за его происхождение и богатства, а за любой, пусть даже самый скромный труд.

Все европейские народы, большие и малые, — это народы-братья. Когда-то на заре человеческой истории их далекие предки, принадлежавшие к единому племени индоевропейцев, поселились на плодородных землях Европы. Проходили века, индоевропейцы вступали в контакты с другими племенами. Так на сцене мировой истории появились те народы, которые ныне заселяют территорию Европы. Время вроде бы удалило их друг от друга; сегодня они говорят на разных языках, носят разную национальную одежду, но за всей этой внешней несхожестью скрыто некогда существовавшее единство, которое продолжает жить в языке, обрядах, песнях и сказках европейских народов.

Ученые делят языки народов мира на особые группы, которые называются языковыми семьями. Подавляющее большинство населения Европы говорит на языках индоевропейской семьи, которая в свою очередь делится на несколько языковых групп. Самая крупная из них — германская группа, в состав которой входит семнадцать народов. Многие из них вам хорошо известны. Это немцы, голландцы, шведы, норвежцы, исландцы, датчане, англичане, шотландцы. Ко второй по величине группе языков — романской — принадлежат пятнадцать народов. Самые многочисленные из них — итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны. К славянской группе языков, помимо русских, украинцев и белорусов, относятся поляки, чехи, словаки, болгары, народы, населяющие территорию Югославии. К индоевропейской языковой семье принадлежит также кельтская группа, на языках которой говорят современные бретонцы и ирландцы, а также албанская и греческая группы, куда входит только лишь по одному народу (албанцы и греки). Есть еще в Европе народы, языки которых относятся к уральской языковой семье. Это финны, саамы и венгры.

Народы одной языковой группы часто могут понимать друг друга даже без переводчика, в их культуре много общих черт. Когда вы будете читать сказки, помещенные в этой книге, обратите на это особое внимание.

Народные сказки читать интересно и поучительно. Красочный, причудливый, волшебный мир сказки влечет к себе и завораживает. Сегодня для многих из вас состоится первая встреча со сказками наших ближайших соседей, народов зарубежной Европы. Постарайтесь прочитать их не только для развлечения, но и для того, чтобы стать немного мудрее. Ведь открываете вы не просто книгу сказок, но волшебную дверь в иные страны, чтобы узнать и полюбить своих дальних и ближних братьев, узнать о горестях и радостях, о жизни и мечтах трудового человека. Постарайтесь разглядеть за экзотическими одеждами то общее, что объединяет всех людей нашей Земли — человечность.

Как и у всех народов мира, европейские сказки в течение долгих веков существовали в устной форме, передавались из уст в уста. Почему же люди в течение тысячелетий бережно хранили свои песни, предания, сказки?

История Европы полна драматических событий. Время мирного труда сменялось годами лихих испытаний, когда захватчики разоряли родные очаги, когда тяжелые болезни и эпидемии уносили тысячи человеческих жизней. Однако народы не сдавались, они хранили свою жизненную силу, воплощенную в тех бесхитростных на первый взгляд произведениях народного творчества, которые сохранились до наших времен. Передавая из поколения в поколение свой фольклор, народы Европы тем самым хранили ту

неразрывную нить времени, которая связывает прошлое с будущим. Фольклор был их исторической памятью, утрата которой была равносильна смерти народа. История оставляла свой отпечаток в народном творчестве европейских народов, но это было не прямое отражение тех или иных исторических событий. Сегодня отыскать следы эти нелегко, но они существуют, и всякий раз их поиск таит много неожиданного.

Возьмите, к примеру, немецкую сказку «Гензель и Гретель», в которой герои встречаются на своем пути необычную избушку, сделанную из хлеба, а «крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца». Каждый, наверное, хотел бы попасть в такой сказочный домик, но, оказывается, живет в нем старая, злая ведьма, которая хочет съесть Гензеля и Гретель. Этот образ, как и Баба Яга восточнославянских сказок, хвостатая старуха грузинских сказок, ужасная Сююятар сказок карельских, очень древнего происхождения. В нем отразилась та историческая эпоха, когда патриархальный родовой строй пришел на смену ранее господствующему матриархату и Баба Яга, которая ранее почиталась как владыка природы, перестала пользоваться уважением людей и превратилась в существо гонимое, внушающее страх всем, кто сталкивается с ней. Конечно, сегодня вам еще трудно разобраться в этих вопросах, над которыми много думают ученые-фольклористы, но, может быть, это замечание об образе одного из противников главного героя сказок разных народов поможет вам понять, почему иногда в сказках эта героиня помогает герою, а не вредит ему. Просто произведения, подобные чешской сказке «Про кошечку и про собачку», хранят воспоминание о более ранних временах, когда Хозяйка леса Баба Яга почиталась как доброе мифологическое существо.

Каждый повелитель любой европейской страны, будь то князь, герцог или король, хотел бы выглядеть в истории правителем справедливым и честным. По их приказу создавались целые исторические трактаты, в которых они славилась как защитники своего народа, как доблестные полководцы, стоявшие во главе непобедимых армий. Однако в противовес официальной истории существовала еще и воплощенная в фольклоре история народная, которая донесла до наших дней правду о тех далеких временах. Прочитайте, например, польскую сказку «Благодарная змея», и вы поймете истинное отношение народа к напыщенным правителям, носившим пурпурные королевские мантии.

Настоящим народным героем был бедняк или же простой солдат, который храбро воевал, да так и остался без наград и чинов. Это он шагает по пыльным дорогам европейских сказок — безымянный отставной солдат, неунывающий весельчак, справедливый и верный товарищ.

Большинство сказочных героев являются образами вымышленными, иногда они даже и имени не имеют. Как, например, в сербской сказке «Дракон и царевич»: «Жил-был царь. У него было три сына». Героев, подобных этому безымянному царю, вы встретите в сказках европейских народов великое множество. Да так ли нам нужно знать его имя, если даже он и существовал в реальной истории, а не является плодом художественной фантазии народа. Сказка ведь нам рассказывает совсем о другом — об отваге человека, о его чести и долге перед своим народом. Европейская сказка утверждала демократическое начало, излагала народное понимание истории, а не славил монархов, князей, баронов и прочих «сильных мира сего». Именно поэтому персонажи эти так и остались просто царями, королями и венецианскими дожами.

Память народная благодарно сохранила в сказках другие имена — например, Эро, любимого героя герцеговинского фольклора. Эро — оптимист и балагур, всегда одерживающий верх над турецким султаном, — олицетворял собой несломленный народ Герцеговины, которая в конце XV века была захвачена Османской империей. Для простых людей Эро в течение долгих веков иностранного господства был символом борьбы с захватчиками, причем образ этот был одинаково дорог и близок и другим южнославянским народам — боснийцам, македонцам, сербам, хорватам, черногорцам. Сказка сражалась за свободу вместе со своим народом.

Лучшие качества трудового человека воспела народная сказка. В старину сказка была повсеместно распространена среди народов Европы. Она звучала повсюду — в неприступных домах-башнях албанцев и в испанских бараках из камышовой плетенки, в каменных домах исландцев и в землянках бедных болгарских крестьян. Она скрашивала долгие зимние вечера, заставляя притихнуть неугомонных крестьянских ребятишек, окруживших одного из самых уважаемых в народе людей — сказочника; снимала усталость после дальней дороги и тяжелого трудового дня. Однако рассматривать сказку всего лишь как средство развлечения — значит сказать всего лишь половину правды. Для простых людей во всех концах Европы сказка была еще и школой воспитания, испытанным средством народной педагогики.

Простые люди были лишены возможности посылать своих детей в школу. Учеба была привилегией людей состоятельных и знатных. Народная сказка несла в себе как раз ту необходимую сумму знаний, без которой невозможно становление человеческой личности. Она учила премудростям жизни, добру и справедливости, чести и порядочности, мужеству и героизму, любви и долгу. Для большинства крестьян во всех уголках Европы сказка часто была первым и последним учителем. Она формировала ту высокую народную нравственность, которая воплотилась в вечных художественных образах. Вспомним, к примеру, юного героя норвежской сказки «Честно добытая монета», который случайному богатству предпочел «честную бедность». Вечный урок оптимизма преподает неунывающий Малёк из одноименной датской сказки. Словом, многие поколения простых людей Европы постигали науку «быть человеком» через сказочный фольклор.

Лишенные возможности учиться, простые люди мечтали о том времени, когда книга станет доступна каждому. Об этом много говорится в сказках европейских народов. Человек с книгой в руках, грамотей и ученый — эта народная мечта достаточно определенно отразилась в сказках народов Европы. Недаром о герое шведской сказки «Замухрышка» с уважением говорится: «Целыми днями он читал книжки и скоро стал не глупей своего хозяина». Привлекателен и царевич-грамотей из греческой сказки «Чудесное лекарство», что «дни и ночи проводил за старинными книгами». Не бездумная сила, а «знания и хитрая наука» помогли ему пройти все испытания и победить.

Жизнь не баловала крестьянских ребятишек, но самые упорные из них, подобно герою болгарской сказки «Мальчик-пахарь», преодолевали все препятствия на этом нелегком пути. В этой сказке главной причиной волшебных поисков героя было вовсе не стремление овладеть несметными сокровищами. Мальчик отправляется в путь, потому что ему не на что было купить букварь. В сказке об этом говорится так:

«Вот раз мальчик идет домой из школы, а сам плачет-заливается. Мать его спрашивает:

— Что плачешь, мамино дитяtko?

— Обидно мне, — говорит мальчик. — У всех моих товарищей есть буквари, они уже читать научились, а у меня нету».

Мечта о знании воплотилась даже в таких неправдоподобных на первый взгляд эпизодах сказки, когда герой получает волшебную способность понимать язык зверей и птиц. Прочитайте немецкую сказку «Белая змея» и убедитесь, что этим даром-знанием герой воспользовался для дел добрых и справедливых.

К сожалению, мы так никогда и не узнаем имена многих великих сказочников Европы, в чьих устах звучало живое народное слово, которые бережно хранили фольклорные традиции своих народов. Зато мы хорошо знаем их талантливых учеников, которые использовали фольклорные сюжеты в своем литературном творчестве, эти имена известны всему миру — французы Перро и Лабуле, немцы Гауф и Шамиссо, знаменитый датский сказочник Ганс Христиан Андерсен и многие другие европейские писатели. Они не только использовали фольклорные сюжеты в своих литературных сказках, но и активно изучали

фольклор своего народа, закладывая тем самым основы отечественной фольклористики — науки об устном народном творчестве. Благодаря их литературным трудам сказки народов Франции, Германии, Дании узнали во всем мире.

Говоря об изучении фольклора европейских народов, надо вспомнить и выдающихся ученых XIX века, которые записывали памятники народного творчества (в том числе и сказки), сравнивали их с произведениями фольклора других народов. Для европейской сказки век девятнадцатый был поистине золотым веком. Благодаря работам европейских фольклористов она не только обрела широкий круг восторженных почитателей во всех слоях тогдашнего общества, но и стала рассматриваться как национальное культурное достояние. Ученые-фольклористы ездили по глухим деревушкам и записывали те сказочные тексты, мимо которых раньше грамотные люди проходили с полным равнодушием, считая их лишеными художественных достоинств.

В каждой стране Европы с глубоким уважением ныне произносятся имена фольклористов, составивших национальные сказочные фонды. В России это был А. Н. Афанасьев, в Германии — братья Якоб и Вильгельм Гримм, у чехов — Б. М. Кульда и Й. Ш. Кубин, у словаков — П. Добшинский, у французов Ш. Перро, у румын П. Испиреску, у датчан — Н. Ф. Грундтвиг, у норвежцев — П. К. Асбьёрнсен и Й. Му, у шведов — Г. Хюльтен-Каваллиус и Г. Стефенс, у народов Югославии — знаменитый Вук Караджич, у португальцев — А. Коэльо и Т. Брага. В этом перечне славных имен все же надо выделить «первых среди равных» — братьев Якоба и Вильгельма Гримм, которые были пионерами в изучении народной сказки. Они не только собрали и опубликовали сказки немецкого народа, но и заложили основы специальной науки — сказковедения. По образцу гриммовских сборников коллекции народных сказок стали выходить и в других странах Европы.

Когда вы станете взрослыми, то будете читать иные, взрослые книги, но не единожды в этих книгах вам встретятся образы, которые хорошо знакомы с детства. Вы наверняка прочитаете повесть известного немецкого писателя и ученого-натуралиста А. Шамиссо «Необычайная история Петера Шлемиля», и герой повести, потерявший свою тень, напомнит о некоторых сказочных персонажах европейского фольклора. Например, о Сэмунде Мудром из исландской сказки «Школа Черно книжия», пожертвовавшем собственной тенью ради спасения от страшного черта. А еще раньше вам встретится прекрасная пьеса-сказка «Тень» известного советского драматурга Евгения Шварца, где также используется аналогичный фольклорный сюжет.

Впрочем, уже сегодня вы можете сделать такие же открытия. Например, обнаружить сходство между «Сказкой о рыбаке и рыбке» Александра Сергеевича Пушкина и исландской сказкой «Кидхюс». Хотя действие в ней происходит не «у самого синего моря», а в глухой исландской деревушке, сюжет обоих произведений имеет много общих черт. Совпадает и мораль обеих сказок — жадность и алчность до добра не доводят. Однако не надо думать, что Пушкин заимствовал сюжет исландской сказки, поскольку она очень древнего происхождения, а «Сказка о рыбаке и рыбке» написана в 1833 году. По всей видимости, «Кидхюса» Пушкин никогда не слышал и не читал. Просто этот сюжет был широко распространен среди германских народов (а мы помним, что исландский язык принадлежит именно к германской группе), и Пушкин, наверное, взял за основу своего произведения сюжет сказки «О рыбаке и его жене» из знаменитого сборника братьев Гримм.

Когда вы прочитаете сказки, помещенные в этой книге, то найдете немало схожих сюжетов. Например, повествование о трогательной дружбе старого беззубого пса и вовсе не злого, а по-своему доброго волка. Оно вам встретится и в немецкой сказке «Старый Султан», и в финской сказке «Как собака и волк на свадьбе у людей побывали». Сюжеты вроде бы схожие, но каждый имеет неповторимую национальную окраску.

Известный русский ученый Ф. И. Буслаев одну из своих работ посвятил схожим сказочным сюжетам в фольклоре разных народов. Он назвал эти сказки «перехожими сказаниями», в науке используется и другой термин — «бродячие сюжеты», которые странствуют от одного народа к другому. Ф. И. Буслаев рассказал, например, об истоках басни французского писателя Лафонтена, повествующей о крестьянке Перрете, которая шла в город продать горшок молока. Размечтавшись о том, что же она купит на вырученные деньги, Перрета от радости подпрыгнула и уронила горшок с молоком. Богатство, которое, казалось, было так близко, ушло навсегда. Как доказал русский ученый, этот французский сюжет восходит к древнеиндийскому литературному памятнику «Панчатантре» с той лишь разницей, что в ней главным действующим лицом был монах по прозвищу Горемыка. Прочитав книгу сказок народов Европы, вы могли бы дополнить Федора Ивановича Буслаева, указав ему на точно такой же сюжет, но уже в фольклоре славянских народов. Это болгарская сказка «Жадность до добра не доводит», где о богатстве размечтался болгарский крестьянин, решивший продать на базаре корзину яиц.

Таких заимствованных сюжетов в фольклоре европейских народов не так уж много. Чаще всего сходство ряда сказок объясняется вовсе не странствием из страны в страну, а одинаковым уровнем социального развития народов. Именно поэтому в фольклоре разных районов Европы возникали схожие образы и представления, а не в результате прямого заимствования.

Сказки народов Европы можно условно разделить на три традиционные группы: сказки о животных, волшебные сказки и бытовые сказки. В этом сборнике представлены все эти три вида. Впрочем, помните, что любая сказка (даже сказка о животных) в первую очередь рассказывает о Человеке, трудами которого творится мировая история. Раскрывая сборник сказок народов Европы, помните, что все эти занимательные повествования об удивительных приключениях смелых и отважных людей есть не только высокохудожественные произведения народной словесности, но и памятники «живой старины» и уникальной национальной истории. Как нет на свете двух абсолютно одинаковых людей, так и судьба каждого народа неповторима и по-своему поучительна. Постарайтесь извлечь для себя что-нибудь важное из этих уроков Истории, попробуйте за внешне неправдоподобными сказочными рассказами увидеть реальную жизнь простых людей Европы. Поверьте, что обретете вы подарок поистине бесценный — дар понимания другого человека, ощущение братской общности всех людей, живущих на земле.

Пусть сказки народов Европы станут вашим первым шагом на этом бесконечном пути познания, и не забывайте, что сказка любит читателя умного и усидчивого. Раскрывая эту книгу, помните мудрую пословицу: «Сказка от начала начинается, до конца читается, а в середине не перебивается». Если же вы захотите продолжить знакомство со сказками народов Европы, то это желание легко достижимо — перед вами море книжных богатств, впереди у вас целая жизнь.

А. Л. Налепин.

Польские сказки

[1]

Благодарная змея

Польская сказка

Пересказ Н. Подольской

Давным-давно, когда на свете чудеса творились да волшебники и колдуны водились, жил в одной деревушке бедный крестьянин по имени Бартек.

У других людей — и кони, и коровы в хозяйстве, а у него — одна серая утка. А какая от нее польза, если она даже яиц не несет? И все только за Бартеком, точно собачонка, бегаёт и весело побрякивает. Но Бартек очень свою утку любил и во всем ей угождал. То охапку свежей травки принесет, то лебеды посочней на лугу нарвет, а то на руки возьмет и к чистому, прозрачному ручью отнесет. Пустит утку на воду и приговаривает: «Плавай, плавай, моя уточка!»

Вот как Бартек о своей уточке заботился!

Отправился он как-то за сочной лебедой да зеленой ряской, что затянула озерцо в соседней долине. И решето прихватил с собой, чтобы ряску сподручней было черпать. Идет он каменистой тропкой, весело насвистывает да красотой гор любит. И вдруг остановился как вкопанный. Почудилось ему, ровно его кто-то передразнивает. Постоял он, постоял, послушал-послушал и дальше зашагал. «Небось эхо», — думает. отошел он немного и опять приостановился: нет, не эхо. Совсем близко кто-то свистит, этак тоненько да тихохонько. Огляделся Бартек по сторонам — нет никого. Хотел дальше идти, но тут чей-то голос слышится:

— Бартек, помоги!

Бартек опять по сторонам огляделся и опять никого не увидел.

— Как же я тебе помогу, когда не знаю, где ты? — говорит Бартек.

— А ты к можжевельнику наклонись, — отвечает тоненький голосок.

Подошел Бартек к можжевельниковому кусту, что в стороне от дороги рос, наклонился пониже и видит: под кустом змея лежит. Голову подняла и шипит с присвистом. А на голове у нее корона из росяных капелек, как алмазная, блестит. Смекнул Бартек: не простая это змея, а царица змеиная.

— Положи меня в решето, — зашипела змея, — да вон на ту горку отнеси, а я в долгу не останусь, награжу тебя.

— Отнесу, госпожа царица, — отвечает с поклоном Бартек, — и награды за это никакой мне не надо.

Положил он змею в решето и понес, куда она велела. Пришел на место, змею осторожно на траву опустил и уходить собрался. Тут змея зашипела с присвистом:

— Наклонись-ка, Бартек, пониже! Хочу я тебе царскую милость оказать.

Не посмел Бартек ослушаться, наклонился. Змея зашипела, и на Бартека словно теплым ветром повеяло.

А змеиная царица и говорит:

— Наделила я тебя силой волшебной. Теперь захочешь — бурю, грозу свистом вызовешь, скалы с места сдвинешь. Придет время, тебе это пригодится. Ну, забирай свое решето и спускайся в долину. Там повстречаешь ты войско. Во главе войска король на кауром[2] коне будет ехать. Смотри про волшебную силу не забудь!

Поклонился Бартек змее до земли, решето взял и стал спускаться в долину к тому озерцу, что ряской затянуло. Вот идет он каменистой тропкой и вдруг слышит позади конский топот и ржание. Оборачивается, глаза от яркого солнца рукой заслоняет и видит — войско скачет, а впереди на кауром коне король в пурпурной мантии[3]. На голове корона, точно солнце, горит, а в руке скипетр[4] камнями драгоценными посверкивает.

— Эй! Ты кто такой? — окликнул его король.

— Бартек, милостивый король! — отвечает крестьянин.

— Бартек? — переспросил король. Знать, непривычно для королевского уха простое крестьянское имя. — Послушай, Бартек, я устал и хочу отдохнуть. Говори, есть здесь поблизости корчма[5], где можно переночевать?

— Нет здесь поблизости корчмы, милостивый государь.

— А усадьба?

— И усадьбы нет, милостивый король.

— Где же нам на ночлег остановиться? Я устал, и воины мои устали. А отдохнуть нам во что бы то ни стало надо. Ведь мы на войну идем.

— На войну? — испугался Бартек.

— Да ты не бойся! — Король снисходительно улыбнулся и взмахнул скипетром. — Мы в два счета врага одолеем. Но перед битвой отдохнуть бы не мешало. Скажи, нет ли поблизости какой-нибудь избушки, где бы я мог приклонить королевскую голову?

— Коли не побрезгуете, располагайтесь в моей хате.

Король согласился.

Вот въезжает он к Бартеку во двор, и сразу же ему на глаза серая уточка попалась. Уточка навстречу своему хозяину спешит и весело побрякивает. У короля аж слюнки потекли, до того ему жареной утятинны захотелось.

— Эй, слуги! — гаркнул король. — Я голоден! Поймать утку и зажарить!

Как услышал это Бартек, на колени перед королем повалился и просит:

— Милостивый король, не вели мою утку убивать! Найдется в хате молоко, хлеба краюшка да крупы мешочек. Ешьте-пейте на здоровье, а утку мою не убивайте. Сам я ее выходил-выкормил, от ястреба спасал, от холода укрывал.

— Да как ты смеешь, мужик, моей королевской воле перечить! — закричал король и затопал ногами. — Эй, слуги, поймать утку!

Послушные слуги разбежались по двору, бедную утку ловят.

«Что тут делать? Как быть?» — думает Бартек.

А король смотрит на него и усами грозно шевелит. Тут вспомнил крестьянин змею в короне и решил

свою силу испробовать. Вскочил с колен да как свистнет. Еще свист не смолк, а уж ветер налетел. Дунул, все перемешал, взбаламутил, закружил. Смотрит Бартек — король по воздуху несется, за ним пурпурная мантия развевается.

А воины, как осенние листья, по ветру летят. Кто над крышей кружит, кто над деревьями. Вот ветер зашвырнул короля на крышу. Король в крышу вцепился, чтобы не упасть, и орет во всю глотку:

— Караул! Спасите! Слуги, ко мне!

А слуги, ветром гонимые, проносятся мимо.

— На помощь! — кричит король, но толку никакого. Помощи ждать неоткуда.

А Бартек за бока схватился и хохочет-потешается.

— Ну что, король, — говорит он, — расхотелось тебе мою утку есть? Дай королевское слово, что утку не тронешь, я ветер остановлю, и ты с крыши на землю слезешь.

— Не нужна мне твоя утка, — простонал король. — Сделай милость, уйми ветер!

Бартек свистнул, и ветра как не бывало. Не успел король с крыши слезть и на землю ступить, как зычным голосом закричал:

— Эй, слуги! Вяжите дерзкого мужика, а утку на обед жарьте!

— Ах, вот ты как королевское слово держишь! — говорит Бартек. — Ну, погоди ж у меня!

И опять свистнул. Еще свист не смолк, а молнии уже сверкают, гром грохочет, земля дрожит, небо на части раскалывается — вот-вот на короля и его слуг обрушится. Испуганные слуги к королю жмутся, а спрятаться некуда: кругом огненные языки полыхают, будто землю дотла сжечь хотят.

Струсил король, пощады запросил. Опять поверил Бартек королевскому обещанию.

Еще не затихли в горах раскаты грома, а король уже велит Бартека связать, а утку зажарить.

— Коли так, пеняй на себя! И пощады больше не проси! — не на шутку рассердился Бартек да как свистнет.

И тут хлынул дождь. Обрушились с неба на землю потоки воды. Король с придворными стоят по уши в воде, а вода все прибывает и прибывает, того и гляди, совсем их затопит. А Бартек на сухом месте стоит и смеется.

— Бартек, спаси нас! Останови дождь! — захныкал король. — Не нужна мне твоя утка. Честное королевское слово!

Но Бартек не поверил королю, ведь тот два раза его обманул. Тут придворные да челядь стали Бартека просить, чтобы не губил он их за королевские провинности.

Сжалился над ними Бартек и остановил дождь. Вода мигом в землю впиталась, тучи рассеялись, выглянуло солнышко — землю стало сушить. Король приказал пурпурную мантию на сук повесить. А когда она высохла, придворные взяли ее и на плечи Бартеку накинули. А потом отняли у короля корону со скипетром и тоже Бартеку отдали.

— Будь нашим королем! Ты лучше и могущественней его! — сказали воины. — Едем в столицу, занимай трон и правь нами по справедливости.

Бартек не стал отказываться. На королевского коня вскочил, поправил съехавшую набок корону и хотел уже скипетром взмахнуть — знак к отправлению дать, — да вдруг на землю соскочил. Про серую утку вспомнил.

— Как же я без нее уеду, — говорит он дружине. — Я ее вырастил, выкормил, от ястреба спасал, от холода укрывал. Она со мной горе мыкала, пускай теперь доли счастливой отведает, во дворце поживет.

Вскочил Бартек в седло и утку в желтый клюв поцеловал. Глядь — не утка перед ним на коне сидит, а красавица, королевна прекрасная.

— Злая волшебница в утку меня обратила, а ты избавил от злых чар, — молвила королевна и поцеловала Бартека.

Поехали они в столицу и зажили припеваючи в королевском дворце. А злой король в избушке-развалюшке стал жить да дрова рубить.

Волшебная гора

Польская сказка

Пересказ Н. Подольской

одной бедной вдовы было три сына. Она души в них не чаяла. Сыновья тоже мать почитали, добром за добро платили.

И у каждого сына свое ремесло было.

Старший в костёле [\[6\]](#) на органе играл. И к тому же книжки читал. Ученым слыл человеком. Крестьяне его уважали, да что крестьяне — сам ксёндз [\[7\]](#) ему кланялся.

Средний в солдатах служил. Храбрецом слыл, и за это ему тоже от людей почет! Где только он не побывал, каких чудес не повидал! Как начнет рассказывать, односельчане разинут рты и слушают затаив дыхание.

А младший сын, как деда и прадеды, землю пахал да хлеб засевал. Старушку-мать и братьев кормил. Недосуг ему рассказы солдата слушать да учености старшего брата дивиться, вот и считали его братья дураком.

Жили они, поживали, горя не знали.

И вот приключилась беда. Заболела как-то ночью старушка-мать. Лежит, стонет и детей зовет.

Подбежали братья к постели, а мать, как плат, белая, еле дышит.

Опечалились они, что делать, не знают.

Тут старший сын, что умником слыл, и говорит:

— Я матушку постерегу, а вы сбегайте к бабке-ведунье [\[8\]](#). Она в лесу возле могилы в заброшенной избушке живет. Может, знает она, как матушке помочь.

Бегут братья долом, лесом. Прибежали к заброшенной избушке, где бабка-ведунья живет. Про беду свою рассказали и тем же путем вместе с ней назад воротились. К дому подходят, а старший брат у ворот стоит, их поджидает.

— Как матушка? — кинулись к нему братья.

— Полегчало ей, стонать перестала. Заснула, родимая.

Бабка-ведунья в избу взошла — и к постели. Дотронулась до больной, покачала головой и молвит:

— Полегчало вашей матушке. Ничего у нее больше не болит. Отмучилась она, померла.

Услыхали сыновья — и в слезы. Плачут, об стену головой бьются, рубахи на себе рвут. Сколько лет бабка-ведунья на свете жила, а такого горя не видывала. Вот пожалела она их и говорит:

— Ладно, дам вам совет: чтобы матушку воскресить, надо каплю живой воды добыть. Только это не всякому молодцу по плечу. За тремя реками, за тремя лесами стоит волшебная гора, на той горе под

говорящим деревом — родник. И стережет его сокол заколдованный. Пути до горы и обратно — ровно семь дней. Много туда удальцов хаживало, да назад никто не воротился. Чтоб на вершину взойти, надо держать напрямик, никуда не сворачивать и не оглядываться. Что ни увидишь, что ни услышишь — знай вперед иди, а сделаешь шаг вправо или влево или оглянешься назад — пропал: камнем в землю врастешь. А страхов и соблазнов там не счесть! С тех пор как мир стоит, никто еще до вершины не добрался. Кто из вас хочет счастья попытать, живую воду достать? А идти туда — за солнцем.

Сказала — и вон. А братья стали совет держать, кому за живой водой на волшебную гору идти. Заспорили они, каждому мать хочется спасти.

— Послушайте, — говорит средний брат, — бабка-ведунья сказывала: чтоб на ту гору взойти, храбрость нужна, а мне, бывалому солдату, смелости не занимать стать. Не раз на поле брани смотрел я смерти в глаза. Мне сам черт не брат. Ровно через неделю ждите меня с живой водой.

Простился с братьями солдат, взял острый меч и в путь за солнцем отправился.

День прошел, и два, и три, вот и неделя кончается. А солдата все нет и нет. Затревожились братья, в лес к бабке-ведунье побежали, спрашивают, куда их брат подевался.

— Не ждите его понапрасну, — отвечает ведунья-колдунья, — не воротится он больше домой. Камнем врос в гору и останется там на веки вечные.

Опечалились братья. Идут домой и по дороге спорят, чей черед за живой водой идти. Рассердился умный брат и говорит:

— Сиди, дурак, дома! Где тебе за живой водой идти. Уж если брату, бывалому солдату, не повезло, тебе и подавно не повезет. Без ума тут ничего не выйдет. А мне ума не занимать стать. Уж я-то знаю, как черта перехитрить. Брызну на него святой водой, он и отступится. Жди меня через неделю.

Простился с братом, взял кропильницу с кропилом и в путь за солнцем отправился.

День прошел, и два, и три, вот и неделя кончается. А старший брат будто в воду канул. Побежал младший брат в лес к бабке-ведунье и спрашивает, куда брат подевался.

— Не жди его понапрасну, — отвечает ведунья-колдунья, — не воротится он назад. Камнем врос в гору и останется там на веки вечные.

Опечалился младший брат. Да что поделаешь, слезами горю не поможешь. Прибежал он домой, котомку с хлебом взял, косу наточил, через плечо повесил и в путь за солнцем отправился.

Он и день идет, и другой идет. Три реки переплыл, три леса из конца в конец прошел и на третий день на закате солнца заколдованную гору увидел.

Стоит гора высоченная, вершиной в облака упирается, лесом черным ошетижилась. Дубы да сосны, буки да ели, точно великаны в гору лезут, друг дружку плечами подпирают. В прогалинах меж деревьями — терновник да шиповник колючий, трава ядовитая, камни огромные, скользким мхом поросшие. В чаще змей да ящериц, жаб да лягушек — видимо-невидимо. Змеи шипят, клубками свиваются: ужалить хотят.

Как туда идти, когда даже издали глядеть страшно?

Постоял вдовый сын, вспомнил мать неживую, собрался с духом и на гору пошел. Руки себе все изрезал, ноги искровенил. Змеи его обвивают, жалят, колючки одежду рвут, царапают, трава сама в рот лезет, ядовитым соком отравить норовит. А ему всё нипочем.

Много ли, мало ли шел, вдруг слышит, окликает его кто-то:

— Эй, погоди! Куда идешь?

Чуть было не обернулся вдовый сын, да вспомнил, что ему бабка-ведунья наказывала, и дальше пошел.

Вдруг, откуда ни возьмись, с левого бока — странник в куцем кафтанишке. Ростом невелик, с виду неказист.

— Здравствуй, приятель! — говорит этак вежливо и шляпу снимает. — Куда путь держишь?

— На гору! — отвечает вдовый сын.

— А зачем ты на гору лезешь?

А вдовый сын в ответ:

— Живой воды хочу зачерпнуть.

— Ну, тогда нам с тобой по пути. Я тоже за живой водой иду. Пойдем вместе.

— Пойдем, коли хочешь.

— Ты, брат, не туда идешь. Зачем сквозь чащу продираться, по камням карабкаться? Посмотри, вон, налево, какая дорога широкая да ровная.

Глянул вдовый сын налево, и впрямь — дорога, как стол, гладкая, улиткой в гору ползет.

— Пойдем, пойдем! — уговаривает его попутчик.

— Сам иди! А я напрямик пойду, — говорит вдовый сын: слова бабки-ведуньи крепко помнит.

— Пойдем!

— Отстань! — отрезал вдовый сын.

— Ну и сверни себе шею, дурак! — Странник в куцем кафтанишке закричал в бешенстве зубами, отскочил в сторону и исчез, будто его и вовсе не было.

Карабкается вдовый сын в гору. Вдруг по всему лесу гул пошел. Позади лай, вой, свист, точно за ним тысячная стая волков и собак гонится.

— Ату его! Ату! — науськивает их кто-то дьявольским голосом.

Яростный лай все ближе и ближе. Вот-вот его бешеная свора нагонит и в клочья растерзает.

Только хотел он обернуться, косой на них замахнуться, да вспомнил слова бабки-ведуньи и вперед шагнул.

В тот же миг не слышно стало ни треска, ни грохота, утих свист и лай. Только хохот — протяжный, оглушительный — прокатился по лесу, ветвями, точно ветер, зашелестел, и все смолкло.

Не успел вдовый сын опомниться, а тут новая беда!

В непроглядной тьме зарево вспыхнуло, будто солнце в неурочный час взошло. Посмотрел он наверх: полнеба пламенеет. Это лес горит, огнем полыхает. Огонь навстречу ему подвигается, растет, жаром палит. Деревья, как головни гигантские в печке, огнем пышут, искры мечут, друг на дружку валятся, путь ему преграждают.

Помертвел от страха вдовый сын. Ноги к земле приросли. Живьем в огне соришь, в пепел обратишься. Но вспомнил он мать неживую, страх одолел и в огонь-пламя кинулся.

В раскаленные угли по колено проваливается, от жара дыхание перехватывает, черный дым глаза ест, а он идет и идет напролом, никуда не сворачивает. Чуть живой из огненного ада выбрался.

Вышел вдовый сын из огня-пламени, посмотрел вверх, а вершина-то уже близко, рукой подать!

Отлегло у него от сердца.

Посмотрел в другой раз, радость померкла, в страх обратилась. Перед ним отвесной стеной скала до неба высится.

В третий раз посмотрел, у подножия скалы нору черную разглядел. Перед норой змей о семи головах спит, во всю мочь храпит.

Задумал вдовый сын дракона перехитрить, сонного убить. Да не тут-то было! Как услышал дракон чуждые шаги, встрепнулся, проснулся и на ноги вскочил. Все семь голов огнем палят, жаром пышат. Зарычал дракон — гора зашаталась. Зубами лякнул — лес застонал.

Вдовый сын острой косою семь раз взмахнул и все до единой головы сшиб. Поганое чудовище дух испустило, а головы в глубокую пропасть покатались.

Вот вполз вдовый сын в драконье логово. А там дым, темень, чад — дышать нечем. Встал он с трудом на ноги и пошел. Идет в потемках, в горле пересохло, пить хочется — страсть. Еле ноги бедняга волочит. А пещере конца нет.

Вдруг сбоку из расщелины яркий свет брызнул и дивным запахом повеяло. Чудно ему: откуда под землей солнечный свет? Подходит поближе — перед ним пещера, точно храм громадный, а в пещере сад красоты невиданной. Понизу травка майская зеленеет, розы и лилии цветут, дивным запахом дурманят. На траве-мураве деревья стоят, на них плоды румяные. Ветви под тяжестью их к серебряному ручейку клонятся. Парня голод, жажда донимают, но он отвернулся и дальше пошел.

Долго ли, коротко ли он шел, только опять из расщелины свет пробивается. Подошел он поближе, видит — грот, просторный, высокий, под сводом на золотой цепи золотая лампа горит. А вдоль стен поставлены кадки, сундуки, ларцы, полные золота, серебра, драгоценных камней.

Не позарился вдовый сын на богатство, отвернулся и дальше пошел.

Вот идет он, идет и вдруг слышит дивную музыку и пение, будто сто соловьев разом поют. Тут скала перед ним расступилась, распахнулись двустворчатые двери и засверкал золотом зал.

Посреди зала на мягком узорчатом ковре десять красавиц в прозрачных, как туман, одеждах под музыку танцуют и нежными голосами поют. Как увидели молодца, танцевать перестали, и та, что краше всех, к двери подбегает, улыбается ласково, белой ручкой манит, сладким голоском зовет.

Тут и святой бы не устоял, но вдовый сын вспомнил свою девушку — белую лилию, что в деревне осталась, глаза рукой заслонил и дальше ощупью побрел. Шел, шел и в железные двери уперся. Рукой до них дотронулся, они со скрежетом распахнулись, и вышел он из тьмы на свет солнечный, на самую вершину заколдованной горы.

Стоит он на вершине, дух переводит, кругом озирается. А тут все, как ему бабка-ведунья предсказывала: на голый, как ладонь, скале одно-единственное дерево растет, серебряными листочками звенит, словно на ста арфах разом играют. Из-под корней прозрачный родник течет, на верхней ветке золотой сокол покачивается.

Увидел молодца золотой сокол, крыльями взмахнул, золотыми перышками зазвенел, поднялся в вышину и исчез в облаках.

Вдовый сын из сил выбился, к говорящему дереву ползком ползет. Приполз, на голую скалу лег и к источнику припал. Пьет, и с каждой каплей сила в нем прибывает, раны затягиваются, заживают, словно и не было их.

Напился он вдоволь, на ноги вскочил и радостным взором на мир поглядел, что внизу раскинулся.

Раннее солнышко позолотило землю своими лучами. А на земле гор, полей, лесов, рек, деревень, городов — не счесть! И все такое яркое да пестрое, как на картинке. Сто лет глядеть будешь — не наглядишься.

Вдруг слышит вдовый сын, над головой крылья зашумели. Глянул — золотой сокол летит, в клюве кувшин золотой держит. И прямо к нему на плечо садится. Серебряные листочки зазвенели на дереве, и расслышал он такие слова:

Возьми-ка кувшин,
Возьми золотой,
Наполни кувшин
Живою водой.
Ветку мою
Сломай, не жалея
И отправляйся
Домой веселей.
Вниз по горе
Смело шагай,
В воду живую
Ветку макай.
Шаг ступи —
Водой покропи.

Как велело дерево, так он и сделал. Зачерпнул золотым кувшином прозрачную воду, отломил ветку и стал с горы спускаться. Шагнет, остановится, ветку в живую воду окунет и вокруг побрызгает.

И свершилось чудо! Где капля на камень упадет, там из камня живой человек встает, улыбается и за ним следом идет. Чем ниже спускается он, тем больше народу собирается. У подножия горы обернулся вдовый сын, а за ним толпа тысячная валит, точно войско на походе.

Со всех концов земли были тут знатные юноши, смелые воины, прекрасные царевичи, были и женщины, и старики, и дети. Увидел вдовый сын в толпе и двух своих братьев: солдата с мечом и органиста с кропилом.

Все крестьянина за избавление благодарят, верой-правдой служить клянутся.

Валит толпа, а вдовый сын впереди шагает. Идут они день, другой, а на третий приходят в деревню, откуда он родом.

Бежит вдовый сын к избушке, дверь открывает — и к постели, где мать третью неделю неживая лежит. Окунул ветку говорящего дерева в живую воду и той водой мать покропил. И в тот же миг старушка глаза открыла. Жива-здоровая, с постели встает, будто и не хворала вовсе. Добрый сын обнимает мать, радуется, а с ним и весь народ ликует, веселится.

Только два человека не радуются: два умных брата. Обидно им, что дурак живую воду раздобыл, а они, умные, не сумели. Не захотели они на братнино счастье глядеть. Тишком да молчком в чужую сторону ушли. А в чужой стороне своих умников хватает — никто старшего брата не почитает. И пришлось ему навоз на поле возить.

Среднему брату совсем не повезло: сложил он голову на чужбине.

Много ли, мало ли времени прошло — на месте убогой деревушки раскинулся большой и славный город. Посреди города замок высится.

Вдовый сын женился на своей девушке — белой лилии, и стали они в замке жить, добрые дела вершить.

Великаны и храбрый пастушок

Польская сказка

Пересказ Н. Подольской

Идет по дороге крестьянский сын, ноги в песке вязнут, терновник ветки колючие с обочины протягивает, за одежду цепляет, а дороге конца-краю нет.

Звать крестьянского сына Павлом, а матушка Павлушей кликала.

Куда он путь держит? Почему дома не сидит?

Нет у него дома, нет своего угла, негде ему голову приклонить. Матушки давно в живых нет, а отец весной занемог и помер.

Кроме хаты убогой, ничего у отца не было: ни клочка земли, ни скотины.

Вот и пришлось Павлу хату продать, крова лишиться и на вырученные деньги отца похоронить. Ведь за все платить надо: гробовщику — за гроб, могильщику — за могилу, ксендзу — за отходную молитву, службе^[9] за то, что землю святой водой окропил, звонарю — за звон погребальный.

Что за хату выручил — за похороны заплатил. И все-то его богатство — десять пальцев, с этими помощниками и отправился он работу по свету искать.

Вот дошел он до перекрестка, в какую сторону сворачивать, не знает. Сиротский хлеб везде горек. Постоял-постоял и надумал в город Ополе^[10] идти. Там князь, говорят, богатый.

У князей да графов, известно, полей, пастбищ, лугов столько, что ни за день, ни за два не обойдешь, а волов, овец, коз, гончих псов — не счесть! Вот и нужны им пахари, пастухи да псарии.

«Авось и для меня там работа найдется», — решил Павел и свернул на дорогу, что в Ополе вела.

Долго ли, коротко ли он шел и в высокую стену городскую уперся. Повезло ему. Нанялся он в подпаски, овец с ягнятами пасти.

На другой день, чуть только солнышко взошло, вывел его старый пастух на луговину, что к густому темному лесу спускалась, и говорит:

— Паси овец на лугу, до самой речки гоняй, а в лес смотри не пускай.

— Почему? — спрашивает Павел.

Нахмурился пастух, на лес с опаской поглядел и говорит:

— В лесу три великана живут. Меньшой до верхушки мачтовой ели рукой достает. Старшому самая высокая сосна по пояс. Нас, людей, великаны лютой ненавистью ненавидят. Увидят в лесу овец, поймают тебя и вместе с овцами, как букашек, растопчут — и следа не останется. Смотри в лес не ходи!

Вот высохла роса, и погнал Павел овец на пастбище. И, как пастух велел, в лес не заходит, по краешку пасет. В лесу трава — по пояс, сочная, густая, а на пастбище — чахлая, солнцем выжженная, скотом

вытопанная. А под соснами — земляники, будто кто полное лукошко красных бус рассыпал.

День проходит, другой...

Пасет Павел овец на лугу, но трава сочная и земляника красная так и манят его в лес. Вот и думает он: «Далеко в лес овец не погоню, а с краю, на опушке, пускай себе попасутся, сочной травы вволю поедят. А я земляникой полакомлюсь».

Погнал он свое стадо в лес. Овцы сочной травы вволю наелись, даже бока у них раздулись.

Стало солнце к закату клониться. Павел стадо в овчарню пригнал, а старый пастух и говорит:

— Уж не в лесу ли ты, сынок, овец пас? Больно бока у них круглые.

— Да нет... — не признается Павел. — В низине пас, возле речки.

Один раз сошло с рук, осмелел подпасок и перестал густого леса бояться. Каждый день пасет там овец, каждый день все дальше и дальше в лес заходит. И ни разу великанов не повстречал, а овцы возвращаются вечером, словно бочки, толстые.

«Небось выдумал старик про великанов, — думает крестьянский сын. — Неделю уже по лесу хожу, а о них ни слуху ни духу».

И осмелел подпасок еще больше.

Проходит неделя, другая...

Вот зашел он как-то со своими овечками подальше в лес. А там на поляне старый дуб растет, вершиной в облака упирается, корни на сто верст в земле раскинул, ветками красное солнце закрывает. Зашелестит листьями — по лесу шум идет, будто море разбушевало.

Овцы вокруг дуба пасутся, а Павел в тени сидит и горстями землянику ест. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел ветер, дуб ветвями закачал, листьями зашелестел, словно песню запел.

Заслушался Павел. А шелест и впрямь в слова складывается, в песню выливается:

Павлуш-ш-ша... Павлуш-ш-ша...

Навостри-ка уши
И тихонько слушай
Вещий голос мой,
Вещий голос мой.

Прихватив лопату,
Приходи сюда ты
В темноте ночной,
В темноте ночной,

И поглубже яму
Подо мною прямо,
Не робея, рой,
Не робея, рой.

Знай отныне тайну —
Меч необычайный
Спрятан подо мной,
Спрятан подо мной.

Долго под камнями,

Оплетен корнями,
Он хранился там,
Он хранился там.

Этот меч разящий,
Пламенем горящий,
Я тебе отдам,
Я тебе отдам.

Кто тот меч достанет,
Самым сильным станет,
Кто мечом тем рубит,
Великанов губит.

Рой порой ночью
Яму подо мною,
Но все делай сам,
Но все делай сам.

Этот меч разящий,
Пламенем горящий,
Я тебе отдам,
Я тебе отдам.
Павлуш-ш-ша... Павлуш-ш-ша...

Павла холодный пот прошиб. Значит, старый пастух не выдумал про великанов!

Глянул он направо, глянул налево и поскорей овец из леса погнал.

«Надо темной, безлунной ночки дожждаться», — подумал подпасок и стал ждать.

А ждать пришлось долго: на небе ярко светила полная луна. Но вот стала она всходить все позже и позже и, как серебряный шар, медленно перекатывалась с востока на запад. Наконец она начала худеть. Вот пропал у нее правый бок, словно его кто откусил. Худела, худела луна и превратилась в тоненький серпик, а потом и вовсе исчезла.

Высоко на небе мерцают звезды, а на земле темно.

«Пора», — решил подпасок, выскользнул потихоньку из овчарни и к темному лесу зашагал.

По знакомой дороге, по открытой луговине шагал смело, а в лес вошел, боязно стало. Каждое дерево притаившимся великаном кажется. Съежился Павел, от пенька к пеньку крадется, а у самого душа в пятки ушла... Что это — ель или нога злого великана? А это — корень из земли торчит или пудовый сапожище, который поднимется и раздавит его, как букашку?

В лесу темно и тихо, будто все вымерло, будто никогда солнце не взойдет.

Сердце у Павла колотится — вот-вот из груди выскочит, ноги подгибаются, а он крадется, за деревья хоронится. Весь в испарине добрался Павел до старого дуба, что одиноко посреди поляны рос.

И тут страх как рукой сняло. Словно дуб заступится за него, в обиду не даст. Выпрямился Павел, на руки поплевал и давай землю копать. Работа спорится. Видно, дуб корни в бок убирает, чтобы не мешали.

Выкопал Павел яму глубиной в полчеловеческого роста, смотрит — сверкнуло что-то. Копнул раз-другой — из-под земли рукоять меча показалась.

Ухватился за нее Павел двумя руками, ногами в землю уперся, поднатужился и вытащил огненный меч.

В лесу светло сделалось, будто солнышко выглянуло. Золотыми колоннами заблестали стволы деревьев. Кусты алым пламенем вспыхнули, листья осины затрепетали, замерцали, будто золотой дождь пошел. А старый дуб закачал ветвями и тихо зашелестел:

Кто мечом тем рубит,
Великанов губит.

Павел прикрыл меч полой сермяги[11] и к опушке заторопился. Не узнать парня: идет, не гнется, не спотыкается. Смело вокруг поглядывает да покрикивает дерзко:

— Ну-ка, выходи, силой хочу с тобой помериться!

Меч сквозь дырки светит, и по земле за Павлом золотая дорожка бежит.

На другой день пригнал Павел овец на поляну. Под дубом сидит, меч в руке крепко сжимает и по сторонам озирается.

Мало ли, много времени прошло, чует подпасок: земля заколебалась, загудела — не иначе, великан к дубу спешит. Так и есть! Видит Павлуша: две высоченные сосны через лесную чащу перешагивают, прямо к нему идут.

Только не сосны это, а ноги великаньи.

Вышел великан на поляну — голова выше дуба, глазищи с луну — да как гаркнет зычным голосом:

— Эй ты, червяк, чего в лесу моем делаешь?

А сам железной палицей[12] размахивает, длинной да толстой, как колодезный журавль.

Подпасок сжимает в руке огненный меч и дерзко великану отвечает:

— А ну, попробуй ударь!

Размахнулся великан — метнул палицу, а Павлуша в сторону отскочил. Зарылась палица в землю на три сажени[13]. Подпасок за спину великана забежал да как ударит мечом по пятке — выше не достал.

Пошатнулся великан, покачнулся, за две гигантские сосны руками ухватился, на землю рухнул вместе с ними и дух испустил.

Дивится подпасок: удар по пятке пришелся, а великан на земле бездыханен, мертв лежит. Видно, меч-то волшебный!

Павлуша смело по сторонам поглядывает да покрикивает:

— Эй, второй великан, выходи на бой! Выходите оба, второй с третьим, я вас зарублю!

Кричит и мечом размахивает. В лесу огненные молнии заблестали, золотыми пчелками листья затрепетали, по зеленым мхам светлые дорожки в лесной мрак побежали.

— А ну, выходи на бой!

Но в ответ только ветер шумит да птицы кричат.

На другой день пригнал подпасок стадо на лесную поляну. Стоит под старым дубом и ждет. От убитого великана только ложбина глубокая на земле осталась.

Мало ли, много времени прошло, опять из лесу великан выскакивает. Под ногами деревья, точно травинки, гнутся, камни, точно комочки сухой земли, в прах рассыпаются.

Этот железную палицу на плече несет.

— Это ты, червяк, моего брата убил? — закричал он так громко, что деревья к земле пригнулись.

Поднял железную палицу и в Павлушу метнул. Павлуша за дерево схоронился, а палица в дерево вонзилась.

Ухватил тут великан сосну за верхушку, выворотил с корнями да как завопит:

— Сейчас я тебя этой палкой пристукну!

Не стал Павел дожидаться, пока великан его столетней сосной ударит. Прошмыгнул между корнями вырванного дерева и огненным мечом проткнул подошву гигантского сапога.

Развалился сапог на части, земля кровью обагрилась, и второй великан на землю рухнул и дух испустил.

«Теперь один остался», — подумал Павлуша.

На третий день не успел подпасок в лес войти, как из-за деревьев великан выскочил и железной палицей в стадо метнул.

Полтора овец железная палица задела, полтора овец замертво на землю упали.

Увидел Павлуша мертвых овец, и такая ярость в нем забушевала, что позабыл он страх и на великана кинулся.

А великан нагнулся — палицу поднять, чтобы еще полтора овец уложить. Не стал тут Павлуша мешкать и огненным мечом великана по руке ударил. Брызнула кровь алой струей, и третий великан бездыханен, мертв наземь упал.

Убил подпасок последнего великана, и огненный меч погас. Видно, конец пришел его волшебной силе.

Павлуше и весело, и грустно.

Посмотрит направо, на освобожденный от великанов лес, и душа радуется. Теперь люди смогут смело в лес ходить. Ягоды, грибы, орехи собирать, деревья на постройку домов рубить, скот на травянистых полянах пасти.

А как налево, на мертвых овец, глянет — сердце сжимается. Лежат они неподвижно, точно камни.

Уткнулся подпасок лицом в землю и заплакал, как малое дитя.

— Ой, овечки мои милые! Никогда-то я вас не обижал, кнутом не стегал, камнями не подгонял. Как вернусь я без вас к старому пастуху? Что скажу ему?

Плакал он, плакал, а потом рассудил: «Слезам горю не поможешь, овец не оживишь. Надо пастбище получше поискать, а то они всю траву здесь подъели».

И погнал он овец под дубами да буками, под соснами да елями туда, где трава погуще, посочней, цветом позеленей.

Глядит подпасок на овец и дивится. Травы вдоволь, а они все дальше в лес бегут, на полянках не останавливаются, сквозь чащу продираются, через топи болотные по кочкам перескакивают.

— Стой! Стой!

Но где там! Не слушаются его овцы, бегут, будто их кто подгоняет.

Вот прибегают они на поляну. Вековые буки поляну подковой окружили, в древесные объятия дворец

беломраморный заключили. Дворец на солнце искрится, будто из снега слеплен.

Тут овечки остановились и к пастуху обернулись.

Сразу смекнул Павел, чей это дворец.

Поднимается он по широкой лестнице, во дворец заходит. А там покои, как костёлы, высокие! Двери, как ворота, широкие! Окна в оловянных рамах — как озера зеленые!

Всё тут великанам под стать: столы и лавки, полки и сундуки, кувшины и миски.

Выпил Павлуша молока из кувшина величиной с бочку, отломил кусок хлеба от каравая со стог целый.

Идет он большими покаями и видит — на стене охотничья сумка висит. Влез он на лавку, руку в сумку запустил и достал золотой рог. Для великанов рог небось в самый раз, а для него как полено — толстый да большой.

Вдохнул Павлуша побольше воздуха и затрубил в рог.

Тут двери распахнулись, и в горницу трубач вбегает в серебряном кафтане, с соколиными крыльями на шляпе.

Остановился он перед подпаском, руки по швам, и говорит:

— Приветствуем тебя, избавитель, злодеев-великанов победитель! Много лет ждали мы, когда этот миг настанет, и вот дождались.

Павел слушает и ушам своим не верит, а трубач дальше говорит:

— Три тысячи воинов томятся в подземелье. Держали нас злодеи-великаны в темной, тесной яме, как невольников. А ты вернул нам простор полей, солнечный свет, вольность крылатую. Отныне да будет тебе счастье и удача во всем!

Сказал, в рог затрубил, и сразу стук да гром в подземелье послышался. И вот по лестнице поднимается воинство. Валит и валит несметная рать перед изумленным Павлушей.

Радостно подпаску глядеть на эти чудеса, да только как вспомнит убитых овечек, лицо печалью затуманивается.

— О чем, крестьянский сын, печалишься? — спрашивает его трубач. — Горе нам свое поведай, авось да поможем тебе.

— Как же мне не печалиться? — говорит подпасок. — Третий великан полтора ста овечек убил. Резвились они на зеленом лугу, травку щипали, а теперь на опушке лежат неподвижно, как камни.

— Не горюй! Прежде чем солнышко над лесом поднимется, оживут твои овечки и сюда прибегут.

И приказал воину кувшин с живой водой взять и мертвых овечек окропить.

Поспешил воин на опушку, мертвых овечек живой водой окропил. Овечки мигом на ноги вскочили, отряхнулись от росы, радостно заблеяли и к стаду побежали.

До вечера паслись овцы на лугу возле дворца, а трубач с двумя воинами по всем покоем подпаска водил, сокровища и чудеса разные показывал.

Ходили они, ходили и пришли в подвал. Там под соломенным навесом — колодец, а в колодце не вода, а золото блестит-переливается.

Подхватили воины с двух сторон подпаска, головой в колодец окунули и снова на землю поставили.

А трубач из-за голенища медное зеркальце достает и говорит:

— Погляди на себя, крестьянский сын!

Посмотрел Павлуша в зеркало и оторопел. Вместо растрепанных, выцветших волос золотые кудри вьются.

На заходе солнца простился Павлуша с трубачом и воинами и погнал стадо домой.

А когда лесом шел, обмотал голову тряпицей, чтобы никто золотых кудрей не видел.

На скотном дворе поглядел старый пастух на овец и говорит:

— Видно, досыта травки овечки наелись, вон как бока-то округлились у них. Уж не в лесу ли ты их пас?

Подпасок ничего не ответил, смолчал.

— Ну что ж, коли тебя великаны не трогают, паси овец в лесу. А голову почему тряпкой обвязал?

— На сучок напоролся...

И с той поры так и повелось: овцы каждый день на лугу возле замка паслись, Павлуша с воинами в покоех пировал, а старый пастух перестал спрашивать, куда Павлуша стадо гонял и почему у него голова тряпкой обвязана.

Много или мало времени прошло, созвал опольский князь всех, сколько ни есть в его владениях, стекловаров и велел им стеклянную гору отлить. Высокую, как Чантория^[14], острую, как башенный шпиль, и чтоб она в Одре отражалась.

Вот стоит гора высокая, в голубой воде отражается, на солнце горит-переливается. И кликнул клич опольский князь:

— Кто три раза на коне до вершины доскачет, тому дочь в жены отдам.

Дочь у князя одна-единственная, и все богатство после его смерти ей достанется.

Быстро разнеслась об этом весть, и вот стали съезжаться к княжескому двору храбрые рыцари, знатные вельможи. Всем охота счастья попытать.

Да не тут-то было!

Под одним конь пал, другой шею себе свернул, третий вместе с конем погиб. С каждым беда приключилась, никто и до середины горы не доскакал.

Павлуша в тот день, как всегда, погнал в лес овец.

Вот приходит он в замок, а трубач ему и говорит:

— Поезжай-ка и ты, крестьянский сын, счастья попытать. Коня мы дадим тебе из конюшни великаньей. Для великанов кони-то малы были, держали они их для забавы, разным штукам обучали.

Вывели из конюшни вороного^[15] коня. Три статных молодца на плечи друг дружке станут — до седла не достанут. Вот какой конь! Сбруя на нем серебряная, и узда серебряная, и чепрак^[16] серебряный, и седло серебряное, а на подковах — шипы алмазные.

Нарядили Павлушу в кафтан парчи серебряной, приставили к коню лестницу, влез Павлуша на коня по лестнице и поехал.

Едет Павлуша лесом, а золотые кудри верхушки деревьев вызолачивают, будто второе солнышко светит.

Дивится народ, в стороны расступается — отродясь никто такого коня-великана не видывал.

Павлуша коня пришпорил. Конь подскочил — и до половины горы допрыгнул. Подскочил еще раз — и

до вершины достал. А с вершины одним прыжком на земле очутился.

Обрадовалась княжна. Бросила смельчаку рубиновый перстень, пастух тот перстень подхватил и в лес ускакал.

Пригнал Павлуша вечером овец, а старый пастух и говорит:

— Ох, было нынче на что поглядеть! Прискакал к стеклянной горе молодец на вороном коне, а конь с дом величиной!

На другой день воины вывели из конюшни коня в яблоках. Тот был большой, а этот еще больше! И все на нем золотое! И сбруя, и узда, и чепрак, и седло.

Нарядили Павлушу в кафтан золотой парчи. Кафтан золотой, кудри золотые — прямо загляденье!

Влез пастух по приставной лестнице на коня и поскакал к стеклянной горе.

В тот день никто даже до половины горы не допрыгнул. Никому охоты нет шею себе ломать.

Стоит народ, озирается: не приедет ли опять рыцарь на коне-великане? Всем любопытно узнать, кто он таков и откуда.

Как увидели коня в яблоках, а на нем всадника в золотом кафтане, гору кольцом окружили, клянутся-божатся, что коня за узду схватят и до тех пор не отпустят, пока рыцарь не скажет, кто он и откуда родом.

Пришпорил Павлуша коня. Конь прыгнул — и до половины горы доскакал. Скакнул еще раз — и до вершины достал.

Стоит Павлуша на вершине горы и видит — люди кольцом гору окружили, хотят ему дорогу загородить. Сделал он знак рукой: буду, мол, по правому склону спускаться. Откатилась толпа направо, а он с левой стороны прыгнул, перстень княжны на лету поймал, к лесу поскакал, и след его простыл.

Пригнал Павлуша вечером стадо, а пастух и говорит:

— Опять тот же смельчак приезжал. Только конь под ним был не вороной, а в яблоках. Хотели люди его поймать, да где там — в лес умчался, только его и видели!

— А до вершины-то он доскакал? — спрашивает Павлуша и загадочно усмехается.

— Как же! Два раза скакнул — и на вершине!

На третий день старик говорит:

— Надо и тебе к стеклянной горе сходить, на рыцаря поглядеть. Оставь овец в овчарне, дай им сена и пойдем со мной.

А Павлуша в ответ:

— Жалко летом сено переводить. Погоню-ка я их лучше на пастбище, а вечером расскажете мне, что да как.

— Вот глупый! — рассердился пастух.

Засмеялся Павлуша, выпустил овец из овчарни и погнал в лес.

Нынче по уговору последний, третий, день на гору скакать.

Нарядили воины пастуха в кафтан, алмазами изукрашенный. Конь под ним масти каштановой, весь алмазами убран, грива до колен, хвост до земли.

Едет Павлуша чистым полем, едет темным лесом, алмазы горят-искрятся — глазам смотреть больно.

Нынче князю с княжной узнать не терпится, кто этот смельчак. Нынче не уйти ему — воины тройной

цепью окружили гору.

Подъехал Павлуша к горе, коня пришпорил. Конь в облака взвился и доскочил до вершины.

Тут все зашумели, закричали:

— Держи его! Лови!

Конь копытами в гору ударил, и над цепью солдат по воздуху пролетел. Павлуша перстень княжны на лету поймал и в лес ускакал.

Пустил он коня во всю прыть. А в лесу, в кустах, притаился злодей. Задумал он Павлушу погубить и от князя награду получить.

Вот мчится Павлуша по дороге, а злодей из кустов выскочил и саблей взмахнул.

Только как он ни целился, как ни метил, а выше стремени не достал. Сабля сапог рассекла, оцарапала ногу, об алмазное стремя сломалась, а конец в подошве застрял.

Обмыли воины ногу ключевой водой, намазали медвежьим салом. Вмиг зажила рана, только чуть приметный шрам на коже остался.

Вечером старый пастух говорит Павлуше:

— Ну и дурак ты, что к стеклянной горе не пошел, на того рыцаря поглядеть не захотел. Он через тройную цепь солдат перемахнул и в лес ускакал. Только теперь не скрыться ему — ранили его в правую ногу.

...Сидит как-то вечером княжна и на дорогу глядит. А по дороге Павлуша овец с пастбища гонит. Вот княжна и говорит своей служанке:

— Любо-дорого смотреть, какие резвые да сытые овцы у этого пастуха! И никогда они у него не хромают, никогда он их кнутом не бьет. А ягнят, которые за стадом не поспевают, он на руках несет. Хороший пастух! Да видно, бедняк — сапоги на нем дырявые, стоптанные, шапки и той нет — голова тряпкой обмотана. Отнеси-ка ему три талера, пусть он себе шапку да сапоги купит.

Пришла служанка на скотный двор, Павлуше слово в слово передала, что княжна велела, и три талера ему подает.

Павлуша засмеялся, подбросил монеты. Ударились они друг о дружку, звякнули, а Павлуша внуков старого пастуха подзывает и приговаривает:

— Дзинь-ля-ля! Дзинь-ля-ля! Вот вам, ребятишки, бляшки-кругляшки, катайте их по земле, играйте!

Служанка увидела — за голову схватилась и побежала к госпоже с неслыханной вестью: этот оборванец три талера за деньги не считает, на землю швыряет!

День за днем идет, неделя за неделей. Князь с княжной ждут-поджидают рыцаря, что три раза на стеклянную гору въехал, а его все нет и нет.

Когда ждать стало неважно, призвал князь придворных звездочетов и говорит:

— Грош цена вашей мудрости, если не узнаете вы у далеких звезд, у солнца, у месяца, где тот рыцарь, что три раза на стеклянную гору въехал!

Разбрелись ученые по своим горенкам, а горенки у них — на высоких столбах, чтобы ни крыша, ни дерево, ни башня не заслоняли им звезды, луну и солнце, не мешали смотреть на облака да высчитывать, с какой быстротой бегут они по небу.

Три дня и три ночи смотрел на небо первый звездочет — измерял, высчитывал, рисовал, а на четвертый день пришел к князю и говорит:

— Милостивый господин, не чужой это человек, а ваш подданный.

Разослал князь придворных по всем городам и селам Силезии и велел смельчака среди рыцарей и шляхты [\[17\]](#) искать. Придворные искали-искали, да так ни с чем и воротились назад.

Семь дней и семь ночей смотрел на небо второй звездочет — измерял, высчитывал, рисовал, а на восьмой день явился к князю и говорит:

— Милостивый господин, человек этот при вашем дворе служит и ваш хлеб ест.

Тут велел князь учинить допрос челядинцам, воинам, стражникам, но и среди них не оказалось смельчака.

Девять дней и девять ночей смотрел на небо третий звездочет — измерял, высчитывал, рисовал, а на десятый день к князю пришел и говорит:

— Милостивый господин, человек этот не шляхетского рода, а простой работник и все свое состояние на похороны отца истратил.

Стали среди скотников, землепашцев, портных, башмачников искать — и не нашли.

Много ли, мало времени прошло — сидит как-то княжна у окошка и на дорогу смотрит. А по дороге Павлуша овец с пастбища гонит. Глянула княжна на Павлушу и опрометью кинулась к отцу:

— Батюшка, а подпасок?

— Какой подпасок?

— Подпаска спрашивали?

Вспомнил тут князь самого бедного своего слугу. Не раз видел он, как бредет подпасок за стадом в рваных сапогах, с головой, обмотанной тряпкой.

Вспомнил и засмеялся.

— Если хочешь, — говорит, — спрошу у старого пастуха.

— Спроси, батюшка, спроси!

Послали за пастухом. Удивился старик, встревожился: не часто ведь такую мелкоту в замок к самому князю зовут.

— Скажи, старик, — спрашивает князь, — а про помощника твоего, про подпаска, не забыли, когда смельчака искали, который три раза на стеклянную гору въехал?

— Чего дурака спрашивать? Он даже поглядеть на коня-великана и то не захотел. А талеры, что ему княжна пожаловала, ребятишкам для забавы швырнул. Дурак он, каких свет не видывал.

— Так-то оно так, но во всем должна быть справедливость, — сказал князь и послал трех придворных в овчарню.

Идут придворные на скотный двор и смеются.

— Ну и кавалера выбрала себе княжна! — говорит один.

— Не иначе, парша [\[18\]](#) у него на голове, недаром он ее тряпкой обмотал, — молвит другой.

— Вот сорву я с него эту тряпку, тогда посмотрим, что он делать станет! — пригрозил третий.

Заходят они в овчарню, останавливаются перед подпаском и спрашивают:

— Не ты ли три раза на стеклянную гору въехал?

— Я, — как ни в чем не бывало говорит Павлуша.

Двое придворных так и покатались со смеху, а третий разгневался, ногами затопал.

— Я тебе, паршивец, покажу, как с княжной шутики шутить! — закричал он и сорвал у подпаса с головы тряпку.

Золотые кудри по плечам рассыпались, и в овчарне словно жаркое пламя вспыхнуло. И сразу точно ослепли все, будто онемели, слова сказать не могут. Стоят как неживые. А Павлуша и говорит:

— Мало вам этого, могу еще кое-что показать. Приподнял сноп соломы, что подушкой ему служил, и достал оттуда три перстня: рубиновый, изумрудный и бриллиантовый — три подарка княжны.

Хочешь не хочешь, а пришлось поверить.

Бегут придворные со всех ног в замок и кричат:

— Смельчак нашелся! Жених объявился! Привели Павлушу с почестями в замок.

Князь с княжной на троне сидят, вокруг вельможи, рыцари знатные, господа толпятся, а напротив на лавке, узорчатым ковром покрытой, примостился подпасок в рваных сапогах, в сермяге латаной-перелатаной, с золотыми кудрями до плеч.

— Расскажи нам, храбрый рыцарь, как ты героем стал?

И Павлуша рассказал:

про дуб говорящий,

про меч огненный,

про великанов,

про замок в лесу,

про воинов из подземелья,

про коней-исполинов,

про богатства несметные, что в сокровищницах лежат и теперь ему, подпаску, принадлежат.

Князь знак подает, все на коней садятся и в лес едут. А в лесу по сказанному как по писаному: замок стоит, воины с оружием полководца ждут, в сокровищницах — богатства несметные, в конюшне — кони-исполины.

Не стали тут ждать — справили шумную свадьбу. Гости так плясали, что потом три месяца хромали, а народ целый год только о свадьбе и толковал.

Дар Черного Лешего

Польская сказка

Пересказ Н. Подольской

Жил-был в одной деревне бедный крестьянин. Как ни бился, ни трудился, не мог он со своей семьей прокормиться. Вот и прозвали его соседи Горемыкой.

Достался ему от отца земли клочок, да какой от него прок? Слева — болото, справа — песок, даже вереск^[19] и тот не растет, только посередке узенькая полоска землицы, вся в яминах да камнях. Какой уж тут достаток!

Вот отправился как-то осенью мужик свою полоску под озимые пахать. Конь — кожа да кости, еле тащится, выщербленный лемех по камням скрежещет. У мужика по лбу пот градом катится, словно в знойный июльский полдень. А на дворе мелкий холодный дождик моросит, даль мглой затянуло, как по осени бывает.

Пашет, пашет мужик. Умаялся, живот совсем подвело. Отдохнуть бы да хлебушка пожевать, что за пазухой спрятан. «Нет, — думает, — поработаю до полудня без отдыха».

Работа спорится, когда сила есть. А у бедного мужика сил мало, и голод его донимает. Куст шиповника отдохнуть манит и от дождя укрыться. Приостановился мужик, краюшку из-за пазухи вынул, оглядел, понюхал. «Может, съесть? — думает. — Хлебушек добрый, из чистой ржи, хоть и черствый, а корочка вкусно пахнет... Только солнышко еще низко, до полудня далеко... Съем краюшку сейчас — до вечера не дотяну. Нет, обождать надо. Положу-ка я лучше хлеб на межу под куст: пускай не соблазняет».

Обернул краюшку льняной тряпицей, чтоб сырость осенняя не пропитала, и с тяжелым вздохом положил под куст на межу. Пашет он и не глядит по сторонам: ни налево, ни направо — ни на песок бесплодный, ни на болото топкое.

А за болотом и вовсе трясина бездонная, и водилось там леших видимо-невидимо.

Зеленый Леший к себе в топь заманивает. Ухватится жабьими лапищами за колеса — они по ступицу в трясине увязнут. Большущей зеленой жабой прыгает перед конскими мордами — кони в сторону шарахаются, упряжь рвется, телега ломается, а измученные, перепуганные люди плутают до рассвета, дорогу ищут.

Жил там и Синий Леший. Этот по протокам, по ручейкам из болота в реки и озера выплывает. Сети у рыбаков рвет, рыбу распугивает! А то плотину прокопает, воду спустит, и водяная мельница останавливается.

Рыжий Леший болотную лихорадку на людей напускает.

Но отчаянней всех Черный Леший. Только он отваживается среди бела дня из болота вылезать, по окрестным полям скакать, в хаты заглядывать да высматривать, что бы ему натворить, как навредить людям, горе-беду наслать на них.

Вот вылез Черный Леший из трясины, за кустом шиповника притаился. Луп-луп глазищами, озирается, что бы такое выкинуть, себя, Лешего, потешить.

Видит: мужик из-за пазухи хлеб достал, со всех боков оглядел, в тряпицу льняную завернул и со вздохом под куст положил на межу. А сам опять за соху взялся.

Только мужик спиной к Лешему повернулся, Леший краюшку схватил и шмыг в кусты. Сидит и ждет, что будет. Мужик покражу обнаружит, ругаться небось станет, вора проклинать да их, чертей, поминать. Вот потеха!

Тут солнышко из-за туч выглянуло, весь свет позолотило, короткие тени легли на мокрую землю от деревьев и кустов.

Пахарь из-под ладони на небо глянул, вздохнул с облегчением: вот и полдень, время червячка заморить. Вывел он коня на межу — пусть попасется, а сам к кусту зашагал, где хлеб схоронил. Подходит, а хлеба-то нет, одна тряпица на земле белеет. Мужик глазам своим не поверил. Что за напасть?

— Кто ж это на хлеб мой позарился? Меня, горемыку, без еды оставил? Не иначе шел мимо человек еще бедней меня. Пусть ест на здоровье!

Оторопел Черный Леший. Вот чудак! Не ругается, не проклинает, чертей не поминает. А коли так, никакой радости от проделки нет. Чуть было не подбросил он хлеб обратно под куст, да спохватился: негоже им, лешим, людей жалеть. Коли напраказил, так тому и быть. У них тоже свое бесовское достоинство есть.

Леший загоготал злобно, топнул козлиными копытами, тряхнул козлиными рогами и умчался прочь — в болото.

А там, в глуши непроходимой, где нога человеческая не ступала, на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, сидел Водяной — старшой над всей нечистью.

Развалился Водяной на троне из ивовых прутьев и дремлет — разморило его осеннее солнышко. На нем кафтан богатый, из тростника сотканый, на лысине — камышовый веноч, лицо зеленью отливает; из себя он огромный, пузатый.

Дела он все справил: леших да бесенят в разные стороны разослал — козни дьявольские строить, добрым людям вредить.

Остановился перед ним Черный Леший. Водяной один глаз открыл и спрашивает:

— Зачем пожаловал?

— Да вот украл я у бедняка краюшку хлеба, — проскрипел Леший, — думал, он ругаться станет, нас, чертей, поминать...

— Ну и что? — встрепенулся Водяной. — Проклинал?

— Нет. Здоровья пожелал тому, кто хлеб его съел.

— Здоровья, говоришь, пожелал? — Водяной покачал головой, большущей, как дыня. — Закрома у него небось полнехоньки. Что ему кусок хлеба!

— Какое там! Во всей округе бедней его не сыщешь. С хлеба на квас с семьей перебивается. Теперь до самого вечера крошки во рту не будет.

Услыхал это Водяной, брови насупил да как рявкнет:

— Ах ты негодяй! Иль ты забыл, что лешие и бесы тоже свою честь блюсти должны? Последний кусок хлеба украл у бедняка? К богачу небось потрудней в сундук залезть. Стыд и срам! Пусть люди бедняков

обижают. Беги что есть мочи и положи хлеб, откуда взял.

— Да как же я положу его? — захныкал Леший. — Раскрошился он весь, а крошки птицы склевали.

Водяной приложил палец к носу и задумался.

— Не можешь отнести хлеб — службу ему сослужи. В работники к нему наймись. Послужи мужику верой-правдой да через три года возвращайся. А до того и на глаза мне не показывайся!

Делать нечего. Водяного, что над всеми бесами и лешими старшой, никто послушаться не смеет. Выскочил Черный Леший из топи болотной, оземь ударился, в пригожего малого обратился и к мужику подходит.

Солнце уже за дальним лесом схоронилось, и голодный мужик домой собрался.

Еле волочит он ноги, лошадь спотыкается, соха на камнях, на выбоинах подпрыгивает. А у мужика сил нет ее придержать. В глазах темно от голода и усталости.

Тут подходит к нему незнакомец. Глаза зеленые, точно лесные озера, волосы, как вороново крыло, черные, над алыми губами темные усики топорщатся, лицо румяное — парень кровь с молоком!

Залюбовался мужик парнем, а что глаза у него злым огнем горят, этого он не заметил.

Незнакомец соху за рукоятки ухватил и говорит:

— Давайте-ка я вам помогу, хозяин!

Свистнул парень, и лошадь, будто дотронулись до нее волшебной палочкой, встрепенулась, заржала весело и помчалась домой. Ни дать ни взять молодой жеребец! Мужик диву дается.

— Наймите меня в работники, — молвит парень.

Еще пуще удивился мужик:

— Какая тебе корысть к бедняку наниматься? Мы и сами-то впроголодь живем, а тебе еще платить надо...

А тот в ответ:

— Не надо мне никакой платы. Не гоните меня и в накладе не останетесь.

И просил он так настойчиво, что мужик даже испугался малость. Почем знать, кто он, этот пришелец? Может, разбойник, что от справедливой кары прячется, безопасное убежище ищет? Прогонишь его, он еще мстить станет. «Лучше не перечить ему», — решил бедняк и говорит:

— Ну что ж, поживи недельку, а коли понравится, насовсем оставайся.

Так поселился Леший у мужика. Первым делом стал он коня в силу приводить: скребницей чистит, отборным овсом кормит, ключевой водой поит. А откуда он овес брал, мужику невдомек.

Недели не прошло — коня не узнать, словно подменили его. Бока округлились, шерсть блестит, грива расчесана. Идет-пританцовывает, ровно девица на свадьбе. День-деньской без усталости работает, а в телегу запряжешь — так и рвется вперед, вожжи не удержишь.

Соседи диву даются. Откуда у мужика такой конь? Купить — не купил, потому что гроша ломаного у него нет. Обменять — не обменял: кто ж без обмана его клячу возьмет, а он хоть и бедный, но честный мужик. Да и масть у коня та же, и шрам на спине. Чудеса! А может, колдовство?

Привел батрак коня в силу, за корову принялся. По обочинам, по придорожным канавам ее пасет, траву посочней косит. Возвращается корова с пастбища — вымя у нее что твое ведро.

Пьют мужиковы ребятишки молока вволю. Побелели они, потолстели. Чирикают весело, как воробьи, когда солнышко пригреет.

«Хороший батрак, усердный, — думает мужик. — Хлеба ест мало, а работает за семерых».

— Оставайся у меня, живи, — говорит он Лешему. — Мне такой работник надобен.

Обрадовался Леший. Не то несдобровать бы ему. Как покажешься на глаза Водяному, приказа его не выполнивши! У нечисти на этот счет строго!

Прошло сколько-то времени, и вот говорит батрак мужику:

— Пора поле под озимую пшеницу пахать, не то поздно будет.

А мужик в ответ:

— Да я уже полоску запахал и рожь посеял. Надо ведь и под картошку клочок поля оставить.

— А вон тот кусок возле болота разве не ваш?

— Мой-то мой, да толку-то что, — со вздохом говорит мужик. — Кочки да мхи пахать не станешь.

— Давайте я попробую.

— Лошадь не осилит.

— У меня осилит. А зерно для посева я сам раздобуду.

Согласился мужик. Пускай этот чудной батрак поступает по своему разумению. Коли он сам зерно достанет, значит, убытка в хозяйстве не будет.

Распахал Леший болото. А ночью у всех хомяков в округе кладовые обчистил и к полевым мышам в норки заглянул. Писк, плач поднялся — за десять верст [\[20\]](#) слышно! Приволок Леший мешок пшеницы — ну прямо чистое золото! — и засеял поле.

Увидели это соседи, от смеха животы надорвали.

— Вот дурак! Зерно в болото швыряет. Уж лучше бы жабым пометом засеял, хоть жабы развелись бы.

Смеются соседи, пригорюнился хозяин. А батрак знай свое дело делает да помалкивает.

Пришла зима. Землю сковал лютый мороз. Зато весна настала на редкость дружная, теплая. А летом — сушь да зной! Самые старые старики такой жары не припомнят.

Солнце жжет огнем, палит. Напрасно канюки жалобно кричат — дождя просят. Земля потрескалась, трава на лугах пожухла-пожелтела, поля покрылись толстым слоем пыли, колоски печально поникли.

А у мужика на болоте пшеница стеной стоит, налитые колосья к солнцу тянутся. Пришло время, сжали пшеницу. Урожай собрали сам-сто.

Насыпал мужик полнехонек амбар: и на хлеб, и на семена хватит, да еще на продажу останется. И хотя несуразной цены он не заламывал, а все же и в кубышку малую толику денег отложил.

На батрака он со страхом, с почтением поглядывает. А тот работает себе да посвистывает как ни в чем не бывало.

Вот настало время поле пахать, батрак и говорит мужику:

— В этом году пески пахать будем.

— Пески? Да там испокон века не росло ничего — ни былинки, ни травинки.

— У меня, хозяин, вырастет.

Не стал ему перечить мужик — знал: парень он проворный, башковитый. А соседи опять до упаду хохотали, когда мужик с батраком выехали пустошь пахать.

Запахали, посеяли, забороновали, управились и стали ждать.

В том году лето выдалось дождливое: ни клочка голубого неба, ни солнечного лучика. Серые струи дождя уныло плещут по лужам, барабанят по крышам, текут по размокшим дорогам — ни пройти ни проехать.

Поле мужика, что в низине, озером разлилось. Хлеб сгнил на корню, а на пустоши пшеница уродилась на диво. Опять собрал мужик урожай сам-сто.

Не смеются больше соседи, не до смеха им. «Откуда батрак знает, дождь будет или ведро?» — гадают они.

На третью осень вышел как-то ночью батрак и давай с болота на пустошь грязь носить, а песок с пустоши на болото. Огромный кус поля осушил, огромный кус удобрил. Теперь у мужика вся земля пахотной стала, для сева пригодной. Засевай да урожай собирай.

Каждому ясно: такая работа не под силу человеку. Проснулся утром мужик, увидел, что батрак сделал, сплунул потихоньку, перекрестился и ни о чем больше его не спрашивал. Стороной обходил и с опаской поглядывал.

А батрак сложа руки не сидит. Пшеницу, рожь, ячмень посеял, картошку посадил. Хватило места и для капусты с горохом. Урожай по осени собрали невиданный.

Полон у мужика амбар, полон овин. И никакой он теперь не Горемыка, хотя соседи по старой памяти его так называют. Одежда на нем исправная, лицо гладкое, румяное. А ребятишек с женой и вовсе не узнать, будто и не они это.

Время идет, и третий год уже на исходе.

Настала лунная сентябрьская ночь. Месяц высоко на небе висит и заливает землю потоками голубого света, да такого яркого, что малюсенький самый гвоздик на дороге разглядишь, зато привычных предметов не различишь — до того свет этот обманчив.

Вот вышел батрак в глухую полночь на порог, оземь ударился, в Лешего обратился и к топи-трясине помчался.

А там меж ивами и ракетами, меж зельем болотным, на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, пляска, гульба — дым коромыслом! То нечисть разная: кикиморы да русалки, лешие да бесы, упыри да оборотни хороводы водят, скачут, визжат, по-собачьи брешут, гогочут. А над головами у них огни болотные, точно венки огненные.

Водяной на трухлявом пне сидит, на дудочке наигрывает — лягушачьими лапами перебирает, на серебряную луну любит. Остановился Черный Леший перед ним, поклонился до земли и говорит:

— Вот и я! Кончилась моя служба. Верой-правдой послужил я мужику три года.

— Коли так, оставайся с нами! Ступай попляши, пока луна не померкнет, пока небо на востоке не зарумянится.

Но Черный Леший к месту пристыл, в затылке чешет, с копытца на копытце переступает.

— Чего тебе надобно? — спрашивает Водяной.

— Всемогущий господин и повелитель! Помог я мужику из нужды выбиться. Украденный кусок хлеба

стократ ему вернул. Так и оставить мужика в довольстве, в достатке?

— А чего же ты хочешь?

— Подшутить над ним малость на прощание.

— Смотри только, чтобы вся работа насмарку не пошла.

— Не бойся!

Хлопнул Водяной в зеленые ладоши и закричал зычным голосом:

— Эй вы, бесы, лешие, идите-ка сюда!

Сбежалась к трухлявому пню вся нечисть. В кучу сбились, шеи вытянули, ждут, что старшой скажет.

Так и так, говорит он им.

— Дозволь ему над мужиком подшутить! Дозволь! — завопили, заверещали, заржали бесы, лешие, кикиморы.

Водяной ударил себя по зеленой ляжке и говорит:

— Ладно! Будь по-вашему! Недаром мы нечистой силой зовемся, значит, наше дело козни строить, проказить, людей пугать. Сыграй шутку со своим хозяином. Да смотри чести нашей бесовской не посрами!

У Черного Лешего глаза так и загорелись:

— Не бойся, не посрамлю!

До рассвета плясал и пел Леший со своими. Плясал до упаду, пел до хрипоты. А когда на востоке заалела заря, стукнул козлиным копытцем об землю и полетел напрямиком к хате мужика.

А мужик спит себе спокойно и ни о чем не подозревает.

Наутро говорит ему батрак:

— Служил я тебе, хозяин, верно и платы никакой не требовал. А теперь давай рассчитаемся, в путь мне пора.

Мужик рад от батрака избавиться.

— Правда твоя, преумножил ты мое добро. Говори, сколько тебе заплатить?

— Ни много ни мало — меру ржи.

Удивился мужик:

— А на что тебе зерно? На себе ведь ты его не потащишь?

Батрак смеется в ответ:

— Насыпьте зерно возле печки да котел побольше дайте. Стану зерно варить.

— Зерно варить? И что же получится?

— Увидите.

Принялся батрак за дело. Залил зерно ключевой водой из такого ключа, что никогда петушиного пения не слыживал. Варил, парил, цедил, доливал, переливал и никому через плечо заглянуть не позволил.

Долго ли, коротко ли, приглашает батрак хозяина к столу. На столе бутылка, а в ней словно вода прозрачная, только запахом острым в нос ударяет.

— Что это? — спрашивает мужик.

Батрак скалит белые зубы и говорит:

— Питье такое.

— Отродясь такого не видывал: ни квас, ни мед, ни пиво!

— Чего понапрасну глядеть — глазами не распробуешь. Глотните-ка!

Попробовал мужик и скривился: горько и язык жжет.

— Да вы побольше выпейте, — уговаривает батрак.

Мужик отпил и сплюнул с отвращением:

— Тьфу, гадость!

Приуныл батрак: неужто шутка не удалась?

— Не угодил, значит? Не по вкусу мое угощение? Глотните, хозяин, еще разок, сделайте одолжение!

Выпил мужик стаканчик, выпил другой. В голове у него зашумело, хата ходуном заходила. Чудится мужику: стены рухнут, насмерть задавят. Хочет он встать — ноги не слушаются. Слово молвить хочет — язык заплетается. А батрак захохотал да так на мужика глянул, что у того мурашки по спине побежали. Догадался он, кто у него в батраках служил три года, и с горя третий стакан выпил. Выпил и под лавку свалился.

Загоготал глумливо Черный Леший, остатки варева по бутылкам разлил, выскочил в окно и был таков!

Проспал мужик под лавкой до вечера, проснулся — на душе тоскливо, свет белый не мил. А увидел бутылки на столе, словно клещами к ним потянуло.

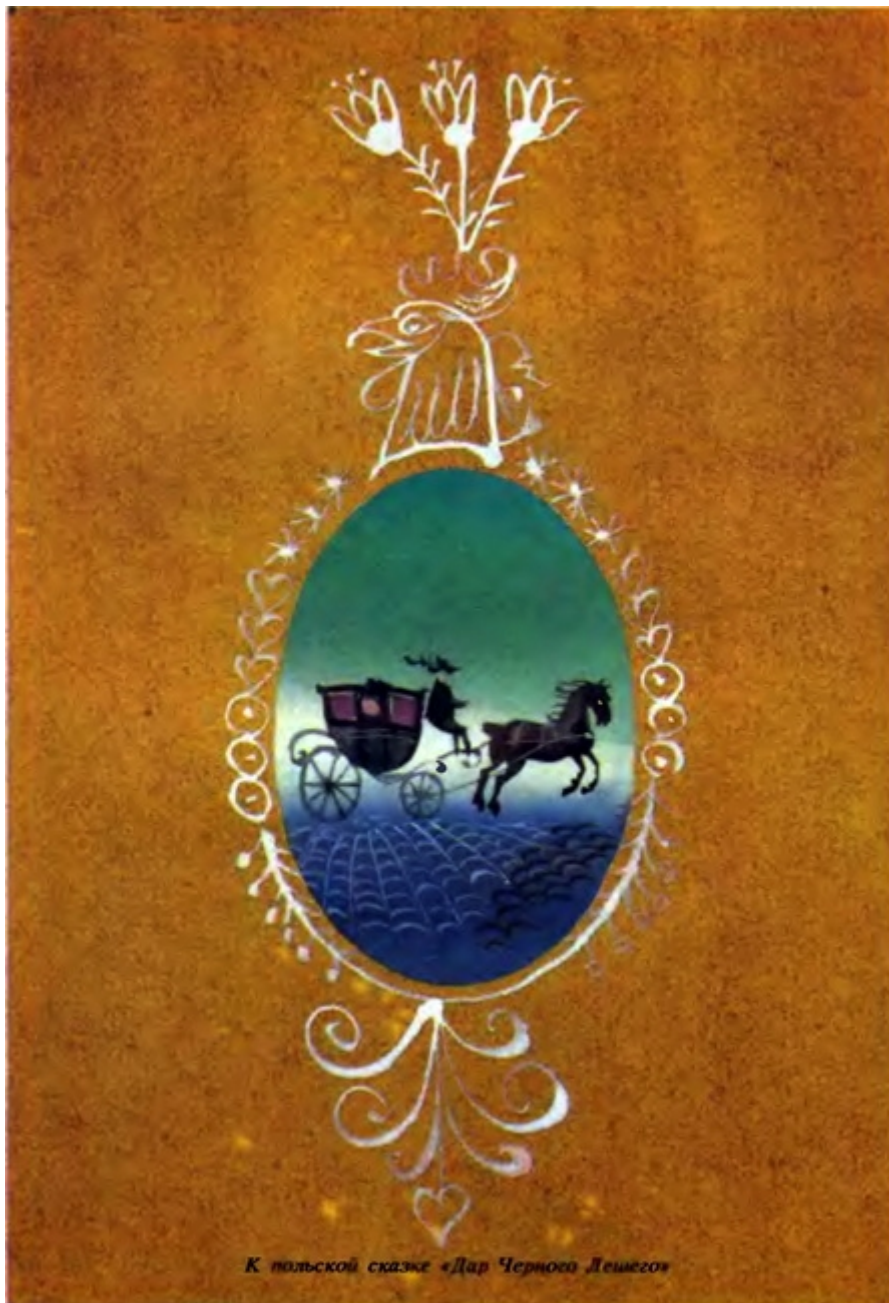
Встал он, соседей позвал и всю ночь потчевал их дьявольским зельем.

С той поры обеднели крестьяне. Работа у них не спорится, из рук все валится. Да и как работе спориться, если они каждую ночь к бутылке прикладываются, а наутро с больной головой встают.

И пошло у мужика прежнее горемычное житье: опять бесхлебица, бессолица, в доме раззорица.

Вот какую злую шутку Черный Леший с мужиком сыграл.

К польской сказке «Дар Черного Лешего»

Чешские сказки

Кот, баран и петух

Чешская сказка

Перевод И. Ивановой

Жил у крестьянина кот, только вот хозяйка, Веруна, сильно невзлюбила котика, била, трепала, есть совсем не давала. Не вытерпел котик и говорит:

— Коли ты такая злая, теперь сама лови мышей.

И ушел из дома.

Идет он по лесу, а навстречу ему баран.

— Здорово, башка, куда путь держишь? — спрашивает кот.

А баран ему отвечает:

— Куда глаза глядят. Мой хозяин так обижал меня, все попрекал, что от меня ему один убыток, а пользы никакой. Вот и пускай теперь сам о ягнятах хлопочет и овец водит.

Пошли они вместе, кот и баран, а навстречу им петух. Они и спрашивают его:

— Куда путь держишь, петушок?

— Куда глаза глядят, — отвечает петух. — Хозяйка меня не кормит, каждой крохой попрекает, все только курочкам дает, а я, говорит, и яиц-то не несу, и пенье мое ей докучает. Ну, а красотой моей ей любоваться некогда. Я и ушел от нее. Пускай сама теперь о цыплятах хлопочет, кур водит да от ястреба оберегает.

Пошли дальше втроем — кот, баран и петух. А дело-то к вечеру, надо и о ночлеге подумать. Петушок тогда и спрашивает:

— Где же мы, братцы, будем ночевать?

Баран говорит:

— Неподалеку отсюда избушка есть, в ней и заночуем.

Котику и петушку боязно стало, потом все же согласились.

Баран и петух говорят:

— Котик, наш братик, страшно ведь, пожалуй, в избушке ночевать, ты ведь у нас самый умный и ловкий, ступай-ка проведай, кто там в избушке живет?

Котик побежал к избушке, весь двор обежал, все закоулки оглядел, в хлеву и в сарае побывал, видит: все как следует быть, везде порядок, а никого нет. Побежал он, позвал барашка с петушком в избушку. Вот

вошли они. Котик на очаге в теплой золе растянулся, петушок на шесток над печкой вскочил. А барашек улегся посреди горницы.

А в той избушке разбойники жили.

В полночь вернулся один из них домой. Заходит на кухню, хотел было в очаге огонь развести, а кот как цапапнет его по лицу, разбойник со страху так и брякнулся. Потом вскочил — и в горницу, а там баран его на рога поддел да и шмяк об пол, а петух с шестка как закричит:

— А ну подкинь его повыше, я ему шею сверну!

Разбойник вконец перепугался, подхватил кафтан — и скорее в окошко, на дворе уток и гусей всполошил, они и давай крякать да гагакать.

— Так, так, так его! — кричат утки.

А за ними и гуси:

— А-га-га, бей! А-га-га, бей!

Умный котик и говорит товарищам:

— Пойдемте отсюда, братцы, вдруг нагрянут дружки разбойники, тогда мы пропали!

Послушались его петух и баран. И правильно сделали. Только они ушли, заявили в избу двенадцать разбойников, все закутки обыскали, весь двор обшарили, да так никого и не нашли.

А кот, баран и петух идут-бредут дорогою. И взяла барашка тоска, он и говорит:

— Не вернуться ли нам, братцы, к нашим хозяевам? Поглядим, каково им без нас живется, может, они подобрели?

И вернулись они каждый в свой дом. Котик побежал в амбар^[21] и сразу поймал мышку, она там в ларе с мукой хозяйничала.

Увидала кота хозяйка Веруна, обрадовалась:

— Здравствуй, котенька, где же ты пропадал? Без тебя проклятые мыши проказят, того и гляди, нас с дедом съедят. Ты, верно, голодный. На вот мисочку молочка! Попей! Теперь я, как стану коровушку доить, непременно тебе молочка наливать буду, только уж ты, пожалуйста, не убегай от нас, живи.

Котик подумал-подумал и говорит:

— Что ж, я не прочь. Так-то неплохо жить.

И пошел ловить мышей.

А тем временем пришел хозяин барана в овчарню, смотрит, нашелся пропащий баран. Обрадовался он и спрашивает:

— Где ты так долго бродил? Хорошо, что домой вернулся, без тебя у меня ни ягнят, ни овец, ни шерсти, ни тулупа не будет. Ну, уж теперь я тебе стану всегда овса подсыпать, только, пожалуйста, не убегай от меня, живи.

Барашек отвечает:

— Ну что ж, я не прочь. Так-то можно жить.

И остался в овчарне.

Пошла хозяйка петушка в курятник, смотрит, а он там, пропащий. Похвалила она его, что домой вернулся, и говорит:

— Дорогой ты мой, без тебя у меня ни яиц, ни цыплят бы не стало, без тебя я за курами не услежу. Ты, уж пожалуйста, больше не уходи, живи.

Принесла ему крупы, пшеницы насыпала, обещалась каждый день так кормить.

Петушок обрадовался, закукарекал:

— Что ж, я не прочь. Так-то можно жить.

И остался в курятнике.

Ведь у всякого свое дело. Но зато и плата должна быть по делам.

Почему собаки лают на кошек и почему кошки изводят мышей

Чешская сказка

Перевод И. Ивановой

У еловек, господин над всеми живыми твореньями на свете, разрешил собаке провожать его в дороге, сторожить дом и хозяйство и при всяком деле помогать. Собаки немало гордились этими правами, а кошки им сильно завидовали. И тогда созвали кошки совет и решили отнять у собак эти права. Как порешили они, так и сделали. Улучили случай, выкрали грамоту с собачьими правами, записанными на пергамене[22], и в кладовой под кучу ветоши запрятали.

А мышь, промышлявшая в кладовой чего б перекусить, пергамен нашла и с радостью к сестрам своим побежала сказать, какую важную грамоту она отыскала. Собрались тут и мыши на свой совет, судили, рядили, как бы и им такие права заиметь, да никак столкнуться не могли, и тут самая старшая мышь встала и говорит:

— Милые мои сестры, я так думаю — давайте съедим пергамен с важными теми правами, вот они при нас и останутся, и никто их у нас не отнимет. Лучшего и придумать нельзя.

Мыши обрадовались, согласились и тотчас знатный пир устроили, все привилегии собачьи до последнего кусочка съели.

Прошло время, собрался и собачий совет, хранителя пергамена попросили предъявить его славному собранию для обозрения. Деваться некуда, признался хранитель, что драгоценный пергамен выкрали кошки, ему об этом точно известно. Напустились собаки на кошек, чтобы они добром собачьи права вернули. Поначалу кошки отпирались, а уж когда собаки насели на них, обещали пергамен отдать. Полезли они в кладовую, а пергамена нет как нет. Тут уже кошки наседать стали на мышей, мол, к потаенному месту под кучей ветоши, где пергамен запрятан был, никому, кроме мышей, доступа не было, выходит, мыши грамоту и спроворили. А где мышам пергамен тот взять, если они его съели по наущенью старшей своей сестры, из того пергамена угощенье себе знатное устроили.

Вот с той поры собаки и кошки в лютой вражде промеж себя живут, и собаки нигде спуску кошкам не дают. Кошки, опять же за притеснения, какие им от собак терпеть приходится, поклялись мышам спуску не давать.

Так и повелось на свете — собаки лают на кошек, а кошки изводят мышей.

Хитрый угольщик

Чешская сказка

Перевод И. Ивановой

Пошел угольщик в лес, уголь жесть собирался [\[23\]](#), а навстречу ему медведь идет, кабана за собой ведет.

Увидел медведь угольщика и говорит:

— Мил человек, я есть хочу, я тебя съем.

Угольщик отвечает медведю:

— Что поделать, дорогой медведь, я противиться не стану — вас вон двое, а я один. Но ты уж позволи мне перед смертью пообедать.

Была у него с собой колбаса свиная да хлеб. Сел он, ест и медведю кусок колбасы бросил. Медведь поймал ее на лету, съел и говорит:

— Ого! Где ж такие корешки растут?

Угольщик отвечает:

— Сказал бы я, да не смею.

А медведь ему:

— Скажи, не бойся!

Угольщик и выложил:

— Такие корешки из кабана делают.

Медведь схватил кабана, задрал и велел угольщику:

— Наделай мне таких же корешков!

А угольщик ему:

— Милый мой, для такого дела огонь да горшки надобны. И умыться мне следует, чтоб ты есть не побрезговал.

Медведь согласился. Умылся угольщик, а утереться нечем, он и просит медведя:

— Позволь-ка я об твою шкуру утрюсь.

Подошел к нему медведь, угольщик утерся.

Лиса, медвежья кума, побежала за горшками, а волк, медвежий племянник, огонь развел. Ну, а угольщик расщепил с конца большое буковое бревно, всадил в него клин и говорит медведю:

— Ты у нас самый сильный, сунь лапы в расщелину, помоги мне бревно расколоть.

Волк остерег медведя:

— Ты, дядюшка, держи с ним ухо востро, угольщик хитрая шельма, гляди, как бы он тебе не навредил.

Но медведь его слушать не стал, очень уж ему не терпелось поскорее свинными корешками полакомиться. Только медведь лапы сунул, угольщик клин выбил, и лапы медведю защемило. Заорал медведь:

— Ой, щиплет, ой, щиплет!

А угольщик приговаривает:

— Да погоди ты, братец, помогай мне!

Схватил медведя за хвост и обухом его по хвосту, по хвосту.

Волк поглядел, поглядел да и говорит:

— Ах, дядюшка, не послушался ты меня, сказывал я тебе, что он шельма продувная. Глядишь, эдак и мне попадет.

Сказал и побежал. А навстречу ему лиса с горшками. Увидала она, какво куманьку медведю приходится, бросила горшки и — давай бог ноги.

Так вот угольщику целый кабан достался.

Златовласка

Чешская сказка

В обработке К. Г. Паустовского

одной стране — забыл я ее название — был королем злой и сварливый старик. Пришла однажды к нему во дворец торговка, принесла в корзине свежую рыбу и говорит:

— Купи у меня эту рыбу, король. Жалеть не будешь.

Король покосился на рыбу:

— Не видел я еще такой рыбы в своем королевстве. Ядовитая, что ли?

— Что ты! — испугалась торговка. — Прикажи эту рыбу зажарить, съешь ее — и ты сразу начнешь понимать разговор всех зверей, рыб и птиц. Даже самый малый жучок что-нибудь пропищит, а ты уже будешь знать, чего он хочет. Станешь самым умным королем на земле.

Королю это понравилось. Он купил у торговки рыбу и, хотя был скупой и жадный, даже не торговался и заплатил, сколько она запросила. «Вот теперь, — подумал король и потер костлявые руки, — буду я самым умным на свете и завоюю весь мир. Это уж как пить дать! Поплачут теперь мои недруги».

Король позвал своего слугу, молодого Иржика, и приказал ему зажарить рыбу к обеду.

— Но только без плутовства! — сказал король Иржику. — Если ты съешь хоть один кусочек этой рыбы, отрублю голову.

Принес Иржик рыбу на кухню, поглядел на нее и еще больше удивился: никогда он не видел такой рыбы. Каждая рыбья чешуйка светилась разноцветным огнем, как радуга. Жалко было чистить и жарить такую рыбу. Но против королевского приказа не пойдешь.

Жарит Иржик рыбу и никак не может понять, готова она или нет. Рыба не румянится, не покрывается корочкой, а становится прозрачной.

«Кто ее знает, зажарилась она или нет, — подумал Иржик. — Надо попробовать».

Взял кусочек, пожевал и проглотил, — как будто готова. Жует и слышит тоненькие пискливые голоса:

— И нам кусочек! И нам кусочек! Ж-ж-жареной рыбы!

Оглянулся Иржик. Никого нет. Только мухи летают над блюдом с рыбой.

— Ага! — сказал Иржик. — Теперь я кое-что начинаю понимать насчет этой рыбы.

Взял он блюдо с рыбой и поставил на окно, на сквозной ветер, чтобы рыба остыла. А за окном идут через двор гуси и тихонько гогочут. Прислушался Иржик и слышит, как один гусь спрашивает:

— Куда пойдём? Куда пойдём?

А другой отвечает:

— К мельнику на ячменное поле! К мельнику на ячменное поле!

— Ага! — сказал снова Иржик и усмехнулся: — Теперь-то я понимаю, какая это рыба. Пожалуй, одного кусочка мне маловато.

Иржик съел второй кусок рыбы, потом красиво разложил рыбу на серебряном блюде, посыпал петрушкой и укропом и понес блюдо королю.

С тех пор Иржик начал понимать все, о чем говорили друг с другом звери. Он узнал, что жизнь зверей не такая уж легкая, как думают люди, — есть у зверей и горе и заботы. С этого времени Иржик стал жалеть зверей и старался помочь каждой самой маленькой зверюшке, если она попала в беду.

После обеда король приказал подать двух верховых лошадей и поехал с Иржиком на прогулку.

Король ехал впереди, а Иржик — за ним следом. Горячий конь Иржика все рвался вперед. Иржик с трудом его сдерживал. Конь заржал, и Иржик тотчас понял его слова.

— Иго-го! — ржал конь. — Давай, брат, поскачем и перенесемся одним махом через эту гору.

— Хорошо бы, — отвечал ему конь короля, — да на мне сидит этот старый дуралей. Еще свалится и сломает шею. Нехорошо получится — как-никак, а все-таки король.

— Ну и пусть ломает шею, — сказал конь Иржика. — Будешь тогда возить молодого короля, а не эту развалину.

Иржик тихонько засмеялся. Но король тоже понял разговор коней, оглянулся на Иржика, ткнул его коня сапогом в бок и спросил Иржика:

— Ты чего смеешься, нахал?

— Вспомнил, твоя королевская милость, как сегодня на кухне два поваренка таскали друг друга за вихры.

— Ты у меня смотри! — с угрозой промолвил король.

Он, конечно, не поверил Иржику, сердито повернул коня и поскакал к себе во дворец. Во дворце он приказал Иржику налить себе стакан вина.

— Но смотри, если недольешь или перельешь — прикажу отрубить голову!

Иржик взял кувшин с вином и начал осторожно лить вино в тяжелый стакан. А в это время влетели в открытое окно два воробья. Летают по комнате и на лету дерутся. Один воробей держит в клюве три золотых волоса, а другой старается их отнять.

— Отдай! Отдай! Они мои! Вор!

— Не дам! Я их подхватил, когда красавица расчесывала золотые косы. Таких волос нет ни у кого на свете. Не дам! За кого она выйдет замуж, тот будет самым счастливым.

— Отдай! Бей вора!

Воробьи взъерошились и, схватившись, вылетели за окно. Но один золотой волос выпал из клюва, упал на каменный пол и зазвенел, как колокольчик. Иржик оглянулся и... пролил вино.

— Ага! — крикнул король. — Теперь прощайся с жизнью, Иржик!

Король обрадовался, что Иржик пролил вино и можно будет от него отделаться. Король один хотел быть самым умным на свете. Кто знает, может быть, этот молодой и веселый слуга ухитрился попробовать жареной рыбы. Тогда он будет опасным соперником для короля. Но тут королю пришла в голову удачная мысль. Он поднял с полу золотой волос, протянул его Иржику и сказал:

— Так и быть. Я тебя, пожалуй, помилую, если ты найдешь девушку, что потеряла этот золотой волос, и приведешь ее мне в жены. Бери этот волос и отправляйся. Ищи!

Что было делать Иржику? Взял он волос, снарядился в дорогу и выехал верхом из города. А куда ехать, не знает. Отпустил он поводья, и конь поплелся по самой пустынной дороге. Она вся заросла травой. По ней, видно, давно не ездили. Дошла дорога до высокой темной пущи. Видит Иржик: на опушке пылает огонь, горит сухой куст. Пастухи бросили костер, не залили, не затоптали, и от костра загорелся куст. А под кустом — муравейник. Муравьи бегают, суетятся, тащат из муравейника свое добро — муравьиные яйца, сухих жучков, гусениц и разные вкусные зерна. Слышит Иржик, как кричат ему муравьи:

— Помоги, Иржик! Спаси! Горим!

Иржик соскочил с коня, срубил куст и погасил пламя. Муравьи окружили его кольцом, шевелят усиками, кланяются и благодарят:

— Спасибо тебе, Иржик. Век не забудем твоей доброты! А если понадобится тебе помощь, надейся на нас. Мы за добро отплатим.

Въехал Иржик в темную пущу. Слышит: жалобно кто-то пищит. Осмотрелся и видит: под высокой елью лежат два вороненка — выпали из гнезда — и пищат:

— Помоги, Иржик! Покорми нас! Умираем с голоду! Мать с отцом улетели, а мы еще летать не умеем.

Король нарочно дал Иржику старого, больного коня — настоящую клячу. Стоит конь, ноги у коня трясутся, и видно, что поездка эта для него — одно мучение. Иржик соскочил с коня, подумал, заколол его и оставил воронятам конскую тушу — пусть кормятся.

— Кар-р, Ир-ржик! Ка-р-р! — весело закричали воронята. — Мы тебе за это поможем!

Дальше пошел Иржик пешком. Долго шел глухим лесом, потом лес начал шуметь все сильнее, все громче, ветер гнул уже вершины деревьев. А потом к шуму вершин прибавился плеск волн, и Иржик вышел к морю. На песчаном берегу спорили два рыбака. Одному попалась в сеть золотая рыба, а другой требовал эту рыбу себе.

— Моя сеть, — кричал один рыбак, — моя и рыба!

— А лодка чья? — отвечал другой рыбак. — Без моей лодки ты бы сеть не закинул!

Рыбаки кричали все сильнее, потом засучили рукава, и дело кончилось бы дракой, если бы не вмешался Иржик.

— Бросьте шуметь! — сказал он рыбакам. — Продайте мне эту рыбу, а деньги поделите между собой. И дело с концом.

Иржик отдал рыбакам все деньги, что получил от короля на дорогу, взял золотую рыбу и бросил в море. Рыба вильнула хвостом, высунула голову из воды и говорит:

— Услуга за услугу. Когда понадобится тебе моя помощь, ты меня позови. Я приплыву.

Иржик сел на берегу отдохнуть. Рыбаки его спрашивают:

— Куда шагаешь, добрый человек?

— Да вот ищу невесту для своего старого короля. Приказал достать ему в жены красавицу с золотыми волосами. А где ее найдешь?

Переглянулись рыбаки, сели на песок рядом с Иржином.

— Ну что ж, — говорят, — ты нас помирил, а мы добро помним. Поможем тебе. Красавица с золотыми

волосами на всем свете только одна. Это дочь нашего короля. Вон видишь на море остров, а на острове — хрустальный дворец? Вот там она и живет, в этом дворце. Каждый день на рассвете она расчесывает волосы. Тогда занимается над морем такая золотая заря, что мы просыпаемся от нее в своей хижине и знаем, что пора нам, значит, на ловлю. Мы перевезем тебя на остров. Только узнать красавицу почти невозможно.

— Это почему же? — спрашивает Иржик.

— А потому, что у короля двенадцать дочерей, а золотоволосая одна. И все двенадцать королевен одеты одинаково. И у всех на головах одинаковые покрывала. Волос под ними не видно. Так что дело твое, Иржик, трудное.

Перевезли рыбаки Иржика на остров. Иржик пошел прямо в хрустальный дворец к королю, поклонился ему и рассказал, зачем попал на остров.

— Ладно! — сказал король. — Я человек не упрямый. Отдам дочь замуж за твоего короля. Но за это ты должен три дня выполнять мои задачи. Идет?

— Идет! — согласился Иржик.

— Поди поспи с дороги. Отдохни. Мои задачи замысловатые. Их с ходу не решишь.

Хорошо спалось Иржику! В окна дул всю ночь морской ветер, шумел прибой, а изредка даже залетали на постель мелкие брызги.

Встал утром Иржик, пришел к королю. Король подумал и говорит:

— Вот тебе первая задача. Носила моя золотоволосая дочь на шее ожерелье из жемчуга. Оборвалась нитка, и все жемчужины рассыпались в густой траве. Собери их все до единой.

Пошел Иржик на лужайку, где королевна рассыпала жемчуг. Трава стоит по пояс, и такая густая, что земли под ней не видно.

— Эх, — вздохнул Иржик, — были бы здесь друзья муравьи, они бы мне помогли!

Вдруг слышит писк в траве, будто сотни каких-то крошечных людишек возятся около его ног.

— Мы тут! Мы тут! Чем тебе помочь, Иржик? Собрать жемчужины? погоди, мы это мигом!

Забегали муравьи, замахали усиками и начали стаскивать к ногам Иржика жемчужину за жемчужиной. Иржик едва успевал нанизывать их на суровую нитку. Собрал все ожерелье и понес королю. Король долго пересчитывал жемчужины, сбивался, считал снова.

— Все верно! Ну, хорошо, завтра дам тебе потруднее задачу.

Приходит Иржик к королю на следующий день. Король хитро посмотрел на него и сказал:

— Вот беда! Купалась моя золотоволосая дочь и уронила в море золотой перстень. Даю тебе день срока на то, чтобы ты его достал.

Пошел Иржик к морю, сел на берегу и чуть не заплакал. Море перед ним лежит теплое, чистое и такое глубокое, что даже страшно подумать.

— Эх, — говорит Иржик, — была бы тут золотая рыба, она бы меня выручила!

Вдруг в море что-то блеснуло на темной воде и из глубины всплыла золотая рыба.

— Не грусти! — сказала она Иржику. — Видела я только что щуку с золотым перстнем на плавнике. — Будь спокоен, я его добуду.

Долго ждал Иржик, пока наконец не выплыла золотая рыба с золотым перстнем на плавнике.

Иржик осторожно снял перстень с плавника, чтобы рыбе не было больно, поблагодарил ее и пошел во дворец.

— Ну что ж, — сказал король, — ловкий ты, видно, человек. Завтра приходи за последней задачей.

А последняя задача была самая трудная: принести королю живой и мертвой воды. Где ее взять? Пошел Иржик куда глаза глядят, дошел до великой пущи, остановился и думает: «Были бы здесь мои воронята, они бы...»

Не успел он додумать, слышит: над головой свист крыльев, карканье, и видит: летят к нему знакомые воронята. Рассказал им Иржик свое горе.

Воронята улетели, долго их не было, а потом снова зашумели крыльями и притащили Иржику в клювах две баклаги[24] с живой и мертвой водой.

— Карр, карр, берри и будь ррад! Карр!

Взял Иржик баклаги и пошел к хрустальному дворцу. Вышел на опушку и остановился: между двух деревьев черный паук сплел паутину, поймал в нее муху, убил и сидит сосет мушиную кровь.

Брызнул Иржик на паука мертвой водой. Паук тут же умер — сложил лапки и упал на землю. Тогда Иржик побрызгал муху живой водой. Она ожила, забила крылышками, зажужжала, разорвала паутину и улетела. А улетая, сказала Иржику:

— На свое счастье ты меня оживил. Я тебе помогу узнать Златовласку.

Пришел Иржик к королю с живой и мертвой водой. Король даже ахнул, долго не верил, но попробовал мертвую воду на старой мыши, что бежала через дворцовую комнату, а живую воду — на засохшем цветке в саду и обрадовался. Поверил. Взял Иржика за руку, повел в белый зал с золотым потолком. Посреди зала стоял круглый хрустальный стол, а за ним на хрустальных креслах сидели двенадцать красавиц, до того похожих одна на другую, что Иржик только махнул рукой и опустил глаза — как тут узнать, которая из них Златовласка! На всех одинаковые длинные платья, а на головах — одинаковые белые покрывала. Из-под них не видно ни волоска.

— Ну, выбирай, — говорит король. — Угадаешь — твое счастье! А нет — уйдешь отсюда один, как пришел.

Иржик поднял глаза и вдруг слышит — жужжит кто-то у самого уха:

— Ж-и-и-и, иди вокруг стола. Я тебе подскаж-жу.

Взглянул Иржик: летает над ним маленькая муха. Иржик медленно пошел вокруг стола, а королевны сидят, потупились. И у всех одинаково щеки зарделись. А муха жужжит и жужжит:

— Не та! Не та! Не та! А вот эта — она, золотоволосая!

Иржик остановился, прикинулся, будто еще сомневается, потом сказал:

— Вот золотоволосая королева!

— Твое счастье! — крикнул король.

Королева быстро вышла из-за стола, сбросила белое покрывало, и золотые волосы рассыпались у нее по плечам. И сразу же весь зал заиграл таким блеском от этих волос, что казалось, солнце отдало весь свой свет волосам королевны.

Королева взглянула в упор на Иржика и отвела глаза — такого красивого и статного юноши она не видела ни разу. Сердце у королевны тяжело билось, но отцовское слово — закон. Придется ей идти замуж за старого, злого короля!

Повез Иржик невесту своему господину. Всю дорогу берег ее, следил, чтобы не спотыкался ее конь, чтобы холодная капля дождя не упала на ее плечи. Грустное это было возвращение. Потому что и Иржик полюбил золотоволосую королеву, но не мог ей об этом сказать.

Старый, сварливый король захихикал от радости, когда увидел красавицу, и приказал быстро готовить свадьбу. А Иржику сказал:

— Хотел я тебя повесить на сухом суку заслушание, чтобы труп твой склевали вороны. Но за то, что ты нашел мне невесту, объявляю тебе королевскую милость. Вешать я тебя не буду, а прикажу отрубить голову и похоронить с честью.

Наутро отрубили Иржику голову на плахе. Зарыдала золотоволосая красавица и попросила короля отдать ей безглавое тело и голову Иржика. Король насупился, но не решился отказать невесте.

Златовласка приложила голову к телу, побрызгала живой водой — голова приросла, даже следа не осталось. Побрызгала она Иржика второй раз — и он вскочил живой, молодой и еще более красивый, чем был до казни. И спросил Златовласку:

— Почему я так крепко уснул?

— Ты бы уснул навсегда, — ответила ему Златовласка, — если бы я не спасла тебя, милый.

Король увидел Иржика и остолбенел: как это он ожил, да еще стал таким красивым. Король был хитрый старик и тут же решил извлечь из этого случая выгоду. Позвал палача и приказал:

— Отруби мне голову! А потом пусть Златовласка побрызжет на меня чудесной водой. И я оживу молодым и красивым.

Палач с охотой отрубил голову старому королю. А воскресить его не удалось. Зря только вылили на него всю живую воду. Должно быть, было в короле столько злости, что никакой живой водой не можешь. Похоронили короля без слез, под барабанный бой. А так как стране нужен был умный и добрый правитель, то и выбрал народ правителем Иржика — не даром он был самым мудрым человеком на свете. А Златовласка стала женой Иржика, и они прожили долгую и счастливую жизнь.

Так и окончилась эта сказка о том, как звери отплатили добром за добро и как король потерял голову.

Про кошечку и про собачку

Чешская сказка

Перевод И. Ивановой

мачехи была падчерица, звали ее Аничка, да родная дочь Каченка. Родная дочь что ни сделает, все хорошо, а падчерица как ни угождает, все не так, все худо, так и норовила мачеха со двора ее согнать. Видит Аничка, в тягость она мачехе, и надумала в люди пойти, в услуженье. Мачеха только обрадовалась.

Испекла она Аничке колобок и проводила ее в дорогу. Шла Аничка, шла и вышла на раздорожье. Достала из узелка колобок, бросила его на дорогу и говорит:

Колобок, колобок,
куда мне идти, скажи, путь укажи!

Покатился колобок и докатился до сливы. Смотрит Аничка, все ветки и листья покрыты гусеницами да паутиной. Нагнулась Аничка колобок поднять и слышит — деревце просит ее:

— Очисти меня, девица, очисти меня, милая!

Разулась Аничка, и ботинки сняла, и чулочки, залезла на сливу и скоро всех гусениц обобрала и паутину сняла. Слива поблагодарила Аничку и говорит:

— Когда понадобится тебе помощь, вспомни про меня, я тебе пригожусь.

Слезла Аничка с дерева, надела чулочки, обулась и пошла дальше. Бросила опять колобок на дорогу и говорит:

Колобок, колобок,
куда мне идти, скажи, путь укажи!

Покатился колобок и докатился до яблони. Смотрит Аничка, весь ствол у яблоньки мохом оброс. Нагнулась Аничка колобок поднять и слышит — яблонька просит ее:

— Очисти меня, девица, очисти меня, милая!

Аничка за дело взялась, живо от мха ствол очистила. Яблонька обрадовалась, благодарить стала, а после и говорит:

— Когда понадобится тебе помощь, вспомни про меня, я тебе пригожусь.

Опять бросила Аничка на дорогу колобок и говорит:

Колобок, колобок,
куда идти, скажи, путь укажи!

Долго-долго катился колобок и подкатился к лесной кринице. Смотрит Аничка, тиной да грязью

затянуло криницу, вода не журчит, течет еле-еле. Остановилась Аничка возле нее, а криница просит ее:

— Очисти меня, девица, очисти меня, милая!

Не долго думая, Аничка сняла и ботинки и чулочки, очистила криницу, и потекла вода, весело зажурчала, запела:

— Спасибо тебе, девица! Когда понадобится тебе помощь, вспомни обо мне, я тебе пригожусь!

Обулась Аничка, взяла колобок и покатила его дальше:

Колобок, колобок,
куда идти, скажи, путь укажи!

Покатился колобок через лес и докатился до печки. Смотрит Аничка, полно в печи сажи да копоти. Стоит Аничка, а печка просит ее:

— Очисти меня, девица, очисти меня, милая!

Аничка живо взялась за дело, вычистила печку — бери и сажай в нее пироги! Собралась Аничка дальше в путь, а печка поблагодарила ее и говорит:

— Когда понадобится тебе помощь, вспомни обо мне, я тебе пригожусь!

Аничка покатила дальше колобок:

Колобок, колобок,
куда идти, скажи, путь укажи!

Катился колобок, катился, перекатил через высокую гору и спустился в долину на зеленый лужок. А на том лугу стоит конь вороной, не пасется, не скачет, весь грязью покрыт. Увидала Аничка, как он печально смотрит, словно просит почистить его, подбежала она, почистила, взяла за узду золотую и повела за собой. Вороной радостно заржал и говорит:

— Спасибо, Аничка, за твою заботу, когда понадобится тебе помощь, ты только вспомни обо мне.

Покатила она колобок перед собой и пошла за ним, а колобок катился-катился и подкатился к избушке. Аничка постучалась тихонько в дверь, из избушки вышла старушка и спрашивает:

— Откуда ты, девица, чего ищешь?

Сказала Аничка, откуда она идет и что рада бы в услуженье наняться.

Старушка и говорит:

— Тогда оставайся у меня, будешь в доме хозяйкой.

Аничка с радостью согласилась. Старушка ей сразу понравилась. Велела старушка Аничке в доме прибираться, хозяйство вести, а первым делом — о собачке и кошечке заботиться. А сама ушла.

Осталась Аничка за хозяйку в доме, прибиралась всюду, с собачкой и кошечкой всякой едой делилась, и они полюбили Аничку. Когда же старушка домой возвратилась, кошечка и собачка ей всё рассказали.

Прошло какое-то время, старушка и говорит:

— Пора тебе, Аничка, домой собираться. Пойдем со мной на чердак.

Привела она ее на чердак. Там стояли разные сундуки, простые и расписные, много сундуков. Старушка сказала Аничке выбрать себе сундук, но до дому открывать не велела. Подбежали тут к Аничке собачка и кошечка и шепнули, чтоб взяла она самый плохонький. Аничка их послушалась, взяла неказистый

сундучок, без всяких узоров, вскинула его на плечо, попрощалась с кошечкой и собачкой, со старушкой и пошла домой. Прошла она немного пути — сундучок тяжелый сделался, нести его невмочь стало, опустила его Аничка на землю и только подумала: «Кабы тут был мой коник вороной, он помог бы мне сундучок домой довести», как налетела тут буря и примчался вороной конь. Велел он Аничке на него садиться и сундучок взять. Села Аничка на коня, и они поехали. Ехали, ехали, устали и есть захотели. Аничка вспомнила про печь и говорит:

— Вот бы нам сюда печь с хлебом, как было бы славно!

И видит, стоит у дороги печь, полная румяных хлебов. Аничка и сама наелась досыта и коня накормила. Поехали они дальше. Едут, едут, на дворе жара, пить хочется, а вокруг нигде ни реки, ни колодца.

— Ах, кабы хоть яблоня какая на пути попалась либо слива, освежились бы!

И видит Аничка, в стороне от дороги растут яблоня и слива, все усыпанные плодами, а под ними прозрачная криница. Напилась она студеной воды, наелась слив да яблок, коня накормила-напоила, и поехали они дальше.

Как стали они к дому подъезжать, петух взлетел на крышу и закукарекал:

— Ку-ка-ре-ку! Наша дочь домой едет, полный сундук серебра-золота везет!

Аничка с коня спрыгнула, сундучок сняла, коня поблагодарила. Конь весело заржал и прочь ускакал. Открыла она сундучок, а в нем золото, серебро, дорогие камни лежат. Обрадовалась Аничка, а Каченка с мачехой разозлились.

Аничка, щедрая душа, всегда со всеми делилась и сейчас немало золота и другого добра мачехе с Каченкой подарила и рассказала, где была и что с ней приключилось.

Мачеха с дочкой лукавили, будто радуются, а сами позеленели от зависти.

И захотела мачеха, чтоб ее ненаглядная доченька тоже к старушке в услуженье пошла. Испекла она ей сдобный колобок и в далекий путь снарядила.

Пошла Каченка той дорогой, что ей Аничка указала. Вышла на распутье, достала сдобный колобок и покатила перед собой:

Колобок, колобок,
куда идти, скажи, путь укажи!

Подкатился колобок к сливе. Сливу снова гусеницы да паутина облепили, и попросило деревце, чтобы Каченка очистила листья да ветки. Только Каченка пожалела платье испачкать, к тому же ленива была. Скривилась она, от деревца отвернулась, взяла колобок и покатила его перед собой:

Колобок, колобок,
куда идти, скажи, путь укажи!

Подкатился колобок к яблоне, ствол у нее совсем мохом оброс, и попросила яблонька Каченку, чтоб она ствол обчистила. Но Каченка только скривилась, отвернулась, взяла колобок и покатила его перед собой:

Колобок, колобок,
куда идти, скажи, путь укажи!

И покатился колобок к кринице, потом к печке, к коню вороному, но ленивая и спесивая девица

словно глухая была, от всего нос воротила, никому помочь не хотела. Наконец дошла она до избушки, где жила Аничка у доброй старушки, и постучала. На порог вышла старушка и спросила, чего ей надобно. Каченка попросилась к старушке в услуженье.

— Само собой, заходи, всю весну будешь вместо меня хозяйство вести, а ежели хорошо постарайся, я тебя награжу.

Повела старушка Каченку в горницу, показала, где что лежит и стоит. Поручила кошечку и собачку ее заботам и ушла. «Вот, — подумала Каченка, — теперь я сама себе хозяйка», — и делала что ей вздумается. Лучшую еду себе готовила, а кошечке и собачке объедки кидала.

Отцвела весна, миновало лето, и ранним утром вернулась старушка. Оглядела все хозяйство, ничего не сказала и повела Каченку на чердак, где стояли разные сундуки, и сказала Каченке, чтоб выбрала себе один. Каченка спросила совета у кошечки и собачки, а те ей в ответ:

Без нас пила-ела,
без нас и совета ищи!

Выбрала Каченка себе самый красивый расписной сундук, взвалила на плечо, не простившись ни со старушкой, ни с кошечкой и собачкой, домой отправилась. А сама подумала: «Ну, Аничка, видала мой сундук, он получше твоего будет!» Шла она, шла, а сундук тяжелый, солнце припекает, Каченка, что ни шаг, сундук с плеча снимает, отдыхает. Прошла мимо печи — в печи нетоплено, прошла мимо криницы, мимо яблони и сливы, нигде не могла ни освежиться, ни подкрепиться.

Стала Каченка к дому подходить, мать ей навстречу выбежала и уж так обрадовалась, так развеселилась, что ее дочь с большим сундуком идет, добра много несет, не то что Аничка в маленьком да плохоньком сундучке.

А петух взлетел на крышу и закукарекал:

— Ку-ка-ре-ку! Наша дочь идет, полный сундук змеев-гадов несет!

Вошли мачеха с дочкой в избу, понесли сундук на чердак, еле затащили. Подождали, когда Аничка из дому отлучилась, побежали поскорей на дорогие камни да на шелковые наряды посмотреть, только сильно обманулись! Подняли они крышку, а в сундуке ни золота, ни камушка драгоценного — одни змеи и гады всякие копошатся! А потом полезли они из сундука и покусали злую мачеху и ее дочку.

Добрая Аничка сильно жалела их и со слезами распростилась с ними навсегда.

Вещий сон

Чешская сказка

Перевод И. Ивановой

а пражском мосту^[25] стоял в карауле солдат и видит, ходит взад и вперед по мосту бедно одетый крестьянин и каждого встречного оглядывает.

Солдат и спрашивает:

— Что ты ищешь, добрый человек, или ждешь кого?

Отвечает ему крестьянин печальным таким голосом:

— Да вот, служивый, приснился мне нынче ночью диковинный сон. Будто вывели меня поутру на этот самый мост и велели ходить, покуда я свое счастье не встречу. Я и хожу тут с рассвета, а счастья нет как нет.

Усмехнулся солдат и говорит:

— За сон не ручайся, день взойдет — сны туманом развеет. Мне вот тоже сон привиделся, будто пришел я к бедной избе, возле избы — дворик, на дворе груша растет. Из избы хозяин вышел, дал мне в руки пилу, показал на грушу и велел спилить ее со словами: «Грушу повалишь, под ней клад найдешь!»

Понял тут крестьянин, что солдат видел во сне его же избу и грушу во дворе. Ничего не сказал он караульному солдату, вернулся домой и во всем, что от солдата услышал, жене признался и позвал ее грушу пилить. Когда груша упала, к немалому их удивлению, в дупле у самой земли нашли они клад богатый.

Взял бедняк клад, на месте старой избенки большой, крепкий дом построил и на доме нарисовал всю историю, как он клад искал. А в благодарность он отдал за служивого замуж свою единственную дочь.

О золотых рыбках

Чешская сказка

Перевод И. Ивановой

Оспорили однажды резчик по дереву и золотых дел мастер, чье ремесло лучше. Спорили они, ссорились, и пришел к ним король. Стали они просить, чтобы он рассудил их. Король сказал, что ремесло у обоих хорошее, но, чтобы наверняка определить, велел каждому сделать вещь и самим срок назначить, а тогда и решение будет, чье ремесло лучше. Золотых дел мастер просил неделю сроку, а резчик просил две недели. На том и разошлись.

Неделя проходит, приносит золотых дел мастер королю золотых рыбок, которые сами плавают, если их в воду пустить. Королю работа очень понравилась, и стал он ждать, что принесет резчик.

Сидит он как-то во дворце у открытого окна и смотрит на улицу. Тут раздался вдруг сильный шорох, король и оглядеться не успел, вдруг в комнату влетел на деревянных крыльях резчик. Сделал он такие крылья, что любой человек мог прикрепить их и летать, как птица.

Подивился король, велел позвать золотых дел мастера и похвалил обоих за великое их мастерство, а кто лучше из них, не смог сказать. Но наперед заказал им спорить под страхом смерти. Потом богато наградил их и отпустил. А для золотых рыбок велел король устроить пруд на проточном ручье, чтобы вода в нем всегда свежая была.

Был у короля маленький сын, он часто с этими рыбками играл. Тут началась война, и король ушел воевать, а сына дома оставил. Играл маленький принц с рыбками, играл и думает: «Что же они все только в пруду плещутся, надо посмотреть, как они по ручью поплывут» — и выпустил он золотых рыбок в ручей. Рыбки плыли, плыли, да и уплыли.

Испугался принц, побежал за ними по берегу ручья, да не догнал. Что он отцу теперь скажет, когда тот вернется с войны? И вспомнил принц, что есть у короля спрятанные крылья. Отыскать бы крылья и улететь на них подальше. Побежал принц во дворец, нашел крылья, приладил, и — только его и видели.

Летел он, летел, и захотелось ему есть. Видит, внизу пастух пасет свиней. Спустился принц на землю, крылья снял, спрятал, подошел к свинопасу и попросился в помощники, обещал пасти свиней за одни харчи. Свинопас был старый, принц ему приглянулся, он и взял его себе в подпаски. И стал принц пасти поросят.

Сидит, бывало, принц, за поросятами смотрит, а сам дудочки вырезает, потом начал он на дудочке играть и поросят танцевать учил.

Пас он как-то под окнами королевского дворца, и увидела его принцесса, как он поросятам играет, подивилась принцесса его забавам и поросячьим танцам. Но больше всего смотрела принцесса на молодого свинопаса — так он ей понравился. И не диво — был очень пригож и хорош собою принц. Заметил и свинопас принцессу, и она ему тоже понравилась. Часто пригонял он свое стадо под окна дворца. Да что проку — разве к принцессе в покои пустили бы свинопаса!

Вспомнил тут принц-свинопас про свои крылья и обрадовался. Приладил он их вечером, чтоб никто не видал, и влетел к принцессе в открытое окно, а под утро, еще затемно, улетел. Долгое время летал он в гости к принцессе, и никто о том не догадывался.

Но ничто вечно не длится, однажды все открылось. Принцесса приказывала по вечерам приносить ей ужин на двоих, и когда дознался про то король, заподозрил недоброе. Велел он выследить, кто к принцессе ходит. Поставили стражу под дверью, но никто через двери к ней не ходил. И подумал король: уж не в окно ли к принцессе гости лезят? Позвал каменщиков, чтоб они под окном у принцессы западню поставили, а ей велели сказать, что башню укрепляют, подпирают — как бы не развалилась.

Каменщики сделали все, как было велено, огромную западню под окном поставили. Принцесса сперва обеспокоилась, а когда объяснили ей каменщики, будто они башню укрепляют, опять она стала весело ждать своего любезного пастушка. Он и прилетел, как всегда, но, когда хотел в окно войти, со страшным грохотом западня захлопнулась, и бедняга не мог ни выбраться, ни шевельнуться.

Горько заплакала принцесса, но и она не смогла западню открыть. Принц успокаивал ее, как мог, утешал, что все хорошо кончится, так и ночь прошла.

Утром пришел король поглядеть, кто попался, и страшно рассердился, увидав в западне пастуха. Приказал он обоих бросить в глубокую темницу, а потом казнить.

Наступил день казни. Съехались рыцари, и знатные паны, и простой народ, и все столпились перед дворцом. Вывели принца с принцессой на помост. Тут принц-пастух попросил короля, чтоб разрешил он ему в сторонке перед смертью с принцессой проститься. Король разрешил. Принц-пастух отвел принцессу в сторонку, достал крылья, которые всегда прятал подальше, приладил их, взял на руки принцессу, и оба они поднялись высоко в небо. А внизу народ смеяться стал и кричать:

— Черт унес дочку нашего короля! Черт унес дочку нашего короля!

И все поверили, даже сам король, что черт унес принцессу.

А принц прилетел с принцессой к своему отцу-королю. Старый отец несказанно обрадовался им — ведь он давно считал своего сына мертвым. И сыграли свадьбу, шумную свадьбу, гости гуляли и пили-ели на ней целую неделю. После свадьбы передал король сыну свое королевство, и все вместе стали счастливо жить.

Прошло время, поехал молодой король со своей женой к ее отцу прощения просить. А король ни дочку свою не узнал, ни пастуха.

Заговорил принц с ним, стал расспрашивать, отчего нет у него детей. Сказал король, что была у него дочь, но не захотел признаваться, что ее унес черт. Принц все допытывался: узнал бы король свою дочь после стольких лет разлуки? Тут принцесса бросилась отцу в ноги, и оба они стали просить у него прощения. Король на радостях чуть ума не лишился, простил их и отдал им свое королевство, так что стало у них со своим целых два.

Словацкие сказки

Козья скала над Оравой-рекой

Словацкая сказка

Перевод И. Ивановой

незапамятные времена жила над Оравой-рекой в Козьей скале горная дева, добрая волшебница. В народе любили ее, она советом и грошиком помогала всем бедным людям.

И вот случилась беда — объявились вдруг на Ораве драконы лютые. Послал народ к горной деве молодого красавца Янко за советом и помощью. Оседлал Янко лихого коня, сел и поскакал вдоль берега реки под грохот грома и сверканье молний. Подъехал он к той Козьей скале, что нависала над самой водой, слез с коня и привязал его к сломанному дереву. Потом костер разложил и стал дожидаться полуночи. Обычно-то горная дева об эту пору из скалы выходила.

Ровно в полночь расступилась скала, словно двери створчатые распахнулись, вышла оттуда горная дева и ласково так спрашивает Янко, за каким он делом пожаловал.

— Ох, беда, дорогая панна, беда у нас! Наша деревня послала меня к тебе, — начал Янко. — Такая напасть, что и сказать страшно! В горе над деревней большая пещера есть, и в ней устроили себе логово два лютых дракона. Как только стемнеет, вылетают они из пещеры, хватают наших коров да бычков и уносят к себе. Почитай, всю животину извели, нам теперь с голоду помирать остается. Вот пришел я к тебе за помощью, дорогая ты наша заступница! Одни мы с драконами никак не справимся. Помоги ты, пожалуйста, нам.

Выслушала Янко горная дева и говорит:

— Знаю я этих драконов. Один сюда прилетает и вон на том косогоре в яме пожирает свою добычу. Ладно, ты не горюй, одолеем эту напасть. Вот, возьми себе прутик, поезжай домой и жди драконов у той пещеры. Как только выберутся они наружу, смело садись верхом на одного, а другого прутиком погоняй. Когда они обозлятся, ты дай им прутик съесть, они тотчас дегтем разольются. А когда справишься с драконами, приезжай ко мне, получишь награду!

Сказала и скрылась в скале, и сомкнулась скала с грохотом.

Янко сделал все, как горная дева велела. Одолеп обоих драконов и народ из беды вызволил. Ну вот, проходит месяц или два, Янко опять в дорогу собрался, разделся в нарядное платье, сел на коня. И помчал его конь вдоль берега реки под Козью скалу. Прискакал туда Янко, снова костер разложил, напоил коня, а в полночь стал горную деву кликать:

— Панна волшебница, я драконов извел, весь Оравский край освободил от них, дай мне награду обещанную из своих сокровищ и для невесты моей какой-нибудь подарочек.

Задрожала земля у него под ногами, расступилась скала, прекрасная горная дева вышла ему навстречу.

— Подойди ближе, Янко, — приветливо позвала она. — Вот тебе серебро и золото. Бери, сколько унесешь. Но мой тебе добрый совет — лишнего не бери, знай, что многих храбрецов жадность погубила. Было бы жаль тебя, ты ведь еще молодой. Тут вот и жемчуга и камни драгоценные, возьми все в подарок невесте, но уж на другое не позарься, не то худо будет!

Янко полные карманы набрал, и суму набил серебром и золотом, нахватал жемчугов и камней дорогих. Стоит, озирается — чего бы еще взять? Видит, висит золотой венец горной девы, хватать и его.

Ох, беда тебе, Янко, Янко! Конец тебе! Задрожала земля, и сомкнулась скала со страшным грохотом. Конь лихой испугался и помчался домой без седока, как вестник, что нет уже Янко в живых. Так не стало Янко.

Свадьба в Ситне

Словацкая сказка

Перевод И. Ивановой

Издавна славилась Себехлебы музыкантами, но самые знаменитые были те, что играли с Самко Дудиком. Других таких у нас ни тогда, ни после не знали. Слух о них, об искусной игре разнесся далеко, приглашали их и в ближние и в дальние деревни и дальше, да только Самко с товарищами далеко не захаживал. Ну, а молва о них передавалась из уст в уста во все концы.

Так уж заведено на белом свете — один родится за сохою ходить, другой — топором или молотом махать, а Самко Дудик назначено было судьбой на скрипке играть, тешить народ музыкой. Он еще смалу, только на ножки встал, песню запел, любо слушать было, так ладно и чисто выводил, вся деревня диву давалась, под Дудиков тын сходилась. Отец Дудик вздыхал и приговаривал:

— Ох, сынок, сынок, что из тебя будет?

А сыночек про то и думать не думал.

Когда сравнялось ему семь годков, случилось так, что пастух забыл у них дома свою жалейку. Самко взял ее в руки, повертел так и эдак, дунул раз-другой да потихоньку-полегоньку заиграл на жалейке песенку. С той поры ни о чем другом он не помышлял, все только о жалейке.

Покамест отец не купил ему скрипочку.

Чему бывать, того не миновать, говорит присловье. Было Самко написано на роду стать музыкантом, вот и пришлось отцу раскошелиться и купить сыну скрипочку.

Забрел как-то раз в Себехлебы цыган Феро со скрипочкой под мышкой и, будто нарочно, — напрямиком к Дудикам. Побренькал по струнам и говорит:

— Купите мою скрипку.

Мать на Феро рассердилась, кричать начала — виданное ли дело, чтоб мужик деньги на скрипку переводил! Готова была цыгана взашей из сеней вытолкать. Да и старый Дудик, отец Самко, спервоначалу вслед за женой на цыгана накиннулся. Не надобна ему скрипка — ни самому, ни сыну! Да легко ли цыгана спровадить! Уговаривал Феро Дудика, умасливал, улещал, а тут и Самко подоспел. Стоит, глядит, глаз от скрипочки не оторвет. Ах, кабы ему такую! Но, слыша речи отца с матерью, не посмел просить.

Однако у старого Дудика сердце было не камень. Увидел он, как Самко на скрипку во все глаза глядел, перестал цыгану перечить и — вот чудеса! — купил сыну скрипочку.

Таким вот путем попала скрипка в руки маленького Самко. Играл он поначалу тайком, не слышали его ни отец, ни мать и никто на свете. Но Самко и вправду родился музыкантом, скрипка так и пела у него под смычком. А когда Самко первый раз показал свое уменье, старый Дудик даже смеялся от радости, надивиться не мог: и откуда у сына что берется, как он легко и искусно смычком-то выводит! А мать только ахала да руками всплескивала, глядя на даровитого сына.

Прошли годы, и Самко-скрипач стал знаменитым, и его сотоварищи прославились. Прежде-то отродясь здесь не слыхивали таких напевов и такой мастерской игры. И ни одна свадьба у нас, ни именины, будь то у лана или у мужика, не обходились без этих музыкантов. И до чего же хорошо играл Самко! Стоило ему разок услыхать какой напев, он сразу перенимал его и уже выводил сам. Люди слушали его наигрыши, и каждая жилочка у них играла, ноги сами в пляс шли, а уж если печальное что заведет, так у людей сердце от горести надрывается.

Вот однажды сидит Самко дома один, смотрит в окошко на двор. Вдруг кто-то стучится в дверь.

— Заходите, заходите, — откликнулся Самко и только удивился, что он во дворе-то никого не видел, хоть и в окно смотрел.

Отворилась дверь, и вошел красивый статный детина, одетый в белые суконные порты и вышитую льняную сорочку, на голове у него шляпа, подпоясан был молодец широким поясом с набором, какой носят лесорубы, а в руке топорик на длинной ручке — валашка.

Переступил порог и смело поздоровался:

— Добрый вечер дай вам бог!

— Дай боже и вам! — отвечал Самко, поднялся из-за стола — гостя приветить, руку подал, сесть попросил, а уж после заговорил: — Откуда ты, приятель, и по какому делу?

— Скажите сперва, дядя, верно ли, что попал я в дом Самко Дудика? — спросил гость.

— Верно. Я это. За каким же делом ты ко мне пожаловал?

— Прислали меня. Послезавтра на Ситне свадьба, я за вами пришел, за вами и вашими музыкантами.

— Кто же сына женит или дочь замуж отдает? — допытывался Самко.

— Про то после, дядя. Главное, не забудьте, через три дня свадьба. Как солнце зайдет, чтоб вы туда успели. Под Ситенцом вас будет дожидаться провожатый, с ним и пойдете.

Самко и радовался и сомневался — не по душе ему пришлось затея. Но больше уж ни о чем он гостя не спрашивал, видел, что нет у того охоты язык распускать.

— Вот задаток, — сказал гость, достал из-за пояса новехонький золотой дукат и положил на стол перед Самко.

Самко глазам не поверил. Протер его ладонью — не мерещится ли? Дукат звякнул о столешницу и подкатился прямо к Самко. Самко скорей руку подставил, чтоб монета на пол не упала.

А гость будто и не заметил ничего и продолжал:

— Ждем вас. Придете к Трем родникам и на дудке знак подадите. И к вам выйдет провожатый.

Самко знай головой кивал.

— Доброй вам ночи и до свиданья! — попрощался гость и открыл дверь.

Хотел Самко проводить его, да гость прямо перед носом дверь затворил.

Вечером созвал Самко всю компанию и рассказал, что и как было. Подивились они и засомневались, но Самко был у них главный, они его во всем слушались, как скажет, так и поступали.

— Я вот как полагаю: лесные молодцы, разбойнички, погулять задумали. Не иначе, как на Ситне, — сказал Адамец, тот, что играл на контрабасе.

— Может, женится который из них, — задумчиво добавил Адам; он играл на свирели.

— Кто да что — не наша забота, нам все едино, — решительно добавил Влчко, вторая скрипка.

— Так тому и быть, — заключил цимбалист Стахо. — Самко и задаток взял — ни много ни мало целый дукат, наше дело пойти, как сказал тот пришелец.

Все согласились. На третий день с самого утра отправились наши музыканты в путь.

Только первые лучи солнца осветили верхушки деревьев, они уже были в лесу. Отдохнули немного в холодке и двинулись дальше к Ситнецу.

Целый день пробирались они лесом, подымались по крутым склонам. Часто садились отдыхать, поджидали отставших, кто тащил цимбалы да контрабас. Этим тяжелей всех было, и товарищи помогали, брали у них инструменты и несли на плечах. Заросли тут были такие густые, что на телеге и не проехали бы. Солнце уже клонилось к закату, когда добрались они до Трех родников. Присели, достали еду из узелков, что дома им собрали в дорогу, и сообща подкрепились.

Солнце зашло, и Адам заиграл на свирели, как и велено было.

«Фью-фью-фью», — отозвалось в лесу.

Сперва было тихо, потом услышали они — кто-то сквозь заросли пробирается к ним. Оглянуться не успели, высокий, чуть не с гору, молодец стоял перед ними; усы куделью [\[26\]](#) торчат, одетый как и Самков гость, что приходил музыку заказывать, — в белые порты и вышитую сорочку.

— Добрый вам вечер, люди! — поздоровался он с музыкантами.

— Добрый вечер и тебе дай бог! — откликнулись они.

— Ты нас отведешь? — спросил молодца Самко.

— Я. Берите свои инструменты и следом за мной ступайте, путь у нас неблизкий.

Устали музыканты, не очень хотелось им идти, да что поделаешь? Доплелись сюда, придется плестись и дальше.

— По сторонам не оглядывайтесь и помалкивайте, смотрите, как бы вас лес не затянул; где вы пойдете, там нога человеческая еще не ступала, — поучал их провожатый.

— А ты кто, зверь, что ли? — сердито проворчал Влчко.

— Кто я, не тебе знать, — сказал, как отрезал, провожатый и зашагал впереди.

У музыкантов холодок пробежал по спинам, да делать нечего — подхватили они инструменты и потянулись за ним, по сторонам не оглядываются, ни слова не говорят.

Шли они, шли напрямиком через густые заросли, по бездорожью. Совсем стемнело, впереди не видно было ни на шаг. Спотыкались они, едва не падали.

— А ну, смелей, молодцы, скоро выйдем на ровную дорогу! — ободрял их провожатый. — Скоро и на месте будем!

Зашагали они проворней, и вот под ногами у них уже не мягкий мох, а голая скала оказалась. Потянуло ледяным ветерком, будто вступили они в огромную залу. Они замедлили шаг, а провожатый остановился и говорит:

— Вот и пришли. Кладите инструменты и ждите.

А сам исчез.

Стали они озираться, где бы сесть, да ничего не высмотрели, а тьма кругом все густела, и холод сильнее пробирал.

Чудная ждала их свадьба, куда позвали наших музыкантов. Где же венки и цветы, где столы со сладкими пирогами? Где невеста с женихом, дружки и подружки, где все гости? Никого не видать, только лес дремучий шумит.

И тут вдруг зажглись факелы, вышел их провожатый и приказал:

— Сюда садитесь, играть будете!

С такими словами вывел он их на середину поляны на пригорок, а сам опять исчез, как сквозь землю провалился.

Что было делать музыкантам? Сели они, стали инструменты настраивать.

Бренькают, тренькают, а тут за скалой послышался шум, пение и крики.

— Видать, свадебные гости идут, — сказал Самко потихоньку и взялся за скрипку.

Заиграли они лихой, веселый танец, такой, что скалы дрогнули. А как увидели свадьбу, едва не окаменели. Не было там ни жениха, ни дружек, только лесные молодцы-разбойнички, почему-то бледные, и на ходу выплясывали, подскакивали вокруг невесты. А невеста? Белее снега, будто ее из гроба вынули, не смеялась она, шла как во сне, не поднимая глаз, а вокруг нее — разбойнички. Идет, слова не молвит, головой не кивнет. На виселицу — не под венец так идут, сказали б вы. Ни платка на ней, ни венка, черные волосы до земли распущены. И гости не наряжены. Глядят наши музыканты на разбойную ватагу, и страх им сердце сжимает. Ох, не видывали они еще такой свадьбы! А парни, что вокруг невесты пляшут, на музыкантов и не глянут, то кружатся, то запрыгают, перебирая ногами, валашками над головой завертят, из полных штофов прихлебывают.

Вдруг один подлетел к музыкантам да как заверещит:

— Вы что играете? На похороны, что ли, пришли?

Музыканты опешили, а Самко глаза вытаращил, узнал в молодце своего гостя, что музыку заказывал. Лицо у него будто восковое, глаза из-под бровей как уголья горят. Замахал он валашкой над Самко, от страха скрипач только зубы стиснул — не дай бог промахнется разбойник, по голове валашкой зацепит.

Милая замуж шла,
мать родную позвала... —

затянул разбойник дурным голосом над самым ухом у Самко.

Ледяным холодом повеяло от его лица. Оробел Самко, а после подхватил песню, заиграл, и заплясали все разбойнички, как и положено на свадьбе — со свистом, криком, улюлюканьем, ногами колена выделывали.

Потом сели все за угощенье. Притащили жареных баранов, ели мясо, грызли кости, весело пили. Дали мяса, меду и музыкантам, доброго меду, такого в Себехлебах ни тогда, ни после музыканты не пробовали. Музыканты наелись, напились, про страх забыли и грянули веселую плясовую, как и всегда на деревенских свадьбах под Ситном играли.

А разбойники все плясали под огромным дубом. То один, то другой выбежит из круга, всадит валашку в толстый ствол, схватит невесту, покружит ее да и поставит опять у дуба, будто куклу деревянную. И так плясали один за другим с невестой, а потом ставили под дубом, словно неживую. Музыканты уже не дивились, хмельное малость ударило им в голову. Они лихо наяривали, а разбойники плясали, то и дело подбегая к музыкантам, и новехонькие дукаты в контрабас кидали.

В полночь снова подали угощенье, и музыканты еще подкрепились.

Разбойники ели, а Самко отошел в сторонку, прогуляться опушкой леса. Идет, видит, строение — то ли рига, то ли конюшня. Стал двери искать, внутрь хотел зайти, насилу нашел по другую сторону каменной стены. Отворил дверь, смотрит, тут и конюшня, и хлев, полно животины всякой — лошадей, коров, волов. Стоят, к желобам привязанные, все сытые, гладкие на загляденье. Вошел он и вдруг слышит:

— Здравствуй, Самко! Ты откуда взялся?

Самко вздрогнул, испугался, но потом осмелел, ведь по имени его только знакомый какой мог позвать. Озирается, а рядом — ни души. Кто ж его мог окликнуть?

Видит, возле него конь в стойле головой мотает.

«Уж не он ли меня кликал?» — подумал Самко.

И правда!

— Эй, Самко, помнишь ли ты жупана [\[27\]](#) из Ладзян? — молвил конь человеческим голосом.

Скрипач от удивления глаза вытаращил.

— Я это, я, ладзянский жупан, — повторил конь человеческим голосом. — Знаю, бесчестно я жил на свете, скольких крестьян подневольных по моему приказу выпороли! Люди меня проклинали, и проклятья их сбылись, я вот в коня превратился.

Самко ушам своим не верил. Поглядел на коня — конь и конь, как и все кони.

— Помнишь ли, Самко, как ты играл мне? — продолжал конь. — Ты был мне друг, а я тебя в кутузку ни за что ни про что посадил. Ты уж прости. Напоследок хочу отплатить тебе добром. Слушай совет мой. Ты небось и сам заметил, что здесь все не так, как у людей. Заколдованное тут место, на Ситне. Помни и слушай хорошенько, что я тебе скажу! Накидают вам лесные молодцы в контрабас дукатов, знай, что это не настоящие. Из Ситна уйдете — дукаты горстью сора обернутся. Сделай крестик на контрабасе, дукаты останутся дукатами.

Конь-жупан заговорил потише, Самко ближе подступил к коню, чтобы слышать его лучше и поблагодарить за добрый совет, но конь не дал ему слова сказать.

— Слушай дальше. Будут с вами расплачиваться, денег не берите, а просите сор, что в углы заметен. Понял? А теперь спешите, разыскивают тебя. Про меня никому не рассказывай, а домой вернешься — помяни добрым словом.

Конь умолк, а Самко заторопился прочь. Неподалеку от конюшни встретил он Адамца. Тот искал его. Самко — молчок, ни словом не обмолвился, где был, с кем говорил, а когда подсел к товарищам, потихоньку начертил на контрабасе маленький крестик.

И так они всё играли, всё играли, а разбойники с девицей всё плясали, чуть не дрались за нее, а как загорелась на небе заря, все разом исчезли неведомо куда, как и появились невесть откуда.

Музыканты сильно устали, отложили инструменты, сидят, по сторонам беспокойно озираются, не знают, что делать, да никого не видать вокруг. Тут подошел мужик-гора с кудельными усами и, как накануне, поманил их за собой. Пошли они. Усатый провел их через узкую дверь в скалу. В скале оказалась большая просторная пещера. Не было в ней ни стола, ни скамейки, только мешки посреди стоят, а по углам кучки сора.

— Ну, музыканты дорогие, вы для нас хорошо постарались, теперь наш черед рассчитаться с вами, — сказал он.

Самко тут вышел вперед и говорит:

— Спасибо на добром слове, я рад, что мы угодили вам. Ну, а коли ты завел разговор про плату, то наша воля такая: хочешь нам заплатить — дай сору, что по углам лежит.

Музыканты нахмурились, едва удержались и не бросились на него, не поняли, зачем чудную плату запросил. Но перечить не посмели. Самко был у них главный, ему музыку заказывали, ему и плату определять. Мужик ничего не ответил, головой кивнул, а Самко к одной кучке сразу подошел и насыпал две горсти в кошель, что при себе имел. Его примеру и остальные музыканты последовали.

Собрались они в дорогу, и мужик-гора повел их. Вышли они из каменной палаты через дверь в скале и очутились в густом лесу. На дворе была еще ночь, а в самом лесу еле брезжило. Мужик-гора подал голос:

— Вот и пришли. Ждите терпеливо, пока солнце взойдет. А солнышко взойдет, сами увидите, куда вам идти.

Сказал он это — и раздался страшный треск и грохот, будто гром грянул либо скала о скалу ударила, и мужик исчез. Как провалился. Музыканты постояли, постояли, да тут усталость их сморила, сели они и заснули как убитые. Проснулись, а на дворе ясный день.

Протерли музыканты глаза — глядь, а они под тем самым дубом у Трех родников, где вчера провожатого дожидались. Не долго думая, подхватили они свои инструменты, скрипки да цимбалы с контрабасом, и — давай бог ноги, прочь от этих гиблых мест. Дух перевели уж когда до себехлебской межи добежали. Тогда потише пошли, пот с лица утирают. Никто слова не обронил, все только о пережитом думали, что видеть и слышать им довелось в горах у Ситна.

А что же с кошельками сделалось, где невиданная плата лежала? Будто по чьему велению попадали кошельки у них из рук, когда наладились они вытряхнуть никчемный сор да взяться за Самко — зачем просил сор, а не деньги за их старания? Поднял свой кошелек один, поднял другой, поднял и третий — и все кошельки тугие да тяжелые, будто свинцом налитые.

— Ах, проклятье, что еще за напасть? — запричитал старый Адамец и подкинул кошелек на руке.

Стали музыканты кошельки развязывать и видят, сора как не бывало, во всех кошельках золотые звонкие дукаты. Сейчас только поняли они, отчего Самко сор — не деньги выбрал. Но сколько они ни допытывались, откуда он дознался, что сор деньгами обернется, он так и не сказал. Сдержал Самко Дудик слово, данное коню-жупану в Ситне.

Пришли музыканты в родную деревню, а им тут несказанно удивились.

Повстречали они на околице старую Кршачеву, а та, едва увидела их, руки воздела и заголосила:

— Ой, люди добрые, где же это вы пропадали?

Настал черед музыкантам удивиться. Остановились они, глядят на старуху и думают: не помутилось ли у ней в голове? Да старуха в своем уме была, а они узнали, что с той поры, как ушли они в Ситно из деревни, три месяца прошло. Никто уж и не чаял увидеть музыкантов живыми, их давно оплакали. Музыканты диву давались, а их рассказам о Ситне никто не верил. Показали музыканты золотые звонкие дукаты, только люди все равно не поверили и знай приговаривали:

— Ах, нечистые это дукаты, как и все, что приключилось с вами, нечисто.

— Покропить бы их святой водой, — подсказала старуха Кршачева.

Музыканты только посмеивались. Кропи не кропи, дукаты остались дукатами. Откуда они у разбойников? Их разбойники у богатых панов взяли. А паны? С бедноты содрали, с крестьян, что спину на них от зари до зари гнут.

И будто бы немало тех дукатов в Ситне спрятано, да неведомо, как подобраться к ним.

Может, нашел бы к ним путь знаменитый скрипач вроде Самко Дудика из Себехлеб, да только не родился на свет другой такой, вот и лежат дукаты в той скале нетронутые.

Пророк

Словацкая сказка

Перевод И. Ивановой

Жил крестьянин, плут да бездельник, еще и женой глуховатой судьба наградила его. Так они хозяйничали, все промотали; ничего-то у них не осталось, одна корова.

Вот и надумал хозяин: «Продам-ка я корову, на что мне она? Жена совсем не кормит ее, отвыкнет корова есть — одни кости да кожа останутся, а много ли за кожу выручишь? Худо, конечно, без коровки-то, да ладно, чего долго думать — займусь каким-никаким ремеслом, глядишь, и прокормлюсь».

Сказано — сделано, и погнал он корову на базар. Увидала его жена и кричит вдогонку:

— Корову продашь, купи мне юбку, пускай даже не сборчатую!

— Куплю, так и быть, куплю! Но первым делом какой-никакой едой разживусь! — откликнулся муж, а сам поскорее за околицу.

Корову он продал сразу. Купил календарь и жареного гуся, засунул все в суму, а прочие деньги в корчме спустил, до самого утра там просидел.

А жена, дожидаясь мужа, затопила печь. В тепле разморило ее, она и надумала: «На что мне старая одежда, коли муж новую купит?»

Скинула она с себя все старье, бросила в огонь, в одной сорочке осталась. Сгорели одежда и дрова, выстыла печь, выстыла и изба, пока муж все в корчме сидел. А глупая жена за печью в одной сорочке дрожала от холода.

Наконец явился дорогой муженек. Только он в дверь, жена кричит:

— Любезный муженек, скорей давай новую юбку!

— Какую еще тебе юбку? Не купил я.

— Что ж ты, проклятый, наделал! Я же велела тебе, чтоб купил какую ни на есть, пусть даже и не сборчатую!

— Зато я гуся принес, дам и тебе попробовать, только замолчи!

Теперь вот только осталось жене сидеть за печью в одной сорочке да помалкивать — как ей на люди без юбки показаться! Спасибо еще, муж от щедрот своих дал ей кусочек гусятины. А мужу одно надо — лишь бы сидела да помалкивала про его волшебную книгу, где сплошь одни загогулины, кружочки да палочки всякие, и в тех знаках сказано обо всем, что делается на свете. И объявил он на деревне, что всё угадать может, любую пропажу найдет, пускай только спросят. Взял он волшебную книгу — а попросту говоря — календарь, — положил перед собой вверх ногами, потому как грамоты он не знал, и такую важность напустил на себя, будто все книги на свете перечитал и море премудрости выхлебал. Долго, однако, никто к нему не шел. Но вот однажды сидит он за столом и вдруг к нему в избу сосед вломился.

— Ох, беда, дорогой соседушка! — завопил он с порога.

— Да что ж это ты, братец, вваливаешься, будто невежа какой! Нешто так к пророку входят? Ступай вон, постучись, а как услышишь «Войдите!» (это я тебе скажу), стало быть, входи и шляпу сними, не забудь. Тогда уж и говори со мной, да пообходительнее, как господа промеж себя говорят. Ты запомни: перед тобой — пророк!

Что поделаешь, вышел сосед, а после уж, поклонившись, и заговорил:

— Пан пророк, пропала у меня пара волов, не знаете ли вы, кто их угнал? Заплачу вам двадцать дукатов и меру гороха в придачу дам. А горох у меня отменный — зернышко к зернышку, не горох — чистое золото!

— То-то, невежа, сразу так бы поклонился, обошлось бы и без наставлений. А теперь тащи двадцать дукатов да горох. Найдутся твои волы.

Обрадовался сосед, будто волы уже в хлеву у него стоят, притащил горох и деньги.

— Подойди сюда и гляди, коли не слепой! Этот вот, с кривой ногой, — ткнул он на закорючку в календаре, — ночью отвязал твоих волов. Ежели к завтрашнему утру он не приведет их на место, увидишь — и на вторую ногу захромает, тут-то мы его и сцапаем за хохол.

По деревне тотчас разнеслось — так, мол, и так, волы найдутся, и хромоту придется худо. И кто же оказался вором? Хромой Кубо с нижнего конца деревни. Он тотчас и явился, сам не свой от страха, постучался как положено и поклонился:

— Пан пророк, пан предсказатель, изволите быть дома?

— Дома, дома я. Тебе чего, кривая твоя душа? — встретил его пророк.

А тот в ответ:

— Ах, что с души возьмешь, уж как она вздыхала и горевала, когда рукам украсть захотелось. Да вы уж знаете, я насчет тех волов к вам пришел. Как бы мне худо не было.

— А что дашь, чтобы хуже не стало?

— Ой, да я с радостью дам вам столько же, сколько и сосед ваш ближний. Только уж вы постарайтесь, сделайте милость, чтобы потом все обошлось.

Да уж, лучшего и хотеть было некуда: у пророка и деньги, и гороха вдоволь, и волы еще до рассвета были на месте. И что вы думаете? Помаленьку, потихоньку находились пропажи то у одного, то у другого в деревне, а у пророка помаленьку наполнялись и кошелек, и кладовая.

Муж исправно кормил жену, но одежду покупать не хотел, даже юбку без сборочек не купил, об одном помнил:

— Пускай за печкой сидит, ремеслу моему не мешает.

Тоскливо было жене сидеть за печкой без юбки, хоть и сытно ела она теперь — гусятину и поросятину, да и мало ли чего перепало ей из приношений односельчан!

Вот как-то у пани из замка пропало золотое обручальное кольцо. Искали его, искали, да не нашли, всех выпросили, но никто и намеком не знал, где кольцо. Пронесся слух, что пани из замка нашедшему сулит сто дукатов, а вора грозитя колесовать. Вслед за слухом и слуга принесся из замка. Ввалился в избу к пророку и сразу — слышал ли он о пропаже в замке и не нашел бы он ту пропажу, коли он такой ясновидец.

— Что у твоей хозяйки пропало, — говорит пророк, — я и без тебя знаю. Но ты распоследний невежа, коли не знаешь, что к пророку с поклоном входить следует.

И выставил его. Только когда тот вежливо постучался и поклонился, пророк впустил его и так заговорил:

— Вельможная пани не знают, что ли, что пророку не пристало к большим господам пешком ходить. Пришлют за мной дрожки, тогда и приеду.

Пани из замка послала дрожки. Пророк, с раскрытым календарем в руках, важно расселся в дрожках; так и подъехал к замку. Там он потребовал для себя отдельных покоев, семь дней времени и чтоб подавали ему самые отборные блюда и сладкого питья вдоволь, пока он не вычитает, куда подевалось кольцо.

Пани распорядилась сделать все, как он сказал. Она и так всем заправляла в замке, а тут муж уехал на неделю.

Разлюбезного пророка откармливали, ровно паука какого, пил он, как бочка, и все сновал-шнырял по всем углам.

А жена его горестно сидела дома за печью в холоде и в голоде. Но не зря говорится — начнешь воровать, как нечего на зуб положить. Когда подъезла все в доме, вышла на дорогу в одной сорочке и — прямиком в замок, к мужу. А слуга, что за пророком посыльным приходил и приезжал, рад был пророку назло сделать, взял и впустил жену к нему. Куда было мужу деваться? Он велел ей тихо сидеть, обещал кормежку сытную — тут, мол, блюда на стол носят — не считают.

— Теперь гляди хорошенько, — говорит он, — вот и первый идет!

Это первый слуга с ужином к нему по лестнице шел.

При этих словах слуга затрясся, это он кольцо спроворил, не один, правда, но про остальных он сейчас и не думал, понял, что пророк на него показывает. За ним и второй слуга подоспел с блюдом.

— Вот, женушка, и второй!

И этого слугу от страха в дрожь бросило.

А тут и третий показался.

— Ну, не говорил я тебе, что и третьего дождемся!

Третий слуга, только успел поднос на стол поставить, сразу же бухнулся пророку в ноги и взмолился:

— Эх, чего уж таиться, коли вы все знаете, мы втроем кольцо спроворили. Как было его не взять, коли оно само в карман просилось? Молим вас, спасите нас, грешных, уж мы в долгу не останемся, сотня дукатов у нас найдется. И хозяйка наша обрадуется, когда кольцо до приезда мужа объявится.

— Я сразу на вас подумал, — важно промолвил мужик, будто патриарх какой. — А нынче вечером у меня уж никаких сомнений не осталось. Жаль мне вас, но таким манером я решил вас пронять. Завтра, кабы не признались, конец вам был бы! Ну, а ежели вы меня не послушаетесь, от беды все едино не уберезетесь. Несите деньги сейчас, а утром дайте кольцо самому большому индюку на птичьем дворе, пускай проглотит. А что дальше будет — это уж моя забота.

Тотчас отдали они ему деньги, да всю ночь с боку на бок проворочались — что-то завтра ждет их? А пророк проспал ночь мирным сном.

А наутро вся затея чуть прахом не пошла, пани никак не хотела, чтоб красавца индюка зарезали, — дескать, ну откуда взяться кольцу у индюка?

— Пожалеете индюка — без кольца останетесь, все знаки на него показывают, — стоял на своем пророк.

Смирилась она, и глядь — золотое кольцо в зубу у индюка оказалось. Отсчитала пани сто дукатов пророку и велела отправляться, покамест не нагрязнул ее муж.

— Спешу, тороплюсь, — отвечал пророк, — да только как же я средь бела дня поеду, позориться перед людьми стану, жену в одной сорочке, да и то в рваной, повезу?

Велела пани дать ей свое самое нарядное красное платье. Вот и поехали они оба, пророк и жена его, с гордым видом на дрожках из замка.

А в воротах повстречался им хозяин замка и удивился: это кто ж такая едет в самом красивом наряде его жены? Деваться некуда, пришлось во всем признаться.

— Коли ты такой пророк, проверю и я тебя, — сказал на это пан.

Приготовили богатое угощение. Зажарили индюка, пригласили в гости еще двенадцать соседей на пир. На стол подали двенадцать разных кушаний на блюдах, а тринадцатое блюдо было накрыто крышкой. И было на том блюде кушанье, какое пан привез с собой и в том году его на стол еще не подавали. Угадать надо было с одного раза — что под крышкой. А пророк ни сном ни духом не знал того.

— Ну, говори, да быстрей! — напирал на него пан.

— Эх, Рак, прыгал ты, прыгал, да и допрыгался! Все, конец тебе пришел! — горестно вздохнул пророк, его ведь Раком звали.

А пан в удивлении воскликнул:

— Ну и ловок же ты!

Снял он крышку, а под ней — огромный морской рак, сваренный в кипятке докрасна.

Все только диву давались и глаза таращили — то на красного морского рака, то на мудрого пророка. Сказывают, будто гости, паны, что в замок пришли, каждый еще по сотне дукатов пророку отвалил, а потом его с почетом отвезли домой, потому как не пристало мудрости пешком ходить.

Разжился пророк неплохо, только с глупой женой приходилось ему мыкаться, вот и давал он ей ума, благо самому ума не занимать было. Так и жили они, поживали, хлеб жевали. Известное дело — трудно деньги нажить, а с деньгами-то всякий дурак проживет.

Двенадцать месяцев

Словацкая сказка

Перевод Д. Горбова

Было у матери две дочки: одна — родная, другая — падчерица. Родную она очень любила, а падчерицу терпеть не могла, и все из-за того, что Марушка красивей Олены была. Но Марушка не знала о своей красоте, у нее и мысли такой быть не могло: мачеха как только на нее взглянет, так и нахмурится. И она думала, что, наверно, чем-нибудь мачехе не угодила.

Пока Олена то наряжалась да прихорашивалась, то по горнице расхаживала или на дворе прохлаждалась, то на улице разгуливала, Марушка в доме чистила, прибирала, варила, стирала, шила, пряла, ткала, траву для скота косила, коров доила — всю работу делала. А мачеха знай бранит ее да ругается целый день. И не смягчало ее то, что та все терпеливо сносила, — напротив, от этого она обращалась с бедной девушкой все хуже и хуже. А все из-за того, что Марушка с каждым днем становилась все красивей, а Олена — все безобразней.

И подумала мачеха: «Какая мне радость держать красавицу падчерицу в доме? Будут приходить парни в гости, станут влюбляться в Марушку и не захотят любить Олену».

Потолковала она с Оленой, и надумали они такое, что никому другому и в голову бы не пришло.

Однажды — было это вскоре после Нового года, в трескучий мороз, — захотелось Олене фиалок понюхать. Она и говорит:

— Ступай, Марушка, в лес, набери мне букет фиалок. Хочу его к поясу приколоть: очень мне хочется фиалочек понюхать.

— Боже мой! Милая сестрица, что это тебе в голову пришло? Слыханное ли дело, чтобы под снегом фиалки росли? — ответила бедная Марушка.

— Ах ты гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? — закричала на нее Олена. — Ступай сейчас же вон! И коли не принесешь мне фиалок, я тебя убью!

И мачеха выгнала Марушку из дому, дверь за ней захлопнула да на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Снегу там целые сугробы и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит вдали огонек. Пошла она на тот огонек и пришла на вершину горы. Там горел большой костер, а вокруг костра лежало двенадцать камней, и на тех камнях сидели двенадцать человек: трое из них с белыми, седыми бородами, трое помоложе, трое еще моложе и трое совсем молодых. Сидят тихо, молча, неподвижно глядя на огонь. Это были двенадцать месяцев. Январь сидел на самом высоком камне. Волосы и борода у него были белые как снег, а в руке он держал палку.

Испугалась Марушка, совсем от страха помертвела. Но потом набралась храбрости, подошла поближе и попросила:

— Люди добрые, позвольте мне погреться, я дрожу от холода.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

— Зачем пришла, девица? Чего здесь ищешь?

— Я пришла за фиалками, — ответила Марушка.

— Не время теперь фиалки рвать, кругом снег... — возразил Январь.

— Знаю, — сказала Марушка, — да сестра моя Олена с мачехой велели принести им из лесу фиалок. А коли не принесу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы мне фиалок нарвать?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к самому младшему месяцу, дал ему в руку палку и сказал:

— Братец Март, садись теперь ты наверх, на мое место.

Месяц Март взобрался наверх, на самый высокий камень, и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился вверх столбом, снег начал таять, деревья покрылись почками, под молодыми буками зазеленела трава, и в траве закачались бутоны цветов. Наступила весна. Среди кустарников, укрывшись под листьями, зацвели фиалки. И увидела Марушка, что вся земля словно голубым платком покрыта.

— Рви скорей, Марушка, рви скорей! — стал торопить ее молодой Март.

Марушка обрадовалась, стала рвать фиалки и скоро нарвала большой букет. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидели, что она спешит домой с фиалками. Отворили они ей дверь, и весь дом наполнился запахом фиалок.

— Где же это ты их нарвала? — сердито спросила Олена.

— Они растут высоко на горе, под кустами. Их там видимо-невидимо, — спокойно ответила Марушка.

Олена вырвала букет у нее из рук, прицепила его себе к поясу, стала нюхать сама и матери давала нюхать, но сестре не сказала: «Понюхай».

На другой день сидела Олена у печки, и захотелось ей ягод.

— Ступай, Марушка, принеси мне ягод из лесу.

— Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слыханное ли дело, чтобы под снегом ягоды росли?

— Ах ты гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? Ступай сейчас же, и, коли ты мне ягод не принесешь, я тебя убью! — пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку вон, дверь за ней захлопнула и на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. А там сугробы снега стеной стоят и нигде ни следа человеческого. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит вдали тот же огонек. И опять она, идя на огонек, пришла к костру. Вокруг него опять сидели-двенадцать месяцев, и выше всех — Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

— Люди добрые, позвольте мне погреться, я совсем замерзла, — попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

— Зачем опять пришла, девица? Чего здесь ищешь?

— Пришла по ягоды, — ответила девушка.

— Да ведь теперь зима, на снегу ягоды не растут, — промолвил Январь.

— Знаю, — печально ответила Марушка. — Да сестра Олена с мачехой велели ягод им набрать. А коли не наберу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы набрать ягод?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к тому месяцу, который сидел напротив него, и сказал:

— Братец Июнь, садись ты теперь на мое место.

Июнь взобрался на самый высокий камень и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился в три раза выше, снег в несколько мгновений растаял, деревья покрылись листьями, кругом защебетали птицы, всюду зацвели цветы. Наступило лето. Под кустами стало белым-бело, словно там насыпали белых звездочек, и белые звездочки эти на глазах стали превращаться в ягоды, которые зрели и становились красными.

— Собирай скорей, Марушка, собирай скорей! — стал торопить ее ласковый Июнь.

Марушка обрадовалась и быстро набрала ягод полный передник. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидели, что Марушка спешит домой и ягод у нее полный передник. Отворили ей дверь, и весь дом наполнился запахом ягод.

— Где же это ты их набрала? — сердито спросила Олена.

— Они растут высоко на горе, их там видимо-невидимо, — спокойно ответила Марушка.

Олена взяла у нее ягоды и наелась досыта; наелась и мачеха. Но Марушке они не сказали: «Возьми себе ягодку».

Полакомилась Олена, а на третий день захотелось ей уж яблока отведать.

— Ступай, Марушка, в лес, принеси мне яблочек румяных, — приказала она.

— Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слыханное ли дело, чтобы зимой яблоки зрели?

— Ах ты гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? Ступай сейчас же в лес, и, коли мне румяных яблок не принесешь, убью! — пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку из дому, захлопнула за ней дверь и на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Сугробы снега там стеной стоят и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит — вдали опять тот же огонек; пошла Марушка на него и пришла к костру. Двенадцать человек — двенадцать месяцев — сидели вокруг словно прикованные, и выше всех Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

— Люди добрые, позвольте мне погреться. Мороз меня совсем донял, — попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спросил:

— Зачем опять пришла, девица?

— Пришла за яблоками румяными, — ответила девушка.

— Теперь зима. Разве зимой зреют румяные яблоки? — говорит Январь.

— Знаю, — печально ответила Марушка. — Но Олена и мачеха пригрозили, что, коли я не принесу им румяных яблок из лесу, они меня убьют. Очень прошу вас, дяденьки, помогите мне еще раз.

Сошел со своего места Январь, подошел к одному из старших месяцев, дал ему палку в руку и сказал:

— Братец Сентябрь, садись на мое место.

Сентябрь взобрался на самый высокий камень и взмахнул палкой. Огонь взметнулся вверх, снег растаял. Но листья на деревьях не распустились, а пожелтелые, понемногу стали падать на землю. Наступила осень. Не увидела Марушка ярких цветов, да она и не искала их. Она смотрела теперь только на деревья. И вдруг увидела яблоню, а на ней высоко-высоко на концах ветвей висят румяные яблоки.

— Тряси, Марушка, тряси скорей! — сказал Сентябрь.

Марушка потрянула яблоню, и с нее упало яблоко; потрянула другой раз — упало другое.

— Бери, Марушка, бери скорей и беги домой! — крикнул Сентябрь.

Схватила она два яблока, сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда Марушка вернулась. Отворили они ей, и она подала им два яблока.

— Где же это ты их сорвала? — спросила Олена.

— Они растут высоко на горе. Там еще много, — ответила Марушка.

Только она сказала, что их много, как Олена накинулась на нее:

— Ах ты гадкая грязнуха! Почему же ты больше не принесла? Верно, сама по дороге съела?

— Милая сестрица, не ела я ни кусочка. Когда я первый раз дерево потрянула, одно яблоко упало. Второй раз потрянула — упало второе. А больше трясти мне не дали. Крикнули, чтоб я домой шла, — сказала Марушка.

— А, чтоб тебя нелегкая взяла! — забранилась Олена и кинулась бить ее.

Мачеха не захотела отставать и схватила дубинку. Но Марушка не далась им в руки, убежала на кухню и спряталась где-то за печью. Лакомка Олена перестала браниться и набросилась на яблоко. Другое дала матери. Таких сладких яблок они ни разу в жизни не едали. В первый раз отведали.

— Мама, дай мне сумку, я сама в лес пойду. Эта дрянь непременно все съест по дороге. А я найду то место и все яблоки стрясу, хоть сам черт на меня напустись!

Так кричала Олена, и мать напрасно ее отговаривала. Повесила Олена сумку на плечо, набросила платок на голову, закуталась хорошенько и пошла в лес. Мать только руки ломала в отчаянии от того, что ее дочка задумала.

Пришла Олена в лес. Сугробы снега там стеной стоят и нигде ни следа ноги человеческой. Бродила Олена, бродила, потому что охота яблочков поест гнала ее все дальше и дальше, — ну просто мученье! Вдруг увидела она вдали огонек, пошла на него и пришла к костру, вокруг которого сидели двенадцать человек — двенадцать месяцев. Но она не поклонилась им, не попросила пустить ее к костру, а просто протянула руки и стала греться, будто огонь для нее и разведен.

— Зачем пришла? Чего тебе надо? — рассердился Январь.

— Что ты меня спрашиваешь, старый дурак? Не твое дело, куда хожу, зачем хожу! — отрезала Олена и пошла на гору, словно яблоки там только ее и ждали.

Январь нахмурился и взмахнул палкой у себя над головой. В одно мгновение небо покрылось тучами, костер погас, повалил снег, подул холодный ветер. Олена ничего не видела на шаг перед собой и все больше и больше тонула в глубоких сугробах. Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, и наконец она упала в изнеможении...

Ждет мать Олену, глядит в окошко, выходит посмотреть за дверь. Проходит час, другой, а Олены все нет и нет. «Что она, от яблок не может никак оторваться, что ли? Пойду сама погляжу», — решила мать,

взяла сумку, закуталась шалью и пошла дочку искать.

Снег валит все гуще, ветер дует все сильнее, сугробы стоят, как стены. Шагает она по сугробам, зовет дочь — ни одна душа не отзывается. Заблудилась, сама не знает, куда забрела, ругает Олену.

Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, упала и она... А Марушка дома приготовила обед, прибрала в избе и подоила корову. Ни Олены, ни матери все нету.

— Что же это они так долго? — беспокоится Марушка, садясь вечером за прялку.

Сидит она за прялкой до поздней ночи, а о них ни слуху ни духу.

— Ах боже мой! Что с ними приключилось? — волнуется добрая девушка и с тоской смотрит в окошко.

Там ни единой души — только после утихшей вьюги сияют звезды, земля искрится от снега да крыши трещат от мороза. Печально опустила Марушка занавеску. С утра опять стала ждать их и к завтраку, и к обеду, но так и не дождалась ни Олены, ни матери: обе замерзли в лесу.

После них остались Марушке домик, коровка, садик, поле и лужок возле дома. А пришла весна, нашелся и хозяин всему этому богатству — красивый парень, который женился на доброй Марушке, и они славно зажили в любви и мире. Мир да любовь всего дороже!

Болгарские сказки

Хитрый петух

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

Дастопырил крылья хитрый петух, вскочил на плетень и ну кукарекать во все горло. Из ближней рощицы выбежала кума лиса.

— Добрый день! — кричит. — Услыхала я, как ты кукарекаешь, вот и прибежала. Ну и хорошо же ты поешь! Вот не знаю только, умеешь ли ты петь, как пел твой батька.

— А как мой батька пел?

— Вскочит, бывало, на плетень, да и стоит на одной ноге, а другую подожмет. Закроет один глаз и кукарекает. Вот был певец так певец!

— И я так умею!

Поджал петух ногу, закрыл один глаз и кукарекает.

— А можешь ты, стоя на одной ноге, закрыть оба глаза и все-таки петь? — спрашивает лиса.

— Могу! — крикнул петух.

Но не успел он закрыть оба глаза, как лиса подскочила и — хватъ петуха!

Унесла его лиса в лес, придавила лапами и уже приготовилась кушать.

— Эх, — вздохнул петух, — было время, матушка твоя не так делала.

— А как она делала? — спрашивает лиса.

— У матушки твоей был такой обычай: бывало, поймает петуха да перед тем, как его скушать, прочтет молитву. Набожная была лисица, богомольная.

Подумала, подумала лиса и решила: надо, мол, и мне помолиться. Сложила передние лапы, закрыла глаза, стала молитву шептать. А петух того и ждал. Как только лиса отдернула лапы, он взлетел — да скок на ближнее дерево!

— Чтоб тебя громом убило! — взвизгнула лиса. — Меня, лису, перехитрил!

И, голодная, поплелась восвояси.

Еж-иглокож, кротиха и лисица

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

ел как-то раз еж-иглокож по полю, увидел кротовую кочку. Слышит — кротиха под землей роется. Позвал еж-иглокож кротиху:

— Вылезай, кума, давай побеседуем.

Вылезла кротиха, вся землей обсыпана, побежала к ежу на беседу.

— Поглядел я, — говорит еж-иглокож, — какая ты работница, и задумал одно дело.

— Что же ты задумал? — спрашивает кротиха.

— Хорошее дело. Да только не знаю, согласишься ты на него или нет.

— Если будет хорошо для нас обоих, почему не согласиться? — молвит кротиха.

— Давай работать вместе, — говорит еж-иглокож. — Ты распашешь поле, я его пробороню и засею. А пшеницу разделим поровну.

— Согласна, еж-куманек. Будем работать вдвоем, дело у нас на лад пойдет. Я умею пахать, а боронить не умею — ведь игл у меня нету. А у тебя иглы есть, зато нет у тебя таких крепких ног и когтей, как у меня. Друг без дружки мы не работники, а станем работать вместе да все поровну делить, вот нам и будет хорошо.

— Ну значит, столковались, — говорит еж-иглокож. — А теперь поплыви себе на лапы и начинай.

Принялась кротиха за работу. Пахала день, пахала другой, вспахала поле. Дошел черед и до ежа.

Свернулся он клубком и покатился по пашне. День катался, два катался, проборонил пашню своими острыми иглами и посеял пшеницу.

Год выдался урожайный. Буйная взошла пшеница, заколосилась тяжелыми колосьями, ядреным зерном налилась — любо-дорого поглядеть.

Пришла пора снимать урожай. Сжали пшеницу, обмолотили, начали делить.

Взял еж-иглокож меру, насыпал в нее пшеницы вровень с краями и говорит:

— Это мне!

Потом насыпал меру до половины и подает кротихе:

— А это тебе!

— Почему ж ты себе берешь полную меру, а мне даешь половину? — спрашивает кротиха.

— Потому что моя работа потяжелее твоей, — отвечает еж-иглокож. — Я пашню боронил, все иглы свои обломил — ни одной целой не осталось.

— А я пахала, все когти переломала, — спорит кротиха. — Уж если судить по справедливости, так мне причитается побольше твоего.

Слово за слово, поругались кротиха с ежом, подрались, друг дружке в глотку вцепились.

На ту пору проходила мимо кума лиса. Услышала шум и прибежала посмотреть на драку. Развела лиса драчунов, села решать их спор. Сама судит, сама на пшеничку поглядывает.

Еж-иглокож стал рассказывать лисе, сколько мук он претерпел, пока боронил пашню, а кротиха показала свои когти — все поломанные.

Выслушала их лиса, усмехнулась лукаво себе в усы и говорит:

— Вижу я, оба вы хорошо поработали. И чтобы никого не обидеть, стану я вас судить праведным судом. Как присужу, так и будет. Согласны?

— Согласны, — отвечают еж-иглокож и кротиха.

— Вижу я, — говорит хитрая лисица, — что вы намолотили десять мер пшеницы, а солома — не в счет. Солому пусть возьмет ежка-иглокожка, чтоб ему полегчало немножко. Он, бедняга, совсем изморился, иглы свои переломал. Постелет себе соломки и будет спать на мягком. Кротичке причитается одна мерка пшенички. А для лисицы-сестрицы останется девять мер пшеницы — молоть на мельнице-водянице. Вот я вас и рассудила по правде!

Слушает еж-иглокож лису, а сам думает: «Да, вот правда так правда! Прямая, как веревка в мешке».

Ушла хитрая лисица с полным грузом пшеницы. Тут кротиха и говорит ежу:

— Вот видишь, кум еж, что вышло из нашей ссоры? Разделили бы мы пшеницу поровну, весь бы год были сыты. А сейчас остались ни при чем.

Вздыхнул еж-иглокож.

— Выходит, что так, — говорит. — Правду сказывают люди: «Двое дерутся — третьему пожива».

Воробей и лиса

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

дно время воробей и лиса были закадычными друзьями. Куда лиса бежит, туда и воробей летит.

— Братец воробушек, — говорит как-то раз лиса, — хочешь, давай вместе посеем пшеницу?

— Хочу, кумушка.

Посеяли пшеницу. Выросла она, поспела. Пришла пора убирать урожай. Воробей с лисой начали жать с самого утра. Но вот солнышко припекать стало, — а лиса-то была всем лентяйкам лентяйка, и надумала она схитрить.

— Братец воробушек, — говорит, — ты жни, а я пойду вон на ту горку, буду небо подпирать — боюсь, как бы оно не упало. Упадет небо — поломает нашу хорошую пшеничку.

— Иди, кумушка, — говорит воробей, а сам опять нагнулся — жнет себе да жнет.

Взошла лиса на пригорок. А тут как раз облако выплыло из-за гор. Села лиса, подняла лапы — будто облако подпирает.

Воробей сжал ниву, убрал снопы, подмел гумно и говорит:

— Иди, кумушка, давай молотить.

— Молоти ты, воробушек-братик, а мне и нынче доведется небо подпирать. Не то оно упадет да и погубит нашу хорошую пшеничку.

Запряг воробей волов, обмолотил пшеницу, провеял и зовет лису:

— Иди, кумушка, будем пшеницу делить.

— Иду! — кричит лиса.

Прибежала. Взяла лиса меру и говорит:

— Вот тебе, воробушек, мера, а мне причитается две меры. Ведь моя работа потяжелее твоей — я небо подпирала. К тому же я тебе старшей сестрой довожусь.

Воробей проглотил обиду, забрал свое зерно и полетел восвояси. Увидела его собака и спрашивает:

— Ты что пригорюнился?

Рассказал ей воробей про свое горе. А собака разгневалась и говорит:

— Веди меня в Лисицыну житницу![\[28\]](#)

Привел ее воробей к житнице. Собака влезла туда и зарылась в зерно.

На другой день собралась лиса на мельницу — пшеницу молоть. Пришла она в свою житницу, стала

сгребать зерно, видит — из него собачье ухо торчит. Подумала лиса: это что-то съестное — да и хватить ухом зубами. А собака как выскочит, как бросится на лису — задушила вмиг.

Добрый жаворонок

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

Жил на свете бедный крестьянин. Была у него всего лишь одна полоска земли. Крестьянин на ней просо сеял. На полоске росло дерево, а на том дереве жаворонок гнездо себе свил. Посеял бедняк просо на своей полоске, и просо росло-вырастало, цвело-расцветало, вот уж и зерном налилось. Поспело просо, жаворонок и повадился его клевать. Видит это бедняк и думает: «Надо срубить дерево, а жаворонка отогнать, не то он мне все просо поклюет». Взял бедняк топор и подошел к дереву. Ударил топором по стволу, тут жаворонок и заговорил человеческим голосом:

— Не руби дерево, человек, я тебе дам все, чего ты попросишь.

Подивился бедняк, посмотрел вверх и спрашивает:

— Что ты мне можешь дать? У тебя у самого ничего нет — только перья на теле.

— А ты подними вон ту палку, что лежит под деревом, — говорит жаворонок, — да стукни ею три раза по земле и скажи, чего тебе хочется.

Поднял бедняк палку, стукнул три раза по земле и сказал:

— Палка, дай мне хлеба и сыра!

В тот же миг появились перед ним теплый пшеничный каравай и свежий сыр в белом полотенце. Диву дался бедняк. Сначала глазам своим не поверил, потом сам наелся и жене отнес хлеба и сыра. Рассказал бедняк жене про все, что с ним приключилось, а та не поверила. Тогда он стукнул три раза палкой по земле и говорит:

— Палка, хочу отобедать по-богатому. Подай жареных кур да медового питья!

И не успел он это сказать, как в горнице появился богатый обед. Чего-чего только не было: и жареные куры, и медовое питье, и еще много всякой всячины. Бедняк с женой наелись досыта и легли спать. А наутро жена и говорит мужу:

— Вот что, муженек, надоело мне жить в лачужке. Хочу, чтобы дом у нас был лучше всех домов в округе.

Стукнул бедняк три раза палкой по земле и говорит:

— Палка, хочу жить в хорошем доме!

Не успел оглянуться, как лачужка его пропала и на ее месте появился большой дом с широкими окнами. Другого такого во всем околотке не было.

Муж с женой прожили в этом доме день, прожили другой, и вот жена опять говорит мужу:

— Мы с тобой разбогатели. Теперь я желаю почета. Позови к нам в гости царя.

Муж туп-туп-туп палкой по земле:

— Палка, приведи ко мне в гости царя!

В тот же миг кто-то постучался в дверь. Вышел крестьянин — и что же он видит? Перед ним сам царь!

— Дошел до меня слух, — говорит царь, — что ты теперь самый богатый человек в округе. Вот я и зашел тебя проведать.

— Добро пожаловать, царь честной! Входи, будь моим гостем!

Вошел царь в дом и залюбовался: по нраву ему пришились крестьянские палаты.

А хозяйка и говорит:

— Милости просим, царь честной! Отведай нашего угощенья. Муженек, возьми палку да попроси самых дорогих кушаний, какие только цари едят.

Стукнул крестьянин три раза палкой по земле, и в тот же миг на столе появились такие яства, какие только цари едят. Подивился царь и, пока все они ели и пили, только об одном и думал: как бы выкрасть палку. Думал-думал, ничего не придумал, не сумел палку украсть. Вот вернулся царь домой и приказал своим слугам вырезать ему точь-в-точь такую палку, как у крестьянина. Стукнул царь этой палкой три раза по земле и говорит:

— Палка, хочу иметь мраморный фонтан с двумя трубами, и пусть из одной течет молоко, а из другой медовое питье.

Но сколько он ни стучал палкой по земле, как ни просил ее создать мраморный фонтан, ничего не появлялось: ведь палка у царя была простая, а не волшебная, не такая, как у крестьянина. Спрятал тогда царь свою палку под одеждой и опять пошел в гости к крестьянину.

Муж с женой встретили царя приветливо, накормили его, напоили да и уснули. А царю только того и надо. Их палку забрал, свою оставил да и был таков.

Наутро крестьянин взял палку, стукнул три раза по земле, но палка ничего ему не дала. Стукнул еще три раза, и еще, и еще — все без толку. Догадался он обо всем, захохотал:

— Ох, жена, царь-то мою палку украл!

— Не может быть, муженек! Ну и хорош у нас царь, нечего сказать! Мы его приняли, угостили, а он у нас палку украл. Ступай к нему поскорей, потребуй вернуть палку.

Пошел крестьянин к царю требовать свою палку, а царь и на порог его не пустил. Кричит:

— Я тебе честь оказал, в гости к тебе пришел, а ты меня вором обзываешь? Эй, слуги! Хватайте этого дурака! Дайте ему сто батога [\[29\]](#) по голому телу, чтоб он в другой раз и подойти не смел к моему дворцу.

Схватили царские слуги крестьянина, избили его батогами и вышвырнули вон. Лежит крестьянин перед царскими палатами, охает, стонет. Никто ему помочь не смеет — все боятся злого царя.

Вот он наконец встал и кое-как доплелся до своего дома. Рассказал бедняк жене обо всем, что с ним приключилось, а та ему говорит:

— Где уж нам с царем тягаться! Скажи спасибо, что хоть жив остался. Ступай опять к жаворонку, попроси другую палку.

Подошел бедняк к дереву, принялся его рубить.

— Чего тебе надобно, добрый человек? — спрашивает его жаворонок.

Рассказал крестьянин о том, как царь украл у него палку да как царские слуги его избили, и попросил у

жаворонка другую палку.

— У меня была только одна такая палка, — говорит жаворонок, — так что другой я дать не могу. Но я тебе подарю ослика. Как хлопнешь его по спине, так он тебе червонец выплюнет.

— Где этот ослик?

— Вон там, под деревом. Бери его и ступай с богом.

Посмотрел крестьянин, видит — под деревом пасется серый ослик. Крестьянин сел на него верхом и поехал прямо к себе домой. Не успел в ворота въехать, кричит жене:

— Выходи, жена, гляди, какого ослика я тебе привел!

Вышла жена, увидела ослика и давай ругаться:

— Мне не ослик нужен, а палка!

— погоди, жена, ничего ты не знаешь. Этот ослик не простой, не такой, как другие.

Похлопал крестьянин ослика по спине, а тот разинул рот и выплюнул несколько червонцев. И всякий раз так: хлопнет крестьянин ослика по спине, а тот золотую монету выплюнет.

Зажили крестьянин с женой в довольстве и в сытости. Да неожиданно-негаданно стряслась беда. Собрался как-то крестьянин съездить на базар, сел верхом на ослика и поехал в город. Вот едет он мимо кузницы и думает: «Не худо бы ослика-то подковать». Сказано — сделано, подковали. Хлопнул крестьянин ослика по спине, тот червонец выплюнул. Крестьянин отдал монету кузнецу и поехал обедать. Ослика привязал во дворе, а сам пошел в корчму. Кузнецу только того и надо. Привязал своего ослика во дворе корчмы, а ослика крестьянина увел к себе.

К вечеру крестьянин вернулся домой, и жена его сразу же догадалась, что ослик-то чужой. Принялась она ругать мужа:

— Что же это, муженек? Тебя опять объегорили? Или не видишь, что ослик-то не наш?

Не поверил ей крестьянин, хлопнул ослика по спине, а тот не только монеты не выплюнул, а лягнул ногой да чуть не выбил зубы хозяину.

Закручинился бедняк. Взял он свой топор и опять пошел к дереву. Принялся рубить дерево, а жаворонок и говорит:

— Чего тебе надо, добрый человек?

— Беда у меня великая, украли моего ослика, — отвечает крестьянин, а сам чуть не плачет.

— Не тужи, добрый человек, — говорит ему жаворонок. — Вон на той груше висит железный молоток. Стукни этим молотком три раза по земле, и появятся перед тобой три молодца-удальца. Что им прикажешь, то и сделают. А когда сделают, стукни опять три раза, и они пропадут.

Обрадовался крестьянин, схватил молоток — и прямо к царю. Завидел его царь и опять приказал своим слугам дать ему сто батога по голому телу и вышвырнуть его из дворца. А крестьянин, не будь плох, тук-тук-тук молотком по земле. И вот как выскочат незнамо откуда три молодца-удальца, как бросятся на царя да на царских слуг и давай их колотить — живого места не оставили. Испугался царь, взмолился.

— Смилуйся, братец, — просит, — прикажи своим молодцам оставить меня в живых. Я тебе дам все, чего пожелаешь.

Засмеялся крестьянин:

— Ага! Теперь ты меня братом называешь! Отдай мою палку и убирайся с глаз моих долой, пока жив!

Взял крестьянин свою палку и ослика своего отобрал у кузнеца и пошел домой, веселый и довольный.

Мальчик-пахарь

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

Давным-давно жил-был один мальчик, бедняк из бедняков. Отец у него умер, а мать с великим трудом, в поте лица едва зарабатывала на хлеб. Летом она с корзинкой бродила по горам, чернику собирала. Наберет полную корзину, спустится в город и там продаст ягоды. Мальчик ходил в школу. В сумке своей он носил только разбитую аспидную доску^[30], даже букваря у него не было. Когда мальчик родился, его тетя, зажиточная женщина, подарила ему телку. Прошло семь лет, телка выросла, стала коровой, но телят не приносила.

Вот раз мальчик идет домой из школы, а сам плачет-заливается. Мать его спрашивает:

— Что плачешь, мамино дитяtko?

— Обидно мне, — говорит мальчик. — У всех моих товарищей есть буквари, они уже читать научились, а у меня нету. Дай мне денег на букварь!

— Нет у меня денег, сынок, — отвечает мать. — Вся моя надежда была на корову. Думала я, вырастет она, отелится, буду я ее доить, утром и вечером по подойнику молока надаивать. А что получилось? Корова-то оказалась яловая^[31]. Вот уж и поздняя осень настала, ягод нету, даже черника перезрела. Неоткуда мне взять денег. Не нынче завтра глубокий снег выпадет. Куда нам тогда деваться — ума не приложу! А корову чем кормить? Ни сена нету, ни соломы. Заведи-ка ты ее в лес, дитяtko, найди дерево потолще да и привяжи к нему. Хоть от коровы-то отделаемся.

Погнал мальчик корову, завел ее в лес, привязал к дереву и пошел домой. Он уже был у деревни, когда к корове подошла одна старушка. Она была знахарка и всегда жила в лесу — приглядывала за птичками, что в наших краях зимуют. Отвязала старушка знахарка корову и отвела к себе во двор.

Вот идет мальчик по дороге домой, в деревню, и вдруг видит: в дорожную колею попал воробушек со сломанной ножкой и ощипанным крылышком. Хочет воробушек выкарабкаться из колеи, да не может вспорхнуть.

«Бедный птенчик, что с ним будет, если проедет телега? — подумал мальчик. — Задавит его колесом».

Нагнулся мальчик, осторожно поднял птенчика и положил за пазуху. Пришел домой, рассказал матери, где оставил корову, и показывает воробушка.

— Брось его коту, — говорит мать.

— Нет, мама, я буду кормить его крошками, пока у него ножка не поправится да перья не отрастут на крылышке. А тогда выпущу на волю.

Взял мальчик старую корзинку, устлал ее паклей да сухой травой и положил туда воробушка. Каждый день мальчик кормил птенчика крошками и поил водой из наперстка. Когда же в доме не было хлеба,

воробушек тоже голодал.

Прошла зима. Поправился воробушек и в один теплый весенний день вылетел в отворенное окошко. Полетел прямо в лес к хате старой знахарки. Прилетел, сел старушке на плечо. Старушка в то время чесала гребнем двух маленьких телят.

— Где зиму проводил, внучек? — спрашивает она воробушка.

Воробушек рассказал, как один бедный мальчик вынул его из колеи, кормил и пестовал, пока не поправилась у него ножка и не отросли перья на крылышке. Рассказал и спрашивает:

— Чьи это телята?

— Вон той коровы, что лежит перед хатой.

— Откуда она взялась?

— Я ее в лесу нашла, она была к дереву привязана. Побоялась я, как бы ее волк не съел, да и привела к себе. Пусть, думаю, поживет у меня, пока за ней хозяин не придет. Да никто за ней не приходит. Зимой я ее кормила сеном из Тилилейских дебрей. Поела она этого сена и отелилась двумя телятами.

Вспорхнул воробушек и принялся летать над телятами. Летает, крылышками их щекочет, а телята скачут, играют. Смотрит на них корова, радуется не нарадуется.

В тот день мальчик сказал своей матери:

— Мама, хочется мне пойти в лес, узнать, что случилось с нашей коровой. Соскучился я по ней.

— Иди, коли соскучился, — говорит мать.

Пошел мальчик в лес. Целый день искал корову, нигде не мог найти. Стемнело. Заплакал мальчик — страшно ему стало в темном лесу. И вдруг видит он: между деревьями загорелся огонек. Пошел мальчик на огонек — и что же он увидел? Стоит в лесу хата, перед хатой двор, а во дворе лежит корова и с нею два теленка. Увидел мальчика воробей и зачирикал:

— Бабушка, выходи скорей, спаситель мой пришел!

— Какой спаситель? — спрашивает старушка.

— Да тот мальчик, хозяин коровы.

Старушка приняла мальчика ласково, угостила его молочной тюрей[32], уложила спать в хате, а наутро разбудила спозаранку.

— Ступай на базар, — говорит. — Сведи туда корову с телятами. Корову продай, а телят не продавай. На вырученные деньги купи себе повозку на железном ходу и железную соху. Запряги в повозку телят. Они хоть и малы, да крепки — повезут повозку.

Послушался мальчик знахарки, все сделал, как она наказывала. Вернулся домой с повозкой на железном ходу, а на повозке — железная соха. Телята везли повозку играючи, словно на ней не железная соха лежала, а муха сидела. Не успел мальчик въехать во двор и телят выпрячь, как слышит — сельский глашатай бьет в барабан.

— Слушайте, люди-сеяне! — кричит глашатай. — У нашего царя есть поле, а на том поле родится просо. Просо это не простое, наливается оно золотым зерном. Кто вспашет царское поле за один день, до заката солнца, тому царь даст все, чего он пожелает. А кто возьмется вспахать к закату, да не допашет, тому царский палач снимет голову с плеч.

Наутро запряг мальчик телят в повозку и выехал со двора.

— Ты куда? — спрашивает его мать.

— Еду пахать царскую пашню.

— Не ездь, сынок! Телята молоденькие, где им вспахать пашню? Видишь, рожки у них едва пробились — маленькие, словно орешки. На царском поле земля твердая, как железо. А царь у нас лютый: нарочно заманивает людей на свое поле, чтоб их погубить.

— Не бойся, мама, — говорит мальчик, — у меня соха железная.

— Он тебе голову отрубит!

— Не отрубит!

Приехал мальчик на поле, снял с повозки железную соху и запряг в нее телят. А тут как раз приходит на пашню злой царь. Кричит мальчику издали:

— Ты что тут делаешь, мальчишка?

— Пашу поле под просо. К вечеру допашу.

— Убирайся отсюда! Это дело тебе не по силам, да и телятам твоим тоже.

— Посмотрим, — говорит мальчик.

Тронул телят, взялся за рукояти и ну пахать твердую землю. Легко идут телята, на ходу жвачку жуют, а мальчик шагает за сохой да посвистывает. Пашет себе да пашет, борозду за бороздой проводит. Вот солнце перевалило за полдень, и осталось мальчику провести только одну борозду. Царь смотрел-смотрел и задумался, видит — к вечеру мальчик все поле вспашет. И тогда послал он одну старуху колдунью заморочить голову пахарю. Пришла колдунья на пашню, окликнула мальчика:

— Пстой, внучек, отдохни маленько! Ишь, солнце-то как высоко, а тебе всего одну борозду провести осталось, хватит времени допахать пашню. Сядь-ка посиди, я тебе сказку расскажу.

Остановил мальчик телят, сел в борозду — любил он сказки слушать. А колдунья принялась рассказывать. Сама говорит, сама сыплет мальчику в глаза сонный порошок. Заснул мальчик. Увидела колдунья, что мальчик спит, и ушла.

А солнце спускается все ниже и ниже, вот-вот закатится. Тут один теленок и говорит другому:

— Солнце-то заходит, а мы пашню не допахали. Погибнет наш хозяин. Что делать?

— Вот что, — отвечает другой теленок. — Я взойду вон на ту гору и бодну рогом солнце — оно и вернется на полдень. А ты разбуди мальчика.

И вот телята сбросили с себя ярмо, и один стал подниматься на гору, а другой — лизать руку спящему мальчику. Проснулся мальчик, посмотрел на небо, видит — солнце заходит. Задрожал он от страха. Но теленок уже взошел на гору. Боднул он солнце маленьким своим рогом, и солнце вернулось на полдень. Тогда теленок-богатырь спустился на поле.

Вскочил мальчик, запряг своих телят в соху, провел последнюю борозду и пошел к царскому дворцу. Вызвал злого царя и говорит:

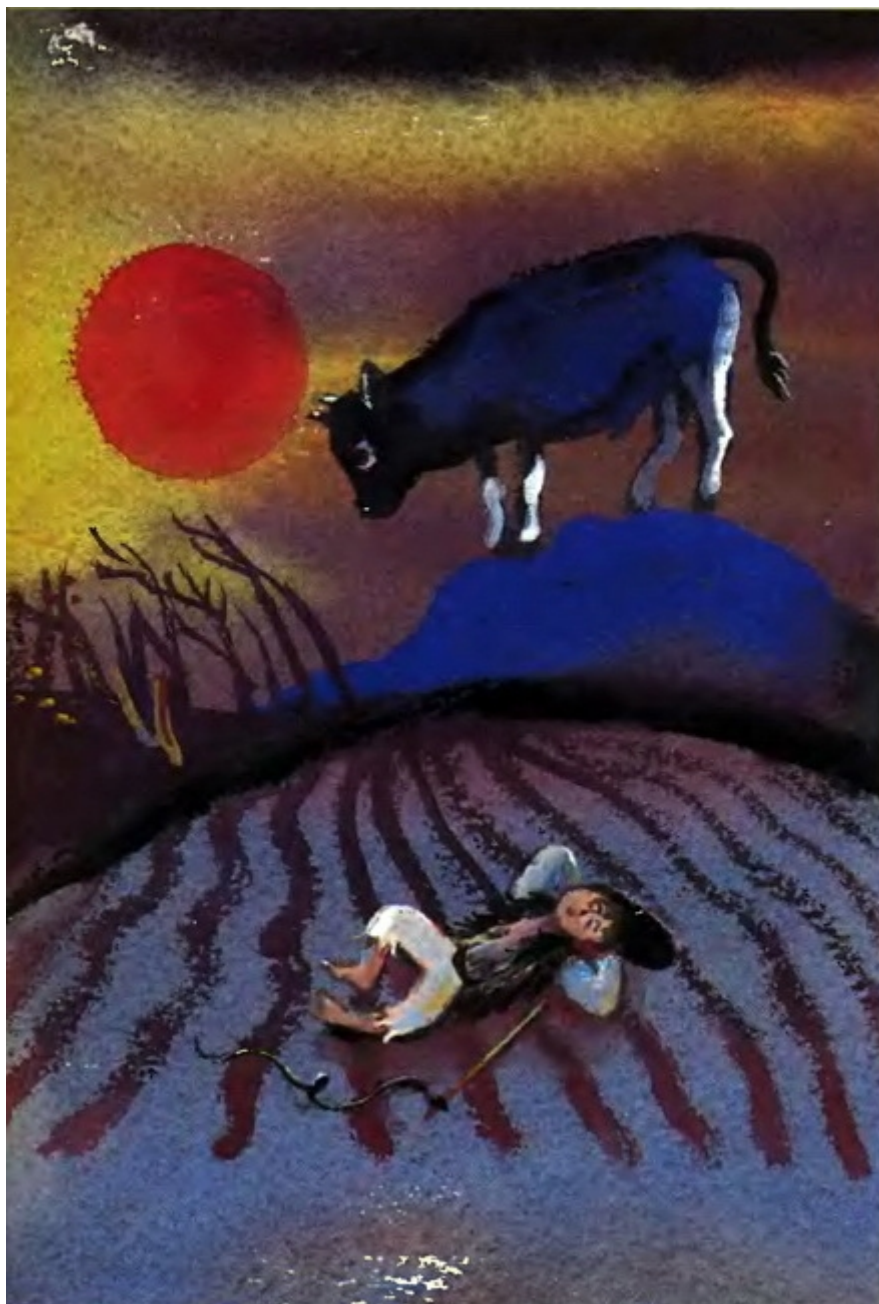
— Ну, царь, выполняй свое обещание!

Рассердился царь, дрожит от ярости, но — дал слово, держись.

— Проси, — говорит, — чего хочешь.

— Хочу, — отвечает мальчик, — чтобы ты от престола отрекся, а когда на поле созреет просо, пусть оно достанется всему народу. Ведь земля-то не твоя, а народная.

Царь пожелтел от злости, да, видно, делать нечего. Снял он с себя царский венец, отрекся от престола и бежал в дикие дебри Тилилейские. А мальчик пошел к самому искусному кузнецу и попросил его сковать стальной серп, чтобы тем серпом жать золотую ниву народную.

К болгарской сказке «Мальчик-пахарь»

Бесценный камушек

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

Расскажу вам сказку про бесценный камушек деда Павла. Дед Павел был пастух. Была у него в балканских горах кошара[33], и на ночь он загонял в эту кошару десяток овец. Были у него и хатка с черепичной кровлей, и котенок, и щенок. Но не было у бедного горца даже коптилки, чем освещать каморку, когда стемнеет.

Брел как-то раз дед Павел за своей отарой по опушке леса и вдруг слышит писк — ни дать ни взять кто-то в пищик свистит, да так жалобно! Пошел дед Павел в лес, осмотрелся и видит: горят деревья, трещат сучья, а под одним обгорелым пнем в пламени корчится пестрая ящерица и кричит тонким голоском. Увидела ящерица старика и стала его просить:

— Пастух, брат мой, вызволи меня из огня!

— Я бы тебе помог, — отвечает дед Павел, — да боюсь сунуться в огонь — ноги обгорят.

— Так протяни мне свой посох — я за него ухвачусь, ты меня и вытащишь.

Дед Павел протянул ящерице свой длинный пастуший посох, а она обвилась вокруг него, как вьюнок, и старик вытащил ее из огня. Оправилась она маленько и говорит:

— Теперь я хочу тебя отблагодарить. Ступай за мной.

— Что ж ты мне дашь? — спрашивает дед Павел.

— Я дочь царя ящериц, — отвечает ящерица. — Отец мой, ящер, живет в глубокой темной пещере. На голове у него венец, а в том венце девять бесценных камушков, и светят они, как девять солнц. Один такой камушек я подарю тебе.

И вот побежала ящерица по траве к речке, а старик за ней поплелся. Шли-шли, дошли до пещеры.

— Ты постой тут у входа, а я пойду за камушком, — говорит ящерица.

Дед Павел сел на землю. Стало темнеть. Пока ящерица бегала за камушком, совсем стемнело. И вот наконец бежит она обратно с бесценным камушком во рту. Не успела ящерица выскочить из пещеры, как вся поляна вокруг засияла. Птички на ближних деревьях замахали крылышками, защибетали — подумали, заря занялась, солнце всходит.

— Возьми камушек, — говорит ящерица, — и ступай домой. Придешь, стукни три раза камушком о землю и скажи: «Стань передо мной то-то и то-то!» Чего пожелаешь, то и получишь.

Взял дед Павел светлый камушек, рассмотрел — а камушек был не больше лесного ореха, — положил его в торбу[34] и заковылял домой. Вот гонит он свою отару, а щенок и котенок уж на пороге сидят, ждут. Старик загнал овец в кошару, а сам вошел в хату и вынул камушек. И так засверкал его камушек, что вся хата осветилась. Щенок и котенок даже глаза лапками закрыли — побоялись, не ослепнуть бы.

Поужинал дед Павел и говорит:

— На что мне просить у камушка еще чего-то? Да у меня и так все есть — и хата, и овцы, и брынза, а теперь вот даже и ужинаю со светом!

Лег дед Павел спать. Лежит-лежит, не спится ему. И стал он думать да раздумывать: «И что это я, право, не испытал камушка? Надо у него чего-нибудь попросить. Чего бы мне попросить? Чего бы попросить?.. Ага, попрошу белокаменный дворец».

Встал старик с постели, подошел к полке, а камушек лежит себе на ней, сияет. Дед Павел взял камушек, стукнул им три раза о землю и говорит:

— Стань передо мной, белокаменный дворец!

Не успел он это сказать, как хатка его сдвинулась и куда-то пропала, а на ее месте появился дивный белокаменный дворец. Стены в покоях были зеркальные, посуда из чистого золота, а столы и стулья из слоновой кости. Подивился старик, прошелся по горницам, все осмотрел и улегся на мягкую пуховую перину, а камушек за пазуху спрятал.

И что вы думаете! В тот самый вечер сосед пастуха, Иван, приходит к нему в гости и говорит:

— Зашел поглядеть, жив ли ты, здоров ли. Давай покалякаем, а то меня нынче что-то сон не берет... Эге, это что за чудо? Глазам не верится! Кто тебе построил такой дворец?

— Камушек построил.

— Какой камушек? Ну-ка, покажи мне его.

Дед Павел сунул руку за пазуху, вынул камушек и подает соседу. Рассмотрел Иван камушек:

— Как же это вышло, что такой маленький камушек построил тебе целый дворец?

Дед Павел рассказал, как дело было, а камушек убрал за пазуху. Говорили-говорили соседи, стали позевывать.

— Оставайся ночевать в моих палатах, Иван, — пригласил дед Павел соседа.

— А куда мне лечь?

— Ложись рядом со мной вот на эту перину.

Лег Иван рядом со стариком и стал дожидаться, когда тот заснет. Как только дед Павел уснул, Иван сунул руку ему за пазуху, схватил камушек, стукнул им три раза о землю и говорит:

— Станьте передо мной, четыре богатыря, поднимите дворец и отнесите его за Дунай.

Не успел он вымолвить эти слова, как явились четыре богатыря, подняли дворец и унесли. Иван ушел за ними с камушком, а дед Павел остался. Наутро проснулся, озирается — и что же он видит? Нет ни дворца, ни бесценного камушка. Стоит ветхая хатка с черепичной кровлей, а в ней щенок да котенок. Заплакал старик горькими слезами. Овцам стало его жалко, принялись они блеять. Закручинился котенок, и щенок пригорюнился. Вот котенок и говорит щенку:

— Давай пойдем на тот берег Дуная за дедовым камушком.

— Давай, — говорит щенок.

Тронулись в путь. Шли-шли — прошли всю Дунайскую равнину, дошли до широкой тихой реки Дуная.

— Я умею плавать, — говорит щенок, — а ты не умеешь. Садись ко мне на спину, я тебя на ту сторону переправлю.

Сел котенок на спину к товарищу, и переплыли они на тот берег Дуная. Прошли еще немного, добрались до дворца. Подождали в саду, пока не стемнело, и влезли в растворенное окошко. И вот видят: спит Иван на пуховой перине, а камушек спрятал во рту, под языком.

— Как нам вынуть камушек у него изо рта? — говорит щенок.

— Сейчас скажу, — отвечает котенок. — Я суну хвост в перечницу и пощекочу у Ивана в носу. Иван чихнет — камушек у него изо рта и выпадет.

Как сказал котенок, так и сделал. Сунул хвост в перечницу, пощекотал у Ивана в носу, Иван чихнул, и камушек выпал у него изо рта. Котенок схватил камушек и — наутек. А щенок за ним. Бежали-бежали, добрались до Дуная. Котенок сел верхом на щенка, и тот поплыл. Доплыл до середины реки и говорит:

— Вот диковинный камушек! Дай-ка мне на него поглядеть!

— Сейчас нельзя, — говорит котенок, — ты его уронишь в воду. Выйдем на берег, тогда и гляди.

— Давай сейчас, — зарычал щенок, — а не то я тебя со спины сброшу. Упадешь в воду — утонешь.

Испугался котенок и говорит:

— Держи!

Щенок протянул лапку за камушком, да не удержал его: камушек в воду канул. Вылезли зверьки на берег и заплакали.

Ехал мимо рыбак с удочкой, стал их расспрашивать:

— Чего вы плачете?

— Голодные мы, — ответил котенок.

Рыбак закинул удочку в воду, вытащил большую рыбку и бросил ее щенку с котенком.

— Нате, — говорит, — не плачьте больше!

Котенок и щенок отнесли рыбу в ивняк и принялись закусывать. И как вы думаете, что они нашли в ее брюхе? Нашли камушек. А дело было так: рыба стояла в воде, разинув рот. Камушек упал в воду, она его и проглотила.

То-то обрадовались зверьки! Пустились бежать через Дунайскую равнину, перебежали ее, добрались до кошары деда Павла. Видят, старик лежит на земле и плачет. Зверьки подкатили камушек к самой голове хозяина. И вдруг свет камушка попал в глаза старику. Схватил дед Павел камушек, стукнул им три раза о землю и крикнул:

— Стань передо мной, Иван, да не просто так, а в мешке!

Не успел он это сказать, как появился мешок, а в нем Иван. Тут дед Павел взял свой посох и давай колотить по мешку. Надал валу тумаков, развязал мешок, прогнал Ивана прочь. Потом положил камушек в торбу и говорит:

— Не надо мне никакого дворца, все равно Иван украдет. Знаю я его повадки!

И дед Павел побрел за своими овцами. С той поры он каждый вечер клал камушек на полку, и тот освещал хату. А когда старик умер, ящерица прибежала и унесла камушек.

Юнак со звездой на челе

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

Давным-давно, в старину, жил один человек, добрый и трудолюбивый. Все у него было — и дом, полный всякого добра, и кони, и овцы, и рогатый скот. Только детей не было, и он очень о том горевал. Каждый день заходили к нему путники из далеких стран. Радушный хозяин встречал их приветливо, приглашал в дом, а хозяйка хлопотала у очага, угощение готовила.

И вот выдался такой день, когда никто не зашел в гостеприимный дом до самого вечера. Вышел хозяин на улицу посмотреть, не идет ли какой-нибудь странник, а если идет, так зазвать его к себе. Ждал-ждал, ночь наступила, а путников нет как нет. Тоскливо ему стало. Уж он хотел вернуться домой, как вдруг увидел, что по темной улице идет старец с белой бородой до пояса. Подошел к нему старец и говорит:

— Добрый вечер, сынок!

— Добро пожаловать, старче! Что так поздно идешь? Не хочешь ли зайти ко мне в дом переночевать?

— Спасибо.

Обрадовался старец и пошел к доброму человеку. Вошли в дом. Хозяйка гостю рада, засучила рукава и принялась готовить сытный ужин. После ужина старец стал расспрашивать хозяев, как они живут да есть ли у них все, что им требуется.

— Живем-то мы хорошо, — ответила хозяйка, — дом у нас полная чаша! Вот только ребеночка нету, некого в люльке песнями баюкать.

— Не горюйте, — сказал старец, — будет у вас и ребеночек. Ну, а теперь пора спать — уже за полночь перевалило.

Наутро белобородый старец встал рано и собрался уходить. Хозяин проводил его до околицы. На прощанье старец пошарил у себя в кармане, вынул румяное яблоко и подал его радушному хозяину.

— Возьми яблоко! Придешь домой, разрежь его пополам. Одну половинку съешь вместе с женой. Через девять месяцев она родит тебе дивного мальчика. И будет у него примета — звезда на челе [\[35\]](#). Вырастет — станет юнаком-богатырем, каких свет не видывал. — Потом старец сунул руку в торбу и вынул складную саблю. — Вот тебе сабля, — говорит. — Береги ее хорошенько. А когда сыну твоему исполнится двадцать лет, отдай саблю ему и скажи, что, коли придет нужда, сабля сама выскочит из ножен. Но если не сын твой, а кто другой вынет ее из ножен, юнак со звездой на челе умрет в тот же миг... Другую половину яблока ты разрежь на двенадцать ломтиков. Есть у тебя двенадцать нежеребых кобылиц. Дай им съесть по ломтику. Одна из них принесет тебе жеребенка с рогом на лбу. Береги его как зеницу ока — на нем твой сын будет верхом ездить. Ну, прощай, будь здоров!

Вернулся домой гостеприимный хозяин и в точности выполнил наказ старца. Долго ли, коротко ли, на свет появились мальчик со звездой на челе и жеребенок с рогом на лбу.

Рос мальчик, подрастал, и вот исполнилось ему двадцать лет. Стал он ходить на охоту в горы и всякий раз приносил домой оленей и серн, а раз даже притащил медведя-стервятника [36].

И вот однажды разнесся по деревне слух, что в городе появился страшный юнак — сила у него богатырская, может две конские подковы переломить. Тогда сын-удалец сказал отцу, что хочет пойти в город, посмотреть на этого силача.

— Иди, сынок, только сначала выбери себе коня из конюшни.

Пошел молодой юнак на конюшню, схватил одного коня за хвост, повертел у себя над головой и вышвырнул его за ворота; потом схватил за хвост другого коня, повертел, вышвырнул; потом — третьего, четвертого, пятого — пока всех не перебрал.

— Неужто нет у нас коня получше? — спрашивает юнак конюхов.

— Есть, как не быть! Да только у него рог на лбу. С норовом конь — брыкается, кусается. Такого объездить нельзя, не годится он для езды.

Подошел юнак к коню-единорогу, схватил его за хвост, хочет поднять, а конь и не шелохнется — стоит как вкопанный.

— Вот это конь по мне! — говорит юнак.

Сел верхом на коня и подъехал к родителям проститься.

Увидел отец, что сын выбрал коня-единорога, порадовался великой радостью и пошел за саблей. Вынес ее на двор, подал сыну и передал ему наказ белобородого старца.

Юнак поцеловал руку у родителей и тронулся в путь. Ехал-ехал, доехал до города, где жил знаменитый силач — тот, что конские подковы ломал. Отыскал его юнак в одной кузнице и говорит:

— Давай с тобой силой меряться.

— Давай, — согласился силач.

Взял он две новые подковы в обе руки и переломил, как ломоть хлеба.

Тут наш юнак спешился и взял три подковы. Положил их одну на другую и раскрошил играючи.

Знаменитый силач поклонился ему в ноги.

— Признаю, что ты сильнее меня! — говорит.

Тогда юнак со звездой на челе сел на своего коня-единорога и поехал искать других богатырей, чтоб и с ними силой померяться. Долго он ездил, пытал и выпытывал у всех встречных и поперечных, где живут знаменитые юнаки. И сказали ему, что где-то далеко, на горе, живет богатырь и одолеть его никто не в силах. Всадник направился в ту сторону. Вот подъехал он к той горе, видит — стоит за оградой белый дом. Конь-единорог перепрыгнул через ограду. Тотчас из дома выбежал человек, вскочил на вороного коня и ринулся на пришельца.

— Чего ищешь в моем доме? — кричит.

Юнак со звездой на челе выхватил свою саблю из ножен и рассек воздух — по воздуху свист пошел. А противник его вдруг отступил — увидел саблю, увидел рог на лбу у коня и глаз с них не сводит. Соскочил он со своего вороного коня и пал на колени перед юнаком.

— Признаю тебя, гость, за такого юнака, какому нет равных! Отныне и до века готов я служить тебе верой и правдой.

Юнак со звездой на челе вложил саблю в ножны, спешился, вошел в белый дом. Тут служанки

захлопотали, приготовили богатую трапезу. Хозяин и гость сели за стол. Ели, пили, веселились и, наконец, побратались [37]. Хозяин стал рассказывать гостю, какие чудеса он может творить.

— Я, — говорит, — могу обернуться в медведя, в козу или в осла; могу ходить на руках головой вниз, а ногами работать, как руками.

— Это все дела — не дела! Ну, а еще что можешь?

— Если припаду ухом к земле — услышу, что говорят люди на всем белом свете.

— Вот это хорошо! — сказал юнак со звездой на челе. — А теперь прощай, побратим!

— Прощай, побратим! Час тебе добрый! Но когда же мы опять увидимся и как мне знать, жив ли ты и не случилось ли чего с тобой?

— Я тебе скажу так, — ответил гость. — Возьми вот этот цветок. Он рос в саду у моей матери: она его посадила в тот день, когда я родился. Из семечка вырос стебель, и появились на нем два цветка. Расцвели и до сего дня не завяли. А завянут они, когда я умру. Возьми один, а у меня останется другой. Каждый день смотри на свой. Пока он будет цвести — знай, что я жив; а если завянет, — значит, меня уже нет в живых.

Сказал эти слова юнак со звездой на челе, вскочил на коня-единорога, пришпорил его и вылетел со двора, как сокол. Долго он мчался по зеленым лугам и лесам, переправился через девять рек. На всех путях и перепутьях спрашивал прохожих и проезжих, не встречался ли им такой богатырь, чтобы всех сильнее был. Хотелось ему с таким силой померяться. Но никто не мог ему указать такого богатыря.

И вот доехал юнак со звездой на челе до одного глубокого озера. Посреди озера стояла хижина. Юнак тронул коня — хотел его попоить, но вдруг из хижины выскочил человек с громадным брюхом да как крикнет:

— Эй ты, не пей моей воды! Я сам от жажды помираю — соленой рыбы наелся. Целую неделю я ждал, чтобы реки наполнили озеро да жажду мою утолили.

Тут брюхан наклонился к воде и одним духом выпил все озеро.

Подивился юнак со звездой на челе, соскочил с коня-единорога и завел разговор с водопийцей-брюханом. Побеседовали они по-приятельски и стали побратимами. На прощанье юнак со звездой на челе дал брюхану другой свой цветок и рассказал про него; потом пожал руку побратиму и уехал.

Долго ли, коротко ли, конь-единорог спустился в глубокую долину. В долине стояла высокая башня, крытая золотой черепицей.

«Тут, наверное, живет какой-то большой человек», — подумал юнак со звездой на челе и постучал в запертые ворота. Постучал он раз, другой, третий, потом заглянул через ограду. Видит — по каменной лестнице спускается молодая женщина, красавица писаная, вся в шелку и золоте, на пальцах драгоценные камни сверкают. Подошла она к воротам, отперла их, а как подняла глаза на удалого доброго молодца, так и залилась слезами.

— О чем плачешь, красавица? — спрашивает ее гость.

— Как же мне не плакать, неведомый юнак? Довелось мне стать женой разбойника. А ведь я царская дочь. Вот уже год прошел, как просватали меня за одного доброго молодца, красавца не хуже тебя, но в самый день свадьбы на дворец моего отца напали разбойники и отняли меня у жениха. Привезли сюда. И вот я тут день-деньской проливаю слезы. Черная у меня жизнь. Но не так мне горько за себя, как за тебя — ведь и ты погибнешь в молодых летах. Разбойник может погубить тысячу таких, как ты.

— Не бойся, красавица, — говорит юнак со звездой на челе. — Я его одолею и на тот свет отправлю.

Разбойник в то время был на охоте. Увидел он издали, что какой-то всадник разговаривает с его пленницей, вспыхнул, как зажженный порох, — искры из глаз посыпались — и погнал коня к башне. Но не успел он подъехать, как юнак со звездой на челе выхватил свою саблю из ножен и рассек пополам разбойникова коня. Рухнул разбойник на землю. Еще раз замахнулся юнак и ударил саблей — убил разбойника наповал. А красавица стояла в сенях с ножом в руке: порешила руки на себя наложить, если разбойник одолеет юнака. Но вот увидела она, что разбойник мертв, побежала отворять ворота победителю и, заливаясь слезами, бросилась его обнимать. Юнак со звездой на челе въехал во двор, отвел коня-единорога в конюшню, а сам пошел в башню, да так и остался в ней жить, женился на красавице царской дочери.

Долго ли, коротко ли, узнал царь, отец красавицы, что разбойника уже нет в живых. И вот послал он сказать дочери, чтобы она возвращалась домой — хочет-де отец выдать ее замуж за одного князя. Но красавица не согласилась вернуться и сказала посланцам:

— Передайте моему отцу, что я уже замужем и не надо мне никакого князя.

Царь был злой человек. Стал он искать охотников погубить юнака со звездой на челе, да никого не нашлось. И вот пришла во дворец колдунья, хитрая, как лисица, и говорит:

— Царь-государь, я берусь погубить этого юнака и привести к тебе твою дочь. Богато ли ты меня наградишь?

— Дам тебе торбу червонцев, — отвечает царь.

Колдунья переоделась нищенкой-побирушкой и пошла к башне, где жил юнак со звездой на челе. Он в то время был на охоте. Постучала колдунья в ворота, красавица подошла, а колдунья и говорит ей:

— Доченька, пожалей меня! Нет у меня в доме ни крошки хлеба. Подай милостыньку!

Красавица была жалостлива. Вынесла она за ворота целую корзину хлеба, жареного мяса, плодов, подала колдунье и говорит:

— Придет нужда, бабушка, ты опять приди. Я всегда сижу дома одна. Приходи, побеседуем, я тебе еще чего-нибудь подарю.

На другой день колдунья дождалась того часа, когда юнак со звездой на челе поехал на охоту, и опять приплелась. Нынче придет, завтра придет — вот и подружилась с царской дочерью. Стала хитрая лиса расспрашивать красавицу, как она живет с мужем.

— В ладу живем, — отвечает красавица. — Муж от меня ничего не скрывает.

— А ты не очень-то верь мужу, — говорит колдунья. — Быть того не может, чтобы муж от тебя чего-нибудь не скрывал. Да вот, к примеру, спроси у него, в чем тайна его жизни, он тебе ни за что не скажет.

— Скажет!

— Попробуй! Увидишь, что не скажет.

Ушла колдунья. Вечером красавица накрыла на стол и села с краю; сидит понурившись.

— Чего пригорюнилась? — спрашивает ее юнак.

— Скажи, не скрываешь ли ты чего от меня?

— Сама знаешь, что не скрываю.

— А почему ты мне до сих пор не сказал, в чем тайна твоей жизни?

— Скажу — беда будет.

— Прощу тебя, скажи! — просит жена, а сама слезами заливается.

Встревожился юнак, обнял жену.

— Не плачь, — говорит, — я тебе скажу. Тайна моей жизни кроется в той сабле, что висит у меня на поясе. Пока я сам вынимаю саблю, ничего худого со мной не случается. Но если кто другой ее вынет из ножен — я в тот же миг умру. Это и есть тайна моей жизни. А ты никому про нее не сказывай, не то мне погибель.

На другой же день колдунья узнала тайну — не сумела красавица ее сохранить. Вечером колдунья собралась уходить домой, но, как только вышла со двора, обернулась кошкой, пролезла под запертые ворота, прокралась в башню и притаилась под кроватью в спальне юнака. Перед сном юнак снял саблю с пояса, лег и заснул. Тогда колдунья вылезла из-под кровати, обернулась женщиной, схватила ножны, вынула из них саблю и выбросила ее в окно. Сабля упала в озеро. В тот же миг юнак со звездой на челе перестал дышать.

Наутро проснулась красавица, заплакала, закричала, а колдунья пошла известить царя. Узнал злой царь, что зять его умер, вооружил целый полк и отправил его силой забрать красавицу. Но как только полк подошел к воротам, за ворота выскочил конь-единорог, и начался лютей бой. Конь-единорог один бился с целым полком, никого не подпускал к башне.

В тот же день побратимы юнака заметили, что цветы их увяли.

— Нашего побратима нет в живых! — крикнули они и всплеснули руками.

Собрались побратимы и поехали узнать, что случилось. Тот, что мог слышать все разговоры на свете, припал ухом к земле и услышал, как колдунья говорила царю:

— Не успела я вынуть саблю из ножен, как он перестал дышать.

— А где сабля?

— Я ее бросила в озеро, что перед башней.

— Ага! — сказал первый побратим. — Так вот кто погубил славнейшего из юнаков! Старая колдунья. Едем скорее, вернем ему жизнь.

Сели побратимы на двух огромных горных орлов, полетели к башне и опустились на берегу озера. Брюхан-водопийца нагнулся и одним духом выпил всю воду. На дне озера блеснула обнаженная сабля. Первый побратим взял ее, поднялся по каменной лестнице и вошел в спальню, где лежал бездыханный юнак. Схватил ножны, и, как только вложил в них саблю, юнак со звездой на челе протер глаза и приподнялся.

А в то время конь-единорог храбро сражался с царским полком и никого не подпускал к башне. Юнак со звездой на челе вскочил на ноги, взял ножны с саблей и выбежал во двор. Выхватил он свою острую саблю, и, как только она засвистела над головами врагов, те разбежались в разные стороны, как цыплята. Юнак не стал за ними гнаться, взял в плен только царя и колдунью.

Злого царя заточили в подземелье, а колдунья тоже получила по заслугам — бросили ее в озеро.

Благословенные орехи

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

шли три брата на чужбину деньги зарабатывать. Дошли до перепутья, остановились. Вот старший и говорит:

— Тут мы разделимся. Я пойду в гору по правой дороге, ты, средний брат, ступай по левой, а ты, меньшей брат, иди по средней дороге. Через три года, на Димитров день [\[38\]](#), сойдемся все трое на этом перепутье и увидим, кто сколько заработал. Согласны?

— Согласны, братец, — отвечают младшие братья.

Поцеловали руку старшему и разошлись в разные стороны.

Старший брат остался жить в одном городе. Открыл пекарню и за три года нажил полную сумку червонцев. Средний брат открыл корчму у моста, засучил рукава и принялся торговать — вот и набил себе карманы. А младший брат нанялся в помощники к одному доброму человеку, старому пастуху.

Минуло три года, пошел парень к пастуху за расчетом. Пастух отсчитал его заработанные деньги, сложил их в кучу, потом вынул из-за кушака три ореха и говорит:

— Я человек старый, больной, одряхлел, сил у меня не хватает бегать за овцами. Хорошо, что хоть ты мне подвернулся, а не то все стадо бы мое пропало. Большое тебе спасибо, овец ты пас хорошо. Причитается тебе такая плата: или столько-то денег, или же три ореха — вон те, что лежат перед тобой. Деньги я тебе дам без благословения, потому что деньги — как огонь: они человеку руку жгут. А орехи дам от всего сердца, с благословением дам. Хочешь, бери деньги, хочешь — орехи.

Парень подумал-подумал, да и протянул руку к орехам.

— Возьму орехи, раз ты даешь их от сердца и с благословением.

Взял парень орехи, поцеловал руку старому пастуху и тронулся в путь.

И вот на Димитров день три брата сошлись на перепутье.

— С хорошим заработком вернулись? — спрашивает старший.

— С хорошим, — отвечает младший.

— Посмотрим! Только сперва поглядите, сколько нажил я.

И старший брат развязал свою сумку, а средний вытащил из-за пазухи кошель с деньгами.

— Вот это здорово! — говорит ему старший.

Тут младший брат сунул руку в карман и вынул три ореха.

— Это что же такое? — спрашивает его старший брат. — Столько ты заработал за три года?

— Да! Только три ореха, но они даны от всего сердца и с благословением, — отвечает младший. — Дал их мне один старый человек, пастух, за то, что я его овец пас. Он обо мне заботился не хуже родного отца.

Рассердились старшие братья.

— Много мы видывали дураков, но дурей тебя во всем свете не сыскать! — кричит старший брат. — Проработать три года за три ореха — такого чуда не слыхано, не видано! Вернись и потребуй у пастуха денег, а без них и глаз не показывай в отцовский дом.

Опечалился парень, пошел обратно. Тяжело у него было на душе. Идет, сам себе говорит:

— Я-то думал, когда тебе дают что-нибудь от всего сердца, так это лучше всего на свете, а вот что получилось.

Шел он, шел, дошел до родника. Нагнулся попить водицы, глотнул раз-другой, а больше пить не стал — очень уж есть захотелось. Пошарил в торбе — ни крошки хлеба. «Дай-ка я расколю свои орехи, — думает голодный парень, — хоть червячка заморю». Расколел он один орех. Что за чудо! Орех принялся расти; рос-рос, вырос в стоведерную бочку. И вот из скорлупки стали выбегать овцы, ягнята, бараны с колокольчиками на шеях — целое стадо вышло из одного ореха.

Парень от радости не знает, что делать. Собрал стадо, пошел домой. Шел-шел, подходит к родной деревне. «Дай-ка я расколю другой орех, — думает, — посмотрю, что в нем такое».

И расколел второй орех. Как только скорлупка треснула, из нее вышли два молодых вола с длинными рогами, а за волами оказалась повозка, а на ней железный плуг.

Ударил себя парень по лбу.

— Вот так чудеса! — говорит.

Взял в руки цепь и повел волов вслед за стадом. Но, не дойдя до деревни, надумал расколоть и третий орех. Расколел. И вот из скорлупки вышла девушка, да такая красавица, что пером не описать.

— Веди меня к своему отцу в дом, — говорит девушка. — Суждено мне быть твоей женой.

Посадил парень девушку на повозку, повел волов. Идут овцы, колокольчиками звенят. Пришел парень домой и сыграл свадьбу. Девять деревень на свадьбу позвал. И я на той свадьбе был. Ел, пил, веселился — да так, что до нынешнего дня на душе весело!

Царь Троян — козлиные уши

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

Царь Троян был красавец царь, только уши у него были козлиные. Не хотелось ему, чтобы люди знали про его уродство, так он всегда носил большую шапку: под ней уши свои скрывал. Брадобреи, что приходили его брить, назад не возвращались: снимет брадобрей волосы с царской головы, а царь ему снимет голову с плеч, чтобы не узнали люди про козлиные уши.

И вот наконец дошел черед до единственного сына одной бедной женщины — вызвали его побрить царя. Побрил парень царя, а тот его спрашивает:

— Есть у тебя братья?

— Нет, государь, — отвечает парень. — Я один сын у матери.

Сжалился царь над его матерью и говорит:

— Смотри никому не рассказывай о том, что видел у меня на голове, а не то я тебя казню.

Поклялся парень язык за зубами держать.

— Если узнаешь, — говорит, — что я про это болтаю, в тот же час прикажи с меня голову снять.

Царь дал парню денег и назначил его своим постоянным брадобреем.

И вот стал парень ходить к царю. Брил ему голову, а про козлиные уши не говорил никому, только сам стал чахнуть да сохнуть. Смотрела на него мать, смотрела, забеспокоилась, да и стала выпытывать, что у него на сердце лежит — горе ли какое, или, может, захворал? А парень ей и скажи, что знает он одну тайну, да не смеет ее открыть никому на свете, а если откроет, его казнят.

— Сказал бы кому-нибудь, мне бы полегчало, — говорит парень.

И вот мать дала сыну такой совет: пойти в поле, выкопать ямку поглубже, сунуть в нее голову и трижды громко сказать про то, что лежит у него на сердце.

Послушал сын родную мать, пошел на поле, выкопал ямку, сунул в нее голову и трижды крикнул во весь голос:

— У царя Трояна козлиные уши!

Потом закопал ямку и пошел домой. И вот полегчало парню, начал он поправляться, а работать стал еще усерднее.

Долго ли, коротко ли, выросло на месте ямки густолиственное дерево с тремя ветками. Росли-росли эти ветви, выросли большие. Пришли на то место пастушата скот пасти, увидели дерево и смастерили себе из его сучьев дудки. Дунули пастушата в дудки, а из дудок послышался голос:

— У царя Трояна козлиные уши!

И вот пошла в народе молва про диковинные дудки, дошла и до царя Трояна. Призвал он брадобрея и говорит:

— Это что же такое? Ты мне поклялся никому не выдавать тайны, а ныне ее весь свет узнал? Как ты смел проболтаться?

Стал парень оправдываться, говорит, что никому, мол, про тайну не сказывал. А царь выхватил меч из ножен, но не успел зарубить брадобрея: тот пал на колени и признался, что выдал тайну земле. Потом сказал, что на том месте выросло дерево и если из него вырезать дудку, она крикнет: «У царя Трояна козлиные уши!»

Подивился царь, сел в колесницу, взял с собой брадобрея и поехал на то поле, где росло дерево. Подошли к дереву, и царь приказал вырезать дудку. Дунули в дудку, из нее послышался голос:

— У царя Трояна козлиные уши!

Тут царь Троян уразумел, что никакую тайну на свете сохранить невозможно. Простил брадобрея и перестал прятать свои уши.

Почему старикам почет

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

дин жестокий царь издал такой закон: всех старых людей убивать.

— Старики не могут ни жать, ни пахать, ни деревья рубить, — говорил он. — Только дома сидят, хлеб даром едят да под ногами путаются.

И вот царские палачи засучили рукава и взяли топоры в руки. Всех стариков переказнили. Остался в той земле только один старик — отец некоего боярина^[39]. Пожалел боярин старика отца, не выдал его палачам, а спрятал в тайнике и там кормил. Никто про него знать не знал, ведать не ведал.

У жестокого царя был вороной конь, да такой норовистый, каких свет не видывал. Не то что объездить его, а и подойти-то к нему никто не смел. Жила в царском дворце одна знахарка, хитрая баба. Раз спросил ее царь, как объездить коня. А она ему в ответ:

— Как объездить? А прикажи, государь, своим боярам свить аркан из песка. Заарканишь своего вороного коня песочным арканом, станет он смирней овечки.

Созвал царь всех бояр и объявил свою волю:

— Завтра же доставьте мне аркан из песка. А если явитесь во дворец без аркана, я вас всех до единого переказню.

Разошлись бояре, повесивши головы. Никто не понимал, как это можно свить аркан из песка. Среди бояр был и тот, кто спас от казни своего отца. Вернулся он домой, вот старик его и спрашивает:

— Что закручинился, сынок?

Боярин рассказал, чего требует царь.

— Только и всего? — говорит старик. — Ну, тебе бояться нечего. Завтра утром, когда вы все соберетесь во дворце, царь вас спросит: «Где аркан?», а ты ему ответь: «Царь-государь, мы готовы свить аркан из песка, да не знаем, какой тебе надобен — толстый ли, тонкий ли. Дай нам образец».

Сын исполнил отцовский совет. На другой день выслушал царь умную отговорку, наклонил голову и говорит:

— Что правда, то правда, надо бы вам дать образец, да только негде его взять.

И не стал царь бояр казнить.

В то лето случилась великая засуха, какой на земле еще никогда не бывало. Все выгорело — и травы, и хлеба. Житницы опустели, ни зерна не осталось на семена. Испугались люди — не умереть бы с голоду! Царю тоже забота немалая. Призвал он опять своих бояр и приказывает:

— Слушайте царское слово! Завтра же явитесь во дворец и доложите мне, где взять зерна на посев. А

не то я с вас всех головы поснимаю.

Вышли от царя бояре сами не свои. Как быть? Нигде ни зерна — хоть шаром покати! И вот видит старик — тот, что жил в тайнике, — сын его опять закручинился. Стал он сына расспрашивать, а тот ему в ответ:

— Ну, отец, на сей раз и ты мне не можешь помочь.

— Почему?

— Да потому, что во всей нашей земле нет ни зернышка, а царь повелел нам, боярам, завтра же доложить ему, где найти семена на посев.

— Не бойся, сынок. Вот вы завтра придете к царю, а ты и присоветуй ему, чтоб он приказал крестьянам разрыть все муравейники, какие только есть в нашем царстве. Там найдут зерно, что муравьями собрано.

На другой день крестьяне разрыли муравейники и в каждом набрали по мешочку крупного зерна. Тогда царь милостиво обошелся с боярином и спросил:

— Скажи, кто дал тебе такой мудрый совет?

— Не смею, государь. Скажу — прикажешь меня повесить.

— Говори! Ни волоса не упадет с твоей головы.

Тут уж боярин признался, что спрятал своего отца, а старик научил его, как отговориться от песочного аркана, и указал, где найти скрытое зерно.

И тогда издали новый закон: никто не смеет обижать старых людей и, когда они идут по улице, каждый должен уступать им дорогу.

Жадность до добра не доводит

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

Пошел один парень на базар продать корзину яиц. Надел корзину на палку и понес на плече. Идет парень, идет, а сам говорит: — Вот несу я три сотни яиц. Продам их на базаре по денежке за яйцо, выручу триста денежек; а удастся продать по две — выручу шестьсот. На эти деньги куплю себе свинку. Выкормлю ее, и принесет она мне двенадцать поросят — всё свинок. Подрастут мои двенадцать свинок, и каждая принесет по дюжине поросят; а поросята подрастут, опоросятся, принесут тоже по дюжине. Глядишь — вот тебе и целое стадо свиней! Это стадо я в лесу пасти буду — пускай свиньи желудями кормятся. Будут есть желуди, откормятся, жирные станут, я их на базар поведу. Всех пораспродам, выручу кучу денег. Тогда куплю я себе хорошего коня, а сам побреюсь, помоюсь, принаряжусь, сяду верхом на своего белого скакуна, шапку набекрень и — айда! Поскачу во весь опор — прямо к цареву двору. Приеду — с утра до вечера буду скакать на коне перед царевым двором; конь все поле копытами разворошит. А царева дочка усядется на высоком крыльце, будет на меня глядеть да любоваться. И вот посватаюсь я к царевой дочке да и женюсь на ней. И родит она мне сына, и назовем мы его Богданчо. Пойду я на базар, куплю ему яблоч. Приду домой — Богданчо выбежит мне навстречу к воротам, а я нагнусь, да обниму его, да скажу: «Поди ко мне, сыночек Богданчо, поди к тятке, он тебе яблочко даст!»

Забылся парень, протянул руку — хотел показать, как будет обнимать сыночка Богданчо, а палка-то и соскользнула у него с плеча. Корзина бух на землю! Яйца разбились.

Заплакал парень:

— Эх, горе! Пропало все мое богатство!

Стал он подбирать яйца — те, что не вдребезги были разбиты, и вдруг видит — следом за ним по дороге идет человек. Стыдно стало парню, и вот спрашивает он прохожего:

— Скажи, побратим, долго ты шел за мной следом?

А тот ему в ответ:

— С того часу, как ты стал богатеть и покуда все у тебя не пошло прахом.

Дедка Петко и бабка Пена

Болгарская сказка

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой

или-были в одной деревне старик и старуха — дедка Петко и бабка Пена. Любили они вкусно покушать, зимою в тепле поспать, а летом в холодке подремать. Одного только не любили — работать.

— Работа мне ни к чему, — говаривал дедка Петко.

Как-то раз бабка Пена сварила в горшке бобовую похлебку. Сели старики за стол, выхлебали весь горшок, наелись досыта. Вот бабка Пена и говорит:

— Я сварила похлебку, а ты засучи рукава да вымой горшок. Утром он мне понадобится — буду корову доить.

— Не стану, — отвечает дедка Петко. — Это женское дело. Сама вымой!

— Не буду я мыть!

— Ну, пускай стоит немытый.

Наступила ночь. Легли старики спать, а горшок остался немытый.

— Слушай, — говорит дедка Петко жене, — ты утром встань пораньше да вскипяти мне молока. Похлебаю молочной тюри и пойду в поле.

— А во что мне доить молоко? Горшок-то немытый стоит. Вымоешь — надою.

— Не стану я его мыть, — упирается дедка Петко. — Лучше давай побьемся об заклад. Кто проиграет, тот и вымоет.

— Давай, — говорит бабка Пена. — А как?

— Будем оба молчать. Кто первый не утерпит, вымолвит слово, тот пусть и моет горшок.

Замолчали старики да и заснули. Прошла ночь, взошло солнце. Крестьяне идут на работу. Пастух собрал стадо, гонит его на поляну пастись. На дворе у стариков корова мычит — некому ее подоить да на пастбище выгнать.

А старики сидят себе посиживают да молчат. Тут уж и соседи забеспокоились, стали заглядывать через плетень. В толк не возьмут, что такое приключилось у дедки Петки — корова стоит привязанная, мычит, а во дворе никого нет.

Вошли соседи в хату и спрашивают:

— Что у вас такое, бабка Пена? Почему не доишь корову?

Молчит бабка Пена.

— Дедка Петко, молви хоть ты словечко! Почему бабка Пена молчит?

Но дедка Петко тоже ни слова. Только головой качает, как лошадь.

— Ну и дела! — говорит один сосед. — Старики-то, видать, онемели. Сбегайте-ка за лекарем, да поживей! Игнатка, беги, сынок, покличь лекаря.

Игнатка побежал за лекарем. А тот жил в дальнем конце деревни. Покуда мальчонка за ним бегал, соседи начали расходиться кто куда: один спешит в поле, другой на базар, третьего дома работа ждет. Только двое остались при «онемелых» стариках — одна старушка и поп.

Поп тоже собрался уходить и говорит старушке:

— Ты, старушка божья, оставайся тут, пока не придет лекарь. Приглядишь за стариками. А то как бы с ними не приключилось чего худого.

— Не могу, батюшка.

— Почему не можешь?

— В нынешние времена никто даром не работает. Заплатите — останусь.

— Как? По-твоему, я тебе должен платить? Я? Да где ж это видано, чтобы попы деньги платили?

Оглянулся поп кругом — на стене рваная кацавейка висит. Пошел он снять кацавейку, а бабка Пена как завизжит:

— Ты что? Хочешь отдать мою кацавейку этой лентяйке? А я в чем ходить буду?

Услышал дедка Петко, как раскричалась его старуха, поднялся и говорит:

— Ну, бабка, ты заговорила первая — проиграла заклад. Ступай теперь вымой горшок!

Догадались тогда и поп и старушка, почему дедка Петко и бабка Пена онемели. Покачали они головой и убрались восвояси.

Сербские сказки

Дракон и царевич

Сербская сказка

Перевод Н. Дмитриева

Жил-был царь. У него было три сына. Однажды старший сын отправился на охоту. Только он отъехал от города, как из кустов выскочил заяц. Царевич за ним — туда, сюда, а заяц прыг, да и скрылся на водяной мельнице. Царевич бросился туда. А заяц-то был не заяц, а дракон! Схватил он царевича и проглотил.

Прошло сколько-то дней, царевич все не возвращается домой. Отправился на охоту средний сын. Но как только он отъехал от города, из кустов опять выскочил заяц. Царевич за ним — туда, сюда, а заяц скрылся на водяной мельнице. Царевич бросился туда. А заяц-то был не заяц, а дракон! Схватил он царевича и проглотил.

Опять прошло сколько-то дней, царевич не вернулся. Весь двор забеспокоился.

Отправился на охоту третий царевич — решил отыскать своих братьев. Только он отъехал от города, из куста опять выскочил заяц. Царевич гнался за ним, пока заяц не скрылся на той же мельнице, но дальше преследовать его не стал, а поехал искать другой добычи. «Буду возвращаться, поймаю тебя!» — подумал он.

Долго царевич бродил по горам, но ничего не нашел и вернулся к мельнице. А там стоит старушка.

— Бог в помощь, бабушка! — говорит царевич.

— Помоги тебе бог, сынок!

— Бабушка, куда делся мой заяц?

— Не заяц это, сынок, а дракон! Сколько людей он извел и погубил! — сказала старушка.

Царевич встревожился:

— Что же теперь делать? Здесь, наверно, и мои два брата погибли!

— Тут! Ей-ей, тут! Но ничего не поделаешь, сынок, иди-ка ты домой, пока и тебя не постигла та же участь, — посоветовала ему добрая старушка.

— Бабушка, ты, поди, и сама не прочь избавиться от этой напасти? — спросил царевич.

— Ах, сынок! Еще как не прочь! Ведь и меня он так же вот поймал, да что уж теперь сделаешь!

— Слушай хорошенько, что я тебе скажу, — говорит тогда ей царевич. — Вот придет дракон, узнай, куда он ходит и в чем его сила. Как узнаешь, где его сила, ты поцелуй это место, целуй до тех пор, пока всего не узнаешь. А потом мне расскажешь.

Царевич вернулся во дворец, а старуха осталась на мельнице. Пришел дракон, принялась она его расспрашивать:

— Ну, где ты был? Куда это ты так далеко ходишь? И никогда-то ты мне ничего не расскажешь.

— Э, бабка! Хожу я далеко, — ответил дракон.

Тогда старуха стала говорить ему ласково-ласково:

— А почему ты так далеко ходишь? В чем твоя сила? Если бы я узнала, все бы целовала это место.

— Моя сила вон в том очаге, — сказал дракон.

Старуха принялась целовать очаг, а дракон, как увидел это, покатился со смеху и говорит:

— Глупая ты баба! Не тут моя сила, а вон в том дереве, что стоит перед мельницей.

Старуха кинулась обнимать и целовать дерево, а дракон опять расхохотался и сказал:

— Брось, глупая баба, не здесь моя сила.

— Так где же? — спросила старуха.

Дракон и рассказал ей:

— Моя сила далеко, тебе туда не дойти. В тридевятиом царстве, близ города, где живет царь, есть озеро, а в том озере дракон, а в драконе — вепрь^[40], а в вепре — заяц, а в зайце — голубь, а в голубе — воробей, а в том воробье — моя сила.

— Верно ты говоришь, далеко твоя сила, не могу я ее поцеловать, — сказала старуха.

На другой день, когда дракон улетел, к мельнице снова пришел царевич, и старуха ему рассказала все, что узнала.

Царевич переоделся пастухом, взял палку и пошел странствовать по свету. Долго шел он из села в село, из города в город и добрался наконец до тридевятого царства и до города, соседнего с тем озером, где жил дракон. Придя в город, стал он расспрашивать, кому нужен пастух. Оказалось, царю нужен пастух. Пошел царевич во дворец. Царь впустил его к себе и спрашивает:

— Ты берешься стеречь моих овец?

— Да, светлая корона!

Царь взял его в пастухи и принялся наставлять:

— Тут есть озеро, а вокруг него прекрасное пастбище. Но как выгонят туда овец, они и разбредутся. Сколько пастухов ни ходило их собирать, никто из них не возвращался. Так ты, сынок, не давай овцам воли, не позволяй им ходить, куда они хотят, а гони туда, куда ты захочешь.

Царевич поблагодарил царя и приготовился пасти овец. Взял он с собой двух борзых^[41], таких быстроногих, что могли они настичь любого зайца в поле, взял сокола, что умел схватить любую птицу в воздухе, взял волынку. Вот выгнал он овец и пустил их к озеру. Они сразу и разбрелись по берегам. Царевич же посадил сокола на колоду, а собак и волынку спрятал под колодой, засучил штаны и рукава, влез в озеро и давай кричать:

— Эй, дракон, дракон! Выходи-ка на бой, померимся силой, если ты не баба!

— Сейчас иду, царевич, иду, — отозвался дракон и появился — огромный, противный, страшный!

Дракон схватился с царевичем, и бились они до полудня. А когда стало жарко, дракон и говорит:

— Пусти меня, царевич, дай обмочить в озере буйную головушку, а там я и зашвырну тебя в

поднебесную высь!

— Да будет хвастать, дракон! — отвечает царевич. — Вот кабы была здесь царица да поцеловала меня в лоб, я бы тебя еще выше закинул!

Тут дракон выпустил царевича и нырнул в озеро. А царевич под вечер умылся, отдохнул, сокола посадил на плечо, позвал собак, собрал овец и пошел в город. Идет и играет на волынке. Все смотрят на него — экое чудо, пришел с озера, а ведь ни один пастух оттуда не возвращался.

На другое утро собрался царевич и опять погнал овец к озеру. А царь послал следом за ним двух всадников и велел им подсмотреть, что пастух будет делать. Всадники взобрались на высокую гору, откуда все было видно. А пастух, придя к озеру, спрятал собак и волынку под колоду, а сокола посадил на колоду, засучил штаны и рукава, влез в озеро и давай кричать:

— Эй, дракон, дракон! Выходи-ка на бой, померимся еще раз силой, если ты не баба!

— Сейчас иду, царевич, иду, — отозвался дракон и вскоре появился — огромный, противный, страшный!

Дракон схватился с царевичем, и бились они до полудня. А когда стало жарко, дракон и говорит:

— Пусти-ка меня, царевич, дай мне смочить в озере буйную головушку, а там я и зашвырну тебя в поднебесную высь!

— Да будет хвастать, дракон! — отвечает царевич. — Вот кабы была здесь царица да поцеловала меня в лоб, я бы тебя еще выше закинул.

Тут дракон выпустил царевича и нырнул в озеро.

Вечером, как и накануне, царевич собрал овец и пошел домой, идет и играет на волынке. В городе все волнуются, поджидая его. Все удивлялись, что пастух второй вечер приходит цел и невредим оттуда, откуда раньше никто не возвращался. А посланные два всадника опередили царевича, прискакали во дворец и рассказали царю все, что видели и слышали. Царь тут же позвал дочь, рассказал ей, что и как, и приказал:

— Завтра пойдешь с пастухом на озеро и поцелуешь его в лоб.

Услыхав это, царица заплакала и стала умолять отца:

— Никого у тебя нет, кроме меня. Неужели ты не боишься, что я могу погибнуть!

Тогда отец стал утешать ее:

— Не бойся, дочка! Сколько пастухов мы переменили, и ни один с озера не возвращался, а этот уже два дня борется с драконом! С божьей помощью одолеет он чудище. Ты только пойдешь с ним завтра, и, может быть, он нас избавит от напасти, что погубила столько людей.

Вот настал белый день, солнце засияло, пастух встал, встала и царица, и начали они собираться на озеро. Пастух весел, веселее прежнего, а царица печальна, слезы льет.

— Сестра царица, прошу тебя, не плачь, — утешал ее пастух. — Ничего не бойся, только сделай то, что я сказал: подбеги и поцелуй меня, когда я тебе знак подам.

Вышли они и погнали овец. Пастух всю дорогу весело играл на волынке, а царица шла рядом с ним и все плакала. А пастух нет-нет да опустит волынку, наклонится к девушке и скажет:

— Не плачь, мое золото, не бойся ничего!

Вот пришли они к озеру. Овцы сразу же разбрелись. Царевич посадил сокола на колоду, а собак и

волынку спрятал под колоду, засучил штаны и рукава, влез в озеро и давай кричать:

— Эй, дракон, дракон! Выходи на бой, померимся еще раз силой, если только ты не баба!

— Иду, царевич, иду, — отозвался дракон и вскоре появился — огромный, противный, страшный!

Дракон схватился с царевичем, и бились они до полудня. А когда стало жарко, дракон и говорит:

— Пусти-ка, царевич, дай смочить в озере буйную головушку, а там я и зашвырну тебя в поднебесную высь!

— Да будет тебе хвастать, дракон! — отвечает царевич. — Вот кабы здесь была царица да поцеловала меня в лоб, я бы тебя еще выше закинул!

Только он это сказал, царица подбежала и поцеловала его в щеку, в глаза и в лоб. Тут царевич размахнулся и закинул дракона в поднебесную высь. Дракон свалился оттуда, ударился о землю и разбился вдребезги. Тут из него выскочил дикий вепрь и побежал, но царевич крикнул собакам: «Держи, не выпускай!» Псы бросились за вепрем, догнали и разорвали его. Из вепря выскочил заяц и пустился бежать по полю. Борзые погнались за ним, поймали его и разорвали. Из зайца вылетел голубь, но на него царевич выпустил сокола. Сокол поймал голубя и принес царевичу в руки. Царевич разрезал голубя и нашел там воробья. Зажал его в кулаке царевич и приказывает:

— Говори сейчас же, где мои братья.

— Скажу, скажу, — отвечает воробей, — только ты мне ничего худого не делай! Возле города твоего отца есть мельница, около нее три ивы. Ты их подруби. И как только ударишь по корням, сразу откроется большая железная дверь. Она приведет тебя в огромное подземелье. В нем томится столько людей — старых и молодых, богатых и бедных, знатных и незнатных, женщин и девушек, — что ими можно заселить целое царство. Там и твои братья.

Только воробей все это сказал, царевич взял и свернул ему шею.

А в тот день сам царь взобрался на гору и оттуда все видел.

Когда пастух убил дракона, уже начинало смеркаться. Он умылся, посадил сокола на плечо, позвал собак, собрал овец и, играя на волынке, пошел прямо к царю во дворец, а царица, все еще дрожа от страха, шла рядом с ним. Вот пришли они в город. Весь народ собрался смотреть на них, как на чудо.

А царь-то видел, как бился на поединке пастух с драконом, позвал он пастуха к себе, отдал за него свою дочь, тут же обвенчал их и закатил пир на целую неделю.

Царевич рассказал, кто он и откуда, и все обрадовались еще больше. Когда же он решил возвратиться домой, царь дал ему много провожатых и снарядил в дорогу. Вот подъехали они к мельнице. Царевич подрубил ивы и ударил по корням. Сразу отворилась железная дверь, а за ней, в подземелье, томились люди из разных царств. Царевич велел всем выходить по одному и идти, кто куда хочет, а сам встал у двери. Вместе со всеми вышли и его братья. Он их обнял и поцеловал. Узники поблагодарили его за спасение, и каждый пошел своей дорогой. А царевич с братьями и с женой молодой направился к отцу и жил и царствовал в своем краю до конца жизни.

Все важно, но важнее всего ремесло

Сербская сказка

Перевод Н. Дмитриева

Здумал как-то царь прокатиться с женой и дочерью по морю на корабле. Не успели они отплыть далеко от берега, как подул сильный ветер и отнес их за тридевять земель, в неведомую страну, где об их царстве ничего и не слышали. Сошли на берег. Царь побоялся сказать, кто он, а денег у них с собой совсем не было. Не знал царь никакого ремесла и нанялся в пастухи стеречь деревенское стадо.

Так прожили они несколько лет. И вот однажды сын царя той страны увидел дочь пастуха. Хороша она была, как зорька ясная, и уже невестой стала. Царевич объявил отцу с матерью, что не женится ни на ком, кроме как на дочери пастуха из такого-то села. Отец, мать и все придворные уговаривали его не срамиться: как же так, царевич — да вдруг женится на пастушке! Ведь на свете столько царских и королевских дочерей! Но все понапрасну — царевич твердил одно: «Другой мне не надо!» Видя, что его не отговорить, царь послал визиря [\[42\]](#) сказать пастуху, что он хочет женить царевича на его дочери. Визирь пришел и сказал это пастуху, а тот спрашивает:

— А какое ремесло знает царевич?

Ужаснулся визирь:

— Бог с тобой, добрый человек! Какое же ремесло может знать царевич! Да и на что ему ремесло? Люди учатся ремеслу, чтобы прокормиться, а у царевича есть и земли, и города.

— Раз он не знает никакого ремесла, не отдам за него дочь, — говорит пастух.

Визирь вернулся и передал царю слова пастуха. Придворные удивились. Они думали, что пастух сочтет большим счастьем и честью, если царевич возьмет его дочь в жены, а он, смотрите-ка, требует, чтобы царевич ремесло знал! Царь посылает другого визиря, но и ему пастух говорит то же самое:

— Пока царевич не выучится какому-нибудь ремеслу и не принесет мне изделия своих рук, до тех пор между нами дружбы не будет.

Вернулся во дворец второй визирь и сказал, что пастух не отдаст дочь, пока царевич не выучится какому-нибудь ремеслу. Тогда царевич пошел по базарной площади и стал выбирать, чему легче научиться. Переходил он от одной лавки к другой, глядел, как работают разные мастера, и пришел к лавке, где плели рогожи. Такое ремесло показалось ему самым легким. Стал он учиться и через несколько дней сплел рогожу. Отнесли ее пастуху, сказали, что царевич выучился ремеслу, и вот, мол, его изделие. Пастух взял рогожу в руки, осмотрел ее со всех сторон и спрашивает:

— А сколько она стоит?

— Четыре гроша, — говорят.

— Что ж, ничего! Сегодня четыре гроша, да завтра четыре — это восемь, да четыре послезавтра — это двенадцать... Если бы я знал это ремесло, я не пас бы теперь деревенское стадо!

И рассказал царь, кто он и как сюда попал. Все обрадовались, что берут не дочь пастуха, а царскую дочь, обвенчали молодых и сыграли веселую свадьбу. Потом царю дали корабли и людей, и он вернулся в свою страну.

Два гроша

Сербская сказка

Перевод Н. Дмитриева

Жил-был бедняк. Торговал он чем попало, лишь бы голодным не сидеть. Набрал он раз мешок мху, сверху положил немного шерсти и пошел на базар продавать его. По дороге встретился ему человек: тоже идет на базар и несет чернильные орешки^[43], а чтобы продать их, прикрыл сверху настоящими орехами. Бедняки стали друг у друга спрашивать, что у кого в мешке: один говорит — орехи, другой — шерсть. Решили они тут же на дороге купить товар друг у друга. Стали торговаться. Тот, у кого был мох, сказал, что шерсть дороже орехов, и потребовал доплаты, но, видя, что второй доплачивать не желает, а согласен только на обмен, подумал, что орехи-то во всяком случае дороже мха и он все равно останется в выигрыше. Торговались они долго и наконец решили, что хозяин орехов приплатит за шерсть два гроша. Но денег у него при себе не было, и для большей уверенности, что долг будет уплачен, они побратались. После того поменялись мешками и разошлись в разные стороны. Каждый думал, что надул другого. А как пришли домой да вынули товар из мешка, увидели, что они обманули друг друга.

Спустя некоторое время тот, что отдал мох вместо шерсти, пошел искать своего побратима, чтобы получить с него два гроша. Нашел его в одном селе в работниках у попа и говорит:

— Побратим, ты обманул меня.

— Да ведь и ты меня, побратим, обманул, — отвечает тот.

Первый стал требовать два гроша: раз договорились да скрепили договор братаньем, надо его исполнять. Другой соглашается: с радостью отдал бы, да нет у него сейчас двух грошей.

— Но вот у моего попа, — говорит он, — за домом есть большая яма. Он туда часто залезает, — наверно, там лежат деньги и драгоценности. Вечером ты спусти меня в эту яму, а когда мы ее обчистим и разделим добычу, я тебе и заплачу два гроша.

Тот согласился. Вечером попов работник взял мешок и веревку, пошел с побратимом к яме, влез в мешок, и тот спустил его на веревке. Там он выбрался из мешка и стал всюду шарить, но не нашел ничего, кроме зерна. Тогда он подумал: «Если сказать побратиму, что здесь нет ничего, он, пожалуй, уйдет и бросит меня в яме. И достанется же мне от попа, коли он меня тут найдет!»

Он снова залез в мешок, крепко обвязался веревкой и крикнул побратиму:

— Тащи мешок, побратим, он полон всякого добра.

Тот тащит мешок, а сам думает: «Для чего мне делиться с побратимом? Возьму-ка я весь мешок, а он уж сам как-нибудь выберется из ямы». Закинул он мешок с побратимом на спину и побежал по селу. За ним с лаем погналось множество собак. Устал он, мешок стал свисать, и вдруг оттуда послышался голос побратима:

— Подтяни мешок, побратим, меня собаки кусают.

Тот так и швырнул мешок на землю. Тогда тот, что сидел в мешке, и говорит:

— Опять ты, побратим, хотел меня обмануть?

— Да ведь и ты тоже меня обманул, — отвечает другой.

Спорили они, спорили, и наконец должник обязался заплатить два гроша, когда побратим придет в следующий раз. На том и расстались.

Прошло много времени, и попов работник обзавелся домом и женился. Как-то раз сидит он с женой на крылечке и видит, что к его дому подходит побратим.

— Жена, — говорит он, — вон идет мой побратим. Я ему должен два гроша. Теперь уж ничего не поделаешь: я обещал ему отдать деньги, когда он придет. Я пойду в дом и лягу, ты меня накрой, а сама притворись печальной и начни голосить. Узнает он, что я умер, и вернется домой.

Он пошел в комнату, лег на спину, сложил руки крестом, жена накрыла его и давай голосить. Тут как раз к дому подходит побратим.

— Бог в помощь, — говорит он и спрашивает, не это ли дом такого-то?

А жена сквозь слезы отвечает:

— Да, горе мне, несчастной кукушке! Вот он лежит мертвый!

— Упокой господи его душу! Он был моим побратимом. Мы вместе работали и торговали. И раз уж случилось такое несчастье, то я, понятно, останусь, надо же проводить его до могилы и бросить в нее горсть земли.

Жена говорит, что до похорон придется долго ждать и лучше ему уйти.

— Боже сохрани! Как же я брошу своего побратима? Буду ждать хоть три дня, а провожу его в последний путь.

Жена вошла в дом и потихоньку все передала мужу. Тот велел идти за попом и объявить, что он умер: пусть, мол, его отнесут в кладбищенскую церковь, авось тогда побратим уйдет.

Жена сказала попу, тот пришел и привел с собой несколько человек. «Покойника» положили на носилки, понесли в церковь и оставили там на ночь, чтобы утром отпеть и похоронить. Все вышли, а побратим сказал, что не может оставить своего побратима — ведь столько лет он торговал и делил с ним хлеб-соль, нет уж, он будет сторожить покойника всю ночь. И остался в церкви.

А ночью в село пришли разбойники. Они обобрали чьи-то дворцы и награбили много денег, одежды и оружия. Проходя мимо церкви, они увидели, что там горит свеча, и сказали друг другу:

— Зайдем сюда делить добычу.

Побратим увидел, что в церковь входят вооруженные люди, и спрятался в угол. Разбойники же сели и стали делить деньги шапками, а одежду и оружие — как придется. Во всем сошлись и столковались; оставалась только одна сабля прекрасная — все хотели ее получить. Один разбойник схватил ее, вскочил и говорит:

— Давай испробуем на покойнике, так ли она хороша, как нам кажется. Коли с одного разу отсечет голову, значит, хороша!

И он направился к покойнику. А тот как вскочит да как закричит:

— Мертвецы! Где вы?

— Здесь, мы все готовы! — отвечает из угла побратим.

Как услышали это разбойники, бросили саблю, оставили все добро в кучах и пустились бежать без оглядки. Отбежали они подальше, атаман и говорит:

— Ей-ей, братцы! Бродили мы по лесам и по всяким другим местам и днем и ночью, дрались с людьми, нападали на крепости и дворцы и ни разу не дрогнули, а вот мертвецов испугались. Неужели не найдется среди нас такой юнак, что посмеет вернуться и посмотреть, как там в церкви?

— Я не пойду, — сказал один.

— Я боюсь, — признался второй.

— Я лучше готов напасть на десять живых, чем на одного мертвого, — подхватил третий.

Наконец нашелся один храбрец, согласился пойти. Он потихоньку подполз под церковное окно и стал слушать. А в церкви побратимы мирно делили деньги, одежду и оружие разбойников. Но вот дошли до двух грошей, заспорили и чуть было не подрались. Разбойник слышит крик:

— Где мои два гроша? Давай мои два гроша!

И как раз тут должник увидел под окном разбойника, быстро высунул из окна руку, сорвал у него с головы шапку и протянул ее побратиму со словами:

— Проклятые два гроша! Вот тебе за два гроша!

Разбойник перепугался и задал стрекача. Не помня себя от страха, прибежал к своим и закричал:

— Ну, братцы! Хорошо еще, что мы живыми утехали! Мы-то делили деньги шапками, а как вылезли мертвецы, то каждому досталось только по два гроша. Одному и этого не хватило, так он сорвал с меня шапку и дал другому вместо двух грошей.

Хорватские сказки

Как солдат черта обрил

Хорватская сказка

Перевод Т. Вирты

тслужил солдат двенадцать лет и пошел домой на побывку. Шел он, шел и вдруг набрел на господскую усадьбу, а оттуда доносились шум и песни. Подумал служивый: «Наверно, здесь идет пир горой. Почему бы и солдату не подкрепиться? Ведь у меня с утра маковой росинки во рту не было!» И вошел в усадьбу.

А там за столом, уставленным всякими яствами, пировало много господ. Солдат попросил и его напоить-накормить, — дескать, очень он устал и проголодался с дороги. Гости с радостью его приняли и усадили за стол. Спрашивает солдат, нельзя ли ему переночевать в усадьбе, а утром он дальше в путь двинется.

— Ну что ж, — отвечают ему, — для храброго человека ночлег найдется.

— А на что же тут храбрость? — удивился солдат.

Служивому объяснили, что в усадьбу каждую ночь является черт и, кого ни застанет, утаскивает с собой.

— Нам уже пора по домам расходиться, — говорят ему гости, — но, коли ты храбрый мальй, оставайся здесь. Еды у тебя вдоволь, стереги усадьбу. Неизвестно только, найдем ли мы тебя поутру живым.

Отвечает им солдат:

— Э-э! За меня не беспокойтесь! Я чертей не боюсь, пусть хоть целая сотня сюда нагрянет!

Солдат остался, а господа ушли. Сидит он за столом, угощается. Около полуночи все двери вдруг распахнулись настежь. Входит черт и кричит служивому:

— Ты что здесь делаешь?

Солдат ничуть не испугался и отвечает:

— Как видишь, отдыхаю себе, ем да пью.

— А кто тебе позволил остаться здесь на ночь? — возмутился черт. — Это моя усадьба. Кого застану в этом доме, того в плен беру. И тебя тоже уведу с собой!

— Ты-то, может, и хотел бы меня увести, да только я не пойду!

— Почему это ты не пойдешь? — удивился черт.

Отвечает солдат:

— А потому, что ты косматый и безобразный, с тобой совестно и на люди-то показаться! Давай я тебя обрею, чтобы ты покрасивее был, тогда и пойду с тобой! А если не дашься, так и знай, ничего у тебя не выйдет!

Видит черт, что попался ему строптивый пленник — с таким беды не оберешься, и согласился побриться, чтобы стать красивее.

Схватил солдат дубовую доску и давай ею черта скоблить. Черт зарычал и стал брыкаться. А служивый его успокаивает:

— Лежи смирно. Хочешь быть красивым — терпи!

Зарекается черт солдата трогать — лишь бы отпустил его. Но служивый про то и слышать не желает. Черт взмолился, слезно просит помиловать, обещает солдату подарить усадьбу и вдобавок сообщить диковинную тайну. Солдат оставил свое бритье и спрашивает черта, какая там у него тайна. Черт и говорит:

— В полночь в эту горницу, где мы с тобой сейчас находимся, вползет страшная, большущая змея. Днем-то она в подвале сидит, обвилась вокруг трех огромных бочек, полных золота. Если ты поцелуешь ту змею, она превратится в красавицу, потому что это не змея, а заколдованная девица.

Едва умолк черт, за дверью послышалось зловещее шипение и в комнату вползла змея. Солдат, не медля ни минуты, подскочил к ней и поцеловал. В тот же миг змея обернулась девицей-раскрасавицей и стала благодарить молодца за то, что он освободил ее от колдовских чар.

Тут черт и говорит солдату:

— Отдаю тебе и красавицу, и дворец, и всю усадьбу. Но смотри не переступай ее границу — иначе снова станешь моим пленником, и я утащу тебя!

И пропал.

Утром явились в усадьбу господ и диву дались: сидит солдат с красавицей за столом и угощается.

— Много смельчаков вызывалось стеречь усадьбу, и все они бесследно исчезали!

Рассказал тогда солдат, что приключилось с ним ночью, господ похвалили его за храбрость и ушли, а молодец остался в усадьбе со своей красавицей, и стала она его женой.

Зажили они в любви и согласии, только скоро стало им скучно одним в усадьбе. Вот однажды солдат и предложил молодой жене прокатиться в город — пусть, мол, полюбуются люди на наше счастье! Он забыл и думать, какой запрет наложил на него черт. Велел он слугам запрячь коней и поехал с женою в город. Только выехали за ворота усадьбы, как навстречу им черт. Вспомнил тут солдат про запрет, и сердце у него в пятки ушло. «Ну, — думает, — сейчас черт свое возьмет».

До усадьбы далеко. «Все равно черт догонит меня», — решил молодец. Видит он, так и так пропадать, обхватил обеими руками жену за шею и стал целовать в последний раз. А черт издали за ним наблюдал, и почудилось ему, что солдат вздумал свою жену брить. Перепугался черт. «Не дамся больше в твои руки», — подумал он, повернул назад и пустился наутек, только пятки засверкали.

С той поры черт оставил в покое смельчака, и солдат по сей день живет со своей женой, если только не умер.

Под лежащий камень вода не течет

Хорватская сказка

Перевод Т. Вирты

В давние времена жил один крестьянин. Водилось у него кое-какое добро, но больше всего на свете дорожил он любимой женой. Встанут они, бывало, с зарей — и дружно за работу возьмутся. Трудились в поте лица и сводили кое-как концы с концами. Но недаром говорится, что горе да беда по людям ходят. Не прошло и года после свадьбы, как потерял несчастный муж единственное свое сокровище: умерла его дорогая жена.

Известно, что хорошая хозяйка — гордость любого дома и кто такой жены лишился, тому уж на нерадивую и смотреть тошно. Опустела изба у вдовца, остыл очаг, а сам он ходит теперь в грязной рубашке и в пир, и в мир, и в добрые люди. Ничего не поделаешь, пришлось ему подумать о женитьбе. Невест на выданье — что орехов в лесу, а присмотришь к ним — и увидишь: девка красива, да пряхть ленива. Надоело крестьянину выбирать себе невесту, и вот однажды решил он пойти в соседнее село и жениться на первой девушке, какая встретится ему на пути.

Когда-то в старину были мельницы с конской тягой. У околицы соседнего села стояла как раз такая мельница, и возле той мельницы вдовец увидел девушку — она дожидалась, пока мельник смелет ее зерно.

— Пойдешь за меня замуж, красная девица? — спрашивает он наудачу.

Девушка встrepенулась и пропела сладким голосом, будто медовых пряников наелась:

— Не знаю. Спроси матушку!

Для жениха невеста всегда найдется, но у крестьянина слово было твердо, и от своего решения отступить он не захотел.

Пошел к матери той девицы, что возле мельницы помола дожидалась, а она ему и говорит:

— Девка у нас на выданье — это правда, да только скажу тебе начистоту: не приучена моя доченька ни овец пасти, ни стирать, ни обед готовить. Потом не пеняй на нас за то, что мы тебе kota в мешке подсунули.

— Смотри, сынок, — вмешался тут отец девицы, — набаловала мать свою дочку, только что в мед ее не обмакивала да в молоке не купала. Коли надеешься, что сумеешь сделать из нее хорошую жену, — ну что ж, тогда бери!

Жених и сам понял, какова невеста, едва она слово молвила, но говорит старику:

— Не велика беда! Есть у меня большая торба — покуда торба полна, молодуха будет сидеть сложа руки.

И тут вдовец показал старику большую пеструю торбу, доверху набитую всякой снедью — пшеничным

хлебом, мясом, маслом, а что за секрет в той торбе заключен, так и не открыл. Только добавил, обращаясь к невесте:

— Твое дело следить, чтобы торба всегда была полна, а больше ни о чем не заботься.

И пошло тут веселье: отец до смерти рад сплавить свою лежебоку, да и мать радехонька, что пристроила любимую дочку, а жених доволен, что невеста согласилась лишь до тех пор бездельничать, пока торба будет полна.

На следующий день муж собрался в поле пахать, а молодуха осталась дом сторожить. Перед уходом муж повесил торбу на гвоздь и наказывает:

— Эй, торба! Пока ты полна, изволь всю работу по дому переделать!

И к двери, а жена его окликнула:

— Что же это ты, муженек, уходишь, а не говоришь, где мне взять обед и ужин?

— В торбе всякая всячина припасена — потрудись только ручки протянуть, моя голубка.

Вечером муж возвратился с пашни домой и видит — молодуха устроилась за печкой с кошкой на коленях, не поймешь, кто кому песни мурлычет. А в доме беспорядок и запустение. Лентяйка спотыкается о метлу, а все равно к ней не притрагивается — с какой стати, если муж приказал торбе хозяйничать. Муж еще порога не успел переступить, а жена уж к нему с жалобой:

— Посмотри-ка, муженек, твоя торба даже в избе не подмела!

Крестьянин притворился, будто это ему в диковинку, разбушевался и давай лупить торбу:

— Ах ты, лентяйка этакая, все бы тебе на гвозде висеть!

Отхлестал он торбу как следует, а потом воскликнул, словно догадался о чем-то:

— Послушай-ка, жена, сдается мне, будто отошала наша торба...

— Так я же из нее брала себе еду и на обед, и на ужин!

— Вот потому, наверное, торба и была сегодня такая нерадивая, — сказал муж и вынул из нее ужин.

То же самое было и на второй, и на третий день. Муж все ругал и бил торбу, пока она и вовсе не опустела.

— Как же нам теперь быть? — забеспокоилась жена, когда подошло время обедать.

Муж будто тоже расстроился да встревожился, — мол, и у меня от забот голова кругом идет, а когда жена хорошенько проголодалась, сказал:

— Да-а, ничего, видно, нам другого не остается, как наполнить торбу доверху... А тогда можно и отдыхать.

— Что же нам делать?

— Придется потрудиться над торбой. Я ведь тебя предупреждал, когда пришел свататься, — набей торбу и гуляй себе на здоровье. Но после первого же обеда торба сильно похудела — ты и сама это заметила.

Тут муж показал своей жене, за какое дело ей в первую очередь приниматься. Пришлось молодухе и в доме прибрать, и скотину накормить, а муж свернул голову большому петуху и велел его зажарить. Потом достал муки и научил жену тесто замешивать, печку топить да хлеб печь. Когда все было готово, муж сложил хлеб и жареного петуха в торбу и говорит:

— Ну вот, теперь, женушка, можешь и посидеть сложа руки.

Пришла пора пшеницу жать. Крестьянин дал жене серп — ступай, мол, жни да снопы вяжи.

— Да я же не умею! — плачется молодуха.

— Научись, не горюй, жена. Если любишь за печкой сидеть, люби и торбу битком набивать. Из пшеницы мука будет, из муки — лепешки, вот тебе и торба полна.

Поневоле приходится молодухе работать, да только больно уж ей не нравится, что запасы в торбе то и дело тают и надо их пополнять постоянно. И передала она своей матери: забери, мол, меня домой или мужа моего укроти.

Мать разозлилась, как ведьма, и со всех ног бросилась к дочери. А зять свою тещу давненько поджидал и, как только увидел ее, схватил пилу и давай пилить дрова да сваливать их прямо под ноги себе.

— Эй ты, сумасшедший! Где это видано — себе под ноги дрова сваливать? — еще от калитки заверещала баба.

— А что, матушка, разве только сумасшедшие себе дрова под ноги сваливают? — кротко отвечает зять, будто не догадываясь, какая буря сейчас разразится.

Видит теща, что зять не в своем уме, и ринулась к дочке. Наговорила ей молодуха с три короба, а мать выслушала ее жалобы и давай зятя честить. Зовет его теща в избу, а зять и след простыл. Они туда, сюда, наконец разыскали его на чердаке.

Разъярилась баба пуще прежнего:

— Ты что это забился за трубу, будто летучая мышь или сова какая!

— Ох, матушка, не браните меня! — заохал бедняк. — Это я от забот прячусь! Не знаю, куда схорониться, — они меня по пятам преследуют.

— Какие еще заботы, разрази тебя гром!

— Да вот пахать надо, а у меня один вол подход. Что мне теперь делать, горькому горемыке? Ведь пара волов нужна, с одного-то ярмо спадает и борозда вкривь ложится!

— А чем же ты, дурачина, жену-то кормить будешь, если не посеешь вовремя! — отчитывает его баба.

А зять наострил уши, молчит и слушает.

— Давай твоего вола, я тебя сейчас научу, как надо работать! — заорала на него теща.

Зять живо вывел вола в поле и плуг наладил. Баба тоже времени даром не теряет — влезла в ярмо вместе с волом и говорит зятю:

— Теперь рукоятки крепко держи, борозда-то и ляжет ровненько!

Зять слушается, а теща провела борозду почти до середины поля и говорит:

— Что ж ты разнюнился, раскис, словно прошлогодня кислая капуста? Впрягайся вместо меня, а жена пусть рукоятки у плуга поддерживает — и чтоб все поле было засеяно!

— Хорошо, матушка, — отвечает крестьянин. — Только повторите все это погромче, чтобы моя жена услышала.

— Да я с тобой, с непутевым, и разговаривать-то не стану, — огрызнулась баба и помчалась к дочери, а от нее прямой дорогой домой, чтоб глаза ее больше зятя не видели.

Возвратилась теща в свое село и по всем соседям разнесла, какой у нее зять растяпа, не может собственную жену хлебом обеспечить, только и знает, что со своей торбой носится. Прожужжала она уши всем соседям, а пуще всех своему старику, покуда не собрался он навестить зятя.

— Ну, сойдутся теперь две премудрые головушки! — насмехается баба.

Но старику и дела нет до ее насмешек. Зять ему сразу понравился, — видать, что работающий и бережливый хозяин, а свою жену и дочку старик уж до тонкости изучил. Вот и решил он своими глазами посмотреть на житье-бытье молодых. Приходит к деревне и видит, что зять пашет, а дочь вола ведет.

— Так, так, дети мои, — обрадовался дед, — дружно работайте и заживете безбедно.

Умно говорит старик, зять прямо не знает, куда его и усадить, а дочка сразу отцу жаловаться:

— Батюшка! Как брал он меня замуж, так обещал, что мне совсем не придется работать, а на деле, смотри, я в поле наравне с ним.

— Позволь, уговор был такой: отдыхай, пока торба полная! Так ведь, батюшка?

— Так, так, — подтвердил тесть. — А что с торбой, разве она не полная?

— Полная, — отвечает дочь, — если не брать из нее еду на обед и ужин.

— Ну что ж, ты не обедай и не ужинай, вот и будешь баклуши бить, а торба у тебя полная будет! — посоветовал ей отец.

— Я голодать не привыкла!

— А тогда клади в нее ровно столько, сколько берешь!

Видит старик, что его зять умнее, чем он думал, а зять понял, что тесть у него толковый старик, и уж постарался угостить гостя на славу. Три дня пировали они, хозяйка только подносить успевала. Когда тесть собрался домой, зять проводил его честь по чести да еще баклагу с медовым питьем повесил ему на шею.

Подходит дед к своему селу, а баба уж высматривает его. Увидела она мужа с тяжелой баклагой на шее и подняла переполох на всю округу. Сбежались соседи, а баба голосит:

— Говорила я вам, какому сумасшедшему моя дочь досталась! Кто не верил — пусть сам убедится! Этот сумасшедший на мне половину поля вспахал, да я в тот же день от него сбежала! А бедного моего деда три дня продержал и, уж наверное, запрягал его да по моей вспашке и пробороновал на нем и засеял. Так ему и этого показалось мало, он еще несчастному старику повесил ярмо на шею.

Тем временем дед подошел совсем близко, рассмотрели соседи, что у него на шее болтается, и покатались со смеху. А когда старик угостил их медовым питьем, все закричали, будто сговорились:

— Эй, баба, почаще бы на нас такое ярмо надевали!

Словенские сказки

Водяной

Словенская сказка

Перевод Т. Вирты

дин мальчик очень любил купаться. И даже в половодье, когда река вздулась и поднялась, не усидел он дома, не послушался отца с матерью и убежал купаться. Разделся на берегу и прыгнул в воду. Бурный поток подхватил его и понес. Мальчик изо всей мочи боролся с течением, рассекая волны, плыл саженьками, да видит — не хватит сил. Стал он кричать, звать на помощь. Услышал его водяной. И хорошо, что услышал, — маленький пловец уже захлебнулся и сознание потерял. Когда водяной подоспел к утопающему, тот уже был недвижим и волны относили его все дальше и дальше. По правде говоря, водяной терпеть не мог, когда кто-нибудь из людей живьем попадал к нему на дно. Но маленький пловец понравился ему. Жаль стало ребенка топить, и он решил спасти его. К тому же водяному наскучило вечно сидеть одному в обширном царстве, и он обрадовался красивому мальчугану, который мог составить ему теперь отличную компанию.

Водяной взял ребенка на руки и отнес в свой прекрасный город на дне реки. Никогда еще в его владения не попадал живой человек — впервые так случилось. Положил водяной мальчика на кровать. Потом тихонько отошел и спрятался, ожидая, когда его маленький гость проснется.

Проснулся мальчик, посмотрел вокруг и увидел, что лежит на стеклянной кровати посреди стеклянной комнаты. Возле постели — столик, а на нем — полно игрушек, и все из хрусталя. Игрушки так заманчиво переливались и такие были красивые, что парнишка потянулся к ним. Но в тот же миг вспомнил свой дом и горько заплакал.

Водяной подбежал к нему и спрашивает:

— О чем ты, маленький, плачешь?

— Домой хочу, — всхлипывал мальчик.

— Неужели у тебя дома лучше, чем в моем чертоге?^[44] — удивился водяной.

— Лучше! — ответил мальчик и заплакал еще громче.

Понял водяной, что все его утешения напрасны, и ушел. А парнишка, наплакавшись вволю, уснул. Тогда водяной подкрался к нему на цыпочках и перенес в другую комнату. Проснулся мальчик, посмотрел вокруг и увидел, что лежит он на серебряной кровати посреди серебряной комнаты — и стены, и пол, и потолок серебряные, у постели серебряный столик с игрушками, и все игрушки из чистого серебра. Этакое богатство! Как замороженный, смотрел на них парнишка. Потом взял серебряные игрушки и стал ими играть. Но через минуту забава ему надоела. Вспомнил он, как весело было возиться дома с братцем и сестричкой, и заплакал навзрыд.

Прибежал водяной и спрашивает:

— О чем ты плачешь, маленький?

— Хочу к брату и к сестричке, — ответил мальчик и зарыдал еще пуще.

Водяной никак не мог его утешить и ушел. А мальчик заснул. Водяной снова подкрался к нему на цыпочках и перенес в третью комнату. Когда мальчик проснулся, то увидел, что лежит он в золотой горнице на кровати из чистого золота. Все там было золотое: и столик, и стулья, и игрушки. Мальчику часто рассказывали о волшебных сокровищницах, где хранится золото. Но такое сияние ему и во сне не снилось — от него слепило глаза! Очарованный, взялся было мальчик за игрушки из чистого золота. Но недолго они его забавляли. Вспомнились мальчику мать и отец, и он снова заплакал.

Прибежал водяной и спрашивает:

— О чем ты плачешь, дитя мое?

— Хочу к отцу и к матери, — проговорил мальчик, рыдая все громче и громче.

Удивился водяной — ведь он-то не знал, что такое отец, мать, братья и сестры.

— Неужели отец и мать для тебя дороже чистого золота? — воскликнул он.

— Дороже, — сказал мальчик.

Водяной удалился и собрал весь жемчуг, какой таили в себе глубины его подводного царства. Собрал и высыпал перед мальчиком. Груда жемчуга выросла до самого потолка, и водяной спросил:

— Да неужели отец и мать дороже тебе такой груды жемчуга?

Зажмурился парнишка, чтобы сверканье сокровищ не ослепило его. Кругом будто зарево полыхало; казалось, в комнате занялся пожар.

— Напрасно ты трудишься! — ответил мальчик. — Все равно не узнать тебе цену моему отцу и матери. Они мне дороже золота и жемчуга, дороже всего на свете!

Понял водяной, что ничем ему не утешить мальчишку, подождал, пока ребенок уснул, осторожно вынес его, сонного, из воды и положил на берег. Здесь дожидалась хозяйина бедная одежонка, которую мальчик скинул перед тем, как прыгнуть в воду. Водяной отыскал в ней карманы, наполнил их золотом и жемчугом и скрылся.

Проснулся мальчик и увидел, что лежит на берегу у самой воды. Он встал и оделся. И тут же вспомнил про водяного и подводное царство. Сначала мальчик подумал, что все это ему приснилось, но, когда полез в карман и вытащил оттуда золото и жемчуг, понял, что был то не сон, а сущая правда. Бросился паренек домой к отцу и матери, к брату и сестрице и нашел всю семью в слезах: все уже думали, что он утонул. Зато и радости не было конца! Да еще и в доме теперь всего стало вдоволь — ведь мальчик принес из подводного царства скатного жемчуга да червонного золота. Семья распростилась с бедностью, узнала достаток. Построили себе счастливыцы новый дом и зажили в нем припеваючи.

Мальчик по-прежнему ходил на реку купаться, да только теперь уж не плавал в разлив. Да и вообще старался мелководья придерживаться — туда водяному не добраться.

А водяной вернулся в свое подводное царство опечаленный. Он-то думал, что собрал в своих владениях самые ценные сокровища на свете. И вдруг оказалось, что у людей есть сокровища дороже золота и жемчуга. Есть у людей отец и мать, братья и сестры. А у водяного никого не было! Загрустил он и проплакал три дня подряд; от его рыданий сотрясались берега, а волны шумели, словно при наводнении. Потом водяной отправился осматривать каждый уголок своего царства, — может, где-нибудь затаились

особые сокровища, какие до сих пор не попадались ему на глаза.

Пастушок

Словенская сказка

Перевод Т. Вирты

днажды в Истрии[45] у самого берега моря, пастушок пас нескольких коров да с десятков коз и овец.

Было уже за полдень, и солнце немилосердно жгло землю. Вдруг пастушок увидел, что на мягкой мураве спят три девицы. То были волшебницы-вилы[46]. Все три — раскрасавицы и до того друг на дружку похожие, что их и не различишь. Лежат они, не шелохнувшись, будто и впрямь спят сладким сном. Мальчику, понятно, и невдомек, кто они такие; он думал, обыкновенные девушки, утомились, мол, красавицы, гуляя на солнце, легли и заснули.

«А ведь солнце обожжет девушек! — подумал мальчик. — Жаль! У них такие белые лица! Дай-ка я пособию им в беде!»

Влез пастушок на ближнюю липу, нарвал кудрявых веток, воткнул их в землю возле спящих, и девушки очутились в тени.

Скоро вилы проснулись. Увидели они липовые ветки, очень удивились и стали спрашивать друг друга, кто же укрыл их от солнечных лучей. На самом-то деле вилы отлично видели, кто о них позаботился, — ведь волшебницы никогда не спят, а лишь притворяются, будто спят. Спрашивали же они друг друга затем, что хотели проверить, отзовется мальчик или нет.

Но пастушок и не думал признаваться вилам — пустился он наутек, потому что не мог смотреть на их волосы: они сверкали, словно чистое золото! Однако в тот же миг все три вилы были уже возле него. Не удалось мальчику убежать от них. Красавицы спросили, что он хочет в награду за то, что укрыл их от жаркого солнца. Мальчик ничего не посмел попросить. Вилы решили подарить ему волшебный кошелек — в нем никогда не переводятся цехины. Но золотые монеты не понравились пастушку: он не знал, что такое деньги. А играть желтыми кружочками и любоваться на них ему вовсе не хотелось — куда занятнее возиться с живыми телятами, коровами да овцами: он любил их больше всего на свете.

Вилы и сами поняли это и сказали:

— Когда ты под вечер погонишь стадо к селу, за твоей спиной раздастся звон колокольчиков. Смотри же не вздумай оглянуться, пока не подойдешь к самому дому.

Сказали и сразу исчезли.

Тут только догадался мальчик, что перед ним были не простые девушки, а волшебницы.

Солнце все ниже клонилось к морю, и пастушок погнал свое стадо домой. Чем ближе он подходил к селу, тем сильнее становился перезвон колокольчиков за его спиной. Мальчик позабыл о том, что наказали ему вилы, и как раз на середине пути обернулся посмотреть, кто же гонит за ним столько скота. И увидел, как из моря выходят овцы, коровы и козы и бредут за его маленьким стадом. Но лишь только мальчик

обернулся, скот перестал выходить из моря на сушу. Пастушок пригнал домой только тех, что успели выйти на берег. А послушайся он волшебниц, стадо его было б гораздо больше. Но пастушку и того оказалось довольно. Не обошел мальчик и своих бедных соседей — со всеми поделился скотом, которым его наградили вилы.

Македонские сказки

Бедняк и счастье

Македонская сказка

Перевод Д. Толовского и Н. Савинова

одного бедняка было пятеро ребятешек — мал мала меньше. Работал он с утра до ночи, а спать зачастую ложился голодным.

Вот нанялся он хлеб убирать. Встали работники в ряд и пошли по полю. До конца полосы доберутся — сидят, бедняка дожидаются.

Стыдно ему, что он отстает, а силы-то нету. Как закончит свою полосу, весь обливается потом — от слабости да усталости. А люди смеются. Так целый день и промаялся.

Вечером пошел он вместе со всеми в деревню и совсем уж до места добрался, да вспомнил, что оставил серп на ниве. Надо вернуться: без серпа-то куда же — ведь завтра опять на работу!.. Пока добирался до поля — стемнело. Вдруг видит: идет по жнивью какой-то парень незнакомый, колосья собирает да что-то бормочет тихонько. Бедняк притаился, стал слушать.

— Разве мне мало забот о моем господине? А тут еще собирай колосья за бедного парня, чье Счастье работать не желает!

Услышал такие слова бедняк, подбежал и схватил незнакомого парня:

— Ты кто такой? Зачем колосья воруеть?

— Я — Счастье, — ответил пришелец. — Я — Счастье хозяина поля. Вы тут колосья порастеряли, а я их собираю. А ты почему же вернулся? Добрые люди давно уже дома и садятся за ужин.

— Ах, братец, я свой серп потерял и вернулся поискать, — ответил бедняк.

— Да вот он, твой серп, у тебя на плече! — ответило Счастье хозяина. — Да-а, видно, лениво твое Счастье, коли ты собственного серпа на плече своем не замечаешь.

— Ленивое Счастье?..

— А как же! Ты разве не знаешь, что Счастье у каждого есть? Оно вместе с человеком рождается. Да только твое Счастье нерадивое. Сидит целый день за широким твоим поясом да знай на тамбуре [\[47\]](#) играет. Оттого ты и ложишься не пивши, не евши. Да вот еще что: задумало твое Счастье нехорошее дело. Как только начнешь ты завтра утром жать, решило оно пробежать у тебя меж ногами, обернувшись трусливым зайцем. А ты серпом размахнешься да ногу себе и поранишь и больше работать не сможешь, тогда уж беднее последнего нищего станешь... Ты вот как сделай: возьми мешок подлиннее и к поясу привяжи его — так, чтобы отверстие-то между колен оказалось. Как вздумает Счастье шмыгнуть меж твоих ног — сразу и попадет в мешок. А ты излови его да отделай как следует дубинкой. Вот увидишь, исправится

Счастье, и ты станешь, парень, богатым.

Наутро бедняк все так в точности и сделал: пришел на поле, изловил свое Счастье, вскинул мешок на плечо — и домой. А дома закрыл поплотнее все двери и окна и ну дубасить свое Счастье: бей-бей, бей-бей-бей!

— Ты что ж, так и будешь все время играть на тамбуре и сидеть у меня за поясом? Ты что ж, и вправду намерено мне только гадости всякие делать? Хочешь, как заяц, шмыгнуть у меня между ног, чтобы я себя покалечил? Вот я покажу тебе тамбур! Ты у меня попляшешь! А я буду бить по тебе, как по барабану.

Ох, и колотил он свое нерадивое Счастье да еще грозился его, лежебоку, в колодец закинуть!

Вопило и плакало Счастье, молило помиловать, клялось и божилось, что скоро станет бедняк богатеем, только пусть пощадит ленивое свое Счастье. А за это, мол, Счастье тамбур свой изломает и станет прилежно трудиться, чтоб в доме всего было вдоволь. Отколотил бедняк ленивое Счастье, развязал мешок и строго потребовал:

— Скажи сейчас же, что мне делать, чтоб разбогатеть. А пока я беден, победствуй со мной — я тебя в покое не оставлю, узнаешь мою нищету, помаемся вместе без хлеба.

Рассердился бедняк. То и дело хватал дубинку и, верно, до полусмерти избил бы несчастное Счастье, кабы не жена: очень ей жалко Счастья стало и вступилась она за него. Как муж замахнется, жена его за руку схватит и просит и молит:

— Не надо!

Совсем перетрусило Счастье и завопило:

— Не бей меня больше! Ведь если я умру, сам потом пожалеешь, навеки останешься бедным. А коли пощадишь меня — завтра же утром, на зорьке, взберемся с тобой на крутую гору. Там ты ореховое дерево сыщешь, под ним увидишь колодец. Зачерпни воды из колодца и скорее к царю отправляйся — скажи, что ты лекарь, и побрызгай водицей царскую дочь: она вмиг от недуга исцелится и здоровою станет. Тебе царь и денег отвалит, и даст все, что твоя душа пожелает. А ты говори, что ты лекарь, и врачуй все болезни целебной водою. Быстрехонько разбогатеешь. Но только запомни: как зайдешь к больному да увидишь ангела в ногах у него — лечи. Если же ангел стоит в изголовье — тотчас отступайся: больной все равно помрет. Может, ты речам моим, парень, не веришь, так проверь: сходим на гору, потом — к царевне, а уж тогда ты на свободу меня отпусти.

А тут как раз подала жена скудный ужин: краюшку хлеба ржаного, соль да луковку. Мука-то была смолота не из чистого жита, а больше из лебеды. Посолил бедняк ломоть хлеба крупной солью и говорит:

— Пожалуйста, отведай, Счастье. Завтра проверю твое обещанье и, если ты не солгало, с почетом тебя отпущу, а обманешь — убью, как собаку.

Вот приступили к еде. Бедный хозяин следит за ребятами, смотрит, чтоб они много соли не брали: ведь денег-то нет и купить соли не на что будет, коли всю съедят!

— Ну что, Счастье, — спросила жена, — видишь теперь, как нас, горемык, нищета замучила? Пожалей ты хоть малых детишек, уж сами-то мы как-нибудь!..

— Не плачь, хозяйка, не надо! — ответило Счастье. — Лихое — прошло, а хорошее — не за горами. Коли не умру нынче ночью от побоев, завтра увидишь в своем домишке уйму денег. А я уж безделье заброшу, на кусочки разломаю свой тамбур — виновника ваших напастей.

Пошли они спать. Хозяин запер Счастье в горницу, боялся, как бы оно не удрало.

А утром, чуть свет, ходил наш бедняк потихонечку в горы, кувшин волшебной водой наполнил,

вышел на улицу и кричит:

— Эй, кому нужен всезнающий лекарь?

Прошел мимо царских ворот, и как только услышали во дворце такие слова, его тотчас позвали и спрашивают, не может ли он от злого недуга царевну избавить. Побрызгал новоявленный лекарь царевну волшебной водой, и болезнь мигом прошла. Царская дочь просияла от счастья, сразу же лекаря к отцу повела, и царь отвалил ему кучу денег.

Пришел целитель домой, притащил два мешка, туго набитых деньгами. Сразу же отправился на базар, накупил всякой снеди и напитков, устроил в честь своего Счастья богатый пир, а потом проводил его с почетом и хорошее платье новое дал ему в подарок.

С тех пор стал бедняк знаменитым лекарем, и зажило его семейство в достатке. Счастье тоже без дела не сидело: ведь прежде-то ему тамбур трудиться не давал, а теперь он был сломан.

Мельник Кьосе и хитрый парень

Македонская сказка

Перевод Д. Толовского и Н. Савинова

ил-был хитрый парень. Как-то раз отец подозвал его и говорит:

— А ну-ка, сынок, давай нагрузим на осла мешки с зерном — поедешь на мельницу. Только смотри — в тех местах мельниц великое множество. Сам выберешь, где подешевле, повыгодней будет. Но крепко запомни, к мельнику Кьосе не заходи: непременно обманет — зерно заберет, а муку не отдаст.

— Ну что ж, буду помнить, — ответил сын.

Отец нагрузил на осла мешки, парень тотчас и поехал. А путь-то недолгий был. Приехал он к мельницам. Их было много — одна за другою выстроились, как напоказ, в один ряд. Ну, чтоб не попасть в лапы обманщика Кьосе, парень и начал осматриваться — куда пойти.

А Кьосе имел привычку торчать у ворот своей мельницы, гостей поджидать. Смотрит, не едет ли кто из хозяев с зерном, и к себе зазывает.

Ну значит, стоял Кьосе у ворот. Увидел он, что парень с зерном приехал.

Юркнул Кьосе в свою мельницу да тут же через черный ход выскочил и вошел к соседу — тихохонько через заднюю дверь прошмыгнул к нему, — тут же на улицу через переднюю вышел и стал звать к себе парнишку. Но тот его узнал, к нему не пошел и постучался в соседнюю мельницу. Подумал, верно, что это не мельница лукавого Кьосе, раз он у другой двери стоит.

Стал звать парень мельника — никто не идет. Сам снял мешки с осла. И только зерно засыпал, выходит Кьосе и говорит:

— О-о! Добро пожаловать!

Ну, что ж поделаешь: хоть и обманулся он, а деваться некуда — зерно-то засыпал! Хочешь не хочешь — пришлось оставить!

Но парню запомнились отцовские слова, он знал, что за птица коварный Кьосе. Стал он думать, как бы так сделать, чтобы Кьосе не мог надуть его и присвоить муку. Начал молоть Кьосе зерно. А парень ему говорит:

— Отец мне велел присмотреть, чтобы ты хорошенько смолот наше зерно, а потом испек бы для нас большую погачу[48]. Да еще отдал бы мне в жены свою любимую дочь.

— Ну что ж! — отвечал ему Кьосе. — Ты здесь посиди, подожди, пока зерно смелется, потом я испеку вам и погачу!

Налил он воды в котел, поставил котел на огонь. Вскипела вода, а к тому времени зерно было смолото. Кьосе-обманщик взял муки да и бухнул в котел, будто для теста. А вместо теста получилась жидкая каша — котел-то налит был водой до краев, а муки насыпано немного. Такое тесто разве что для

оладий годилось, а не для хлеба...

— Что делать? — спросил Кьосе-обманщик. — Муки-то у нас не хватает!

— Не знаю. Отец мне сказал, чтоб ты спек нам погачу, муку же отдал бы отдельно!

— Да ведь я всю муку истратил, — отвечал ему Кьосе. — Ты же видишь: вся мука в котле! Где же мне взять еще?

Тут повздорили они.

— Ну ладно, — сказал Кьосе. — Сделаем иначе. Давай-ка с тобой поболтаем, кто кого переврет. Обманешь меня — дам тебе и погачу, и муки. А нет — вернешься домой с пустыми руками.

Парень подумал и согласился. И стал ему Кьосе плести небылицы: он постарше, значит, и начал первым.

— Видишь вон ту канаву? Здесь в старину было чудо. Посадили тут огурцы. Росли они, росли да выросли такие большие — просто диво. Один огурец ненароком упал поперек канавы да так и остался заместо моста. Не только люди по нему могли проходить, но и верблюды.

— Верно, верно! — весело засмеялся парень. — Конечно! Я знаю! Я помню! Отец мне рассказывал, что было еще и такое: однажды по этому огуречному мосту шли верблюды с поклажей, везли драгоценности царские. А мост-огурец раскачался, затрясся — верблюды в канаву свалились да и утонули. А отец мой в огурце сидел, спал там. Проснулся он от этого шума и выглянул из огурца. Собрал потом потихоньку все царские сокровища и сделался богачом. И я тебе вот что еще расскажу! У нас были ульи пчелиные, штук этак триста. И каждое утро отец пересчитывал пчел. Как-то утром считал он, считал — одной пчелы не хватает! Куда она делась? Отец и туда и сюда — ну, как не бывало пчелы. Что делать? Оседлал мой отец петуха, поехал по свету искать озорную пчелу. Весь свет объехал — до самого края добрался. Пчелы нет и нет! А как стал подъезжать к Багдаду^[49] — видит: пчелу запрягли в плуг и она пашет в паре с волом чью-то ниву. Отец мой, конечно, пчелу живехонько распряг и погнал перед собой. Привел ее, в улей пустил. Потом расседлал петуха, глядь, на спине у бедняги рана. Что делать? Решил вылечить петуха. А как? Испробовал одно зелье, другое — петух все болеет! И вот наконец кто-то дал ему добрый совет: расколоть орех, ядро разжевать и к ране приложить. Отец так и сделал, да сверху еще землицей присыпал и завязал. Наутро приходит в курятник, развязал тряпицу, видит — диво! Орех-то уже побег дал, и листочки распустились. Вырос орех ростом с дуб, собрали с него урожай небывалый. Галки в ветвях свили гнезда, галчат вывели. А сорванцы-ребятишки увидели галок и давай кидать в них камнями да комьями земли — хотели орехов достать и галчат раздобыть. Столько там, наверху, накопилось всяческой дряни, что вскоре уже стало там не дерево, а изрядный участок земли, и отец рассудил, что можно там высеять много семян, не меньше десятины, да, кроме того, еще роща останется. Распахал отец ту землю девятью плугами, хлеб там посеял. А рощу оставил нетронутой, в ней поселились медведи, лисицы и волки. Вот время пришло, мой отец пригласил жнецов — парней и девиц из трех окрестных деревень. Только было принялись они за работу — из лесу выглянула лиса. Тут парни и девушки бросились ловить лисицу; поймать ее не поймали, а кто-то в нее кинул серп. Вонзилась тут рукоятка серпа прямо в бок лисице. От боли несчастная стала метаться туда и сюда — так все поле одна и сжала. А кончила жать — к лесу помчалась. Тут выскочил серп из Лисицына бока, а рядом на землю записка упала. Жницы подобрали ее, а прочесть не умеют. К судье отнесли, прочитать попросили...

— А что же судья? — перебил обманщик Кьосе.

— Судья им сказал — здесь написано: «Нечего Кьосе хитрить понапрасну, пусть тотчас отдаст и муку, и погачу, и дочку в придачу».

Вот так и признал себя побежденным обманщик Кьосе и отдал парнишке и муку, и погачу, и дочку — в придачу. А парень взвалил мешки на осла, взял невесту за руку — и домой!

Боснийские сказки

Яйцо-атаман

Боснийская сказка

Перевод Т. Вирты

В одном селе водилось с полдюжины кур, и снесли они десяток яиц. А тут, как на грех, одна женщина говорит:

— Дай-ка я угощу наших кур солью, чтобы лучши неслись!

Набрала пригоршню соли и посыпала курам. Куры наклевались соли и в тот же час передохли, и во всем селе только и осталось что десяток яиц.

Как раз об эту пору нагрянули в село жандармы и вот сговариваются:

— Что будем на ужин есть?

— Яичницу!

Разбили для них все яйца, только одно уцелело.

— Что же мне одному во всем селе делать? — воскликнуло уцелевшее яйцо. — Убегу-ка я отсюда!

И единственное яйцо убежало из села в лес.

А в лесу встретился яйцу петух. Завидел он яйцо и кричит:

— Куда путь держишь, дорогое яичко?

А яйцо в ответ:

— И не спрашивай, дорогой петух! Доняла меня лихая беда! Кто бы в нашем селе ни остановился на ночлег, первым делом сговариваются, чем бы с дороги подкрепиться. «Яйцами!» Было нас десять штук, девять яиц уничтожили. Только я в том побоище уцелело. Ну, думаю, надо спасаться, взяло да и укатило в лес!

Говорит ему петух:

— И со мной в точности такая же история приключилась: кто ни остановится в нашем селе, первым делом сговариваются: «Что будем за ужином есть?» И, не долго думая, решают закусить жареным петухом. Было нас пятнадцать товарищей, четырнадцати — головы долой, только я один из побоища живым выбрался. Ну, думаю, нет мне спасения, и решил, пока не поздно, в лес податься.

Подружились яйцо с петухом, и пошли они дальше вдвоем. Набредли яйцо и петух на валун-камень, а на нем кошка сидит. Спрашивает кошка:

— Куда, милое яичко, путь держишь? А ты, дружище петух, куда бредешь?

Отвечает яйцо:

— И не спрашивай, кошка! Лихая беда нас допекла.

А кошка допытывается:

— Да что такое с вами случилось?

— Ах, кошка дорогая, неслыханное несчастье! Злые люди перебили всех наших товарищей, только мы с моим другом петухом в живых остались. Но и нам гибель грозила, вот мы и решили в лес убежать. Авось, думаем, проживем еще немножко!

— Ах, милые вы мои! — говорит им кошка. — И я всяких обид натерпелась, потому что в нашем селе живут ужасно злые люди. Как чуть у них мясо выйдет, тотчас на кошку вину сваливают, — кошка, мол, мясо слопала! Поймают бедняжечку и прибьют до полусмерти. Кончится пшеница, а они, злодеи, снова за свое: «Мыши пшеницу потравили, а кошка и не думает их ловить!» И опять несчастная кошка страдает. А то еще бывает, оцарапается ребенок или просто ушибется где-нибудь — а кто виноват? Опять-таки кошка. «Посмотрите — кошка отнимала у нашего ребенка мясо из рук и оцарапала его». И давай кошку лупить. Мочи нет, до чего мне это битье надоело, и сбежала я в лес. А теперь вот прошу вас — примите меня в товарищи.

Подружились яйцо, петух и кошка и отправились дальше втроем. Шли они лесом, шли и вышли на поляну, а на поляне пасется осел. Увидел осел петуха, яйцо и кошку, приветствовал их своей прекрасной песней, а потом спросил:

— Куда идете, дружная команда?

Отвечает ему яйцо:

— Натерпелись мы бед, ослик дорогой! Бессовестные люди из нашего села совсем нас замучили, просто сил наших больше не стало, и убежали мы от них в лес.

— И я настрадался досыта, — откликнулся осел. — Сами посудите. Если надо горшки на базар везти — грузят на осла. Дрова из леса — на осле тащат. Глину для горшков — тоже на осле. Воду возят на осле; соль — на осле; навоз в поле — и то на осле! Надоела мне такая жизнь, поднял я свои уши и рысью в лес припустился. Милое яичко, и ты, петух, и ты, кошка, примите меня в товарищи! Позвольте, и я пойду вместе с вами!

— Ну что ж, пожалуй! — ответило яйцо, и осел пошел с ними вместе.

Вот выходят они к ручью, а в ручье баран воду пьет. Спрашивает их баран:

— Куда направляетесь, дружная команда?

— Гонит нас беда, приятель! — отвечает барану яйцо.

— Что за беда вас гонит?

— Страшная беда, друг дорогой! А ты почему в лесу бродишь?

— Ах, и не спрашивай, белое яичко! Хозяин мой — сущий злыдень! Он продал всех моих товарищей баранов, меня одного пощадил. Навязал мне на шею огромный колокол и поставил вожакom овечьего стада. Теперь я за всех в ответе. Потравит какая-нибудь овца зелена в поле или в огород заберется, а я своими боками отдувайся. Не стало больше моей моченьки сносить такие мучения, и решил я укрыться в лесу. Скажите, дружная команда, не примете ли вы меня к себе в товарищи?

— Отчего же, понятно, примем! — согласилось яичко.

Пошли дальше все вместе — яйцо, петух, кошка, осел и баран. Бредут они лесом и вдруг выходят на

лужайку. А на лужайке волк лежит. Увидел их волк и спрашивает:

— Куда идете, дружная команда?

Отвечает яйцо:

— Ах, друг мой серый волк! Выгнала нас из дома беда!

— Что за беда, белое яичко?

— Ужас какая беда! Злые люди из нашего села со свету нас сживали, вот мы и убежали в лес!

Говорит им волк:

— Ах, я тоже немало горя хлебнул. Какая живность ни пропадет у людей, они все на волка валят: «Волк, мол, съел!» И давай меня травить. Разобиделся я на такое обращение, ушел в лес и вот встретился с вами.

Пошли дальше вместе. Выходит компания на лужок, сели отдохнуть. Тут волк и говорит:

— Ну, что теперь делать будем? Проголодался я что-то! Кого бы мне съесть?

— Я для тебя не гожусь, очень уж я маленькое! Одно яйцо для волка — что слону крошечка! — откликнулось яичко.

— А у меня больно перьев много, — поспешил заметить петух, — оцуплешь меня — ничего и не останется.

— А у меня когти длинные, еще поцарапаю тебе нутро, — вставила кошка.

Говорит осел:

— А я хоть и большой, да что толку, — гляди, какой я тощий! Кожа да кости, а мяса совсем нет!

— Зато я и большой и жирный, — сказал баран. — Мной ты досыта наешься! Раскрой пасть пошире, а я разбежусь и вскочу тебе в глотку живьем.

Волк встал и раскрыл пасть. А баран разбежался да как хватит волка рогами по лбу! Свалился волк и подох.

— Ого! — воскликнуло яйцо. — А ведь баран-то волка убил! Кто теперь тушу понесет?

— Я не могу, — откликнулся петух.

— И я не могу, — говорит кошка.

— А я привык тяжести таскать, — сказал осел, — грузите волка на меня.

Взвалили они волчью тушу на осла и пошли дальше. Вдруг видят — перед ними дом. И решили в том доме заночевать. Стали через забор перебираться. Яйцо кое-как перекатилось, петух раскрыл свои крылья и перелетел, кошка вскарабкалась на забор, а оттуда соскочила вниз. Баран с разбегу перемахнул. А осла ничем не одолеть такую высоту, потому что у него на спине груз лежит тяжелый. Наконец разбежался осел что есть силы и перепрыгнул с грехом пополам, а волчья туша свалилась у него со спины и упала под забор. Вот входят яйцо, петух, кошка, баран и осел в дом, глядь, а в доме полным-полно волков! Сели ужинать, а яйцо и говорит:

— Будьте и вы здоровы, как тот, кто лежит под забором!

— А кто там под забором лежит? — спрашивают волки. — Давайте-ка сходим посмотрим!

Подожли и видят — под забором дохлый волк валяется! Струсил волки — и наутек в лес. Забились в самую чащу, тут один волк и спохватился:

— Ну, не дурацкое ли это дело — сами в лес удрали, а яичную команду в доме оставили! Давайте вернемся и посмотрим, что они там делают!

А волки ни в какую не соглашаются.

— Не бойтесь, дурачье несчастное! Ничего с вами худого не случится!

— Что же ты нам велишь делать?

— Давайте вернемся обратно. Вы подождете меня за забором, а я войду в дом: не боюсь я команды яичной. Я сильнее их всех! Что против меня белое яичко, да пушистый серый зверек, да задира на ходулях, да дохлятина на четырех ногах? Как раскрою я пасть — так и кинется дохлятина бежать, а жирного да белого я схвачу и проглочу!

Повернули волки обратно к дому. Подошли к забору и остановились, а храбрый волк прямо к двери направился. Увидела его яичная команда, встревожилась:

— Куда нам деться? Сейчас они всех нас сожрут до единого!

А яйцо-атаман и говорит:

— Я зарююсь в золу, петух пусть на потолочную балку взлетит, кошка под лавкой притаится, осел — за дверью, а баран пусть в закутке спрячется. Как только волк войдет в дом, я начну попыхивать под золой, волк подойдет к очагу и станет огонь раздувать, а я вспыхну под золой и обдам волчью пасть пламенем. Кошка в тот же миг из-под лавки пусть выскочит и полоснет его когтями по глазам, баран боднет рогами из своего закутка, осел за дверью копытами застучит и затрубит во весь голос, а петух пусть скачет с балки на балку и кричит «кукареку!».

Глядь, уж волк на пороге. Вошел, а в доме пусто! Лишь жар в очаге теплится. Вздумал волк огонь разжечь да осмотреться как следует. Стал на угли дуть, а яйцо вспыхнуло под золой и опалило пламенем волчью пасть. А тут кошка из-под лавки выскочила и полоснула его когтями по глазам, баран прыгнул из закутка и боднул волка рогами, петух заметался с балки на балку и закукарекал, а осел затрубил и копытами за дверью застучал.

Выскочил волк из дому и со всех ног к своим кинулся. Прибежал, а волки и давай выпытывать: что там да как там? Огрызнулся волк:

— Отвяжитесь от меня! Мне и вспоминать противно! Подумайте только — круглый белячок зарылся в золу, пушистый зверь под лавкой схоронился, задира на ходулях взлетел на балку, жирный да белый в закутке спрятался, а дохлятина на четырех ногах за дверью притаилась. Вхожу я в дом — пусто! В очаге жар теплится. Я и решил огонька развести да оглядеться как следует. Подул на угли, а маленький белячок как вспыхнет под золой да как обдаст меня пламенем, пушистый зверь из-под лавки выскочил да как полоснет по морде когтями, жирный да белый выпрыгнул из своего закутка, как боднет меня рогами, а дохлятина на четырех ногах за дверью трубит: «Пода-ать его сюда-а-а!» Задира на ходулях мечется с балки на балку, заливается: «Подать его сюда! Кукарекуу!» Ну, думаю, еще не хватало мне в лапы к дохлятине попасться! Не хватало, чтобы вздернули меня под потолок к задире на ходулях! Этак, пожалуй, к своим не вернешься!

Выслушали волки своего товарища и сломя голову в лес бросились. А яйцо-атаман со своей командой и по нынешний день хозяйничает в волчьем доме.

Принц Чистозолото

Боснийская сказка

Перевод Т. Вирты

Жил на свете бедняк, голь перекатная, кое-как перебивался он в хибарке, из худых досок сколоченной, смерти своей каждый день дожидался. Хранился у бедняка в сенях бурдюк[50] с мукой. Да на беду, повадилась к нему лиса муку таскать. Выследил бедняк лису и стал умом раскидывать, как бы ее поймать. Нищета проклятая до того горемыку довела, что не мог он и плохонького замочка себе купить. А лиса меж тем что ни ночь, то в сени заглядывает, и мука в бурдюке все тает да тает. Решил тогда бедняк на дверь щеколду навесить — авось да и попадетса лисица. Так оно и вышло.

Однажды утром просыпается бедняк, глядь, а лиса по сеням прогуливается — значит, попалась, воровка. Вышел бедняк в сени, изловил лису, связал ее, выволок во двор и притащил заостренный кол, хочет ее убить. (Топора и того не было у бедняка.)

Видит лиса, что не сносить ей головы, и ну человека упрашивать:

— Пощади меня, выпусти! Я тебя за это на царской дочери женю.

«Вот еще глупости какие! — подумал было бедняк. — Знать, решила лиса меня облапошить!» А потом так рассудил: «Ладно. Ну, убью я ее, а какая мне от того корысть? Если же выпустить лису на волю, небось не посмеет она больше и носа сюда сунуть. Отпущу-ка я ее на все четыре стороны».

Так и сделал. Только развязал лису, а она давай бог ноги и в лес удрала. «Ну, видно, не дожждаться благодарности от воровки», — подумал бедняк и закричал вдогонку:

— Куда это ты, тетушка, кинулась?

А лиса ему в ответ:

— Иду сватать царскую дочь.

— Брось ты свою затею! — говорит бедняк. — Если бы тебе и удалось высватать царскую дочку, все равно мне ее привести некуда.

Но лиса лишь хвостом махнула:

— Не твоя забота!

Сказала и скрылась в лесу.

Лиса от своего слова не отступилась. Побежала она напрямиком к царскому дворцу и вскоре благополучно добралась до места. Осмотрелась и без дальних околичностей к страже:

— Бог в помощь!

А стража отвечает:

— Спасибо, тетушка.

— Нельзя ли мне повидать высокочтимого царя? — спрашивает лисица.

— Подожди немного, сперва узнать надо, пожелает ли царь принять тебя.

Пошли стражники к царю и говорят, так, мол, и так, пожаловала ко дворцу тетушка лиса и просит допустить ее к вашему величеству по какому-то делу. Царь велел привести к себе лису. Слуги передали лисе приглашение, и лиса вмиг предстала перед царскими очами:

— Бог в помощь, высокочтимый царь!

— Спасибо, тетушка, — отвечает царь. — Какое несчастье привело тебя ко мне?

Говорит лиса:

— Высокочтимый царь! Не случилось со мной ничего худого, а если дозволишь, я тебе скажу кое-что...

Отвечает царь лисице:

— Перед моим тронем каждый волен говорить и просить, о чем пожелает. Или тебе, лиса, сие неведомо? Ежели есть у тебя что-нибудь на душе, сказывай без стеснения!

А лиса — ей только дай языком почесать — и пошла, и пошла:

— Высокочтимый царь! Слышала я, что у тебя есть дочь, красой своей прославленная на весь белый свет. А у меня есть принц — не принц, а чистое золото. Люди про него говорят, да и я скажу — не совру, что он в сто девять раз прекрасней твоей дочери. Теперь скажи: не хочешь ли ты отдать свою дочь за мое Чистозолото?

— Да как же я ее отдам! А ну как дитяtko не согласно за твое Чистозолото замуж идти! Ведь кровь не вода, девке не прикажешь!

— Давай тогда спросим царевну, — говорит лиса, — посмотрим, что она ответит.

Тотчас царь приказал позвать к нему дочку. Не успела царевна порог переступить, как царь рассказал ей все напрямик и закончил так:

— Так-то вот, милое мое дитяtko! Если хочешь за лисицыного принца идти, откройся нам, а нет — пусть тетка убирается восвояси!

Выслушала его царевна, очи потупила и молчит. А лису будто ветром подхватило — подлетела к царевне и давай божиться:

— Клянусь, царевна, куриным насестом, мой принц — чистое золото! Прекраснее тебя в сто девять раз и в десять раз богаче отца твоего! Тут и раздумывать нечего — соглашайся сразу, не пожалеешь!

Видит царевна, что отец тоже не противится, дала свое согласие и вышла вон. Тут и говорит царь лисице:

— Ну, тетка! Теперь ты ответ наш знаешь, и ничего тебе другого не остается, как забирать мою дочь к себе. Только раньше чем через полгода ты за ней и не думай являться — до тех пор приданое не будет готово. Да смотри приводи не меньше чем пятьсот человек сватов, а ежели больше наберешь, и того лучше.

Лисица тут же покинула царский дворец и единым духом махнула к своему Чистозолоту. Увидел бедняк тетушку, и повеселело на душе — он ведь и не чаял повстречаться с лисою. А как узнал, что лиса высватала за него царскую дочку и через полгода должен он ехать за царевной со сватами, — затосковал пуще прежнего. Взмолился принц Чистозолото:

— Скажи, ради бога, что же нам делать? Гол я как сокол. Сама видишь, негде мне гостей принять,

некуда царскую дочку привезти!

— Ничего, не бойся! — утешает его лиса. — Ни о чем не беспокойся! Положись на меня.

День за днем проходит, пора уж за невестой ехать. Лиса между тем и знать не знает, где сватов достать. А принц Чистозолото и совсем закручинился, все думает, что с ним станется. Наконец настал день отъезда. Говорит лиса своему принцу:

— Пора в путь!

Запричитал бедняк:

— Откуда нам сватов взять? Где платье нарядное для меня раздобыть?

А лиса свое твердит:

— Твое дело маленькое — знай за мной поспедай!

Видит принц Чистозолото, что так и этак пропадать, и очертя голову бросился вслед за лисой. Вот вдали показался царский дворец, и принц Чистозолото снова лису тормозит:

— Что же нам делать, тетка, говори, ради бога!

А лиса свое заладила:

— Ни о чем, сынок, не беспокойся.

Возле самого царского дворца набрели они на большущую лужу. Увидела лужу лиса и давай по воде с боку на бок перекатываться. И принцу своему велела то же самое делать. «Ну, — думает бедняк, — раз я ее до сих пор слушался, и теперь послушаюсь». И вывалился в грязи. Посмотрели бы вы, что за славная парочка вылезла из лужи! Лисица еле хвост волочит, а принц Чистозолото бредет по дороге да комья грязи с себя стряхивает, чтобы от тяжелого груза немного избавиться. А тут и пора наступила во дворец идти — ждут уж там жениха.

Лиса без промедления к страже — давно уж ей дворцовые ворота не преграда. И велит доложить царю, что к нему пожаловала лиса с принцем Чистозолото. Стража побежала к начальнику узнать, кто из них самый расторопный, кто мигом слетает к царю с Лисицыным поручением. Лиса-то, видишь ли, велела страже поторопиться. Понял тут начальник, что дело спешное, снял своего деда с караула и послал к царю. Старикашка приналег на свою палку и со всех ног припустился. Прибежал во дворец и говорит:

— Так, мол, и так, высококочтимый царь, у ворот дожидается лиса и принц Чистозолото. Спрашивает лиса, можно ли к тебе войти.

Молвил царь:

— Пусть войдут!

Дед затрусил к воротам, передал лисе, что может она пройти к царю. Взяла лиса своего принца за руку, привела в царские покои и промолвила такие слова:

— Бог в помощь, царь!

— Спасибо, тетка! — ответил царь.

— Вот я пришла к тебе! — говорит лиса.

— А где же твой принц? — спрашивает царь.

— Да вот он, рядом со мной стоит, — отвечает лиса.

Удивился царь:

— Что же это вы оба такие грязные?

— Уж и не спрашивай, высокочтимый царь! — затараторила лиса. — Стряслась с нами в пути беда. Пришлось нам по мосту болото переходить, только вступили мы на мост — я, да мой принц, да свита, — как вдруг, на наше несчастье, мост обрушился и все утонули. Только нам с принцем удалось из трясины выкарабкаться, поэтому-то мы к тебе и явились такие чумазые. У принца нет с собой перемены. Не можешь ли ты по такому случаю дать ему платье, если не насовсем, так хоть взаймы?

— Не печалься, лиса, будет твоему принцу платье, — ответил царь и тут же приказал слугам принести самые красивые наряды, какие только найдутся в его сундуках.

А лиса не унимается:

— Сам посуди, высокочтимый царь, какая беда ужасная потерять разом всех сватов. Стыдно нам вернуться домой в одиночку и снова тратить деньги на снаряжение свиты. Не можешь ли ты дать нам пять сотен сватов и все, что в дорогу потребуется?

— Будь по-вашему, любезные мои детки, — отвечает царь, — с каждым может такое несчастье приключиться, и со мной тоже! Ни о чем не беспокойтесь.

Кликнул тут царь своих слуг и повелел им сзывать всех вельмож — царь, мол, приглашает их сватами к своей дочери, и, если вельможи согласны, пусть явятся ко дворцу.

Скоро и вечер наступил. Царь с принцем отправились ужинать в трапезную, а лиса осталась у очага обглаживать куриные косточки. Поужинав, принц пошел спать в свою комнату, а с ним и тетушка лиса. Принц улегся в кровать на перину, а тетка за печкой примостилась.

Утром поднялся с постели царь и все домочадцы. Проснулся и принц Чистозолото, оделся и крикнул лисе, чтобы и она вставала. К обеду собрались во дворец все сваты и, перед тем как отправиться в путь, сели за стол вместе с царем и принцем Чистозолото. В середине обеда позвал царь свою дочь, дал наставление:

— Вот тебе, дочь дорогая, суженый твой, будь с ним счастлива до гробовой доски. А тебе, зять, отдаю свою дочку, единственное мое дитя! Никому другому я бы ее не отдал, а тебе вот отдаю! Береги ее хорошенько и будь с ней счастлив!

— Аминь! — закричали сваты.

Тут и обед кончился, грянули пушки, сваты песню затянули, а у принца кошки черные на сердце скребутся. Что-то с бедной его головушкой станется? Ведь сватов-то некуда вести! Стоит ему остаться наедине с лисою, всплеснет он руками и давай вздыхать:

— Скажи, ради бога, как же мне теперь быть?

А лиса твердит:

— Твое дело — сторона.

Расселись гости в повозки — по двое, а то и по трое; в одну повозку посадили царевну со свахою, а в другую — принца с тетушкой лисой. Повозка катит по дороге, принц покоя себе не находит, вертится, словно грешник на сковородке, лиса же знай приговаривает — не бойся да не бойся.

Проехали половину пути, тут лиса и говорит принцу:

— Я напрямик через поле побегу, а ты езжай по дороге. Да только смотри — в свою лачугу гостей не зови, а как будешь от нее неподалеку, слушай внимательно — я тебе голос подам. Вот на мой голос ты сватов и веди.

С этими словами выскочила лиса из повозки и — в лес. Вскоре перед ней выросли стены огромного дворца. В нем жили великаны. Лиса — во дворец, а великаны ее спрашивают:

— Что там такое на дороге грохочет, тетушка?

— Братцы мои! Голубчики! — заохала лиса. — Весь божий свет на вас ополчился, хотят перебить! А я прибежала предупредить: убирайтесь скорее, а не то не сносить вам головы.

— Милая тетушка, куда же нам бежать теперь? — перепугались великаны.

— Полезайте вот туда, под солому, — отвечает лиса.

Великаны и рады стараться — забились в солому, а лиса подожгла омет^[51], и все великаны сгорели. То-то счастье лисе привалило!

Тем временем принц Чистозолото едет дорогой и сам себя ругает: «Дурак я, дурак! И зачем только я тут остался! Надо было и мне убежать с лисою!» За этими думами не заметил, как очутился возле своей хибарки. Прислушался принц, слышит — тетка из лесу голос ему подает. Принц повернул в ту сторону, откуда голос доносился. Приезжают — и что же перед ними! Поднялись дворцы под самые облака, лестницы к ним ведут из белого мрамора. Сваты любят не на такую красоту! А у принца одно на уме: кто хозяин этих прекрасных дворцов? Будь у него такие хоромы, не совестно было бы в них сватов принять. Вдруг на крыльцо выходит лиса и говорит:

— Ну, вот и приехали! Вылезайте из карет!

А принц со страха дрожит, словно лист на ветру, все думает, как-то их встретит хозяин прекрасного дворца. Но тетушка лиса улучила минутку и рассказала ему, как было дело. Принц от радости прямо голову потерял!

Вскоре подали ужин, гости ели, гости пили — всех на славу накормили! Сваты радовались счастьем царской дочери — никто ведь не ожидал, что Лисицын принц окажется таким богатым. Сваты пировали ровно три недели, а на четвертой с песнями и ружейной пальбой отправились домой. Доложили они царю, как свадьбу молодые справили, и царь остался доволен.

А принц Чистозолото со своей красавицей и до сих пор живет себе счастливо во дворце, если только не умер.

Герцеговинские сказки

Эро и его корова

Герцеговинская сказка

Перевод Т. Вирты

ыл у Эро старый-престарый конь. Погнал его Эро на базар. «Авось, — думает, — кто-нибудь и купит моего конягу». Но за деньги покупать никто не хотел, и выменял Эро своего коня на корову. Заприметили сделку четверо озорников и подговорили торговцев подшутить над Эро. Выходит Эро со своей коровой на площадь, а его со всех сторон поздравляют:

— Эх, и хорош у тебя конь, Эро! Редкостной бурой масти у тебя конь, господин! Ай да конь! Ай да конь! У нашего Эро не конь, а огонь. — И всё в таком же духе.

Вот миновал Эро торговую часть города, вышел в поле и думает: «Любопытно, кто из нас сегодня ослеп и разума лишился — я или торговцы? Однако же все наперебой твердят, что я веду коня. Я его сию же минуту оседлаю!»

Развязал Эро пояс, сделал из него узду, накинул на корову кафтан и вскочил ей на спину. Корова и понеслась по полю вскачь, будто бешеная, будто ее овод под хвост укусил. А Эро и давай кричать:

— Стой, гнедой! Остановись! Побойся бога, ведь это не я виноват, а торговцы.

Эро и турок

Герцеговинская сказка

Перевод Т. Вирты

а берегу реки, за мостом, турок пахал плугом землю, а Эро на ту пору гнал по дороге навьюченных лошадей. Поравнялся Эро с турком и слышит, как тот понукает своих волов да покрикивает:

— Н-но, Пегий, н-но! У тебя и то котелок варит, а у Эро не варит!

Тут Эро въехал на мост, гикнул и погнал лошадей на другую сторону, а сам завопил:

— Боже, боже, горе мне, бедному! Что теперь делать буду?

Услышал турок причитания Эро, бросил своих волов и побежал на выручку.

— Стой, Эро, что с тобой? Что случилось?

— Боже, боже, горе мне, бедному! Кони мои ушли, а я за рекой остался.

— Так ступай и ты за ними!

— Нет уж, увольте! Клянусь богом и святым писанием [\[52\]](#), я по этому мосту не пойду. Ни за что на свете!

— Брось дурака валять! Почему это ты не пойдешь по мосту, когда по нему и народ и навьюченные лошади переправляются на ту сторону?

Да куда там! Эро и стонет, и охает, а на мост ступить боится.

— Послушай, а сколько ты заплатишь, если я перенесу тебя через реку на своих плечах?

— А сколько просишь?

— Двенадцать монет.

— По рукам!

Турок взвалил Эро себе на спину, перенес по мосту на другой берег и на землю спустил. Эро пошарил по карманам и говорит:

— Ни единой монеты нет, брат, клянусь богом и святым писанием!

— Как же нет, боров ты влашский! Что же ты врешь? Влезай опять на спину!

Эро оседлал турка и переехал на нем обратно. Турок сбросил его на землю:

— Раз у тебя нечем платить, так и подыхай тут, собачий сын! — И пошел к своим волам пахать землю.

А Эро перебежал через мост и крикнул:

— Эй, турок! По-твоему выходит, что у твоего вола котелок варит, а у Эро не варит! А как же я тогда переехал через реку на твоём горбу — туда и обратно?

Эро приговорен к смерти

Герцеговинская сказка

Перевод Т. Вирты

Нанялся Эро в услужение к султану; договорились они о жалованье и условились, что ежели Эро когда-нибудь посмеет обмануть султана, то поплатится за это головой. Однажды слуги донесли султану, будто Эро ел украдкой инжир в саду. Султан позвал к себе Эро и говорит ему:

— Ну, Эро, верил я тебе, да разуверился! Ты меня обманул и, значит, заслужил смерть. Сам на себя пеняй! Но за твою прежнюю службу и преданность являю тебе свою милость и разрешаю выбрать: какой смертью хотел бы ты умереть!

— А удержишь ли ты слово свое, о высокочтимый султан? — спрашивает Эро.

— Клянусь тебе, сдержу!

Тогда Эро сказал:

— В таком случае, высокочтимый падишах [\[53\]](#), я хотел бы скончаться от старости, как и мой покойный батюшка!

Султан засмеялся и помиловал Эро.

Черногорские сказки

Волшебный лес

Черногорская сказка

Перевод Н. Дмитриева

ыл у одного богатого человека сын. Отец воспитывал его дома, а как вырос парень, послал его по свету, да не деньги наживать, а ума набираться, посмотреть, как тяжело людям живется и как много надо трудиться, чтобы честно прожить свой короткий век. Дал ему отец денег на дорогу, велел их беречь, прочел наставление, благословил и отпустил.

Странствуя по свету, юноша пришел в какой-то город. Смотрит — ведут человека на виселицу. Подбегает юноша, спрашивает, что дурного сделал тот несчастный и за что его казнить хотят.

— У него много долгов, а так как ему нечем заплатить, то, по законам нашей страны, его приговорили к смертной казни, — отвечают ему.

Услыхав это, юноша обратился к судьям:

— Господа судьи! Можно мне заплатить долги этого человека и выкупить его?

— Пожалуйста. Заплати и делай с ним что хочешь.

Юноша отдал все свои деньги, продал с себя одежду до последней рубашки и набрал наконец, сколько требовалось. Судьи отдали ему должника, и пошли они вместе по свету, прося милостыню.

Раз вечером прилегли они отдохнуть. Выкупленный должник и говорит:

— Надоела мне такая жизнь, да и жаль мне смотреть на тебя. Из-за меня ведь ты страдаешь. Пойдем в лес. Там у меня есть названная сестра, волшебница-вила. Она нам скажет, как разбогатеть.

Юноша согласился. Пошли они в лес. Путь длинный. Должник впереди идет, юноша за ним. Наконец пришли. Видят: деревья высокие — до самого месяца, листья на них золотые, стволы серебряные. А среди деревьев горит яркое пламя, и вьется дым над огнем. Юноша испугался и спрашивает:

— Что это? Чудо какое-то!

А товарищ отвечает:

— Не бойся, тут все мои названные сестры и их матери. Вдвоем мы не можем подойти к ним. Я пойду вперед и скажу им, что мы пришли к ним жить. А ты подожди меня вон под тем деревом; оно все из золота, а листья у него жемчужные. Но если тебе дорога жизнь, смотри не пророни ни слова, пока я не вернусь. Под золотым деревом летом собираются все вилы и вышивают на пальцах. А ежели увидят они в лесу юношу, околдуют его взорами и превратят в какого-нибудь зверя.

Сказал он это и исчез, словно сквозь землю провалился. Прошло некоторое время. Юноше надоело

дождаться, и он пошел по лесу. Вдруг видит хоровод крылатых девушек. Он и спрятался, чтобы поглядеть на них и послушать их песни. На беду, заметила его запевала, околдовала, и в тот же миг он ослеп и онемел. Испугался он и заплакал. Откуда ни возьмись, на крыльях прилетел его товарищ, взял за руку и говорит:

— Чего же ты так испугался?

Юноша знаками рассказал, что с ним случилось. Тот вынул из-за пояса маленькую свирель, влез на дерево и начал играть. Со всех сторон слетелось столько вил и колдунов, братьев и сестер, побратимов и названных сестер, что и счесть невозможно. Стали они искать в лесу какие-то целебные травы и лечить ими юношу. Он сразу прозрел, да и дар речи к нему вернулся. Вилы приняли его к себе и женили. Он разбогател. Но когда состарился, покаялся в грехах и вернулся домой. Отца он застал уже при смерти. Простился с ним, похоронил и до самой смерти жил жизнью праведника. Но каждое лето ходил в лес навещать бывших друзей.

Задом наперед

Черногорская сказка

Перевод М. Волконского

Черногории^[54] рассказывают, что какой-то житель Чеклича украл где-то в Герцеговине лошадь. Второпях не надел на нее седла. Тьма была кромешная. Он прежде-то никогда верхом не ездил, вот и сел не по-людски — лицом к хвосту, а чтобы не упасть, ухватился за хвост. Сел и говорит лошади:

— Уж и не знаю, как выбраться из этих проклятых гор. Ты смышленнее меня, вези меня в Чеклич. Знаешь, где Чеклич? А я буду смотреть, нет ли за нами погони.

Лошадь, как водится, пошла прямо к своему дому: куда же еще седоку ехать, как не домой? Парень же из Чеклича возьми да и засни. На рассвете повстречался ему земляк, узнал он парня и спрашивает:

— Слушай, куда ты едешь?

— Как куда, брат? Домой, куда же еще?

— Да что ж ты так сидишь? Кто же так верхом ездит? Спятил ты, что ли?

— Это я-то спятил? Поди-ка придумай такую ловкую штуку!

— А что такое?

— Ведь я сел задом наперед, встречные меня не узнают, зато я погоню сразу могу увидеть.

Расстались они. Лошадь шла, шла да и привезла парня прямо к хозяйским воротам. Увидел хозяин свою лошадь, глядит, какой-то парень уселся на нее задом наперед, удивился и ну его расспрашивать: кто такой, откуда, как звать, зачем на чужой лошади приехал, почему сидит не так, как все добрые люди?

Парень даже головы не повернул, слез с лошади и отвечает:

— Спроси лучше об этом свою лошадь, она скорее ответит, а мне недосуг с тобой разговаривать.

Далмацкие сказки

Дубровчанин Кабога и дож венецианский

Далмацкая сказка

Перевод М. Волконского

Написал однажды венецианский дож [55] письмо дубровницкому князю Кабоге и вот о чем говорил в том письме:

«Кабога, гордость Дубровника [56], честь тебе и хвала, если ты мудрая голова! Вот я сейчас испытаю твою мудрость и задам тебе вопросы. Не ответишь как надо — клянусь верой и правдой, снесу тебе голову с плеч. Хорошенько подумай, что отвечать будешь. Мудро отвечай, зря не погибай! Первое: измерь и скажи мне — сколько будет от неба до земли. Ошибешься хоть на волос, пропали все твои труды и подсчеты. Второе: измерь, да как следует, и скажи мне, где находится середина света. Меряй по совести — твоя ведь голова в ответе! Третье: перелей все море да измерь, сколько в нем воды, а часть моря высуши, чтобы земли прибавилось и нам бы на ней пшеницы и риса посеять».

Вот, сокол мой, и пришло то диковинное и злосчастное письмо к мудрому дубровницкому князю Кабоге. Прочел он его несчетное число раз и над бедой своей задумался. Да что тут делать, нечего и голову ломать! Тут и Соломон [57] не разгадает. Сидит, думает Кабога, закручинился — будто все добро у него погорело. Увидел это его слуга, крестьянский сын, и спрашивает:

— Что это ты, господин, невесел, сердце болит на тебя глядеть!

Кабога молчит, словно и не слышит. Но слуга не дает ему покоя, все допытывается и наконец пригрозил, что уйдет от него, — не может он видеть таким Кабогу, прямо, говорит, в жар меня бросает.

— Поведай мне, хозяин, о чем горюешь, авось что-нибудь придумаю, на плечах у меня не кочан капусты.

Мудрый Кабога чуть улыбнулся и шутливо ответил:

— Знаю, сынок, а потому расскажу тебе о моих напастях, только никогда и никому не смей хотя бы одним словом о них обмолвиться, если тебе жизнь дорога. Так вот, сынок, пишет мне дож венецианский, требует ответа на три вопроса, а коли не отвечу, не сносить мне головы. Первое, говорит, должен я ему измерить, сколько будет от неба до земли; второе — сказать ему, где середина света; третье — перелить и высушить море, чтобы он мог посеять пшеницу и рис. Вот и не знаю я, что делать, куда деваться! Растерялся я, вроде муравья на горячей головне. Ум за разум заходит, право!

Как услышал это слуга, рассмеялся и говорит:

— Эх, господин, и охота тебе над этим голову ломать! Почему ты мне раньше не сказал, — это все легко разгадать! Убей меня бог, коли не разгадаю. Что тебе стоит, хозяин, достать моток шелковой пряжи;

достань и пошли его этому болтуну, дожу венецианскому, и напиши: вот, мол, измерил я тебе точно — сколько от неба до земли, как раз столько, сколько тут шелка; а не веришь — сам вымеряй! Если я ошибся хоть на волосок — вот тебе сабля, а вот моя голова! На второй вопрос ответь ему, что середина света — в Дубровнике. Если его мудрецы скажут, что это не так, ты можешь им свободно ответить: «Проверьте». А на третий вопрос скажи, что ты и тут готов ему услужить, но только пусть придет из Венеции посудыны, чтобы в них перелить море да измерить, сколько в нем воды, — у них, мол, торговля бойкая и такие посудыны найдутся.

Кабога слугу послушался: послал в Венецию моток шелковой пряжи и написал все, как надо. Прочел дож венецианский, что Кабога ему отвечает, завертелся, будто сидел на иголках. Собрались к нему вельможи, как будто пчелы на мед слетелись, кружатся вокруг да около и всё расспрашивают, а дож как закричит на них:

— Что вы тут вертитесь, пристааете, как осы! Разорались, а тут, как в церкви, шепотком надо говорить! Этот Кабога из Дубровника перемудрил меня. Посылает мне моток шелковой пряжи и пишет, что столько и будет от неба до земли, а коли я не верю, то пусть сам измерю. А еще, говорит, узнал я, что середина света — в Дубровнике, а кто не верит, пусть сам измерит. А как стал отвечать на третий вопрос — высмеял нас. Торговля у вас, говорит, бойкая, так пришлите мне посудыны, и тогда я перелью в них море и измерю его, а часть можно высушить. Вот ведь как, еще и насмехается? Ах, чтоб его змея ужалила! Наш, говорит, Дубровник стоит на камне в голодном краю, вот нам и жаль моря:

Синее море — вот наше поле,
Спустим челны — пусть то поле нам вспашут,
Ниву без края челны бороздят!

И если перелью я все море, да еще и высушу, то нечем будет рыбакам жить и придется нам тоже сеять пшеницу и рис... Вот как ответил Кабога, а теперь делайте как знаете!

И договорились они послать Кабоге кресты и медали. А еще написал ему дож венецианский:

«Да здравствует Кабога, голова Дубровника! Теперь я вижу, что не зря ты умом прославился! Посылаю тебе подарки. Властвуй ты в Дубровнике, а я — в Венеции».

Как с острова Брач ездили в Венецию за умом

Далмацкая сказка

Перевод М. Волконского

На острове Брач прослышали люди, что ума и мудрости в Венеции хоть отбавляй — со всего света собрали. И вот несколько жителей отправились на паруснике в Венецию купить там на всю братию ума и привезти домой. Пришли они ко дворцу дожей. Их спрашивают:

— Зачем пожаловали?

— Пришли счастья попытать, хотим купить у вас ума для нашего острова.

Попались им хитрые венецианцы, за большие деньги продали они им бочку, посадили туда мышь и наказали:

— Боже вас упаси открывать бочку или хотя бы трогать ее, пока не будете на месте.

Едва судно завидели на острове, на берег сбежались все от мала до велика, и священник, и староста. А как причалил корабль, зазвонили колокола, грянули выстрелы. Староста открыл бочку, мышь как выскочит, побежала по берегу, да испугалась народу — прыг в море и поплыла к одному малому островку.

— Ой, боже мой! — заохал староста. — Ум-то наш удирает!

Приказал он принести веревок и цепей, чтобы обвязать островок; с пристани все ухватились за веревки и стали тащить его в гавань. Надо же вернуть убежавший ум. Вдруг веревки и цепи лопнули, и люди попадали — кто сломал руку, кто ногу. А островок и по сей день стоит там же — и ни с места.

Венгерские сказки

Дерево-до-небес

Венгерская сказка

В обработке Э. Бенедека. Перевод Е. Малыхиной

Было ли, не было, точно не знаю, а только все ж таки где-нибудь было, жил на свете король, и была у того короля красавица дочка. Женихов к ней сваталось — и не пересчитать! Со всего света съезжались королевичи статные, князья-герцоги знатные, гордые да разодетые. Но вот беда, ни один королевской дочке по сердцу не пришелся, всем отказывала она наотрез: ни за что замуж не пойду, говорила, не оставлю дорогого моего государя-батюшку, покуда жива. Сладко было королю слушать такое, сладко, да не радостно. Крепко любил он свою единственную дочку, и не отпускала его горькая дума: «Вот умру, останется она, как былинка, одна-одинешенька, а все эти князья-королевичи, обозлясь, нападут да и отберут у сироты королевство». Много раз подступался король к дочери с уговорами: «Одумайся, доченька любезная, что-то будет с тобой, когда я помру!»

Но ничего не отвечала на это красавица дочка, молча уходила в любимый свой сад, краше которого не было в целом свете, и плакала там, и стенала: «Да неужто могу я с этойкой красотой расстаться? Где еще растут такие цветы ненаглядные!»

Очень любила королевна цветы свои, а того пуще любила дерево, что росло посредине сада и — хотите верьте, хотите не верьте — доросло до самого неба. Нет, ни за что не пойдет она замуж, потому что такого сада, такого дерева нет в целом свете!

— Не бойся, мой садик любимый, и ты не бойся, мое дерево-до-небес, не покину я вас, покуда жива!

И вот, только она это выговорила, поднялся сильный ветер, закружил смерчем, подхватил королевну и унес ее в сине небо, словно и не стояла она только что под деревом, даже проститься не поспела ни с батюшкой любезным, ни с садом своим ненаглядным. А смерч как налетел, так и улетел в одночасье; опять засияло в чистом небе солнце, да только теперь уже не грело — палило оно, и цветы в саду все поникли, увяли, словно их кипятком обдали. Выходит из дворца старый король, спускается в сад, видит повсюду разгром и поруху, зовет:

— Доченька, доченька, где ты?! — Только нет его зову ответа.

Тут сбежались придворные, искать принялись, весь сад обшарили, во дворе, во дворце в каждый угол заглянули — нет нигде королевны, пропала.

— Украла ее, как пить дать...

— А может, земля поглотила.

По-всякому судили-рядили люди, всякие догадки строили. Плакал старый король, словно дитя малое,

как только сердце не разорвалось от великого горя. Всех на ноги поставил, королевну искать велел по всему государству и за его пределами, половину королевства сулил тому, кто дочь любимую ему сыщет. Искали королевну стар и млад, с ног сбились все — не нашли: словно в воду канула.

Время шло. Однажды увидел король во сне, будто дочку его подхватило смерчем — вот тогда же, когда тот страшный ураган сад погубил; вознес смерч королевну на дерево-до-небес и опустил там в замке девятиглавого дракона. И если не освободят королевну, быть ей дракону женой.

Вот оно, горе, да и это еще полгоря. Потому как, чтоб вам было известно, у дерева-до-небес листья такие, что на каждом целая страна помещается. А кто ж угадает-то, на каком листе находится замок дракона девятиглавого?!

Ну, послали опять повсеместно глашатаев, оповестили весь свет, что королевну смерчем унесло и теперь она на вершине дерева-до-небес томится, в замке дракона о девяти главах, а кто ее оттуда вызволит, тому король ее в жены отдаст и полкоролевства в придачу, после смерти же своей — все королевство.

Что тут сразу началось-поднялось! Со всего света царевичи-королевичи съехались, герцоги, графы, бароны всякие, рыцари иноземные кишмя во дворе кишат. Быстро съехались, да вскорости, нос повесив, и назад воротились: к стыду своему, ни один и до середины дерева не умел взобраться.

А жил при дворе один паренек — свинопас. Много раз он видел в пух и прах разодетых витязей; гордо подходили они к дереву, чтоб наверх лезть, да не долго спустя вниз сползали несолоно хлебавши. «Ах ты, господи, — вздыхал свинопас, — вот бы и меня король к дереву допустил, попытал бы и я счастья!»

Однажды, забывшись, он сказал это вслух, и вдруг подбегает к нему маленький поросенок. Потеря о колено да и говорит:

— Вот что я скажу тебе, свинопас! Ты всегда был добр ко мне, настало время добром тебе отплатить. Ступай сейчас к королю и скажи, что взберешься на дерево-до-небес и приведешь королевну назад. Но только прежде пусть король повелит забить того буйвола, у которого рог обломан, и сшить тебе из его шкуры одежды семь смен да семь пар бочкоров [\[58\]](#) крепких. Как все получишь, на дерево полезай и до тех пор лезь, пока все семь пар бочкоров и одежды семь смен не истреплешь вконец, покуда они сами с тебя не свалятся. Тут увидишь ты прямо перед собой ветку, иди по ней до конца, а на самом конце будет листочек последний. Вступай на него смело, там и сыщешь замок девятиглавого дракона. Больше я тебе ничего не скажу, остальное — твоя забота.

Сказал и исчез в стаде свиней, ни полсловечка не добавил. Что ж, подумал молодой свинопас, второй жизни не бывать, смертыньки не миновать — надо счастья попытать. И пошел к королю. Поздоровался чин чинном и все рассказал, что хотел.

Эх, слышали бы вы, как король хохотал! Хоть и щемило сердце от великого горя-печали, а все же смеялся, удержаться не мог.

— Ну-ка повтори еще раз, что сказал, никудышник ты эдакий! — приказал свинопасу король, словно не расслышал как следует.

— А то я сказал, ваше королевское величество, что влезу на дерево-до-небес и без королевны нипочем не вернусь... Ваша воля — хоть казните, хоть милуйте!

А с королем рядышком и его придворный дурак сидел. Спрашивает король дурака:

— Что скажешь, дурак, на эти дурацкие речи?

— Скажу, государь, что сосунок-свинопас в самый раз за второго шута сойдет.

Но тут уж молодой свинопас взъярился:

— Ваше величество государь, не слушайте вы дурака своего: из дурной дыры и ветер дурной. Прикажите лучше забить буйвола с обломанным рогом да справить мне одежды семь смен и семь пар бочкоров, а ежели я без барышни королевны вернусь, голова моя пусть на колу красуется.

«Гм, гм, а ведь дело-то будто и нешуточное», — подумал король и сказал свинопасу:

— Ладно уж, Янош, сынок, будь по-твоему, но скажу тебе наперед: лучше сам с дерева пади, шею себе сверни, иначе не миновать тебе лап палача моего.

Поблагодарил Янош милостивого короля за добрые пожелания, и, когда изготовились семь пар бочкоров да одежды семь смен, взял он в руки топорик свой, размахнулся что было сил, всадил топорик в дерево и, ухватясь за топорище, полез; там еще раз топорик всадил, и еще, и еще — не успели люди моргнуть, а он уже и пропал из глаз, затерялся среди листьев громаднейших.

Семь дней, семь ночей взбирался он по чудо-дереву без передыху, цеплялся за ствол, подтягивался, повисал на ветках здесь и там, пока не истерлись, не свалились с него седьмая одежда да седьмая пара бочкоров. И тут увидел он перед собой длинную-предлинную ветку — в точности, как поросенок тот говорил. Но какая ж она тонкая была, эта ветка, моей руки не толще, а может, и еще тоньше! Янош не стал долго раздумывать — лег на ветку животом и пополз вперед да вперед. Ветка выгибалась, качалась то вправо, то влево — что как обломится? Костей ведь не соберешь!

«Янош, Янош, вернулся бы ты от греха!» — бормотал про себя свинопас, но это он только так бормотал: знал, что теперь-то нипочем не вернется, раз уж досюда долез. Прополз он эдак еще немного и видит: вот он, самый крайний на ветке листок, только б допрыгнуть до него! Собрался с духом Янош, зажмурился — прощай, белый свет! — да и прыгнул... Так и шмякнулся, будто козленок новорожденный. Э, что за беда, главное дело, добрался. Зато как оглянулся вокруг, так глазами-то и захлопал, даже рот открыл. Оказалось, все здесь точь-в-точь, как и там, внизу. Были здесь леса, поля, деревни, города, ручьи, реки, море, только человека нигде не было видно, хоть бы самого завалящего.

Долго-долго шел Янош, брел через горы и доли, леса и поля, а на седьмой день увидел перед собою алмазный дворец. Никогда еще не случалось ему такие дворцы видеть. Стоял дворец на петушиной ноге, не стоял, а вертелся, и было в нем тысяча окон и крылечек столько же. И вертелся он быстро-быстро, что твой смерч, даже еще быстрее. Хотел было Янош на крылечко ступить, а оно, глядишь, уже на другой стороне. Он было вскочил на другое с лету, а его вмиг отшибло, наземь бросило, так что гул пошел.

— Ах, вы вот как! — завопил Янош, разъярясь. — Ну, ничего, я вам тоже не дурак достался!

Схватил он топор, размахнулся, всадил в мелькнувшее мимо крылечко и, уцепившись за топорище, на том крыльце удержался, чинно вошел во дворец.

А королевна уже птицею летела ему навстречу.

— Ах, дорогой мой, желанный мой Яношка, и как же ты добрался, куда и птица не залетает!

— Вы про то, барышня королевна, сейчас не спрашивайте, а ступайте со мною к вашему батюшке.

— Иисус, Мария и святой Иосиф! И не заикайся про это, словечка не вымолви, не то услышит тебя дракон девятиглавый, и тут нам с тобой обоим конец придет.

Вдруг — шум, гром — явился хозяин, все девять голов огонь изрыгают.

— А это еще кто такой, как сюда заявился? — грозно так спрашивает дракон королевну.

— Ах, дракон, миленький, не тронь паренька, — взмолилась королевна. — Это слуга мой верный, он мальчонка еще, взобрался сюда, меня разыскал и здесь мне услужать хочет.

— Будь по-твоему, — проворчал дракон, — пусть поживет, но только задам я ему работенку, погляжу, хорош он иль плох.

Была у дракона в конюшне лошадь, худющая и хромая. Велел дракон Яношу за этой клячей смотреть, да по-особому: что ни попросит бедная животина, того ей никак не давать, что-то другое подсовывать.

— Гляди ж у меня, — прорычал дракон, — исполняй все в точности, иначе жизнью заплатишься.

«Ну, такая работа разве ж работа!» — подумал Янош и бегом на конюшню. Вбежал да и замер на пороге. Никогда страшной лошади он не видел. Кожа да кости, и на ногах уже не стоит, лежит, бедолага, на грязной подстилке и стонет, да так жалобно стонет! Бросил ей Янош охапку травы, она и ухом не повела. Ячменя дал отборного — и не взглянула. Стал Янош уговаривать, улещивать конягу несчастного, поешь, мол, хоть сколько-нибудь поешь. Нет, ни травиночки в рот не взял бедный конь, ни зернышка. И вдруг заговорил человеческим голосом:

— Вижу я, паренек, что сердце у тебя доброе, да только напрасно ты меня травой да ячменем потчуешь, мне это все негоже. Мой корм — алый жар из костра, да только не дает его мне хозяин мой. Затеял он извести меня, потому как один только я и знаю секрет, как его самого погубить.

— Так что же дать-то тебе? — спросил Янош.

— Набери, сынок, жару побольше и мне принеси.

— Я бы не прочь, но дракон наказал ни за что не давать тебе того, что попросишь.

— Что ж, не дашь, так не дашь, зато и королевну свою не сумеешь вызволить, — сказал Яношу конь.

Как услышал Янош эти слова, больше его просить не пришлось.

— Коли так, бедный ты коник мой, все исполню, что пожелаешь.

— Тогда слушай, — сказал ему конь-горемыка. — В воскресенье дракон с королевной в церковь пойдет, ты же дома останься. Ступай на задний двор, увидишь — дрова костром сложены, ты огонь разожги, остальное уж мое дело будет.

Едва дождался Янош, чтоб дракон с королевной в церковь ушли, развел огонь, а когда прогорели дрова, подхватил на лопату жару алого и понес лошади. Не успел оглянуться — все она съела до последнего уголька и в ту же минуту на ноги поднялась. Встала да напрямик во двор и, сколько было там жару, весь уплела, пепла и того не оставила. Яношка наш так глаза и вытаращил, даже рот открыл, стоит, дивится. Да то ли еще он увидел! Засиял, засверкал золотом красавец конь, налился силою, ребер уже и не видно. Глядит Янош, себе самому не верит: не четыре ноги у коня, а все пять!

Встряхнул тут конь пышной гривой, фыркнул, воздух в себя потянул, а Яношка глядит, наглядеться не может. Дивный скакун стоит перед ним, золотистой масти красавец, и сверкает так, что глазам больно, легче уж на солнце смотреть.

— Ну, паренек, отплату я добром за твое добро. Слушай внимательно. Спустишь поскорей в погреб, увидишь там седло, уздечку и меч. Хватай их и тащи сюда поскорее.

Бросился Яношка в погреб, подхватил седло, уздечку да меч и — давай бог ноги, но не успел на свет выбраться, как прилетел дракон, шум поднял несусветный.

— Стой, — кричит Яношке, — куда сбрую тащишь?

Выхватил он меч у Яноша из рук, замахнулся — вот сейчас голову снесет.

— Прощайся с жизнью, человечье отродье, — кричит. — Обманул ты меня, пощады не жди!

— Не убивай, дракон, не лишай меня жизни, — взмолился Яношка, — больше из твоей воли не выйду.

— Нет уж, человечье отродье, убью, не помилую, а только выпьем сперва по чаше вина за грехи твои.

Без долгих речей подошел дракон к самой большой бочке, нацедил оттуда вина в две чаши, одну себе взял, другую дал Яношу.

— Пей, — сказал, — другого-то раза не будет.

Выпили оба, а Яношка все просит жизни его не лишать.

— Не убивай ты меня, девятиглавый дракон, никогда больше не стану тебя обманывать!

— Нет, Янош, я не верю тебе. А вот вина давай еще выпьем, теперь уж за мои прегрешения.

Выпили еще по одной чаше. И вдруг, господи помилуй, — что ж это? — пустился дракон в пляс. Пляшет да приговаривает:

— Ну-ка, лапа, ты сюда, ну-ка, лапа, ты туда...

И так доплясался, что наземь брякнулся, лапы в стороны откинул и заснул мертвым сном.

Янош, конечно, опрометью прочь побежал! Ничего бы не стоило ему все девять голов драконовых отрубить, да только сообразил поздненько, когда уже на дворе оказался. Рассказал он скакуну все, как было.

— Скорей, паренек, седло на спину мне, подпруги затяни, уздечку надень... А что дракона не тронул, то к лучшему, — сказал мудрый конь. — Ты б ему одну голову-то отсек, а остальные восемь тут и проснулись бы, и пришел бы тебе конец.

Мигом оседлал скакуна Яношка, вскочил на него и спрашивает:

— И куда ж мы теперь поскачем, мой конь золотой, в какие такие края?

— В лес поскачем, мой молодой господин. Разущем там дикого вепря, да не простого, особенного. В голове у того вепря кубышка, а в кубышке — девять ос пребольших. В этих-то осах вся сила драконова. Коль удастся нам их всех истребить, станет дракон слабее младенца.

Только договорил золотистый скакун, помчались они быстрее ветра. Не успел Янош глазом моргнуть, а лес-то вот он.

— Глянь-ка, милый ты мой господин, вепрь нам навстречу бежит.

И впрямь видит Янош: ломится вепрь через подлесок, прямо на них устремился, клыки ощерил, на дыбы вскинулся, вот сейчас ударит. Да только не зря золотистый скакун о пяти ногах был! Вскинул он пятую ногу и так ею пнул вепря в бок, что тот навзничь упал, брюхом кверху. Тут и Яношка осмелел, меч свой выхватил, ударил вепря, с маху голову надвое расколол. А оттуда заяц — скок да наутек! Эге-гей, вот он, не упустить бы! Мчится заяц, ветер обгоняет, да только еще быстрее летит скакун о пяти ногах, догнал зайца, пятой ногою лягнул, у бедного зайчишки и дух вон. Тут Янош с коня соскочил, голову зайца надвое рассек, видит — и правда кубышка запрятана, а в ней не иначе как осы, потому что гудит, жужжит что-то внутри, об стенку торкается, будто черт их гоняет. Янош наш, не долго думая, кубышку на плоский камень положил, а другой камень, плоский да тяжеленный, сверху на нее бросил — ни тебе кубышки, ни ос.

— Ну хозяин мой молодой, — говорит пятиногий скакун, — теперь можем смело домой ворочаться. Дракона девятиглавого бояться нечего.

Так и случилось: прискакали они во дворец, а дракон в погребе лежит, совсем ослабел, муху и ту не согнал бы.

— Так это ты погубил силу мою? — простонал он, Яноша завидев.

— Кто ж, как не я! И тебя погублю, а королеву домой увезу.

— Не губи меня, Янош, — взмолился хитрый дракон, — забирай свою королеву и все мои сокровища, какие только найдешь.

— Не нужны мне твои сокровища, злой погубитель! — закричал Яношка и отсек все девять голов одним махом, чтоб не ожил злодей, не творил больше бед.

И сразу кинулся королеву искать. Рассказал он ей обо всем, где побывал да что сделал с тех пор, как они в последний раз виделись.

— Ой, любимый мой Яношка, — вскрикнула королева, сама не своя от радости, — ни за кого не пойду, только твоею буду, здесь ли, дома ли, мне все едино.

— Да уж, ясное дело, здесь мы с тобой не останемся, — сказал Яношка, — как-нибудь домой добираться будем.

Чего ж бы и не добраться, когда дорога есть! И тут только вспомнил Янош, как полз по тоненькой ветке сюда. Сам-то он и назад проползет, а с королевой что делать? Закружится у бедненькой голова, как пить дать кружится, и сорвется она с ветки вниз.

«Что делать, что же мне делать?» — ломал себе голову Янош и ходил по двору взад-вперед, совсем нос повесил. Вдруг смотрит — стоит перед ним пятиногий скакун.

— Что опечалился, молодой хозяин? — спрашивает конь.

Рассказал ему Янош про свою печаль.

— Эх, хозяин, нашел о чем печалиться. Садитесь-ка вместе с королевой мне на спину и ни о чем не тревожьтесь.

Ну, коли так, мигом вскочили Янош с королевой на коня пятиногого.

— А теперь закройте глаза! — Конь им приказывает.

Только они закрыли глаза, а уж слышат:

— Откройте глаза!

Открыли. Видят: стоит конь посреди двора королевского. Соскочили они наземь и бегом во дворец, в покои самого короля.

А король в этот час, прости господи, уже при смерти был. Однако же, когда дочку единственную завидел, с ложа его будто ветром сдуло, только что в пляс не пустился — спасибо, удержали его. Тотчас велел он призвать священника и мигом обвенчал молодых. А потом задал пир горой, семь стран-государств на том пиру пировало, семь дней, семь ночей все ели, пили, плясали. И я на том пиру был, до тех пор танцевал, пока башмаки задом наперед не свернул, а тогда уж и сам назад повернул, домой побежал, сам себя догонял, даже пряник медовый с собою не взял.

А кто мне не верит, пусть пойдет да проверит.

Счастье-удача

Венгерская сказка

В обработке Э. Бенедека. Перевод Е. Малыхиной

Было где или не было, не доходя океана невиданного, за семьюдесятью семью странами, жил-поживал король. И был у него сын, королевич Янко.

Надумал король сына женить. Но тут случилась беда, соседний король чем-то этого короля обидел, пришлось ему на войну собираться. Теперь королю было уж не до свадьбы. Собрал он преогромное войско и пошел воевать, а сыну велел домовничать да наказал строго-настрога не помышлять о женитьбе, пока он с войны не вернется.

Ушел король с войском, а Янко дома остался, правил страной, как умел. Время шло, годы пролетали один за другим, а отца нет и нет: все с соседним королем воюет.

«Ну нет, не стану больше сидеть да ждать, — решил наконец королевич. — Эдак я до старости неженатым останусь, кто же знает, когда вернется отец!» И поехал он невесту высматривать. Собрал немалое войско и с ним пустился в дорогу — пусть в чужих краях сразу увидят, что он не бродяга безродный, не аист его в клюве принес. Но не успели они границу королевства своего пересечь, как навстречу им едет — а по правде сказать, бежит со всех ног — сам король: войско его разбили, да и он едва спасся.

Увидел король, что сын навстречу едет и войско ведет, обрадовался. Он-то ведь думал, что сын прознал как-нибудь про его поражение и на помощь спешит! Зато и в ярость пришел он великую, когда понял, что у Янко ничего похожего в мыслях не было, он невесту искать надумал.

— Разве не приказал я тебе носа никуда не высовывать, пока я не ворочусь?! — закричал король. — Коли ты моего приказа ослушался, знать тебя не желаю, ступай куда глаза глядят. И солдат моих я тебе не отдам, понял, щенок!

Сын уж как только отца ни уговаривал, объяснял: не век же ему холостым оставаться, — но король и слушать его не хотел. И войско все отобрал. Один только егерь^[59] верный королевича не покинул, даже короля не послушался.

— Ваше величество, жизнь моя в ваших руках, а только я королевича Янко в беде не оставлю.

Так и не помирился отец с сыном, злющий-презлющий домой покатил, а сын с егерем в чужие края подались. Крепко горевал Янко, что отец доброго слова ему не сказал в напутствие, но прошла неделя, и горе его улеглось. Чему тут удивиться! Они ведь до тех пор ехали через горы и доли, через поля и леса, пока не прибыли на седьмой день пути в золотой замок Золотого государства и увидели там золотой цветок красоты невиданной — на солнце еще можно смотреть, а на этот цветок — никак. Скажу между прочим, пока не забыл: в золотом замке жил король Золотой страны, а Золотым цветком звали дочь его единственную. Когда Янко въехал в замок, красавица у окна сидела и его увидела.

«Этот всадник не иначе как за мной приехал, — сказала она про себя, — а если так, я уеду с ним непременно».

Потому что хороша была королева Золотой цветок, но и Янко всем взял — и красотой, и статью: взглянешь на него, залюбуешься.

Поднялся Янко во дворец, издалека заходить не стал, сразу все рассказал королю: кто он и что он, откуда и зачем приехал. Понравился Янко королю.

— Что же, сынок, вижу, человек ты серьезный, прямой. Я с радостью отдам дочь за тебя, живите счастливо до самой могилы, коли дочери по нраву придешься.

Приказал король позвать Золотой цветок. Она мяться-стыдиться не стала, ответила прямо:

— Согласна я, пойду за него с легкой душой, потому что по глазам вижу: любит он меня.

Тотчас позвали священника, молодых обвенчали, свадьбу сыграли, семь дней пировали, мед-пиво рекой текло, отсюда и дотуда все затопило, и еще на кривой вершок дальше.

Когда кончилось великое гостеванье, запрягли шесть красавцев коней в золотую карету, алмазами украшенную, и поехали молодые на родину Янко. Уже к вечеру до границы добрались и заночевали на постоялом дворе. Молодые сразу почивать отправились, но королевичев егерь во дворе остался, решил глаз не смыкать, Янко с молодой женой оберегать. Ближе к полуночи слышит егерь, опустились на крышу постоялого двора три вороны и разговор завели.

— Ох, подруги, — говорит одна ворона, — жалко мне этих юных супругов. Такие они красивые, а приходится помирать не поживши!

— Да уж, как смерти им избежать: ведь завтра под их каретой проломится золотой мост! — говорит другая.

— Злобная душа у отца королевича! — говорит третья ворона. — Это он приказал мост подпилить. Карр, карр, жаль их!.. Но тому, кто перескажет королевичу от нас услышанное, худо придется — зверь ли он, человек ли, до колен окаменеет.

— И пускай окаменею, а королевичу расскажу про измену! — сказал егерь громко, так, что вороны его услышали.

— Карр, карр, жаль тебя! — прокаркали вороны и улетели.

Не успели они из виду скрыться, а на крышу опустились три голубя и — вот ведь чудо какое! — тоже начали меж собой говорить.

— Эх, бедняжки, — говорит первый голубь, — не поможет им, что мост благополучно минуют, все равно не уйдут от гибели.

— Не уйдут, не уйдут, — сокрушается и второй голубь, — король-отец им карету пришлет заколдованную.

— Эх, хорошо бы они в нее не садились! — говорит третий голубь. — Ведь если сядут, тотчас подымется страшный смерч, подхватит их вместе с лошадьми и каретой, а потом бросит оземь, да так, что и косточек от них не останется. Но если кто-то наш разговор подслушает, пусть остережется другим про это рассказывать, не то до пояса окаменеет.

— И пусть, — громко сказал егерь, чтоб услышали голуби, — все равно расскажу.

Испугались голуби, вспорхнули с крыши и улетели. А на крыше — вот чудеса! — уже три орла сидят, разговаривают.

— Оно, может, конечно, статься, что ни мост, ни карета молодых не погубят, — рассуждает один орел, — но что потом спасет их, право, не знаю.

— И я не знаю, — подхватил другой. — В городе говорят, что король-отец вышлет сыну и невестке навстречу мантии, серебром и золотом шитые, с тем, чтоб они сразу в них облачились.

— Вот если б им как-нибудь намекнуть, — вздохнул третий орел, — что стоит им те мантии надеть, и они мигом превратятся в обугленные головешки... Но мы им сказать не можем, а если кто-нибудь это сделает, в каменный столб превратится.

— Будь со мною, что будет, а доброго Янко погубить не позволю! — громко воскликнул храбрый егерь.

Утром собрались они в путь. Егерь отозвал королевича в сторону и говорит ему:

— Видел я ночью сон, добрый мой королевич, и знаю верно: если не станете вы меня слушаться, все мы погибнем. Так что вы уж поклянитесь, пока до дому не доедем, ни в чем мне не перечить.

Янко смеялся весело, смеялась и жена его.

— Ах ты, глупый, и в сон и в чох веришь!

— Может, и так, но вы мне ни в чем не перечьте до самого дома!

Они смеялись, но егерь не отступался. Наконец Янко поклялся, что будет ему во всем подчиняться.

Выехали они с постоялого двора и скоро были у золотого моста. Егерь говорит:

— Карету мы на этом берегу оставим!

— Это еще почему же? — спросил Янко.

— А потому, что она совсем расшаталась, по мосту не проедет. Стыдно королевичу в такой колыхающей жене везти.

Вышли они из кареты, осмотрели, оглядели со всех сторон, Янко даже залез под нее, оси проверил, за ним и жена полезла, но карета была всем каретам карета, на втулках и смазка еще сверкала, потому как была она из чистого жидкого золота.

— Н-да, — сказал королевич, — я не вижу в карете изъянов. Но раз дал тебе слово, послушаюсь.

Оставили они карету на берегу и неспешно перешли реку по мосту, а егерь с лошадьми вплавь ее одолел. Вошли в город пешком, там купили карету и поехали дальше.

Не успели из города выехать, катит навстречу гофмейстер [\[60\]](#) в карете раззолоченной, говорит королевичу:

— Это вам его величество, ваш отец, посылает, она вашему званию приличнее. — И просит королевича с молодой женой пересест в карету, отцом даренную.

Была та карета из чистого золота, даже втулка у колеса и та золотая. Но егерь сказал, что надо сперва осмотреть ее и изнутри и снаружи, и сверху и снизу. Сделал он вид, что обнаружил изъян, и говорит королевичу:

— Ваше высочество, не садитесь в эту карету: с виду-то она хороша, а в дорогу совсем не годится.

С этим выхватил он меч свой и, боясь, что они все же его не послушаются, разрубил драгоценную карету на мелкие кусочки.

Королевич Янко только хмыкал да головой крутил, но сделать ничего не мог: он же слово егерю дал ни в чем ему не перечить.

Сели они опять в свою карету, только что купленную, и невдолге увидели перед собой стольный город, где король проживал. Тут их уже поджидал нарочный; на одной руке у него перекинута мантия для королевича, на другой — для жены его. И та и другая золотым да серебряным шитьем сверкают, переливаются.

Обрадовался королевич отцову подарку, а его жена и того пуще обрадовалась, протянули руки, чтобы взять бесценные мантии, красоты невиданной, да только егерь вперед них успел, у нарочного обе мантии выхватил и тут же разодрал их в лоскутья.

Потерял королевич терпение.

— Зачем же ты это сделал? — сердито спросил он егеря.

— Затем, что в таких мантиях слугам щеголять, а не вашим высочествам!

Королевич совсем рассердился.

— Как посмел ты?! — кричит.

Молодая жена плачет, обидно ей, что не королевич, а слуга тут приказывает.

А старый король во дворце из себя выходит, что Янко не удалось извести: не хотел он сыну простить послушания. Но когда Янко с женой во дворец прибыли, он сделал вид, будто рад им сверх меры. Сам же места себе не находил, дознаться желал, каким таким чудом они козней его избежали, живы остались.

— Ну, сынок дорогой, — сказал король, — никогда бы я не поверил, что ты подарками отцовыми погнушаешься. Видно, не по вкусу пришлись. А я ведь как лучше хотел.

— Не сердитесь, дорогой отец, — сказал королевич, — мне ваши подарки очень понравились, но я моему верному егерю обещание дал, пока мы в дороге, во всем его слушаться, а ему, сумасброду, почему-то ни карета, ни мантии не понравились. Он сказал, что погибнем мы, если его послушаемся.

«Ну, погоди же ты, егерь, — сказал король про себя, — ты у меня за это заплатишься!» Он и так-то на егеря зло затаил за то, что тот сторону королевича принял, с ним уехал невесту искать.

Собрал король судей-законников, и они присудили егеря к смерти. На другой же день на рассвете установили виселицу посреди двора дворцового, вывели егеря, под виселицей поставили. Прочитали большую, что твоя простыня, бумагу — приговор объявили и все его прегрешения перечислили.

— Что ж, — сказал егерь на это, — выходит, пришла пора помирать. Зато я жизнь моему доброму королевичу спас.

И рассказал он, что от ворон услышал.

Только договорил — до колен окаменел.

Рассказал, про что голуби говорили, — в тот же миг до пояса окаменел. Про беседу орлов поведал — тут и вовсе в каменный столб превратился.

Горюет королевич Янко, места себе не находит. Никак примириться не может, что верный егерь жизнь ему спас и за это своей жизнью заплатил. Дал он себе обет, что покинет дом и до тех пор не вернется, пока, скитаясь по свету, способа не найдет каменный столб оживить.

Однажды вечером он так и сказал жене:

— Не могу больше дома оставаться, из-за нас ведь смерть принял верный мой егерь.

Жена плакала, молила его остаться, не идти неведомо куда, неизвестно зачем, но Янко сказал, что от решения своего не отступит. Услышала эти речи старушка одна (она королевича вынянчила), тоже стала его

отговаривать:

— Не ходи никуда, не бросай жену, здесь твое место.

Но королевич никого не слушал.

— Другой жизни не бывать, смертыньки не миновать, — твердил он на все уговоры, — я своего верного егеря столбом каменным не оставлю.

— Ну, сынок, вижу, ты твердо решился, — сказала бывшая нянька. — Разыщи ты Счастье-Удачу. Если она тебе не поможет, тогда и искать больше нечего.

Простился с женою Янко, поплакали они, погоревали, и пошел он по свету Счастье-Удачу искать. Семь дней, семь ночей шагал без роздыха, многих людей повстречал, со многими здоровался-прощался, но ни одна живая душа не могла сказать ему, где живет Счастье-Удача.

Однажды вечер застал его у какой-то мельницы, зашел он к мельнику, на ночлег попросился.

— Гость — божий дар, заходи, путник, — сказал ему мельник, — и кров получишь, и ужин.

За ужином рассказал мельнику Янко, кто он такой и чего ради блуждает по свету.

— Эх, королевич, — сказал ему мельник, — если найдешь ты Счастье-Удачу, спроси у нее про меня: на моей мельнице семь жерновов крутятся, есть у меня и сукновальня, и крупорушка, а я все-таки едва концы с концами свожу. В чем тут причина?

Пообещал Янко мельнику, если Счастье-Удачу разыщет, спросить про его беду.

Утром он опять двинулся в путь и к вечеру пришел в какое-то селение. Всюду уже спали, только в одном домике-невеличке горел свет. Янко постучался, вошел. Видит, сидят у печи три девицы и усердно пряжу прядут. Девицы тоже с охотой пустили его ночевать, а когда узнали, кого он ищет, наказали непременно спросить Счастье-Удачу, отчего никто не берет их замуж, хотя они каждый вечер прядут усердно.

Янко обещал исполнить и их просьбу — лишь бы разыскать Счастье-Удачу!

Утром пошел он дальше, через горы шел, через доли, попал в лес дремучий, три дня и три ночи блуждал по чащобе, а когда лес стал немного редеть, вдруг под ноги ему речка метнулась; встала она в своем русле и спрашивает:

— Это какой же ветер занес тебя в наши края, где испокон веков нога человеческая не ступала, куда и птицы не залетают?

Янко рассказал речке, что и как.

— Спроси, королевич, Счастье-Удачу, — просит речка, — отчего нет в моих водах ни рыбы, ни раков, хотя прозрачна моя вода, как хрусталь.

— Ладно, спрошу, — говорит Янко, — если ты пропустишь меня, посуху дашь пройти.

Речка вверх дугой изогнулась, и Янко прошел под ней, не замочив ног.

— Не печалься, — сказал Янко ей на прощанье, — мне бы только найти Счастье-Удачу. Обязательно спрошу про твою беду.

Выбрался Янко из дремучего леса и пошел дальше по красивому лугу, цветами усеянному. Шел, шел, а лугу ни конца нет, ни края. Под вечер увидел он маленький домишко. Зашел на ночлег попроситься. В домишке старушка сидит, да такая старая, носом чуть не до земли достает. Поздоровался Янко почтительно:

— Вечер добрый, старенькая!

— И тебе доброго вечера, сыночек! Зачем пришел, как в наши края забрел?

Рассказал Янко, что ищет он Счастье-Удачу.

— Ну, сынок, тогда тебе повезло. Я ведь родная мать ей.

Обрадовался Янко так, что и передать невозможно. Тотчас старушке поведал, зачем ему Счастье-Удача нужна.

— Так-так, сыночек, — говорит ему древняя старушка. — Только моей дочери нет сейчас дома, она на виноградник ушла и ночевать не придет. А ты вот что: ступай утром к ней, мотыгу с собой прихвати и, ни слова не говоря, становись рядом и работай. Но запомни: ни словечка ей не скажи, спрашивать будет — не отвечай. В полдень я принесу вам обед. Сядет она, и ты садись рядом, ешь с нею вместе. После обеда дочка скажет: «Говори про свою беду». Вот тут ты ей все расскажешь, и она поможет тебе.

Поблагодарил Янко старушку за добрый совет и с утра пораньше на виноградник пошел. Сделал все так, как старушка наказывала. Подошел к Счастью-Удаче, встал с нею рядом, не сказавши ни слова, и до обеда окучивал виноград с великим усердием.

В полдень пришла старушка, сели они за трапезу. После обеда Счастье-Удача и говорит:

— Ну, знаешь ли, много людей я повидала на свете, но такого, как ты, в первый раз вижу. Да, может, немой ты, коли за полдня ни словечка не вымолвил?

— Нет, я не немой, — сказал тут Янко, — а только тяжело у меня на душе.

И рассказал, в чем его горе.

— Не печалься же, — сказала ему Счастье-Удача, — я тебе помогу, потому что ты это заслужил и егерь твой тоже. Ступай домой с миром. К тому времени у жены твоей уже будет сыночек, ты возьми рюмку и из мизинчика сына три капли крови в рюмку накапай, этой кровью помажь колени у каменного столба, потом поясницу и лоб. Егерь твой в тот же час оживет.

— Да благословит тебя бог за доброту твою! — вскрикнул Янко и на радостях было домой припустился.

Но тут ему вспомнилось, что надо еще три вопроса Счастью-Удаче задать.

— Не обидишься ли, Счастье-Удача, если я тебя еще про три вещи спрошу?

— Спрашивай, молодец, если сумею, отвечу.

— Недалеко отсюда, в дремучем лесу, речка течет. Отчего не водятся в ней ни рыба, ни раки?

— Оттого, что никто в ней еще не утонул, — сказала Счастье-Удача. — Только ты ей о том не говори, пока не перейдешь через нее да не влезешь на верхушку самого высокого дерева, иначе погибнешь.

— Еще спрошу тебя про трех девушек, что в такой-то и такой-то деревне живут. Старательные они, работающие, а замуж их никто не берет. В чем тут причина?

— В том, что мусор Солнцу в лицо выметают.

— Не пойму я тебя... Как это? — спрашивает Янко.

— А так, что поздно встают, и Солнце давно уже в небе, когда они только дом метут.

— Последний вопрос, Счастье-Удача. Отчего мельник в том-то и том-то месте едва сводит концы с концами, хотя на мельнице у него семь жерновов вертятся, и сукновальня есть, и крупорушка?

— Оттого, что недобрый он человек, никогда корки хлеба нищему не подаст. Тебя он только потому в дом пустил, что увидел: богатый ты, какую-нибудь выгоду надеялся получить.

Поблагодарил Янко Счастье-Удачу, попрощался с ней и с ее матушкой и отправился в обратный путь.

Долго ли, коротко ли, дошел он до речки. Она так и вздыбилась.

— Ну, что про меня Счастье-Удача сказала?

— Пропусти меня посуху, тогда расскажу.

Выгнулась речка дугой, Янко под ней пробежал и мигом вскарабкался на самое высокое дерево. Залез на верхушку и оттуда крикнул, что Счастье-Удача про речку сказала.

Как услышала это речка, взбурлила, вода прибывает, подымается, да все выше и выше, уже о середину ствола того дерева ударяет, на котором Янко укрылся. Напрасно билась река, напрасно пенилась: королевичу только штаны намочила и с ворчаньем убралась в свое русло.

Слез Янко с дерева и дальше пошел своею дорогой. Конечно, и к трем девицам заглянул, и к мельнику, рассказал, что от Счастья-Удачи узнал.

Девицы не стали больше мусор Солнцу в лицо мести, и скоро все три нашли свое счастье.

Мельник тоже сказанное на ус намотал, перестал перед бедняками кичиться, уделял им толику добра своего — тут и его дела на лад пошли.

Да и речке долго ждать не пришлось, чтобы рыба да раки в воде заиграли: хотел ее перейти злой конокрад с украденной лошадей, речка вздулась и он утонул в ней.

Оставалось теперь верного егеря оживить. Спешил королевич домой и об одном только бога молил: чтоб к приходу его успел и сын народиться.

Пришел — и сразу сыночка увидел. Да такой он пригожий удался, волосики золотые! Жалел Янко своего сына, однако же делать нечего, кольнул он кончиком ножа в мизинчик младенца, собрал крови три капельки, опрометью во двор кинулся к столбу каменному, колени его, поясицу и лоб кровью сына помазал — и верный егерь в тот же миг ожил!

Старый король в это время сидел у окна и трубку курил; увидел он, что егерь-то ожил, перепугался, выронил трубку изо рта, и она разлетелась вдребезги; злой старик совсем испугался, упал навзничь, миру божьему даже прощай не сказал и отправился к праотцам.

Ну, коли так повернулось, без долгих разговоров устроили королю знатные похороны, было ведь кому вместо него власть принять. Сына-то его люди любили, потому что он человек был каких поискать. Пожалуй, и сейчас еще жив, коль не помер.

Чудо-мельница

Венгерская сказка

В обработке Э. Бенедека. Перевод Е. Малыхиной

Было это там, где и не было, за морем аккурат да еще три шага назад, где поросенок — хвост закорючкой землю рыть своих братцев учит... Жил в тех краях один бедняк. А детишек у него было, что дырочек в сите, даже на одного поболее.

Детей-то у него хватало, а вот как их вырастить? Только и было имущества у бедняка, что два вола с горошинку: малюсенькие — от земли не видно.

И так и эдак ломали голову бедняк с женой. Что делать, как детей прокормить?

С горькой думой и спать ложились, с нею и подымались чуть свет. Кажется, все испробовали, испытали, а только ни в чем не было им счастья-удачи. Э-эх, так оно ведется на свете: у бедняка и счастье бедняцкое.

Однажды бедняк говорит жене:

— Вот что, жена, пойду-ка я с этими волами-малютками в лес, хотя бы хворосту соберу. Как знать, может, и хорошее что-то случится.

Запряг он бессловесных помощников в тележку под стать им и отправился в лес.

Ходит бедняк по лесу, ветки сухие подбирает, на тележку складывает. Видит — на красивой лужайке нарядные мальчик и девочка бегают, играют.

Подошел он к детям, заговорил с ними. Оказалось, девочка — дочь короля Восточной страны, а мальчик — сын короля Западной страны. Надобно вам сказать, что в тех местах как раз и были такие страны: в одной стране солнце восходило, в другой заходило, а по той лужайке проходила между ними граница.

Стояли они на лужайке втроем, беседовали, и тут увидели дети волов-малюток; особенно мальчику приглянулись крошки-волы, стал он просить бедняка — отдайте, мол, — до тех пор уговаривал, пока тот согласья не дал.

Очень не хотелось бедняку с последним своим добром расставаться, но мальчик уж больно просил да еще посулил, что отец вознаградит его щедро. Согласиться бедняк согласился, а у самого на сердце кошки скребут. Понял это мальчонка и говорит:

— Вы, дяденька, не убивайтесь, что я ваших волов сейчас уведу. Ступайте завтра прямо к моему батюшке, он вас не обидит.

Ну что ж, погнал королевич волов-малюток во дворец свой, а бедняк запрягся в тележку с хворостом, на себе домой поволок, измучился, пока дотащил.

О-хо-хо, уж дома ему досталось! Бедная жена с горя волосы на себе рвет, плачет, мужа клянет:

малютки-волы были единственным их достоянием, а муж, как последний дурак, не подумал о собственных детях и этого их лишил! Ничегошеньки у них теперь не осталось, впору всем семейством побираться идти.

Уговаривал бедняк жену, успокаивал: мол, в хорошее место волы попали, воздадут ему за них сторицею, может, с этих пор вся жизнь по-другому пойдет. А жена на него и не смотрит, знай воеет да причитает. Не стало у бедняка мочи слушать ее причитанья, на ночь глядя отправился дворец короля закатной страны искать.

И ведь как ему повезло: совсем недалеко тот дворец оказался, одну только ночь и шел — к утру на место прибыл.

Заходит бедняк на дворцовый двор, а там королевич с волами-малютками забавляется, пахарям подражает — вроде бы по борозде идет, покрикивает.

Увидел мальчик бедняка, обрадовался, подбежал, за руку во дворец повел.

— Хорошо, что пришли, дядечка, уж я все про вас батюшке доложил. А вам вот что скажу: ничего у короля-батюшки не берите — просите одну только маленькую чудо-мельничку.

Вошел бедняк к королю: так, мол, и так, тех малюток-волов я хозяин.

— Ну, добрый человек, проси у меня что хочешь, — говорит король, — очень уж угодил ты моему сыну любимому.

Смотрит бедняк — на столе мельничка стоит. Маленькая совсем. Игрушечная.

«Эх, — думает бедняк, — хорошую же цену я за своих волов получу! Видно, королевич-малолеток, себе игрушку получивши, и меня вздумал игрушкой одарить. Что же, быть по сему, не хочу мальчика доброго огорчать».

— Ваше величество, — говорит бедняк королю, — мои волы маленькие совсем, большого подарка и не заслуживают. Довольно будет с меня этой вот мельнички.

Видели бы вы, как король побледнел, даже в лице переменялся!

— Да ты не стесняйся, проси у меня чего хочешь, — говорит он бедняку, заикаясь, — все получишь, что унести сможешь. Только эту мельничку не проси.

«Э, а мельничка-то, видать, не игрушка, — думает бедняк, — ежели королю с ней расстаться — нож острый!»

А вслух говорит почтительно:

— Да неужто, великий король, я за двух моих замухрышек богатый подарок возьму! Нет, ничего мне не надо, ваше величество, кроме этой маленькой мельнички, — пусть и мои дети игрушкой потешатся.

Очень любил король своего сына единственного, из-за него и бедняка не захотел огорчить — отдал му мельничку.

Бедняк уже в дверях, а король кричит ему вслед:

— Слышишь, бедняк, тебе говорю: ежели, подумавши, поймешь, что продешевил, приноси мельничку назад, дам я тебе кое-что получше!

Во дворе королевич говорит бедняку:

— Хорошо вы сделали, дядечка, что мельничку взяли, ничего другого не взяли взамен.

— Ох, право, не знаю, маленький королевич, — не выдержал тут бедняк. — Прямо душа не на месте. Ну, как я жене на глаза покажусь? Уже вчера за то, что без волов домой воротился, она меня целый день

поедом ела. Что ж теперь будет, когда вместо волов с игрушкой явлюсь?

— Не тужите, дядечка, смело домой ступайте. Знаю я, что говорю. Дома поставьте мельничку на стол и скажите: «Намели мне, чудо-мельничка, золотых монет да снеси всякой, жареного-пареного!» Увидите, она исполнит любое ваше желание, всего вам намелет, сколько потребуется. А потом ей скажите: «Достаточно, чудо-мельничка!» Она тотчас и остановится.

Обрадовался бедняк, поблагодарил королевича, мельничку под мышку и чуть не бегом домой припустился.

Бежит он, бежит по дороге, вдруг видит: навстречу ему что-то черное движется — туча не туча, а полнеба закрыто. Остановился бедняк, думает: что бы это такое было? А черная туча совсем уже близко. И чем же она оказалась, угадайте? Огромной-преогромной шляпой!

Едва разглядел бедняк человека под шляпой. Идет человек, ноги у него заплетаются, ослабел совсем, будто муха осенняя.

А у бедняка-то на душе радость, подходит он ближе, спрашивает шутливо:

— Эй, земляк, не тесна ли шляпа?

— Чем шутки шутить, — человек отвечает, — лучше бы хлеба кусочек подали. Три дня крошки во рту не было.

— Да я бы с радостью, — говорит бедняк, — только нет у меня ничего.

Вывернул карманы, показывает: пусто.

И тут его осенило: а чудо-мельничка на что? Вот сейчас и испытаем, правду ли королевич сказал? Поставил бедняк мельничку на землю, говорит тихонько:

— Ну-ка, чудо-мельничка, намели мне яств всяких, да не скупись!

Он и договорить не успел, а мельничка уже за работу принялась, колесики все закрутились, посыпались из нее дорогие кушанья, каких и король не едал. В один миг столько всего накрутила-навертела, что на целую деревню хватило бы. Бедняк испугался даже, закричал:

— Довольно, чудо-мельничка, остановись!

Сели путники на травку, пьют, едят досыта. Развеселились оба, песни петь стали, плясать, потом опять на травке растянулись, беседу завели. Новый знакомец говорит бедняку:

— Да, землячок, славная у вас мельничка, но и моя шляпа ей не уступит. Давайте меняться.

— Э, землячок, я пока что в здравом уме, — отвечает бедняк, — моя-то чудо-мельничка всех моих домочадцев прокормит до скончания века и после того еще денька два. А шляпа вашей милости разве что для чучела сгодится.

— Ой ли! — засмеялся тот. — Ну так глядите в оба, коли до сих пор чуда не видели.

Снял он с головы шляпу и говорит:

— Шляпа, стреляй!

Ох, и жалко, скажу я вам, что на той поляне вас не было. Потому как такой пальбы и вы не слыхивали. Пули, картечь, ядра пушечные так и посыпались. Бах, ба-бах, тарабах! — палит шляпа направо. Не знаю, когда бы стрельба кончилась, не скажи шляпе хозяин ее: «Довольно уж, шляпа, довольно!»

— Ну-ну, — говорит бедняк, — выходит, и твоя шляпа не проста. А все же мне она ни к чему. Врагов-то нет у меня, а семейство мое она не накормит.

Да только хозяин шляпы не отставал, так и эдак бедняка уламывал, улещивал, всякие выгоды сулил, совсем голову задурил — уговорил наконец.

Простились они, каждый в свою сторону пошел — незнакомец с мельничкой чуть не вскачь припустил, мигом скрылся в лесу, а бедняк двух шагов не сделал и за голову схватился: «Что ж это я натворил, бестолковый, видать, бес попутал, а господь допустил...»

Невесело идет домой бедняк, еле ноги волочит, на палку опирается — да, чтоб не забыть: эту палку незнакомец на поляне оставил, очень уж спешил мельничку унести. Бедняк палку взял: вдруг нападет кто, подумал, хоть будет чем отбиваться.

Идет бедняк, горюет, чем к дому ближе, тем на душе тяжелей. А палка его вдруг спрашивает:

— О чем печалишься, хозяин мой?

Бедняк остолбенел, глаза вытаращил: ну и чудеса, палка заговорила!

А палка опять:

— О чем печалишься, хозяин мой?

— О том, что лишил меня господь разума, — отвечает бедняк, — а еще о мельничке, которой по своей же дурости лишился.

Не успел он договорить, палка из руки его вывернулась и в траве исчезла, только шорох прошел. Оторопел бедняк, глянул ей вслед, а палка уж тут как тут и чудо-мельничку за собой тащит!

Что я вам скажу? Позабыл с той поры бедняк про горе-печаль, и дома и в деревне его почитали: всех накормил он со своей чудо-мельничкой, и своих и чужих, а сам так разбогател, что на шести волах пахал, собаке и той не корку черствую, а калач бросал.

Время шло своим чередом. Как-то под вечер стоит бедняк (это он-то бедняк!) у ворот своих и видит, бредут по улице трое — вроде бы господского вида мужчина с женою и мальчиком. Пригляделся бедняк, и что же? Ведь это король Западной страны с семейством пешком идет! Выбежал бедняк им навстречу, поклонился почтительно да и спрашивает:

— Куда ж это вы, ваше величество, пешком ходом идти изволите?

— Эх, бедняк, — отвечает ему король, — горе у нас великое. Северный король отобрал у меня мое королевство, из дворца прогнал. Идем вот куда глаза глядят.

— Ну, господин король, — говорит бедняк, — шибко не убивайтесь, помогу я вам в вашем несчастье, а покуда не побрезгуйте, извольте в дом мой зайти, отдохните с дороги.

На славу угостил бывший бедняк короля, и жену его, и сына малого — каких только яств на столе не было, гости всё подряд уплетали, еще и пальчики облизывали.

А когда улеглись усталые путники, нахлобучил бедняк на голову волшебную шляпу, взял в руки палку и отправился в путь-дорогу — войско северного короля искать.

Да уж что и искать, когда вот оно! Северный король привел в Западную страну несметные полчища, все заполонили черные воины, яблоку негде упасть.

Взошел тогда бедняк на высокую гору, снял шляпу, повернул ее в сторону чужеземного войска и приказал:

— Шляпа, стреляй!

Еще и палку на подмогу послал.

— Колоти их, — сказал, — прямо по головам, ведь эдаким дурням жадным голова так и так без надобности.

Немного времени прошло, ни одной вражьей души не осталось, некому и весть доставить северному королю.

Вернулся бедняк домой, говорит королю: так и так, можете в свой дворец отправляться. Король сперва не хотел ему верить, даже собственным глазам не поверил, когда увидел поле сражения и ни единого живого врага не обнаружил. Выкупил он у бывшего бедняка шляпу и палку, гору золота-серебра за них отвалил, на шести волах из казны возили, за неделю только управились.

А королевич подрос тем временем и на дочке восточного короля женился.

Свадьба была богатая, за столом всем местечко досталось, а бывший бедняк там чардаш^[61] отплясывал, да не по-вашему, а как у них в деревне танцуют.

Может, еще и нынче пляшет, если не притомился. Завтра, может быть, и к вам в гости нагрянет.

Глупый Ишток

Венгерская сказка

В обработке Э. Бенедека. Перевод Е. Малыхиной

Жил на свете бедный человек, и было у него три сына. Ничего не нажил бедный человек, кроме быка одного, помер — только быка и оставил сыновьям в наследство. Да лучше б вовсе не оставил ничего, потому как сыновья извелись, голову себе ломая, как им быть, как быка на три части делить. Младший сын, Ишток, — его все глупым Иштоком звали за глупость — предложил братьям быка забить, а мясо продать и разделить деньги поровну. Но разве же старшие братья будут согласны, если дурак что предложит! Да только и сами они ничего придумать не могут, а кормить быка не хотят, каждый на другого кивает: поди ты ему корма задай, бык-то не только мой, но и твой. Совсем отощала бедная животино, одни ребра торчат.

Наконец сговорились на том, что все трое построят быку по хлеву: в чей хлев бык по своей воле пойдет, тому и владеть им. Засучили рукава, строить принялись. Два старших брата, каждый — ума палата, каменные хоромы соорудили, в каких и герцогу пожить не зазорно, а Ишток, глупая голова, наломал веток зеленых и сплел из них сараюшку. Старшие братья смеются, над меньшим потешаются: дурень ты, дурень, сперва найди такого быка-дурака, вроде себя самого, тогда и жди, чтоб к тебе он пошел!

Ну, слово — не дело... Когда все трое управились, быка во двор выпустили. Дни стояли как раз погожие, теплые. Хлестнул бык хвостом, пробежал по двору и вдруг — что уж там взбрело ему в голову — забежал в сараюшку Иштока.

Так и случилось, что бык глупому брату достался. Старшие братья злятся, а младший, ни слова не говоря, повесил котомку себе на шею и погнал быка в город продавать. Шел он, шел, березу увидел. А тут ветер поднялся, качает березу, стонет она, потрескивает. Остановился Ишток, задумался: что говорит береза? И надумал, глупая башка, что береза спрашивает:

— Крр... крр... дорого ль отдашь?

— Тебе отдам за сто форинтов, — отвечает Ишток березе.

— Крр... крр... согласна, — говорит береза.

Привязал Ишток быка к березе, стоит, денег ждет. А береза, конечно, денег ему не дает.

— Эй, кума, выкладывай денежки, — кричит ей Ишток.

Но береза скрипит, кряхтит под ветром, и слышится Иштоку:

— Крр... крр... завтра отдам!

«Что ж, можно и завтра», — подумал глупый Ишток и вернулся домой. Братья его спрашивают:

— Ну, дурак, за сколько быка продал?

— За сто форинтов.

— И кто ж купил у тебя?

— Да береза одна.

Повалились братья со смеху, по земле катаются, за животы держатся, но глупый Ишток обижаться не стал. Назавтра пошел он к березе, а от быка одни кости остались да веревка — в ту же ночь его волки съели. Стал он опять у березы деньги просить, а она ему:

— Крр... крр... завтра отдам!

Завтра так завтра. Ушел Ишток домой. На другой день тот же ответ: «Крр... крр... завтра отдам!»

Так три недели прошло. Тут уж и дурня зло взяло, подхватил он топор, подошел к березе и говорит:

— Отдай деньги, не то срублю тебя!

— Крр... крр... завтра отдам!

— Ах, ты вот как?! Ну, погоди же!

Размахнулся он топором и всадил его березе в бок — так и застонала, бедная. Потянул глупый Ишток топор назад, а из насечки золото посыпалось. Напало его столько, что Ишток котомку под завязку набил.

— Значит, хорошо я делал, что не спешил, вон сколько процентов набежало!

Пошел он домой, взял ведро, из какого лошадей поят, высыпал туда золото, ситом накрыл, поставил под навес. Братья диву дали: откуда дурак столько золота взял? Но еще больше тому дивились, что полоумный их братец к золоту и не прикасается, на одной мамалыге^[62] живет, как и прежде.

— А ведь он, дурак, и не знает, что с деньгами делать! — сказал старший брат среднему.

И сговорились они золото выкрасть: уж им-то объяснять не надо, на что деньги нужны!

Выбрали они золото из ведра, а в ведро пшеницы гнилой наложили доверху. Заглянул однажды Ишток в ведро, видит — было золото, да сплыло! Но глупый парень горевать не стал, обвязал ведро сверху скатеркою и пошел «пшеничное снадобье» продавать. Пришел в деревню, кричит:

— Покупайте пшеничное снадобье! Покупайте!

Деревенские его спрашивают:

— Эй, парень, а что же оно такое?

— Снадобье очень хорошее, — говорит им Ишток, — от него и полумертвый на ноги встанет, едва испробует.

Эх, сколько народу тут набежало! Каждый хочет чудесного снадобья хоть малость купить. Открыл глупый парень ведро, а оттуда как шибануло в нос, осмеяли люди дурака и разбежались все кто куда.

Под вечер пришел Ишток в город, постучался в богатый дом, попросился на ночлег. Впустили его, а ведро он в сарае поставил. Свиньи запах гнилой пшеницы учуяли, в сарай забрались да и сожрали все без остатка. Увидел утром парень, что ведро пустое, шум поднял. «Я, — говорит, — казначей короля, сейчас же к королю пойду, расскажу, как золото его драгоценное украли в этом доме». Испугался знатный вельможа и, чтоб задобрить слугу королевского, столько денег дал, что парень едва унес их.

Вернулся он домой, денег приволок больше прежнего, братья надивиться не могут.

— Где ж ты это такое богатство раздобыл?

— Да вот, снадобье то пшеничное распродал, — ответил Ишток.

Братья дальше слушать не стали, каждый набрал гнилой пшеницы в ведро, и заспешили они в

деревню соседнюю. Идут по улице, кричат во все горло:

— Кому пшеничного снадобья? Кому пшеничного снадобья?

Сбежался народ, надавали тумачков братьям, едва унесли ноги. Подались было в другую деревню, но и оттуда вырвались битые.

Братья и прежде-то на дурака-брата косились, а теперь и вовсе в ярость пришли. Сговорились они его погубить, пошли к старосте и насказали, будто младший брат с чертями якшается, как ни уйдет из дому, всякий раз гору денег приносит, а теперь родную деревню напрочь истребить задумал. Староста им поверил, вся деревня поверила тоже: уж верно, без чертей не обошлось, коли Ишток такие чудеса откальывает. И порешили на сходе посадить Иштока в бочку, днище забить и бросить бочку в воду возле запруды. Сказано — сделано: посадили дурака в бочку, днище забили и поставили бочку у церкви. Дело-то в воскресенье было, вот и подумали люди: «После службы отнесем бочку на гать и в воду бросим». С тем все в церковь пошли.

А Ишток в бочке сидит да кричит:

— Зря стараетесь, меня вам не уломать! Сказал, не буду губернатором и не буду! Ни за что не соглашусь!

Проезжал тут как раз барин большой, карета четверней запряжена. Слышит барин, кто-то из бочки кричит. Остановил лошадей, из кареты вылез, к бочке подошел, спрашивает:

— Что это вы кричите, земляк?

— А то, что в губернаторы не пойду, хоть повесьте!

— Не надо шум подымать, земляк, вылезайте лучше из бочки скорее, одеждою обменяемся, а я вместо вас в бочку сяду. Лошади, карета — все теперь ваше!

Так все и сделалось, как барин пожелал. Вылез Ишток из бочки, барин вместо него влез. Сел Ишток в карету и укатил, а барин дождался, когда народ из церкви пойдет, и ну кричать во все горло:

— Люди, я передумал! Согласен губернатором быть!

«Будешь, будешь, как среди рыб очутишься!» — ухмыляются люди, но помалкивают; подняли бочку, отнесли на гать и бросили в воду.

Думал честной народ, что Иштоку конец пришел, будет знать, как с чертями водиться. С легким сердцем повернули назад, в деревню. Глядь, навстречу Ишток в карете катит, четверней управляет, кнутом лихо щелкает. Заохали люди, заохали.

— Где ж ты карету такую нашел? — спрашивают.

— Как это где? Под гатью, — отвечает Ишток заносчиво. — Там их видимо-невидимо, на всю деревню хватило бы. Не верите, сами поглядите, гляделки откройте пошире!

Народ валом за ним повалил, а Ишток вдоль берега катит, карета его в воде отражается, видят люди на дне лошадей, карету, совсем ума лишились от жадности.

— Глядите, глядите, и впрямь там упряжки не хуже! — галдят. — А ну-ка, попытаем счастья!

И попрыгали в реку, все, как один, да еще каждый другого норовил оттолкнуть. Все попрыгали, и звонарь, и пастор, одна пасторша наверху осталась, куда уж ей-то с клюкой! А прочие так ко дну и пошли, на воде только шляпа пастора плавает, поля-то у ней широкие, вот и не утонула. Видит пасторша шляпу мужнину, клюкой ее в воду заталкивает, уговаривает:

— Глубже ныряйте, глубже, муженек дорогой, выбирайте все самое лучшее!

Так и сгнули все, за дармовым добром погнались, ни один не вернулся.

А глупый Ишток деревней той завладел и жил с тех пор горя не зная.

Коль не верите, ступайте проверьте.

Три златорунных барана

Венгерская сказка

В обработке Э. Бенедека. Перевод Е. Малыхиной

Было ль, а может, и не было, жил на свете молодой пастух, жил не тужил — да и с чего бы ему тужить, ежели пас он собственную отару, а в той отаре было овец девяносто девять голов да три златорунных барана^[63]. Вся отара была хороша, а уж этим трем баранам в целом свете равных не сыскать, сам король таким позавидовал бы. Но и пастух цену им знал, берег как зеницу ока. Даже спал, словно заяц, вполглаза: одним глазом спит, другим за баранами приглядывает.

Но вот настала зима, надо с овцами в загон возвращаться, да вот беда: плохие в том году уродились травы, нет сена нигде, ни за какие деньги не купишь. Что делать? Пропадут и овцы, и бараны златорунные от бескормицы! «Нет, — думает пастух, — сиднем сидеть да охать — делу не подмога, погоню отару куда глаза глядят, может, и найду места побогаче, прокормлю животных до весны».

Двинулись они в путь. Впереди три барана златорунных бредут, блеют жалобно, ведь два дня уже клочка сена не видели. Долго ли шли, коротко ли, пришли в лес дремучий. А посреди того леса — большая-пребольшая поляна, и по всей поляне стога сена стоят, столько их там было, что не сосчитать.

Ох и обрадовался пастух! «Ну, — говорит себе, — дальше нипочем не пойду, ничьего приказа, даже короля — да хоть Понтия Пилата^[64] самого! — не послушаюсь! Чье б сено ни было, здесь останусь». Мигом разбросал пастух вилами ближний стожок — овцы на него так и накинулись, все подобрали, до последней травинки.

Так целый день прошел: пастух стожки один за другим по поляне раскидывает, овцы следом идут, насыщаются. А кругом — ни души.

На другой день, едва рассвет занялся, выходит на поляну великан, да такой громадный — небо головой задевает! — и говорит пастуху злобно так:

— Как посмел ты, человечье отродье, мое сено своим овцам скормить?!

У бедного парня душа в пятки ушла: долго ли этакому великану человека прикончить? Ногой наступит — сразу и дух вон.

— Не сердчайте, сударь, великан дядюшка, заплачу я вам за то сено, что мои овцы съели, — говорит пастух великану.

— Мне твои деньги ни к чему, — отвечает великан. — А ну-ка, быстро тридцать три овцы зарежь да одного барана златорунного. И зажарь их всех поживее, потому как я нынче еще не завтракал.

Что было делать пастуху? Зарезал он, бедная головушка, тридцать три овцы драгоценных да одного барана златорунного. Чуть сердце от горя не разорвалось, когда в барана пришлось нож всадить. Великан вытащил на поляну большущий котел, побросали они в котел гору мяса, развели под котлом огонь, да такой, что в семидесяти окрестных странах костер виден был. Вмиг поспело мясо, великан вынул из-за

голенища ложку и — хотите верьте, хотите не верьте — только три раза зачерпнул, а в котле уж ни кусочка малого не осталось! Повернулся великан и, слова не сказавши, ушел, словно его и не было.

«Ну, — думает пастух, — дорого же я заплатил за это сено!» Подумал, подумал: остаться ли? Дальше податься ли? Решил с места не трогаться. Пусть, коль на то пошло, великан и остальных овец сожрет, ему, пастуху, уже все равно.

Разбросал он еще два-три стожка, накормил овец до отвала. На другое утро опять является великан. Кричит пастуху еще издали:

— Скорее, парень, скорее, зарежь тридцать три овечки да одного барана златорунного, я нынче еще не завтракал!

Что делать? Заколос пастух еще тридцать три овцы да одного барана. Великан и в этот раз трижды ложкой зачерпнул, все варево сожрал и подался своей дорогою, сытый, довольный.

Осталось у пастуха тридцать три овечки и один-единственный баран златорунный. Не мог он, бедный, смотреть на них, сердце кровью обливалось. Если и этих великан сожрет, останется он ни с чем, по миру пойдет, сирый и одинокий.

Наступило третье утро — и что же? Опять является великан, кричит еще издали:

— Э-ге-гей, пастух, э-ге-гей! Они еще живы, овцы твои? А ну, быстро забей всех до одной, и барана тоже, а не то умрешь страшной смертью!

Взмолился пастух, стал пощады просить, хоть последнего добра не лишать, но великан и слушать не стал, хвоста овечьего и того не уступил.

— Ты, парень, вот что, — гаркнул великан гневно, — ты мне перечить не смей, а коль не освежуешь овец, да быстро, быть тебе самому в котле!

Забил пастух последних своих овец и барана последнего, покидал в котел гору мяса, стоит у костра, жердью большой в котле мешает. Горько ему.

А великан тем временем вздремнуть решил у костра.

«Ну, погоди ж, ненасытный, — думает пастух, — этого мяса тебе не видать как своих ушей». Зачерпнул он ложкой великаньей кипящего жиру да и плеснул великану в глаза. Взревел великан, подскочил, стал по поляне метаться, топает ножищами — пастуха норовит раздавить.

— Попадись только в руки мне, человечье отродье, — вопит великан. — Слепил ты меня, но и тебе не поздоровится!

Шарил-шарил великан по поляне, ножищами топал и туда и сюда поворачивался, да только не было ему удачи. Сообразил он наконец, что эдак не поймать ему пастуха до скончания века — зрячему увернуться недолго. Стал великан парня улещивать, посулами разными завлекать:

— Лишил ты меня света божьего, так будь же поводырем мне, а я тебя за то щедро вознагражу — только руку мне дай!

— Ну уж нет, — пастух отвечает, — ты ведь и меня съест грозился. Да как бы не так!

Тогда великан ему и говорит:

— Вижу я, пастух, тебя не перехитрить. Ну что же, ступай себе с миром. А за то, что я тебя твоей отары лишил, получай в награду кольцо — не хочу я в долгу оставаться. Наденешь кольцо на палец, оно тебе хорошую службу сослужит.

Бросил великан кольцо, пастух подхватил его и поскорей на мизинец надел. А кольцо как закричит:

— Сюда, сюда, слепой великан! Сюда, сюда, слепой великан!

Испугался пастух — злодей-то прямо на голос кольца идет! Что теперь делать? Еще миг — и раздавит его слепой великан. Пастух хочет снять с пальца кольцо и так тянет и эдак, а оно ни в какую не поддается — словно приклеилось! Совсем пастух отчаялся, вытащил из кармана нож и отхватил мизинец. А на краю поляны, чтоб не забыть, озеро было бездонное, пастух и бросил туда мизинец вместе с кольцом; кольцо все кричит и кричит свое, да только уже из озера:

— Сюда, сюда, слепой великан! Сюда, сюда, слепой великан!

Шагнул великан за кольцом, да и канул в бездонное озеро, только его и видели.

— Ну, этот мне боле не страшен, — сказал пастух, — надо теперь из чащобы выбраться, к людям прибиваться.

И пошел пастух сквозь дремучий лес, шел смело и весело, — а навстречу ему черный медведь, огромный да страшный!

Парень было бежать, а медведь ему говорит:

— Постой, не спеши, все равно не убежишь от меня. Надобно мне с тобой рассчитаться. Знаешь ли, кто я такой? Я родной брат того великана, которого ослепил ты. Мог бы и сразу тебя погубить, да мне не к спеху, живи покуда. Но знай: женитьба, семья не для тебя. Если осмелишься запрет мой нарушить, на краю света тебя разыщу и смерти предам, да такой, что самой смерти страшнее.

— Где уж мне о женитьбе думать, — отвечает пастух медведю. — Да и какая девушка пойдет теперь за меня, сиротину нищего?

Повесил голову парень, бредет сам не зная куда: зачем ему жизнь такая, если уж и жениться нельзя?

Шел он, шел, вышел на опушку леса, видит — домишко стоит, и живет в том домишке вдова с единственной дочерью. Постучался пастух, вошел, поздоровался; вдовица спросила, куда он путь держит.

— Я работу ищу, почтенная тетушка, — отвечает ей парень, — вот хоть к вам бы пошел, если б взяли.

Видит вдова: парень скромный, наняла его. Год проходит, другой год проходит, а пастух все у вдовы живет. Не хочет с местом расстаться, потому как полюбил всей душой дочь хозяйскую. Девушка тоже его полюбила. Однажды решил он, попросил у вдовы руки девушки. А та и словечка против не сказала: коль друг дружку любите, так и живите счастливо до самой могилы.

Отшибла любовь память у пастуха, забыл он про запрет, медведем наложенный. Радостный, повел девушку в церковь венчаться.

Да не успели они в церковь войти, как услышали рык ужасный. Испугался пастух — не иначе медведь это! А тут и вправду медведь преогромный с горы катится и прямо к церкви бежит!

Говорит пастух своей нареченной:

— Прощай, любовь моя, сердце мое, приходится нам расстаться. Забыл я, что нельзя мне жениться. Видишь медведя? Как только мы в церковь вступим, убьет он меня!

Плакал пастух, горько плакала девушка, попрощались они. А чтоб никогда не забыть друг друга, разломали пополам колечко, разорвали пополам платочек, половину кольца и платочка девушка взяла, другую половинку парень на груди спрятал. Заплакал опять да и пошел по свету скитаться.

— Теперь уж, — сказал, — прямо пойду на край света.

А медведь ему вдогонку кричит:

— На этот раз спасся ты, но ничего, я тебя и под землей найду, от меня не уйдешь!

Идет-бредет бедный пастух, семью семь стран миновал, через горы высокие, ущелья глубокие перебрался. Однажды видит — домик стоит. Вошел он, а там седой старик сидит, да такой старый, согбенный, что носом в колени упирается.

Поздоровался пастух:

— Бог в помощь, дедушка!

— Ну, сынок, твое счастье, что дедушкой назвал меня, — говорит ему седой старик, — иначе не быть тебе живу. Какими судьбами забрел сюда, куда и птица не залетает?

Рассказал пастух старику про все свои беды-печали:

— Не знаю, что мне делать, как быть, жениться хочу, да черный медведь не дает, куда ни пойду, за мной по пятам следует.

Говорит пастуху старик:

— Помочь твоей беде не могу, сынок, а дам я тебе кольцо. С этим кольцом ступай вон в ту сторону. Отсюда в двух днях пути живет человек еще постарше меня. Ты ему покажи, что я дал тебе, может, и он что-нибудь даст.

Поблагодарил парень старика за кольцо и пошел дальше. Два дня шел и пришел как раз туда, куда старик указал. Увидел старика, да такого старого — тому первому за отца сошел бы.

Поздоровался пастух:

— Доброго вечера вам, дедушка!

— Твое счастье, парень, что дедушкой назвал меня! Ну, говори, сынок, каким ветром тебя сюда занесло?

Поведал ему пастух, что и как, и того не утаил, что дорожку сюда ему другой старик указал, еще и кольцо дал.

Старик говорит:

— И я, сынок, кроме кольца, ничего другого дать тебе не могу. Спрячь его, не потеряй. Еще два дня пройдешь, увидишь дом, а в нем старика еще старее меня. Может, и он тебе что-нибудь даст.

Пошел пастух дальше, нигде не останавливался, наконец дом увидел. В доме сидел в кресле седой старик с большой книгой на коленях — читал. Пастух поздоровался, старик поднял голову и говорит:

— Хо-хо, сто лет не видал я в этих краях человека! Для чего же ты, бедный человек, сюда явился?

Пастух все ему рассказал.

— Ладно, сынок, не горюй. И я тебе кольцо дам, положи к двум другим. А теперь ступай дальше, иди, пока не дойдешь до развилка. Там, где дорога разделится надвое, увидишь между ними взгорок. Положи на взгорок все три кольца, а сам на них ложись да спи. Только гляди, до утра не вставай! Утром проснешься, около себя трех собак увидишь. Покличь их по имени каждую. Одна — Всезнай, вторая — Догляд, третья — Всехдавиш. С ними иди куда хочешь, медведя не бойся.

От души поблагодарил пастух старца за добрый совет, попрощался и дальше пошел. На другой день под вечер к развилку пришел, взгорок увидел. Достал он три кольца из-за пазухи, улегся на них и спал до утра. Утром проснулся — рядом три собаки лежат, да такие огромные — печки не меньше! Назвал он каждую по имени, они тотчас вскочили, а пастух хорошенько приметил, какая на какую кличку отзывается.

А теперь здравствуй, белый свет! С такими псами никакой медведь не страшен: они же его разорвут в клочья!

Идет парень, бредет по свету, остаются позади и горы, и доли, видит — домик стоит невеликий, а в нем дряхлая, безобразная колдунья живет. Нанялся парень к ней в услужение. Старая ведьма ему сказала, что владенье ее — земля божья и другого ему дела не будет, как на охоту ходить и каждый день приносить ей одного зайца.

В первый же день пошел пастух на охоту и псов своих с собой взял. А к старухе колдунье тем часом медведь пожаловал — видела ли, спрашивает, такого-то парня.

— Видела, как не видеть, — отвечает колдунья, — он ко мне нанялся в услужение.

— Хорошее дело, — говорит медведь, — здесь-то я его и убью.

Старая ведьма отвечает:

— Хочешь убить, так убей, он мне не сват и не брат, я из-за него в колодец не брошусь.

Уговорились они: медведь в доме затаится, возле порога. Быстро-быстро вырыли яму, и медведь лег в нее, чтобы пастух, а главное, псы до времени его не увидели; а когда уж пастух один в дом войдет, без собак своих останется, тут-то медведь выскочит и загрызет его.

Только медведь в яму улегся, а парень уж к дому повернул, зайца несет старухе. Вот идут они по дороге, а собаки вдруг головы сдвинули, поглядели друг на дружку, Всезнай и говорит:

— Вы, братцы, с хозяином останьтесь, а я вперед побегу, потому как дома беда его ждет.

Сказал и вмиг из глаз скрылся; прибежал на ведьмин двор, лег у порога, лежит. Тут и пастух подошел с двумя псами, хочет в дом войти, а Всезнай поперек лежит, не пускает. Переступить бы — да разве ж такую громадину переступишь! Помните, говорил я, что собаки те были с печь добрую... Пастух ко Всезнаю и лаской и таской, но пес и ухом не ведет, глыбой лежит. Нечего делать, полез пастух в окно.

Сел пастух у очага, зайца зажарил, съели они его вдвоем со старухой, а медведь все в яме лежит, шелохнуться боится.

На другой день опять пошел на охоту пастух вместе с собаками. А медведь дома из себя выходит — досадно ему, что пастух жив еще. Думает, думает, а придумать не может, как бы пастуха погубить.

— Послушай, медведь, что я скажу, — говорит колдунья старая, — давай-ка у самого очага яму вырою, где он вчера сидел, зайца жарил. Как он к очагу подойдет, ты из ямы-то выскочишь и его самого на уголья бросишь!

Сказано — сделано. Вырыли они яму, медведь залез в нее, затаился. Да только Всезнай и это проведал — беда, говорит, в доме ждет. Побежал тут Догляд, лужу большую нашел, окунулся в нее, помчался в дом да и лег на огонь, сразу очаг затушил.

Вернулся пастух домой, хочет зайца зажарить, а в очаге Догляд лежит, мокрый да грязный, огня же нет и в помине. Стал пастух прогонять пса: пошел вон, Догляд! — а тот и ухом не ведет, ни добрым словом, ни пинками не заставишь его с места сдвинуться. Рассердился парень, ушел в сарай, там и спать лег, и собаки там же вокруг него улеглись.

А медведь рассвирепел не на шутку. На ведьму старую напустился.

— Ежели, — говорит, — завтра не сумею пастуха погубить, тебя самое погублю.

— Ладно, — говорит ему ведьма, — можешь завтра хоть в клочья меня разодрать, коли не изведем богохульника проклятого! На этот раз ты под кровать спрячешься, не увидят тебя здесь собаки его — ведь

это они от парня погибель отводят, против нас с тобой козни строят... Ну, а когда вступит он в дом, ты из-под кровати и вылезешь. Дальше уж делай как знаешь.

На третий день опять ушел пастух с собаками на охоту, а медведь под кровать забрался. Да только Всезнай и про это узнал, опять пошептались собаки, головы сдвинувши. Подхватился тут Всехдавиш, единым духом домой прибежал. Влетел в дом и — прыг на кровать! Кровать так и осела под ним, больно тяжел был Всехдавиш, медведю там ни вздохнуть, ни охнуть; а пастух тем временем зайца зажарил как следует, поужинал да там же, у очага, и заснул. До утра проспал как убитый.

А старая ведьма места себе не находит от страха: ведь если парень уйдет от нее невредимый, конец ей! И придумала она еще хитрость, чтобы пастуха погубить, а свою жизнь спасти. Когда собрался пастух на охоту, она ему говорит:

— И зачем ты собак с собою берешь? Они ведь зайцев не ловят. Запри их в сарае, пусть отдохнут, пока ты охотишься.

Парень и не догадывался, что медведь рядом, послушался он колдунью и запер собак в сарае. А сам ушел на охоту. Вечером возвращается — а навстречу ему медведь. Перепугался пастух, да как кинется прочь, в сад забежал, на дерево влез.

— Хоть на небо лезь! — кричит медведь. — Я тебя и там достану, из моих когтей уж не вырвешься!

Парень стал медведя просить, пощади, мол, жизнь мою молодую, но медведь и слышать ничего не желает.

— Слезай, — кричит, — с дерева, не то я сам стащу тебя, еще хуже будет.

— Ладно, коли так, — говорит пастух, — сейчас слезу, дозвожь только крикнуть три раза.

— Хоть тридцать три раза кричи, от смерти своей не уйдешь!

Парень крикнул что было силы:

— Эй, Всезнай, э-эй!

Всезнай слышит голос хозяина, говорит двум другим собакам:

— Слышите? Хозяин зовет меня.

— Наверно, приснилось тебе, — отвечают Догляд и Всехдавиш, — мы ничего не слышали.

А пастух, отдышавшись, опять во все горло крикнул:

— Эй, Догляд, э-эй!

Слышит Догляд свое имя, говорит остальным:

— Разве вы не слышали? Теперь вроде бы меня хозяин зовет?

А Всезнай и Всехдавиш ничего не слышали.

— Снится это тебе, — говорят.

В третий раз крикнул пастух изо всей мочи:

— Эй, Всехдавиш, э-э-эй!

Этот крик только Всехдавиш и слышал.

— Богом клянусь, — говорит, — меня хозяин зовет.

— Ну, коли так, — говорит Всезнай, — дело плохо, бежим на помощь ему поскорее.

Да только легко сказать — бежим? Медведь-то сарай со всех сторон камнями огромными обложил, целые скалы приволок, даже кровлю скалой привалил. Разбежался Всезнай, ударил об стену, сарай покачнулся только; вторым Догляд ударил — дырку в стене пробил, но где ж им, громадинам, в ту дырку пролезть. Тогда Всехдавиш тряхнул сарай, он и развалился.

А медведь тем временем уже на дерево влез, лапой замахнулся: вот сейчас убьет пастуха. Собаки увидели — и к дереву поскорей. Прыгнул Всезнай, только до нижней ветки достал; прыгнул Догляд, самую малость до медведя не дотянулся, на средней ветке повис; прыгнул Всехдавиш и медведю в горло вцепился. Дернул, рванул, медведь к Догляду отлетел; Догляд зубами щелкнул, медведь к Всезнаю скатился. Вцепился Всезнай медведю в загривок — тот кубарем наземь ухнул. И вмиг все три собаки с дерева соскочили, окружили медведя и разорвали.

Всезнай говорит:

— Ну, с этим покончено, осталась колдунья старая, разорвем и ее, по заслугам накажем.

Так и сделали.

А пастух от радости сам не свой: нет ему нужды теперь медведя бояться! Горячо возблагодарил он про себя трех седых мудрецов, которые ему верных псов дали в подмогу, и решил собак им вернуть — ему-то они уже без надобности. «Отведу их, друзей верных, к хозяевам, поклонюсь старикам от сердца и подамся домой, если ждут еще меня дома».

Пришел пастух к старшему старику, рассказал, где был и что с ним случилось.

— Вот, — говорит, — собак вам вернуть хочу с благодарностью.

— Ступай, сынок, — говорит ему самый старый старичок, — к тому взгорку, на котором ты спал когда-то, а собак с собою возьми. Поспи там и нынче ночью, а утром вместо трех собак опять три колечка увидишь. Бери их смело, не пожалеешь.

Поблагодарил пастух доброго старца, распрощался с ним и, нигде не мешкая, шел и шел, пока до взгорка не дошел. Лег с собаками и заснул, а утром проснулся — около него три кольца золотых лежат. Упрятал пастух колечки поглубже и пошел восвояси.

Долго-долго шел, на горы взбирался, брел по долинам, уже и в волосах седина показалась, а он все шел, не останавливался, пока не добрался до той деревеньки, где жила его нареченная.

Стал пастух людей спрашивать, что в деревне нового слышно. Ничего особого не случилось, говорят ему, только девица такая-то нынче замуж выходит.

А девица эта и была его нареченная! Оделся пастух нищим и пошел в тот дом, где свадьбу играли. Остановился у двери, а невеста к нему подходит, чарку медового питья подает. Пастух говорит:

— Я выпью, коли ты половину выпьешь.

Девушка засмеялась и говорит:

— Будь по-вашему, согласна я.

Отпил пастух медового питья половину и потихоньку в стакан половинку кольца опустил — того кольца, другая половинка которого у нареченной осталась. Выпила девушка питье до дна и видит: на доннышке полколечка лежит, другая половинка от ее половины!

— Откуда это у вас, добрый человек?

— Оттуда же, откуда у тебя вторая половина.

Бросилась девушка к своему сундуку, крышку откинула, свою половину колечка достала и платка

половину. Сложили они половинки вместе — в точности края совпали.

Сколько тут радости было! Девушка своему прежнему жениху на шею кинулась, а новому от ворот поворот дала. И такой задали пир, что упарились гости, плясавши, сам хромой дядя Михок отплясывал, там и ногу сломал.

Но что же с тремя золотыми колечками? А вот что. Показал их пастух молодой жене, она полюбовалась на них и говорит:

— Хороши колечки, сами на пальцы мне просятся!

Не успела она договорить, как все три кольца из руки ее выскользнули и — вот чудо, так чудо! — превратились в трех златорунных баранов, да таких красивых, каких вы не видывали.

Взликовал тут пастух, голову потерял от радости, божится, что бараны те самые, которых давно-давно великан сожрал. Только он это сказал, бараны заблеяли, и вдруг — откуда ни возьмись, будто из земли поднялись, — девяносто девять овец двор заполнили! Вот теперь молодой муж и вовсе на седьмое небо взлетел, чуть умом не тронулся, так обрадовался.

Так ведь он заслужил свое счастье, верно я говорю? Довольно уж парень настрадался-намучился.

Румынские сказки

Волк и лошадь

Румынская сказка

Перевод С. Кульмановой

олодный был волк. Увидел он лошадь с жеребеночком, подошел, жеребеночка оглядел, и так он ему понравился, волк даже языком зацокал.

— Отменное жаркое из этого жеребеночка будет! Послушай, милочка, — говорит он лошади, — ты не продашь мне его?

— Отчего ж не продать, продам, — отвечает лошадь.

— А какая была бы цена ему?

— Я уж и позабыла, у меня назади на подкове написано. Ты грамотный, ступай почитай.

Волк обошел лошадь, только собрался читать, встал сзади, она как долбанет его подковой-то, волк кувырк вверх тормашками и — оочурился.

Вот тебе и жаркое!

Была у зверей грамота

Румынская сказка

Перевод С. Кульмановой

а, в старину чего только не бывало!

Захотелось зверям по-людскому жить, свои законы иметь и правила, установить, кто кого главнее и кому кого слушаться. Вот и стали они просить такой указ, грамоту письменную, где бы все это было оговорено.

Написал им бог такую грамоту, дал ее волку, его и назначил главным правителем среди зверей.

А волка сомнение взяло: где же ему, лесному жителю, такую важную бумагу хранить? Мало ли что может в лесу-то случиться. «Отдам я ее собаке, она все же в селе живет, при доме. Так оно будет надежнее», — подумал волк и отдал грамоту собаке.

Ну, а собака тоже не стала держать у себя грамоту. «Как бы чего не вышло, — думает, — я на дворе живу, отлучаюсь. Отдам я грамоту кошке, она как-никак в доме живет, при людях. Так оно будет лучше, спокойнее». И отдала грамоту кошке.

Кошка оставила грамоту у себя, все бы ничего, да вот беда: мальчишки-озорники ни житья, ни проходу ей не дают. Только выйдет кошка наружу, они давай гонять ее. Однажды так загоняли беднягу — некуда ей податься, впереди костерок горит, она и махнула через него. Тут-то кошка и обронила в огонь грамоту — она под хвостом грамоту хранила. Конечно, сгорела грамота дотла.

Вот с той поры и повелось: волк за собакой гоняется, требует грамоту, а собака за кошкой. Собака лает, рычит:

— Веррни грамоту! Веррни грамоту!

А кошка взъерошит шерсть дыбом, морденку ощерит, обернется, шипит-мурчит:

— Сгорела же! Сгорела же!

Лиса и еж

Румынская сказка

Перевод С. Кульмановой

Дружили когда-то лиса и еж. Вместе гуляли, вместе еду добывали, вместе и бедовали — всяко бывало.

Вот однажды идут они и беседуют по-приятельски. Лиса начала хвастаться, какая она умная и ловкая, хитростей у нее в запасе — целый воз и маленькая тележка. Ну надо же, до чего врать горазда!

— Так много? — удивился еж. — Неужто правда?

— Правда, правда, я не зря говорю.

Дошли они до волковни при дороге — так у нас называли в давние времена ловушки для волков, большие глубокие ямы вроде колодца, а на дне приманка — мясо, падаль всяческая. Прыгнет туда волк или лиса, наедятся, а выбраться уже не сумеют. Хозяин волковни изловит их, шкуру сдерет, продаст и денежки получит.

Да, пришли они к волчьей яме, скувырнулись в нее и на еду набросились. Когда до отвала наелись, лиса опять за свое — про целый воз и маленькую тележку хитростей балаболит. Еж слушал-слушал и вставил:

— А я только одну-единственную хитрость знаю, такой я глупый. Слушай, лиса, как мы теперь выбираться наверх будем, а? Может, твой воз и тележка помогут?

— Что ж, попробуем! — отвечает лиса.

Скок-поскок и — вниз кувырком! Никак не вылезти, хоть тресни!

Тогда еж притворился больным.

— Слушай, сестрица, у меня так бурдюк разболелся, сил нет! (Бурдюком звери живот называют, да и люди в шутку так говорят.) Знаешь, где болит, вот тут, где самый пупочек. Ты, уж пожалуйста, помни его носом, подави хорошенько, авось пройдет!

Лиса уткнулась мордой ему в животок, а он взял да свернулся клубочком, иголки-то и впились ей в морду! Она давай трясти головой, как крутанет — швырк! — еж-то и вылетел из ямы наверх.

— Видишь, лиса, — говорит еж, — я на одной только хитрости выехал, давай выезжай и ты на своем возу иль на тележке.

— Братец еж, помоги ты мне, уж пожалуйста!

— Ладно, так и быть, вытащу тебя, вывезу на своей одной хитрости, не посмотрю, что ты и сама на выдумки хитра, могла бы мозгами пораскинуть. Пользуйся моей добротой! Так вот, слушай меня: притворись дохлой, замри, будто ты совсем-совсем дохлая. Сейчас должен прийти волчатник. Он к тебе спустится по лесенке, ты не дыши, лапки вытяни, дохлая — и все! Он тебя за хвост — и вышвырнет наверх.

Вот когда вышвырнет, ты давай деру, не жди, когда он вылезет, и не вздумай растабарывать с ним!

Так все и вышло, как «глупый» еж говорил:

пришел волчатник, спускается в яму, вышвыривает лису за хвост. Она задала лататы. Когда он вылез из ямы, лисы и след простыл.

— В другой раз буду умнее, — говорит он. — Когда окажется тут мертвая лиса, я сперва застрелю ее, выпущу один заряд, погляжу: если не встанет, значит, и вправду мертвая. А эта была, видать, жива, удрала, негодяйка!

Так и остался волчатник ни с чем.

Силен ежик! И сам выбрался из ямы, и лису вывез без воза и без тележки.

Про дятла

Румынская сказка

Перевод С. Кульмановой

оворят, что дятел спервоначалу не птицей был, как теперь, а бабой носастой. Носастыми у нас прозывают не только тех, у кого нос большой, но и таких, кто сует свой нос в чужие дела, ни о ком доброго слова не скажет, охает всякого, наплетет, чего не было.

Вот однажды насобирал бог полный мешок разных вредных козявок, жучков, букашек, комаров — ну, словом, всех, какие водятся на земле. Завязал он мешок туго-натуго и раздумывает, кого бы послать утопить в море всю эту вредную живность. Вот и надумал. Призвал к себе в сад бабу носастую, а сад у него богатый был — и цветов, и деревьев полным-полно. Да, призвал он ее, подает мешок и говорит:

— На вот, возьми, отнеси этот мешок к морю и забрось, утопи его. Да смотри не развязывай, не любопытствуй, что там внутри! Иначе таких бед натворишь, вовек не справишься. Поняла?

— Как не понять! Разве я враг себе? Да как же так я ослушаюсь?! Такого со мной никогда не бывало. Исполню все как надобно. Ей-ей, право слово, не развяжу!

— Ну, ступай!

Так и послушалась она, держи карман шире! Нашел кого посылать!

Вскинула баба мешок на спину и пошла своей дорогой. Далеко-то она не ушла, любопытство так разобрало, как же тут утерпеть, не заглянуть, что же в мешке спрятано? «Может, и путное что? Бросить-то дело недолгое. Я только одним глазком взгляну и опять завяжу», — думает. Остановилась она, опустила мешок и только стала развязывать, как оттуда полезла вся мелюзга летучая и ползучая! Мошки, жучки, козявки, букашки, почуяв волю, заторопились упрятаться кто куда. Одни — поскорее в траву, в землю зарыться, другие — в щелки коры, на деревья. Не дураки, не стали ждать, пока их обратно в мешок упрячут!

Перепугалась баба носастая, заметалась, забегала. Как теперь всех поймать? Сколько-то и поймала, посовала в мешок — всего ничего. И пришлось ей вернуться в сад, повиниться. Бог ей и говорит:

— Что ты наделала, глупая баба! Теперь станешь ты птицей носастой — дятлом, ищи и лови всех, кого упустила, и, покуда не переловишь, так и останешься птицей!

Так вот и появился дятел, люди сказывают.

Не знает он ни покоя, ни передышки. Долбит своим носом деревья и в лесах, и в садах, все ловит жучков, букашек, козявок, верно, надеется, что вот-вот управится и опять станет бабой носастой. Все деревья обрыщет, ни одного не пропустит, в особенности если трухлявое или дуплистое. И по сей день ищет и ловит, конца-краю им нет.

Ильяна Косынзяна

Румынская сказка

Перевод С. Кульмановой

старину, когда жил на свете Дед Мороз с белой бородой, был один царь, конечно богатый, как и все цари. Имел он сына Ионицэ, по прозванию Фэт-Фрумос — значит и смельчак и красавец. Любил веселье Ионицэ, пляски и песни, любил и музыкантов послушать, но милее всех забав ему были кони. Частенько ездил Ионицэ вместе с царским табунщиком пасти коней на лугах. А надо сказать, самый лучший из всех лугов, с травой-клевером, был неподалеку от озера. Называлось оно озером Волшебниц. Иногда выходили из того озера на вольный свет волшебницы — показаться людям.

Вот однажды поехал наш Ионицэ с табунщиком на тот луг табун пасти. Ионицэ лег близ бережка и заснул, а табунщик стал за конями приглядывать. Как вдруг всколыхнулось озеро и явилась на берег волшебница — такая раскрасавица девушка, какой в целом свете не бывало. Подошла она к Ионицэ, обнимает его и говорит:

— Пробудись, милый друг!

Ионицэ не просыпается. Она стала плакать, целует его, а он все спит крепким сном. Обиделась на него волшебница, вернулась в озеро и скрылась под водой.

Табунщик попас коней, разбудил Ионицэ, и они поехали домой на конях. По дороге рассказал табунщик про волшебницу. Подсадовал на себя Ионицэ, как это он проснуться не мог?

На другой день опять они отправились на пастбище. Ионицэ хоть и задумал не спать, да сморил его сладкий сон. Сон-то ведь слаще меда. Так и загадка говорит: «Слаще его нет ничего, всем нужен, а никому не послушен».

Вышла из озера волшебница, опять та самая, будит Ионицэ, обнимает-целует — никак не разбудит. Заплакала она, ушла и скрылась в озере.

Табунщик все видел. Тоже, верно, досадовал на Ионицэ. Разбудил его, поехали они домой, и тут он рассказал Ионицэ, как будила его волшебница и плакала, видя, что не добудится.

На третий день опять поехал Ионицэ с табунщиком пасти коней на тот луг, что неподалеку от озера Волшебниц. Ионицэ стал прохаживаться по бережку, чтобы сон разогнать. Все ждет-пождет, думает: вот сейчас покажется волшебница из воды. И что же он вдруг надумал? Лег на траву и посматривает на озеро. Ну как тут не заснуть? Сон опять одолел его. Ионицэ спит себе крепко, а из озера вышла волшебница, подходит к нему, целует, плачет, прямо не знает, что и делать. Потом уж видит, что все равно не разбудить его, и говорит:

— Больше я не приду.

Сняла кольцо у Ионицэ и надела себе на палец, а свой именной перстень ему на палец надела и после того ушла, скрылась в озере.

Немного погодя пришел табунщик, разбудил Ионицэ и рассказал ему все, как было.

Ионицэ чуть не помер с досады. Глянул на палец — видит чужое кольцо, а на кольце написано: «Иляна Косынзяна, коса золотая, в косе цветы певучие, поют дивно, за девять царств слышно».

Прочитал Ионицэ надпись, не стал тут долго раздумывать. Едет домой. А как приехал, роздал он все богатства свои бедным людям. Справил себе обувь надежную — железные лапти, взял посох стальной и отправился странствовать по свету широкому — искать Иляну Косынзяну.

Вот пришел он к зятю, который женат был на младшей сестре Ионицэ. Спрашивает его:

— Не слыхал ли ты случаем про Иляну Косынзяну?

— Нет, не слыхал, — отвечает зять.

Идет Ионицэ дальше и приходит к другому зятю, который женат был на средней сестре. Стал спрашивать и его, не знает ли он что-нибудь про Иляну Косынзяну.

— Откуда мне знать? — отвечает тот. — Про нее только сказки складывают.

Не сробел Ионицэ, подтянул потуже ремни на железных лаптях, взял свой посох стальной и пошел дальше разыскивать милую. Ничего не поделаешь, любовь и на край света заведет.

Приходит он к третьему зятю, который женат был на старшей сестре Ионицэ. И его тоже спрашивает:

— Ты много видал и слыхал на своем веку, должно быть, знаешь и про Иляну Косынзяну.

— Покамест еще не слыхивал, чтобы кто-нибудь побывал у Иляны Косынзяны, прознал, где она живет, — отвечал ему зять. — Воротись-ка ты лучше домой, нечего зря ходить да худую славу наживать.

Промолчал Ионицэ и затаил про себя, какая у него тоска на сердце. Без дальних слов распростился он с зятем и отправился в путь. Много долин и гор исходил Ионицэ, много кудрявых лесов и зеленых лугов прошел. Кого ни встречал, кого ни расспрашивал, так ничего и не узнал про Иляну Косынзяну.

«Что мне теперь за житье без Иляны? Так и буду идти, покуда земной простор не кончится, покуда свет да небушко не скроются», — говорил себе Ионицэ.

Шел он, шел и устал не знал. А на уме у него только Иляна была. Иной раз и почудится ему, будто вот она, впереди, да после видит Ионицэ, обманулся он, только так показалось.

Пришел он к высокой горе, стал взбираться на нее, а сам все об Иляне думает. Добрался до самого верху, смотрит, а по другую сторону горы темная пещера. Солнце в те места заглядывало только на закате. Спустился в пещеру Ионицэ Фэт-Фрумос, шел-шел, и ни один жив человек ему не попался, только змеи да всякие звери шныряют. Но Ионицэ не побоялся их.

После завидел он свет вдалеке и свернул в ту сторону. Прибавил шагу Ионицэ и очутился возле мельницы, какой не видывал на всем своем долгом пути. В быстрой речке черным-черна вода бежит, мельничные колеса гоняет, они лётom летают.

То-то обрадовался Ионицэ! Заходит он на мельницу, а людей там что-то не видно, как обычно на мельницах бывает. «Пропашая та мельница, куда народ не захаживает» — так поговорка говорит. Посмотрел Ионицэ направо, посмотрел налево и приметил тут старика. Такой он был древний, тот старик, что у него уже веки не поднимались, он их крючьями поднимал. Один он на мельнице и управлялся, едва попевал муку в мешки насыпать — так скоро зерно молось.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Ионицэ старику.

— Здорово, молодец! — отвечает старик. — Скажи на милость, каким ветром тебя сюда занесло? До сей поры на этой мельнице ни один земной житель не бывал.

— Да что ж, человеку надо все изведать, девять морей и девять земель пройти — всякое повидать. Так вот и я исходил весь свет, только вот не узнал того, о чем спрашивал, никто не сумел мне сказать. Может, ты мне, дедушка, скажешь — ты человек старый, похоже, самому времени ровесник.

Старик поднял крючьями веки, посмотрел на Ионицэ и спрашивает, что ему надобно.

— Не слыхал ли ты, дедушка, про Иляну Косынзяну? — говорит Ионицэ.

— Так ведь мельницей она и владеет. На нее одну я мелю муку день-деньской. Прилетают сюда девять могучих птиц что ни день, каждая по четыре мешка зерна на себе приносит, а мне к утру надо все зерно смолоть.

Ободрился наш Ионицэ, сразу и сил у него прибавилось. Потолковал он со стариком о том о сем и сдружился с ним. А уж после напросился Ионицэ за мельника поработать, муку в мешки насыпать. Старик и рад отдохнуть, прилег на мешки и, конечно, сразу уснул — очень уж он натрудился. Ионицэ того и надо было. Живо наполнил мешки мукой, а в один мешок спрятался сам и зашил его изнутри. Между тем прилетели могучие птицы, шумят, кричат, стали окликать старика, спрашивают:

— Мука готова?

Старик еле-еле пробудился от сна, поднял веки и туда, и сюда смотрит — молодца нет как нет. Вот и пришлось старику опять одному управляться. А спросонок ему и вовсе тяжело мешки-то ворочать, насилу взвалил их птицам на спины. И полетели те птицы домой, как мысль, как ветер быстрые.

Старик, понятно, так и остался на мельнице век доживать и смерти дожидать. А долго он, бедный, ломал голову, куда подевался молодец: то ли в реке потонул, то ли на вольный свет выбрался к земным жителям.

Между тем Ионицэ жив-невредим был в надежном месте. Прилетели могучие птицы к Иляне Косынзяне и отдали мешки повару. Вспорол он один мешок, а в нем как раз Ионицэ был. Ну, и напугался тот повар, когда Ионицэ из мешка вылез!

— Да как же ты попал сюда, скажи на милость? — спрашивает он Ионицэ.

— Про то молчок, — говорит Ионицэ и показывает ему кольцо, а на кольце написано: «Иляна Косынзяна, коса золотая, в косе цветы певучие, поют дивно, за девять царств слышно».

Промолчал тогда повар и оставил Ионицэ у себя в доме жить.

Вот пришло время повару хлебы печь для Иляны Косынзяны — иного хлеба она и в рот не брала, только какой ей повар пек. Ионицэ и говорит повару:

— Дай-ка я испеку, увидишь, какой хороший хлеб будет!

— Ладно, — говорит повар.

Взялся Ионицэ за дело, засучил рукава, замесил тесто, живо-готово, посадил хлебы в печь. Вынул повар потом каравай из печи и надивиться не может, до чего пышный хлеб испекся.

Несет он Иляне каравай; она только взяла его в руки, сразу спрашивает:

— Кто испек такой чудесный, пышный хлеб?

— Кто же другой испечет? Я испек, — отвечает повар.

После того как вышел весь хлеб, повар снова собрался печь. Опять Ионицэ взялся стряпать вместо повара, и получился хлеб вдвое чудеснее прежнего. Долго дивилась Иляна, что хлеб раз от разу все лучше.

А повар не поспевал хлеб припасать. Только испекут — он уж весь, не то что прежде бывало. Оно и

понятно: добрый хлеб все равно что пирог — не залежится.

Вот опять надо повару хлебы печь.

У Ионицэ от радости сердце так и запрыгало. Берется он стряпать в третий раз, сажает хлебы в печь и тут, не долго думая, взял да и запек в один каравай кольцо Иляны Косынзяны.

Повар принес каравай Иляне. Она разломила его пополам, кольцо-то и выпало. Иляна его подняла, признала свое кольцо и спрашивает:

— Кто испек хлеб?

Повар давай вилять — то, другое, пятое, десятое, ну, а после все же признался, что хлеб Ионицэ испек.

Иляна немедля послала повара за Ионицэ, привели его к ней в дом. Увидала она его, обняла и приказала дать ему платье, золотом шитое, его-то прежнее давно немыто было.

Спустя две недели обвенчалась Иляна с Ионицэ Фэт-Фрумосом и такой веселый пир задала, что весть о нем за девять земель разнеслась.

После пира Ионицэ получил от Иляны все ключи. И стал он полным хозяином всех палат, и покоев, и кладовых. Только вот от подвала не дала ему Иляна ключа.

Прошло сколько-то дней; захотелось все ж Ионицэ узнать, что у нее в том подвале. Попросил он ключ у Иляны; не отказала она, отдала тот ключ. Ионицэ пошел, отпер подвал и заглянул внутрь. Вдруг слышит: из бочки зычный голос раздаётся, просит отворить дверь пошире. Послушался Ионицэ, распахнул дверь, тут и начали с бочки все обручи слетать, да как вымахнул оттуда змей — с гору, не меньше, — и напрямиком к Иляне Косынзяне. Подхватил ее и унес за девять земель.

Ионицэ давай слезы лить, а что толку — слезами горю не поможешь. Теперь опять ему надо разыскивать Иляну Косынзяну. Обул он железные лапти, взял стальной посох и отправился странствовать по свету широкому. Идет наш молодец, идет, остановится, пораздумает, да как ни думай — сам виноват, корить некого.

После долгих странствий приходит он к Святой Пятнице^[65] и стучится в дверь, знает, что она всем попавшим в беду помогает. Святая Пятница говорит:

— Коли добрый человек, заходи, помогу, а недобрый — ступай прочь за девять земель.

— Добрый я человек, — отвечал Ионицэ.

Впустила его в дом Святая Пятница и спрашивает, что ему надобно. Рассказал ей Ионицэ, что и как с ним случилось. Послушала его Святая Пятница, долго смотрела на него, словно хотела сказать: «Глупая голова ногам покою не дает». Потом пожалела его и утешила:

— Ничего, не теряй надежду! Возьми вот лук, когда-нибудь он тебе пригодится.

Взял Ионицэ подарок и пустился в дорогу. Шел он, шел по многим царствам, по дальним сторонам, не привелись столько исходить нам! И вот видит: стоит дом, над ним вороны летают, кругом волки воют, страх, да и только!

Заходит в тот дом Ионицэ, а навстречу ему бабка, как есть ведьма: ноги лошадиные, зубищи стальные, а пальцы все загнутые, как серпы. Увидала она Ионицэ и спрашивает, каким ветром его к ней занесло. Ионицэ ей отвечает, что пришел он в работники наняться, коня заслужить.

— Ладно, — говорит бабка. — Мне как раз нужен работник. Служи у меня, только всего и дела — кобылицу каждый вечер пасти.

Так и уговорились. А год в те времена был только три дня. Ионицэ и рассудил, что год не долгод, не век

протянется.

Вот настал вечер; выводит бабка кобылицу, велит Ионицэ на пастбище ехать и наказывает приглядывать за кобылицей, а если не устережет, то голова долой. Сел Ионицэ верхом на кобылицу и погнал ее во всю прыть на пастбище да не забыл и лук дареный прихватить. Едет он, вдруг навстречу ему ковыляет пташка с перебитой ножкой. Увидал ее Ионицэ, натянул тетиву, хотел подстрелить ту птаху, а она говорит ему:

— Не губи меня, лучше завяжи мне ножку, когда-нибудь я тебе пригожусь!

Пожалел Ионицэ птаху, завязал ей ножку и поехал дальше. А как прибыл на пастбище, не стал с кобылицы слезать, чтобы не упустить ее.

Кобылица себе пасется, Ионицэ наш дремлет верхом на ней. Потом она ссадила его на камень, а сама обернулась птицей, полетела в лес с другими птицами и там стала петь.

Пробудился поутру Ионицэ, глядь, сидит он на камне, в руках уздечку держит, а кобылицы и след простыл. Загоревал он, заплакал, да так жалобно, что птицы и петь перестали.

И вдруг является перед ним та самая птаха, которой он ножку завязывал, и говорит ему:

— Не горюй, кобылица сама сыщется!

Пташка была чужодейка, приказала всем птицам петь да высматривать, нет ли залетной птицы среди них. Как запели все птицы, так и узналась по пению залетная птица. Пригнали ее к Ионицэ. Увидал он ее, стегнул уздечкой по голове и приговаривает:

— Но, ведьмина кобылица! Не будь ты птицей, а обратись в кобылицу, как и была!

Обратилась она в кобылицу, Ионицэ вскочил на нее и вмиг очутился у ведьмино дома.

Видит ведьма свою кобылицу, так обозлилась, рвет и мечет, отдубасила ее и пригрозила: если, мол, она и в другой раз сыщется, то уж несдобровать ей.

На второй вечер Ионицэ опять едет кобылицу пасти. И кто же ему попадается навстречу? Бедняга заяц с перешибленной лапой. Ионицэ берет свой лук, хочет подстрелить зайца, а заяц говорит ему:

— Не стреляй, лучше завяжи мне лапу, когда-нибудь я тебе пригожусь!

Ионицэ завязал ему лапу и отпустил зайчишку.

Вот прибыл Ионицэ на пастбище, стал пасти кобылицу, верхом на ней сидит, а чтобы не спать, наложил себе репьев за ворот. Да что там, сон всякому сладок, одолеет, когда и не ждешь. Крепко заснул наш Ионицэ, кобылица опять оставила его с уздечкой на камне, а сама обратилась в зайца и давай скакать по лесу вместе с другими зайцами.

Просыпается Ионицэ, видит, что упустил кобылицу, и начал слезы проливать и голосить так, что и в полях, и в лесах слышно было. Прибежал тут к нему хромоу заяц и говорит:

— Положись на меня, мы тебе ее мигом сыщем!

Как пустился в лес тот зайчишка, собрал всех зайцев, оглядел их и узнал пришлого зайца по зубам: зубы-то у него не заячьи были, а лошадиные. Стал он пришлого зайца кусать да щипать и погнал вон из лесу. Ионицэ тут как тут, стоит, приговаривает:

— Но, ведьмина кобылица, не будь ты зайцем, а обернись кобылицей, как и была!

Стегнул он зайца уздечкой, и обратился тот в кобылицу. Ионицэ сел на нее и погнал прямо к дому. А ведьма тем часом поставила на огонь котел с водой. Закипела вода, ведьма ждет: вот вернется Ионицэ

домой без кобылы, тут-то она и сварит его заживо. Как увидела, что привел он кобылицу, от злости чуть не лопнула. Прикусила язык здоровенными своими зубищами, ни словечка не сказала. Но уж зато кобылице и досталось от нее! Начала ведьма охаживать ее каленым железным прутом, самое даже пот прошиб. Потом опять наказала ей получше спрятаться, чтобы Ионицэ не сыскал ее.

На третий вечер опять поехал на пастбище Ионицэ и опять заснул, словно околдованный. Кобылица обернулась теперь старым дубом, встала посреди леса, а корни пустила на том самом месте, где спал хромой зайчишка, вот и спугнула его, беднягу.

Пробудился от сна Ионицэ, глядит — опять кобылицы нет. Загоревал он пуще прежнего. Сам видел, какая злющая бабка-то, теперь от нее и вовсе не жди добра. Но, как говорится, на большую беду и подмога велика.

Подоспели тут птица-чудодейка и хромой зайчишка и говорят Ионицэ:

— Нечего тебе сокрушаться! Вон у тебя какой крепкий посошок, стучи им по всякому дереву — и найдешь кобылицу!

Ионицэ так и сделал. Как ударил по старому дубу, тот и запрыгал, а Ионицэ говорит:

— Стой, ведьмина кобылица, обратись из дуба в кобылицу, как и была!

Обернулся дуб кобылицей, Ионицэ поехал на ней домой. Увидела его бабка, заскрипела зубами что есть силы; они у нее все и покорежились.

Так вот и год сровнялся. Ионицэ говорит бабке:

— Ну что, хорошо я тебе служил?

— Хорошо, — отвечает бабка. — Теперь идем на конюшню, выберешь себе коня, как у нас уговорено было. Только прежде поешь, а то ты, видать, голодный.

Ионицэ сел за еду, и вот, пока он угощался, залетела в окно птаха-чудодейка и шепчет ему:

— Выбирай самого захудалого коня!

После пошел Ионицэ с бабкой на конюшню, она и давай всяких коней ему показывать: и гнедых, и буланых, и серых. И велит выбрать одного.

А в самом конце конюшни стоит неказистая клячонка шелудивая, глаза бы на нее не глядели.

— Вон того коня дай! — сказал Ионицэ.

— Да как я тебе такого никудышного коня дам? — говорит бабка. — Бери другого, какого хочешь.

Ионицэ знай просит этого. Так и пришлось отдать.

Заполучил Ионицэ коня, распростился с бабкой и тронулся в путь. А конь такой заморыш, еле-еле идет со двора.

Да горевать нечего! Конь-то был не простой. Как заржал он вдруг, так и обратился в волшебного коня, хоть под облака на нем лети. Было у него четырнадцать селезенки, и потому он устал не знал.

Ионицэ вскочил на коня и только подумал, как бы ему к Иляне попасть, сразу очутился у змеинового дворца.

Иляна шла с водой от колодца, увидела Ионицэ, признала тут же, стала обнимать-целовать его.

Тотчас сели они на волшебного коня и понеслись.

Змей мигом это проведал, вскочил на коня и помчался за ними в погоню во весь дух. Видит, что не

нагнать их, и давай кричать коню Ионицэ, чтобы сбросил тот его. Посулил змей коню, что будет его в молоке купать, овсом да сахаром кормить. Не сплосал Ионицэ, крикнул змеиному коню, что будет его клевером кормить и в росе купать.

Как услышал это змеиный конь, сбросил он змея наземь, расшиб на мелкие кусочки и растоптал копытами. Потом понесся во всю прыть и догнал коня Ионицэ.

Ионицэ сел тогда на змеиного коня, а Иляна Косынзяна осталась на его коне. Вот едут они дальше. Ехали, ехали по многим царствам, миновали девять земель и очутились дома. Как только воротились они во дворец Иляны, так стали гостей созывать да свадьбу справлять. Были на той свадьбе и все волшебницы из озера, пели, плясали — такого веселья ни на земле, ни на небе не знавали.

Если не умерли молодые, то и поныне живут.

Сел я на горячую головню верхом и мелю языком, сел я верхом на пилу на ржавую и поведал вам быль небывалую.

Петру-Пепел

Румынская сказка

Перевод Татьяны Ивановой

Жил-был на свете, люди добрые, жил-был на свете бедный-пребедный человек, и было у него шестеро детей, потому что у бедняка всегда много детей. Так вот, росли у него эти шестеро детей, и все наперебой кричали: «Отец, дай мамалыги! Отец, дай мамалыги!» И от эдакой напасти хотелось иной раз бедняге бежать куда глаза глядят.

Перебивался наш бедняга с грехом пополам, пока не оперились дети, пока не набрались они ума-разума, и тогда попросил он у старосты дозволения выгородить кусок из общей земли. Хотелось ему посадить немного кукурузы, картофеля, луку грядку-другую, а может, и еще чего — чтобы прокормиться. И трудились его сыновья до седьмого пота, потому что земля была знатная и давала урожай сказочный. Радовался бедняк трудолюбию своих сыновей — были они ловкие, проворные, как муравьи; только самый младший, Петру, до того был нерадивый да ленивый, что просто беда. День-деньской сидел он в запечном углу у кучи пепла, все жевал угольки.

Первые три года росли у них на огороде кукуруза, тыква, конопля, лук, салат да картофель, а на четвертый год посеяли они клевер, потому что завелась у них коровенка с двумя телочками и понадобился зеленый корм.

И вырос тот клевер на диво — любо-дорого смотреть: расстился он зеленым ковром, а когда дул ветер, волны пробегали по нему, точно по глади озера.

Что ни день, приходил хозяин полюбоваться на свой клевер да постеречь его — ведь такой красоты не было во всей округе.

Однажды видит он — вытопан его клевер, да так, будто по нему скакала лошадь.

Тогда надумал бедняк послать в поле старшего сына и строго наказал ему не спать всю ночь, сторожить клевер и непременно изловить врага и злодея.

Выслушал сын наказ своего родителя, отправился в поле и решил, как наказал отец, не смыкать глаз всю ночь; да только на рассвете стало его клонить в сон, разобрала его истома, и не заметил он, как уснул.

Солнце поднялось уже высоко, а он все спал; заждался его отец и затревожился — уж не случилось ли чего. Отправился посмотреть; приходит в поле и видит: спит его сын крепким сном, а клевер весь вытопан. Не иначе как резвился на нем целый табун коней.

Опечалился отец, закручинился, осерчал на сына, стал его бранить да поколачивать, приговаривая:

— Ах ты, сонная тетеря, ах ты, недотепа! Так вот каково на тебя надеяться! Ты только взгляни, бездельник, на клевер! Так-то ты его охраняешь! Горе мне с вами! Пока растил вас — мыкался, так теперь полагал, вы мне помощники, а глядите, какая от вас помощь: и ночи не можешь ты прободрствовать, раззява, лодырь несчастный!

На другую ночь послал этот человек второго сына, потом — третьего, и так по очереди посылал он всех своих детей; только здесь, видно, не обошлось без ворожбы: ни один из сыновей не мог укараулить поле — все к утру засыпали, и тут-то нечистый приводил того самого, кто вытапывал клевер.

Сердился отец, ругал сыновей ругательски, да все без толку: они и сами бы рады не уснуть, но сон подкрадывался лютым разбойником и одолевал их — не было с ним никакого сладу.

Пришла очередь Петру сторожить клевер. Вылез он из своего запечного угла, подошел к матери и говорит:

— Слышь, матушка? Замеси мне лепешку из пепла, и вот увидишь, как посмеюсь я над своими братьями, даром что они кичливые да ученые.

— Помолчи, дурак! — осерчал отец. — Какой нечистый будет ночью есть твой пепел? Или ты думаешь, ты лучше своих братьев?

— Обещаю тебе, батюшка, устеречь клевер, дозволю тебе только покараулить хоть одну ночку.

— Будь по-твоему! — сказал отец. — Знай только: коли не найдешь ты злодея, что топчет клевер, не придется тебе больше торчать в запечном углу.

Замесила мать лепешку из пепла, положил Петру-Пепел (так прозвали его люди) ее в котомку и, когда зашло солнце, отправился в поле.

Всю ночь караулил Петру клевер; только как стала заниматься заря, подул теплый дурманский ветер, коснулся он век Петру-Пепла, и стали у него глаза сами собой закрываться. Но Петру не сдавался; как понял он, что сон вот-вот его сморит, добрался до колючих кустов, что росли по краю поля, сорвал несколько колючек и положил их возле себя; едва начнет его клонить сон, уколет он себя колючкой, тут и проснется.

Под утро, когда время близилось к рассвету, спустились на поле три коня, что три горы, и принялись резвиться на клевере. Изловчился тут Петру-Пепел и поймал всех трех. А были это кони не простые, а колдовские, и дышали они теплым, сонным ветром; однако стоило на них глянуть, как становились они кроткими, словно овечки, и тут бери их хоть голыми руками. Когда поймал их Петру, то вознамерился он увести их к отцу, а кони и молвят:

— Смилуйся над нами, Петру, отпусти нас подобру-поздорову, мы и так уже припозднились; да и то сказать, какой тебе от нас прок, ведь мы кони не простые, а волшебные, а коли отпустишь ты нас на волю, глядишь, мы тебе и пригодимся.

Не стал с ними спорить Петру, обещал их отпустить подобру-поздорову, и тут дал ему первый конь уздечку медную, второй — серебряную, а третий — золотую, и молвили они такие слова:

— Коли будет у тебя нужда или горе, стоит тебе тряхнуть уздечкой, и мы вмиг перед тобой предстанем и тебе поможем. Только смотри, никому про нас не сказывай.

И кони исчезли, точно их и не было вовсе, а Петру спрятал уздечки за пазуху и воротился восвояси.

Отцу же сказал, чтобы больше не тревожился, будет теперь клевер в целости и сохранности.

И опять уселся Петру в свой запечный угол, а братья по-прежнему работали; и так как работали они не покладая рук, то пошло у них дело на лад и нажили они кой-какое добро.

В те поры разлетелась по стране весть, что царь, чуя приближение смертного часа, ищет жениха для своей дочери и что откажет он ему трон и все царство. И отдан был приказ, чтобы собрались в стольном городе все юноши, а царевна сама выберет из них жениха. И еще было сказано, что царевна будет восседать на площади с короной в руке, а все юноши должны проскакать мимо, и тот, кто сумеет выбить саблей из рук ее корону три раза подряд, и будет царским зятем.

В те времена брали в мужья не по чинам, каждый бедняк мог стать царю зятем, коли сам он и его подвиги придутся по вкусу царской дочери. Потому что ценили человека за смекалку, ловкость и храбрость, а не за богатства да имения. Вот почему и призвал царь не одних королевичей да царевичей, но и крестьянских сыновей, чтобы прибыли они все на состязание и могла б его дочь выбрать из них самого достойного.

И съехалось туда — мама родная! — как на большую ярмарку, народу видимо-невидимо, слетелись юноши со всего света: царевичи, королевичи, принцы, господские и крестьянские дети, и наряжены они были один другого краше, а кони под ними были один другого резвее и будто дышали огнем-пламенем. Немудрено, что все юноши искали руки царской дочери: была она так прекрасна, что не вздумать, не взгадать, только в сказке сказать, и царство наследовала огромное, а богатства несчетные, потому что была она одна дочь у родителей.

Услыхал про это Петру-Пепел, и подите же, и он туда же. Вылез из своего запечного угла и, мил человек, тоже решил отправиться показать свою доблесть перед царской дочерью и завоевать ее сердце. Чем черт не шутит! Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь; самая грязная свинья иной раз сожрет лучшую грушу.

Видит он, братья сами поехали искать руки царской дочери, а его не позвали, и, не долго думая, вышел за околицу, вынул медную уздечку, тряхнул ею три раза, и явился к нему конь красный, как медь огненная, резвый, как арабский скакун, и спросил тот конь Петру-Пепла:

— Что прикажешь, повелитель?

— Отвези меня к царской дочери, чтобы пронесся я перед нею, как молния, выбил из рук ее корону и завоевал бы ее сердце.

— Ладно, повелитель, — молвил конь, — но прежде облачись вот в эти одежды парадные да опоясайся саблей, а остальное уж моя забота.

Облачился Петру-Пепел в одежды парадные, какие конь привез ему, опоясался саблею и стал совсем неузнаваемым — теперь и родной брат не признал бы его. Сверкали те одежды, сабля и шпоры багряной медью, полыхали, точно языки пламени, а лицо его светилось лучами заходящего солнца. Вот каким стал Петру-Пепел, и ретивый конь принес его в город, где собрались другие юноши. Да, позабыл я рассказать вам, что, как Петру-Пепел мчался на своем коне в город, повстречались ему его братья: телега у них завязла в грязи и лошаденки никак не могли ее вытащить. Петру-Пепел как завидел их, сразу узнал, а они его не признали, сняли шапки, должно быть, подумали, царевич какой скачет — уж больно он был видный да разодетый.

— Что, Павел, Иоан, Гицэ, Дэнилэ и Еремие, не могут Лила с Фане вытащить вас из грязи? — спросил он братьев.

— Нет, твое величество, — ответили братья, удивляясь, откуда он знает их имена, — не под силу лошадям нас вывезти: хилые они, куда уж им!

— Что ж вы не взяли с собой братца Петру? Он телегу бы подтолкнул да из грязи вас бы и вытащил.

— Ну его к богу, твое величество, не достоин он того, чтобы имя его поминать.

— Вы так думаете? Так знайте же, что не кто иной, как Петру-Пепел, вытащит вас из грязи.

Как дунул конь Петру-Пепла, так подтолкнул телегу братьев вместе с их лошаденками далеко вперед.

Подивились братья словам незнакомца. По речам своим похож он был на Петру-Пепла, только разве могло такое случиться? Знали они, что Петру-Пепел сиднем сидит в своем запечном углу, откуда ж ему

взять такую одежду и такого коня? Не мог это быть их брат Петру, не мог, да и все тут.

Так говорили дорогой между собой братья, а Петру тем временем уже прибыл в царский столичный град.

Людей с разных сторон в город съехалось великое множество. И все дивились, на Петру гляючи: какого это царя сын? Одни говорили, что царя Красного, другие, что Зеленого, третьи — будто Желтого; а королевские сыновья смотрели на него волком, потому что был он всех сильнее и краше и зарился на их счастье. Но вдруг затрубили трубы, и началась потеха.

Царевна поднялась на помост из красного мрамора; одета она была в золотые одежды, драгоценные камни сияли на ней, как солнце; восседала царевна на золотом троне и держала в руке царскую корону; те, кто бились за эту корону, проносились мимо трона ласточками и пытались саблей выбить ее из рук царевны. Только кто ударит по короне саблей, у того сабля ломается, а корона и не шелохнется.

По прошествии нескольких часов лежала у ног царевны целая гора сабель.

И все, кто там был, дивились, почему это юноша в медно-красных одеждах не пробует счастья.

Наконец пришел черед и Петру-Пепла; пришпорил он своего коня и молнией пронесся мимо царевны как раз под той ее рукою, в которой держала она корону, и ударил саблей по короне с такою силой, что корона чуть не улетела в запечный угол. Тут все захлопали от радости, а царь устроил пир великий и повелел всем через три дня съехаться снова и снова попытать счастья, чтобы отыскать такого витязя, который три раза подряд выбьет из рук царевны корону. На пиру только и разговору было что о юноше в медных доспехах. Потом, кто жил поближе, воротились восвояси, а кто подальше — там остались. Воротился и наш Петру к себе домой, вернее сказать, в свой запечный угол.

А как вернулись домой его братья, принялись они рассказывать, что видели. Петру все слушал да помалкивал. Только когда повели они разговор о том, как завязли в болоте и как явился какой-то разодетый господин и вытащил их из грязи, Петру в своем запечном углу давай смеяться и говорит:

— Видал я, как конь того господина только дунул и подтолкнул вас с вашей телегой далеко вперед.

— Да откуда ты-то знаешь, бездельник? — спросили его братья. — Откуда ты знаешь?

— Откуда? А я влез на курятник и видел все лучше вас.

Еще рассказали братья, как состязались королевичи да царевичи, как старались они выбить корону из рук золотоволосой царевны. Но кто ударял корону саблей, у того сабля ломалась, а корона и не шевелилась. А напоследок явился господин — тот самый, что вытащил их из грязи, — и как ударил саблей по короне, так полетела она у всех над головами бог весть куда.

— И я видел того господина, — сказал Петру-Пепел, — одежды на нем были медно-красные, а на коне его доспехи медные, горели они, словно полымя; с нашего курятника все было видно!

Братья, по обыкновению, ну бранить его и от злости сломали курятник, чтобы Петру не было повадно над ними потешаться, говорить, будто он видел с курятника все лучше их.

На третий день, как было назначено, братья опять впрягли лошадей в телегу — и в путь: лошадей не жалея, был бы кнут потяжелей.

Как уехали они, Петру-Пепел вышел из своего запечного угла и тоже отправился в путь-дорогу. Дошел он до околицы, вынул из-за пазухи серебряную уздечку, потрянул ею три раза — мигом явился ему могучий серебряный конь-красавец; привез он Петру одежды, саблю и кольчугу серебряные; не успел надеть их Петру, конь, как вихрь, домчал его до царского стольного града. Собралось там народу тьма-тьмущая — больше, чем прежде. Королевичи да принцы, все в шелках да в золоте, и кони их били копытами и кусали

удила от нетерпения.

Но вот прискакал Петру, и был он всех краше. Королевичи да принцы ему завидовали, знали, что все равно он выйдет победителем.

Тут началось состязание. Петру снова остался последним. И как в прошлый раз, кто ударит саблей по короне, у того сабля на куски разлетается, а корона и не шелохнется. Но когда пришел черед Петру, он так ударил саблей, что посыпались искры и полетела корона далеко-далеко.

Весь народ дивился его красоте и доблести, и его сразу прозвали Красным королем.

А царь пожаловал ему грамоту, как и в прошлый раз, и приказал всем явиться через три дня, чтобы снова померяться силами, и тогда уж будет объявлен победитель.

Разъехался весь народ, а Петру-Пепел, Красный король, вернулся в свой запечный угол, стал ждать, когда будет и на его улице праздник. Как воротились домой его братья, начали они рассказывать, что видели, а Петру-Пепел объявил, что все лучше их знает; и как стал он им говорить, братья только рот разинули: говорил он, словно по писаному.

Тут спросили его братья: откуда он все знает? А он им:

— Известно откуда! Влез я на свинарник и все увидел, а ежели бы не видел, то не стал бы и сказывать.

Рассердились братья, что он знает все лучше их, хоть сам и не бывал на игрищах, и сломали свинарник, с которого Петру будто бы все видел.

Наконец на третий день отправились братья в царский стольный град, а Петру, как они уехали, вылез из своего угла, тряхнул золотой уздечкой, и явился тут чудесный золотой конь, повод и седло у него были из чистого золота, одежды, саблю, кольчугу и шпоры он привез тоже золотые. И когда надел их Петру и сел на коня, то можно было подумать, что он не иначе как сын солнца — так сверкал он сам, и конь, и его доспехи.

На этот раз собралось народу и того больше, и все искали Красного короля, который в первый раз был в медных доспехах, а во второй — в серебряных; потому что знал народ: он один сможет выбить корону из рук царской дочери. Только и разговоров было что про Красного короля, и завидели его люди еще издали, потому что сияли его доспехи, точно красное солнышко.

Не успели оглянуться, а он уж на площади. Все стали хлопать ему и кричать: «Да здравствует Красный король!» Только сын Черного царя на него злобился: уж очень он любил царевну и, как говорят, поклялся, что отдаст все отцовское государство за руку этой красавицы.

Но царевна и не смотрела в его сторону, потому что искала себе жениха красивого и храброго; а сын Черного царя ничем не взял: ни красоты в нем не было, ни храбрости — не мудрено, что он злобился. А когда начались игрища, Петру снова остался последним, чтобы люди не говорили, будто он задается; он и вовсе бы не стал пытаться своего счастья, но узнал народ, что царевне никто не мил, стали люди кричать:

— Позовите Красного короля! Пускай Красный король покажет свою силу! Не уйдем мы, пока он сюда не явится!

Тут уж Петру волей-неволей пришлось попытать свое счастье.

А царевна как взглянула на него, так и влюбилась; и он в нее влюбился; подошел он к ней, она надела корону ему на голову, поклонилась ему, взяла его за руку и сказала, что любит его и что он ее суженый. Потом царь-отец дал им свое благословение, и устроили царский пир, и всех, кто там был, царь пригласил к себе в гости.

А Петру призвал братьев и отца, отвел их в отдельные покои и сказал им:

— Я Петру-Пепел, ваш брат и ваш, батюшка, сын. Повезло мне тогда, что я пошел стеречь клевер: кони, которые топтали наше поле, принесли счастье и мне и вам.

И тут братья упали перед ним на колени, стали молить его о прощении, а он их всех поцеловал и привел с собой во дворец.

И пировал весь народ целую неделю, все радовались, а особенно радовалась царица, что достался ей в мужья такой красавец. Царь же, так как был он стар, посадил на трон своего зятя, Красного короля, и тот правил милостиво и мудро долгие годы, а коли не помер, то и сейчас живет.

Двенадцать министров

Румынская сказка

Перевод С. Кульмановой

ил когда-то, в давние времена, царь, и было у него двенадцать министров-помощников.

Вот однажды, погожим летним днем, вышел царь из дворца и отправился на прогулку в карете, а с ним и все двенадцать министров.

Едут-едут и видят, на поле при дороге, на самом припеке, старик мотыжит, кукурузу окучивает. От жары, от натуги бедняга взмок, то и дело лицо рукавом утирает.

Поглядел царь, с каким рвением дед работает, вышел из кареты и напрямиком к нему идет. А за царем и министры пошли.

— Добрый день, дедушка! — говорит царь.

— Спасибо за честь, ваша милость! — отвечает старик. Царя-то он не знал в лицо.

— Усердно ты работаешь, дедушка, прямо как молодой!

— Поневоле будешь надсаживаться. Такая уж наша доля крестьянская. Вам, господам, суждено головой работать, а нашему брату — горб гнуть.

— И сколько же ты получаешь в день? — спрашивает царь.

— Мелочью получаю, тридцать крейцеров в день, ваша милость.

— Маловато, — сказал царь.

— Столько положено. Да ведь я из этих денег всего только треть на себя расходую, одна часть идет на уплату старых долгов, а другую в рост отдаю.

Подивился царь его ответу, сообразил, что к чему, — не дурак был и сам любил загадками говорить. А министры его, остолопы, ничегошеньки не поняли.

Царь опять спрашивает его:

— С каких лет снег на жнивье [\[66\]](#) выпал, дедушка?

— С тридцати, ваша милость.

— Мудрый ты человек, по ответам твоим сужу, дедушка. Быть тебе царским советчиком! Я тебя еще об одном спрошу, и, если сумеешь ответить так же умно, как прежде, я тебя озолочу, и тогда не придется тебе на чужом поле мотыжить. Вот слушай, дедушка: у меня двенадцать старых баранов и не знаю, как бы их остричь. Я тебе их пришлю, а уж ты постарайся, обстриги их как следует по своему разумению. На вот тебе ножницы, у тебя ведь их нет.

— Спасибо за ножницы, ваша милость, мне они ни к чему. Вы только баранов пригоните, а я и без

ножниц их обстригу в лучшем виде.

Посмеялся царь: ответ хоть куда!

— Ладно, дедушка! Знай, что я — царь, а это — министры мои.

— Что ж, все может быть. Тогда, значит, здравствовать вам многие годы, ваше величество! Не оставьте меня, бедняка, вашими милостями!

Попрощался царь со стариком, пожал ему руку и отправился в путь. А министры спесивые важность на себя напустили, не то что за руку попрощаться, даже словечком не перемолвились с ним.

На обратном пути стали они корить царя, не подобает, мол, царской особе вести разговор с глупым крестьянином да еще руку ему подавать.

Царь осадил их, сказал:

— Кто тут глуп, а кто умный, сами потом узнаете. А по мне этот крестьянин, которого вы сочли глупым, мудрейший человек. Когда буду совет держать, я его непременно звать буду. В трудные времена мудрый совет ой-ой как пригодится! Вы вот чванитесь, много о себе понимаете, так и знайте: если за восемь дней вы не сумеете истолковать мне, о чем там у нас речь шла, вы мне больше не министры. Запомните раз и навсегда: тот, кто принимает законы, судит да рядит, должен быть мудрым и справедливым, поступать по совести.

В горести и досаде отправились по домам министры, так и думали, прогонит их царь со службы, ведь им невдомек было, о чем таком вели разговор промеж собой царь и старик. Однако ж потом порешили отыскать виновника, порасспросить его. Сели они в карету и отправились к нему на поклон. Нашли его всё на том же поле, он по-прежнему кукурузу окучивал. Но уж на этот раз они не важничали, поздоровались за руку с крестьянином и держались приветливо. Ну и конечно, стали просить, чтобы он потолковее объяснил им, о чем с ним беседовал царь.

— Хорошее дело, господа министры! Вы, такие ученые люди — не зря же вы, наверное, попали в министры, — едете ко мне прикупить ума, к простому-то крестьянину, как же так?!

— Ладно уж, ладно, дед! Не досаждай нам! Мы в одном сведущи, ты — в другом, вот так мы и помогаем друг другу.

— Ваша правда, господа министры, вы богатые, я бедняк, так мы помогаем друг другу. Тогда, значит, вот что: вы расстараетесь и принесете мне по мерке дукатов каждый, а я вам все расскажу, не велика премудрость. Чую, что у вас горит земля под ногами, однако обирать вас не стану. Так и поладим: мне пособите, а для вас это сущая малость.

Министры были радешеньки, что так дешево отделались, поспешили домой и привезли старику каждый по мерке дукатов. Все золотые монеты новенькие, так и блестят.

Старик заполучил свое и стал объяснять:

— Первая-то задача была такая: я получаю тридцать крейцеров, на них я должен содержать родителей, иными словами — платить старые долги, а мне еще надо детей растить, значит, я деньги в рост отдаю.

Министры слушали, только глазами хлопали.

— Вторая задача была такая: с каких лет выпал снег на жнивье. Царь хотел узнать, с каких лет я седым стал. Я сказал, что с тридцати.

Замолчал старик. Министры пождали, а он все молчит. Тогда заговорили они:

— Хорошо, дедушка. А как же насчет баранов? Царь хотел их прислать остричь, давал тебе ножницы, а ты не взял. Непонятно, что это значит.

— Господа министры, прямо не знаю, как вам сказать, стыжусь. Подумайте сами хоть немножко, догадаетесь! — говорит старик.

Но министры не из понятливых, никак в толк не возьмут, и все.

— Так и быть, скажу! — начал старик. — Те двенадцать баранов, что царь прислать обещал, это как раз вы, почтенные господа министры. Ножницы мне не понадобились, сами видели, я и без них вас остриг.

До ушей покраснели министры, поскорее простились за руку с ним и пошли домой как побитые.

А старик на те деньги накупил земли, роздал ее беднякам и денег им надавал, настроили они себе домов — целое село. И назвали то село Баранщиками, чтобы помнились двенадцать царских министров. Ну, а царь не забыл про мудрого крестьянина. Когда ему надо было что-то решать, содейть благое дело на пользу народу, он всякий раз призывал крестьянина на совет и всегда почет ему оказывал, сажал за стол рядом с собой.

Давненько все это было. Теперь не то. Крестьянина на царский двор не зовут, совета его не спрашивают, ни почета ему, ни уважения. Только знай притесняют его, обездоливают, доброго слова крестьянин не услышит, только «мужичье» да «деревенщина». Вот так-то!

Албанские сказки

Мышь, сверчок и кот

Албанская сказка

Пересказ Т. Серковой

Нас тупила осень, а у мыши в закромах ни зернышка, ни крупинки! Что делать? Дома десять голодных мышат, мал мала меньше, пищат. Как зиму пережить, если запасов нет? Чем мышат кормить?

Думала мышь, думала и решила пойти за помощью к сверчку, попросить у него зерна в долг.

Пришла к дому сверчка и стучит лапкой в дверь: тук-тук-тук!

— Кто там? — отозвался сверчок.

— Это я, мышь!

— Зачем пожаловала, соседка?

— За помощью. Зерна попросить. Скоро начнутся холода да вьюги, а у меня закрома пустые, совсем кормиться нечем. Мышата голодные, пищат, есть просят.

— Ох-ох-ох! — вздохнул сверчок. — У меня-то семья, сама знаешь, большая. Боюсь, нам до весны пропитанья не хватит.

— Помоги, сверчок, у тебя же душа добрая! Не оставь в беде! — взмолилась мышь. — Неужели ты сможешь спать спокойно, если будешь знать, что я с мышатами с голоду умираю?

Просила мышь, просила сверчка, наконец уговорила.

— Ладно, так и быть, поделюсь своими запасами, — сказал сверчок. — А сколько тебе зерна до весны надо?

— Двух мешков хватит.

— А когда долг вернешь?

— Осенью. Как новый урожай соберу, так и верну.

— Кто поручится, что ты долг отдашь? Кто будет твоим поручителем?

— Да что ты придумал! Какой поручитель? Я честная мышь. Сказала, отдам, значит, отдам.

— Нет, так дело не пойдет, — решительно возразил сверчок. — Коли не найдешь поручителя, не дам тебе зерна.

Мышь и ушла ни с чем.

На следующий день прибегает она к сверчку снова и опять просит зерна в долг.

— Вот что я решил, — сказал сверчок. — Бери в поручители кота. Поручится кот за тебя, тогда дам зерна.

Огорчилась мышь, ушла, а дома, посидев денек и подумав, решила схитрить. Договариваться с котом она, конечно, не стала. Явилась снова к сверчку и говорит:

— Здравствуй, дорогой сверчок! Вот и я! Вчера сходила к коту. Он согласен быть моим поручителем.

— Коли так, другое дело, — ответил сверчок, пошел в дом и отсыпал ей два мешка зерна.

Мышь взвалила их на спину и потащила домой. Идет, под тяжестью мешков сгибается, а сама от смеха трясется: ловко она обманула доверчивого сверчка!

Прошла зима. Мышь с мышатами прокормилась сверчковым зерном до самой весны. Вот уж лето наступило, потом осень. Давно жатва закончилась, и снова подул холодный, зимний ветер.

«Наверно, мышь уже собрала зерно нового урожая и скоро вернет долг», — думает сверчок.

Но проходит неделя, другая, месяц, а от мыши ни слуху ни духу. Понял сверчок, что не дождется мыши, и отправился к ней сам. Подходит к домику мыши и стучит в дверь лапкой: тук-тук-тук!

— Кто там? — отозвалась мышь.

— Это я, сверчок.

— Зачем пожаловал, соседка?

— Как зачем? А долг? Собираешься ты мне долг отдавать? Кто брал у меня два мешка зерна?

— Брать-то я брала, да отдавать нечем! Нет у меня зерна, ничего не собрала нынешним летом, — соврала мышь. — Напрасно ты шел ко мне, себя утруждал.

— Как напрасно? А твое слово? Ты же обещала отдать!

— Слово словом, да что тебе мое слово, если зерна нет?

— Не вернешь долг, пойду к твоему поручителю.

— И напрасно! Нет у меня зерна и не будет. Приведи хоть сто поручителей, откуда зерну взяться, если его нет?

— Так дело не пойдет, — решительно заявил сверчок. — Придется, видно, кота звать.

Пришел сверчок к коту и рассказывает:

— Прошлой осенью явилась ко мне мышь два мешка зерна в долг просить. Десять голодных мышат, говорит, в доме плачут. Я ей отказал, тогда она взяла тебя в поручители. Теперь время долг отдавать, а она отнекивается: нет, говорит, зерна! Сделай милость, кот, помоги мне зерно вернуть!

Кот потянулся, подумал, поурчал, а потом и спрашивает:

— Взяла, говоришь, меня в поручители? Очень интересно! Десять мышат, говоришь? Мяу! Очень интересно! А где ее дом, ты не знаешь?

— Как не знать! Конечно, знаю! Идем, я тебя отведу.

Отправились сверчок с котом к домику, в котором жила мышь. А в это время мышь со своими мышатами сидела за столом и ела вкусные лепешки из муки нового урожая. Кладовка-то у нее ломилась от зерна.

Сверчок постучал в окошко и спрашивает:

— Ну как, мышь, будешь долг отдавать?

— И не подумаю, — ответила мышь. — Иди лучше, сверчок, домой, все равно ты здесь ничего не получишь.

— Если не отдашь, я приведу сюда твоего поручителя кота.

— Подумаешь! — усмехнулась мышь. — Не боюсь я твоего кота! Мы все не боимся кота!

Такую дерзость кот был не в силах вынести. Выгнул он спину, потянулся и замяукал:

— Мяу!

От страха мышь с мышатами кубарем скатилась со стульев и забилась под кровать. Запищала мышь:

— Смилуйся, дорогой сверчок, сейчас поищу, сейчас поищу, может, и найду что-нибудь.

А сама бегом в кладовку! Вытащила два мешка зерна, открыла окно и выбросила их наружу.

— Мяу, — сказал кот, — так не годится. Откуда брала зерно, туда его и верни. Бери-ка мешки и тащи их к дому сверчка.

Пришлось мыши взвалить себе мешки на спину и тащить их по улице к дому сверчка.

Так и пошли они втроем: впереди сверчок, за ним мышь с зерном, а позади кот. Устала мышь, сбросила мешки наземь и присела отдохнуть.

— Мяу! — недовольно буркнул кот.

— Что вы, что вы, уважаемый кот, — забормотала мышь. — Я сейчас, сейчас... Бегу, тороплюсь...

Снова взвалила мышь мешки на спину и зашагала к домику сверчка.

А когда вернулась домой, улеглась отдыхать и сказала мышатам:

— Нехорошо я поступила, обидела сверчка, а ведь он мне в тот лихой год помог, от голодной смерти нас спас.

Волк и осел

Албанская сказка

Пересказ Т. Серковой

родил однажды по горам волк. Три дня уже ничего не ел, совсем оголодал, бока ввалились, еле хвост по земле волочит. Вдруг видит, на полянке у подножия горы — ослик. Собрал он последние силы и потрусил туда.

Серенький ослик мирно пасся, пощипывая травку.

«Повезло мне! — подумал волк. — Какой откормленный молоденький ослик!» Подбежал к ослу и говорит:

— Здравствуй, дорогой осел! Как я рад тебя видеть!

— Здравствуй, горный волк, — чинно ответил ослик. — Очень приятно повстречаться с тобой!

— Как ты забрел сюда? — удивился волк. — Что-то раньше я тебя здесь не видел.

— Я из деревни. Пошел погулять, вот и очутился здесь. Очень уж сочная травка на этой поляне.

— Хорошо, что ты сюда пожаловал! Я ведь просто умираю с голоду. Сейчас я тебя съем!

— Что ты, горный волк! Не ешь меня! — испугался ослик и в страхе попятился от волка.

— Нет, съем!

— Не ешь, прошу тебя! — взмолился ослик.

— Ты хочешь, чтобы я с голоду умер? Я уже целых три дня ничего не ел!

Тогда ослик пустился на хитрость:

— Как мне жаль тебя, горный волк!

— Конечно, жаль. Вот это другое дело. Такого голодного волка ты видишь первый раз в жизни!

— И сейчас ты голодный, а съешь меня, такого маленького, снова скоро проголодаешься — так и будешь рыскать по горам да чащам, чтобы снова добыть себе пищу!

— Да, ты прав, у нас, волков, тяжелая жизнь, — нахмурился волк.

— А я ведь знаю, как добыть тебе пищи на целый год!

— Неужели? — обрадовался волк. — Расскажи поскорее, пока я тебя не съел.

— Не только расскажу, я даже отвезу тебя на то место, где пасется целое стадо овец из нашей деревни. Если бы ты их видел! Какие жирные овцы! А сколько у них ягнят! За день не перечтешь! Какое у ягнят мясо — сочное, вкусное, ароматное! Очень советую попробовать. Не пожалеешь. Еды хватит на целый год, уважаемый волк!

Волк облизнулся. Ему понравился рассказ ослика о стаде жирных овец с ягнятами. Еще приятнее

было, что ослик назвал его уважаемым волком. До сих пор никто не обращался к волку так почтительно. И если уж говорить откровенно, волку не терпелось проехаться верхом на осле.

С важным видом волк ответил:

— Хорошо, я согласен. Вези меня к стаду. Только осторожно, не скачи по горам как полоумный. Я не люблю, когда трясет.

— Что ты, уважаемый волк! Поедешь, как на пуховой перине.

Волк взгромоздился на спину осла, ухватился передними лапами за ослиные уши, как за поводья, и они поехали.

Ослик идет ровным шагом, пни и кочки обходит, через камни и сухие ветки осторожно переступает и время от времени вежливо волка спрашивает:

— Как ты себя чувствуешь, уважаемый волк? Не трясет ли? Удобно ли тебе сидеть?

— Удобно! — отвечает волк. — Смотри и дальше вези как следует, а не то я рассержусь.

— Да что ты, уважаемый волк! Я так стараюсь.

Восседает волк на осле да изредка ослика то за одно, то за другое ухо дергает — будто правит. Волк видел, как на горных дорогах всадники правят лошадьми.

А ослик тем временем свернул с горной тропинки на дорогу к деревне.

— Что-то долго мы едем, осел, — проворчал волк. — Невмоготу мне. Есть хочу!

— Еще минут пять, и мы на месте! — отозвался ослик. — Я могу и быстрее бежать!

И он со всех ног помчался к деревне.

А собаки почуяли волка да как залают. Тотчас из домов выскочили люди и что же видят?

Осел что есть мочи несется по улице, ревет громким голосом, а на нем волк верхом сидит.

— Волк, волк! — кричат люди. — Ловите его!

Кто лопату схватил, кто палку, кто грабли.

— Ловите волка! — кричат. — Вот он, злодей! Сколько у нас овец перетаскал, а теперь хочет осла съесть!

Испугался волк, прыгнул на дорогу и со всех ног кинулся прочь из деревни.

Долго бежал он, пока затих шум погони. Наконец остановился дух перевести. Лежит, тяжело дышит и думает:

«Все у меня в родне были скромны. Дед не важничал, на ослах верхом не ездил, всю жизнь пешком проходил и не жаловался. Отец охотился на овец, а о том, чтобы на осле проехаться, и не помышлял. А я разважничался, на осла уселся, за уши дергал, всадника из себя изображал! Из-за этого чуть не погиб! Сам виноват. Будет мне наука в другой раз. Никогда больше не сяду верхом на осла...»

Два барана и волк

Албанская сказка

Пересказ Т. Серковой

Как-то раз волк сильно проголодался. Вылез он из своего логова на горе и спустился по лесному склону вниз, в долину. Долго рыскал он по полям и дорогам. Уж совсем было отчаялся найти добычу, устал и хотел прилечь отдохнуть, как вдруг заметил двух жирных баранов, которые мирно паслись на большой поляне. Волк прибавил шагу и через несколько минут очутился рядом с ними.

— Приятного аппетита! Рад вас видеть, дорогие бараны, — сказал волк.

— Добро пожаловать, горный волк, — ответили бараны. — Что привело тебя в наши края?

— Да вот какое дело, дорогие бараны: сегодня у меня за весь день маковой росинки во рту не было. Поэтому немерен я немедля съесть вас обоих.

Ну, что ж! — отозвался один из баранов, тот, что постарше. — Давай сделаем так: прежде чем нас есть, рассуди-ка ты наш спор. Видишь луг? Нам нужен землемер, который разделит бы его пополам. А то мы как придем сюда, так и начинаем ссориться. Каждый думает, что другой у него самую свежую и вкусную траву отбирает. Пока спорим да ссоримся, аппетит пропадает. Вот мы и просим тебя: раздели этот луг пополам, положи конец нашему спору.

Волк призадумался.

— Как же я его разделю? — озирается он по сторонам. — Луг-то вон какой большой! Разве узнаешь, где у него середина?

— Это, право, пустяки, — ответил баран. — Я пойду в один конец луга, а мой приятель в другой. Встанем мы как раз друг против друга. Ты даешь нам знак, мы со всех ног поскачем к тебе. Где встретимся, там и середина.

— Это ты хорошо придумал, — похвалил волк барана.

Пошли бараны — один направо, другой налево, дошли до конца луга и остановились. Волк дал им знак, бараны сорвались с мест и во всю прыть помчались прямо на волка. Тот и оглянуться не успел, как они сшибли его с ног. Повалился волк на землю и долго так пролежал, а когда пришел в себя, баранов и след простыл.

Волк постонал, поохал и, едва держась на ногах, потащился домой. Плетется по дороге и приговаривает:

— Ни дед, ни отец мой никогда не за свое дело не брались. Чему обучены были, то и делали. А ведь как хорошо жили! По горам и лесам рыскали, коз да баранов ловили. Зачем же я, непутевый, не за свое дело взялся, вздумал землемером стать?!

Смышленная девушка

Албанская сказка

Пересказ Т. Серковой

Давным-давно жили в деревне крестьянин с женой. И был у них один-единственный сын.

Когда сыну пришла пора жениться, родители посоветовали ему выбрать невесту в родной деревне. Юноша перебрал в уме всех деревенских девушек, но подходящей невесты не нашел. Делать нечего, пришлось родителям разрешить ему искать себе невесту, где хочет.

Обрадовался сын, что родители не неволят его с выбором, и отправился в город. Там жил портной, старый друг его отца. Пришел юноша к портному и говорит:

— Надумал я жениться. Ни одна девушка в нашей деревне мне не по душе. Вот я и решил прийти к вам. Может быть, вы, добрый друг моего отца, поможете мне найти самую лучшую девушку на свете?

Портной подумал и сказал:

— Слышал я, что в одной деревне живет очень хорошая девушка. Да беда в том, что она у отца единственная дочь, других детей нет, а жена у него недавно умерла. Поэтому отец даже слышать о женихах не хочет и сватов в дом не пускает.

Юноша ответил:

— Это ничего, что сватов не пускает, с отцом я дело улажу, лишь бы девушка была хорошая.

Тогда портной сказал:

— Завтра у нас базарный день, и ее отец наверняка придет в город.

Юноша вернулся домой, а наутро встал затемно и снова отправился к портному прямо в его мастерскую на базарной площади. Портной уже сидел за работой. Он налил гостю чашку кофе, а когда в толпе появился высокий седой крестьянин, показал его юноше. Тот хорошо рассмотрел отца девушки и остался доволен. Одежда у старика была чистая, а заплаты пришиты аккуратно и, как видно, с большим старанием.

После обеда крестьяне стали разъезжаться с базара. Пошел домой и отец девушки со своими односельчанами. Юноша распрощался с портным и отправился вслед за ними. На полдороге к деревне он нагнал их, поздоровался, пожелал всем доброго пути. Дальше они пошли вместе. Юноша весело болтал и шутил с молодыми парнями.

Дорога поднималась в гору. На перевале им пришлось взбираться вверх по крутой каменистой тропинке. Отцу девушки было трудно идти, и юноша старался ему помочь. Он шел впереди и протягивал руку каждый раз, когда старику нужно было подняться на крутой уступ. Так у него появилась возможность заговорить с отцом девушки. Он шутливо сказал:

— Отец, а почему бы вам не потратить лишний грош и не купить коня? С конем легче одолевать

подъемы.

Очень удивился старик:

— Что ты говоришь, сынок? Разве можно за грош купить коня?

— Надо же! — невозмутимо ответил юноша и пошел дальше. — А я и не знал. Оказывается, нельзя за грош купить коня.

Когда они подошли к деревне, юноша, взглянув на зеленые поля озимых, спросил:

— Отец, а у вас в деревне кто-нибудь уже косил озимые?

Старик еще больше удивился и ответил, немного раздражаясь:

— О чем ты спрашиваешь, сынок? Кто же косит озимые, когда они едва взошли?

Юноша ответил так же спокойно и невозмутимо:

— Вот оно что! А я и не знал. Нельзя, оказывается, косить озимые, когда они едва взошли.

Направились они дальше. Юноша развлекал отца девушки разговором, а когда крестьяне пришли в деревню и стали расходиться по улочкам и тропинкам к своим домам, юноша проводил старика до самых ворот.

Спускались сумерки, а в горах темнеет быстро. Юноша успел рассказать старику, что идет в соседнюю деревню, и теперь, когда он стал почтительно прощаться, старик предложил:

— Смеркается, сегодня уж не стоит идти дальше, оставайся у меня ночевать, а утром поднимешься пораньше и отправишься в путь.

Только этого юноша и добивался. Он и в деревню-то пришел, чтобы попасть в дом к старику, и все у него получилось, как он хотел. Теперь ему оставалось выполнить свое намерение — увидеть девушку, узнать, хорошая ли она работница и умна ли она.

Старый крестьянин с гостем вошли в чисто убранную комнату. В доме царил полный порядок. «Пожалуй, девушка хорошая хозяйка», — подумал юноша. Вскоре он заметил ее в окне — девушка как раз вышла во двор за дровами. Она была стройна и очень красива, но, видно, недавно поранила ногу, потому что одна ступня у нее была перевязана и девушка хромала. Юноша подумал: «Если она еще и умна, женюсь!» И он сказал старику:

— Отец, в таком прекрасном доме, как ваш, мог бы поселиться король, да вот беда: труба-то у очага кривая!

Девушка в это время находилась за дверью. Не дожидаясь ответа отца, она сказала:

— Неважно, что труба кривая, шел бы дым прямо!

Юноша сразу смекнул, что девушка неглупа.

Но старый крестьянин не разбирался в тонкостях беседы и рассердился на дочь. Он вышел за дверь, велел ей испечь хлеба и приготовить ужин, а потом стал укорять: зачем вступила в разговор с чужим человеком, да еще с таким дурачком.

— Всю дорогу он болтал глупости, — ворчал крестьянин. — Когда мы шли через перевал, спросил, почему бы мне не потратиться и не купить за грош коня. Когда подошли к деревне, стал спрашивать, не косят ли крестьяне озимые, а озимые только взошли. Теперь говорит, что труба у очага покосилась. Где же она покосилась? Труба прямая!

— Нет, — улыбнулась девушка, — это не глупости. Не о коне он тебя спрашивал, коня за грош не

купишь, а о палке. Тебе тяжело лазить в гору, а если бы ты взял с собой посох, было бы легче. И про озимые он спросил неспроста. Ты сам знаешь, что в голодный год наши крестьяне объедают по весне озимые, как только взойдут побеги. Кривая труба у очага — тоже не глупость. Просто он пошутил надо мной, я ведь хромаю.

Юноша слышал их разговор и решил завтра же утром посвататься к девушке.

Вернулся в комнату старик, поужинали они и легли спать. Рано утром юноша встал, поблагодарил хозяина за ночлег и собрался в дорогу. Старик проводил его до ворот, но юноша, вместо того чтобы распрощаться, вдруг говорит:

— Только затем я к вам в дом пришел, чтобы назвать вас тестем, а вашу дочь женой.

Старик постоял, подумал немного и пошел в дом спрашивать дочь, как быть.

— Если ты не выдашь меня за него, я вообще замуж не пойду, — ответила дочь.

Старик снова отправился к воротам и сообщил юноше о согласии дочери.

Довольный, юноша вернулся домой и рассказал родителям о своем выборе.

Через какое-то время отец жениха и говорит жене:

— Пора готовить подарок невесте. Пошлем ей большой сдобный крендель и бурдюк с медом. А в крендель запеки двенадцать золотых монет.

Мать жениха испекла крендель, налила полный бурдюк меда и с этими подарками снарядила в дорогу работника. А жених его напутствовал:

— Передай от меня поклон будущему тестю и скажи ему так: «Жених желает вам крепкого здоровья и говорит: полная луна, двенадцать месяцев, козленок на ножках скачет».

Отправился работник в деревню невесты. По дороге присел закусить, поел кукурузного хлеба с брынзой^[67], да не удержался, отломил кусок от сдобного кренделя и отпил из бурдюка меду. Когда жевал крендель, попались ему на зуб две золотые монеты. Работник спрятал их в кошелек, а хозяйку в мыслях обругал за то, что не умеет хлеб печь, бросает в тесто монеты, — он чуть было зубы не сломал.

К вечеру работник пришел в дом невесты и передал старому крестьянину подарок и привет от жениха. Старик не понял, что ему хотел сказать жених. Он стал проклинать себя за то, что обещал дочь такому дурачку, и сетовать на лихую судьбу дочери, но смышленная девушка сразу все поняла. Она накормила и напоила работника, а наутро проводила его словами:

— Передай от меня поклон жениху и скажи ему: «Невеста желает всем вам доброго здоровья и говорит: ущербная луна, десять месяцев, козленок упал на колени, но не огорчай куропатку, не убивай змею».

Работник вернулся домой и передал хозяевам слова невесты, которых он тоже не понимал. Услышав об ущербной луне и десяти месяцах, жених рассердился и хотел прогнать работника, но когда тот сказал: «Не огорчай куропатку, не убивай змею», простил его.

Вскоре жених с невестой сыграли свадьбу и жили потом долго и счастливо.

Храбрый Муса

Албанская сказка

Пересказ Т. Серковой

Обрался как-то горожанин Муса навестить в деревне своих родственников. Вышел он из города и зашагал по проселочной дороге в горы. Светило солнце, благоухали травы, щебетали птички, и настроение у Мусы было хорошее.

Он шел и громко пел.

Вскоре дорога стала круто подниматься в горы. Сосны и ели росли здесь так плотно, что, несмотря на солнечный день, в чаще было сумеречно.

Муса огляделся. Вокруг никого — ни людей, ни жилья человеческого. Дорога узкая, между деревьями вьется. Тут и птицы замолкли. Муса тоже перестал петь, ступает тихо, боится, а чего боится, и сам не знает.

Дорога поднимается в горы, а Муса все по сторонам озирается: вдруг появится кто, человек или птица. Но никого нет, только ветер гудит в вышине да деревья качаются. Совсем жутко стало Мусе. Как пустится он бежать со всех ног! Бежит, задыхается, боится назад оглянуться.

Выбежал на поляну и остановился. Светит солнце, пестреют цветы, порхают бабочки. А Муса никак в себя не придет, руки и ноги от страха трясутся.

Тут на поляну вышел крестьянин. Видит, стоит Муса — бледный, весь дрожит, никак отдышаться не может, словно только что из рук злодея вырвался.

Крестьянин и спрашивает:

— Что с тобой, друг? Какая беда приключилась?

— Да что и говорить, милый человек! Никак в себя не приду. Такого страху натерпелся! Как мне удалось спастись, и не пойму... Я сегодня все равно что заново на белый свет родился...

— Ну, ладно, ладно, все уже позади. Теперь соберись с мыслями и расскажи толком, кого ты испугался?

— Ах, милый человек, да разве про это расскажешь? Разве такие слова найдешь? Это пережить надо! Как вспомню, от какой опасности ушел, сердце разрывается... Весь дрожу, видишь?

— Да ты не дрожи, а говори по порядку: что ты видел, что слышал?

— Видел и слышал такое, от чего до сих пор мурашки по телу бегают. Ведь я едва не погиб! Дикая звери чуть меня не заели! Так бы никто и не узнал, где моя могила... — всхлипнул Муса. — А уж пользы от меня и вовсе никакой людям не было б, угас бы, как светильник без масла...

— Да ты скажи наконец, кто за тобой гнался, какой зверь?

— Как кто за мной гнался?! Я ж тебе говорю: иду по лесу один-одинешенек, вокруг ни души, темно,

мрачно, птицы и те замолкли. Вдруг что-то как зашуршит, захрустит, завоет, заревет на весь лес! Обернулся, а позади огромная стая волков. Сто волков! А уж злые-презлые до чего! И такие большие! Один вообще ростом с медведя...

— Да что ты придумал? Где это видано, чтобы в наших краях завелась стая в сто волков? Не иначе, обманулся ты. У страха глаза велики.

— Я обманулся?! Как я мог обмануться? Огромная стая! Ну, сто не сто, а уж пятьдесят волков точно. Диву даюсь, как мне убежать от них удалось!

— Вот уж не поверю, приятель! Мы через этот лес каждый день в город ходим. Пятьдесят волков! Ты только людям об этом не рассказывай, а то засмеют.

— Не веришь? Ну, не пятьдесят, а уж двадцать пять точно. Что хочешь, а я буду твердо стоять на своем — двадцать пять!

— Двадцать пять? Я, приятель, этот лес вдоль и поперек исходил, дрова здесь рубил, овец пас, но никогда не слышал, чтобы у нас в лесу водились стаи в двадцать пять волков! А может, тебе все это почудилось?

— Почудилось?! Тебя послушаешь, так подумаешь, что там и дюжины волков не было!

— Конечно, не было.

— Не знаю, не знаю... Я же помню, лес как зашумит, как затрещит, а уж кто это был, сам не пойму...

Мало-помалу храбрый Муса успокоился. Уселись они с крестьянином на камушек, поговорили, а потом и распрощались.

Вдруг крестьянин обернулся и кричит Мусе:

— Эй, дружище! Ты бы лучше домой вернулся! Дальше не ходи, там лес еще темней и гуще! Там тебе не только сто волков, а вдобавок еще и сто тигров померещатся!

Греческие сказки

Золотой прутик

Греческая сказка

Перевод Н. Ручкиной

Жил-был один купец, и было у него три дочери. Вот однажды собрался купец в Индию торговать. Начали его дочери о подарках просить: одна хочет платье, другая — шаль, а третья — золотой прутик. И сказали еще дочки:

— Смотри, отец, забудешь наши наказы — не двинется твой корабль с места!

Вот приехал купец в Индию, распродал весь товар, двум дочерям подарки купил, а для младшей дочки забыл золотой прутик отыскать. Снарядил корабль в обратный путь, по хорошей погоде подняли якорь, но не двинулся корабль с места.

Присел тогда купец на берегу, задумался. Шел мимо крестьянин и говорит:

— Вижу, якорь поднят, а корабль не идет. Подумай, купец, не забыл ли чего обещанного!

Вспомнил тут купец о просьбе младшей дочери и отвечает:

— Должен я привезти золотой прутик. Да только где его сыскать?

Показал ему крестьянин дорогу и велел идти по ней ровно три часа. Купец так и сделал. Прошагал он три часа, начал спрашивать у прохожих про золотой прутик, а никто не знает. Тут одна старушка показала на царский дворец и говорит:

— Иди, сынок, во дворец, там и найдешь то, что ищешь! — И научила, как и что делать.

Оробел купец, не хочется ему идти к царю. А что поделаешь, если иначе домой дороги нет!

— Что хочешь, добрый человек? — встретил его царь.

— Хочу поговорить с твоим сыном!

Отвели купца в верхние покои, вышел ему навстречу царский сын, ласково встретил, усадил, угостил чужеземца, и рассказал ему купец все без утайки. Тогда встал юноша и отвел купца в комнату, где висело множество портретов всяких девушек.

— Твоя дочь такая же красавица, как эти? — спрашивает.

— Моя в тысячу раз прекраснее! — воскликнул купец.

Тогда привел его царский сын в комнатку, где висел один-единственный портрет. Портрет девушки, которая пригрезилась царевичу во сне, и с тех пор мечтал он найти ее и взять в жены.

— Твоя дочка так же хороша?

— Это она самая и есть, — обрадовался купец.

Тогда дал царевич купцу письмецо, чашечку и колечко и велел передать их дочери.

— Тут все, о чем она просила!

Обрадовался купец, на пристань вернулся. Только на палубу ступил, тотчас корабль задвигался, побежал в обратный путь, на родину.

Вернулся купец домой, встречают его дочери:

— Привез ли нам обещанное, батюшка?

— Привез, как не привезти!

И раздал купец каждой дочери по подарку. Дал и младшенькой письмецо, чашечку и колечко.

Взяла девушка подарки, пошла в свою комнату и открыла письмецо. А там написано: «Налей, красавица, в чашечку водицы, брось туда колечко и три раза произнеси: «Приди, приди, золотой мой прутик!» Тотчас потолок раскроется, влетит голубь, окунется в воду и станет человеком!»

Скорей сделала девушка по написанному. Прилетел голубь, искупался в воде и обернулся человеком — царским сыном. Наговорились они с девушкой вдоволь, а когда время пришло, царевич снова в воду окунулся, обернулся голубем и исчез. А улетаая, оставил своей возлюбленной грецкий орех.

Улетел голубок, взгрустнулось девушке. Расколола она грецкий орех, а там платье — все в звездах небесных. Надела девушка платье — красавица! Увидали ее сестры, позавидовали, стали расспрашивать да выпытывать, но ничего от сестрицы не узнали.

На другой день все повторилось. Налила младшая дочь в чашечку воды, бросила туда колечко, сказала три раза: «Приди, приди, золотой мой прутик!» Вновь слетел голубь, в воду окунулся, царским сыном обернулся. А когда прощались, оставил ей лесной орех.

Расколола девушка орех и нашла в нем платье, чудесней прежнего — по подолу море с волнами вышито. Надела платье — засияла ее красота! Еще пуще сестры позавидовали, да опять ничего узнать не смогли.

На третий день подглядели завистницы, как достала младшая сестра чашечку, как бросила туда колечко и сказала три заветных слова, как слетел голубь, в воду окунулся, обернулся красавцем юношей. Как поговорили они, побеседовали и оставил голубок девушке инжирину, а в ней платье, краше прежних двух — все в луговых цветах.

Одолела сестер черная зависть, и замыслили они злое дело. Договорились, что зазовут сестрицу на море купаться, в пути одна из них отстанет, побежит домой, отперет сестрицыну комнату украденным ключом, достанет чашечку и проделает все, что нужно, чтобы и им богатые наряды от голубка получить.

Вот утром пошли сестры купаться, взяла старшая мешочек с жемчугом и вроде ненароком рассыпала все на дороге.

— Вы, милые, вперед идите, — сказала, — а я жемчуг соберу и вас догоню.

Только девушки скрылись из виду, смела скорехонько все метлой, покидала в мешочек и бегом домой. Отперла сестрину комнату, достала чашечку, наполнила ее водой и бросила колечко.

А нужно вам сказать, что у младшей дочери была золотая булавка, лежала она рядом с чашечкой. Не знала старшая сестра, куда деть булавку, и положила ее на чашечку. И вот, не успела она произнести: «Приди, приди, золотой мой прутик!» — прилетел голубь, хотел в воду окунуться, да наткнулся на булавку. Кровь полилась из раны, взлетел голубь и исчез. Досадно было сестре, что не получила она платья. «Зато и

младшей теперь ничего не достанется!» — подумала она и успокоилась.

Как ни в чем не бывало пришла старшая сестра на море, стала купаться с девушками.

Вот вернулись они с купания, младшая сразу к себе в комнату кинулась.

— Приди, приди, — говорит, — золотой мой прутик, посмотри, какова я после купания!

Берет чашечку, а она в крови! Заплакала-запричитала девушка:

— Горе мне, что я наделала, зачем оставляла комнату без присмотра! Видно, придется мне ехать на чужбину, искать золотой прутик!

Пришла к отцу и просит:

— Дай мне, батюшка, платье заморское, снаряди корабль, поплыву я в Индию!

Вот приплыла девушка в чужие края и отправилась в город, к царскому дворцу. Видит — растет у дороги старое тутовое дерево^[68], а на ветвях его — птицы. Клюют птицы ягоды и разговаривают:

— Ах, как жаль бедного царевича! Никто не знает, как его лечить, скоро, видно, он умрет.

— Царский сын мог бы поправиться, если б кто приготовил мазь из ягод тутового дерева и смазал ею рану.

Поняла девушка, о чем щебетали птицы, — золотой прутик давно научил ее птичьему языку. Тотчас набрала ягод, приготовила мазь и заспешила в город. Нарядилась в мужское платье, подошла к царскому дворцу и выкликает:

— Хороший лекарь, хороший лекарь! Кому нужен знающий лекарь?

Услыхал ее царь, крикнул из дворца, из верхних покоев:

— Эй, лекарь, сможешь ли вылечить мое дитя?

— Надобно сначала взглянуть на него, — отвечает лекарь.

Прошла девушка во дворец и, как только увидела больного, сказала:

— Берусь вылечить этого юношу! Через восемь дней будет он здоров и поедет на охоту!

Обрадовался царь, а придворные врачи злятся:

— Обманщик это, а не лекарь, гони его прочь!

Достала младшая дочка чудесную мазь, смазала юноше рану — сразу ему полегчало. На другой день царевичу еще лучше, а через восемь дней отправился он на охоту!

Возрадовался царь, говорит лекарю:

— Проси, что хочешь, ничего для тебя не пожалею!

А тот отвечает:

— Ничего мне не нужно. Устрой ты лучше пир на весь мир.

— Это пустяк для меня, — говорит царь.

Созвали тут великий пир на весь мир. В разгар веселья поднялся лекарь из-за стола и говорит:

— Ваше величество! Хочу рассказать вам сказку.

Тотчас хлопнул в ладоши грозный правитель, затихли гости. Начал лекарь говорить сказку: жил да был в далекой стране купец с тремя дочерьми. Собрался тот купец в Индию... Все по порядку принялся рассказывать. А как дошел до того места, где младшая дочка переделалась в мужское платье и поехала

искать возлюбленного, снял свой врачебный наряд, и открылась гостям девушка красоты необыкновенной. Поднялся тогда царский сын, взял за руку девушку, подвел к отцу и говорит:

— Это и есть младшая дочь купца, моя возлюбленная и невеста!

Так простой пир обернулся свадебным.

Чудесное лекарство

Греческая сказка

Перевод Н. Ручкиной

или-были в давние времена царь с царицей, и было у них три сына. Старшего и среднего царь очень любил: и воины они мужественные, и охотники удачливые. А вот младшего царь не жаловал: дни и ночи напролет проводил юноша за старинными книгами, никаких иных утех знать не хотел. Царица, напротив, более старших братьев отличала младшенького и всегда за него заступалась перед отцом.

Так жили они, поживали, и вдруг случилась беда: заболел царь глазами. Приводили к нему лекарей и из своих земель и чужестранцев — ни одно лекарство впрок не шло, ослеп царь.

Вот как-то зашел во дворец странник, узнал о болезни правителя и сказал, что помочь ему может лишь целебная земля из страны, что находится в четырех месяцах пути, а в какой стороне, ему неизвестно. Тотчас оба старших брата решили отправиться за лекарством и пришли к родителю за благословением. Благословил царь сыновей, а чтобы царские дети в пути ни в чем нужды не знали, дал им по прекрасному скакуну и золота на дорогу.

Узнал младший, куда братья отправились, кинулся к матери:

— Испроси, матушка, и для меня родительское благословение!

— Да куда ж тебе, дитяtko, — удивилась мать, — такой путь тебе не по силам. Братья твои вон какие удальцы.

— Нет, матушка! Что я из ученых книг знаю, того братья не ведают. Не смогут они найти то далекое царство и чудесную землю добыть!

Что тут поделаешь? Пошла мать к царю и рассказала ему обо всем. Вначале разгневался царь:

— Не нужна мне помощь этого грамотея! Там, куда пошли старшие сыновья, ему делать нечего!

Заплакала царица, еще пуще просит за младшенького. Наконец согласился царь:

— Будь по-твоему, пусть едет! Дам ему поганую лошаденку да горсть медных монет.

Рассказала царица сыну о решении отца, обрадовался юноша, в тот же день собрался и отправился. Четыре дня скакал без отдыха — нагнал братьев. Увидали его братья, удивились:

— Что тебе здесь нужно, грамотей?

— То же, что и вам!

— Да разве ты хоть на что-нибудь годишься! Несчастный наш отец, если он ждет от тебя помощи! — воскликнул старший.

— Э-э, попытаюсь, может, что и выйдет!

Тогда повернулся средний брат к старшему и говорит:

— Не следует гнать нам этого грамотея. Наверняка он из книг узнал, где находится неведомое царство и как туда добраться. А потом решим, как с ним поступить.

— Ты прав, — согласился старший.

И братья продолжили свой путь уже втроем.

Прошло два месяца, и достигли они наконец места, где дорога расходилась на три стороны. Остановились братья в раздумье, какую дорогу выбрать. Вышел тогда вперед грамотей и говорит:

— Любимые мои братья, читал я, что каждый из этих трех путей ведет в нужное нам царство, но пути эти опасные, и люди здесь не ездят. На дороге справа путника поджидает ураганный вихрь, унесет его под самые облака. Удержится всадник в седле двадцать дней — спасен, нет — пропадет навсегда. На дороге слева ждут путника огонь и дым, двадцать дней придется ему пробираться сквозь пожары. Среднюю дорогу стережет нечистая сила — драки-черти и огромный дракон, в один миг пожирают они все живое. О других путях в далекое царство я не читал, ученым людям, видно, они неведомы. А теперь выбирайте, по какому пути пойдет каждый из вас, а я возьму оставшийся.

Задумались братья. Старший выбрал правую дорожку, младший — левую. А грамотею досталась дорога посередине. Опять молвил он старшим братьям:

— Любимые мои братья, теперь каждый из нас поедет своей дорогой, ждут нас впереди опасности и приключения. Давайте здесь, под большим камнем у развилки трех дорог, оставим по кольцу, а на обратном пути заберем кольца, тогда и увидим, кто вернулся раньше других.

И на этот раз послушались братья грамотея. Положили они кольца под камень и разъехались в разные стороны.

Старший брат ехал десять дней — а вокруг ни души. Наконец достиг он места, где дул ураганный вихрь, — как начало его от земли отрывать! Сначала чуть-чуть над землей поднимало, а потом все выше, выше — к самым облакам! Испугался старший брат и повернул обратно. Добрался до развилки трех дорог, забрал из-под камня свое кольцо, поехал в городишко неподалеку и на постоялом дворе стал дожидаться братьев.

Средний брат тоже долго ехал по пустынной дороге. Через десять дней видит: впереди огонь и дым, стало его жаром обдавать — так и полыхает пламя вокруг! Испугался юноша и повернул коня обратно. Добрался до развилки трех дорог, забрал из-под камня свое кольцо, смотрит, а братниного кольца уже нет! Стало быть, старший брат тоже вернулся. Поехал средний брат в городишко неподалеку и на постоялом дворе разыскал старшего брата — стали они вдвоем грамотея поджидать.

А младшему царскому сыну досталась, как мы уже говорили, средняя дорога. Не дорога, а болотная топь, грязь да трясины. Ни зверь туда не забредал, ни птичка не залетала. Так пробирался он десять дней, очень уж ему хотелось добраться до неведомого царства и добыть ослепшему царю чудесное лекарство. Кончилась трясины, спешился грамотей, пустил своего конягу на травке попасться, а сам прилег отдохнуть да обдумать, как дальше быть, как обмануть чертей и огромного дракона, что в один миг пожирают все живое и никого не пускают к волшебной земле.

А жили те драки с матерью дракеной в громадном дворце — всего день пути от болотной трясины, куда добрал грамотей. Дед же их, дракон, жил много дальше. И был он таким огромным и злым, что даже собственные внуки его боялись.

Наконец придумал грамотей одну хитрость. Вспомнил он, что в старинных книгах говорилось, будто меньшей братец драков потерялся, и решил выдать себя за младшенького, потерянного сынка.

Сел грамотей на лошаденку и пустился в путь. На следующий день достиг он дворца драков, дождался, когда солнышко поднимется высоко (знал юноша из книг, что драки уходили из дома рано утром, а возвращались поздно вечером), подъехал к ограде и заглянул во двор. Видит: сидит дракена одна-одинешенька. Спешился грамотей, спрятал лошадку в укромном месте и вошел во дворец.

Расвиrepела дракена, увидев человека, — сейчас съест! Но хитрец тотчас бросился к ней:

— Ах, милая матушка, наконец-то я вернулся! Неужели ты не узнаешь своего младшенького?

— Младшенький? — удивилась дракена. — Но почему ты так похож на человека?

— На человека? Ох, и не говори! Люди-то меня и похитили, все эти годы мучался я у них в плену!

— А почему ты такой крохотный, совсем не вырос? Посмотрел бы на своих братьев!

— Ах, матушка, да от такой тяжелой жизни я не то чтобы расти, уменьшаться стал!

Пожалела дракена сыночка. Обняла его, поцеловала, хорошенько накормила.

Вот завечерело, спрятала мать меньшого сыночка, чтобы не съели его невзначай драки. Много времени не прошло — собрались драки, тридцать девять драков, расселись в большой зале, смеются да отдыхают. Тогда вошла в залу дракена и сказала:

— Привет вам от пропавшего братца. Нашелся он!

Соскочили драки со своих мест, зашумели, просят дракену скорей показать им братца.

— Успокойтесь, и я его приведу, — отвечает дракена. — Но не вздумайте его обидеть! Тогда вам не поздоровится!

— Не тронем! Не обидим! Не бойся! — загалдели те.

Привела мать братца. Драки как увидели грамотея, опять шум подняли:

— Ба! Да это вовсе не наш братец! Тот не был таким крохотным! Ну, просто вылитый человек!

— Нет, — ответила дракена, — я тоже сначала так думала. А теперь вижу, что это он самый и есть, мой младшенький. Тяжко, видно, ему пришлось, вот он и не вырос.

Поверили драки словам матери, обступили грамотея — ну его целовать, обнимать да расспрашивать... Три дня прожил грамотей во дворце у драков припеваючи. На четвертый начал их расспрашивать:

— Что это за гора там вдали?

— Гора-то простая, рядом с морем лежит, а посреди горы — дорога. Стережет ту дорогу наш дедушка дракон, головой в небо упирается. Никому мимо дракона не пройти, не пролететь. Даже мы, драки, его боимся! Стережет дед дорогу в царство с целебной землей, все хвори она мигом снимает!

— Ну, что ж, — сказал грамотей, — если это наш дедушка, схожу-ка и я познакомлюсь с ним. Авось перестанете вы его бояться!

— Нет, так не пойдет! — загалдели драки. — Мы тебя не пустим! Он тебя съест!

— Не просите, все равно пойду, освобожу дорогу, чтобы смогли и вы ходить по ней без боязни!

Взял грамотей железную дубину, прыгнул на лошаденку и в путь отправился. Целый день ехал, а к вечеру увидел чудище вдали. Дождался удалец темноты, тихо-тихо к дракону подкрался и ударил его дубиной. А потом прищпорил лошаденку посильнее и вперед поскакал. Поворачивает дракон туда-сюда голову, сейчас схватит и разорвет обидчика, а его уж и след простыл. Кинулось чудище в погоню да и рухнуло замертво. Затряслась земля, вода из моря выплеснулась до самого неба, а по земле разнесся гром великий.

Вот и добрался грамотей до царства с чудесной, целебной землей. Веселый, довольный, въезжает он в город, глядь — куда ни посмотрит, все сном объято. И видно, что сон сморил жителей внезапно, каждый занимался своим делом и вдруг заснул. Мастерские раскрыты настезь, а мастеровые спят — кто с иглой, кто с молотком в руках. Лавочники и во сне весов не выпускают, а один крестьянин как грузил что-то на телегу, так и застыл недвижим, сном объятый...

Не по себе стало удальцу, а потом вспомнил, что в ученых книгах читал и про такое. Есть на свете края, где люди по полгода спят. Вот он и успокоился. Не угадаешь только, как давно это царство в сон погрузилось и когда очнется. Решил удалец поторопиться на всякий случай.

Подъехал грамотей к царскому дворцу, прошел через распахнутые настезь двери, мимо стражи, спящей стоя навывтяжку, и попал в царские покои. Сидит на троне спящий царь во всем царском убранстве и с короной на голове. А посреди залы, у огромного кипариса, обнесенного хрустальной оградой, целый отряд стражников спит. Не иначе, стерегут чудесную землю, исцеляющую незрячие глаза, смекнул грамотей. Слез он с лошаденки, привязал ее к ограде, прошел за ограду и нарыл ножом чудесной земли. А потом положил ту землю в мешочек и спрятал ее на груди.

Вот собрался юноша в обратный путь. «Дай, — думает, — пройдуся по дворцу, посмотрю, как здесь люди живут». Начал ходить он по залам — одна красивей другой убрана, много всяких чудес повидал, зашел напоследок в маленькую комнатку и встал как вкопанный. Видит — девушка красоты неописанной, все вокруг озарено ее сиянием! Как увидал ее юноша, тотчас полюбил, вот бы взять красавицу в жены! А девушка-то спит. Подошел грамотей к ней поближе, взял из рук красавицы вышитый платочек, снял с пальчика кольцо, а взамен свое кольцо надел. А уходя, наклонился и поцеловал красавицу от всего сердца в обе щеки. От этого поцелуя упали две розочки. Наклонился юноша, поднял розочки, а сам надеется: проснется девушка, увидит кольцо и даст ему о себе знать.

С тем и покинул грамотей дворец и объятое сном царство. Скакал он без усталости, вот уж и спешился у жилья драков. Радость-то какая! Меньшой братец воротился, живой и невредимый! Дракена не знает, где усадить сыночка, чем угостить... Так прошло три дня. Думает грамотей, размышляет, как бы незаметнее удрать. По родному дому совсем тоска обуяла!

Говорит он дракене:

— Что-то взгрустнулось мне, матушка. Пойду прогуляюсь за оградой, развею тоску по свежему ветерку.

Выпустила дракена хитреца за ворота, а тот вскочил на лошаденку и ну ее погонять.

Немного пути проехал, началась топь да трясины. Стала лошаденка тонуть, барахтается в грязи, никак не может выбраться, вот-вот поглотит ее болото вместе с удалым всадником! Тут обронил нечаянно юноша одну розочку. Глядь, где были топь да болото, стало сухое место! Выбрался царский сын на ровную дорогу и ну подстегивать лошаденку.

А тут уж вечер наступил. Вернулись домой драки, узнали от матери, что брат пошел гулять и не вернулся, и поняли, что никакой это не братец, а настоящий человек. Кинулись все тридцать девять в погоню, надо бы схватить хитреца, пока не достиг он топкого места: через болото-то дракам путь закрыт. Вот скачет грамотей, видит — настигает его погоня, вот-вот схватит. «Брошу-ка я еще одну розочку! Спасла она меня один раз, может, и на другой раз выручит из беды?» Достал грамотей розочку и бросил позади. Растеклась за всадником топь да вода, бросились драки врассыпную, а юноша уж далеко!

Достиг наконец меньшой царский сын развилки трех дорог. Поднял камень, а под ним лишь одно кольцо. Смекнул он, что братья старшие ни с чем вернулись. Забрал юноша свое кольцо и пошел в ближний городок переночевать, а утром давай расспрашивать хозяина постоялого двора:

— Скажи мне, добрый человек, не останавливались ли здесь два молодца?

— Как же, видал я их! Никуда они не уехали, а живут у меня на постоялом дворе. Вначале были знатные да гордые, ну, чистые царевичи, да со временем поистратились. Деньги у них все вышли, коней продали, одежду на еду сменяли, а сегодня отправились работать за кусок хлеба, один — к пекарю, другой — к повару! Не знаю, право, что из этой затеи у них выйдет, делать-то они ничегошеньки не умеют!

Пожалел грамотей братьев, разыскал их и говорит:

— Сыщите двух добрых коней — поедem мы домой!

— Знаем мы, где можно купить отличных скакунов, да стоят они очень дорого.

— Чем дороже, тем лучше, — ответил младший брат и дал им денег.

Пошли братья к купцам и сторговали своих собственных коней, проданных по безденежью.

Тем временем достал младший брат два одинаковых мешочка, насыпал в них простой земли, а мешочек с чудесной землей-лекарством поглубже за пазуху спрятал. Вернулись братья, дал он им мешочки с простой землей, а про то, как достал ее и что с ним в пути приключилось, ни гугу.

Вот пустились все трое в обратный путь. Старшие братья на прекрасных конях гордо скачут, а младший на поганой лошаденке позади трусит. Ехали они так, ехали, вот уж и родная земля недалеко. И надумали тогда братья избавиться от грамотея.

Знали обманщики, что впереди неподалеку находится высохший колодец, и договорились, что старший поедет вперед, дескать, разжечь для ужина костер, а сам накроет колодезную яму ковром. Сядет на тот ковер грамотей и вниз провалится. Сказано — сделано. Слез с лошади грамотей, подошел к коврику и только на него ступил — провалился в яму.

А братья вскочили на коней и к утру были уже в родном доме. Наперегонки бросились они в царские покои, положили отцу волшебную землю на глаза, и... ничего не произошло!

Смекнули братья, в чем тут дело, поняли, что земля-то ненастоящая, да не осмелились об этом слова молвить. А царице сказали, что, как расстались с грамотеем у развилки трех дорог, так с тех пор его и не видели.

А с грамотеем в это время было вот что. Два дня провел бедняга на дне колодца. Кричал-кричал, но никто криков его не слышал. Охрип юноша, руки изодрал, лицо в ссадинах. Не вылезти самому — больно яма глубока! Что делать бедному? На третий день пригнал, на его счастье, в эти места свое стадо пастух. Услыхал пастух, что кто-то зовет из колодца, наклонился и увидел человека. Тогда снял пастух с себя пояс и бросил вниз. Одарил юноша пастуха по-царски и на родину пошел.

Ночью пришел в город, тайком пробрался во дворец и прямо в царицыны покои. Увидела мать младшенького, расцеловала его, спрашивает:

— Где пропал, сынок, почему так долго задержался?

— Был я, матушка, в дальнем царстве и принес отцу чудесное лекарство!

С этими словами снял юноша с шеи мешочек, достал из него целебную землю и передал матери, но рассказывать, каким способом он ее добыл, на всякий случай не стал и царице.

Долго царица уговаривала мужа испробовать новое лекарство: царь и слышать не хотел о грамотее и его земле. А потом подумал: «Попробую-ка я еще раз, вдруг да свет увижу!»

Положил царь немного земли на глаза и в тот же миг прозрел! Исполнился тогда отец великой благодарности к младшему сыну, что принес ему исцеление от тяжелого недуга.

Но старшие братья и тут не дремали. Тотчас к царю прибежали и оговорили грамотея: он-де хорошую-то землю, с таким трудом ими добытую, украл, а взамен насыпал в мешочки пустой придорожной пыли, чтобы посмеяться над братьями и отцову благодарность получить!

А царь гневлив был. Распалился он, услышав о таком коварстве, и прогнал младшего сына с глаз долой! Пришлось бедняге переселиться в укромную комнатку на заднем дворе и гулять по закоулкам, чтобы родному батюшке на глаза не попадаться.

А тем временем подошел назначенный срок, и жители дальнего царства, в котором была чудесная, целебная земля, пробудились ото сна и как ни в чем не бывало вернулись к своим дневным делам. Пробудились ото сна и в царском дворце и сразу обнаружили, что целебной земли немного недостает. Значит, кто-то чужой побывал здесь! Но кто? Царь с царицей терялись в догадках. Лишь царская дочка по кольцу на руке поняла, что побывал в их дворце какой-то царевич из дальних краев. Поняла и загрустила: как отыскать юношу? Решила девушка отправиться на поиски своего жениха. Вот переделась она в мужское платье, пришла к отцу и говорит:

— Благослови меня, батюшка, в дальний путь! Пойду искать своего суженого, что взял мое колечко, а взамен оставил свое!

Благословил царь дочку и послал с нею двух верных старцев, чтобы заботились о девушке, и дружину для охраны.

С тем пустилась царевна в путь и объехала множество царств, да все без толку, пока не прибыла наконец на родину грамотея. Остановились путники на постоялом дворе, начали расспрашивать о том о сем и узнали, что болел здешний царь глазами и уже отчаялся увидеть свет, когда бы не привезли старшие его сыновья чудесной, целебной земли из далекого царства.

Тотчас отправились путники во дворец и сказали, что хотят говорить с царем. Царь принял гостей с радушием, а девушка и говорит:

— Узнали мы, ваше величество, что не видели ваши глаза света белого. Так же и мой отец страдает глазами. Прошу вас, поведайте нам, где находится чудесное лекарство, что принесло вам исцеление, и как его добыть.

— Чудесное средство, о котором ты хочешь узнать, о юноша, — ответил царь, — это целебная земля. Ее принесли мне мои дети. Но как добыть ту землю и где она лежит, я не ведаю. А сейчас велю я позвать сюда сыновей, и они расскажут тебе все без утайки.

Пришли на зов старшие братья, начала их девушка расспрашивать, да что от них толку! Один твердит: «Я двадцать дней сквозь огонь и дым скакал, пока не нашел волшебную землю!» А другой с ним спорит: «Нет, это я в ураганном вихре устоял, двадцать дней под облаками летал, пока не добыл волшебную землю!»

Ничего царь из их речей понять не мог, только осерчал. Вспомнили тогда о грамотее и послали за ним. А юноша, лишь только вошел, узнал в чужестранце царевну из дальнего царства. Начал он рассказывать, как добирался до чудесной земли, как братья бросили его в колодец, как он спасся, а напоследок достал вышитый платочек, показал его страннику и спрашивает:

— Не узнаёшь ли, чей это платочек? А может, знаком тебе этот перстенок?

Тогда обратился к царю чужеземец с такой речью:

— Вот, государь, ваш сын, что добыл для вас лекарство. А я дочь правителя той чудесной земли. Мечтала я узнать, кто тот удалец, что побывал у нас и надел на мою руку это вот кольцо!

Растрогался царь от таких речей, позвал царицу, и тотчас благословили они молодых. А потом приготовили пышную свадьбу и пировали целый месяц.

И я попировал неплохо — съел отличный шашлык из гороха!

Девушка из цветочного горшка

Греческая сказка

Перевод Н. Ручкиной

или-были однажды муж с женой, и не было у них детей. Как-то вечером вздохнула женщина:

— Ну, хоть какое-никакое дитяtko иметь, пусть даже горшок с цветком!

Глядь, а на подоконнике и впрямь цветочный горшок стоит.

Годы проходят — растет базилик [\[69\]](#), а вместе с ним растет и горшок. И вот стал горшок величиной с котел, а цветок — с ореховый куст. Случилось однажды проходить мимо царевичу. Увидал он базилик на окне, и полюбился чудесный цветок царевичу. Постучался он, высунулась на стук женщина из окна. Вот царевич ее и спрашивает:

— Отдай мне цветок, тетушка, ничего не пожалею, сколько ни попросишь!

Задумалась женщина: и горшка жаль, и разбогатеть хочется, но отдала все-таки цветок за тысячу флоринов. Принес царевич горшок во дворец, поставил его на окно в своей комнате и стал поливать утром и вечером.

А нужно вам сказать, что царевич тот имел обыкновение ужинать в одиночестве. И в тот самый день, когда он принес базилик, накрыли ему слуги стол, как обычно, уставили его разными яствами, а потом ушли и оставили царевича одного. Вот поел-попил царевич, цветком своим любовался, а потом лег и уснул. В головах его горела свеча, а в ногах — лампадка.

Только царевич уснул, вышла из базилика девушка — краше в мире не сыскать, — отведала угощенья, а потом взяла лампадку и поставила ее в головах, взяла свечу и переставила ее в ноги.

Проснулся утром царевич и видит: яства все съедены, лампада со свечкой переставлены! Не знает, что и подумать: дверь-то на запоре! На другой вечер вновь то же. Тогда решил царевич не спать и караулить незваного гостя. Видит, вышла из базилика девушка, краше в мире не сыскать, поела-попила, и только начала свечу с лампадой местами менять, он ее за руку и схватил:

— Зачем ты, мой светик, прячешься, от кого хоронишься?

— Ты меня увидел, — отвечает девушка, — тебе мною и владеть. Но смотри, никому меня не показывай!

— Хорошо, будь по-твоему, — согласился царевич и наказал слугам с тех пор накрывать стол на двоих.

Так прошло несколько месяцев, и случилось царевичу отправиться с отцом на войну. Тогда позвал он мать и дал ей такой наказ:

Вечером и утром цветок поливать,
Лучшие кушанья в комнате оставлять,

Дверь же всегда на запоре держать.

Сказал царевич и девушке:

— Не печалься, милая, я не задержусь, скоро буду.

Вот уехал царевич, а мать исправно исполняла его наказ.

Вечером и утром цветов поливала,
Лучшие кушанья в комнате оставляла,
Дверь же всегда на запоре держала.

Нужно сказать, что царевич наш был обручен с дочерью визиря. А с тех пор как появилась девушка из цветочного горшка, разонравилась принцу его невеста, перестал он бывать у нее и совсем позабыл, будто и не было никакой невесты вовсе!

Дочь визиря терялась в догадках: жениха словно подменили! И вот когда царевич уехал на войну, жена визиря с дочерью отправились в царские палаты подружиться-покумиться с царицей, а заодно и выведать, что случилось во дворце, почему царевич так переменялся.

Пришли, посидели чуть, а потом пошли гулять по дворцу, в комнаты заглядывать. А как приблизились к закрытой комнате, жена визиря толк в бок дочку, та и говорит сладким голосом:

— Дозволь, царица, хоть одним глазком поглядеть на женихову комнату!

Царица отперла дверь, а визирева-то дочка туда порх! Смотрит: у окна, что на море глядело, девушка сидит, волосы золотым гребнем чешет. И если волос из гребня падал, тотчас в море золотой рыбкой оборачивался.

Тут смекнула визирева дочка: «Эге, да жених-то мой девушку в своей комнате прячет! Так вот отчего он меня знать не хочет!»

Подбежала она к девушке и толкнула ее в море. Да не утонула красавица: проходило в тот час солнце на закат, подхватило оно девушку на свои золотые лучи и перенесло красавицу прямехонько в дом своей матушки.

Вот пришло время поливать цветов, отперла царица комнату, а базилик-то увял! Пришла вечером — совсем засох цветок! И яства не тронуты! Царица себе места не находит — ключевой водой цветок поливает, а все без пользы!

Тут и отец с сыном вернулись. Побежал царевич в комнату, отпер дверь и что же видит: увял, засох базилик! Заплакал он, запричитал и мать упрекает:

— Почему, матушка, не поливала ты мой цветочек, а бросила его, и он засох, увял?

— Поливала я его, дитяtko, в толк не возьму, что стряслось, почему он засох-увял!

— Или чужой кто приходил в комнату?

— Никого чужого, клянусь тебе, заходила только сюда разочек твоя невеста с матерью.

Догадался тут царевич, что произошло, и с горя тяжело заболел. Хотела дочка визиря прийти его проведать, но царевич прогнал ее прочь.

А девушка из цветочного горшка — краше в мире не сыскать — живет-поживает у солнца и, что ни день, у него спрашивает:

— Как там царевич поживает? Не пришел ли еще с войны?

— Нет, не вернулся еще, живи себе спокойно, — отвечало солнце всякий раз, но однажды сказало по-другому: — Вернулся твой царевич, но сразил его тяжкий недуг. Лучшие лекари понять не могут, что за болезнь его сушит: не ест, не пьет, а лежит и смотрит не отрываясь на засохший базилик. Думаю, недолго ему осталось жить.

— Солнышко милое, — взмолилась девушка, — прошу тебя, завтра поутру, как соберешься из дому всему миру светить, захвати меня с собой. Посветишь ты царевичу в окно, упадет луч на цветочный горшок, я по лучу побегу, в горшок прыгну.

И все, о чем просила девушка, солнце исполнило. Только девушка в цветок вошла — зазеленел, расцвел базилик и стал краше прежнего. Лишь увидал царевич, что базилик ожил, так и болезнь свою забыл, с кровати вскочил, радуется, смеется, вечера ждет.

Вот и вечер настал. Пришли слуги, принесли, как обычно, стол с яствами, запер царевич поскорее дверь, вышла тут девушка из базилика — краше в мире не сыскать, — села напротив царевича, и повели они разговор да беседу.

Быстро ночь пролетела, а наутро объявил царевич о свадьбе. И жил он со своей возлюбленной счастливо долгие годы. А злую дочку визиря с матерью выслали прочь из города.

Итальянские сказки

Волшебное кольцо

Итальянская сказка

Перевод З. Потаповой

ил-был на свете бедный юноша. Вот однажды говорит он своей матери:

— Пойду-ка я, мама, странствовать по свету. В нашей деревне за меня и сухого каштана не дают. Что из меня здесь путного выйдет? Отправляюсь искать свое счастье! Глядишь, и для тебя, мама, настанут радостные дни.

Сказал — и отправился в путь.

Добрался он до какого-то города и стал бродить по улицам. Видит, плетется в гору старушка, несет на коромысле два больших ведра с водой, а сама еле дышит. Подошел юноша к старушке:

— Дайте, бабушка, я донесу воду, не годится вам таскать такую ношу.

Подхватил он ведра, донес их до старушкиного дома, поднялся по лестнице и поставил ведра на кухне.

А на кухне было полным-полно собак и кошек. Стали они тереться у ног своей хозяйки, повизгивают, мурлычат.

— Чем же тебя отблагодарить? — спросила старушка.

— Спасибо, — говорит юноша. — Ничего мне не надо. Мне просто хотелось услужить вам.

— Подожди меня здесь, сынок, — сказала старушка, вышла из кухни и вернулась с колечком в руке. С виду оно не стоило и четырех сольдо. Старушка надела его юноше на палец и говорит: — Кольцу этому нет цены. Если ты пожелаешь чего-нибудь, поверни его вокруг пальца, тут все и сбудется. Только смотри не потеряй его, не то худо будет. А для верности дам я тебе кота и собаку, они пойдут за тобою повсюду. Животные они сильные и не сегодня, так завтра тебе пригодятся.

Поблагодарил юноша старушку и пошел своей дорогой. Но по правде сказать, не поверил он ни единому ее слову, а потому и подарки в грош не ставил. «Болтает старушка», — решил он про себя. И даже не подумал повернуть колечко, хотя бы для пробы.

Вышел он из города, а кот и собака бежали следом. Юноша очень любил животных и был рад, что у него появились кот и песик. Он играл с ними, а они бегали и прыгали. Так они и не заметили, как вошли в лес. Настала ночь, юноша лег отдохнуть под деревом, а кот и собака пристроились рядышком. Но юноша никак не мог уснуть, потому что очень проголодался. Тут он вспомнил про колечко: «А ну-ка испробую, попытка — не пытка». Повернул он кольцо вокруг пальца и сказал:

— Хочу есть и пить!

Едва вымолвил он эти слова, как перед ним появился стол и три стула, а на столе полным-полно всяких яств да напитков.

Юноша сел, повязал себе на шею салфетку, усадил кота с собакой, им тоже повязал салфетки, и все трое давай уплетать еду за обе щеки. Теперь-то юноша поверил в свое колечко!

Поели они, юноша растянулся на земле и размечтался о чудесах, которые он теперь может делать. Но труднее всего было выбрать: то он хотел пожелать себе груды серебра и золота, то ему больше по душе были кони и кареты, то замки и земли. Все новые желания приходили к нему на ум.

«Да так и спятить недолго, — решил он наконец, когда не смог уже ничего больше придумать. — Сколько раз я слышал, что люди теряют голову, когда им привалит много денег. Ну, а я хочу свою голову на плечах сохранить. На сегодня довольно, а завтра видно будет».

Тут он повернулся на бок и крепко уснул. Собака легла у него в ногах, кот — в изголовье, и так они всю ночь сторожили хозяина.

Проснулся юноша, а солнышко уже сияет над зелеными деревьями, дует свежий ветерок, пташки поют, и усталость его как рукой сняло. Вздумал он было пожелать резвого коня, да так хорошо и привольно было в лесу, что юноша решил идти пешком; вздумал пожелать завтрак, да кругом росла такая вкусная земляника, что ничего другого ему и не захотелось; пожелал пить, но неподалеку протекал ручей с такой прозрачной водой, что решил он напиться из пригоршни.

Так шел он по полям и лугам и наконец добрался до большого дворца. А там у окна сидела красавица. Увидела она юношу и ласково ему улыбнулась. Юноша поднял глаза... Хоть колечко-то он и сохранил, но сердце потерял в тот же миг.

«Вот и настало время попросить помощи у кольца», — подумал он. Повернул кольцо и пожелал:

— Пусть напротив этого дворца встанет другой дворец, еще прекраснее, и пусть в нем будет все, что душе угодно.

Не успел он и глазом моргнуть, как дворец вырос словно из-под земли, а сам юноша очутился внутри, будто век там жил; собака сидела в своей конуре, а кот умывался у окна.

Подошел юноша к окну, распахнул его — а напротив у окна сидит его красавица. Улыбнулись они друг другу, повздыхали, и юноша решил, что теперь самое время попросить ее руки. Девушка была очень рада, родители тоже, и через несколько дней сыграли свадьбу.

В первый же вечер молодая жена и спрашивает:

— Скажи мне, как это твой дворец сразу вырос из земли, словно гриб?

Задумался молодой: сказать или не сказать? А потом решил: «Ведь она моя жена, а от жены таиться нечего». И рассказал ей о волшебном кольце. Потом оба заснули.

А посреди ночи злая женщина потихоньку сняла кольцо с пальца спящего мужа, потом встала, позвала слуг и приказала:

— Скорее уходите из этого дворца! Вернемся в дом моих родителей!

Дома она повернула кольцо и сказала:

— Пусть дворец моего мужа вознесется на высокую скалистую вершину вон той горы!

Дворец тут же исчез, будто его вовсе не бывало; посмотрела молодая на гору и увидела, что взлетел он на самую вершину.

Проснулся поутру юноша, а жены нет как нет. Отворил он окно и увидел под собой пропасть. Протер глаза, глядит — глубоко-глубоко, на самом дне, трещины да бугры, а кругом — снежные вершины. Хотел он повернуть кольцо, а кольца на руке нет как нет! Позвал слуг — никто не откликнулся. На зов прибежали лишь кот и собака; они остались во дворце, потому что юноша про кольцо жене рассказал, а про кота с собакой слова не вымолвил.

Сперва юноша ничего не понимал, но потом догадался, что во всем виновата его жена — коварная изменница. Только не очень-то это его утешило. Стал смотреть он, нельзя ли как-нибудь спуститься с горы, но все окна и двери были над самой пропастью. Еды во дворце оставалось всего на несколько дней, и юноша в страхе подумал, что придется ему умереть голодной смертью.

Увидели кот и собака, как печалится юноша, подошли поближе, собака и говорит:

— Не горюй, хозяин, мы с котом отыщем себе дорожку вниз среди скал, а спустимся — добудем и колечко.

— Дорогие вы мои зверюшки, — сказал юноша, — на вас вся моя надежда. Ведь лучше броситься со скалы, чем умирать с голоду.

Отправились кот с собакой в трудный путь: цеплялись за камни, скользили вниз, прыгали с кручи на кручу, со скалы на скалу и в конце концов спустились к подножию горы. В долине текла река, надо было через нее переправиться. Собака посадила кота на спину и переплыла на другой берег.

Пришли они к дворцу коварной жены уже поздней ночью, когда все спали глубоким сном. Потихоньку прокрались кот с собакой через лаз в подворотне. Кот и говорит собаке:

— Ты останься здесь и карауль. А я пойду посмотрю, что дальше делать.

Украдкой пробрался он по лестнице к комнате, где спала обманщица. Но дверь была заперта, и кот никак не мог войти. Пока он раздумывал, как быть, мимо шмыгнула мышь. Кот цап — и схватил ее. Это была здоровенная жирная мышь. Стала она просить кота помиловать ее.

— Ладно, — говорит кот. — Только прогрызи дыру в этой двери, чтобы я мог войти.

Мышь тотчас принялась за работу. Уж она грызла-грызла, все зубы сточила, а дырка вышла маленькая: не то что кот — даже сама мышь пролезть в нее не могла.

— Есть у тебя мышата? — спрашивает кот.

— А то как же? — отвечает мышь. — Не то семь, не то восемь, и один шустрее другого.

— Приведи поскорее мне одного, — говорит кот. — Да не вздумай меня обмануть, все равно поймаю тебя и съем.

Мышь убежала и вернулась с мышонком.

— Слушай, малыш, — говорит ему кот. — Коли ты ловок, спаси жизнь твоей матери. Пролезь в спальню, взберись на постель и сними кольцо, что у женщины на пальце.

Мышонок пролез в дырку, но вернулся ни с чем:

— Нет у ней на пальце никакого кольца.

Но кот не растерялся:

— Значит, она его для верности во рту держит! Живо ступай да пощекочи хвостом ей в носу. Она чихнет и раскроет рот. Кольцо выпадет, ты хватай его и беги скорее сюда.

Как сказал кот, так оно и вышло. Не успел он и глазом моргнуть, как мышонок вернулся с колечком.

Схватил его кот и помчался вниз по лестнице. Выскочили они с собакой из подворотни — и наутек!

Но в душе собака позавидовала коту: ведь кольцо-то добыл он!

Прибежали они к реке. Собака и говорит:

— Отдай мне кольцо, а то не перевезу на тот берег.

Но кот отдавать кольца не хотел. Стали они ссориться, кот выронил колечко, оно упало в реку, а тут как раз проплывала рыба — и проглотила его. Ухватила собака рыбу зубами и завладела-таки кольцом. На радостях перевезла она кота на тот берег. Но они все продолжали браниться между собой, пока не добрались до дворца и не пришли к хозяину.

— Принесли кольцо? — спрашивает он в тревоге.

Собака выплюнула рыбу, а рыба выплюнула кольцо.

Но тут кот говорит:

— Это не собака добыла кольцо, а я! Собака у меня его отняла!

А собака в ответ:

— Не схвати я рыбу, кольцо бы пропало!

Тогда юноша погладил обоих и сказал:

— Дорогие мои, не ссорьтесь, оба вы мне милы и дороги, обоих вас я люблю.

И целых полчаса он гладил и ласкал одной рукой собаку, а другой — кота, пока они не помирились и не стали друзьями, как прежде. Потом он встал у окна, повернул кольцо на пальце и сказал:

— Хочу, чтобы мой дворец опять опустился на прежнее место, а жена моя со своим дворцом пусть летит за тридевять земель.

Оба дворца тут же снялись с места. Дворец юноши встал посреди цветущей долины, а дворец обманщицы взлетел под облака — громко визжала она со страху.

Юноша привез во дворец свою мать, и зажила она счастливо на старости лет. Собака и кот тоже остались во дворце, жили они мирно, хоть, случалось, и ссорились. Юноша иногда пользовался кольцом, но не часто, потому что справедливо думал: «Не годится человеку без труда получать все, чего он ни пожелает».

Обезьяний дворец

Итальянская сказка

Перевод З. Потаповой

ил на свете король, и было у него два сына-близнеца: Джовани и Антонио. Никто не знал, который из них появился на свет первым. При дворе кто думал так, кто этак, и король никак не мог решить, кого же сделать своим наследником.

— Вот что, — сказал он наконец сыновьям. — Чтобы все было по справедливости, ступайте-ка вы странствовать по свету да поищите себе жен. Чья жена сделает мне лучший подарок, тому и корона достанется.

Братья вскочили на коней и поскакали в разные стороны.

Джовани через два дня доехал до большого города. Там встретил он дочь маркиза и рассказал ей про отцовский наказ. Приготовила она для короля запечатанный ларчик, и они обручились. Король не открывал ларчика, ждал, пока не получит подарка от жены Антонио.

А тем временем Антонио скакал все дальше и дальше и не видел на своем пути никаких городов. Вот заехал он в непроходимый, дремучий лес, которому конца-краю не было, и пришлось юноше прокладывать себе дорогу мечом. Вдруг впереди открылась поляна, а на поляне — мраморный дворец с хрустальными окнами.

Постучал Антонио в дверь. И знаете, кто ему открыл? Обезьяна! Да еще в ливрее! Она поклонилась Антонио и знаками предложила войти. Две другие обезьяны помогли Антонио спешиться, взяли коня под уздцы и отвели на конюшню.

Антонио вошел во дворец и поднялся по мраморной лестнице, устланной коврами. На перилах сидели обезьяны и молча отвешивали ему поклоны.

Вошел Антонио в залу, а там стоит карточный стол. Одна обезьяна пригласила его сесть, другие тоже уселись рядом, и пошла у них с принцем игра в карты. Потом обезьяны знаками спросили, не хочет ли Антонио поесть, и повели его в столовую. За накрытым столом сидели обезьяны, разодетые, в шляпах с перьями, и прислуживали тоже обезьяны — на тех были передники. После ужина обезьяны с факелами проводили принца до спальни и оставили одного.

Антонио очень удивился и даже напугался. Но усталость взяла свое, и вскоре он крепко уснул.

В полночь его разбудил чей-то голос:

— Антонио!

— Кто здесь? — спросил он и сел на кровати.

— Антонио, чего ты ищешь по свету?

— Ищу жену, которая сделала бы моему отцу подарок, лучший, чем подарок жены моего брата

Джовани. Тогда я стану наследником короля.

— Женись на мне, Антонио, — сказал голос, — будет тебе и подарок и корона.

— Ладно, женюсь на тебе, — прошептал Антонио.

— Вот и хорошо, — сказал голос. — Завтра же отправь письмо своему отцу.

Наутро Антонио написал отцу, что он жив-здоров и вскоре вернется с женой. Письмо отдали обезьяне, она резво поскакала с дерева на дерево и вскоре добралась до столицы. Король хоть и подивился диковинному гонцу, все же был рад доброй вести и оставил обезьяну у себя при дворе.

На другую ночь принца снова разбудил тот же голос:

— Антонио! Ты не передумал?

Он в ответ:

— Нет, не передумал.

А голос и говорит:

— Вот и хорошо! Завтра пошли отцу еще одно письмо.

Назавтра Антонио снова написал королю, что все хорошо, и отдал письмо другой обезьяне. И эту обезьяну король оставил при дворе.

Так каждую ночь неизвестный голос спрашивал Антонио, не передумал ли он, и просил написать отцу. И каждый день к королю отправлялась обезьяна с письмом. Прошел месяц, и обезьян в столице стало видимо-невидимо, они были всюду — на деревьях, на крышах, на памятниках. Заколачивает сапожник гвозди в подметки, а на спине у него обезьяна корчит рожи; делает врач операцию, а у него из-под рук обезьяна тащит ножи и нитки, которыми сшивают кожу; идут дамы гулять, а обезьяны сидят у них на зонтиках. Король уж не знал, что и делать!

Прошел месяц, и голос сказал Антонио:

— Завтра мы поедем к королю и поженимся.

Утром выходит Антонио из дворца, а у ворот стоит роскошная карета. На козлах обезьяна-кучер, а на запятках — два лакея, тоже обезьяны. А кто же сидит внутри, на бархатных подушках, в драгоценностях и в пышном уборе из страусовых перьев на голове?

Обезьяна!

Сел Антонио рядом с ней, и карета покатила.

Приехали они в королевскую столицу. Люди толпой бежали вслед за диковинной каретой, а как увидели, кто в ней сидит, перепугались: ну и чудеса, принц Антонио обезьяну в жены берет! Народ глаз с короля не сводил, а тот поджидал сына на ступенях дворцовой лестницы. Всем хотелось посмотреть, какую он скорчит мину, как увидит невесту.

Но король недаром был король: он и глазом не моргнул, словно жениться на обезьяне было самым обычным делом, и только сказал:

— Антонио ее избрал — он на ней и женится. Королевское слово твердое. — И принял от обезьяны запечатанный ларчик с подарком.

Оба ларчика решили открыть назавтра — в день свадьбы. Обезьяну проводили в ее комнату, и она пожелала остаться одна.

Утром Антонио пошел за невестой. Когда он вошел в комнату, обезьяна стояла у зеркала и примеряла

подвенечное платье.

— А ну, посмотри, хороша ли я? — сказала она и обернулась.

Антонио слова не мог вымолвить от удивления: обезьяна превратилась в белокурую красавицу, высокую и стройную, — просто заглядение. Антонио стал протирать себе глаза и все никак не мог поверить чуду, а девушка говорит:

— Да, да, это я, твоя невеста!

И они бросились друг другу в объятия.

А у дворца тем временем собралась толпа поглазеть на свадьбу принца Антонио с обезьяной. Вдруг видят: выходит он рука об руку с писаной красавицей — все так и обомлели. Обезьяны тоже были неподалеку — на деревьях, на крышах, на карнизах и подоконниках. И когда молодая чета проходила мимо, они спускались, вертелись волчком и тут же превращались в людей: кто стал дамой в накидке и со шлейфом, кто — кавалером в шляпе с пером и при шпаге, кто — монахом, кто — крестьянином, кто — пажом. И все они двинулись вслед за женихом и невестой и проводили их к венцу.

После свадьбы король открыл ларчики с подарками. В ларчике жены Джовани оказалась живая птичка; просто чудо, как она могла просидеть взаперти так долго. Птичка держала в клювике орешек, а из орешка торчало золотое перышко.

Когда король открыл ларчик жены Антонио, оттуда тоже выпорхнула живая птичка. В клювике у нее была ящерка — и как только она там умещалась! А во рту у ящерки был орешек — и как только он туда попал! А внутри орешка лежало сто локтей узорчатого тюля!

Король уже собирался объявить Антонио своим наследником, и Джовани стоял рядом, пригорюнившись, но тут жена Антонио и говорит:

— Антонио не нужно отцовского королевства. Я приношу ему в приданое свое королевство: ведь он, когда женился на мне, избавил всех нас от колдовства!

И весь обезьяний народ — теперь уж в человеческом обличье — радостно приветствовал своего короля Антонио. Джовани унаследовал королевство отца, и все они зажили в мире и согласии.

Так и жили они без печали,
А мне ничего не дали.

Принцесса из апельсина

Итальянская сказка

Перевод З. Потаповой

Жил-был на свете принц, красивый двадцатилетний юноша. И захотелось ему жениться. Стал король приглашать ко двору разных принцесс, одна красивее другой. Но никто из них не приглянулся юноше.

— Эта, отец? Да разве вы не видите, какие у нее волосы! Все равно что усы у кукурузного початка! Эта? Черна, как котелок для поленты [70]. А у этой нос картошкой.

Словом, ни одна ему не угодила, и бедняжки принцессы, раздосадованные и обиженные, со слезами уехали восвояси.

— Все же, сын мой, надо тебе на ком-нибудь жениться, детей завести...

— Конечно, отец. Надоело мне жить в одиночку. Но нельзя же жениться на ком попало, как по-вашему?

— Так что же теперь делать?

— Дайте мне денег да доброго коня, поеду я по свету искать себе невесту. Глядишь и найду. А коли никто не полюбится, навек бобылем останусь.

Сказал — и отправился в путь. Изъездил край из конца в конец, да все попусту.

Вот едет он однажды глухим лесом, видит, в зарослях ежевики старая женщина притулилась — жалкая да иссохшая, вся в лохмотьях, от холода дрожит. Принц был добр душою, как добр наш итальянский хлеб. Спрыгнул он с коня и спрашивает старушку:

— Не холодно тебе, бабушка, в такой ветхой одежде?

— Уж так зябко, так холодно, что и сказать не могу!

— Вот, возьми. — И принц протянул старушке свой великолепный плащ, весь жемчугом и алмазами расшитый. А потом и говорит: — Прими и этот кошелек с деньгами.

— Спасибо, добрый человек. Скажи, куда путь держишь? — молвила старушка.

Рассказал принц, что ищет-ищет, да никак не сыщет себе невесту, придется ему, видно, возвращаться домой ни с чем.

— Ого, знаю я одну красавицу, зовут ее принцессой из Апельсина. Видел бы ты ее! Личико смуглое, румяное, глаза темные! А губы алые! Красавица!

— Скажи поскорее, добрая женщина, где найти эту принцессу! Сдается мне, я уже полюбил ее.

— Так слушай. Езжай напрямик по этой дороге, пока не доберешься до глухой чащобы, там лачужка стоит. Как войдешь — сам поймешь, что надобно делать. Но сначала съезди в город и купи разной женской

одежды. Она тебе пригодится. Не забудь о гребнях и шпильках. Счастливого пути, сынок!

Поскакал принц в город, наряды покупал — денег не жалел и помчался в лес, к лачужке.

Тук-тук-тук!

— Входите.

Вошел принц в дом. Кухня вся черным-черна от сажи, в одном углу трухлявый шкаф стоит, в другом — старенькая старушка у очага сидит, палкой золу ворошит.

— Что тебе надобно в моем доме? — спрашивает.

— Да вот решил заглянуть на огонек, привез тебе всякой одежды, — отвечает юноша.

— Что за молодец! — обрадовалась старушка.

Накинул принц ей на плечи красивую шаль, помог умыться, подобрать волосы шпильками и даже вдеть в уши сережки. Вмиг преобразилась старушка. Видная, статная, как есть королева!

— Ох, спасибо, уж такое спасибо тебе! Чего ж ты желаешь за все, что для меня сделал?

— Ничего не хочу. Скажи только, где мне найти прекрасную принцессу из Апельсина?

— Ах, вот чего ты хочешь...

Встала старушка на ноги, доковыляла до шкафчика и вынула оттуда три апельсина.

— Слушай меня внимательно. Возьми эти апельсины и по одному очисти от кожуры. Тут твоя невеста и появится. Да смотри: очищай их обязательно близ ручья.

Поблагодарил принц старую женщину, взял апельсины и уехал.

Едет-едет, и так ему захотелось расковырять хоть один апельсинчик! Стал он искать поблизости какой-нибудь ручеек, да нигде не нашел. А у него уж и терпенья не стало... «Жалко, конечно, что нет здесь никакой воды поблизости, — подумал он. — Уж очень мне хочется посмотреть, какова собой девушка». И начал сдирать кожуру с плода.

Вот показалась одна девичья рука, потом вторая. И, сбросив апельсиновую кожуру, встала перед принцем прекрасная девушка.

— Скорее дай мне испить воды! — просит она.

Растерялся принц, стоит озирается, нет нигде ни капли воды!

— Прости, нет у меня воды!

— Увы, значит, я должна умереть. — И с этими словами девушка исчезла.

Обидно было принцу упустить такую красавицу, да делать нечего, поехал он дальше. Держит в руках второй апельсин, проклятое любопытство так его и разбирает. Не удержался юноша, очистил апельсин, предстала перед ним девушка еще прекраснее, чем первая.

— Скорее подай водицы напиться, — просит она.

— Да нет у меня воды...

— Увы, значит, я должна умереть. — И с этими словами девушка исчезла.

— Ну, уж теперь ни за что не дотронусь до апельсина, пока не сыщу источника, — сказал себе принц.

И вот наконец добрался он до родника. Радостный, соскочил с коня и начал потихоньку снимать кожуру с третьего апельсина. Явилась ему третья девушка — прекрасная как солнце и с глазами как синее

небо. Просит красавица юношу:

— Принц, дай мне скорее воды!

Бросился юноша к роднику, набрал в пригоршни ключевой воды и дал девушке напиться.

— Благодарю, — сказала она и поцеловала юношу.

Понял принц: она-то и есть его суженая. Счастливый и веселый, посадил юноша невесту на коня и повез с собою. К вечеру добрались они до заезжего дома близ Рима и заночевали. Поутру принц говорит красавице из Апельсина:

— Хочу я купить тебе самые распрекрасные наряды, а ты жди меня здесь.

Поцеловал он красавицу, вышел во двор и просит хозяйку:

— Смотри береги мою невесту, чтоб до моего возвращенья никто ей зла не причинил. Я быстро вернусь.

Бросил ей кошелек с деньгами и помчался в город.

А хозяйка-то была злой колдуньей. Только принц уехал, отозвала она в уголок свою дочку, безобразную, как пугало, и шепчет ей:

— Да разве это дело, чтоб не ты вышла замуж за такого красавца! Хочешь быть его женой?

— Само собой, хочу.

— Ладно. Положись на меня.

Поднялась колдунья в комнату принцессы из Апельсина и говорит:

— Принц просил, чтоб я тебя причесала.

— Спасибо, но я всегда сама причесываюсь.

— Как же ты справляешься с такими косами до пят?

— Да уж справляюсь, — улыбнулась девушка.

— Давай все-таки я тебя причешу.

Ладно, согласилась девушка. Стала злая колдунья расчесывать ей волосы. А как расчесала, воткнула принцессе шпильки прямо в голову. Не простые шпильки, заколдованные. Превратилась тут девушка в ласточку, вспорхнула птичка, покружилась по комнате и порх в окно.

— Скорее иди сюда, — крикнула колдунья дочери. — Сиди в комнате, жди принца.

В полдень вернулся юноша домой. Взбежал по лестнице, влетел в комнату, увидел колдунью дочку и оторопел:

— А где же моя невеста?

— Я это и есть. Только иссохла от тоски, тебя поджидая, — отвечает колдунья дочь. И давай вздыхать и плакать.

Никак не верит принц, что перед ним невеста. «Не в тоске тут дело, — думает. — У этой уродки злое сердце». Но слова своего он нарушить не мог и сказал обманщице:

— Что ж, едем во дворец, нас там ждут.

Поехали они в Рим. Король с королевой на радостях, что сын наконец-то решил жениться, толком не разглядели, как зла и дурна собой будущая невестка. В тот же день назначили свадьбу и устроили большой

праздник. Обед приготовили на славу. И мороженое на столе, и орешки, и всяческие сладости. На королевской-то кухне кастрюлек много!

Повар на кухне кушанья готовит, королевских гостей потчевать спешит. Вдруг слышит, чей-то тоненький голосок поет:

Повар, повар у плиты,
Заклинанье слушай ты:
Чтоб жаркое подгорело,
Чтобы ведьма не поела!

Остолбенел повар. Осмотрелся — нет никого, только ласточка на подоконнике сидит. Вытащил он жаркое из духовки — а оно все сгорело.

Приготовил он наскоро другое блюдо, поставил жариться, а голосок снова поет:

Повар, повар у плиты,
Заклинанье слушай ты:
Чтоб жаркое подгорело,
Чтобы ведьма не поела!

Оборотился повар к окну, а там опять ласточка сидит и на него пристально глядит. И снова жаркое в угли превратилось.

Испугался повар, бросил все кастрюльки и сковородки, побежал к принцу и рассказал ему, что делается на кухне.

— Да тебе не приснилось ли? — удивился юноша.

— Какое там, принц, чистая правда!

— А ну-ка пойдем, посмотрим.

Колдунья дочь почуяла неладное и шепчет принцу:

— Куда же ты? Бросаешь невесту в день свадьбы? Останься со мной!

Но принц ее слушать не стал — на кухню пошел.

В третий раз поставил повар жариться кусок мяса. Когда кушанье было почти готово, голосок пропел ту же песенку. И опять мясо дочерна подгорело. А на окне — снова ласточка сидит...

— Я хочу поймать ее, — говорит принц.

— Не трогай ласточку, это ведь ведьма! — кричит невеста; мигом примчалась она на кухню вслед за принцем.

Подошел юноша к окну, и ласточка сама далась ему в руки. Стал он гладить птичку и нащупал что-то твердое у нее в головке. Вытащил одну шпильку — показалась одна девичья рука, вытащил другую — другая рука, вытащил третью шпильку — предстала перед ним красавица из Апельсина. Бросилась она в объятья юноше и рассказала все как было.

— Ах ты, обманщица! — крикнул принц колдуньиной дочери.

Схватили колдунью, крепко связали и бросили в темницу. А принц с принцессой поженились и устроили такой свадебный пир, что в словах не описать.

Ну, а я залез под стол
И там косточку нашел.

Меня по носу пинали —
В глазах искры засверкали.
Но хоть я не пообедал,
Все ж вам сказочку поведал.

К итальянской сказке «Принцесса из Апельсина»

Розина в печи

Итальянская сказка

Перевод З. Потаповой

одного бедняка умерла жена и оставила ему хорошенькую дочку по имени Розина. Бедняк с утра до ночи работал, а присматривать за девочкой было некому. Вот он и решил снова жениться. Вторая жена тоже родила ему дочку, и назвали ее Ассунтой. Была она дурнушкой и скверного нрава. Девочки вместе росли, вместе ходили в школу, но всякий раз Ассунта возвращалась домой злая-презлая.

— Мама, — говорила она, — не хочу я больше ходить с Розиной! Кто нас ни встретит, всяк только ее и хвалит: и красивая она, и приветливая, а мне говорят, что я бука и черна, как головешка.

Мать души в Ассунте не чаяла. Видит, что дочка от зависти чуть не лопается, и спрашивает однажды:

— Ну как же мне помочь твоему горю?

— Пошлите Розину пасти коров, — отвечает Ассунта. — И велите ей спрясть моток пеньковой кудели. А если вернется она домой без пряжи да с голодными коровами, надавайте ей колотушек. Сегодня колотушки, завтра колотушки — этак она живо подурнеет, и приветливость с нее слетит.

Мать уступила капризам дочери, позвала Розину и говорит:

— Не смей больше ходить в школу с Ассунтой. Будешь теперь пасти коров и запасать для них траву, а еще будешь прясть в день по мотку кудели. Смотри у меня, если вечером вернешься без пряжи, а коров пригонишь голодными, задам тебе хорошую трепку. Мое слово твердое.

Розина от удивления и слова не могла вымолвить, но мачеха уже схватилась за палку, и девушке пришлось покориться.

Взяла она пряслице, полное кудели, и погнала коров в поле. Идет и приговаривает:

— Коровушки вы мои, коровушки! Как запасу я вам травы, когда мне надо прясть кудель? Хоть бы кто мне помог!

Тут самая старая корова повернула к ней голову и говорит:

— Не печалься, Розина. Иди за травой, а мы тебе кудель спрядем и смотаем. Ты только скажи:

Коровушка-коровка,
Пряди мою кудельку,
Рогами помогай,
В клубок пряжу намотай!

Под вечер коровы напаслись вволю. Розина пригнала их домой и поставила в стойло. На голове она принесла большую охапку травы, а в руке держала клубок пряжи.

Как увидела это Ассунта, от злости чуть не задохнулась. Говорит она матери:

— Завтра опять пошлите Розину коров пасти, но дайте ей два мотка кудели, а если она не спрядет всего, пусть отведаёт палки.

Но и на этот раз довольно было Розине сказать:

Коровушка-коровка,
Пряди мою кудельку,
Рогами помогай,
В клубок пряжу намотай! —

и вечером коровы были сыты, трава запасена, и два мотка кудели спряжены, и смотаны клубки.

Ассунта вся позеленела от злости:

— Как это ты все успеваешь сделать за один день?

— А так, — отвечает Розина. — Есть ведь добрые сердца на свете. Мне помогают мои коровушки.

Ассунта скорей бегом к матери.

— Мама, пусть завтра Розина сидит дома и хозяйничает, а я с коровами пойду. Дайте и мне кудели.

Вот поутру Ассунта погнала пасти стадо. В руке она держала хворостину и хлестала коров что было сил. Как дошли они до луга, Ассунта навела кудель на рога коровам. А коровы стоят себе не шелохнутся.

— Вы что! Прясть не хотите? — закричала Ассунта. — Вот я вас!

И давай хлестать их хворостинной пуще прежнего. Коровы замотали головами и вмиг спутали всю кудель. Остался от нее ком пакли.

Неймется Ассунте. Вот и говорит она матери однажды вечером:

— Мама, что-то мне редьки захотелось. Пусть Розина надергает ее у соседа в огороде.

Чтобы угодить дочери, мать велела Розине пойти за редькой в соседский огород.

— Да что же это? — взмолилась Розина. — Неужто вы хотите, чтобы я воровала? Никогда я такого не делала! Ведь если сосед увидит, что к нему ночью через забор лезут, он вора убьет!

А Ассунте только того и надо. Стала она теперь сама в доме командовать и говорит сестре:

— Иди, иди, не то палкой угощу!

Побрела в темноте бедная Розина, перелезла через забор в чужой огород, но вместо редьки ухватила репу. Тянет-потянет она репу, наконец вытащила; шарит, а под ней кротовая норка, а в норке пять прехорошеньких маленьких кротов.

— Ой, какие миленькие! — сказала Розина и стала собирать их в передник.

Но тут ненароком уронила она одного кротенка на землю, и он зашиб себе лапку.

— Ох, прости меня, маленький, я ведь нечаянно, — сказала Розина.

И стала она кротовое семейство ласкать и гладить. Понравилась Розина тем четверем кротам, что сидели у нее в переднике, они и говорят:

— Милая девушка, ты такая добрая и ласковая, мы хотим сделать тебе подарок. Станешь ты прекраснее всех на свете и будешь сиять, как солнышко. Так тому и быть.

Но охромевший крот проворчал:

— Какая уж ласковая, я из-за нее чуть ноги не лишился! Пусть же, как только упадет на нее луч солнца, превратится она в змею, а человеком вновь станет, только когда попадет в горящую печь.

Вернулась Розина домой, было ей и радостно, и боязно. А вокруг нее, хоть и ночь была, стало светло как днем — так ярко сияла ее краса. Глянули на нее мачеха и сестра, такую прекрасную и сверкающую, как солнце, да только рты разинули. Розина рассказала им все, что случилось на огороде.

— Нет здесь моей вины, — говорит она. — Только сжальтесь надо мной, не посылайте на солнце, не то я змеей стану.

С тех пор Розина выходила из дому только вечером или в пасмурный день. Она проводила все время в тени у окошка, работала и пела. А из окошка расходилось сияние далеко-далеко.

Однажды проезжал мимо королевич. Сияние озарило его, он поднял голову и увидел Розину. «Откуда такая красота в крестьянской лачуге?» — подумал королевич и вошел в дом.

Так они и познакомились. Розина рассказала принцу свою историю, рассказала и о заклятии, что нависло над ее головой.

Королевич и говорит:

— Будь что будет. Нечего такой красавице оставаться в лачуге. Вы станете моей женой — я так решил, и мое слово твердое.

Тут вмешалась мачеха:

— Ваше величество, будьте осторожны, а то в беду попадете. Сами посудите: как упадет на Розину луч солнца, она сразу превратится в змею.

— Это уж мое дело, — отвечает королевич. — Сдается мне, что не любите вы эту девушку. Приказываю отправить ее во дворец. А чтобы солнце не осветило ее по дороге, я пришлю закрытую карету. Смотрите, чтобы все было исполнено. А теперь — счастливо оставаться!

Мачеха с Ассунтой не посмели ослушаться королевича и стали собирать Розину в дорогу. Но в душе затаили злобу.

Наконец прикатила карета — старинная, совсем закрытая, только маленький глазок наверху, а на запятках слуга, весь в лентах, в шляпе с пером и со шпагой на перевязи.

Розина вошла в карету, и мачеха села вместе с ней — проводить во дворец. Но прежде отвела она слугу в сторонку и говорит ему:

— Добрый человек, если хочешь заработать десять паоло на чай, открой в карете глазок, когда солнце будет над головой.

— Хорошо, синьора, — ответил слуга. — Как прикажете!

И карета покатила. А в полдень, когда солнце стояло прямо над головой, слуга, не ведая тайны и злого умысла, открыл в карете глазок, и солнечный луч упал на голову Розины. В тот же миг девушка обратилась в змею и с шипеньем уползла в лес.

Распахнул королевич дверцу кареты у ворот своего замка, а Розины там нет! Как услышал он, что случилось, заплакал, закричал и чуть не убил мачеху. Но тут все наперебой стали говорить ему, что такова уж, видно, судьба Розины: не случись этого несчастья теперь, оно произошло бы позже. Перестал королевич убиваться, но остался грустен и безутешен.

А тем временем повара на королевской кухне давно пекли, варили и жарили в печах, на плитах и на вертелах кушанья для свадебного пира и гости уже сидели за столом. Узнали они, что невеста исчезла, и рассудили так: «Раз уж мы здесь, попируем». И слугам было велено разогреть кушанья.

Тут из лесу принесли вязанку хвороста, и один из поваров бросил ее в горящую печь. Вдруг видит, в

вязанке-то змея! Не успел он ее вытащить — хвост так и вспыхнул! Стал повар смотреть в печь, как сгорит змея, вдруг из пламени прыг на пол девушка, румяная, как роза, и сияет ярче солнца.

Повар просто онемел, а потом как закричит:

— Сюда! Сюда! Из печи девушка выскочила!

На крик прибежал королевич, а за ним и все придворные. Узнал принц свою Розину и крепко обнял ее.

Тут же отпраздновали свадьбу. Розина зажила счастливо, и ее уже никто не обижал.

Пастушок — малый росток

Итальянская сказка

Перевод З. Потаповой

Жил-был на свете пастушок. Уродился он малорослым, и оттого характер у него стал вредный. Вот шел он однажды на пастбище, и повстречалась ему птичница, несет она на голове корзинку с яйцами на продажу. Он взял да и швырнул камень в корзинку, все яйца и побились. Бедная женщина рассердилась и крикнула пастушку вослед:

— Не вырасти тебе больше ни на ноготок, пока не отыщешь прекрасную Баргальину с тремя поющими яблоками!

С той поры пастушок совсем перестал расти, и, как ни кормила его мать, он все тощал и сохнул.

— Что это с тобой поделалось? — приступила к нему мать с расспросами. — Уж не околдовал ли кто тебя?

Пришлось сыну рассказать, как заклала его птичница: «Не вырасти тебе больше ни на ноготок, пока не отыщешь прекрасную Баргальину с тремя поющими яблоками!»

— Что ж, — говорит мать, — делать нечего, придется тебе идти искать по белу свету эту самую Баргальину.

Отправился пастушок в путь-дорогу. Шел-шел и дошел до мосточка, смотрит, а на мосточке крошечная женщина — в качелях из ореховой скорлупы качается.

— Кто идет? — спрашивает она.

— Друг, тетушка. Я ищу прекрасную Баргальину с тремя поющими яблоками. Не слыхала ли ты о ней?

— Нет, не слыхала. На вот, возьми этот камень, он тебе пригодится.

Подошел пастушок ко второму мосточку, а там другая крошечная женщина — в ореховой скорлупе купается.

— Кто идет?

— Друг, тетушка. Я ищу прекрасную Баргальину с тремя поющими яблоками. Не знаешь ли чего о ней?

— Нет, не знаю. Возьми-ка этот гребень слоновой кости, он тебе пригодится.

Положил пастушок гребень в карман и двинулся дальше. Добрался он до горного потока. Сидел там на берегу человек и собирал в мешок вечерний туман. Пастушок и у него спросил про прекрасную Баргальину. Незнакомец тоже ничего о ней не знал, но подарил юноше пригоршню густого тумана.

Добрался пастушок до мельницы, а там мельником — говорящая лиса.

— Как же, — говорит лиса. — Слыхивала я о прекрасной Баргальине. Только добыть ее будет

трудновато. Иди все вперед, пока не встретится тебе домик с распахнутой дверью. Входи туда смело и увидишь хрустальную клетку с колокольчиками, а внутри лежат поющие яблоки. сторожит эту клетку старуха колдунья. Запомни: коли глаза у старухи закрыты, сна у колдуньи — ни в одном глазу, а коли открыты — спит она. Тут хватай клетку и беги прочь.

Добрался пастушок до домика, увидел и хрустальную клетку, и старуху рядом. Глаза у нее были закрыты — значит, не спала.

— Здравствуй, юноша прекрасный, — говорит старуха. — Сделай милость — расчеши-ка мне волосы.

Стал пастушок расчесывать колдунье волосы, и она мало-помалу открыла глаза — задремала, стало быть. Схватил пастушок клетку и давай бог ноги. Но колокольчики в клетке вздрогнули, зазвенели, старуха и проснулась. Встрепенулась колдунья — сотню всадников в погоню за пастушком посылает. Скачут они, несутся, вот-вот парнишку настигнут. Бросил пастушок за спину камень, что был у него в кармане. Обернулся камень огромной горой со скалами и пропастями. Кони там ноги себе и переломали. Остались всадники без лошадей, вернулись пешком к старухе.

Посылает она вдогон пастушку двести конников. Как увидел пастушок, что они по пятам скачут, бросил назад гребень слоновой кости. В тот же миг превратился гребень в гору, гладкую, словно костяную. Заскользили по ней копытами кони, и все побились. В третий раз послала колдунья погоню в триста всадников. Швырнул пастушок позади себя пригоршню тумана, растекся он вязкой тьмой, заплутали кони и с пути сбились.

Вышел пастушок на дорогу к дому, и захотелось ему пить. Вытащил он из клетки одно яблочко и принялся его разрезать. Вдруг слышится ему тоненький голосочек:

— Ой, режь тихонечко! Не то меня поранишь.

Пастушок осторожно разрезал яблоко пополам, одну половинку съел, а другую в карман спрятал.

Дошагал он до колодца близ родного дома, сунул руку в карман за половинкой яблока, глядь, а там сидит малюсенькая девушка.

— Я и есть прекрасная Баргальина, — говорит. — И очень проголодалась. Принеси-ка мне пшеничную лепешку.

Посадил пастушок Баргальину на приступочку возле колодца и пошел домой за лепешкой.

А тут к колодцу пришла служанка по прозвищу Сквернавка. Увидела она красавицу малютку на приступочке и говорит:

— Ух ты какая! Маленькая, да красивенькая! А я такая большая, да непригожая.

Схватила Сквернавка прекрасную Баргальину и бросила ее в колодец.

Вернулся пастушок, а прекрасной Баргальины нет как нет. Загоревал парнишка, да что тут поделаешь...

Мать пастушка тоже обычно брала воду из этого колодца. Вытащила она однажды ведро воды, а в нем рыбка. Принесла мать рыбку домой, зажарила. Съели они с сыном рыбку, а косточки в окошко выбросили. И там, где пали в землю рыбки косточки, выросло дерево, да такое могучее и ветвистое, что весь свет в окне заслонило. Срубил пастушок дерево, наколот дров и стал ими топить печь.

Прошло какое-то время, и умерла мать у пастушка. Жил он теперь одиноко, все такой же худой и невзрачный. Каждое утро уходил пасти скотину и возвращался домой лишь ввечеру. И к его приходу — на удивление — все миски-сковородки были почищены, чашки-тарелки перемыты, а чьих это рук дело — неизвестно. Вот однажды спрятался юноша за дверью — посмотреть, кто же эти чудеса творит. И видит:

вылезает из охапки дров крошечная девушка и давай ложки-плошки мыть, пол подметать, постель застилать, ларь открывать, пшеничные лепешки печь. Тут и выскочил пастушок из-за двери:

— Кто же ты такая? И как сюда попала?

— Я прекрасная Баргальина, — отвечает крошечная девушка. — Помнишь, ты нашел меня в кармане вместо яблока. Бросила меня Сквернавка в колодец, я в рыбку оборотилась, потом рыбьими косточками стала, потом семечком, потом деревом выросла и превратилась в дрова. А когда тебя дома нет, я снова оборачиваюсь прекрасной Баргальиной.

Как нашел пастушок свою Баргальину, сразу стал расти, с каждым днем все выше и пригожее становился. И малютка Баргальина росла вместе с ним. Превратился пастушок в статного молодца и женился на Баргальине. И был веселый свадебный пир.

А я спрятался под стол
И там косточку нашел.
Меня по носу пинали —
В глазах искры засверкали.

Испанские сказки

Сорока, лиса и цапля

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

Жила-была в гнезде на дубу сорока со своими сорочатами. Как-то раз поутру пришла к дубу лиса и говорит, что с голоду умирает, пусть, мол, сорока отдаст ей одного птенца.

— Нет, не отдам, — отвечает сорока. — Хочешь есть, сама возьми.

— Не отдашь одного, я дуб хвостом подрублю, гнездо свалится, всех съем, — сказала лиса и ну колотить хвостом по дубовому стволу.

Испугалась сорока и, чтоб спасти остальных сорочат, бросила лисе одного, та его и съела.

На другое утро опять пришла лиса к дубу и говорит:

— Сорока-сорока, я есть хочу. Дай мне одного птенца.

— Нет, не дам. Хочешь есть, сама возьми.

— Не дашь, на себя пеняй. Подрублю дуб хвостом, гнездо свалится, всех съем.

И ну колотить хвостом по стволу. Испугалась сорока, бросила ей другого птенца.

И пошло: что ни утро является лиса за новым сорочонком, так что в конце концов остался у матери один, последний. Случилось тут мимо дуба цапле проходить, двоюродной сестре сороки. Услышала она плач и спрашивает:

— Что с тобой, сестрица?

Та ей все рассказала, цапля и говорит:

— Эх, голова твоя пустая! Да как же лисе хвостом дуб подрубить? Для этого топор нужен, да пре-острый. Придет лиса, ты ей скажи:

К нам, лисица, не ходи,
ствол хвостом не колоти.
Знает всякий, кто не глуп:
топорами рубят дуб.

Или так скажи:

Чтоб добраться до гнезда,
мало длинного хвоста,
раздобудь-ка ты топор,
да чтоб был топор остер.

На том и порешили. Пришла наутро лиса, говорит:

— Не дашь, на себя пеняй: подрублю дуб хвостом, гнездо свалится, всех съем.

А сорока ей:

К нам, лисица, не ходи,
ствол хвостом не колоти.
Знает всякий, кто не глуп:
топорами рубят дуб.
Чтоб добраться до гнезда,
мало длинного хвоста,
раздобудь-ка ты топор,
да чтоб был топор остер.

Опешила лиса, спрашивает:

— Кто тебя научил?

А простушка сорока возьми да скажи:

— Сестра моя двоюродная, цапля.

— Ну, я ей покажу, — говорит лиса.

И пошла цаплю искать. Искала-искала, видит:

та головку под крыло сунула, спать собирается. Подкралась к ней лиса, лапой накрыла и говорит:

— Добрый день, госпожа цапля!

Обмерла цапля, но отвечает:

— День добрый, госпожа лиса! Что привело тебя в наши края?

— Да так, пустяки. Ищу, где бы отдохнуть после обеда. Что, если нам с тобой рядышком подремать? А потом поболтаем.

— Что ж, можно и так, госпожа лиса.

А лиса цаплю из-под лапы не выпускает. Та прикрыла один глаз. Лиса увидела и спрашивает:

— Как это ты спишь одним глазом?

Цапля отвечает:

Если спишь с таким соседом,
что охоч до плутовства,
глаз один закрой, приятель,
а другим гляди за два.

Лиса ей и говорит:

— Ну, чтоб тебе не мучиться, я тебя сейчас же и съем, а то твоя двоюродная сестра меня без завтрака оставила.

— Я догадалась, — отвечает цапля, — и только об одном прошу.

— О чем?

— Когда проглотишь меня, ступай к дубу и покажи сороке, до чего она языком своим меня довела.

Крикни ей, да погромче: «Цапля мне в обед досталась».

— Договорились, — сказала лиса и мигом цаплю проглотила.

Потом подошла к дубу и кричит:

— Цапля мне в обед досталась!

А цапля ей:

— Громче кричи, а то она не услышит.

Лисица снова:

— Цапля мне в обед досталась!

— Громче, лисичка, громче, сестрица моя глуховата.

Тут лиса как рявкнет изо всех сил:

— Цапля мне в обед досталась!

Да так пасть разинула, что цапля оттуда выпорхнула и говорит:

— С носом ты, лиса, осталась!

Как волк луну за головку сыра принял

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

Как-то раз проголодался волк, сил нет. Встретил лису и говорит:

- До того я, кума, проголодался, придется мне тебя съесть.
- И напрасно, кум. Разве не видишь, что от меня осталось: кожа да кости.
- А как же ты в прошлом году об эту пору такая аппетитная была?
- Так то в прошлом году. А в этом четырех лисят кормлю, сам видишь: кожа да кости.
- Так — не так, а я тебя съем, до того голоден.
- погоди, кум, не торопись. Зачем оставлять четырех сосунков без матери, когда рядом такая еда?
- Где еда? — спрашивает волк.
- Да вон, неподалеку, в колодце на лугу.
- Какая там еда, вода одна, да и к той никто подойти не решается: уж больно хозяин горяч!
- А вот и нет. Хозяин потому и не подпускает никого, что в колодце сыр хранит.
- Что ты говоришь?
- То, что слышишь. А не веришь, пойдем сегодня ночью посмотрим, сам убедишься.
- Ладно. Но если ты меня за нос водишь...
- Тогда съешь меня, кум, и делу конец.

Отправились они ночью к колодцу на луг.

А луна стояла такая круглая да красивая, глаз не отвести! Отражается она в воде, и кажется: головка сыру [\[71\]](#). Говорит лиса:

- Наклонись-ка посмотри, кум.

Наклонился волк, отвечает:

- Только одну головку и вижу.

А лиса ему:

- Так они горкой сложены, а эта — верхняя.
- Ладно, а как нам их достать? — спрашивает волк.

А лиса в ответ:

- Чего проще! Спустись да возьми.

— Ну нет! Чтобы я в воду лез!

— Зачем же лезть? Садись в бадью [\[72\]](#), а я стану веревку отпускать понемногу. Спустишься вниз, повиснешь над водой, набирай сыра, сколько захочешь. Окликнешь меня, я веревку потяну, тебя и вытащу.

— Ну нет! И слышать не хочу! Сама в бадью садись! — говорит волк.

— Какая разница, кум? Давай я сяду.

Села лиса в бадью, а волк стал понемногу веревку отпускать. Лиса снизу кричит:

— Уф, кум, до чего сыр тяжелый! Не справиться мне с ним, иди помогай!

— А как? — спрашивает волк.

— Чего проще! — отзывается лиса. — Садись в другую бадью и спускайся, а я тебя уравнивать буду.

Волк так и сделал. Только был он потяжелей лисы, и как ухнул вниз, так ее наверх вынесло. А волк свалился в воду, барахтается и кричит:

— Кума лиса, тону! Кума лиса, тону!

А лиса ему:

— Смотри воду не мути, а то хозяин, ты помнишь, больно горяч!

Как волк с лисой в курятник залезли

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

овадилась лиса в курятник через дыру в стене лазить, да такую узкую, что едва протискивалась. Поэтому остерегалась она больше двух кур за раз съесть, а то живот набьет и в дыру не пролезет. Съест, бывало, одну курицу и пробует: пройдет ли в дыру. Если проходит, другую ест. Потом еще раз попробует, видит: в самый раз, больше нельзя, пора домой возвращаться.

Заметил хозяин курятника пропажу и говорит:

— Эта злодейка лиса всякий день двух кур таскает. Ну, попадись она мне!

А лиса как раз волка встретила, он ей и говорит:

— Откуда, кума лиса, в такую рань?

Лиса ему:

— Откуда, кум волк? Да вот ходила курятины отведать, тут неподалеку. Хочешь наесться до отвала, пойдём со мной сегодня ночью.

— Я бы не прочь. Только ведь ты проведешь меня, как всегда, а?

— Что ты, кум! Даю слово, сегодня ночью ты наешься курятины так, что с места не сдвинешься.

На том и сговорились.

Как стемнело, пришел волк к лисьей норе и кричит:

— Эй, кума, выходи, пора! Эй, кума, выходи, пора!

Вышла лиса, двинулись они к курятнику.

По дороге лиса говорит волку:

— Нам бы с тобой, кум, хозяину не попасться. Сделаем так: ты наедайся вволю, а я за дырой посижу.

Подкрались к курятнику, лиса первой влезла, волк — за ней. Лиса хватъ курицу, волк — другую, мигом и съели. Потом лиса в дыру выбралась и тотчас назад, видит: ничего, не узко еще. Волк спрашивает:

— Что это ты, кума, делаешь?

А она ему:

— Смотрю, не идет ли хозяин. Пока все тихо, ешь себе.

По второй курице умяли. Лиса снова в дыру, только-только протиснулась. Волк ей опять:

— Что это ты, кума, делаешь?

А она в ответ:

— Смотрю, не идет ли кто. Пока все тихо.

И назад забралась.

Тут волк как принялся за кур, набил брюхо до отвала, а того не замечает, что лиса ни кусочка не проглотила. Долго ли, коротко, а хозяин услышал, как куры кудахчут, живо смекнул, в чем дело, запасся хорошей палкой — и в курятник. Лиса увидела его, шась в дыру и наутек. Волк было за ней, а пролезть не может, хозяин его палкой и забил насмерть.

Жаба-торопыга

Испанская сказка

Перевод С. Небольсина

Жила-была жаба неповоротливая. Задумала она взобраться по высокой лестнице в дом. Семь лет запрыгивала. Прыгнет на ступенечку, посидит. Прыгнет на вторую, соснет. А с последней ступеньки сорвалась и жалуется:

— Ах, незадача! Да ведь я же тороплюсь!

Так и у людей бывает. Иной человек дело делать никак не соберется, все прохлаждается, а потом на спешку жалуется. Тогда и говорят: «Ты как жаба-торопыга. Семь лет не спешил и вдруг заторопился».

Золотая звездочка

Испанская сказка

Перевод С. Небольсина

Была у короля и королевы одна-единственная дочь, но вот королева умерла, и король снова женился. Все бы хорошо, да у новой королевы тоже дочь родилась. Невзлюбила тогда королева падчерицу. Все что-нибудь ей недоброе сделает. И чем больше родная дочь подрастает, тем неродной хуже. Держат ее как на побегушках — то стирать пошлют, то велют за водой на ручей сходить, то еще чего придумают. Сделай, подай да принеси; сделай, подай да принеси. А королевина родная дочь все дома без дела сидит, палец о палец не ударит.

Вот однажды посылает мачеха падчерицу стирать. Дает ей белье, а белье грязное-прегрязное, дает ей кусочек мыла, малюсенький-премалюсенький, и горшок супу. И приказывает:

— Смотри белье отстирай дочиста, чтобы сверкало. И обратно принеси два больших куска мыла и горшок, полный супу.

Пошла девушка грустная да печальная и встречается по дороге бабушку-старушку. Спрашивает ее бабушка:

— Ты что так печалишься?

Отвечает ей девушка:

— Послала меня мачеха на реку белье стирать, грязное-прегрязное. Дала мне малюсенький кусочек мыла — стирать и горшок супу — пообедать. А сама наказывает: чтоб белье было чистое-пречистое да чтоб я назад принесла два больших куска мыла и полный горшок супу.

— Возьми мою корзинку, — молвила старушка, — клади туда белье с мылом, похлебай супу и посмотри потом на небо.

Так девушка и сделала. Посмотрела на небо, а с неба упала ей на лоб золотая звездочка. И видит девушка: белье-то в корзине чистое-пречистое, так и сверкает, а рядом два куска мыла лежат. Поела она супу вдосталь, смотрит, а горшок снова полный. Что ж, взяла девушка свои вещи и пошла домой.

Увидела мачеха у нее золотую звездочку на лбу и спрашивает, как было дело. Рассказала ей девушка про бабушку-старушку, как дала ей бабушка корзинку и велела есть суп да на небо смотреть.

Тут мачеха — а была она завистлива — зовет свою дочь и велит ей:

— Теперь ты пойдешь на реку белье стирать. Глядишь, тоже вернешься с золотой звездочкой на лбу.

Пошла ее дочь стирать. Встретила бабушку-старушку и давай жаловаться на мать, будто та ее работой замучила. Поняла старушка тут их зависть да хитрость, и получили они свое наказание. Посоветовала ей старушка сложить белье и мыло в корзину да на небо посмотреть. Та взглянула на небо, а ей прямо на лоб ослиный хвост упал. А белье в корзине черным-черно стало от грязи. И горшок с супом опустел — она и

поесть не успела. А мыло и вовсе исчезло. Так и пошла королева дочь домой с ослиным хвостом на лбу.

Пришла домой. Разозлилась мачеха, разъярилась. Уж совсем стала падчерицу мучать: на кухню ее отправила — печь прочищать да золу выгребать. А люди прозвали девушек Ослиным хвостом и Золотой звездочкой.

Пришло воскресенье, мачеха с родной дочерью, Ослиным хвостом, поехали на выезд в карете. Разрядила мачеха родную дочь получше, чтобы красавицей казалась. А народ смеется:

— Что за посмешище такое! Золотая звездочка золу разгребает, а Ослиный хвост на карете разъезжает!

Вот однажды собирается король, их отец, далеко куда-то ехать. Спрашивает дочерей, что им в гостинец привезти. Девушка Ослиный хвост говорит отцу, что хочется ей платье, да чтоб было красивое-прекрасное, а еще шляпу из перьев и туфли понаряднее. А Золотая звездочка попросила веточку с первого дерева, что отцу в дороге попадет.

Отправился король в путь и первое, что увидел, как раз дерево и было. Сошел с коня, срезал веточку с дерева для своей дочки. А потом заехал в город, купил там платье, шляпу и туфли для другой дочки. Вернулся домой и дает дочерям прошеное-обещанное.

А через несколько дней соседний король устроил бал, объявил, что ищет себе невесту.

Собирается мачеха на бал, берет с собой дочь Ослиный хвост. Одевает ее, разрядила во все красивое да пышное. А Золотую звездочку оставили на кухне, дают ей чечевицу^[73], чечевица вся в золе: чтоб всю к утру от золы очистила. В богатую карету сели и уехали на бал.

Взяла Золотая звездочка свою веточку и говорит:

— Птички, пташечки! Летите мне помогать!

А ту ведь веточку волшебную ей бабушка-старушка послала. И слетелось видимо-невидимо птиц. Чуть не за одно мгновение всю золу с чечевичных зерен очистили. А Золотая звездочка просит свою веточку, чтобы дала она ей богатый наряд в Золоте, серебре да кружевах — на бал поехать. Нарядилась, через трубу наружу выбралась и поехала на бал — и сама красавица, и карета у нее богатая.

Приезжает на бал. Увидел ее король, только с ней и танцует. Видно, сразу в нее влюбился. И признался ей король, что хочет на ней жениться. Тут Золотая звездочка сказала ему, что сразу ответа не даст, пусть он подождет. А мачеха со своей дочерью от зависти чуть не лопнули, что объявилась на балу такая красавица.

Поздно ночью Золотая звездочка собралась домой возвращаться. Села в свою карету, а король тоже к ней садится, хочет проводить. Так и проводил ее до дому. А по дороге Золотая звездочка ему сказала, что согласна выйти за него замуж. Так они и стали женихом и невестой, и Золотая звездочка обещала опять на бал приехать. А дома оделась в свои лохмотья и пышный наряд волшебной веточке отдала.

Тут как раз возвращаются с бала и Ослиный хвост с матерью.

— Ах, что за девушка-красавица на балу была, танцевала! Кто же это такая? Откуда взялась? Все танцует и танцует с королем, весь бал с ним протанцевала. Откуда такая взялась-прибыла?

А Золотая звездочка приговаривает:

— Если б я на бал пошла, я не хуже бы была! Если б я на бал пошла, я не хуже бы была!

Услыхала мачеха:

— Молчи, хрюшка! Какая нашлась красавица!

Пришло время новый бал королю устраивать.

Одела снова мать-королева свою дочку попышней да понарядней, а Золотой звездочке опять велела золу с чечевицы счищать. Взяла Золотая звездочка свою волшебную веточку и говорит:

— Птички, пташечки! Летите мне помогать!

Прилетели птички, всю чечевицу очистили. Золотая звездочка просит свою веточку, чтоб дала она ей богатый наряд в золоте, серебре да живых цветах — на бал поехать. Нарядилась, через трубу наружу выбралась и поехала на бал — и сама красавица, и карета у нее богатая.

А король уж ее ждал, они ведь теперь жених и невеста. Приезжает Золотая звездочка, король ее сразу повел танцевать. И опять всё танцуют да танцуют друг с другом, никак не натавнуются.

Поздно ночью собирается Золотая звездочка домой и обещает королю снова на бал прийти. И опять король ее домой проводил. Возвратилась Золотая звездочка домой, старое платье надела, а богатое обратно волшебной веточке отдала.

Приезжают домой мачеха с дочерью, а Золотая звездочка на кухне сидит.

— Ах, что за девушка-красавица на балу была, танцевала! Откуда такая взялась-прибыла?

А Золотая звездочка приговаривает:

— Если б я на бал пошла, я не хуже бы была! Если б я на бал пошла, я не хуже бы была!

Мачеха злится, завидует:

— Молчи ты, хрюшка! Тебе ли хвастаться!

Пришло время и третий бал давать королю. Снова собирается туда королева-мачеха. Принарядила дочь Ослиный хвост еще пышней, чем раньше, дала Золотой звездочке чечевицу от золы очищать и помчалась с дочерью на бал в богатой карете.

Уехали они, а Золотая звездочка снова зовет птичек-пташечек.

— Птички, пташечки! Летите мне помогать!

Птички сразу слетелись, чечевицу поочистили.

А девушка просит у волшебной веточки самое красивое платье, нарядное, как никогда. И чтоб было оно увешано колокольчиками из золота да серебра, и чтоб башмачки были у нее золотые. Одедась в чудесное платье и на бал в карете отправилась. А в карету шесть белых коней впряжены.

Король ждет ее, дожидается. Прибыла его невеста, только с ней он и танцует, от себя на шаг не отпускает. А колокольчики чудо как позванивают. Повел король невесту угощать разными угощениями. А королева да Ослиный хвост смотрят да завидуют. Забылась Золотая звездочка, долго во дворце задержалась, а как вспомнила, что пора возвращаться, скорей к карете побежала. Да по дороге обронила башмачок. Король подобрал башмачок, а Золотая звездочка одна домой уехала. Возвратилась домой, весь наряд волшебной веточке отдала, в старые лохмотья оделась.

Тут и мачеха возвращается с дочкой-королевной.

— Ах, что за девушка-красавица на балу была, танцевала! Откуда такая взялась-прибыла? — А сами завидуют да злятся. — А как с бала уезжала, башмачок потеряла с ноги, король его подобрал. И объявил король, что, чей это башмачок, на той и женится. И кто она такая-то? Откуда взялась-приехала? Знать никто не знает.

А Золотая звездочка приговаривает:

— Башмачок-то это мой, да спешила я домой! Башмачок-то это мой, да спешила я домой!

— Замолчи ты, хрюшка грязная! Тебе ли красотой хвалиться! — злится мачеха.

Король тем временем всю округу объехал, ищет свою невесту, башмачок всем красавицам на ногу примеряет. Дороги-то не помнит, по которой ее провожал. В какой дом ни зайдет, нет его красавицы и башмачок никому впору не приходится.

Вот подъезжает король к дому той королевы-мачехи. Видит королева Ослиный хвост, что король приехал, бежит башмачок примерять. Нет, не налезает. Король и спрашивает, а что, нет ли здесь еще девушек. Королева-мачеха отвечает:

— Только одна и осталась, да она же на кухне золу из печи вычищает, такая страшная да грязная!

Король просит:

— Пускай ее позовут!

Золотая звездочка нарядилась в платье с золотыми да серебряными колокольчиками и выходит к ним. Смотрят, на ноге у нее золотой башмачок, а другая нога босая. Увидел-узнал король свою красавицу; примеряет ей башмачок — совсем впору пришелся. Повез ее к себе во дворец и свадьбу сыграл.

А мачеху с ее родной дочкой король простил.

И жили они, поживали в счастье, жевали сласти, да и мне давали отчасти.

Хуан козий пастух

Испанская сказка

Перевод С. Небольсина

Жил-был паренек Хуан, пас отцовских коз. Каждый день выгонял он коз на один и тот же луг. Вот отец как-то ему и говорит:

— Послушай, что ты гоняешь наших коз каждый день на тот же самый луг? Весь луг уж облысел, травы совсем не осталось. Гони их теперь вон туда, на новое место.

Хуан так и сделал. Погнал на следующий день коз на другой луг. А там поблизости был монастырский огород^[74]. Забрались козы в огород, а Хуан как раз под деревом и задремал. Проснулся Хуан — нету коз, как сквозь землю провалились. «Не к монахам ли, — думает, — забрались мои козы?» Пошел спросить у монахов, не видали ли они тех коз. А монахи-то всех коз переловили и заперли у себя. Им так настоятель приказал. Жаден был настоятель до чужого добра.

— Нет, — отвечают монахи Хуану, — не видели мы коз. — Хотели монахи тех коз украсть.

Вернулся Хуан домой один, а отец спрашивает:

— Ну, а козы-то где?

— Паслись козы у монастырских огородов, а я вздремнул под деревом. Проснулся, а коз нет. Наверное, они у монахов, так я думаю.

— Что же теперь делать? — встревожился отец.

— Не беспокойся, отец, не хлопочи. Я уж знаю, как делу пособить.

Оделся Хуан бедным монахом, чуть не нищим, и пошел в монастырь. Приходит туда, навстречу ему монах. Спрашивает гостя, что ему надобно.

— А ничего не надобно, — отвечает Хуан, — только переночевать; иду я далеко, к одному отшельнику, да ночь в дороге застала. Только о ночлеге и прошу.

Пошел тот монах к своей братии и говорит, что вот, бедный монашек просит приютить его на ночь.

Пустили Хуана в монастырь.

Входит он, дали ему поесть. Ни кровати, ни полатей для него, правда, не нашлось.

— Ни кровати, ни полатей мне и не надо, — говорит Хуан. — В любом уголке пристроюсь, на полу пересплю. Все равно завтра рано утром вставать.

Монахи смотрят, какой он грязный да оборванный, к себе спать не приглашают, говорят, пусть у настоятеля в келье^[75] ложится.

В полночь, когда все уж заснули, встает Хуан, хватает посох, с которым пришел, и ну колотить настоятеля. Все бока отбил, чуть не убил. Отколотил и говорит:

— Я Хуан козий пастух! За первой платой пришел!

Бедный настоятель молит его: пожалей да уходи. Взял у него Хуан три тысячи реалов и пошел домой. Приходит к отцу, рассказывает, как что было, и говорит, что и за второй платой в монастырь собирается. Отец его похвалил:

— Хорошо, сынок, хорошо. Молодец. Вот сейчас ты все как надо сделал.

На другой день оделся Хуан лекарем и пошел снова к монахам. Увидели монахи лекаря и говорят:

— Настоятель наш занемог, надавал ему кто-то колотушек, надо бы заглянуть к нему да вылечить.

Входит Хуан к настоятелю, осматривает его.

— Дайте, — говорит, — мне бумаги, я выпишу ему рецепт.

Написал что-то и дает монаху:

— Иди в город, купи лекарство да неси настоятелю.

Ушел монах, а Хуан кричит:

— Ай-яй-яй! Проклятье! Главное-то я позабыл!

Берет опять бумагу, написал на ней что-то, дал другому монаху и тоже в город посылает с поручением.

Не прошло и нескольких минут, Хуан опять хлоп себя по лбу:

— Ах ты, господи! Что со мной такое! Еще одну вещь нужно, а я забыл!

Опять написал бумажку и еще монаха послал в город. Так и писал, писал бумажонки да монахов все посылал в город. Ни одного монаха не осталось, все в город побежали. Только лекарь да настоятель в монастыре. Тут снова хватает Хуан свой посох и пошел колотить настоятеля, как в первый раз.

— Пожалей меня, помилуй, — молит настоятель.

А Хуан отколотил его и говорит:

— Я Хуан козий пастух! За второй платой пришел!

Берет у настоятеля опять три тысячи реалов, возвращается к отцу и рассказывает, как все было. Отец его хвалит:

— Хорошо, сынок, хорошо. Молодец. Вот сейчас ты не оплошал, все как надо сделал.

— Да это еще не все, — говорит Хуан. — Вот увидишь, я с них за наших козочек еще и не то получу.

На другой день встречает Хуан бродягу. Спрашивает у него:

— Эй ты, скажи-ка, ты на ноги резв? Можешь убежать далеко-далеко и чтоб тебя никто не догнал?

— А как же, могу. Сколько раз от людей убегал, ни разу не поймали.

— Ну, тогда пойдем со мной. Я тебе за работу заплачу.

Привел бродягу в монастырь и говорит ему:

— Вот, смотри. Ты за этой дверью спрячешься, а я пойду к другой, с той стороны монастыря. Дождись, когда я туда подойду. А как подойду, сразу кричи: «Я Хуан козий пастух! За третьей платой пришел! Я Хуан козий пастух! За третьей платой пришел!»

Так и сделали. Подошел Хуан к дальней двери, бродяга как закричит:

— Я Хуан козий пастух! За третьей платой пришел! Я Хуан козий пастух! За третьей платой пришел!

Услышали монахи.

— А, опять этот мошенник здесь! Ну, на этот раз ему отсюда не уйти.

Схватили палки и за ним. Бродяга от них, да так быстро, что только пыль от его пяток они и догнали. Из монастыря выбежали, несутся вдогонку, хотят хорошенько поколотить. Далеко отбежали.

А Хуан тем временем бегом к настоятелю, тот один-одинешенек остался. Намял ему опять Хуан бока. Настоятель молит: «Отпусти меня!», а Хуан все колотит его да приговаривает:

— Я Хуан козий пастух! За третьей платой пришел! Я Хуан козий пастух! За третьей платой пришел!

Получил он с настоятеля еще три тысячи реалов и на рынок пошел — новых коз покупать, вместо тех, что монахи украли.

Кто там?

Испанская сказка

Перевод С. Небольсина

Жила-была на свете одна старушка. Домишко у нее стоял недалеко от леса. Она собирала хворост да носила его в деревню. Тем и зарабатывала на пропитание. Жила она одинешенька, злых людей побаивалась и на ночь покрепче запирала двери да окна.

Случился однажды ночью сильный дождь. От грома домишко дрожал и трясся. А старушка сидит у огня, греется.

Вдруг кто-то стук-стук в дверь, да так сильно. Испугалась старушка, вскочила.

— Кто там?

А снаружи говорят:

— Откройте, пожалуйста. Я в лесу заплутался да промок, пустите переночевать-согреться.

— Да кто ты будешь-то?

— Хосе.

А бабушка была глуховата. Она опять спрашивает:

— Кто-кто, говоришь?

Путник думал, она его полное имя спрашивает. Он и прокричал ей громко да с расстановкой:

— Хосе-Антонио-Андрес-Хесус-Фернандес![\[76\]](#)

Как старушка услышала это, еще пуще испугалась и говорит:

— Нет, любезный, ступайте откуда пришли; в моей лачуге вам всем и не уместиться.

Она-то думала, их пятеро.

Как крестьянин двух сеньоров надул

Испанская сказка

Перевод С. Небольсина

Жил на свете один крестьянин. Он столько слышал разных диковин про короля, что думал, будто король человек не как все другие, особенный. Очень хотелось крестьянину повидать короля, хоть раз в жизни, да своими глазами взглянуть.

А столица далеко. Решил все-таки крестьянин поехать в город — короля поглядеть.

— Ты что, совсем спятил? — рассердилась жена. — На какую-то прихоть деньги тратить! Их у нас и так небогато. Нечего тебе в столице делать!

— А я заодно зайду там к брадобрею, зуб себе вырву. Знаешь ведь, зуб у меня часто побаливает, мочи нет терпеть.

Не дает покою жене крестьянин, в столицу да в столицу, в Мадрид да в Мадрид. Ну, жена и отпустила его.

Идет крестьянин, радуется. А столица далеко, все деньги за дорогу чуть не потратил.

Пришел крестьянин в Мадрид и в тот же день повидал короля, как тот из храма выходил.

— Вот я глуп так глуп, — хлопнул себя по лбу крестьянин. — Король-то такой, как все, как я да остальные. И на что я только деньги потратил! Надо было жену послушать, по ее совету делать.

Сосчитал деньги, а у него всего полреала осталось.

Тут захотелось крестьянину есть, а на пущую беду и зуб разболелся вовсю. Остановился крестьянин около торговца пирогами, глядит на лоток и думает: «Если я зуб вырву, мои полреала брадобрею пойдут — тогда мне с голоду помирать; а если пирогов поест, зуб еще сильнее разболится, не доберусь я с ним до дому. Чем горю пособить?»

Пока он стоял-сомневался, идут мимо два сеньора. Увидели крестьянина, как он на пироги уставился, и спрашивают:

— Эй! Сколько пирогов съешь за один присест?

А сами смеются.

— Я-то? Хоть сотню, — говорит крестьянин.

— Сотню? Да сотню никто не съест.

— Никто не съест, а я съем.

Поднялся тут спор: съест или не съест? Раззадорились сеньоры, а вокруг народ собрался. Наконец сеньоры говорят:

— На что спорим?

— На что спорим-то? А вот на что: не съем в один присест сто пирогов, рвите мне зуб.

Посмеялись сеньоры да и согласились.

Наелся крестьянин пирогов до отвала и говорит:

— И вправду, сеньоры, больше не могу, ваша, видать, взяла.

Сеньоры обрадовались, зовут брадобрея. А народ смеется! Пришел брадобрей, сеньоры ему и говорят:

— Вырвать этому мужику зуб!

Крестьянин этак сморщился, будто жалко зуба, а те еще больше смеются. Тянет брадобрей больной зуб, крестьянин кричит да стонет, а смех пуще.

Вот выдернул брадобрей зуб, сеньоры заплатили за пироги, заплатили за зуб и говорят людям:

— Видали такого глупца? За несколько пирогов зуба лишился.

— А все же не глупее я вас, — отвечает крестьянин. — Вы мне за пироги заплатили, что я съел, и зуб больной вырвали, брадобрею заплатили. И от голода избавили, и от боли. А мои полреала целехоньки сбереглись.

Тут народ рассмеялся над сеньорами. Повесили они головы и пошли себе поскорей.

Вот и сказке конец.

Горошинка

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

или на свете муж и жена, и не было у них детей. Просили они бога, чтоб сына им послал, хоть самого маленького. Просили-просили, и родился у них сын, маленький, как зернышко гороха. Так и назвали его Горошинкой.

Только он на свет появился, как говорит матери:

— Матушка, я хлеба хочу.

Дала ему мать каравай. А он съел и еще просит. Мать еще дала, потом еще и еще. Съел Горошинка один за другим девяносто караваев и говорит матери:

— Приведи ты мне, матушка, нашу ослицу да собери отцу поесть, я ему в поле свезу.

— Куда тебе ехать, мал ты еще!

— А ты приведи, увидишь.

Что тут станешь делать, привела мать ослицу, лукошко с едой приторочила. Подпрыгнул Горошинка, уцепился за лукошко, перебрался по холке и влез ослице в ухо. Кричит оттуда:

— Эй, пошла! Эй, пошла!

Так и погоняет ослицу, а та слушается. Посреди дороги встретились им цыгане. Видят цыгане, что ослица одна идет, и говорят:

— Вон ослица без хозяина, возьмем-ка ее себе.

А Горошинка кричит:

— Не троньте ее, есть у нее хозяин! Не троньте ее, есть у нее хозяин!

Услыхали это цыгане, решили, что ослица заколдованная, и разбежались от страха.

А Горошинка приехал к отцу и кричит ослице:

— Тпру!

Встала ослица, а отец не знает, что и сказать от удивления. Слышит:

— Помоги мне, батюшка, из уха выбраться, я тебе поесть привез.

Удивился отец, помог. А Горошинка очутился на земле и говорит:

— Ты, батюшка, поешь, а я поле вспашу.

— Ну, нет, мал ты еще работать.

— А вот и не мал, ты погляди, как я управлюсь.

Вспрыгнул волам на ярмо и кричит:

— Эй, пошел, Пегий! Эй, пошел, Пестрый!

Тронулись волаы. Не успел отец поглядеть, а уж поле вспахано. Отвел Горошинка волов под навес, а сам прилег отдохнуть к Пестрому в кормушку. Вол и не заметил, как проглотил Горошинку. Смотрит отец, а сына нет. Стал он звать:

— Горошинка, ты где?

А Горошинка в ответ:

— Я у Пестрого в брюхе, батюшка! Убей его, а я тебе двадцатерых таких верну.

Что тут поделаться, убил отец Пестрого, вспорол ему брюхо, но сколько ни искал Горошинку в воловях кишках, так и не нашел. А ночью подкрался волк, съел кишки, а с ними и Горошинку.

Стал волк в гору подыматься, а Горошинка кричит:

— Пастухи, пастухи, держите волка! Пастухи, пастухи, держите волка!

Выбежали из шалашей пастухи, бросились на волка и убили его. Вспарывают ему брюхо, а Горошинка оттуда:

— Осторожней, меня не заденьте! Осторожней, меня не заденьте!

Обыскали пастухи волчье брюхо, а Горошинку так и не нашли.

Тогда сделали они из волчьих кишок барабан, и оказался Горошинка в барабане.

А на пастухов разбойники напали. Разбежались пастухи, барабан бросили.

Разбойники уселись под деревом, стали добычу делить: много они всего награбили. Главварь их говорит:

— Этот кувшин тебе, этот ему, а этот мне.

Горошинка как закричит из барабана:

— А мне?

— Что такое? Кто это голос подает? Кто тут не согласен?

Переглянулись разбойники. Главварь за свое:

— Эта чаша тебе, эта ему, а эта мне.

А Горошинка снова:

— А мне ничего?

— Что такое? — разозлился главварь. — Кто это опять голос подает?

Молчат разбойники. Тут Горошинка как ударит в барабан. Видят разбойники, барабан сам по себе играет, кинулись врассыпную, все награбленное побросали.

А Горошинка продырявил барабан ноготком и вылез наружу. Собрал он разбойничью добычу и домой отправился. Обрадовались отец и мать: сын живой да еще столько добра принес. Говорит Горошинка отцу:

— Обещал же я тебе, батюшка, что за одного Пестрого двадцатерых верну.

Так и жили они в радости и довольстве, пока не пришли в деревню разбойники. Захотел один из них пить и постучал в дом Горошинки, чтобы ему воды вынесли. Мать вышла и подала разбойнику воды в том,

что под руку подвернулось. А это была чаша из тех, что разбойники награбили. Разбойник хватъ ее и спрашивает:

— Откуда у тебя эта чаша? Ведь она моя.

Мать испугалась и поскорей в доме заперлась.

А разбойник говорит своим сотоварищам:

— Узнал я, где наши сокровища. Этой ночью мы их добудем.

Но Горошинка тоже времени даром не терял, когда мать ему все рассказала:

— Не гаси огонь, матушка, мало ли что понадобится.

А сам устроился возле очага, приготовил охапку хвороста да котел со смолой на огонь поставил. В полночь слышит: забрались разбойники на крышу, перешептываются. А главарь сунул голову в дымоход и говорит:

— Вот здесь и заберемся. Обвяжите меня веревкой, я спущусь.

Горошинка мигом вздул огонь, хвороста подбросил, разжег его как следует, закипела смола. Главарь как закричит:

— Подымайте, горю! Подымайте, горю!

Не успели разбойники его подхватить, плюхнулся он прямо в котел и сварился заживо. А остальные разбежались и уж никогда больше в тех местах не показывались.

Птенец-бубенец, тут и сказке конец, щегол-щеголек, малым детям — урок.

Поющая сума

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

Жила-была девочка, и до того славненькая, что подарила ей мать в день именин золотое колечко. Колечко великовато было, но девочка ему так обрадовалась, что всюду с собой носила. Как-то раз послала ее мать к роднику кувшинчик воды принести. Пошла девочка, а у родника сняла колечко, чтоб не уронить в воду, и на камень положила. Помыла кувшинчик, зачерпнула воды и назад отправилась, а про забытое колечко только и вспомнила, как домой пришла.

Бросилась обратно, а колечка на камне нет. И там, и здесь искала — нет колечка. Видит, у родника старик сидит, нищий. спрашивает он у нее:

— Что, красавица, ищешь?

Заплакала девочка и отвечает:

— Оставила я здесь на камне золотое колечко, а найти не могу. Если не отыщу, попадет мне от матери.

— Не беспокойся, дочка, — отвечает старик. — Поди сюда, сунь руку в суму и бери свое колечко, я его туда положил.

Только девочка за суму, как старик затолкал ее туда, затянул суму тесемкой и на плечо вскинул.

И плакала девочка, и просила, а старик в ответ:

— Выпущу тебя, если будешь петь, когда я скажу:

Пой, сума, как я хочу,
а не то поколочу.

И стал он ходить по деревням, пропитанья себе искать. Куда ни придет, положит суму посреди улицы и говорит:

Пой, сума, как я хочу,
а не то поколочу.

И девочка запеваает:

Сума мне могилой стала,
и сушит меня тоска:
зачем я свое колечко
забыла у родника?

Люди думали, что сума заколдованная, и бросали старику деньги. А тот соберет их, вскинет суму на плечо и в другую деревню отправляется. Так все и шло, и много он денег скопил. «Теперь, — думает, —

заживу на славу». Завернул на постоялый двор, спросил ужин. Наелся-напился, надо платить. Положил он котомку на пол и говорит:

Пой, сума, как я хочу,
а не то поколочу.

Девочка запела:

Сума мне могилой стала,
и сушит меня тоска:
зачем я свое колечко
забыла у родника?

Пела она и плакала, и хозяйка заподозрила неладное. Тут старик пошел прогуляться немного, а суму решил в харчевне оставить. Вышел он, хозяйка за суму и видит: сидит в ней девочка, да такая славненькая, только от голода и холода чуть живая. Накормили ее, обогрели и спрятали. А в суму напустили всякой нечисти: жаб, крыс, змей да ящериц.

Поутру надо было старику за ночлег расплатиться, а денег жалко, и надумал он новых подсобрать. Положил суму на пол, но сколько ни повторял:

Пой, сума, как я хочу,
а не то поколочу, —

оттуда ни звука. Расплатился старик, чем было, а сам от злобы чуть не лопается. Чтобы суму на людях не развязывать, поднялся он в горы. И ну ее палкой колотить, и колотит, и ругается, да так ничего и не добился, только нечисть в суме разозлил. Развязал тесемку, а твари все как бросятся на него и давай кусать и жалить, пока до смерти не закусали. А девочка вернулась к отцу-матери и жила себе поживала. Хлеб, соль, огурец, тут и сказке конец.

Принц-Ворон

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

Жил на свете старый король, и была у него дочь, гордячка и капризница. И хотелось королю дочь замуж выдать, чтобы не умереть без наследников. А та и слышать об этом не желает, над молодыми придворными подшучивает, знай себе веселится. Сердится отец, а что с ней поделать, ума не приложит. И вот однажды позвал он ее к себе и говорит:

— Решил я, дочь моя, устроить турнир. На этом турнире ты должна выбрать себе жениха. Будь что будет, но выдам я тебя замуж: я стар и хочу поглядеть на внука, прежде чем умру.

Принцесса отвечает:

— Хорошо, отец, пусть будет так. Я выйду замуж, но с одним условием: тот, кто просит моей руки, должен съесть гранат в седле на всем скаку и не уронить на землю ни зернышка. Кто уронит хоть одно, руки моей не получит. А кто ни одного не уронит, будет моим мужем.

Говорит король:

— Согласен. Но устал я от твоих капризов. Не сдержишь слова, выйдешь за первого встречного, так и знай.

На том и порешили. Устроили турнир, и собрались на него все придворные рыцари, на конях и с верными копьями. Королева восседала на троне, принцесса — рядом. Появится рыцарь, а она ему тут же кличку обидную придумает и смеется.

Был среди них один статный рыцарь, всей душой любивший принцессу. Но она подшучивала над его вздернутой бородкой и орлиным носом. Дамы ей говорят:

— Посмотрите, принцесса, до чего он хорош!

А она им:

— Да, вылитый ворон. Так и буду его звать: Принц-Ворон.

И они засмеялись.

Но принц этот держался в седле как никто и был очень богат, богаче самого короля. Начался турнир. Пробуют всадники на всем скаку съесть гранат, зерна наземь сыплются, а принцесса язвит и насмехается. И только Принц-Ворон, когда пришла его очередь, сумел съесть гранат целиком. Лишь последнее зернышко обронил, но запуталось оно в его черной курчавой бороде. Приблизился он к принцессе, чтобы просить ее руки, а она засмеялась и сказала, что у него зернышко в бороде. Тут вмешался король:

— Так не на земле же, твое условие выполнено.

— Мое условие? — отвечает принцесса. — Чтобы я вышла замуж за этого Принца-Ворона?

И все засмеялись. Тогда король говорит:

— Будь ты проклята, сколько же в тебе спеси! Так вот, клянусь перед всеми моими придворными, что выдам тебя за первого нищего, который войдет во дворец.

Принцесса приняла это за шутку, только вскоре является служанка и говорит:

— Ваше величество, пришел нищий и просит вас сдержать слово.

И вошел нищий, оборванный, грязный, с сумой хлебных объедков за плечами. Король приказал ему подойти и говорит дочери:

— Снимай свое платье, снимай туфли. Эй, кто там, принесите лохмотья и башмаки нищенки да наденьте их на принцессу.

Королева заплакала, а принцесса спрашивает:

— Матушка, что же со мной будет?

— Дочь моя, *повинуйся отцовской воле. Слово отца — последнее слово.*

Одели ее нищенкой, кликнули священника, и он тут же обвенчал принцессу с нищим. Когда все закончилось, король говорит:

— Ты получила свое. Бери суму — не все же на мужа сваливать! — и ступай за ним.

Заплакала принцесса:

— Отец, прости меня!

— Нет, ступай за ним и будь ты проклята!

И пошла она с мужем из дворца. Идут-идут, видят: на лугу овцы, коровы, козы, и все отборные. А табуны какие! Спрашивает принцесса:

— Какие прекрасные стада! Чьи это коровы?

— Эти? Принца-Ворона.

Смотрят в другую сторону:

— А эти овцы?

— Эти? Принца-Ворона.

Глядят: хутора, один другого краше. А над ними — дворец, чудо, да и только.

— А этот дворец чей?

— Этот? Принца-Ворона.

— Видно, богат этот Принц-Ворон.

— Богаче самого короля. Всё вокруг, все эти деревни принадлежат Принцу-Ворону.

Думает бедняжка: «Если бы не спесь, была бы я его женой». Тем временем добрались они до хижины, муж и говорит:

— Разведи огонь. Сумеешь?

— А что это такое?

— Ай да ну! Огонь — это такая штука, которую разводят на полу, нужны щепки и спичка. Бери спичку, вот так. Сготовишь свиную похлебку, ничего другого у нас нет. Возьми немного шпика, покроши его и обжарь.

Бедняжка в ответ:

— Попробую.

Стала она щепки колоть и поранилась.

— Ой, руку поранила! Ой, моя рука!

— Хорошенькое дело! Ну и жена мне досталась! Отойди уж, бестолковая!

Набрал он щепок, огонь развел.

— Поглядим, как ты умеешь похлебку готовить.

А она и этого не умеет. Взял он у нее сковородку и говорит:

— Оставь, сам сделаю. Садись, никчемная, совсем ты никчемная.

Заплакала она, плачет и плачет. Муж ей:

— Вон тебе постель. Если устала, ложись.

— Нет-нет, я спать не хочу.

А постель та была набитый соломой тюфяк да одеяло укрыться.

— Ну, так я лягу. Утром дел много. А ты, если спать не хочешь, тут сиди.

Наутро он ей говорит:

— Вот тебе лукошко яиц. Продай их, а деньги мне принеси, нам на них жить.

Отправилась принцесса яйца продавать. А пути было от хижинки до деревни с километр. Пришла она и видит: кто зеленью торгует, кто — чесноком, кто — картошкой, кто — еще чем. Только поставила лукошко наземь, подходит к ней женщина:

— Почем яйца?

— Реал штука.

— Дай-ка два.

Принцесса дала. Та разбила одно, а в нем монета в пять дуро. Другое разбила — и там монета. И говорит:

— Вот тебе две монеты за все лукошко.

Вернулась принцесса в хижину и все мужу рассказала. А он ей:

— Эх, бестолковая ты, бестолковая! Что ж ты все яйца домой не принесла, если видела, что в них монеты, ведь они же твои были? Где твоя голова? Ни на что ты не годишься!

Опять заплакала бедняжка, плачет и плачет.

— Что ж, не повезло нам с яйцами. Вот возьми-ка эти глиняные миски с кувшинами да пойдешь продай их.

Разложила бедняжка посуду. Слышит: копыта застучали — тра-та-та! А вокруг шумят:

— Принц-Ворон! Принц-Ворон!

Видит она: летит конь, черный-черный, а в седле рыцарь с пером на красной шляпе и на всем скаку так и промчался по ее посуде, одни черепки остались. А на нее и не глянул. Заплакала бедняжка:

— Подумать только! Ведь я могла быть его женой!

Вернулась она в хижину и все мужу рассказала.

— Глупая ты, глупая! Ни на что не годишься! Ну, да сказали мне верные люди, что во дворец Принца-Ворона судомойка нужна. Вот завтра и пойдешь.

Наутро отвел он принцессу во дворец. Принц к свадьбе готовился, рук на кухне не хватало, и взяли ее посуду мыть.

Стала она ходить всякий день на работу и в хижину возвращалась, валясь с ног от усталости. Однажды говорит она мужу:

— А ты слышал, что Принц-Ворон скоро на принцессе женится?

— Еще бы. Королевскую, должно быть, еду подадут. А ты чем там занята?

— Я теперь за поваренка на кухне.

— Так ты уж не забудь обо мне, когда до лакомств дойдет, припрячь от цыплят, ветчины да сластей кусок-другой. Должно же и мне кое-что перепасть, я ведь тебя жить учил, заботился о тебе. Возьми-ка эту жестянку, спрячь под передником и положи туда всего понемножку, я вечером отведаю.

Взяла она жестянку, отправилась на кухню и говорит другой служанке:

— До чего мне не терпится на свадьбу взглянуть!

— И мне. Невеста, говорят, писаная красавица, и танцы будут и еще много чего. Видишь в гостиной большую штору? Мы все за ней спрячемся и будем оттуда смотреть, как король с королевой и весь народ выйдут.

Подумала бедняжка, что увидит отца с матерью, и заплакала. Вот служанки сначала сами отужинали, а принцесса что повкуснее в жестянку сложила. Потом перебрались они в гостиную и спрятались за шторой. Вошла свита, принц приблизился к своей даме, и стали они танцевать. Кружатся, кружатся, и вот они уже перед шторой, и принц — раз! — как дернет за нее, штора упала, и служанки оказались у всех на виду. Принц подошел к бедняжке, схватил ее за руку и повел на середину зала. Но так резко рванул, что жестянка скатилась на пол, посыпались из нее куски, и все расхохотались. Вспыхнула бедняжка и упала без чувств.

Принц подхватил ее на руки, отнес в комнату и уложил на кровать. Очнулась она, видит: весь королевский двор на нее смотрит и справа стоит ее отец, а слева — мать.

— Где я? Что со мной было?

— Ты во дворце Принца-Ворона, дочь моя.

— А где же принц?

Все молчат. Тут отворяется дверь и входит нищий. Идет к кровати, сбрасывает маску — и стоит перед ней Принц-Ворон. А как были они муж и жена, то второй раз венчаться не стали, сели за стол пировать, меня забыли позвать.

К испанской сказке «Принц-Ворон»

Камышовые лошадки

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

или во дворце король с королевой. Как-то раз отправился король на войну, а королева осталась со своей ключницей, злой, как змея подколотая.

Шли месяцы, и родила королева двух сыновей и дочь. А ключница королю написала, что родились у него деревянные дети. Король в письме приказал детей выбросить, а королеву убить. Чтобы злей королеву помучить, ключница ее в подвале замуровала, а детей положила в корзину и отнесла на берег реки неподалеку.

Шел мимо огородник овощи продавать, слышит: плачет кто-то. Подошел он и увидел корзину. Взял ее и отнес к себе в дом, где они с женой вдвоем жили. Своих детей у них не было, так они на чужих нарадоваться не могли.

Шли годы, дети росли здоровые да веселые, огородника с женой за отца-мать почитали. Огородник бедный был, не мог им купить игрушек и смастерил лошадок из камыша.

Вернулся король с войны и как-то раз проходил теми местами. Видит: дети в лошадки играют, прикрикивают: «Скачи, ешь, пей!» Подошел он и говорит:

— Где это видано, чтобы камышовые лошадки скакали, ели и пили?

А девочка ему в ответ:

— А где это видано, чтобы женщина деревянных детей родила?

Удивился король и вернулся во дворец, призадумавшись. Через несколько дней снова ему дети встретились. Он спросил, где они живут. Дети показали, и король остановился поговорить с огородником. Слово за слово, огородник и рассказал, что дети у него приемные, он их у реки нашел и вырастил как родных.

Тогда король сказал, что дает во дворце праздник и приглашает его с женой и детьми.

В назначенный день пошли они во дворец, а девочка по дороге говорит братьям:

— Не ешьте ничего, пока я не попробую.

Пришли, а во дворце уже столы накрыты.

Братья от яств глаз оторвать не могут. Сели они за стол, король приглашает:

— Угощайтесь, дети!

А девочка ему в ответ:

— Мы не станем есть, пока за столом кого-то не хватает.

Король удивился, кого же, — девочка молчит. Тогда приказал король созвать всех придворных. Время

идет, братья к еде так и тянутся. Девочка и говорит:

— Мы не станем есть, пока нет за столом нашей матушки.

Король воскликнул:

— Вашей матушки?

— Да, нашей матушки, она в подвале замурована, а все эти лакомства отравлены.

Бросила кусочек кошке под стол, та проглотила и тотчас умерла.

Король так и застыл от удивления, а потом приказал страже осмотреть все закоулки во дворце. Девочка говорит, не надо, она, мол, сама знает, где искать.

Король поспешил за детьми. Спустились они в тот подвал, разрушили стену и нашли там бедную королеву, чуть живую. Король узнал ее, обнял, и все расцеловались. А злую ключницу они казнили и стали жить-поживать, за столом пировать.

Когда пончики с неба падали

Испанская сказка

Перевод Б. Дубина

Жил на свете Хуан-дурачок со своей женой Марией-плутовкой. Всякий день отправлялся Хуан в поле овец пасти, а жена тому и рада.

Как-то раз нашел Хуан-дурачок кошель золотых монет. Открыл его, увидел монеты и говорит:

— Ай да ну! Сколько кругляшек, а без цепочки!

Вернулся домой и говорит жене:

— Глянь-ка, Мария, сколько кругляшек я на горе нашел, а цепочки нет.

Мария была себе на уме, мужу перечить не стала. Забрала монеты и говорит дурачку:

— Да, ни на что эти кругляшки не годны, даже на цепочку не нанижешь.

В тот же вечер напекла она пончиков, много-премного. Поднялась на крышу и ну их в дымоход бросать. А Хуан-дурачок у огня грелся. Видит, пончики сыплются. Набрал их полны руки и пошел жену искать, кричит:

— Глянь-ка, Мария, пончики с неба падают! Ай да град!

Та спустилась с крыши и мужу перечить не стала, пусть наестся досыта. А сама пошла в стойло, попону на кормушку накинула, слева от ослицы одну свечу поставила, справа — другую и говорит мужу, пора, мол, ослице корм задать. Вошел Хуан в стойло и тотчас — обратно, кричит жене:

— Мария, ослица-то наша обедню служит!

На другой день не стала она мужа в поле посылать: еще расскажет кому про вчерашнее. Отправила она его в школу, грамоте учиться. А Хуан все о своих овцах думает. Увидел в букваре «б» и «а» и говорит:

— Б — а, ба, увела овец тропа!

Увидел «б» и «е», говорит:

— Б — е, бе, идут овцы по тропе!

Пришлось жене его из школы забрать, и на другой день отправился Хуан опять в поле. Встречает по дороге всадника, тот его и спрашивает:

— Скажи-ка, приятель, не находил ты тут случаем кошелька?

— Как же, как же, находил, — отвечает Хуан.

— И что же ты с ним сделал?

— Домой отнес, Марии отдал. Только она сказала, ни на что те кругляшки не годятся, даже на цепочку не нанижешь.

— Ах, вот оно что. Знаешь, я бы глянул на них. Ты не проводишь меня к себе домой?

Привел его Хуан. А тот и говорит Марии, чтобы вернула кошелек, он-де, его обронил. Мария в ответ:

— Какой-такой кошелек? Знать ничего не знаю.

А Хуан ей:

— Да как же, Мария? Помнишь, ты меня тогда еще в школу послала?

Подивился проезжий, что эдакий дурачок в школу ходит. А потом и не такое услышал:

— Ну, помнишь, когда пончики с неба падали, а наша ослица обедню служила?

Тут всадник и говорит:

— Простите, хозяйка, зря я вас побеспокоил. И отправился восвояси, а плутовка Мария с деньгами осталась и купила мужу отару овец, вдвое больше прежней.

Ученик волшебника

Испанская сказка

Перевод Н. Ванханен

ыл у одной женщины сынок по имени Перикин, смысленный не по годам. Раз мать ему и говорит:

— Пора бы тебе, сынок, обучиться какому-нибудь ремеслу, стать на ноги. Что тебе по сердцу?

— Я бы в чародеи пошел. Очень меня интересует черная магия[77].

Отыскала мать волшебника.

— Возьмешь, — спрашивает, — сынка в ученики?

— Возьму, — отвечает, — но с одним условием.

— Это с каким же?

— А вот с каким: если через год придешь ты за сыном, но его не узнаешь, оставаться ему у меня навечно.

— Будь по-твоему, — согласилась женщина.

Вот пришло время, обратился Перикин в голубя, порх тайком к матери да и говорит:

— Как придешь за мной, волшебник превратит всех учеников в голубей. Насыплет он на пол маиса, а голуби ну клевать его! Я же к зерну и не притронусь. Попрыгаю, покружусь вокруг, да и только. Спросит учитель, узнала ль ты меня, ты и кивни на самого непоседливого.

Пришла мать к волшебнику, указал он ей на стайку голубей и допытывает:

— Один из этих голубей — твой сын. Скажи, который?

— Да тот, что все подпрыгивает. Догадаться-то легче легкого, ему и мальчонкой на месте не сиделось.

— Твоя правда, сеньора. Забирай его себе, он теперь в колдовстве побольше моего смыслит.

Прихватил Перикин с собой лучшую колдовскую книгу волшебника и говорит матери:

— Моя теперь колдовская книга, поможет она нам разбогатеть. Завтра ярмарка. Превращусь я в корову, а ты продай ее за полторы сотни дукатов. Да смотри, не отдай заодно бубенчик: в нем я и схоронюсь.

Привела мать корову на ярмарку, подходит покупатель и приценивается:

— Сколько возьмешь за корову, голубушка?

— Полторы сотни дукатов, без бубенчика: он не продается.

— По рукам.

Вернулся крестьянин с коровой к себе, отвел ее в хлев. Приходит наутро задать ей корм, а пеструхи-то и след простыл.

— Теперь я в коня превращусь, — говорит Перикин. — Веди его на ярмарку и проси триста дукатов. Только уздечку сбереги, в ней я и схоронюсь.

Тем временем заметил волшебник пропажу колдовской книги и враз смекнул:

— Не иначе, дело рук Перикина. Завтра ярмарка, этот плут наверняка туда явится. Поглядим, кто из нас хитрее.

Пришел он на ярмарку, видит — мать Перикина коня продает.

— Сколько, — спрашивает, — возьмешь за коня?

— Триста дукатов.

— На, держи.

— Да, но уздечка не продается! — спохватилась женщина.

— Я купил его с уздечкой.

— Нет!

— Да!

Случилось тут судье мимо проходить: он и скажи, что прав чародей. А тот вскочил на коня, хлестнул его плеткой и воскликнул:

— Ну, держись, Перикин! Заплатишь ты мне за книгу!

Повелел он сыновьям отвести коня в стойло и строго-настрого запретил его кормить и снимать с него уздечку. Но конь так жалостно мотал головой и шевелил губами, что дети смилостивились:

— Бедняга! Каково-то ему в уздечке! Давай ее снимем!

Не успели они снять уздечку, обратился конь в форель и бултых в реку.

Увидел это волшебник, обернулся змеей — и в погоню. Форель и меж камней скользила, и в водопады кидалась, а не ушла от змеи: та настигла ее возле самой мельницы.

Обратилась тут форель в голубку, а змея тотчас орлом стала, тогда голубка мошкой обернулась и влетела в окошко к принцессе. Стал Перикин снова человеком да и говорит красавице:

— Превращусь я сейчас в перстенок на твоей ручке. Войдет сюда человек, попросит отдать перстенок, ты не перечь, а перстенок-то с пальчика и срони, пусть его на кусочки разлетится! Наступи на самый крупный осколочек, а как шевельнется он, убери ногу.

Превратился Перикин в перстенок и прыг принцессе на пальчик. Вошел тут человек: отдай, говорит, принцесса, колечко. Та колечко ему протянула, да выронила, оно об пол ударилось и разлетелось на кусочки, а принцесса на самый крупный осколочек и наступила.

Превратился человек в курицу и ну осколочки клевать. Тут осколочек под принцессинной ногой шевельнулся, обернулся лисицей и съел курицу.

А потом Перикин вновь человеком сделался, повенчался с принцессой, и стали они жить-поживать.

Цветок страстоцвет

Испанская сказка

Перевод Н. Ванханен

Жил на свете король с тремя сыновьями, жил, горя не знал, но вот как-то заболел и стал слепнуть. И сказали доктора: одно лишь может излечить его — цветок страстоцвет. Да вот беда, неведомо, где тот цветок растет.

Послал тут король своих сыновей искать цветок по всей земле — кто отыщет, тому и королевством владеть.

Первым оседлал коня старший брат. Едет он, едет, а навстречу — старая нищенка.

— Подай, — говорит, — мне, бедной, кусок хлеба.

А он ей в ответ:

— Прочь с дороги, старая ведьма!

Поехал было дальше, да вскоре стряслась с ним беда: сбился старший брат с пути и запутался.

Ждал, ждал средний брат старшего — не дождался. Оседлал он коня и пустился на поиски цветка. Повстречалась и ему старая нищенка.

— Дай, — говорит, — мне кусок хлеба.

А он ей в ответ:

— Прочь с дороги, старая ведьма!

Ждет-пождет младший брат, не видать старших. Вскочил на коня и отправился попытать счастья. Встретилась ему старая нищенка, попросила хлеба, он и отдал ей всю ковригу.

— Куда, сынок, путь держишь? — спрашивает старуха.

— Ищу я цветок страстоцвет — отца от недуга избавить.

— Возьми-ка вот это яйцо, — говорит нищенка, — разобьешь его о черный камень, что лежит посреди дороги. Камень расколется, и увидишь прекрасный сад, а сторожем в нем — лев. Если глаза у зверя открыты — входи смело: он спит. Если же закрыты — берегись.

Вскоре и впрямь подъехал младший брат к черному камню. Разбил он о камень яйцо, камень раскололся, и открылся юноше сад дивной красоты, а в самой глубине — цветок страстоцвет, белый весь, с райским запахом, так и светится. Глянул королевич, глаза у льва открыты. Без страха прошел он мимо и сорвал волшебный цветок.

На обратном пути повстречались ему оба брата. Наскучило им без толку по свету бродить, вот и присели они у обочины дух перевести. Сперва-то братья порадовались младшему брату и колдовскому цветку, да после призадумались: а не лучше ли убить младшего братца, самим привезти цветок ко двору да

и поделить меж собой отцовы владенья? Так и сделали: убили бедного, закопали, а чудо-цветок с собой увезли. Только не заметили братья — один пальчик младшего королевича землей не покрыло.

Остался он на виду, вырос из него тростник. Шел мимо пастушок, срезал тот тростник, смастерил себе дудочку, дунул в нее, а она как запоет:

Не играй, пастух, на дудке —
знает дудочка секрет,
как меня сгубили братья
за цветочек страстоцвет!

Шел пастушок, шел да и пришел в город. Король-то к тому времени от слепоты излечился. Услыхал он песенку и призвал пастуха к себе. Взял у него дудочку, приложил к губам, дудочка и запела:

Не играй, отец, на дудке —
разгласишь на целый свет,
как меня убили братья
за цветочек страстоцвет!

Тут король обо всем догадался. Поспешил он к месту, где рос тростник, выкопал из могилы младшенького — тот и ожил. Оставил король королевство младшему сыну, а двух старших изгнал из дворца.

Невеста трех женихов

Испанская сказка

Перевод Н. Ванханен

ыла у отца дочь — раскрасавица, да, на беду, упряmica и строптивица. Раз посватались к ней трое юношей. Отец им и отвечает: мне-то, мол, все трое по сердцу, пусть дочка сама решает, за кого ей замуж идти. А та возьми и скажи: всяк по-своему хорош, так бы и вышла за всех троих!

— Что ты, доченька! Где ж это видано?

— Мне все трое по нраву, — упирается дочка. — Как тут выберешь?

— А все же? — допытывается отец.

— Все трое хороши, — отвечает дочка.

Стоит на своем, и все тут.

Запечалился бедный отец, но делать нечего: придется, верно, сказать юношам, что красавице все трое по сердцу. Думал он, думал и додумался: повелел он им побродить по миру да отыскать строптивце в подарок чудесную вещицу, какой свет не видывал. Кто добудет самую редкостную, тот и жених.

Пустились все трое в путь, каждый своей дорогой. Долго ли, коротко ли блуждали, только очутились они наконец за морями, за горами, на чужой стороне. Да вот незадача — ни один не сыскал нигде чудесной вещицы, какой свет не видывал!

Первый юноша уж совсем было духом пал, вдруг навстречу ему старичок:

— Купи у меня зеркальце.

Заартачился было юноша: зачем, мол, мне зеркальце, и вдобавок такое маленькое и неказистое.

— А затем, — отвечает старик, — что есть у него дивное свойство: показывает оно владельцу тех, кого он пожелает.

Убедился юноша, что старик не лжет, и раскошелился, купил зеркальце.

Второй юноша в те же края попал. Встретил и он на улице старика, и тот предложил ему купить склянку бальзама.

— Да на что мне бальзам?

— Как знать! Глядишь, и пригодится, — отвечает старик. — Есть у этого зелья дивное свойство — воскрешать мертвых.

Тут как раз мимо несут покойника. Старик и капнул мертвецу на губы бальзама — тот мигом ожил, встал из гроба и пошел себе домой здоровехонек. Увидел это юноша и раскошелился, купил бальзам.

В ту пору третий юноша брел берегом моря. Вдруг выбросили волны на берег огромный сундук. Раскрылся сундук, и вышло из него народу несметное множество, а последним вылез старенький старичок

и напрямиком к юноше.

— Купи, — говорит, — у меня этот сундук.

— Да к чему он мне? Разве что на топку сгодится?

— Ну уж нет! — отвечает старик. — Есть у сундука дивное свойство: вмиг переносит он владельца, куда тот пожелает. Это святая правда, спроси-ка у тех людей, они только что из Испании.

Убедился юноша, что старик не лжет, и раскошелился — купил сундук по дорогой цене.

На другой день встретились молодые люди. Довольны юноши своими покупками, решили — пора назад, в Испанию.

Первый рассказал про волшебное зеркальце.

— Стоит, — говорит, — пожелать, и увидишь в нем, кого захочешь.

Вынул он зеркальце — взглянуть на красавицу, что никак не могла решить, кому из трех юношей отдать предпочтение. Да вот горе — увидели они ее мертвой, в гробу!

— Есть у меня животворный бальзам! — воскликнул второй юноша. — Но пока вернемся домой, бедняжку уже похоронят.

— Есть у меня сундук-сороход! — обрадовался третий. — В один миг домчит он нас в Испанию!

Влезли они в сундук и оглянуться не успели, как очутились на родине.

Отвели их в комнату, где лежала недвижно красавица. Окропили ей губы чудесным бальзамом, она и поднялась. Обернулась к отцу и говорит:

— Ну, что? Теперь ты и сам видишь: все трое хороши, как тут выберешь?

Черт-женишок

Испанская сказка

Перевод Н. Ванханен

Была у одного графа дочь, редкая красавица, и пришла пора ей замуж идти. Одно плохо: оказалась девушка большой привередой — в любом женихе изъязн отыщет. Раз она и говорит:

— Хочу в мужа маркиза — серебряные губы, золотые зубы.

Проведал про это черт и смекнул: «Выдам-ка я себя за маркиза да и женюсь на графской дочке!» Сказано — сделано. В один прекрасный день является он во дворец. Граф, как увидел его, тотчас послал за дочерью.

— Вот, — говорит, — тот, кто тебе нужен.

— Не думала я, что сыщется такой, — отвечает дочка, — но слово свое сдержу.

Назначили они свадьбу на завтра.

А у невесты была любимая ласточка. И прощбетала птичка:

Это вовсе не маркиз.
С чертом свел тебя каприз!

Но строптивица и ухом не повела. Ласточка трижды пропела свою песенку. Тут девушка ей и говорит:

— Ты, верно, боишься, что я не возьму тебя с собой в замок мужа. Успокойся, я с тобой не расстанусь. А пока помолчи!

Настал день свадьбы. Прилетел черт в санках по воздуху, нарядный, зубы золотые, губы серебряные. С ним целая свита бесов и ведьм. Разодеты все, точно вельможи.

После венчанья усадил черт молодую жену в сани, и понеслись они под облаками. Позабыла гордячка о верной подружке ласточке, а та следом летит.

— Куда это ты везешь меня, муженек? — всполошилась графская дочка. — Что за путь-дорога, в толк не возьму!

— Не тревожься, женушка, — отвечает черт. — Сейчас приедем!

Вот примчались они в замок. Запер черт жену в комнатушку, сам в подпол спустился, а там у него котел с кипятком. Захохотал черт:

— У меня обычай свой: раз — крепись, два — смирись, три — в похлебку головой!

И принялся изо всех сил колотить в потолок. Затрещали доски, вот-вот проломаются. Несдобровать тогда девушке — того и гляди, в кипяток рухнет!

Вдруг ласточка порх в окно!

— Твоя правда, милая! — говорит ей графская дочь. — Это вовсе не маркиз. С чертом свел меня каприз! Разущи скорей отца, дай ему знать о моей беде!

Улетела ласточка, а черт опять:

— У меня обычай свой: раз — крепись, два — смирись, три — в похлебку головой!

А сам знай в потолок колотит, вот-вот проломит.

Рассказала ласточка маркизу, какая беда стряслась с его дочерью, поспешил он на выручку, ворвался в замок, вызволил девушку, а на ее месте куклу оставил. Затрещали тут доски, проломились, и кукла бултых в котел!

Принялся черт помешивать свое дьявольское варево, помешивает да приговаривает:

Дочка графа, это ложь —
я ведь вовсе не маркиз!
Дочка графа, ты умрешь —
с чертом свел тебя каприз!

Повторил он это трижды и запустил ложку в котел — проверить, хороша ли похлебка. Глядь, а в котле-то старая кукла. Понял рогатый, что его провели, прыг в сани и вместе со свитой напрямик к графскому дворцу. А его уж там ждут-дожидаются: таких тумачков черт отведал, что хвост поджал и скорей назад — в преисподнюю!

Португальские сказки

Волк и лиса

Португальская сказка

Перевод Н. Испольновой

Как-то раз забрела лиса на свалку и нашла там драные сапожки. Сунула в них передние лапы и пошла по лесу щеголять. Увидал ее волк и спрашивает:

— Кума, а кума, где такие сапожки купила?

— Да нигде не купила, сама сшила, — отвечает лиса.

— Мне не сошьешь ли?

— Изволь.

— А дорого возьмешь?

— Да как тебе сказать... На мои пошло три барашка, две овечки да четыре ягненокка. А на твои, кум, хватит, пожалуй, быка, четырех барашков, трех овечек и пять-шесть ягнят, не больше.

— Дорого, — вздохнул волк.

— Что поделаешь? Лапы-то у тебя вон какие, не то что мои лапочки, много нужно кожи.

Поверил волк плутовке и решил во что бы то ни стало добыть скотину, какую лиса приказала. Уж очень хотелось ему сапожки! Плохо босому: того и гляди, занозу засадишь или поранишься, а тогда какой из тебя охотник! Долго старался волк и раздобыл наконец и быка, и барашков, и овечек, и ягнят. А лиса и рада: съестных припасов у нее теперь вдоволь.

Пообещала лиса сшить сапожки волку за две недели. В назначенный срок отправился волк к лисе за заказом, а она спряталась и не выходит. Много раз ходил он так к лисьей норе, да все без толку. Понял тут волк, что его надули, и решил наказать рыжую плутовку. Долго бродил он по лесу, щелкал зубами от злости и вот однажды столкнулся мордой к морде с обманщицей лисой.

— А ну говори, где мои сапоги?

А лисичка ему сладким голоском:

— Не сердись, куманек, бычья кожа грубая, скоро ее не выделаешь.

— Так я тебе и поверил! — зарычал волк. — Сейчас ты у меня за все заплатишься!

Пустилась лиса наутек, бежала-бежала, увидела нору — юрк в нее! А хвост подобрать не успела. Вцепился волк зубами в хвост да как дернет — и оторвал!

— Ага, — говорит, — теперь ты от меня не спрячешься. Я тебя разом узнаю.

Отсиделась лиса в норе, а на другой день взобралась на пригорок повыше и ну тьякать. Сбежались на этот зов лисы, плутовка и говорит:

— Позвала я вас не просто так, а по очень важному делу. Побывала я недавно за границей, научилась там веселому танцу, сейчас и вас научу. Только нужно сперва связаться всем хвостами.

Послушались лисы, сделали, как было велено. Тут плутовка как закричит:

— Спасайся кто может! Идут сюда охотники с целой сворой собак! Прощайте, сестрички, танцевать в другой раз будем!

Перепугались лисы, кинулись врассыпную, хвосты у них и поотрывались. А мошеннице только того и надо.

Некоторое время спустя снова повстречались волк с лисой.

— Попалась! — рычит волк. — Я тебя сразу узнал!

— Что ты, кум! Что я тебе сделала? Да я в ваш лес только вчера переселилась!

— Не ври! — еще больше рассердился волк. — Забыла разве, как я тебе хвост оторвал?

— Что ты, серенький, да теперь лисы вовсе хвосты не носят! Не модно! Пойдем-ка со мной, сам увидишь.

Повела она его на пригорок, тьякнула два раза, сбежались на ее зов лисы — все, как одна, безхвостые! Вздохнул волк и пошел прочь.

Удачливый волк

Португальская сказка

Перевод Н. Исполюновой

Жил в лесу волк. Проснулся он как-то утром, потянулся и трижды чихнул. «Неплохо! Значит, сегодня мне три раза повезет», — подумал волк.

Вдруг видит — на холме два барана бодаются. «Вот и первая удача! Да еще какая!» — обрадовался волк. Подкрался он к баранам да как рявкнет:

— Что за беспорядок! Что за беззаконье?! Сейчас я вас накажу...

Видят бараны, что бежать им некуда, и говорят:

— Сеньор волк, мы знаем, что провинились, и вы нас за это съедите. Но сделайте милость, прежде рассудите нас.

— А что такое? — спрашивает волк.

— Поспорили мы с товарищем: я говорю, что отсюда досюда — это все луг моего хозяина, а он говорит нет, здесь уже владения его хозяина. Не можете ли вы рассудить нас?

Согласился волк. Уставился в землю и давай прикидывать, ровно ли прочерчена граница. И вдруг как поддадут ему сзади! Перекувырнулся волк и лишился чувств. Бараны-то бодаются мастера!

Пришел в себя несчастный волк, поднялся охая и пошел дальше. «Ну, — думает, — если и другие две удачи будут такими, я до вечера не доживу!»

Да что поделаешь? Двое суток уже волк не ел, совсем исхудал.

Шел он, шел, вдруг видит: поляна, а на поляне пасется старая тощая кобыла с жеребеночком. «Вот она, удача! — обрадовался волк. — Уж они-то от меня не уйдут: лошадь слишком стара, а жеребенок мал и слаб. Но теперь я буду осторожней. Зарежу сперва кобылу, а то как бы она меня не лягнула!» Подошел он осторожно к лошади и говорит:

— Ух, как я голоден! Сейчас тебя съем!

А кобыла отвечает:

— Послушай, стара я стала, и мясо у меня жесткое. Лучше съешь моего жеребенка, только прежде выполни мою просьбу.

— А что такое?

— Вынь у меня из задней ноги занозу, а то я хромаю.

Подошел волк к кобыле сзади, только начал занозу искать, кобыла как лягнет его со всей силы, а потом кликнула жеребенка и умчалась прочь.

Вздыхнул волк и потащился дальше. Шел, шел, увидел корову. У коровы на ногах веревка болтается.

«Два раза мне не повезло, — подумал волк, — зато теперь уж пообедаю. Ухвачусь за веревку, корова и свалится».

Схватил волк веревку, а корова как бросится бежать, волка по земле так и поволокло. Наконец порвалась веревка, волк поднялся весь ободранный и сказал сам себе:

— Эх ты, болван! Кто тебя просил становиться землемером да ветеринаром?! Ну как веревка бы не порвалась? Хозяин коровы живо бы со мной разделался! Вот тебе и удачи!

Принцесса-кобра

Португальская сказка

Перевод Н. Исполюновой

или на свете король с королевой, и родилась у них дочь. Радовался король, радовалась королева, но недолго продолжалось их счастье. Явилась во дворец старая ведьма и превратила маленькую принцессу в кобру, наложила на нее заклятие: лишь тогда вернется к ней человеческий облик, когда прикоснется она к тельцу новорожденного ребенка. Выскользнула золотистая змейка из колыбельки и исчезла.

А жил в тех местах бедный крестьянин с дочкой. Каждый день ходила девочка на луг пасти овец. И вот однажды увидела она в траве золотистую змейку, да такую милую! Девочка склонилась над ней и приласкала. А маленькая кобра и говорит ей человеческим голосом:

— Возьми меня к себе жить, я тебя отблагодарю. Только не показывай меня никому.

Так пастушка и сделала: отнесла змейку домой, спрятала и кормила ее молоком утром и вечером потихоньку от отца с матерью.

Время шло, девочка росла, и кобра росла. Вот как-то говорит змейка своей подружке: попроси, мол, отца съездить в город и купить сундук — наряды складывать. Крестьянин любил свою дочь и рад был ей во всем угодить, а потому назавтра же отправился в город и купил большой сундук. Вернулся домой, открыл — глядь, а там полно золота и драгоценных камней. Обрадовался крестьянин, купил земли, построил большой прекрасный дворец, и стали они жить в достатке, а дочери его, которая к тому времени стала прелестной девушкой, не приходилось больше пасти отцовское стадо. Целыми днями играла она с любимой змейкой, которую поселила в новом сундуке.

Однажды вечером кобра и говорит:

— Приготовь-ка себе на завтра самое красивое платье, потому что поутру начнется в этих местах королевская охота и принц проедет мимо твоего дома.

Так и случилось. Утром выехал принц на охоту со своею свитой и очень удивился, когда увидел перед собой великолепный дворец. Подъехал принц поближе, заглянул в окно, а там девушка, стройная и прекрасная. Тут принц в нее и влюбился. Вышел к нему отец девушки, пригласил в дом и принял всех с почестями и угощением.

Погостил принц во дворце и отправился домой, но потерял он покой, потому что всей душой полюбил прекрасную девушку.

А кобра и говорит:

— Жди, подружка: через три дня прибудет сюда король сватать тебя за своего сына.

И опять вышло, как сказала змейка. На третий день приехал король со всем своим двором — пожелал взглянуть на хозяйскую дочь. И так она ему понравилась, что он тут же попросил ее в жены своему сыну.

Отец девушки с радостью согласился, и назначили они день свадьбы.

Вот накануне свадьбы кобра и говорит невесте:

— Завтра повезут тебя в город в королевской карете. Посади меня в стеклянный ларец и возьми с собой.

Так девушка и сделала. А принц увидел в карете ларец с золотистой змейкой и давай с ней играть. Змейка в ларце кружится, танцует, а принц любит.

Совсем немного оставалось пути до королевского дворца, когда завертелась кобра в ларце и давай расти, расти, треснуло тут стекло и разлетелся ларец на мелкие осколки. Не успел принц опомниться, как скользнула кобра невесте на грудь и шепнула ей:

— Прощай, подружка! Вот придет время родиться твоему ребенку, открой настежь окошко в сад и ничего не пугайся. — С этими словами кобра выскользнула из кареты и исчезла.

Бросился принц к невесте, спрашивает, не укусила ли ее страшная кобра.

— Нет, ваше высочество, — улыбнулась девушка. — Змейка давно уже живет в моем доме и никогда не причиняла мне зла.

Между тем доехали они до королевского дворца. В тот же день сыграли веселую свадьбу, и зажили молодые очень счастливо.

Окно в комнате принца и принцессы выходило в сад. Часто по вечерам сидели они у открытого окна и ждали, не появится ли золотистая змейка, но она не появлялась.

И вот наступил день, когда родился у принцессы малыш. В тот же миг послышалось шипение и в открытое окно вползла огромная кобра. Все, кто был в комнате — и лекари, и служанки, — в испуге бросились вон. А кобра скользнула к принцессе, которая держала на руках ребенка.

Вбежал в комнату встревоженный принц, и что же он видит? Жена его весело улыбается, а рядом стоит хорошенькая девушка и держит на руках новорожденного мальчика.

Тут и король с королевой пришли. Девушка и говорит:

— Спали с меня злые чары, снова стала я человеком. Теперь бы найти мне своих родителей. Злая колдунья разлучила меня с ними, превратила меня в ужасную кобру.

Обрадовались король с королевой, принялись обнимать принца и принцессу. А потом во дворце был большой праздник. И я там был, да только не ел и не пил.

Плешивая крыса

Португальская сказка

Перевод Н. Исполюновой

Жил-был крестьянин. Пошел он как-то в поле и видит: посреди дороги курица мечется — пытается спастись от кобры. Схватил крестьянин палку и ударил кобру. Завертелась змеюка и превратилась в крысу с плешью во всю спину. А курица и говорит:

— Я добрая фея, а она — злая колдунья. Пожалел ты меня, теперь проси чего хочешь.

Отвечает крестьянин:

— Скоро родится у нас с женой ребенок. Сделай милость, возьми малыша под свою защиту.

— Хорошо, — сказала курочка. — Родится у тебя дочь. Будет она и красивой, и разумной...

— И очень любопытной! — пискнула колдунья-крыса.

Рассердилась курочка, клюнула крысу, та и пустилась наутек.

— Хоть я и фея, но со злыми чарами колдуньи мне не совладать, — молвила курочка. — Да ты не горюй. Поймай плешивую крысу. Она прячется вон под тем большим камнем. Запри ее в каморке, а ключ береги. Смотри, чтобы твоя дочь не входила туда. Три раза будет подстерегать ее опасность: в двенадцать, пятнадцать и восемнадцать лет.

Крестьянин так и сделал: поймал крысу, запер ее, а когда его дочь подросла, строго-настрого запретил ей даже подходить к дверям каморки. Как девочка ни просила, отец не уступал, а ключ всегда носил с собой.

Но вот исполнилось дочери двенадцать лет, и вышло так, что оставил крестьянин ключ дома, не взял с собой. А любопытная девчонка шмыг в отцовскую комнату, схватила ключ и бегом к запретной двери. Только отворила, а плешивая крыса как бросится на нее! Не растерялась девочка — ударила крысу метлой. Крыса юрк в дверь, а девочка за ней. Бежала-бежала, пока не споткнулась о камень и не упала без сил среди густого кустарника. И сразу уснула.

Прогуливался в тех местах принц, увидел, что спит на земле прехорошенькая девочка, и разбудил ее, а потом отвел во дворец к своим родителям, королю с королевой.

Осталась девочка во дворце. Везде ей было позволено гулять, только в одну комнату заглядывать запретили. Так и жила она, пока не исполнилось ей пятнадцать лет.

В тот самый день проходила она под окном потайной комнаты, разобрало ее любопытство, она возьми и загляни в открытое окошко. И видит девочка большой гранат, да так близко, что не удержалась она и потянулась за ним. Упал гранат и разбил вдребезги посуду. Стыдно стало девочке, и убежала она из дворца.

Долго бродила, пока не пришла к домику, где жила добрая старушка. Та ее приютила, стала девочка

жить у нее, никуда не ходила, только сидела под большим деревом во дворе и мечтала.

Так прошло три года. Однажды старушка и говорит:

— Завтра в полдень исполнится тебе восемнадцать лет. Вот тебе в подарок стеклянная шкатулка. Да только смотри, раньше завтрашнего полудня не открывай ее.

Встала именинница рано утром, взяла шкатулку и бегом к своему любимому дереву. И так сильно захотелось ей открыть шкатулку, что мочи не было терпеть. Все же она удержалась, не открыла, а села под деревом и стала ждать.

Вот уж совсем мало осталось до полудня. Вдруг, откуда ни возьмись, шмель и давай жужжать:

— Ж-ж-жу, ж-ж-жу, ж-ж-жу! Открой шкатулку!

А был это вовсе не шмель, а та самая плешивая колдунья. Девушка прижала к себе шкатулку и молчит. А шмель как налетит, как стукнет — шкатулка и разбилась. Да опоздала колдунья: за секунду до этого часы пробили полдень.

Тут из разбитой шкатулки начали выезжать нарядные кареты, а в них король с королевой, дамы с кавалерами, принц и отец девушки, который много лет искал ее по всему свету.

Обнялись отец с дочерью, расцеловались и поехали во дворец, где сыграли славную свадьбу. Зажили принц с принцессой весело и счастливо, и родилось у них много детишек.

Меня в гости пригласили, чечевицей угостили, только эта чечевица превратилась в небылицы.

Братья-обманщики

Португальская сказка

Перевод Н. Исполюновой

или-были два брата. Совсем они обеднели, не знали, где и денег раздобыть. Наконец старший додумался:

— Вот что, братец, пойдём-ка мы с тобой по белу свету, будем враньём зарабатывать. Один пойдёт вперед, а другой за ним, вранье подтверждать.

Так и сделали.

Пришел старший брат в деревню и давай кричать, что знает удивительную новость, а кто хочет ее узнать, пускай денежки выкладывает. Сбежался народ, а лгунишка и говорит:

— В такой-то деревне родился семирукий ребенок.

Люди рты поразевали, накидали парню денег за новость, и поспешил он прочь. Нашлись тут недоверчивые — надумали было пойти проверить, правду ли говорит незнакомец, а младший брат тут как тут — он, мол, как раз оттуда и идет. Спрашивают его, не видал ли он в деревне семирукого младенца. Парень и отвечает:

— Нет, младенца такого не видал, видел только, как сушилась на веревке распашонка с семью рукавами.

— Стало быть, правда, — решили люди и второму вралю тоже дали денег.

Тем временем старший брат шагал по другой деревне и всем встречным рассказывал, что за диво дивное он повидал: кто-то выстроил мельницу на верхушке сосны. Опять полный карман денег набил и — поминай как звали. Только засомневался народ, приходит младший брат.

— Слышь, прохожий, не видал ли ты мельницу на сосне?

— Сказать по правде, видел я только, как какой-то парень спускался с сосны с двумя мешками муки, — отвечает младший брат.

— Значит, правда, — обрадовались простофили и щедро наградили мошенника.

И пошел младший брат дальше — старшего догонять и новые небылицы сочинять.

Два брата

Португальская сказка

Перевод Н. Исполюновой

Жили в деревне два брата, один богатый, другой бедный. Просил, просил бедняк брата о помощи, да все без толку. Богатый брат очень жаден был. Решил тогда бедняк обхитрить его. Вот и говорит как-то своей жене: — Купи куропатку, а я с братом на охоту пойду да возьму с собой кролика. А потом пошлю кролика домой, передай, скажу ему, жене, чтоб жарила куропатку и ждала нас с братом к ужину.

Так все и вышло. На охоте вынул бедняк кролика из-за пазухи и говорит:

— Беги, дружок, домой да накажи жене, чтоб жарила куропатку и ждала нас с братом к ужину.

Дал кролику шлепка, тот и помчался. Богатый брат так удивился, что про охоту позабыл, только и думает, как бы поскорее вернуться да узнать, хорошо ли кролик поручение выполнил. Вот пришли домой, бедняк и спрашивает жену:

— Готов ли ужин, женушка? Передал тебе кролик мой наказ?

— А как же! Куропатка на столе, кушайте на здоровье.

Раззадорился богач.

— Продай мне кролика, — говорит.

— Что ты, что ты, как продать? Я его и туда, и сюда, и всюду посылаю.

— Продай, я тебе хорошо заплачу.

Согласился бедняк, продал, да совсем другого, из крольчатника. Первого-то кролика след давно простыл. Забрал богач кролика, дал ему поручение, выпустил — и поминай как звали!

Прошло сколько-то времени, кончились у бедняка деньги, он и говорит жене:

— Давай опять заставим брата раскошелиться. Намешай-ка ты в корм нашей старой ослице мелких монет, а я его в гости позову. Пусть увидит деньги в навозе, я скажу, это ослица нам деньги делает.

Как увидал богач золото, обомлел и давай просить: продай да продай ему ослицу.

— Ни за что не продам, — отвечает бедный брат. — Я с ней разбогател, скоро совсем богачом заделаюсь. Еще чего! Я тебе кролика уступил, да за гроши, а ты его упустил! Не продам.

— Продай, брат, проси за ослицу сколько хочешь.

Долго пришлось бедняка уговаривать. Наконец он согласился, взял за ослицу кучу денег.

Повел богатый брат ослицу домой. Конюшню приказал вычистить, задать ослице богатого корма, а сам ждет. А денег все нет и нет. Через несколько дней побежал он к бедняку:

— Ты меня надул, одурачил!

— Это я дурак, раз продаю тебе свое самое дорогое, а ты не бережешь ничего, знай портишь. Никогда теперь не уступлю тебе!

Был в том краю такой обычай. Если кто резал поросенка, бочок свежатики обязательно должен был отнести аббату. А богачу вовсе не хотелось делиться мясом. Стал он бедному брату жаловаться и обычай тот ругать. Бедняк его и надоумил:

— Как зарежешь поросенка, оставь его на ночь во дворе, а утром спрячь и говори всем, что поросенка, мол, украли.

Обрадовался богач и сделал все в точности, как бедняк посоветовал. Подвесил тушу во дворе и спать пошел. Хитрый бедняк хватить ночью поросенка! Наутро смотрит богач — нет поросенка! Побежал он к бедному брату, кричит, жалуется, а тот хохочет:

— Молодец, брат! Так и говори всем, и не надо будет ничего аббату отдавать!

Богач еще громче кричит, еще сильнее ругается — он-то знает, что мясо и вправду украли! А бедный прямо надрывается от смеха. Так и ушел богач домой ни с чем.

А пройдоха посмеялся вволю да и говорит жене:

— Ну, жена, вот мы с тобой и свининкой разжились.

Так жадному богатею и надо.

Французские сказки

Цыпленок Половинка

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Был когда-то на свете такой цыпленок, что у него вместо двух лапок — одна, вместо двух крыльев одно, вместо двух ушей одно, а вот ловкости да хитрости ему было не занимать — на десятерых хватило бы.

Встретил он однажды человека, тот ему и говорит:

— Половинка, а Половинка! Не отнесешь ли ты этот кошелек? Кому и куда, я скажу.

Цыпленок Половинка отвечает:

— Как не отнести, отнесу.

И пошел. Идет-идет, далеко ушел, никто на пути не попался. Вдруг, откуда ни возьмись, на дороге лестница.

— Ты куда идешь, Половинка? — спрашивает.

— Кошелек несу в одно место.

— Возьмешь меня с собой?

— Как не взять, возьму.

Много ли, мало ли прошли, остановилась лестница:

— Ах, Половинка, я так притомилась, не могу дальше идти!

Пожалел цыпленок лестницу:

— Полезай ко мне на крыло, понесу тебя.

Недалеко прошел цыпленок, глядь — река.

— Ты куда идешь, Половинка? — спрашивает.

— Кошелек несу в одно место.

— Хочешь, я с тобой пойду?

— Как не хочу, пойдём.

Далеко ушли цыпленок, лестница и река.

— Ох! Я так устала, мочи нет, ноги подкашиваются, — говорит река.

А цыпленок Половинка живой да веселый, будто пути и не было:

— Полезай и ты ко мне на крыло. Я тебя понесу.

Идет себе да идет, устали не знает. Вскоре встречает цыпленок лису.

Лиса тоже спрашивает, куда он идет и не возьмет ли ее с собой. Но отошли подальше, тут и лиса устала, еле ноги волочит. Цыпленок Половинка говорит:

— Полезай ко мне на крыло, я тебя понесу с рекой да с лестницей.

Шли они, шли, видят, дом стоит. А в доме том жил человек, которому кошелек предназначался. Отдал ему цыпленок кошелек, а человек тот был совсем негодный, недобрый: хватъ цыпленка и бросил его в колодец. Цыпленок Половинка как закричит:

— Лестница, лестница, слезай да спасай меня!

Прислонилась лесенка к стенке колодца. Цыпленок вылез наверх и не утонул.

Хозяин снова поймал Половинку, открыл печь, где сушился маис, и сунул его в топку. А там горячо! Вот-вот сгорит цыпленок!

— Речка, речка, — зовет Половинка, — слезай да спасай меня!

Слезла речка и залила огонь. Только одна шпора на лапке у цыпленка и обгорела: другой-то лапки у него ведь и так не было. А хозяин опять хватъ Половинку и запер в загоне. А как пришел вечер и солнышко закатилось, отнес его в курятник. В курятнике кур да петухов полным-полно, все большие, крепкие.

Набросились они на Половинку и ну его клевать да щипать.

— Лиса, лиса, слезай да пособилай! — зовет цыпленок.

Спрыгнула лиса — всех кур-то и разогнала.

А Половинка хватъ у хозяина кошелек и наутек! Раздал он деньги друзьям — лесенке, речке, лисе, и зажили они все вместе дружно и весело.

Красная шапочка

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Жила-была однажды маленькая девочка, и была у нее красная шапочка. Так девочку Красной Шапочкой и звали.

Однажды матушка ее пекла в печи печенье. И говорит она дочке:

— А ну-ка, Красная Шапочка, сходи к бабушке, отнеси ей горшочек масла, горшочек меду да печенье, что я испекла.

Идет Красная Шапочка, цветы рвет. Вдруг встречает волка. Она и не думала, что это волк, за собаку его приняла.

— Куда направилась, Красная Шапочка?

— А вот иду к бабушке. Моя бабушка захворала, несу ей горшочек меду, горшочек масла и печенье, что мама испекла.

И пошла Красная Шапочка дальше.

А волк сделал большой-большой крюк по лесу и туда же — хочет Красную Шапочку подстеречь.

Приходит девочка к бабушке. Тук-тук — стучится в дверь.

— Это я, Красная Шапочка. Принесла тебе горшочек меду, горшочек масла и печенье, что мама испекла.

А бабушка в постели лежит. Говорит она Красной Шапочке:

— Сунь ручонку в щелку, подними защелку! Дверь и откроется.

Открыла дверь Красная Шапочка и вошла.

— Смотри-ка, бабушка, вот тебе горшочек меду, горшочек масла и печенье, что мама испекла.

Бабушка ей отвечает:

— Милая ты моя девочка! Поставь-ка гостинцы на поставец да иди ко мне.

Подошла к ней Красная Шапочка, приглубила бабушку и говорит:

— Я пойду, бабушка, погуляю-поиграю, а там и опять загляну, тебя повидаю.

Ушла она, а волк тут как тут. Тук-тук — стучится в дверь.

Бабушка отзывается:

— Сунь ручонку в щелку, подними защелку! Дверь и откроется.

Волк вошел да как бросится на бабушку! Проглотил ее и улегся в постель.

Немного времени прошло, Красная Шапочка обратно идет. Тук-тук — стучится в дверь, а волк отзывается:

— Сунь ручонку в щелку, подними защелку! Дверь и откроется.

Мягким, тонким голосом говорит, чтоб девочка его не узнала.

Входит Красная Шапочка, несет бабушке колбаски из кладовки.

— Положи сперва колбаски на стол, девочка, потом свари их в котелке да иди ко мне.

Вот подошла Красная Шапочка, хочет бабушку приласкать, только дивится на нее:

— Бабушка, а почему у тебя такие большие ушки?

— А это чтоб тебя получше расслышать, дитя мое, чтоб тебя получше расслышать.

— Бабушка, а почему у тебя такие большие зубки?

— А это чтоб тебя лучше съесть, дитя мое, чтоб тебя лучше съесть!

Съел волк сперва колбаски вареные. А девочка говорит:

— Пусти меня, бабушка. Я поиграю-погуляю, а там и опять загляну, тебя повидаю.

Не поверил волк Красной Шапочке, привязал ее бабушкиной ниткой за ногу и держит за конец, чтоб далеко не убежала.

А Красная Шапочка вышла, нитку оборвала да на дерево влезла. Волк дерг нитку — никого! Побежал за девочкой, а на дерево забраться не может.

Тут идут дровосеки дерево рубить. Поймали волка, зарубили его — и бабушку спасли, и Красную Шапочку с дерева сняли.

А на крыше бабушкиного дома вороны сидели. Они как закаркают:

Кар-кар!

Кости в яму, шкуру на базар!

Кот, петух и серп

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Жил-был бедный мельник. Умер он, а своим сыновьям ничего путного в наследство не оставил, потому что все его имущество было кот, петух да серп. Вы скажете, а чья же мельница, а чей же осел? Мельница господская, а осел, тот умер раньше самого мельника.

Сыновей было у мельника трое. Возвращаются они с похорон и думают: что же теперь делать?

— Несчастные мы люди, — говорит старший брат — Пьер. — Что ж, давайте отцовское наследство делить на троих, хоть оно и маловато. А там пустимся искать удачи по белу свету. Пойдем кто куда, а ровно через год и один день встретимся. Согласны?

— Пусть так и будет, делать нечего, — говорят ему меньшие братья. — Дели наследство, ты старший.

— Ну, ладно. Ты, Жан, бери петуха. Ты, Жак, бери серп, а мне кот остается.

И отправились братья в дальние края — счастье искать. Жан шагает с петухом, велит ему не отставать. Жак — с серпом под мышкой. А Пьер, старший мельников сын, кликнул кота и тоже пошел в путь-дорогу.

Сперва шли братья вместе. А у перекрестка обнялись и расстались. Отправились дальше поодиночке — один с котом, другой с серпом, третий с петухом.

Много дней прошагал Пьер, в неведомое королевство зашел. Смотрит, у королевского дворца людей видимо-невидимо, у каждого в руках здоровенная палка. С этакой-то палкой они за мышами гоняются, колотят их, да только все впустую: оказывается, уж полгода как воюют, а всего четырех мышей и пристукнули. Смотрит Пьер на них, удивляется. Тут, откуда ни возьмись, выбегает толстая-претолстая мышь. Полсотни охотников с палками кинулись за ней! Рассмеялся Пьер, глядя на такую охоту. Запыхались королевские слуги, злятся, а мышь будто рада. Снует у них промеж ног, словно издевается. Несчастные то и дело друг по другу палками бьют, только мышь никак не зацепят.

Пьер уж вовсю хохотать начал. Остановилось королевское войско; на Пьера смотрят, рассердились. А один и говорит:

— Будь ты на нашем месте, чужеземец, ты бы так не смеялся.

— Почему же?

— Да потому! Не знаешь, видно, какво с мышами-разбойницами воевать, проклятье на них!

— Да мне никакого труда не стоит эту мышь поймать! Глядите-ка!

Выпустил Пьер кота, тот как бросится на мышь, сразу поймал. Взял в зубы и несет хозяину.

— О, боже! Что за зверь такой чудесный! — вскричали королевские слуги, а сами надивиться на кота не могут.

— Этот зверь называется кот. Он всех мышей в вашем королевстве переловить может.

— Кот! Что за кот? А людей он ест?

— Нет, он ест мышей да крыс.

— Тогда пойдем скорее к королю, он будет рад тебя видеть и твоего... Как его звать-то?..

— Кота.

— Кота! Король дорого заплатит за такого зверя. Не робей, проси больше денег.

Пошел Пьер во дворец к королю.

— Говорят, — молвил король, — будто твой зверь за несколько секунд мышь съедает. И будто его можно смело держать на воле, моих подданных он не тронет. Это так?

— Так, ваше величество. И я сейчас же это вам покажу.

А по дворцу прямо на глазах у всех мыши снуют. Пустил Пьер кота, а тот рад поживиться. Цап одну мышь! Цап другую! А там и третью! Всех мышей во дворце живо переловил.

Король прямо остолбенел.

— За сколько ты его мне продашь?

— Нет, ваше величество. Не продам я кота. Не могу с ним расстаться.

— Но он мне нравится! Так нравится, что я за него полкоролевства не пожалею! Продай, говорю!

— Не могу. А впрочем, отдадите мне в жены вашу дочь, тогда дело решено. И я с котом не расстанусь, и вы его заполучите.

Согласился король, делать-то нечего. В тот же день и свадьбу сыграли. Стала королева Пьеру женой.

Ну, а Жан, средний мельников сын, шел-шел и тоже пришел в неведомое королевство. Приняли его хорошо, только в тот же день на закате смотрит Жан и удивляется — отправляют куда-то с королевского двора огромную колесницу, вороными лошадьми запряженную. Выехала колесница и на восток отправилась.

— Куда это поехала ваша упряжка? — спрашивает Жан у придворных.

— Как куда? Да ты что, не в своем уме? За завтрашним днем, без этого завтрашний день никак не наступит. А в вашей стране разве ночь не кончается?

— Да нет, как же, кончается. Спасибо, что объяснили.

Дождлся Жан ночи, лег спать. Проснулся, часы шесть пробили. Удивился Жан: лето, шесть часов утра, а на дворе темным-темно. Вот уж семь пробил, восемь, а все ночь да ночь. Наконец в десять часов слышит: вдалеке колеса скрипят, колесница громыкает, та самая, что вчера уехала за завтрашним днем.

«Э, да тут что-то небывалое, — удивляется Жан. — У них, наверное, о петухах-то и не слыхивали. Вот придет снова ночь, посмотрим».

А ночью посадил Жан петуха на подоконник, окно пошире раскрыл и ждет-дожидается, что будет.

В три часа ночи петух проснулся, затрепыхался, забеспокоился, зашумел да как крикнет: «Ку-ка-ре-ку!» А потом еще раз да еще.

Тут и рассвело. А во дворце-то переполох! Сперва думали, колесница раньше обычного пришла, да потом видят, что она и не появлялась. Что случилось? Кто-то и говорит: как раз перед рассветом в комнате у чужеземца какая-то птица прокричала.

Велел король позвать к себе чужеземца.

— Так это ты рассвет устроил?

— Я, ваше величество. А точнее, не я, а вот эта живность, что у меня под мышкой.

— А как эта птица зовется?

— Петух, ваше величество. Крикнет он «кукареку», день его и слушается, сразу приходит.

— А где ж такую птицу диковинную достать? Продай ее мне. Что ни попросишь, все за нее отдам, полкоролевства не пожалею.

— Нет, ваше величество, мой петух не продается. Ни за серебро, ни за золото. Не могу я с ним расстаться. А впрочем, отдадите мне в жены вашу дочь, тогда дело решено. И я с петухом не расстанусь, и вы его заполучите.

— Согласен! Согласен! — обрадовался король.

До чего выгодно сторговались!

В тот же день и свадьбу сыграли. Стала королева Жану женой.

Ну, а Жак тем временем уж не раз хотел свой серп выбросить. Самая плохая доля из наследства ему досталась. Думал он так, думал, да крепился. Идет своей дорогой, не бросает все же серпа.

Пришел, как и братья, в чужую страну. Видит, стоит дворец тамошнего короля, а вокруг большие пшеничные поля. Ходят по полям крестьяне и зерно с пшеницы палками сшибают. Зерно на землю осыпается, а крестьяне из сил выбиваются, молотят да молотят по колосьям.

Смотрит на них Жак, удивляется, своим глазам не верит. Подошел к полю да серпом-то и принялся пшеницу жать.

— Что за штука у тебя такая? — удивляются крестьяне. — Надо королю рассказать.

Рассказали королю, что за штуку видели у чужеземца. Король и пришел посмотреть на диво дивное. Просит он Жака показать, как серп колосья срезает, а потом и говорит:

— Продай мне твой серп.

— Нет, ваше величество, мой серп не продается. Ни за серебро, ни за золото. Не могу я с ним расстаться. А впрочем, отдадите мне в жены вашу дочь, тогда дело решено. И я с серпом не расстанусь, и вы его заполучите.

— Согласен! Согласен! — обрадовался король.

До чего выгодно сторговались!

В тот же день и свадьбу сыграли. Стала королева Жаку женой.

А тут как раз год проходит. Ровно через год и один день возвращаются братья домой — Пьер, Жан и Жак. Встретились, обнялись. Каждый и счастлив, и богат, и у людей в почете.

А все почему? Все из-за ката, петуха да серпа, что они от бедного отца-мельника в наследство получили.

Лис-лисеныш

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Жил-был король, и было у него три сына. Кому престол передать? Вот король и говорит сыновьям:

— Идите-ка вы по белу свету. Кто достанет мне три самых чудных чуда на свете, тому и королевством править. А чудеса эти — белый ворон, чудо-кобылица и чудо-красавица.

Пошли сыновья удачи искать. Много дней идут, видят — дорога раздваивается. Старшие братья договорились идти вместе, а младший один пошел.

Идет горюет да плачет. А дорога тем временем в большой глухой лес свернула. Вдруг — стоит на пути лис-лисеныш. Наклонился королевич к лисенку, хотел его поймать, а лис-лисеныш и говорит:

— Ты куда идешь?

Рассказал королевич.

— Что ж, помогу я тебе добыть три самых чудных чуда на свете, — улыбнулся лис.

И пошли они вместе. Идут, видят: дома стоят. Лис-лисеныш говорит:

— Белый ворон живет у хозяев этого дома. Будет он твой. — И убежал.

Зашел королевич в дом, просится переночевать, утром спрашивает у хозяев, не продадут ли они ему белого ворона.

— Не продадим, — отвечают хозяева. — Приведи нам чудо-кобылицу, на нее белого ворона обменяем, пожалуй.

Ударили на этом по рукам, и пошел королевич искать чудо-кобылицу. А у деревни ждет его лис-лисеныш. Выслушал он рассказ королевича и говорит:

— Ну вот, считай, что белый ворон твой. А чтоб чудо-кобылицу добыть, слушайся меня.

Пошли они дальше. Бредут уж несколько дней и снова подходят к деревне.

— Здесь, — говорит лис-лисеныш, — найдешь чудо-кобылицу.

Расстались они, как и в первый раз, и просится королевич в одном доме на ночлег. Встретили его хорошо, а как уходит поутру, спрашивает королевич хозяев, не отдадут ли они ему чудо-кобылицу. Согласился хозяин.

— Только, — говорит, — взамен добудь для моего старшего сына чудо-красавицу. Приведешь ее, твоя чудо-кобылица.

Королевич обещал и пошел дальше. Выходит из деревни, а там уж его лис-лисеныш дожидается.

— Вот и второе чудо, считай, твое. Теперь на третьем не оплошай, это дело самое трудное.

Идут они дальше. Сколько времени ни прошло, а только стоит на их пути в густом лесу большой дворец, и никого-то во дворце не видеть. Лис-лисеныш и говорит королевичу:

— Жди меня через три дня на закате. Здесь живет чудо-красавица, да она заколдована: сидит баюкает чудо-чудовище. На третью ночь в полночь ее украдешь. Иди пока, попроси ночлега на постоялом дворе, что неподалеку, а там и возвращайся ко времени.

Через три дня встречаются они, а лис-лисеныш уж ключ от замка раздобыл. Дает лис-лисеныш ключ королевичу:

— Как пробьет двенадцать, суй ключ в замочную скважину. Да ступай потише, башмаками не греми. Утром снова встретимся.

Сказал и убежал. Ждет королевич своего часа и, как забил в соседней деревне полночь, потихоньку-потихоньку подходит к замку и сует ключ в скважину. Открыл двери, снимает башмаки. Видит, сидит чудо-красавица, самая распрекрасная на свете, а у нее на коленях чудо-чудовище спит. Спит, ничего не слышит. Развязал королевич красавицын передник; в этом переднике они вдвоем чудо-чудовище и перенесли, в кресло уложили, разбудить не разбудили. Тихонько оба к дверям прошагали, вышли крадучись и на два оборота замок заперли. Только не убереглись: звякнул ключ в замке, чудо-чудовище проснулось и ну бушевать! Всю комнату разнесло — как это оно без няньки осталось и выйти наружу не может?

А королевич с чудо-красавицей радуются: она — что на свободе, а он — что добычу последнюю добыл. Всю ночь брели по лесу, а утром глядь — навстречу лис-лисеныш.

— Через несколько дней пойдем с тобой за чудо-кобылицей, — говорит.

Не хочет королевич менять чудо-красавицу на чудо-кобылицу. А лис-лисеныш его утешает:

— И красавица будет твоя. Бери у хозяев чудо-кобылицу, взнуздай ее, садись в седло, а как уезжать, попроси взглянуть на красавицу. Протянет она тебе руку, а ты ее подымай скорей на чудо-кобылицу, шпоры в бока и был таков.

Как сказал лис-лисеныш, все так и вышло. Пустился королевич вскачь с чудо-красавицей, покричали-покричали хозяева, да видят — не догонишь.

Едет королевич туда, где белый ворон живет, а навстречу опять лис-лисеныш.

— Повезло тебе, королевич, теперь слушай меня дальше. Пойдешь за белым вороном, проси к нему клетку, а напоследок зерна ему на дорогу. Отправятся хозяева за зерном, а ты клетку в охапку и бегом!

Так все и вышло. Бросились хозяева за королевичем вдогонку, да куда! Всех увел королевич — и чудо-красавицу, и чудо-кобылицу, и белого ворона.

Увел и в тот же день решил ехать к отцу. А тут снова лис-лисеныш выходит из лесу.

— Послушай еще, — говорит. — По пути у вас будет город, в городе холм. На холме жандармы с колодниками. Колодники-то — братья твои. Будешь мимо них проезжать, не говори ни слова, что бы ни случилось. А то беда!

Обещал королевич так и сделать. Въезжает на холм, видит: жандармы двух колодников ведут. Остановился королевич. Забыл, что лис-лисеныш наказывал, и спрашивает:

— А нельзя их освободить? Я заплачу!

И освободил братьев.

Пошли дальше все вместе: и три брата, и три чуда. Только стали старшие братья младшему

завидовать и порешили от брата как ни то избавиться, а чудесами завладеть.

— Давай, — старший брат предлагает, — брата в колодец бросим, а чудо-чудеса себе скорей возьмем.

Так братья и сделали. Домой вернулись и чудо-чудеса с собой привезли.

Лежит королевич на дне колодца. И в колодце темно, и наверху ночь глубокая. Тут, на счастье, лис-лисеныш объявился.

— Не послушался ты меня! Так бы тебе и умереть в колодце. Отсюда не скоро выберешься. Да только я как смогу, так тебе помогу.

Стал лис-лисеныш королевичу еду носить. Каждый день носит. Много ли, мало ли времени так прошло, а однажды лис-лисеныш и говорит:

— Попробую тебя вытащить. Только сбегая в поле, я там брошенную одежку присмотрел.

Приносит лис-лисеныш одежку, бросает королевичу в колодец. Тот оделся и спрашивает:

— А как же ты меня вытащишь? У тебя ни веревки, ни лестницы.

— Не твоя забота, — молвит лис-лисеныш. — Спусти хвост в колодец, а ты тянись да хватайся.

Подпрыгнул королевич, изо всех сил схватился за лисий хвост. Руками и зубами держится, как бы не отпустить. А лис-лисеныш изо всех сил тащит. Тащил-тащил и вытащил.

— Ну вот, — говорит. — Опять тебе повезло. Год и один день просидел ты в колодце. Если на этот раз меня послушаешь, еще повезет. Идем к ручью — умоешься, а то в деревне праздник. Увидят тебя, грязную, и арестуют, как бродягу. В деревню придешь, скорей нанимайся в батраки, копи на дальнюю дорогу.

Пошел королевич к ручью, умылся и в деревню зашагал. Там нанялся в работники, долго работал. Наконец заработал денег на дорогу и пустился домой, в путь далекий.

Подходит к отцовскому дому, а навстречу снова лис-лисеныш.

— Иди просись ночевать на конюшнях у отца. Поначалу тебя не узнают, примут, но в дом пускать не захотят. Ты молчи, а как станут жаловаться, что у них белый ворон заболел, умирает, скорей скажи, что ты лекарь и ворона вылечишь.

Так и вышло. Попросил королевич принести ему белого ворона, погладил птицу, она и открыла глаза, задышала.

— Дайте ей зерна, — приказал королевич.

Принесли зерна, ворон поклевал и совсем окреп.

Пустили королевича на постой.

Ночью опять приходит к королевичу лис-лисеныш:

— Теперь тебе надо будет вылечить у них чудо-кобылицу, и она больна.

Вот вечером и говорят королевичу:

— Чудо-кобылица заболела, того и гляди, умрет.

Не хотели оставлять королевича еще на ночь, да он упросил, обещал кобылицу вылечить.

Заходит в стойло, а там кобылица лежит, ноги протянула, не пошевелится. Погладил он ее, приласкал и позвал:

— Пойдем-ка, подружка!

Кобылица и встала на ноги. Он опять приласкал ее — она заржала.

— Дайте ей сена, — приказал королевич, — кобылица ваша здорова.

Удивились королевские конюшие, доложили королю. Король обрадовался такому гостю, оставили королевича на ночь, принимают его с честью.

А ночью опять приходит к королевичу лис-лисеныш:

— Завтра надобно, чтоб они тебя узнали. Пожалуются, что чудо-красавица больна и врачи ее вылечить не могут, а ты скажи, что, пожалуй, возьмешься за дело.

Вечером приходит королевич на конюшни ночевать, а его не пускают. Говорят, чудо-красавица, невеста старшего королевича, заболела, не могут и свадьбу сыграть.

— А повидать ее можно?

Пошли королю доложить. Испугался король: увидит чудо-красавица такого оборванца — от страха сразу умрет. Старший сын и говорит отцу:

— Пусть его помогут да в мое платье переоденут.

Помыли королевича, одели. Берет королевич чудо-красавицу за руку и молвит:

— Что с вами, барышня? В вашем возрасте радоваться да цвести надо, а не страдать да маяться.

Услыхала чудо-красавица голос знакомый, открыла глаза, вскрикнула и в обморок упала. Король и старшие сыновья испугались, думают, умерла. А чудо-красавица пришла в себя и бросилась младшему сыну на шею.

— Он, — кричит, — он! Он меня от чуда-чудовища спас! Его братья в колодец бросили!

Тут и король сына своего признал. Старших сыновей прогнал, а младшему на следующий день устроил свадьбу с чудо-красавицей. Да такую пышную свадьбу, что вся округа собралась. Гуляли восемь дней и до сих пор вспоминают. А потом, как и было обещано, король престол младшему сыну передал. Стал тот править королевством вместе с женой — чудо-красавицей.

Кровь с молоком

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Жила однажды на свете девушка, да такая красавица, что все ее называли Кровь с молоком. Отец с матерью прятали ее от людей, держали взаперти — боялись, как бы кто не украл. Ворота у них всегда были на замке. Уйдет мать куда, а как воротится, обязательно скажет под окном:

Кровь с молоком, а Кровь с молоком!
Открывай ворота,
Я от холоду мертва!

Подойдет дочь к окну, спустит свою косу до самой земли — мать по косе в окно и залезет. Так всегда домой и забиралась, по дочкиной косе.

Поехал однажды на охоту в те места королевич, проезжал мимо их жилья. И слышит под окном:

Кровь с молоком, а Кровь с молоком!
Открывай ворота,
Я от холоду мертва!

Открылось тут окно, выглянула девушка, косу вниз спустила. А сама такая красивая, так и хочется вблизи на нее взглянуть. А как войти? В дом никак не войдешь. Ну, королевич и придумал. В один прекрасный день встал он под окном и говорит, как красавицына мать:

Кровь с молоком, а Кровь с молоком!
Открывай ворота,
Я от холоду мертва!

Девушка и поверила, спустила косу, а он по косе к ней и забрался. Удивилась девушка, что за гость такой?

— Что же ты, несчастный, наделал! Знаешь, что теперь будет?

— Рядом с тобой хоть умру! — отвечает королевич.

Как на беду, тут мать приходит. Кличет свою дочку, как всегда кликала. А Кровь с молоком взяла да и спрятала королевича в апельсин, а уж потом матери косу свою в окно спустила. Испугалась, как бы мать королевича не убила. Мать-то у нее была колдунья. Поднялась мать в комнату:

— Человечьим духом пахнет!

— Никого здесь нет, — отвечает дочь, — да и как кому войти?

— Кто-то тут схоронился, — говорит колдунья, а сама ходит по всем углам, принюхивается: — Человечьим духом пахнет! Дай-ка мне, дочь, поесть!

Только хотела схватить апельсин, где королевич спрятался, а дочка подает ей другой. Съела мать апельсин, так королевич и спасся.

Ушла колдунья, Кровь с молоком выпустила королевича из апельсина.

Спасся-то он спасся, да только не хочет с девушкой расстаться, не может с ней не видаться. Скоро опять подходит к ее окну и говорит, как ее мать говорила:

Кровь с молоком, а Кровь с молоком!
Открывай ворота,
Я от холоду мертва!

Девушка открыла окно, подала ему косу, он и поднялся. Сидят да милуются, пока мать не вернулась. Опять девушка королевича спрятала, на этот раз в орех, а тогда и мать впустила.

Не успела колдунья взобраться в дом, ну принюхиваться:

— Сейчас уж точно! Кто-то здесь прячется!

— Да кому же сюда войти, матушка?

— Человечьим духом пахнет!

Хочет мать съесть тот орех. Кровь с молоком исхитрилась, подсунула ей другой.

Ушла колдунья, выпустила красавица королевича из ореха и велела в третий раз приходить.

Пришел он без страха и в третий раз. Забрался по красавицыной косе в окно, девушка ему и говорит:

— Не будем здесь матери сидеть-дожидаться. Она тебя погубит. Давай вместе убежим.

Спустились они вниз и бегом в конюшню.

— Тут две лошади. Бери, какая потощей, — молвит красавица.

Видит королевич, стоят две лошади: одна тощая, другая добрая. Он и взял какую поглаже.

Девушка его журит:

— Что ты наделал? Лошадь, какая потощей, бежит как забота. А какая подобрей, бежит как ветер. Потощей надо было брать. Забота-то бежит быстрее ветра.

Да ждать некогда. Берет девушка с собой кусок мыла, гребень и катушку ниток. Отправились вместе: красавица в седле, королевич на крупе пристроился, и поскакала лошадь как ветер.

— Как повеет у тебя за ушами, скажи, — велит Кровь с молоком.

— За ушами подуло! — кричит королевич.

— Так я и знала! Мать велела отцу за нами в погоню гнаться.

Бросает она мыло — позади гора выросла, гладкая да скользкая.

А отец — колдун — ехал на лошади, что бежит как забота. Быстро догнал беглецов, да на гору легко не заскочишь. Скользит лошадь, соскальзывает. Вот и вернулся отец домой ни с чем.

А Кровь с молоком говорит королевичу:

— Мать будет ругать отца, он опять в погоню пустится.

Колдунья, и верно, спрашивает мужа:

— Нашел беглецов?

— Да нет. Только гору из мыла и видел, а забраться на нее не смог.

— Ах ты непонятливый! Это они и были. Возвращайся да догоняй.

Снова отец беглецов догоняет, конь у него бежит как забота. Молодец кричит красавице:

— Опять за ушами повеяло.

— Это отец! Брошу-ка я гребень.

Бросила гребень, выросла за ними чащоба из вереска и ежевики. Не может пробраться через чащу отец, вернулся домой ни с чем.

— Догнал ли? — Колдунья спрашивает.

— Нет, только в чащобу заехал, да такую глухую, что в ней и застрял.

— Дурачина ты! Это ж они и были. Ну, на этот раз я их сама догоню.

Села на мужнева коня и быстрее вдогонку.

Увидела ее Кровь с молоком и говорит:

— Мать едет, теперь нам не спастись, разве в реке спрятаться.

Бросила катушку с ниткой — тотчас река по полю легла. Плышет колдунья, плывет, доплыть до берега никак не может.

— Ну, берегись! — кричит. — Обнимется твой суженый с кем другим, и никогда вам больше не видаться! Забудет он тебя!

И уехала восвояси.

— Слышишь, с другими тебе нельзя обниматься, а то забудешь меня, — молвит девушка.

— Ладно, не буду.

Решил тут королевич домой к себе заехать, своих повидать. Родители хотели его обнять, а он не дается:

— Не обнимайте меня!

С усталости прилег королевич и заснул. Тут приезжает в гости его тетка. Увидела племянника, обрадовалась:

— Дайте-ка я его обниму да поцелую.

— Не надо, он спит.

— Нет, обниму да поцелую.

И обняла его. Проснулся королевич, ничего не помнит. Не вернулся к красавице, и осталась она одинешенька.

Стала девушка портняжным ремеслом заниматься да постоянный двор держать. Остановились как-то у нее трое молодцов. Глядят на красавицу, глаз отвести не могут. Один и говорит:

— Вот я к ней проберусь!

А Кровь с молоком услышала это.

— Что ж, приходи, — молвит. — Пробьет десять вечера, буду тебя ждать.

Пробили часы десять раз, приходит молодец. А она ему из комнаты кричит:

— Закрой-ка внизу дверь!

Пошел молодец дверь закрывать, да только как ни закроет, дверь снова открывается. Всю ночь у двери на холоду проторчал, прозакрывался.

Утром спозаранку, в пять часов, выходит хозяйка. Увидела молодца, удивилась:

— Ты что же? Так дверь и не закрыл?

Хлоп дверью, она и закрылась.

Собираются снова те трое молодцов, и второй говорит:

— Сегодня я к ней проберусь!

— Что ж, приходи, — откликнулась красавица. — Пробьет десять вечера, буду тебя ждать.

Пробили часы десять раз, приходит молодец. А она ему из комнаты кричит:

— Загаси-ка огонь в печи, я забыла!

Идет он гасить, берет совок, засыпает огонь золой, да чем больше сыплет, тем огонь сильнее разгорается. Так всю ночь у печи и проторчал.

В пять утра встает Кровь с молоком, выходит. Увидела внизу молодца у печи, удивилась:

— Ты что же? Так печку и не потушил?

Берет совок, посыпала золы на огонь, огонь и погас.

А третий из тех молодцов был суженый красавицы, тот королевич. И тоже говорит:

— Сегодня я к ней проберусь!

Приходит, как она назначила, в десять часов. Кровь с молоком и просит:

— Вынеси-ка лохань с помоями, а то я забыла. Берет он лохань, идет выносить. Да не за свое дело, видно, взялся: только выплеснет, а лохань снова полная. Так всю ночь на дворе и провел с лоханью в руках.

Спозаранку выходит хозяйка во двор:

— Ты что же? Так помои и не выплеснул? Размахнулась и тут же выплеснула. Встречаются снова трое молодцов и друг другу рассказывают, как что было. Первый говорит:

— Я всю ночь дверь закрывал.

А второй говорит:

— Я всю ночь огонь в печи гасил.

А третий:

— Вам больше моего повезло. Я всю ночь из лохани помои выплескивал.

— Да уж! Здорово нас одурачили!

Отправился королевич домой, так суженую свою в хозяйке и не узнал. Проходит время, и решил он жениться. Пошла его невеста к хозяйке постоялого двора — сшить у нее подвенечный наряд. Сшила ей Кровь с молоком красивый наряд. Пошли жених с невестою венчаться — глядь, все платье превратилось в тряпье да в тесемки, в ветошь да лоскутья.

— Что это у тебя за платье? — удивился королевич. — Не буду на тебе жениться.

Невеста снова бегом к хозяйке. Кровь с молоком опять сшила ей красивый наряд, а на венчанье то же случилось: не платье, а тряпье.

На третий раз королевич сам повел невесту к портнихе за платьем. И сшила Кровь с молоком такое

платье, в каком он ее первый раз в жизни увидел, в доме отца с матерью.

Взглянул королевич, сразу вспомнил и платье, и свою суженую. И говорит:

— Вот моя жена, и другой мне не надо.

Жан Заверни-под-рукав

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

одной женщины было три сына, и такие милые, что просто радость глядеть. Но третий, бедняжка, был такой маленький, что и в пригоршне уместился бы. Потому его и звали Жан заверни-под-рукав.

В те времена бедняки так маялись, что и не описать. Столько было всяких войн, что вспахать землю было некогда. Опустели поля: ни зерна, ни хлеба. У господ-то в амбарах запасы были, а мужик-деревенщина питался чем попадя, иной раз и травой.

Бедняжка мать плакала в своей хижине: дети голодны, а накормить их нечем. Кто, кроме матери, поймет такое горе? Детишки голосят — у нее сердце надрывается. «Будь их у меня хоть двое, — думает женщина, — я бы их еще выходила. А с третьим что делать, с ним-то как быть?» И она все плакала да плакала; а горю своему пособить нечем. «Возьму-ка да потеряю его в лесу!»

Но когда задумалась женщина, кого из трех ей лишиться, горько ей стало, и она снова заплакала.

И вот решила она избавиться от младшего. Посылает мать детей в лес и первым двум говорит:

— Пойдите погуляйте в лесу да зайдите подальше. Вот вам горох, сыпьте его по дороге, по гороху дорогу обратно найдете. А Жан заверни-под-рукав пусть остается. Спрячьтесь от него в лесу да там и бросьте.

Так дети и сделали, как мать им сказала. Идут себе, идут, старший горох по пути рассыпает. Зашли далеко, уж еле ноги волочат. Остановились и сели под большим буком. Поели с него орешков, голод утолили. Самый маленький заснул, тут они его, бедняжку, и бросили.

Проснулся Жан заверни-под-рукав, видит, братьев нет. Стал сам искать дорогу — он видел, как старший брат сыпал горошины; по ним и добрался до дому.

Приходит домой, а уж ночь, двери заперты.

— Мамочка, а мамочка! Открой дверь!

Мать бежит, дверь открывает и спрашивает:

— Ты откуда, мой малыш?

Он ей и рассказал, как братья его потеряли и как он нашелся.

Бедняжка был весь мокрехонек. Мать вздохнула горько, развела огонь, отогрела его.

Назавтра снова послала она детей в лес и наказывает: на этот раз чтобы Жан заверни-под-рукав не вернулся!

Послушались ее сыновья, так все и сделали. Оставили братца в большом овраге в глухом лесу.

Жан заверни-под-рукав был хоть и мал, а кричал громко! Звал он, звал свою мать, что послала его, бедного, на погибель. Никто не отозвался, разве только свой крик и слышит. От таких криков и каменное сердце дрогнет.

Плутал малыш по лесу там и сям и выбрался по тропке на луг, где пасся бык Морель. Испугался он, крохотный, такого огромного зверя и спрятался в траве у кучи камней.

А бык Морель пасся себе спокойно, привольно, подошел да вместе с пучком травы и проглотил малыша.

Мать же горемычная ночей не спит, все мается:

— Что я сделала со своим сыночком? Где его теперь искать?

Встала утром, пошла в лес и кричит:

— Жан заверни-под-рукав! Жан заверни-под-рукав! Где ты?

А его нет. Лес огромный, а Жан заверни-под-рукав такой маленький, что и наступишь, не увидишь.

Мать и у травы спрашивала, где сынок, и у можжевельника, и у сосен, и у огромных буков: не прячут ли они ее крошку? Но и трава, и можжевельник, и сосны только стеной стоят, густо сплели ветви и листья. А буки, старые да раскидистые, словно говорят: «Плохая ты мать, малыша нужно было беречь! Смотри, как мы-то бережем свои малые побеги!»

Материнское сердце всякий язык понимает. Наступит она на камень — ей и камень то же говорит; всякая тварь, что по земле ползает, о том же шепчет; и белки, что по ветвям скачут, и воронье, что по соснам каркает, и листья, что по лицу ей хлещут: «Беречь нужно было малыша!»

Так ей душу это и гложет, на сердце давит, великую печаль растравляет. Да нечего делать, возвратилась мать домой одинешенька.

А в тот день быка Мореля хозяин зарезал и выбросил потроха. Подобрался к ним ночью волк и съел, да и Жана заверни-под-рукав проглотил, не заметил. Так и оказался тот у волка в глотке, там и сидит. А волк, овечья гроза, все рыщет по округе да рыщет: нет ли еще чем поживиться? Подкрался к загону для скотины, а из глотки у него Жан заверни-под-рукав как закричит:

— Эй, пастух! Эй, овцы! Берегись! Волк!

Услышал пастух, пустился с собаками за волком в погоню. Еле волк до лесу добрался, побит палкой да собаками покусан. Сколько ни пробует овечкой закусить, а все Жан заверни-под-рукав ему мешает.

От побоев сыт не станешь, только разве ноги протянешь. Совсем волк оголодал. Просит совета у лисы.

— Я, — говорит, — из всех зверей самый несчастный. Засело у меня что-то в глотке и каждый раз, как подберусь к скотине, кричит что есть мочи. Набрасываются на меня пастухи, не дают поесть. Совсем помираю с голоду.

А у лисы все какая-нибудь гадость на уме. Опустила этак голову, глаза закрыла, будто задумалась. Открывает глаза и говорит с умным видом:

— Братец волк, припоминаю такую немочь! Кто-то из вашего рода ею как-то маялся, а кто-то из нашего рода ее вылечил. Не бойся и ты, я тебе в горе пособлю. Ты вот что сделай. Видишь, там два дерева чуть не срослись? Суй между ними шею да зажимай потеснее, как только можешь. Что у тебя там в глотке кричит, то, глядишь, и выскочит.

— Спасибо тебе, лисонька, спасибо, — обрадовался волк, а сам от голода еле на ногах стоит. — Я тебе за совет и помощь добром отплачу.

Залез волк шеей между двух стволов и ну втискиваться, где поуже. Задышается, а уж обратно выбраться не может. Дернулся изо всех сил — голову-то себе и оторвал. Обрадовалась лиса и убежала в лес. Довольна, что волку гадость сделала.

А Жан заверни-под-рукав тут на волю и вышел. Взобрался на ветку, что касалась земли, и залез на высокий-высокий бук. Только хотел посмотреть, не видать ли дороги до дому, как вдруг подходят трое разбойников и садятся под деревом добычу считать, старые деньги — пистолы да экую:

— Это твое, это его, это мое!

— Нет, мое! — кричит сверху Жан заверни-под-рукав.

Разбойник думает, его товарищ жалуется, и отвечает:

— С тебя, дурень, хватит!

Начинают снова делить, а Жан заверни-под-рукав все кричит да кричит сверху:

— Нет, мое!

Испугались тут разбойники и ну убежать, а все свои монеты под буком оставили.

Жан заверни-под-рукав с дерева увидел монеты и думает: «Вот бы отнести их домой!» Да не знает, где дом, в какую сторону идти надобно. Думал-думал, а тут вдруг мать подходит. С того самого дня, как бросили братья его в лесу, она все Жана искала. Так и нашла при мешке с монетами.

Схватила мать сыночка, в руках сжала, всего обцеловала, от счастья плачет:

— Ах ты, мой цыпленочек! Нашла я своего цыпленочка!

Да и Жан заверни-под-рукав прижался к ней:

— Мама! Мама! Больше мы с тобой не расстанемся!

Подобрала мать мешок с монетами и повела сына домой. Как вернулись они к себе в хижину, всем была радость.

Дядюшка Долгонос

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

или-были на свете по соседству два короля. Друг другу они так завидовали, что однажды началась у них война. Один король все был битый да битый, никак не мог управиться со своим войском. Стало оно как-то на берегу реки, а через реку ни моста, ни жердочки.

Посылает король офицера посмотреть, что враги делают. Офицер залез на верхушку высоченного дерева, всего леса выше, туда, сюда посмотрел и вдруг видит: чуть не под ним на поляне ребяташки играют, костер развели. И тут подходит к ним человек, да такой длинноносый, что носу и конца нет. Ребяташки бросили игру и к нему:

- Дядюшка Долгонос! Дядюшка Долгонос!
- Здравствуйте, детки, — говорит Долгонос.
- Здравствуй, дядюшка Долгонос! Что нового у тебя?
- Да кое-что есть, ребяташки.
- Скажи скорей, дядюшка Долгонос!

— Я вам скажу, да только вы молчок. Воюют друг с другом два короля. Один все битый да битый, через реку без моста никак войско не переправит. А не знает, что растет в лесу, от нас неподалеку, красный дуб. Одну веточку с него срежешь, поперек реки положишь — сразу мост вырастет. Только об этом никому ни слова!

Крик-кряк, брик-бряк!
Слово скажешь — камнем станешь!
Крик-кряк, брик-бряк!

Офицеру только того и надо. Слез он с дерева и пустился искать красный дуб. Нашел, срезал веточку и понес к королю.

— Ваше величество, — говорит, — я берусь за одну ночь мост через реку навести. Пусть армия будет наготове. И ни о чем больше не спрашивайте.

— Сделаешь, что обещал, — отвечает король, — хорошо тебя награжу.

Положил офицер веточку на берег, а она вдруг ну расти да расти: в мост превратилась, через реку перекинулась.

Прошла армия по мосту и побила врага, врасплох застала.

Немного времени прошло, собрали враги все свои войска и опять короля побили.

Решил офицер к дереву вернуться. На самый верх забрался, видит: опять поляна, на поляне у огня

ребятишки, а к ним, откуда ни возьмись, шагает человек с длиннющим носом.

— Дядюшка Долгонос пришел! Здравствуй, дядюшка Долгонос!

— Здравствуйте, детки.

— А что ты нам расскажешь?

— Что расскажу-то? Да знаю кое-что.

— Скажи скорей, дядюшка Долгонос!

— Я вам скажу, да только вы молчок. Навел король мост через реку, да все равно его потом побили. А не знает, что растет в лесу, от нас неподалеку, дуб-дупло. В дупле труха. Соберешь эту труху, неприятелю в глаза бросишь — сразу враг задохнется и ослепнет. Только об этом никому ни слова!

Крик-кряк, брик-бряк!

Слово скажешь — камнем станешь!

Крик-кряк, брик-бряк!

Офицеру только того и надо. Слез он с дерева и ну скорей искать дуб-дупло. Нашел, все карманы трухой набил и идет к королю.

— Ваше величество, — говорит, — шлите армию в бой, а я спереди стану, тогда всё и увидите. Только б ветер дул от нас на врага.

— Пусть будет, как ты говоришь, — отвечает король. — Побьем врага, я тебя хорошо награжу.

Началась назавтра битва. Бросает офицер труху по ветру, а она в тучи превращается и вражеских солдат душит. Кто тут же замертво упал, кто убежал, один на тысячу разве только и спасся. Сдался враг, и подписали мир.

Хвалит король офицера за победу.

— Я тебе обещал добрую награду. Даю тебе свою дочь в жены, лучшей награды не придумаю.

Дочь короля, что дневной свет, красива. А офицер-то уж давно был в нее влюблен. Ждет он свадьбы, ходит-гуляет с невестой по двору, развлекается. Она ему и говорит:

— Как же это вы мост через реку наладили да такой мор на врага напустили?

— Ах, королевна, я вам все скажу. Залез я на самое высокое дерево в лесу, вижу, огонь на поляне, а у огня ребятки. Тут идет к ним человек с длинным носом. Я их разговор и подслушал.

— А о чем был разговор?

— А вот о чем, королевна.

Только принялся рассказывать ей про те секреты, как вдруг обратился в камень. Королевна испугалась, зовет на помощь. Весь дворец собрался, и был там офицеров дядя.

— Ах, — кричит, — что стало с моим племянником!

Принялась королевна рассказывать, как да что было, и сама вдруг окаменела.

Горе во дворце. Велел король поставить окаменевших жениха с невестой в собор, и все недели траур.

А у дяди офицера все не идет из ума странная история, хочется ему повидать того Долгоноса. Не утерпел он и пошел в лес. Залез на самое большое дерево и видит: правду сказала королевна. На поляне костер горит, вокруг костра ребятки играют, а тут к ним и человек с длинным носом идет.

— Здравствуй, дядюшка Долгонос!

— Здравствуйте, детки.

— Какие сегодня новости, дядюшка Долгонос?

— Да уж кое-что есть.

— Скажи-ка нам! Скажи-ка нам!

— Я вам скажу, да только вы молчок. Когда я вам рассказывал про короля, что не может через реку перебраться и врага побить, его офицер сидел недалеко от нас на дереве и меня подслушал. Он и мост через реку перекинул, и волшебной трухой из дупла врагов закидал. Король ему в награду отдал свою дочь в жены. Но офицер выдал мою тайну королевне, да и она тоже проболталась. Оба и окаменели, все королевство теперь в трауре. А не знают люди, что есть в чаще леса родник, зеркальцем прикрыт. Поднимешь зеркальце, зачерпнешь чуть-чуть ключевой воды, на невесту с женихом брызнешь — они снова и оживут. Только об этом никому ни слова!

Крик-кряк, брик-бряк!

Слово скажешь — камнем станешь!

Крик-кряк, брик-бряк!

Офицеров дядя медлить не стал, скорей искать родник. Не сразу нашел, не один час потратил. К вечеру идет в собор с волшебной водой, нетерпится ему испытать средство. Только брызнул на своего племянника, а тот уже живой, бросился дяде на шею. То же самое и с королевной случилось.

Все обрадовались, снова к свадьбе готовятся.

А король все спрашивает дядю офицера, как он королевскую дочь оживил. Но тот крепится, не выдает тайну, боится, как бы и его не постигло страшное наказание. Король все дознает, и чувствует офицеров дядя, что нет мочи молчать. «Пойду-ка я, — думает, — снова к тому высокому дереву, может, что еще услышу и беду миную».

Вот отправился он в лес, на дерево забрался и смотрит сверху на поляну. Опять все как было: ребяташки у огня, а к ним идет человек с длинным носом.

— Здравствуй, дядюшка Долгонос!

— Здравствуйте, детки.

— Что нового, дядюшка Долгонос?

— Да уж кое-что есть, детки. Я вам скажу, да только вы молчок. Вы уже знаете, что офицер с королевной в камень превратились. А дядя офицеров спрятался на дереве недалеко от нас и меня подслушал, ходил к роднику и оживил невесту с женихом. Они снова живы-здоровехоньки, а дядя крепится, нет мочи тайну сбересть. Выдаст он тайну — камнем станет. А не знает, что растет на берегу реки апельсиновое дерево. Если сорвать с него апельсин и съесть, а потом вырезать дырочку в стволе и весь секрет туда шепотом сказать, ничего плохого с тобой не случится. Секрет по стволу в корни уйдет и в реке утонет. Хоть говори о нем, хоть кричи, а уж камнем не станешь. Только об этом никому ни слова!

Крик-кряк, брик-бряк!

Слово скажешь — камнем станешь!

Крик-кряк, брик-бряк!

Офицеров дядя слушает во все уши. Скорей с дерева и к речке. Нашел апельсиновое дерево и все сделал, как говорил дядюшка Долгонос. А потом пошел и без страха королю рассказал, как что было.

На следующий день и свадьбу сыграли. Если б вам про все веселье да про все забавы рассказать, что

там были, и до завтра бы времени не хватило. Одно только скажу, что жили молодые счастливо и долго, а в стране у них были мир да богатство.

Осел, сын чародея

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Давным-давно жил один крестьянин, и был у него осел. Возвращается как-то крестьянин с ярмарки, осла на уздечке ведет. Притомился и решил отдохнуть. Сел под деревом и заснул. А уздечку в кулаке держит, сквозь сон подергивает — здесь ли осел, проверяет.

Тут проходили мимо двое бродяг-проказников. Видят, спит крестьянин, и решили над ним подшутить. Потихоньку разнуздали осла, один с ослом поскорее прочь убежал, а другой залез в ослиную упряжь и ну уздечку дергать. Хозяин и проснулся.

— Что за шутки такие? А где же мой осел? — спрашивает.

— Вот он я, хозяин, — говорит шутник.

— Как вот он? Где же он? Я только тебя и вижу.

— Не удивляйтесь, хозяин. Я и есть ваш осел.

— Что за небывальщина?! Скажи мне толком, что со мной приключилось.

— А может, лучше не надо, господин мой?

— Господин?!

— Ну, да. Я же ваш осел.

— Чертовщина какая-то...

— Выслушайте меня, мой господин, все вам сейчас расскажу.

— Ну что ж, говори, да пояснее.

— Так вот, господин мой, я ведь сын чародея. Был я молод, жизнь вел привольную, в забавах и весельях. Отец сердился на это, ругал меня, да только я его вовсе не слушал. Плохой я был сын! Пять лет назад — сегодня как раз тому пять лет — разгневался отец на меня, непутевого, и говорит: «Не слушаешься ты меня, бездельничаешь. Быть тебе отныне в наказание пять лет ослом». Так и вышло, как сказал отец. Смотрю, у меня четыре ноги вместо двух и два длинных уха. И правда — осел! Так пять лет и прошло. Хорошо, повезло, что вы мне в хозяева достались. За уход большое вам спасибо, о лучшем я и не мечтал бы...

— Хм... Но ведь я тебя несколько раз дубиной дубасил!

— Да что там! Поделом мне за безделье! Ну, а теперь пять лет прошло, вот я и стал снова человеком. Был я вашим ослом, буду и сейчас весь ваш. Вы мой господин, делайте со мной, что хотите. Правда, я ни к какому делу не способен, все молодые годы пробездельничал, толку с меня мало. Ну, уж что тут поделаешь! Права у вас надо мной полные. Весь я ваш, и все тут.

— Вот так так! — удивляется крестьянин. — Что же мне теперь делать? Кормить да поить, а у тебя ни силы, ни сноровки, ни прилежания. Хорошенькое дело!хлопот, вижу, мне прибавляется.

— Что ж делать, что ж делать, хозяин.

— Да замолчи ты! Что делать... Что ни делай, осла теперь не вернешь.

— Да, мой господин, да.

— Какой я тебе господин! Я тебя знать не знаю и знать не желаю. Мотай отсюда подобру-поздорову. Улепетывай, да поживей!

Проказника два раза гнать не нужно — вмиг убежал.

Прошло несколько дней. Крестьянин без осла — как без рук. Пошел он на ярмарку покупать другого осла. А там как раз и попадается ему один из тех проказников — его же осла и продает.

Бедная скотина сразу хозяина узнала, обрадовалась. И лижет его, и обнюхивает, и ногами, бессловесная, перебирает. Узнал и хозяин осла, засмутился и говорит:

— Нет, милый, ты уж не сердчай, не возьму я тебя. Опять ты, видать, набедокурил, перед отцом провинился. Нет, мне такой осел не нужен, пойду другого искать.

Отвернулся крестьянин от своего осла и важно пошел дальше — искать другую животину.

Трое пройдох

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

или-были три брата-пройдохи, Амет, Берар и Травер. Не было им ровни в ловкости и в хитрости. Гуляли они однажды по лесу и друг перед другом похвалялись, кто какой сноровистый. Вот старший, Амет, видит: на высоком дубе сорочье гнездо и сорока как раз там.

— Братец, — говорит он Берару, — а что, если б кто-то предложил тебе утащить яйца из сорочьего гнезда и не спугнуть сороку?

— Я бы сказал, только глупец такое предложит. Такое никому не под силу.

— Да нет! — возразил Амет. — Ловкачу-то из-под сороки яйца вытащить ничего не стоит.

И полез на дерево. Пристроился под гнездом, тихохонько-тиохонько провертел снизу дыру, подставил ладони, яйца и попадали к нему одно за другим. Собрал их Амет, слез с дерева и показывает:

— А ну-ка, братья, глядите! Ни одного не разбил!

— Да ты, признаться, ловкач! — говорит Берар. — А теперь положи их обратно, но сороку не спугни. Если сделаешь, будешь над нами головой.

Полез Амет опять на дерево. А братец-то задумал его перехитрить да посмеяться. Потихоньку тоже полез на дерево. Лезет Амет, в оба глаза на гнездо смотрит, как бы сороку не спугнуть, ничего вокруг не видит. А Берар за ним крадется, потом изловчился и сдернул с брата шапку: тот, и верно, не заметил.

Положил Амет яйца в гнездо, вниз спускается, ловкостью гордится. Тут Травер ему и говорит:

— Э, да ты нас обмануть хочешь! Бьюсь об заклад, ты яйца-то к себе в шапку спрятал. А ну, покажи!

Старший брат поднял руку, а шапки-то и нет! Подшутили над ним братья шутку!

— Да-а, ловки, ничего не скажешь, — усмехнулся Амет.

А Травер подумал и сказал:

— Вот что, братья мои старшие. Вы много ловчей меня будете. Так что прощайте. Я, неумеха, в вашем деле не помощник. Пойду-ка я домой, буду с женой жить-поживать в тепле да покое.

Расстались Берар и Амет с Травером, да только до конца брату не верят. Знают, он пройдоха не хуже их. И решили они его проверить.

Прошло какое-то время, отправились братья к Траверу в гости, а его дома нет, только жена сидит прядет. Смотрят, свиная туша в углу лежит, хорошо прикрыта, но видно: свинью только что закололи.

— А-а-а, хитрец, — усмехнулись старшие братья, — этот пройдоха надумал свининой полакомиться да жену угостить, а нас позвать и не подумал! Разве это добрый брат! Накажем его, утащим свинью! Не видать ему свининки и не пробовать!

Обдумали они, что надо делать, и сделали. Подождали, пока вечер настанет, и, чтобы никого не спугнуть, расположились на ночлег по соседству — на постоялом дворе.

Травер вернулся домой, а жена ему рассказывает: братья, мол, наведывались, углядели, хитрые, где свинья схоронена.

— Ах, свинья ты моя, свинюшка! — стонет Травер. — Уж если братья ее увидели, точно украдут! Ах, беда моя, несчастье! И зачем я ее не отнес, не продал?

— Да что ты убиваешься загодя, — говорит ему жена. — Давай-ка уберем свинью, переложим с того места на другое — и не кушать им нашей свининки.

Травер решил, что совет жены добрый. Перетащил свинью в другой угол, задвинул ее квашней и пошел спать.

Спит, но только нет ему полного покою.

Ночью Амет и Берар тут как тут. Амет вокруг посматривает да караулит, а Берар в стене дырку расковыривает — как раз в том месте, где свинья днем лежала.

— Ах ты, тысяча несчастий, — сокрушается Берар. — Улетела наша птичка, улизнула. Поздно мы пришли.

А Травер хоть и спит, да шум слышит. Разволновался, поднялся с постели — хочет проверить, на месте ли перепрятанная свинья. Отодвинул квашню — здесь! Пощупал свинью, пошлепал для верности — все вроде в порядке.

Решил Травер заодно и амбар с конюшней проверить. Взял топор, вышел во двор, в темноте по конюшне бродит, лошадей считает.

А Берар видит, что Травер наружу вышел, и шмыг в комнату, где Травера жена спит, подходит к кровати и братниным голосом спрашивает:

— Жанна, а Жанна! Где свинья-то наша? Не могу ее найти!

— Не помнишь разве, что мы ее за квашню перепрятали?

— Ах, да! Совсем у меня голова дырявая! Перепрячу-ка я ее снова для верности. Самый ловкий ловкач не найдет.

Сказал это Берар, пошел прямехонько к квашне, взял свинью, взвалил на плечи и унес.

Возвращается Травер, спать ложится. А жена ворчит:

— Ты у меня вовсе безголовый-беспамятный. Вчера вместе прятали свинью за квашню, а ты уж и не помнишь!

Понял Травер, что дело плохо.

— Беда, — говорит, — беда! Пропало дело! Перехитрили меня братцы-пройдохи!

Но все же побежал догонять братьев, знает, что с ношей им далеко не уйти. А Амет и Берар направились в ближнюю рощу, хотят там добычу пока что припрятать. Амет впереди идет, дорогу ищет, а Берар позади — свинью тащит, пытит, надрывается. Забежал Травер вперед и говорит Берару братниным голосом, будто Амет вернулся:

— Ты не устал ли, братец? Дай мне свинью, а то что это все ты несешь да ты? Понесу и я немного, беги лучше дорогу высматривай.

Отдал Берар свинью, думал, Амету отдал, а отдал-то Траверу. Идет Берар легким шагом вперед. Что

за чудо? Догоняет Амета, а Амет без свиньи.

— Ах, проклятье! Одурачил меня этот плут Травер, над братом насмеялся! Ну, да ладно, долг платежом красен.

Снял с себя Берар рубашку, повязал ею голову, будто женским платком, и в таком наряде помчался обратно что есть силы — Травера опередить. Стал около ворот, будто братнина жена. Подходит Травер, свинью домой несет.

— Ну, что? Вернул свинью-то? — спрашивает Берар женским голосом.

— А как же!

— Ну, слава богу! Давай ее мне да иди скорей в коровник! Там шум какой-то слышать: как бы братья твои, не ровен час, не вернулись.

Травер поскорей снял с плеч свинью и бегом проверять коров. Никого не нашел, вернулся в дом, а там жена в постели лежит, от страха плачет:

— Ты где ж так долго?

Понял опять Травер, что братья его одурачили, но не хочется ему быть в проигрыше да посмешищем. «Все-таки и я, — думает, — ловкач не из последних, стыдно мне уступать. Так или иначе, а отыграюсь!»

Подумал Травер, прикинул и решил братьев в лесу искать: наверняка пойдут туда, где поглуше, где поспокойнее. И верно догадался: те в лес пошли. Радуются, что снова у них свинья злополучная. Остановились под густым дубом, костер развели, жаркое жарить собрались, а у самих уж и слюнки текут.

Горит костер, а огонь плохонький, дровишки сырые. Пошли братья-пройдохи сучьев да листьев посуше собирать. А Травер их уж издалика нашел, по огню заметил. Подкрался, видит: братьев у костра нет, а свинья на месте.

Схватил Травер свинью и бегом домой, к жене, гордится собой, выхваляется. Похвастался жене своей хитростью и говорит:

— Особо-то утешаться рано, братья мои такие ушлые пройдохи! Не будем настороже — свининой не полакомимся. Чего время терять: разрубим тушу, сунем в большой котел и поставим варить. А придут братья снова — поглядим, как им на этот раз повезет.

Сказано — сделано.

Зажгли Травер с женой огонь в печи, дым из дымохода так и валит; свинью драгоценную разделали, в котел бросили, сами рядышком стали. Только Травер-то сильно за ночь притомился-намаялся, носом клюет, совсем засыпает.

— Ложись-ка поспи, — говорит жена, — уж я при котле одна побуду. Чего бояться, двери-то и окна заперты. А услышу хоть шорох, сразу тебя разбужу.

Травер и улегся спать. Не успел уснуть, и жену сморило. Так у печи и сидит, носом клюет.

Ну, а Амет-то с Бераром, как вернулись к костру, видят — нет свиньи. Поняли братья, в чем дело. Стыдно им за себя и обидно: неужто младший брат самый ловкий из них? И решили: не бывать свинье за Травером! Хоть наизнанку вывернуться, а надо на своем поставить.

Пошли опять к брату. Заглянул Берар в дырку, что сам в стене провертел, и видит: Травер на постели лежит, а жена его у печки расселась, носом клюет; свинья же в котле варится.

— Ну, что ж, — обрадовался Берар, — они нам свинью сами сварить хотят. И то верно: мало ли мы за нее натерпелись. Ну, что ж, разлюбезные, свое и вы получите!

Взял он на дворе жердь подлиннее, залез на крышу и через дымоход жердь спускает, прямо в котел тычет. Тыкал-тыкал, поймал кусок свинины и вытянул к себе.

А тут Травер возьми да проснись. Видит, что на печи творится, и думает: да, таких ловкачей не проведешь.

— Братья, — кричит Травер. — Ну что вы мне крышу-то портите! Ладно уж, виноват, не позвал вас на угощенье. Забудем старое. Хватит друг перед другом ловчить да выставляться. Идите в дверь, я вам открою, вместе и закусим свининкой.

Сели братья за стол все трое, налагомились, помирились. И стали с тех пор друзьями — водой не разольешь.

Жан-дуралей

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

ил в одной деревне мальчишка, да такой глупый, такой глупый, что все его так и звали: Жан-дуралей.

Посылает его мать на базар свинью купить. Выбрал Жан-дуралей себе свинью, заплатил деньги и показывает свинье дорогу:

— Ну-ка, хрюшка, ты теперь моя. Пошла к нам домой! Вон туда шагай, прямо-прямехонько.

А сам походил-побродил по городу и тоже домой. Возвращается, а мать и спрашивает:

— Где же свинья?

Жан-дуралей рассказал ей, как что было.

— Простачок ты мой, ее же надо было за ногу привязать! Да не отпускать веревку! Свинья остановится, а ты ее палкой, чтоб шла куда надо.

— Ладно, другой раз не оплошаю.

Вот назавтра мать и велит Жану пойти купить горшок. Купил Жан-дуралей горшок, привязал его за ручку и тащит за собой да поглядывает, не отвязался ли. Горшок хлоп о камень и разбился — одна ручка на веревке осталась, а черепки на земле валяются. Взял дуралей палку и ну колотить их — ступайте домой, мол; в мелкие кусочки расколотил, совсем не соберешь. Приходит домой, ручку от горшка на веревке тащит.

— Где же горшок? — удивилась мать.

— А я как ты сказала, так и сделал, да горшок не захотел со мной идти.

— Простачок ты мой, его ж надо было на спину взять да идти посноровистей, чтоб не споткнуться.

— Ладно, другой раз не оплошаю.

На другой день мать снова шлет Жана на базар — купить кусок масла, да побольше. Жан-дуралей взвалил масло на плечи и идет посередке улицы — смотрит, как бы о камень не споткнуться. А солнце припекает, масло растаяло и ну течь ему на спину, всего залило. Приходит Жан домой, мать и спрашивает:

— Где же масло?

Жан-дуралей показывает ей спину.

— Простачок ты мой, масло-то надо было в мешок спрятать, чтоб на солнце не растаяло, да в воду помакивать, чтоб не размякло.

— Ладно, другой раз не оплошаю.

Опять посылает мать Жана на базар — теперь за головкой сахара. Кладет Жан-дуралей сахар в мешок, у первого же пруда останавливается и макает туда мешок, а потом и всю дорогу — то здесь окунет сахар в воду, то там. Радуетса дуралей, что делает все, как мать велела, да и мешок с сахаром вроде все легче да легче становится.

— Где же сахар? — встречает его мать.

Открыл Жан-дуралей мешок, а там и нет ничего!

— Простачок ты мой, головку-то сахара надо было бечевкой обвязать да так и нести.

— Ладно, другой раз не оплошаю.

Назавтра Жан-дуралей пошел за тестом. Обвязал его бечевкой — тесто и расплзлось.

Мать ему говорит:

— Надо же было тесто в корзину положить, а корзину на голове держать.

Послала мать Жана купить пера на подушку, так он сложил перо в корзину, а корзину себе на голову поставил. Корзину принес, а перо все на ветру разлетелось.

— Перо-то надо было камнем придавить, — сердится мать, а сама на другой день его за яйцами на базар послала.

Он их и придавил в корзине камнем...

Тут и сказке конец. На все глупости Жана-дуралея пешего пути до Парижа не хватит. А у меня дел полно.

Три ловких сына

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Было у бедняка трое сыновей. Подросли сыновья, отец им и говорит: — Идите-ка вы учиться ремеслу, без ремесла и умения худо вам в жизни придется.

Ушли сыновья из дому, долго учились, а когда вернулись в родные края, говорят отцу:

— Теперь стали мы людьми мастеровитыми, можем себе на жизнь заработать.

Отец обрадовался сыновьям, спешит их угостить. Взял он яйца и стал готовить яичницу. А старший сын ему говорит:

— Не трудись, отец. Я теперь повар, в один миг яичницу поджарю. А ты иди стань у ворот и жди.

Разжег старший сын жаркий огонь из виноградных листьев и, когда яичница изжарилась, как ударит кулаком по ручке сковороды: яичница вылетела в трубу и прямо к отцу на тарелку шлеп!

Отец дивится такой ловкости, не надивится.

Сели они за стол. Вдруг у ворот всадник останавливается — просит коня подковать.

— Это, отец, мое дело, — молвит средний сын. — Я ведь кузнец.

Взял он подкову, сунул ее в огонь и говорит всаднику:

— Возьми чуть назад да и скачи во весь дух к воротам.

Ринулся всадник к воротам, а средний сын бросил подкову, да так ловко, что та прямо к коню на копыто и села.

Отец дивится такой ловкости, не надивится.

Тут вдруг град выпал. Испугался отец: сейчас все посева побьет.

Младший сын и говорит:

— Теперь, отец, мой черед показать, чему я выучился.

Схватил он палку и ну биться с градом. Каждую градинку на лету разбил. Не долетел град до земли, не погубил урожая.

Радуется отец — вот какими умелыми да мастеровитыми стали его сыновья!

Как бараны шли через реку

Французская сказка

Перевод С. Небольсина

Был у короля сказочник, часто забавлял он короля разными диковинными историями. Король без сказки и уснуть-то не мог. Как ложиться в постель, так зовет сказочника, и тот послушно начинал сказку.

Вот раз послал король за сказочником, а тот уж спать лег, так притомился, что совсем неохота ему сегодня сказки сказывать.

— Ваше величество, — говорит, — время позднее, спать пора, а не сказки слушать. Может, другой раз расскажу?

Рассердился король, требует новую сказку, и все тут! Пришлось сказочнику повиноваться.

— Жил-был, ваше величество, один человек, и было у него сто золотых монеток. Решил он на эти деньги баранов купить. Двести баранов купил и пошел к себе в деревню, идет да скотину погоняет. Подходит к реке, а река, на беду, из берегов вышла, весь луг залило, а моста-то нет! Как баранов переправить? Кинулся хозяин туда-сюда, видит — лодка. Да только лодка такая маленькая, что больше одного барана и не погрузишь в нее.

Замолчал сказочник, дремота совсем его одолела.

— Ну, что ж ты! — рассердился король. — Перевез крестьянин барана, а остальных-то куда дел?

— Ваше величество, — отозвался сказочник, — вы уже изволите знать, что река широкая, лодка крошечная, а баранов двести штук. Много времени на переправу нужно. Давайте поспим, пока они будут переправляться. А как все переправятся, буду сказку дальше рассказывать.

Немецкие сказки

Старый султан

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Было у одного крестьянина верный пес; звали его Султаном. Вот состарился он, повыпали у него зубы, и нечем ему было теперь кусать. Стоял раз крестьянин со своею женой у порога и говорит:

— А завтра я старого Султана пристрелить собираюсь, стал он уже никуда негоден.

А жена пожалела верного пса и говорит:

— Да ведь он же нам честно служил столько лет, и нам надо бы кормить его теперь из милости.

— Э, что ты говоришь, — сказал муж, — видно, у тебя ума не хватает. У него ведь и зубов-то нету, ни один вор его не боится; службу он свою уже отслужил, может себе и убираться. Когда он служил нам, мы ведь его неплохо кормили.

А бедный пес лежал в это время, растянувшись на солнышке, и все это слышал, и стало ему грустно, что завтра его последний день наступает. А был у него добрый товарищ, и был то волк. Вот пробрался к нему пес вечером в лес и стал на судьбу свою жаловаться.

— Послушай, куманек, — сказал ему волк, — успокойся, уж я тебя из беды выручу. Я кое-что надумал. Завтра на рассвете твой хозяин пойдет с женой сено косить, а так как дома некому будет остаться, то возьмут они с собой и своего маленького ребенка. Во время работы они кладут ребенка всегда в тень за кустами. А ты ложись с ним рядом, будто сторожить его собираешься. Я выйду из лесу и утащу ребенка; а ты кинься за мной, будто его отбить у меня хочешь. Я ребенка выроню, и ты принесешь его опять родителям, и они подумают, что ты его спас, и уж так будут тебе благодарны, что не то чтобы злое тебе что-нибудь сделать, а, напротив, будешь ты у них в большой милости, и ни в чем тебе с той поры отказа не будет.

Этот совет псу понравился; задумано — сделано.

Как увидел отец, что волк утащил ребенка и бежит с ним по полю, он стал кричать; но когда старый Султан принес его назад, начал пса гладить и говорит:

— Теперь я в обиду тебя не дам, будешь ты до самой смерти кормиться у меня из милости. — И говорит он жене: — Ступай скорее домой да навари старому Султану вкусной похлебки, ведь кусать-то ему трудно, да возьми с моей постели подушку, я дарю ее Султану, пускай он на ней спит.

И с той поры стало жить старому Султану так хорошо, что лучшего и желать было нечего.

Приходит после того вскоре волк его навестить, и обрадовался он, что все так хорошо обошлось.

— Ну, куманек, — говорит он, — придется тебе разок прикинуться, будто ты ничего не видишь, а я уж найду случай и утащу у твоего хозяина жирную овечку. Если нынче жить особняком, нам туго придется.

— Нет, уж на это ты не рассчитывай, — ответил пес, — моему хозяину я останусь верен, на такое дело я не согласен.

Подумал волк, что это он просто так говорит, и подкрался ночью, чтоб овцу утащить. Но верный Султан разгласил хозяину про замысел волка, и тот подстерег его и здорово намял ему цепом бока. Но волку удалось вырваться, и он крикнул псу:

— погоди, скверный товарищ, ты в этом еще раскаешься!

На другое утро послал волк дикую свинью и велел ей вызвать пса в лес, чтобы там порешить дело. И никого не нашел старый Султан себе в помощь, кроме кошки, да и та была без одной ноги. Вот вышли они вместе, и заковыляла бедная кошка в лес и от боли подняла свой хвост вверх.

А волк с товарищем был уже на месте. Увидели они, что противники идут к ним навстречу, и показалось им, будто пес с собою саблю несет, — это они поднятый хвост кошки за саблю приняли. А ковыляла несчастная кошка на трех ногах, и они подумали, что это она подымает каждый раз камень, чтобы в них бросить. И стало им страшно: забралась дикая свинья в листья, а волк на дерево вспрыгнул.

Подшли собака с кошкой, видят — никого нету, и они очень удивились. Но дикая свинья не могла вся в листву запрятаться — уши у ней торчали наружу. Огляделась кошка внимательно по сторонам, а тут свинья вдруг ушами задвигала. Подумала кошка, что это мышшь шевелится, и как прыгнет на нее, и сильно-пресильно ее укусила. Поднялась свинья с великим воем, бросилась со всех ног бежать и кричит:

— Вон на дереве сидит всему делу виновник!

Глянули кошка и собака наверх и увидели там волка, и стало ему стыдно, что он себя таким трусом показал, и заключил он тогда с псом мир.

Бременские уличные музыканты

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

ыл у одного хозяина осел, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит; и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен^[78] — он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, — видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает ее осел.

— Ох, — отвечает собака, — стара я стала, что ни день, то все больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что, — говорит осел, — я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдём вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне^[79], а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

— Ну что, старина Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осел.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет, — отвечает кот, — стал я стар, зубы у меня притупились — сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить; вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдем с нами в Бремен, ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во все горло.

— Чего ты горло дерешь? — говорит осел. — Что с тобой приключилось?

— Да это я хорошую погоду предвещаю, — ответил петух. — Да все равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

— Вот оно что, петушок — красный гребешок, — сказал осел, — эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен, — хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до

Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осел:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей, и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осел, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что, — ответил осел, — вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники, и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, — сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот наконец нашли они способ. Решили, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и по условному знаку все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привиденье, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперед.

Пожинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться, — каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке [\[80\]](#) у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, всё как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться. — И приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашел, что там все тихо и спокойно; он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник [\[81\]](#), чтоб добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

— Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит

черное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Таштите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четверем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал.

Белая змея

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Давно тому назад жил на свете король, и был он славен по всей земле своей мудростью. Все было ему известно, будто кто по воздуху подавал ему вести о самых сокровенных вещах. Но был у него странный обычай: каждый полдень, когда всё со стола убирали и никого постороннего не оставалось, приносил ему надежный слуга еще одно блюдо. Но было оно прикрыто, и даже слуга и тот не знал, что находится на этом блюде; и не знал об этом ни один человек, ибо король открывал блюдо и приступал к еде только тогда, когда оставался совершенно один.

Так продолжалось долгое время, но вот однажды одолело слугу любопытство, он не мог с собой совладать и отнес блюдо в свою комнату. Он прикрыл как следует двери, поднял с блюда крышку, видит — лежит там белая змея. Глянул он на нее и не мог удержаться, чтоб ее не попробовать; он отрезал кусок и положил его в рот. И только он прикоснулся к нему языком, как тотчас услышал у окна странный шепот нежных голосов. Он подошел ближе, прислушался — видит, что это беседуют между собой воробьи и рассказывают друг другу всякую всячину, виденную ими на поле и в лесу: вкус змеиного мяса дал ему возможность понимать птичий язык.

И вот случилось, что как раз в этот день у королевы пропало ее самое красивое кольцо и подозрение пало на этого ближайшего слугу, который имел всюду доступ. Король кликнул слугу и начал ему грозить, всячески его ругая, что ежели он к утру не назовет виновника, то будет признан вором и отдан под суд. Но ничего не помогло, слуга настаивал на своей невинности, и его отпустили с тем же решением. В страхе и беспокойстве вышел он во двор и стал раздумывать, как ему из беды выбраться. А сидели у ручья мирно рядышком утки и отдыхали; они чистили и приглаживали себя клювами и вели между собой беседу. Слуга остановился и стал прислушиваться. А рассказывали утки друг другу, где они нынче утром бывали, где плавали, какой нашли корм; и вот говорит одна из них с досадой:

— У меня такая тяжесть в желудке, я второпях проглотила кольцо, что лежало под окном королевы.

Схватил слуга утку тотчас за шею, принес ее на кухню и говорит повару:

— Зарежь мне эту утку, видишь — какая она жирная.

— Да, — сказал повар, взвешивая ее на руке, — она, что и говорить, хорошо откормилась, постаралась, видно, и давненько дожидается, чтоб ее зажарили.

Он отрубил ей голову и стал ее потрошить, и вот нашлось у нее в желудке кольцо королевы. И мог теперь слуга легко доказать королю свою невинность; а так как королю хотелось загладить свою несправедливость, то он позволил ему что-нибудь у него попросить и обещал самую почетную должность при дворе, какую он только пожелает.

Но слуга от всего отказался и попросил только коня и денег на дорогу — хотелось ему свет повидать и некоторое время постранствовать. Его просьба была исполнена, и он отправился в путь-дорогу.

Однажды, проезжая мимо озера, увидел он трех рыб, которые застряли в камыше и старались выбраться к воде. Хотя и говорят, что рыбы будто немые, но слуга услышал их жалобу, что вот приходится им теперь погибать такой жалкою смертью. А было у него сердце жалостливое — он встал с коня и бросил трех пленниц обратно в озеро. Начали они на радостях трепыхаться, высунули из воды головы и молвили ему:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за то, что ты спас нам жизнь.

Поехал он дальше; и вскоре ему почудилось, будто у самых его ног на песке слышится чей-то голос. Он стал прислушиваться и услышал, как царь муравьиный жаловался:

— Хотя бы оставили нас люди в покое, а заодно и неуклюжие животные!

Слуга свернул на обочину; и тогда сказал ему царь муравьиный:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за это.

Дальше привела дорога его в лес, и увидел он там ворона и ворону, они стояли у гнезда и выбрасывали оттуда своих птенцов.

— Прочь отсюда, шалопаи вы этикие! — кричали они. — Вас теперь не накормишь, вы уже достаточно выросли и можете сами себя прокормить.

Бедные воронята лежали на земле и, пытаясь подняться, размахивали крыльями и кричали:

— Ведь мы беспомощные птенчики, вы должны нас кормить, мы летать еще не умеем! Теперь нам одно остается — помереть с голоду!

Встал тогда добрый парень с коня, убил его шпагой и оставил на прокорм молодым воронятам. Они подскочили, наелись досыта и закричали:

— Мы этого тебе никогда не забудем и поможем тебе в беде!

Пришлось теперь парню идти пешком; прошел он немало долгих путей и дорог, пока попал наконец в столицу. И был там на улицах большой шум и суета, и явился всадник и объявил во всеуслышанье:

— Королевна ищет себе мужа, и кто хочет за нее посвататься, тот должен сперва выполнить трудную задачу; а кто не сможет с ней удачно справиться, тот жизнью заплатит.

Много людей пыталось уже выполнить это, но только напрасно жизнью своей заплатились. Но когда парень увидел королевну, он был так ослеплен ее несказанной красотой, что забыл про всякую опасность, пришел к королю и объявил себя ее женихом.

Его привели тотчас на морской берег, и был брошен в море на глазах у него перстень, и король велел ему достать этот перстень со дна моря и прибавил:

— А если ты вернешься назад без него, то будут тебя сбрасывать все время в воду, пока ты не утонешь в волнах.

Все пожалели красивого парня и покинули его одного у моря. Стоял он на берегу и раздумывал, что ему теперь делать. Вдруг видит — подплывают к нему три рыбы, то были те самые, которым он спас жизнь. И держала средняя во рту раковину, она положила ее на берег к ногам юноши. Он поднял раковину, открыл ее, и лежал там золотой перстень. Радостный, принес он его королю и ждал, что тот даст ему обещанную награду. Но когда надменная королевна услышала, что он простой слуга, отказала ему и потребовала, чтобы выполнил он сначала вторую задачу. Она сошла в сад и рассыпала там на траве десять больших мешков проса.

— К утру, прежде чем подыметя солнце, ты должен мне все это просо выбрать, — сказала она, — да

так, чтоб ни одно зернышко не пропало.

Сел парень в саду и стал раздумывать, как выполнить ему такую задачу, но ничего придумать не мог и сидел пригорюнившись и ждал, что с наступлением утра его поведут на казнь. Но вот засияли в саду первые лучи солнца, и он увидел, что все десять мешков полны проса, и стоят все в ряд, и не пропало при этом ни одного зернышка. Явился ночью царь муравьиный со своими тысячами муравьев, и благодарные насекомые с великим усердием выбрали просо и сложили его в мешки.

Вот сошла сама королева в сад и увидела, к своему удивлению, что парень выполнил то, что было ему поручено. Но она не могла осилить своей гордыни и сказала:

— Хотя он и выполнил обе задачи, но не стать ему моим мужем прежде, чем не принесет он мне яблока с дерева жизни.

Парень не знал, где растет дерево жизни; но он собрался в путь-дорогу и решил искать его до тех пор, пока ноги будут идти, но у него не было никакой надежды его отыскать. Вот обошел он уже три королевства и зашел под вечер в лес. Сел под деревом, и захотелось ему спать, но он услышал в ветвях шелест, и упало ему в руку золотое яблоко. А тут слетели к нему вниз три ворона, уселись к нему на колени и сказали:

— Мы три молодых вороненка, которых ты спас от голодной смерти. Мы теперь выросли и, когда услышали, что ты ищешь золотое яблоко, прилетели из-за моря, долетели до самого края земли, где растет дерево жизни, и принесли тебе это яблоко.

Сильно обрадовался парень, и пустился в обратный путь, и принес прекрасной королеве золотое яблоко; и уж теперь отговариваться ей было невозможно: они поделили яблоко жизни и съели его вдвоем; и исполнилось ее сердце к нему любовью, и дожили они в безмятежном счастье до самой глубокой старости.

Госпожа Метелица

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Было у одной вдовы две дочери; одна была красивая и работающая, а другая — уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а другой приходилось исполнять всякую работу и быть в доме золушкой.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице у колодца и прясть пряжу, да так много, что от работы у нее кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что все веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило у нее из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про свое горе.

Стала мачеха ее сильно бранить и была такою жестокой, что сказала:

— Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и не знала, что ей теперь и делать; и вот прыгнула она с перепугу в колодец, чтоб достать веретено. И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нем тысячи разных цветов. Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба, и хлеб кричал:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Тогда она подошла и вытащила лопатой хлебы один за другим.

Пошла она дальше и пришла к дереву, и было на нем полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока. Сложила она яблоки в кучу и пошла дальше.

Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно и она хотела было убежать. Но старуха крикнула ей вслед:

— Милое дитяtko, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всем свете идти снег [\[82\]](#); я — госпожа Метелица.

Так как старуха обошлась с нею ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всем угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала ей перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось у нее хорошо, и она никогда не слыхала от нее дурного слова, а вареного и жареного каждый день было у ней в досталь.

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей не хватает; но наконец она поняла, что тоскует по родному дому, и, хотя ей было здесь в тысячу раз лучше, чем там, все же она стремилась домой. Наконец она сказала старухе:

— Я истосковалась по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь под землей, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх — к своим.

Госпожа Метелица сказала:

— Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда. — Она взяла ее за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и, когда девушка оказалась под ними, вдруг пошел сильный золотой дождь, и все золото осталось на ней, так что вся она была сплошь покрыта золотом.

— Это тебе за то, что ты так прилежно работала, — сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец.

Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девица золотая тут как тут.

И вошла она прямо в дом к мачехе; и, оттого что была она вся золотом покрыта, ее приняли и мачеха и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка все, что с ней приключилось. Как услышала мачеха о том, как достигла она такого большого богатства, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой, ленивой дочери.

И она посадила ее у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у ней тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Попала она, как и ее сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Но ленивица на это ответила:

— Да что мне за охота пачкаться! — И пошла дальше.

Подошла она вскоре к яблоне, и заговорила яблоня:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Но ответила она яблоне:

— Еще чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову! — И двинулась дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у ней никакого страха — она ведь уже слыхала про ее большие зубы, — и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слушалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала, — ленивица все думала о золоте, которое та ей подарит. Но на второй день стала она полениваться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром. Она не стлала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Это наконец госпоже Метелице надоело, и она отказала ей в работе. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на нее

золотой дождь.

Госпожа Метелица повела ее тоже к воротам, но когда она стояла под ними, то вместо золота опрокинулся на нее полный котел смолы.

— Это тебе в награду за твою работу, — сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел ее петух, сидевший на колодце, так и запел:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девушка грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть ее было до самой смерти.

Шиповничек

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

ного лет тому назад жили король с королевой, и каждый день они говорили:

— Ах, если б родился у нас ребенок! — Но детей у них все не было и не было.

Вот случилось однажды, что королева сидела в купальне и вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твое желанье исполнится: не пройдет и года, как родишь ты на свет дочь.

И что лягушка сказала, то и случилось, — родила королева девочку, и была она такая прекрасная, что король не знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир. Созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ведуний, чтобы были те к его ребенку милостивы и благосклонны. А было их в его королевстве счетом тринадцать; но так как золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у него всего лишь двенадцать, то одна из них осталась неприглашенной. Праздник отпраздновали с великой пышностью, и под конец ведуньи одарили ребенка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли уже свои предсказания, вдруг явилась на пир тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что ее не пригласили. И вот, ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, она воскликнула громким голосом:

— Королевна на пятнадцатом году должна уколется о веретено и от этого помереть!

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из зала. Все были испуганы, но выступила тогда двенадцатая ведунья, она еще не сказала своего пожелания; и так как отменить злое заклятье она была не в силах, а могла только его смягчить, то она сказала:

— Но то будет не смерть, а только вековой глубокий сон, в который впадет королевна.

Король, желая уберечь свою любимую дочь от несчастья, издал указ: все веретена во всем королевстве сжечь.

Вот и исполнились все предсказания, данные девочке ведуньями: она была так красива, так скромна, приветлива и так разумна, что всякий, кто ее видел, невольно ею любовался.

Случилось, что в тот день, когда исполнилось ей пятнадцать лет, короля и королевы не было дома и девушка осталась в замке одна. Она пошла бродить всюду по замку, осматривать покои и кладовушки — все, что вздумается; и подошла она, наконец, к старой башне. Она взошла по узкой витой лесенке в ту башню и очутилась у небольшой двери. А в замке торчал заржавленный ключ; повернула она его, дверь распахнулась, видит — сидит там в маленькой светелке у веретена старуха и прилежно прядет пряжу.

— Здравствуй, бабушка, — молвила королева, — что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду, — отвечала старуха и кивнула ей головой.

— А что это за штука такая, что так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже приняться за пряжу.

Но только она прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светелке, и погрузилась в глубокой сон.

И сон этот распространился по всему замку; король и королева, которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало шипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поваренка за то, что тот чего-то недоглядел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелохнулся ни один листик на деревьях около замка.

И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась все выше и выше и окружила наконец весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флага на вышке нельзя было заметить.

И пошла по стране молва о прекрасной спящей королеве, которую прозвали Шиповничек, и вот стали наезжать туда от времени до времени разные королевичи и пытались пробраться через густую заросль в замок. Но было это невозможно, так как шипы держались крепко один за один, точно взявшись за руки, и юноши запутывались в зарослях, и, зацепившись о шипы, не могли больше из них вырваться, и погибали мучительной смертью.

После многих и долгих лет явился опять в ту страну один королевич, и услышал он от одного старика о колючей заросли и о замке, где вот уже сто лет как спит сказочная красавица королева по прозванию Шиповничек; и спят с ней заодно король и королева и все придворные. Старик еще рассказал ему о том, что слышал от своего деда, будто приходило уже немало королевичей, которые пытались пробиться сквозь колючую заросль, но все они остались там, зацепившись за шипы, и погибли жалкою смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда и увидеть прекрасную королеву Шиповничек.

Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил, но тот совета не послушался.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда королева Шиповничек должна была снова проснуться. Подошел королевич к колючей заросли, поглядел, видит — растут там вместо терновника красивые цветы, они сами раздвинулись перед ним, и опять сомкнулись, и стали снова изгородью. Увидел он на дворе лошадей и рыжих гончих, что лежали и спали; сидели на крыше голуби, спрятавши головы под крыло. Вошел он в замок и увидел, что спят на стене мухи, а повар на кухне все еще протягивает руку, будто собирается схватить за волосы поваренка, и сидит стряпуха перед черной курицей, которую она должна ощипать.

Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные, а наверху возле трона лежат король с королевой. И пошел он дальше, и все было так тихо, что слышно было ему даже его собственное дыхание.

Подошел он наконец к башне и отворил дверь маленькой светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна, что он не мог оторвать от нее глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал ее. И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли

они вместе с башни.

И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивленно посмотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замахали хвостами. Подняли голуби на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрещину поваренку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ощипывать курицу.

И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти.

Король-Дроздовик

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Была у одного короля дочь; она была необычайно красивая, но притом такая гордая и надменная, что ни один из женихов не казался для нее достаточно хорош. Она отказывала одному за другим, да притом над каждым еще смеялась.

Велел однажды король устроить большой пир и созвал отовсюду, из ближних и дальних мест, женихов, которые хотели бы за нее посвататься. Расставил их всех в ряд по порядку, по чину и званию; впереди стояли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны и, наконец, дворяне.

И повели королевну по рядам, но в каждом из женихов она находила какой-нибудь изъян. Один был слишком толст. «Да этот, как винный бочонок!» — сказала она. Другой был слишком длинного роста. «Долговязый, слишком тонкий, да и статной нет походки!» — сказала она. Третий был слишком низкого роста: «Ну, какая в нем удача, если мал и толст впридачу?» Четвертый был слишком бледен: «Этот выглядит как смерть». Пятый был слишком румян: «Этот прямо какой-то индюк!» Шестой был слишком молод: «Этот юн и больно зелен, он, как дерево сырое, не загорится».

И так находила она в каждом, к чему можно было бы придраться, но особенно посмеялась она над одним добрым королем, что был выше других и чей подбородок был чуть кривоват.

— Ого, — сказала она и рассмеялась, — да у этого подбородок словно клюв у дрозда!

И с той поры прозвали его Дроздовиком.

Как увидел старый король, что дочка его только одно и знает, что над людьми насмехается, и всем собравшимся женихам отказала, он разгневался и поклялся, что она должна будет взять себе в мужа первого встречного нищего, что к нему в дверь постучится.

Спустя несколько дней явился какой-то музыкант и начал петь под окном, чтоб заработать себе милостыню. Услыхал это король и говорит:

— Пропустите его наверх.

Вошел музыкант в своей грязной, оборванной одежде и начал петь перед королем и его дочерью песню; и, когда кончил, он попросил подать ему милостыню.

Король сказал:

— Мне твое пение так понравилось, что я отдам тебе свою дочь в жены.

Испугалась королевна, но король сказал:

— Я дал клятву выдать тебя за первого попавшегося нищего, и клятву свою я должен сдерживать.

И не помогли никакие уговоры; позвали священника, и пришлось ей тотчас обвенчаться с музыкантом. Когда это сделали, король сказал:

— Теперь тебе, как жене нищего, в моем замке оставаться не подобает, можешь себе отправляться со своим мужем куда угодно.

Вывел ее нищий за руку из замка, и пришлось ей идти с ним пешком. Пришли они в дремучий лес, и спрашивает она:

— Это чьи леса и луга?
— Это всё короля-Дроздовика.
Не прогнала бы его, было б все тогда твое.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они по полям, и спросила она опять:

— Это чьи поля и река?
— Это всё короля-Дроздовика!
Не прогнала бы его, было б все тогда твое.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они затем по большому городу, и спросила она опять:

— Чей прекрасный этот город?
— Короля-Дроздовика с давних пор он.
Не прогнала бы его, было б все тогда твое.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

— Мне вовсе не нравится, — сказал музыкант, — что ты все хочешь себе в мужья кого-то другого: разве я тебе не мил?

Подшли они наконец к маленькой избушке, и она сказала:

— Боже мой, а домишко-то какой!
Чей же он, такой плохой?

И музыкант ответил:

— Это дом мой да и твой, мы будем жить здесь с тобой вместе.

И пришлось ей нагнуться, чтобы войти в низкую дверь.

— А где же слуги? — спросила королева.

— Какие такие слуги? — ответил нищий. — Ты должна все делать сама, если хочешь, чтоб было что-нибудь сделано. Ну-ка, живей растапливай печь и ставь воду, чтоб мне приготовить обед, я очень устал.

Но разводить огонь и стряпать королева совсем не умела, и пришлось нищему самому приняться за работу; и дело кое-как обошлось. Поели они кое-чего впроголодь и легли спать.

Но только стало светать, он согнал ее с постели, и ей пришлось заняться домашней работой. Так прожили они несколько дней, ни плохо, ни хорошо, и все свои запасы поели. Тогда муж говорит:

— Жена, этак у нас ничего не получится, мы вот едим, а ничего не зарабатываем. Принимайся-ка ты за плетенье корзин.

Он пошел, нарезал ивовых прутьев, принес их домой, и начала она плести, но жесткие прутья изранили ее нежные руки.

— Я вижу, дело это у тебя не пойдет, — сказал муж, — возмись-ка ты лучше за пряжу, — пожалуй, ты с этим справишься.

Она села и попробовала было прясть пряжу; но грубые нитки врезались в ее нежные пальцы, и из них потекла кровь.

— Видишь, — сказал муж, — ты ни на какую работу не годишься, трудненько мне с тобой придется. Попробую-ка я приняться за торговлю горшками и глиняной посудой. Ты должна будешь ходить на рынок и продавать товар.

«Ах, — подумала она, — еще, чего доброго, придут на рынок люди из нашего королевства и увидят, что я сижу и продаю горшки, то-то они надо мной посмеются!»

Но что было делать? Она должна была подчиниться, а не то пришлось бы им пропадать с голоду.

В первый раз дело пошло хорошо — люди покупали у нее товар, так как была она красивая, и платили ей то, что она запрашивала; даже многие платили ей деньги, а горшки ей оставляли. Вот так и жили они на это.

Накупил муж опять много новых глиняных горшков. Уселась она с горшками на углу рынка, а товар вокруг себя расставила и начала торговать. Но вдруг прискакал пьяный гусар^[83], налетел прямо на горшки — и остались от них одни лишь черепки. Начала она плакать и от страха не знала, как ей теперь быть.

— Ах, что мне за это будет! — воскликнула она. — Что скажет мне муж?

И она побежала домой и рассказала ему про свое горе.

— Да кто ж на углу рынка с глиняной посудой садится? — сказал муж. — А плакать ты перестань; я вижу, ты к приличной работе не годишься. Вот был я давеча в замке у нашего короля и спрашивал, не нужна ли там будет судомойка, и мне пообещали взять тебя на работу; там будут тебя за это кормить.

И стала королева судомойкой, ей пришлось помогать повару и исполнять самую черную работу. Она привязывала к своей сумке две мисочки и приносила в них домой то, что доставалось ей на долю от обедков, — тем они и питались.

Случилось, что на ту пору должны были праздновать свадьбу старшего королевича, и вот поднялась бедная женщина наверх в замок и стала у дверей в зал, чтоб поглядеть. Вот зажглись свечи, и входили туда гости, один красивей другого, и все было полно пышности и великолепия. И подумала она с горестью в сердце про свою злую долю, и стала проклинать свою гордость и надменность, которые ее так унизили и ввергли в большую нищету. Она слышала запах дорогих кушаний, которые вносили и выносили из зала слуги, и они бросали ей иной раз что-нибудь из обедков, она складывала их в свою мисочку, собираясь унести все это потом домой.

Вдруг вошел королевич, был он одет в бархат и шелк, и были у него на шее золотые цепи. Увидев у дверей красивую женщину, он схватил ее за руку и хотел было с ней танцевать; но она испугалась и стала отказываться — узнала в нем короля-Дроздовика, что за нее сватался и которому она с насмешкой отказала. Но как она ни упиралась, а он все-таки втащил ее в зал; и вдруг оборвалась тесемка, на которой висела у нее сумка, и выпали из нее на пол мисочки и разлился суп.

Как увидели это гости, стали все смеяться, над нею подшучивать, и ей было так стыдно, что она готова была лучше сквозь землю провалиться. Бросилась она к двери и хотела убежать, но на лестнице ее нагнал какой-то человек и привел назад. Глянула она на него, и был то король-Дроздовик. Он ласково ей сказал:

— Ты не бойся, ведь я и музыкант, с которым ты вместе жила в бедной избушке, — это одно и то же. Это я из любви к тебе притворился музыкантом; а гусар, что перебил тебе все горшки, — это тоже был я.

Все это я сделал, чтобы сломить твою гордость и наказать тебя за твое высокомерие, когда ты надо мной посмеялась.

Она горько заплакала и сказала:

— Я была так несправедлива, что недостойна быть твоею женой.

Но он ей сказал:

— Успокойся, трудные дни миновали, а теперь мы отпразднуем нашу свадьбу.

И явились королевские служанки, надели на нее пышные платья; и пришел ее отец, а с ним и весь двор; они пожелали ей счастья в замужестве с королем-Дроздовиком; и настоящая радость только теперь и началась.

И хотелось бы мне, чтобы ты да я там побывали тоже.

Гензель и Гретель

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и все одолевали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

— Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

— А знаешь что, — отвечала жена, — давай-ка пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу; разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

— Нет, жена, — говорит дровосек, — этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

— Эх ты, простофиля! — говорит жена. — Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и останется только одно — гробы сколачивать. — И она донимала его до тех пор, пока он с ней не согласился.

— А все-таки жалко мне моих бедных детей! — сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали все, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

— Видно, нам теперь пропадать придется.

— Тише, Гретель, — сказал Гензель, — не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

— Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно. — И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

— Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

— Вот это будет вам на обед; да смотрите не съешьте его раньше времени, больше ничего не

получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник — ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку — так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

— Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаешь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

— Ах, батюшка, — ответил ему Гензель, — я все гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».

А мачеха и говорит:

— Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

— Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

— Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернемся назад и возьмем вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был стук не топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели дети так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

— Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать:

— Погоди маленько, скоро взойдет луна, и мы уж найдем дорогу.

Когда вошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку — а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

— Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, — было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

— У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придет. Надо бы нам от детей избавиться: давай заведем их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, — другого выхода у нас нет.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: «Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот — плохое начало не

к доброму концу — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз; но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

— Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу.

— Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься, — сказал отец, — ступай своей дорогой.

— Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, — ответил Гензель.

— Дурень ты, — сказала мачеха, — это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

— Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем — ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, и никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

— Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот взошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли — тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

— Мы уж как-нибудь да найдем дорогу.

Но они ее не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и дети заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались ее пеньем. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом и шли, пока наконец не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

— Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и то-то будет у нас славное угощенье! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возмись за окошко — оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум все под окном,
Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали объедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

— Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды — молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чувят близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

— Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: «То-то приготовлю я себе лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля своею костлявой рукой, унесла его в хлев^[84] и заперла там за решетчатой дверью — пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

— Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное — вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но — что делать? — пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

— Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым. Тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

— Эй, Гретель, — крикнула она девочке, — пошевеливайся живей, принеси-ка воды: все равно — жирен ли Гензель или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

— Господи, да помоги же ты нам! — воскликнула она. — Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

— Ну, нечего хныкать! — крикнула старуха. — Теперь тебе ничто не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

— Сначала мы испечем хлеб, — сказала старуха, — я уже истопила печь и замесила опару. — Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и польхало большое пламя. — Ну, полезай в печь, — сказала ведьма, — да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

— Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

— Вот глупая гусыня, — сказала старуха, — смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть. — И она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

— Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

— Эти, пожалуй, будут получше наших камешков, — сказал Гензель и набил ими полные карманы.

А Гретель говорит:

— Мне тоже хочется что-нибудь принести домой. — И насыпала их полный передник.

— Ну, а теперь бежим поскорей отсюда, — сказал Гензель, — ведь нам надо еще выбраться из ведьминога леса.

Вот прошли они так часа два и набрали наконец на большое озеро.

— Не перебраться нам через него, — говорит Гензель, — нигде не видать ни тропинки, ни моста.

— Да и лодочки не видно, — ответила Гретель, — а вон плывет белая уточка; если я ее попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И крикнула Гретель:

Утя, моя уточка,
Подплыви к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на нее Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

— Нет, — ответила Гретель, — уточке будет слишком тяжело; пускай перевезет она сначала тебя, а потом и меня.

Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и пошли дальше, то стал лес им все знакомей и знакомей, и они заметили наконец издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры как отец оставил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идет,
А вон мышка бежит вперед;
Кто поймает ее, тот
Сошьет себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

Йоринда и Йорингель

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Тотал когда-то в большом и густом лесу старый замок, и жила в том замке только одна старуха, и была она самая большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову, а вечером принимала опять свой прежний человеческий вид. Она умела приманивать всяких зверей и птиц, убивала их, варила и жарила себе на еду. Если кто подходил на сто шагов к этому замку, тот останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятья; а если входила в тот заколдованный круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу, запирали в клетку и уносили в одну из комнат замка. Так собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными птицами.

А жила-была в ту пору девушка, звали ее Йориндой, и была она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватался за нее такой же прекрасный юноша, звали его Йорингель, и это были предбрачные дни — и весело, радостно было им вместе.

И вот чтобы поговорить наедине, пошли они раз погулять в лес.

— Только смотри, — говорит ей Йорингель, — к замку близко не подходи.

А вечер был хороший, ярко светило солнце сквозь деревья в темную лесную зелень, и жалобно пела горлинка над старыми буками.

Йоринда несколько раз принималась плакать, потом села она на солнышке и пригорюнилась. Йорингелю тоже стало грустно. И были они так печальны, будто предстояла им близкая смерть. Они оглянулись — видят, что заблудились, не знают, как найти им теперь дорогу домой. А солнце еще не зашло за горы, но скрылось уже наполовину за вершинами.

Глянул Йорингель сквозь заросль лесную, видит — стоят перед ним уже близко-близко старые стены замка. Испугался он, и стало ему до смерти страшно. А Йоринда запела:

Как птичка красногрудая все жалобно поет,
Про гибель неминуемую все голубку поет,
Так жалобно, все жалобно,
Тю-вить, тю-вить, тех-тех!

Посмотрел Йорингель на Йоринду и видит — обернулась она соловьем, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья и трижды ухнула: «Угу-угу-угу». И не мог Йорингель сдвинуться с места, стоял точно вкопанный — ни заплакать, ни слова молвить, ни рукою пошевелить, ни ногой двинуть. Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чащу, и вышла тотчас оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глазища, нос крючком до самого подбородка. Проворчала она что-то себе под нос, поймала соловья и унесла с собой на руке. И слова вымолвить не мог

Йорингель, и с места не сойти ему было: пропал соловей. Вернулась наконец старуха и говорит глухим голосом:

— Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку, ты развяжись — и прощай.

Освободился от чар Йорингель. Упал он перед старухой на колени, взмолился, чтобы вернула она ему назад Йоринду.

Но старуха ответила:

— Никогда тебе больше не видать Йоринды, — и ушла.

Он кричал, горько плакал и горевал, но все было понапрасну. «Ах, что же мне делать теперь?» И ушел Йорингель оттуда, и попал наконец в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. Он часто бродил вокруг замка, но близко к нему никогда не подходил. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в середине его большую прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему он ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Йоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и стал искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. И лежала внутри цветка большая росинка — такая большая, словно жемчужина. Пошел он с этим цветком, и он шел целый день и целую ночь в сторону замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и вот подошел он к самым воротам. Сильно обрадовался Йорингель, прикоснулся цветком к воротам — и распахнулись они перед ним. Вошел он, идет через двор, прислушивается, не слышать ли где птичьего пенья; и услышал он вдруг птичьего голоса. Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в своих семи тысячах клеток. Как увидела она Йорингеля, рассердилась, сильно разгневалась, стала браниться, плевать на него ядом и желчью, ну, а подступить к нему и на два шага была не в силах. А он на нее и не смотрит, идет себе по залу, осматривает клетки с птицами; и видит он много сотен соловьев в клетках, но как найти ему свою Йоринду?

Присматривается он и замечает, что старуха тайком достает одну клеточку с птицей и несет ее к двери. Мигом прыгнул он за нею, дотронулся цветком до клеточки и до старухи колдуньи — тут потеряла она свою колдовскую силу, и вот явилась перед ним Йоринда; она бросилась к нему на шею, и была она такая же красивая, как и прежде. И он обратил тогда и всех остальных птиц в девушек и воротился домой со своей Йориндой, и жили они счастливо долгие-долгие годы.

Удачная торговля

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Погнал раз крестьянин на рынок свою корову и продал ее за семь талеров. На обратном пути пришлось ему проходить мимо пруда, вдруг слышит — издали кричат лягушки:

Ква, ква, ква, ква!

«Да, — сказал он про себя, — этак они прокричат до самого овсяного поля. Нет, я выручил семь, а не два».

Подошел он к пруду и крикнул им:

— Эй, глупые твари! Вы что, разве считать не умеете? Семь талеров, а не два.

Но лягушки остались при своем:

Ква, ква, ква, ква!

— Ну, ежели вы мне не верите, я могу вам сосчитать.

Он достал из кармана деньги и отсчитал семь талеров, по двадцать четыре гроша в каждом. Но лягушки не обратили вниманья на его счет и закричали опять:

Ква, ква, ква, ква!

— Эх, — крикнул совсем раздосадованный крестьянин, — вы что, лучше меня знаете? Ну, так сами считайте. — И кинул им все деньги в воду.

Стал он на берегу и ждет, пока они кончат считать и вернут ему талеры назад; но лягушки настаивали на своем и все продолжали кричать:

Ква, ква, ква, ква! —

а деньги назад не возвращали.

Прождал крестьянин долго, пока не наступил вечер и ему надо было домой возвращаться. Он выбралил лягушек и крикнул:

— Эй вы, квакушки, большеголовые да пучеглазые! Ротища-то у вас большие, вы так кричите, что вас послушать — уши заболят, а семи талеров сосчитать все-таки не сумели. Вы думаете, я буду стоять и дожидаться, пока вы окончите?

И он ушел, а лягушки продолжали кричать ему вслед:

Ква, ква, ква, ква!

И он вернулся домой совсем раздосадованный.

А вскоре он приторговал себе другую корову, зарезал ее и рассчитал, что ежели мясо продаст удачно, то выручит столько, сколько стоили бы две коровы вместе, да получит еще и шкуру впридачу. Вот пришел он с мясом в город, а к городским воротам сбегалась целая свора собак, и была впереди всех большая борзая. Она подбежала к нему, понюхала и залаяла:

Гав, гав, гав, гав!

Вот лает она и лает, а крестьянин ей и говорит:

— Да, я понимаю, что ты говоришь: «дай, мол, дай!» Ты просишь небось кусок мяса, а мне что тогда останется, ежели я тебе отдам?

А собака все ему в ответ:

Гав, гав!

— Ты сама всего небось не съешь, а для своих товарищей просишь?

Гав, гав! —

отвечает собака.

— Ну, ежели ты на этом настаиваешь, то я тебе мясо оставляю: я знаю тебя хорошо, мне известно, у кого ты служишь. Так вот что скажу я тебе: через три дня я должен получить свои деньги, а не то плохо тебе придется. Ты можешь принести их мне домой.

И он свалил мясо на землю и воротился домой. А собаки принялись за мясо и громко залаяли:

Гав, гав!

Услыхал это издали крестьянин и подумал: «Они все теперь просят «дай», но платить мне будет за всех большая собака».

Прошло три дня, и подумал крестьянин: «Нынче вечером деньги будут у меня в кармане» — и остался этим очень доволен. Но никто не собирался к нему приходить и отдавать деньги.

— Ни на кого нельзя теперь положиться, — сказал он и, потеряв терпение, отправился наконец в город к мяснику — требовать свои деньги.

Мясник подумал, что тот шутит, но крестьянин сказал:

— Нет, шутки в сторону, я хочу получить свои деньги. Разве большая собака не приносила вам домой давеча целой коровьей туши?

Рассердился тут мясник, схватил метлу и выгнал крестьянина из дому.

— Постой, — сказал крестьянин, — есть еще правда на свете! — И пошел в королевский замок, и стал просить, чтобы его выслушали.

Привели его к королю, а сидел король вместе со своей дочерью и спрашивает, какая беда с ним случилась?

— Ох, — сказал крестьянин, — лягушки и собаки отняли у меня мое добро, а мясник расплатился со мной палкой. — И рассказал подробно все, как было.

Начала тут королева громко смеяться, и сказал король крестьянину:

— В этом деле я тебе ничем помочь не могу, но за это ты должен получить дочь мою в жены: она отроду еще ни разу не засмеялась и я обещал выдать ее замуж за того, кто ее рассмешит. Такое твое счастье.

— О-о, — ответил крестьянин, — да на что она мне сдалась: у меня есть дома жена, и той мне вполне хватит; как вернусь я домой, все мне чудится, будто в каждом углу у меня по жене.

Разгневался король и говорит:

— Ты грубиян!

— Ах, господин мой король, — ответил крестьянин, — и чего вам ждать от вола, как не воловьего мяса!

— погоди! — ответил король. — Ты получишь у меня другую награду. Теперь убирайся вон, а спустя три дня приходи опять, получишь сполна все свои пятьсот.

Подошел крестьянин к дверям, а стража ему и говорит:

— Ты рассмешил королевну и получишь за это что-нибудь подходящее.

— Да, — ответил крестьянин, — думаю, что мне пятьсот отсчитают.

— Послушай, — говорит солдат, — уступи мне из них толику! Что тебе со всеми деньгами делать?

— Уж я для тебя, — говорит крестьянин, — готов уступить двести. Приходи через три дня к королю и попроси, чтоб он тебе выплатил.

А стоял вблизи какой-то меняла [\[85\]](#) и разговор тот слышал, подбежал он к крестьянину, схватил его за куртку и говорит:

— Какой вы, однако, счастливец! Я вам деньги обменяю, готов дать мелочью, ведь что вам с целыми талерами делать?

— Маушель, — сказал крестьянин, — да я тебе дам целых триста, только дай мне сейчас мелочь, а спустя три дня король с тобой рассчитается.

Обрадовался меняла такому барышу, принес все деньги в потертых грошах, а за три таких гроша давали два новеньких.

Прошло три дня, явился крестьянин согласно приказу к королю.

— Снимите с него куртку, — сказал король, — сейчас он получит свои пятьсот.

— Ах, — сказал крестьянин, — да они уж мне не принадлежат: двести я подарил страже, а триста мне один меняла обменял, — от королевства мне ничего не причитается.

В это время входят солдат и меняла и требуют то, что посулил им крестьянин; и получил каждый из них ровно по столько же ударов. Солдат перенес это терпеливо, он уже не раз это пробовал, но меняла жалобно завопил:

— Ой, ой, ой, да разве же это звонкие талеры?

Рассмешил крестьянин короля, поостыл у того гнев, и он сказал:

— Так как ты награду свою потерял прежде, чем успел ее получить, то я дам тебе взамен нее вот что: ступай ко мне в казначейство да набери себе там золота, сколько хочешь.

Крестьянин не заставил себя долго упрашивать и набил себе полные карманы, сколько туда влезло. Потом он пошел в харчевню и стал свои деньги считать. А меняла шел за ним следом и слышал, как крестьянин ворчал: «Вот король-то мошенник какой, здорово меня надул! Если бы он выдавал мне деньги

сам, то я знал бы по крайней мере, что имею, а теперь откуда мне знать, правильно ли то, что я наугад себе сунул в карман!»

«Спаси господи, — сказал про себя меняла, — он говорит непочтительно о нашем короле, побегу-ка я, донесу ему об этом и получу за это награду, а его вдобавок еще и накажут.»

Услыхал король про такие речи крестьянина, разгневался и велел позвать менялу и привести с собой грешника. Побежал меняла к крестьянину:

— Вы, — говорит, — должны явиться тотчас к королю, вот так, в чем стоите.

— Я уж лучше знаю, как подобает, — ответил крестьянин, — сперва велю пошить себе новую куртку: ты думаешь, что человек, у которого столько денег в кармане, может явиться в старой, поношенной куртке?

Понял меняла, что крестьянина без новой куртки не увести, а он боялся, что гнев у короля пройдет, а иди-то ведь за наградой ему, а крестьянину за наказаньем. Вот и говорит он:

— Я готов вам по дружбе одолжить на короткое время прекрасный камзол. Уж чего не сделает человек из любви к ближнему!

Это крестьянину понравилось, он надел камзол менялы и пошел с ним вместе. Сообщил король крестьянину про злые его речи, о которых донес ему меняла.

— Эх, — сказал крестьянин, — что говорит меняла, то всегда бывает неправдой, от него ни одного верного слова не дождешься. Вот он станет еще утверждать, что я и камзол его надел.

— А что ж, — крикнул меняла, — разве камзол не мой собственный? Разве не одолжил я его вам по дружбе, чтобы вы могли явиться к королю?

Услыхал это король и говорит:

— Одного уж из нас — или крестьянина, или меня, — а меняла, наверно, надул.

И он велел в доплату ему отсчитать еще звонких талеров. А крестьянин воротился домой в новом камзоле и говорит:

— Вот на этот раз ловко сошло.

Умная Эльза

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Жил-был человек, и была у него дочь, звали ее Умной Эльзой. Вот выросла она, а отец и говорит:

— Пора бы отдать ее замуж.

— Да, — сказала мать, — если только найдется такой человек, что захочет ее взять.

И вот пришел наконец из дальних мест человек, звали его Ганс; стал он к ней свататься, но поставил условие, чтобы Умная Эльза была к тому же и весьма рассудительной.

— О, — сказал отец, — смекалка у нее в голове имеется.

А мать добавила:

— Ах, да уж что и говорить-то: она все понимает, видит даже, как ветер по улице гуляет, и слышит, как мухи кашляют.

— Ну, — сказал Ганс, — а если она окажется не очень смышленной, то я на ней не женюсь.

Вот сидят они за столом, обедают, а мать и говорит:

— Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива.

Взяла Умная Эльза с полки кувшин и спустилась в погреб, весело постукивая крышкой, чтобы время шло побыстрей. Пришла она в погреб, поставила перед пивной бочкой скамейку, чтобы не надо было нагибаться, и спина чтоб не заболела, и чтоб не слишком устать. Поставила она перед собой кувшин, отвернула кран, и, чтобы глаза не оставались без дела, пока пиво нальется, стала она стену разглядывать. Вот смотрит она да разглядывает и заметила вдруг над собой кирку [\[86\]](#) на стене, что забыли там по ошибке каменщики.

И вот начала Умная Эльза плакать и причитать:

— Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, и вырастет он, и пошлем мы его в погреб пива нацедить, вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть...

Вот сидит она и плачет, изо всех сил причитает по поводу предстоящего несчастья. А в доме наверху ждут в это время пива, а Умная Эльза все не возвращается. Хозяйка и говорит работнице:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Пошла работница, видит — сидит Эльза перед бочкой и плачет-заливается.

— Эльза, чего ты плачешь? — спрашивает работница.

— Ох, — отвечает она, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг невзначай может

упасть ему на голову кирка и убить его насмерть...

И сказала работница:

— Вот какая у нас Эльза умная!

Подсела она к ней и начала тоже горе оплакивать. А в доме все пива ждут не дождутся, а работница не возвращается. Тогда отец и говорит работнику:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там Эльза с работницей делают.

Спустился работник в погреб, видит — сидят Умная Эльза с работницей, и обе плачут. Спрашивает он у них:

— Чего вы плачете?

— Ох, — отвечает Эльза, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть...

Работник и говорит:

— Вон какая у нас Эльза умная! — Подсел к ней и тоже заплакал.

А в доме ждут работника, а он все не возвращается. Тогда отец говорит матери:

— Сходи-ка ты сама в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Спустилась мать в погреб, видит — все трое плачут. Спрашивает она у них, чего это они плачут; и рассказала ей Эльза, что ее будущего ребенка, когда он подрастет, может убить кирка, — будет он наливать пиво, а кирка вдруг и упадет ему на голову. И сказала мать:

— Ох, какая же у нас умная Эльза! — И подсела к ним и тоже заплакала.

Подождал отец немного, видит — мать тоже не возвращается, а выпить пива все больше и больше хочется. Вот и говорит он:

— Надо будет мне самому в погреб сходить да посмотреть, что там с Эльзой случилось.

Спустился он в погреб, видит — сидят все рядышком и горько плачут; узнал он, что причиной тому Эльзин ребенок, которого она, пожалуй, когда-нибудь родит, и что может его убить кирка, если, нацеживая пиво, он будет сидеть как раз под киркой, а в это время она может упасть, и он воскликнул:

— Какая же у нас, однако, умная Эльза! — Сел и тоже вместе с ними заплакал.

Долго дожидался жених в доме один, но никто не возвращался, и подумал он: «Пожалуй, они меня внизу ожидают, надо будет и мне туда сходить да поглядеть, что они там делают». Спустился он вниз, видит — сидят они все впятером и плачут-рыдают, да так жалобно — один пуще другого.

— Что у вас за беда случилась? — спрашивает он.

— Ах, милый Ганс, — ответила Эльза, — когда мы с тобой поженимся и будет у нас ребенок, вырастет он большой, то может случиться, что пошлем мы его в погреб пива нацедить, а кирка, что торчит на стене, может, чего доброго, упасть и разбить ему голову и убить его насмерть. Ну, как же нам не плакать об этом.

— Ну, — сказал Ганс, — большего ума для моего хозяйства и не надо. Эльза, ты такая умная, что я на тебе женюсь. — И взял ее за руку, повел наверх и отпраздновал с ней свадьбу.

Пожила она с Гансом немного, а он и говорит:

— Жена, я пойду на заработки. Надо нам деньгами разжиться, а ты ступай на поле жать пшеницу, чтоб

был у нас в доме хлеб.

— Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю.

Ушел Ганс, наварила она себе вкусной каши и взяла с собой на поле. Пришла туда и сама себя спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли сначала или сперва поесть? Э, пожалуй, поем я сначала.

Съела она целый горшок каши, наелась до отвала и опять спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли или, может, сперва поспать? Пожалуй, посплю я сперва. — Легла она в пшеницу и уснула.

А Ганс в это время давно уже домой воротился, а Эльзы все нету и нету. Вот он и говорит:

— Какая у меня умная Эльза, она такая прилежная — и домой не возвращается, и ничего не ест.

А ее все нету и нету. Вот уже и вечер наступил, вышел Ганс в поле поглядеть, сколько она пшеницы нажала; видит, что ничего не сжато и лежит Эльза в пшенице и спит. Побежал Ганс поскорее домой, принес с собой птицеловную сеть с бубенцами и накинул ее на Эльзу; а она все продолжает спать. Побежал он домой, запер двери, уселся на лавку и принялся за работу.

Наконец совсем уж смерклось, проснулась Умная Эльза, и только она поднялась, а бубенцы на ней и зазвенели, и что ни сделает она шаг, а бубенцы все звенят и звенят. Испугалась она и призадумалась: а вправду ли она Умная Эльза? И стала сама себя спрашивать: «Я ли это или не я?» И сама не знала, как ей на это ответить, и стояла она некоторое время в сомненье; наконец она подумала: «Пойду-ка я домой да спрошу, я ли это или не я? Они уж наверное знают».

Прибежала она домой, а двери заперты. Постучала она в окошко и спрашивает:

— Ганс, дома ли Эльза?

— Да, — ответил Ганс, — она дома.

Испугалась она и говорит:

— Ах, боже мой, значит, это не я! — и кинулась к другим дверям.

А люди услышали звон бубенцов и не захотели ей отпирать, и нигде не нашлось ей приюта. И убежала она тогда из деревни; и никто ее с той поры больше не видел.

Ганс в счастье

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

рослужил Ганс семь лет у своего хозяина и говорит ему:

— Хозяин, срок работы моей кончился; хочу я домой к матери вернуться, уплатите мне что полагается.

А хозяин отвечает:

— Ты служил мне верно и честно, и какова твоя служба была, такова будет тебе и награда. — И дал он ему кусок золота величиной с голову Ганса.

Вынул Ганс из кармана свой платок, завернул в него золотой слиток, взвалил его на плечи и двинулся в путь-дорогу домой.

Идет он, с ноги на ногу переваливаясь, видит — навстречу ему мчится вскачь всадник на резвом коне.

— Ах, — говорит Ганс вслух, — как славно ездить верхом на лошади! Сидит себе человек, точно на стуле, о камень не спотыкается, башмаков не сбивает, а движется вперед, не утруждая себя.

Услыхал это всадник, придержал коня и крикнул:

— Эй, Ганс, чего ты пешком-то идешь?

— А вот должен я, — говорит, — отнести домой этот слиток; хотя он из чистого золота, но голову прямо держать нельзя, да и плечи он здорово давит.

— Знаешь что, — сказал всадник, — давай-ка мы поменяемся: дам я тебе своего коня, а ты мне отдашь свой слиток.

— С большим удовольствием... — ответил Ганс. — Но скажу вам наперед, придется вам с ним повозиться.

Слез всадник с коня, взял золото, помог Гансу сесть на коня, дал ему в руки поводья и сказал:

— Если вздумаешь ехать быстрее, ты языком прищелкни да крикни «гоп-гоп».

Сел Ганс на коня, обрадовался и поехал себе молодцом налегке дальше. Вздумалось ему еще скорей коня припустить, стал он языком прищелкивать да кричать «гоп-гоп». Пустился конь вскачь, и не успел он и оглянуться, как лежал уже в придорожной канаве. Конь тоже перескочил бы через канаву, если б не придержал крестьянин, что гнал по дороге корову. Ганс вылез из канавы и встал на ноги. И вот в досаде говорит он крестьянину:

— Скверное дело ездить верхом на коне, особенно если попадешь на такую клячу, как эта; и трясет да еще сбрасывает тебя — тут и шею-то легко свернуть. Ну, уж больше ни разу я на нее не сяду. Вот корова твоя — это дело другое; идешь себе за ней преспокойно, да, кроме того, каждый день получаешь и молоко, и масло, и творог. Много бы я дал, чтобы иметь такую корову!

— Ну что ж, — ответил крестьянин, — если тебе угодно, я согласен поменяться с тобой на коня.

Ганс с большой радостью согласился, а крестьянин вскочил на коня и быстро от него ускакал.

Ганс спокойно погнал свою корову, вспоминая об удачной сделке. «Будет у меня теперь кусок хлеба, недостатка в этом, пожалуй, не будет, а захочется — можно будет и масла, и творогу поесть; а захочется попить — подою я корову и напьюсь молока. Чего же мне еще надо?» Зашел он по дороге в харчевню отдохнуть и поел на радостях все, что у него было с собой и на обед и на ужин, а на свои последние два гроша велел налить себе полкружки пива. Затем погнал он свою корову дальше по дороге, в деревню к своей матери. К полудню жара становилась все тяжелей, а Гансу надо было идти, по крайней мере, еще целый час полем. Стало Гансу невмоготу от жары, и язык во рту у него совсем пересох. «С этим делом можно будет справиться, — подумал он, — подою-ка я свою корову да попью молока». Привязал Ганс корову к сухому дереву, а так как подойника у него с собой не было, то подставил он свою кожаную шапку; но как он ни старался, а молока не выдоил ни капли. А так как стал он доить не умеючи, то корова от нетерпенья ударила его задней ногой в голову, да так сильно, что он грохнулся наземь и некоторое время никак не мог сообразить, где он находится. К счастью, проходил на ту пору по дороге мясник, он вез на тележке поросенка.

— Что это с тобой случилось? — крикнул он и помог доброму Гансу подняться.

Ганс рассказал, что с ним произошло. Мясник подал ему свою дорожную фляжку и сказал:

— На, выпей да подкрепись. Корова, должно быть, яловая; видать, стара и годна разве что для упряжи или на убой.

— Эх-эх-эх, — сказал Ганс, почесывая себе затылок, — и кто бы это мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если такую скотину можно будет дома зарезать, и мяса-то сколько будет! Да много ли сделаешь вкусного из говядины? По-моему, мясо-то не очень сочное. Вот если бы иметь такого поросенка! И вкус у него другой, да еще и колбас можно наделать.

— Послушай-ка, Ганс, — сказал мясник, — уж я для твоего удовольствия готов поменяться: отдам тебе за корову свинью.

— Да вознаградит тебя господь бог за твою доброту ко мне, — сказал Ганс, отдал ему корову и попросил, чтобы мясник развязал свинку и дал бы ему в руки веревку, к которой была та привязана.

Отправился Ганс дальше, и стал он раздумывать, что все вот желанья его исполняются, а если встретится какая помеха, то все снова тотчас хорошо улаживается. А тут ввязался идти с ним вместе по пути парень, нес он под мышкой красивого белого гуся. Заговорили они, и Ганс начал рассказывать ему про свое счастье и как ему удавалось все обменивать выгодно и удачно. Парень ему рассказал, что несет гуся этого на пирушку по случаю крестин.

— Вот попробуй-ка ты его поднять, — сказал он и схватил гуся за крылья, — вишь, какой он тяжелый! Мы целых восемь недель его откармливали. Если зажарить его да начать есть, то придется, пожалуй, жир с обеих щек вытирать.

— Да, — сказал Ганс, взял его в руку и попробовал, какой он будет на вес, — что и говорить, жирный, но моя-то свинья тоже подходящая свинка.

Стал парень между тем по сторонам с тревогой оглядываться и покачивать головой.

— Послушай, — сказал он снова, — а с твоей-то свиньей дело может выйти плохое. В деревне, через которую я проходил, только что у старосты свинью из хлева украли. Боюсь я, не эта ли самая она и есть. Послали уже и людей на розыски, и плохо придется, если тебя с ней поймают, — в лучшем случае запрячут тебя куда-нибудь.

Стало страшно доброму Гансу.

— Ах, боже ты мой! — сказал он. — Выручи ты меня из беды, тебе тут в случае чего легче справиться будет, возьми-ка ты мою свинью, а мне дай своего гуся.

— Дело-то оно несколько опасное, — ответил парень, — но не хочется мне в твоей беде быть виноватым.

Взял он веревку в руку и быстро погнал свинью окольной дорогой; а добрый Ганс шел без забот и печалей, с гусем под мышкой, домой.

«Если оно хорошенько-то поразмыслить, — сказал он про себя, — я обменял еще выгодней: будет у меня славное жаркое, да к тому же и жиру немало, а его можно будет перетопить, и хватит его, чтобы есть с хлебом, по крайней мере, на целую четверть года; да еще какой прекрасный белый пух. Я велю им набить себе подушку, и засыпать-то на ней как будет сладко. Вот матери будет радость!»

Проходил он уже через последнюю деревню и увидел точильщика, что стоял у своей тележки; колесо его жужжало, и он, работая, напевал:

Точу ножи-ножницы, верчу колесо,
Вот жизнь развеселая, крути, да и все.

Ганс остановился и стал смотреть на его работу; наконец он обратился к нему и говорит:

— Должно быть, тебе хорошо живется, ты вон как весело точишь.

— Да, — ответил точильщик, — ремесло мое золотое. Хороший точильщик как ползет к себе в карман, так и деньги найдутся. Но где это ты купил такого красивого гуся?

— Да я его не покупал, я его на свинью променял.

— А свинью ты откуда взял?

— Выменял на корову.

— А корову?

— Выменял на коня.

— А коня?

— За него я дал слиток золота величиной с мою голову.

— А золото?

— А то уплата за мои семь лет работы.

— Ну, что и говорить, был ты всегда находчив, — заметил точильщик. — Надо бы тебе так дело устроить, чтоб деньги у тебя всегда в кармане водились, и будешь ты тогда вполне счастлив.

— А как это сделать? — спросил Ганс.

— Надо тебе стать точильщиком, таким вот, как я; требуется для этого всего-то один точильный камень, а все остальное уж само собой приложится. Вот есть у меня камень, — правда, он малость попорчен, да возьму я за него всего лишь твоего гуся; согласен?

— Да как можешь ты еще спрашивать!.. — отвечает Ганс. — Ведь стану я тогда счастливейшим человеком на свете; ежели будут у меня всегда деньги в кармане водиться, о чем же мне тогда и печалиться будет?

И он отдал ему гуся, а вместо него взял точильный камень.

— Ну, — сказал точильщик, подымая с земли простой тяжелый булыжник, — вот тебе в придачу хороший камень, на нем будет удобно старые гвозди расправлять. Возьми и его заодно и донеси как следует.

Взвалил Ганс камни на плечи и с легким сердцем отправился дальше; глаза его сияли от радости. «Должно быть, родился я в рубашке, — воскликнул он, — все, чего я ни пожелаю, само идет ко мне в руки, словно к какому-нибудь счастливицу». А надо сказать, был он на ногах с самого раннего утра и притомился; да и голод стал его мучить, а весь свой дорожный запас он на радостях по поводу проданной коровы проел. И вот он уже еле-еле передвигал ноги и то и дело останавливался, чтобы передохнуть; а к тому же и камни сильно оттягивали ему плечи. И стал он подумывать, что было бы неплохо, если б можно было от них избавиться. Еле добрался он до придорожного колодца, собираясь отдохнуть и свежей воды напиться; а чтобы как-нибудь не повредить камней, он положил их осторожно у самого края колодца. Затем сел он и сам и хотел было нагнуться, чтобы воды напиться, да как-то не доглядел, толкнул их — и оба камня бултыхнулись прямо в колодец. Ганс, увидя, что они пошли на самое дно, вскочил от радости, бросился на колени и в слезах стал благодарить господа бога за то, что оказался он к нему и на этот раз милостив и освободил его так легко от тяжелых камней, которые ему только мешали, и случилось это так, что ему ни в чем и упрекать себя не придется.

— Нет на свете, — воскликнул он, — такого счастливого человека, как я!

С легким сердцем и без всякой ноши двинулся он дальше и воротился наконец домой к своей матери.

Сладкая каша

Немецкая сказка

Перевод Г. Петникова

Жила-была бедная, скромная девочка одна со своей матерью, и есть им было нечего. Пошла раз девочка в лес и встретила по дороге старуху, которая уже знала про ее горемычное житье и подарила ей глиняный горшочек. Стоило ему только сказать: «Горшочек, вари!» — и сварится в нем вкусная, сладкая пшенная каша; а скажи ему только: «Горшочек, перестань!» — и перестанет вариться в нем каша. Принесла девочка горшочек домой своей матери, и вот избавились они от бедности и голода и стали, когда захочется им, есть сладкую кашу.

Однажды девочка ушла из дому, а мать и говорит: «Горшочек, вари!» — и стала вариться в нем каша, и наелась мать досыта. Но захотелось ей, чтоб горшочек перестал варить кашу, да позабыла она слово. И вот варит он и варит, и ползет каша уже через край, и все варится каша. Вот уже кухня полна, и вся изба полна, и ползет каша в другую избу, и улица вся полна, словно хочет она весь мир накормить. И приключилась большая беда, и ни один человек не знал, как тому горю помочь. Наконец, когда один только дом и остался цел, приходит девочка; и только она сказала: «Горшочек, перестань!» — перестал он варить кашу; а тот, кому надо было ехать снова в город, должен был в каше проехать себе дорогу.

Датские сказки

Волк

Датская сказка

Перевод Т. Величко

или-были муж да жена, и было у них семь овечек, куцый жеребенок, собака да кошка. Наняли они пастушонка — овец пасти. Вот раз взял пастушонок узелок со снедью [\[87\]](#) и пошел в поле со своими семью овечками. Вдруг, откуда ни возьмись, волк.

— Ах, какие славные овечки! Это твои? — спрашивает волк.

— Мои, — отвечает пастушонок.

А волк и говорит:

— Отдай мне узелок с едой, а не то я овцу у тебя съем.

— Не отдам, — говорит пастушонок.

Ну, волк и съел одну овцу.

На другой день пастушонок опять взял узелок со снедью и пошел в поле с шестью овечками. А волк опять тут как тут, и было все, как в первый день: волк попросил у пастушонка узелок, а пастушонок не захотел его отдать, волк и съел вторую овцу.

И каждый день то же было, пока волк всех овец не поел.

Выбранил хозяин пастушонка и велел ему куцего жеребенка пасти. Раз пошел пастушонок в поле присмотреть за жеребенком, а навстречу ему опять волк.

— Эй, пастушонок, отдай мне свой узелок, а не то я у тебя жеребенка съем, — говорит волк.

Не захотел пастушонок отдать узелок — волк взял да и съел куцего жеребенка.

Воротился пастушонок, рассказал, что с ним приключилось, а хозяин его прочь погнал и не велел домой приходиться, пока не отыщутся семь овечек да куцый жеребенок.

Делать нечего, пришлось пастушонку в дорогу пуститься, хоть он и знал, что овечек да жеребенка нигде не сыскать, волк их поел. Шел он, шел и проголодался, развязал свой узелок со снедью и только было поесть собрался, откуда ни возьмись — волк.

— Эй, пастушонок, отдай мне свой узелок, а не то я тебя самого съем, — говорит волк.

Не отдал пастушонок свой узелок — волк его и проглотил.

Ждали, ждали хозяева, когда пастушонок домой воротится, а его нет как нет. Послали они работника его поискать. Работнику тоже волк повстречался, вот работник его и спрашивает, не видал ли он

пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка. А волк ему отвечает:

— Слышишь, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, и для тебя там место найдется.

И с этими словами — хап! — и съел работника.

Заждались хозяева своего работника, нет его и нет. Послали они девушку-служанку его поискать. Ей тоже волк навстречу попался, девушка его и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да еще хозяйского работника. А волк ей в ответ:

— Слышишь, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, там и для тебя местечко найдется.

Хап! — и съел ее.

Ждет-пождет хозяин, когда девушка домой воротится, а ее все нет и нет, под конец надоело ему ждать, и отправился он на поиски сам. Повстречал он волка и спрашивает, не видал ли тот пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да еще девушку-служанку. А волк ему:

— Слышишь, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, пожалуй, и тебе там место найдется.

И с этими словами — хап! — и проглотил хозяина.

Долго хозяйка мужа поджидала, а он все не идет да не идет. Под конец не стало ей больше покоя, и пошла она сама его поискать. Встретился ей волк, она его и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да девушку-служанку, да еще ее мужа.

— Как не видать, — волк ей отвечает, — слышишь, в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, да и для тебя еще местечко найдется.

Хап! — и хозяйку тоже проглотил.

Надоело собаке одной сидеть, хозяев дожидаться, и ушла она из дому их искать. Попадаетея ей навстречу волк, она его и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да девушку-служанку, да еще хозяина с хозяйкой. А волк отвечает:

— Слышишь, поди, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, да и для тебя там место найдется.

Хап! — и проглотил собаку.

Не осталось в доме никого, кроме кошки, ей тоже скучно одной показалось. Побежала она всех пропавших искать, встречает волка и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да девушку-служанку, да хозяина с хозяйкой, да еще собаку.

— Как же, как же, — волк отвечает, — слышишь, в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, а и для тебя еще местечко найдется.

Хап! — и кошку тоже съел.

Однако ж волк пожадничал: тесновато стало у него в животе, собака с кошкою повздорили, да так сцепились, что волчье брюхо когтями и разодрали. И вывалились оттуда пастушонок со своими семью овечками, куцый жеребенок, работник, девушка-служанка, хозяин с хозяйкой и собака с кошкой — живы-здоровы, целы и невредимы. Набросились они всем скопом на волка и убили его, а сами, веселые да довольные, домой пошли.

Малёк

Датская сказка

Перевод Т. Величко

одного человека было три сына: старший — Поуль, средний — Педер и младший — по прозвищу Малёк. Поуль и Педер были парни хоть куда, а Малёк непутевый вышел, знай у печки лежит да в золе копается. И не разберешь, каков он есть, — до того весь в золе перемажется.

Раз приходят Поуль с Педером к отцу и говорят, что надумали они пойти по свету, службу себе поискать. Ну, отец дал им свое согласие. А Малёк как узнал, что братья уходят, тоже с ними запросился. Отец и слышать не хотел, чтоб его из дому отпускать: он ни к какому делу не годный да и видом неказист. Этакому замарашке чужим людям и на глаза-то показаться стыдно. А Малёк свое заладил: пойду да пойду!

Стали Поуль с Педером в дорогу собираться, справили им новую красивую одежду, а Малёк как был в грязном, затасканном тряпье, так и остался. Старшие братья его стыдились, никак не хотели, чтобы он следом увязался, а Мальку и горя мало, идет себе за ними — и всё тут.

Вот пришли Поуль с Педером в королевский замок, и взяли их там в услужение, да притом на хорошие места определили. А как Малёк туда припожаловал, для него и работы-то найти не могли: куда поставишь этакого замарашку? Потом, однако ж, послали его на конюшню самым распоследним подручным конюха — грязь да навоз вычищать.

Старшие братья знаться с ним не желали: мало что сам замарашка, так и место захудалое — хуже не сыщешь. Малёк меж тем работал со старанием и в скором времени получил местечко получше. Тут Поулю с Педером завидно стало, да и боязно: ну как Малёк им нос утрет? Пришли они к королю и говорят: дескать, Малёк похвалялся, что может у горного тролля [\[88\]](#) барана увести, а баран тот особенный — как шаг ступит, так полфунта шерсти с себя скинет; королю от него выгода будет немалая, всему войску сукна на мундиры достанет. Только пусть король Малька припугнет, что прикажет голову с него снять, коли он барана не раздобудет, — без угроз проку от него не добьешься.

Призвал король Малька и спрашивает, верно ли, что он волшебного барана раздобыть похвалялся. Малёк отвечает, что он про барана слыхом не слыхивал, да и где ему с таким делом управиться.

А король говорит:

— Не добудешь барана — голову долой, а добудешь — дам тебе хорошее место.

Малёк в слезы, да ведь плачь не плачь — с королем не поспоришь.

Попросил он, чтоб дали ему деревянную квашню, черенок от метлы да передник. Квашню он себе под суденышко приспособил, из черенка мачту сделал, а передник заместо паруса натянул. И поплыл по морю к тому месту, где было жилище горного тролля.

Волшебный баран на берегу пасся, схватил его Малёк да живея на суденышко — и прочь поплыл. А тролль-то со своей горы увидел его. Бросился он со всех ног на берег, стал у воды и кричит:

— Эй, кто у меня барана уволок?

А Малёк в ответ:

— Это я уволок, Мальком прозываюсь!

— Ну, держись, сейчас догоню! — кричит тролль.

— Давай догоняй! — отвечает Малёк.

Горный тролль ну бесноваться, по берегу-то скачет, а воды боится. Малёк от него и ускользнул.

Воротился он в замок с бараном, король его на радостях на хорошее место определил.

А братьев еще больше зависть одолела: этак Малёк, чего доброго, не сегодня завтра с ними сравняется. И удумали они новую хитрость.

Пришли к королю и говорят: дескать, Малёк похвалялся, что может у горного тролля волшебный светильник раздобыть, какой на три королевства светит; королю от него выгода будет немалая, особенно как придет ему нужда с войском своим в поход выступить. Только пусть он Мальку пригрозит, что казнить прикажет, коли он волшебный светильник не добудет, — а не то от него проку не жди.

Опять призвал король Малька и спрашивает, верно ли, что он волшебный светильник у горного тролля раздобыть похвалялся.

И опять Малёк в слезы: про светильник он и слыхом не слыхивал. А король ему:

— Добудь мне светильник! Не добудешь — не сносить тебе головы, а исполнишь мое повеление — еще лучше место получишь.

Делать нечего, попросил Малёк, чтоб дали ему мешок соли, и под вечер поплыл в деревянной квашне к жилищу горного тролля.

Как смерклось, взобрался он на гору, где у тролля огонь в очаге горел, и давай в котел с кашей соль бросать пригоршнями. Вот приходит старая троллиха кашу попробовать, какова она на вкус, а каша-то чересчур солоня. Разбавить бы надо, воды принести, а на дворе уже вовсе стемнело. Сходила старая троллиха за волшебным светильником и отправилась с ним по воду, а Малёк тут как тут: схватил волшебный светильник — да и был таков!

Только он от берега отплыл, а тролль уж к воде прибежал и кричит:

— Эй, Малёк, это ты?

— Я! — отвечает Малёк.

— Ты у меня барана уволок?

— Уволок!

— Волшебный светильник унес?

— Унес!

— Ну, держись у меня, сейчас догоню!

— Давай догоняй! — отвечает Малёк.

Забегал горный тролль по берегу, запрыгал, будто в воду броситься изготовился, а Малёк знай себе дальше плывет.

Воротился он домой веселый и довольный, король еще лучше место ему дал, он уж и над братьями своими возвысился, а они от зависти покой потеряли, только о том и думают, как бы его со свету сжить.

Пришли опять Поуль с Педером к королю и говорят: дескать, Малёк похвалялся, что может у горного тролля волшебный звонок раздобыть, какой на три королевства звонит; от него выгода будет немалая, особенно как надумает король на врага *войною пойти*. *Только пусть он Мальку казнью пригрозит, а не то проку не будет*.

Снова король Малька призвал и спрашивает, верно ли, будто он похвалялся у горного тролля звонок раздобыть, какой на три королевства звонит.

Малёк отвечает: он, мол, про звонок слыхом не слыхивал, да и не под силу ему такое дело.

А король ему:

— Не добудешь волшебного звонка, тогда с жизнью прощайся, а добудешь — получишь принцессу в жены да полкоролевства в придачу. Ну, а после моей смерти — и все королевство.

Что тут делать? Спустил Малёк на воду квашню и поплыл опять к горному троллю. Приплыл он туда поздно ночью, тролль с женою уж спать улеглись. Пробрался Малёк в глубь горы, в троллевы покои, и залез под кровать, где был припрятан волшебный звонок. Малёк мигом его нашарил и собрался бежать, да не тут-то было: звонок как зазвонит! Горный тролль и проснулся. Ткнул он в бок жену-троллиху и спрашивает:

— Это что такое?

А она ему спросонья:

— Кто его знает, может, это я звонок задела, он и зазвонил.

Поворчал тролль на жену, потом угомонились они и заснули. Малёк, как услышал, что тихо стало, решил еще разок попробовать, да где там: только он за звонок схватился, такой опять трезвон поднялся, что тролль вскочил, растолкал троллиху и кричит:

— Что за напасть, опять это ты?

А она отвечает:

— Кому ж еще быть? Верно, я ненароком звонок задела.

На этот раз тролль разворчался не на шутку: и что ей нейметса, лежала бы спокойно. А потом оба снова заснули.

Малёк и думает: «Была не была, попробую в последний раз».

Только он собрался одним прыжком из-под кровати выскочить и тягу задать, тролль почувал неладное, хватить рукой рядом с кроватью — и сцапал Малька. Ну, тролль, понятно, без труда догадался, кто это есть, и говорит:

— Малёк, это ты?

— Я! — отвечает Малёк.

— Ты у меня барана уволок?

— Уволок!

— Волшебный светильник унес?

— Унес!

— А теперь и звонок хотел утащить?

— Хотел!

— Скажи-ка, а что бы ты со мною сделал, кабы я вот так тебе в руки попался? — спрашивает тролль.

— Откормил бы орехами да сливками отпоил, а потом бы зажарил, — отвечает Малёк.

— Ладно, и я с тобою так сделаю, — говорит горный тролль.

Посадили Малька в клетушку и стали его орехами откармливать и сливками отпаивать. Приставили к нему девушку, чтоб еду готовила да подавала, а девушку ту тролль из родительского дома выкрал и служить себе заставил. И сговорились Малёк с девушкой друг дружке помогать.

Вот прошла неделя или две, захотел тролль поглядеть, как там Малёк, накопил ли жирку. Глаза у тролля худые были, девушка и научила Малька вместо пальца лучинку ему протянуть. Видит тролль, не больно-то Малёк разжирел, и велел он его еще две недели откармливать.

Как прошло две недели, тролль опять захотел поглядеть, довольно ли Малёк жиру накопил. Тут Малёк, по девушкиному совету, вместо пальца коровий сосок ему подсунул. Увидал тролль, какой он стал жирный, и сказал, что пора из него жаркое готовить.

Вот пошел тролль работать в поле, а жене наказал Малька зажарить и, как будет готово, в волшебный звонок позвонить. А девушка опять научила Малька, что ему делать.

Собралась троллиха жаркое готовить, посадила Малька на противень и хотела в печку засунуть — вроде того, как хлебы ставят выпекать, а Малёк-то с противня и свалился! Она его сажает, а он сваливается, будто никак удержаться не может. Тут Малёк и говорит троллихе: он, дескать, в толк не возьмет, как на противне усидеть и не свалиться, пусть уж она ему покажет.

Ну, троллиха и уселась на противень. Только она хорошенько уюстилась, сунул Малёк противень в печку и заслонку закрыл. Потом взял ее ночной чепец и положил в постель на подушку: со стороны поглядеть — будто сама троллиха лежит. Отыскал он волшебный звонок, и бросились они с девушкой к берегу, а там их квашня на воде дожидалась.

Пока они с горы бежали, звонок трезвонил без перерыва, а тролль-то подумал, жена его зовет жаркое есть, он и припустил домой со всех ног. Вошел, а в доме никого не видать, потом за приметил чепец в постели и думает: «Верно, жена отдохнуть прилегла, устала, пока жаркое готовила». Потом пригляделся, а там никого, один чепец.

Кинулся тролль что было духу на берег, а Малёк с девушкой только-только отчалили, совсем еще недалеко уплыли. Принялся тут тролль прыгать да скакать, будто вот-вот в воду бросится, вдогонку поплывет. А сам кричит Мальку:

— Ты у меня барана уволок?

— Уволок! — отвечает Малёк.

— Волшебный светильник унес?

— Унес!

— И волшебный звонок утащил?

— Утащил!

— Да вдобавок девушку увел?

— Увел!

— Ну, держись у меня, сейчас догоню!

— Давай догоняй! — отвечает Малёк.

Тут тролль до того разъярился, что от злости лопнул. И рассыпался горный тролль на тысячи красных камешков, твердых и острых, об какие мальчишки ноги себе режут, когда летом босиком бегают.

А Малёк благополучно домой прибыл, король и принцесса обрадовались, встретили его с почетом, и в скором времени свадьбу сыграли, богато и весело пировали.

Глупый работник

Датская сказка

Перевод А. Афиногеновой

или-были муж и жена, и был у них работник, да такой глупый, что не знали они, как с ним быть.

— И зачем нам этот парень? — сказал однажды муж. — Никакого от него толку.

Предложила тогда жена послать его на мельницу рожь смолоть. А парень и говорит:

— Забуду я, зачем вы меня послали.

— Не забудешь, — отвечает жена. — Иди да повторяй про себя: два мешка на помол, два мешка на помол.

— Ладно, — сказал парень, попрощался и отправился в путь.

Идет он и кричит:

— Два мешка на помол! Два мешка на помол!

Шел он, шел и пришел к полю, а там человек рожь сеет. Услыхал он, как парень кричит, и рассердился:

— Я два поля ржи засеял, а ты говоришь, что у меня только два мешка на помол будет?

Схватил он парня и хорошенько его отдубасил.

— А как же мне говорить? — спрашивает парень.

— А вот как: «Таскать вам не перетаскать!» Пообещал парень, что так и сделает, и пошел дальше.

Идет он и кричит:

— Таскать вам не перетаскать! Таскать вам не перетаскать!

А навстречу ему дохлую лошадь везут. Услыхали люди, что парень говорит, рассердились и поколотили его.

— У нас самая лучшая кобыла сдохла, а он говорит — таскать вам не перетаскать!

Попросил парень у них прощения и опять спрашивает, как ему говорить надо.

— А вот как: «Такую кобылу везут!»

Пообещал парень, что так и сделает, и дальше пошел.

Идет и кричит:

— Такую кобылу везут! Такую кобылу везут! А навстречу ему пышная процессия — бургомистрова дочка [\[89\]](#) с венчания едет. Люди кругом шапки снимали, кланяются до земли. А парень идет себе да

кричит:

— Такую кобылу везут!

Услыхали это стражники, что на запятках кареты стояли, соскочили и за парнем вдогонку. Схватили его, арестовать хотят за то, что он перед всеми бургомистрову дочку кобылой обозвал. Попросил парень у них прощения, и они его отпустили, только «ура» прокричать велели да наказали в таких случаях говорить:

— Ах, как весело!

Идет парень дальше и орет во все горло:

— Ах, как весело! Ах, как весело!

Вдруг видит — дом горит. А ему что? Он знай кричит себе:

— Ах, как весело!

Услыхали это люди, подумали, что он над их бедой смеется, схватили его да тумачков надавали. Попросил парень у них прощения и опять спрашивает:

— А как же мне говорить надо?

— А вот как: «Воды сюда!»

— Так и сделаю, — обещал парень и дальше пошел.

Идет он да кричит во все горло:

— Воды сюда! Воды сюда!

А на дороге две бабы дерутся. В волосы друг другу вцепились, колотят друг друга что есть мочи, никто разнять их не может. А парень мимо идет да все кричит:

— Воды сюда!

— А ведь он прав! — сказали люди, принесли ведро воды да бабам на головы и вылили.

Те сразу в разные стороны и разбежались.

Вот наконец и похвалили глупого работника за совет. А донес ли он два мешка ржи на мельницу, мы уж и не знаем.

Нидерландские сказки

Петушок и курочка

Нидерландская сказка

Перевод Ю. Сидорина

или-были петушок да курочка, жили, не тужили, кашу варили. Да надо же было беде случиться: свалилась однажды курочка в горшок с кашей. Вытащил ее петушок, повесил на улице сушиться, а сам снова принялся кашу варить.

Бежала мимо лиса и утащила курочку. Увидел это петушок в окошко, запряг шесть белых мышей в бумажную тележку и помчался за лисой вдогонку.

Навстречу ему штопальная игла:

— Можно я с тобой прокачусь?

— Можно, — отвечает петушок. — Помоги мне только вызволить курочку из беды.

Забралась штопальная игла в тележку, помчались они во весь дух вдогонку за лисой.

Навстречу паук. Пауку тоже захотелось на тележке прокатиться.

— Что же, втроем веселее, — обрадовался петушок. — Помоги мне только вызволить курочку из беды.

— Хорошо, — согласился паук и забрался в тележку.

Едут они дальше, мышей погоняют, а навстречу кот:

— Мяу, мяу, можно я с вами прокачусь?

— Можно, садись быстрее, — отвечает петушок. — Помоги мне только вызволить курочку из беды.

— Хорошо, — мяукнул кот.

И они снова помчались дальше.

Навстречу кирпич. Наскочила тележка на кирпич, чуть не перевернулась.

— Напугал ты нас, увалень! — закричал петушок. — Не загораживай дорогу, мы спешим!

— Можно мне с вами поехать? — спросил кирпич.

— Тележка тебя не выдержит, развалится.

— А я осторожно, — просит кирпич, — сяду на самый краешек.

И забрался в тележку. То-то задал он работу мышам!

Вдруг паук закричал:

— За деревьями огонек мелькает! Не там ли лиса живет?

А это и впрямь была избушка лисы. Смотрит петушок, висит бедная курочка на веревке за дверью. Подбежал петушок, перерезал веревку и освободил курочку.

А тут уж стемнело, решили друзья переждать ночь в лисьей избушке. Петушок и курочка забрались в шкаф. Штопальная игла улеглась в кресле, паук — в чашке. Кот залез в печку, мыши юркнули в постель, а кирпич забрался под самый потолок.

Возвращается лиса домой, думает: «Хорошо, курочка у меня припасена. Сейчас ее съем». А курочки за дверью нет как нет! Огорчилась лиса. «Дай, — думает, — посижу в кресле, отдохну немного».

Только села, что-то ее как кольнет! Лиса так и подскочила. «Не буду сидеть в кресле, — думает, — лучше чаю выпью». Только сунула нос в чашку, а паук как выпрыгнет оттуда! У лисы от страха чашка из лап вывалилась и разбилась!

Решила лиса огонь в печи раздуть, а оттуда пепел да угли — порх! «Лягу я лучше спать», — решила лиса и растянулась на кровати. Тут мыши как начали ее щекотать! Лиса прыг до самого потолка, а кирпич оттуда шмяк — и придавил разбойницу.

Обрадовались друзья, что с лисой разделались, выбрались из своих укромных местечек и устроили пир горой. А утром уселись на бумажную тележку, запряженную шестью белыми мышами, и отправились по домам. Петушок и курочка друг на друга наглядеться не могли, всю дорогу он кукарекал, а она кудахтала — песни пели.

Тут и сказке конец.

Пеке

Нидерландская сказка

Перевод Ю. Сидорина

ил-был парнишка по имени Пеке. Позвала его мать домой и говорит:

— Пеке, иди домой, выпей стакан молока.

А Пеке отвечает:

— Не хочу, я играю.

Тогда мать говорит собаке:

— Собака, а собака, приведи Пеке домой, пусть он выпьет стакан молока.

— Не хочу, — отвечает собака.

Тогда мать говорит палке:

— Палка, а палка, побей собаку, потому что собака не хочет привести Пеке домой, а Пеке не хочет выпить стакан молока.

— Не хочу, — отвечает палка.

Тогда мать говорит огню:

— Огонь, а огонь, сожги палку, потому что палка не хочет побить собаку, собака не хочет привести Пеке домой, а Пеке не хочет выпить стакан молока.

— Не хочу, — отвечает огонь.

Тогда мать говорит воде:

— Вода, а вода, погаси огонь, потому что огонь не хочет сжечь палку, палка не хочет побить собаку, собака не хочет привести Пеке домой, а Пеке не хочет выпить стакан молока.

— Не хочу, — отвечает вода.

Тогда мать говорит корове:

— Корова, а корова, выпей воду, потому что вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет сжечь палку, палка не хочет побить собаку, собака не хочет привести Пеке домой, а Пеке не хочет выпить стакан молока.

— Не хочу, — отвечает корова.

Тогда мать говорит мяснику:

— Мясник, а мясник, заколи корову, потому что корова не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет сжечь палку, палка не хочет побить собаку, собака не хочет привести Пеке домой, а Пеке не хочет выпить стакан молока.

— Не хочу, — отвечает мясник.

Тогда мать рассердилась и позвала разбойника:

— Разбойник, а разбойник, забери мясника, потому что мясник не хочет заколоть корову, корова не хочет выпить воду, вода не хочет погасить огонь, огонь не хочет сжечь палку, палка не хочет побить собаку, собака не хочет привести Пеке домой, а Пеке не хочет выпить стакан молока.

— Ладно, — сказал разбойник и забрал с собой мясника.

Мясник заколол корову.

Корова выпила воду.

Вода погасила огонь.

Огонь сжег палку.

Палка побила собаку.

Собака позвала Пеке.

Пеке пришел домой и выпил стакан молока.

Кузнец и гномы

Нидерландская сказка

Перевод Ю. Сидорина

Жил-был кузнец, молодой да неженатый. Как ни работал Клаас, как ни старался, все не мог заработать столько денег, чтобы жениться. А невеста его жила довольно далеко от деревни, на хуторе.

Вот как-то вечером возвращался кузнец от невесты домой и решил сократить дорогу — пойти через речушку у горы. Дошел до речушки и что он слышит, что видит? Целая толпа гномов поет и пляшет на бережку! Подбрасывают вверх колпачки и ловят ногой.

Спрятался Клаас за куст и смотрит. Напелись, наплясались гномы и, словно кто знак дал, мигом исчезли в узкой расщелине горы. Только один остался снаружи: зацепился его колпачок за сук, никак гном до него не дотянется. Пожалел кузнец гнома, думает: «Как бы ему помочь?» Перепрыгнул через речушку и говорит:

— Подожди, дружище, я тебя сейчас выручу.

Вытянулся Клаас во весь рост и достал колпачок с дерева.

— Клаас, Клаас, — назвал гном кузнеца его именем, — ты оказал мне большую услугу. Время мое кончилось, пора мне возвращаться в гору. Вернись я без колпачка, целых пять лет подряд нельзя было бы мне выходить наверх из горы. Вот тебе в награду алмаз.

Клаас немало рассказов слышал о том, что подарки гномов не приносят людям счастья.

— Что мне делать с ним? — растерялся он.

— Это не простой камень, возьми его.

— Ну нет, — стоял на своем Клаас, — не возьму, и баста.

— Что ж, я найду способ отблагодарить тебя, Клаас, — сказал гном, — а теперь мне пора уходить.

И он исчез в расщелине.

Вернулся Клаас домой и скорей в кузницу — приготовить работу на завтра для себя и двух своих подмастерьев. Утром приходит в кузницу, а работа вся исполнена, да в самом лучшем виде!

«Неужели подмастерья постарались? — подумал кузнец. — Что-то на них не похоже».

Но подмастерья и сами были удивлены не меньше кузнеца. Решил тогда Клаас остаться на ночь в кузнице — посмотреть, кто же это так споро работает.

В полночь в кузнице появился гном, тот самый, которого кузнец выручил из беды, и принялся за работу, да так ловко и споро, что к утру работа за троих была сделана.

Радуетса Клаас, подмастерьев отпустил, сам целыми днями с невестой гуляет, а работа в кузнице тем временем справно идет.

«Надо бы мне как-нибудь отблагодарить гнома», — подумал Клаас и заказал у портного маленький зеленый кафтан с золотыми позументами, зеленые брюки и шляпу, а у сапожника — крошечные башмачки. Вечером разложил он все это в кузнице, повесил на стену зеркало и приготовил воду с кусочком мыла.

Увидел гном красивую новую одежду и уж так обрадовался! Скорей умываться, да чиститься, да новую одежду примерять! Шляпу натянул и к зеркалу — прихорашивается.

Через какое-то время вышел гном тихонько из кузницы, и больше Клаас его никогда не видел. Сколько он ни оставлял работы на ночь, гном больше не появлялся, да Клаас долго не горевал, сам встал к горну и наковальне и давай работать!

Скоро кузнец женился на своей невесте и жил долго и счастливо.

Шведские сказки

Великан и белка

Шведская сказка

Перевод А. Афиногеновой

Жил-был великан. Съел он семь мисок каши, выпил семь кружек молока, да все равно голодным остался. Вот и отправился он поискать, чем бы ему еще поживиться. Встречает он корову.

— Здравствуй, корова рогатая! — говорит великан. — Съел я семь мисок каши да семь кружек молока и тебя съем!

— А я убегу, — отвечает корова.

— А я догоню, — сказал великан и съел ее.

Пошел он дальше и встречает теленка.

— Здравствуй, теленок-постреленок! — говорит великан. — Съел я семь мисок каши, да семь кружек молока, да корову рогатую и тебя, постреленка, съем!

— А я убегу, — говорит теленок.

— А я догоню, — сказал великан и съел его.

Идет он дальше и встречает лису.

— Здравствуй, лисичка-сестричка! — говорит великан. — Съел я семь мисок каши, да семь кружек молока, да корову рогатую, да теленка-постреленка и тебя, сестричку, съем!

— А я убегу, — отвечает лиса.

— А я догоню, — сказал великан и съел ее.

Пошел он дальше и встретил коня.

— Здравствуй, коняга-трудяга! — говорит великан. — Съел я семь мисок каши, да семь кружек молока, да корову рогатую, да теленка-постреленка, да лисичку-сестричку и тебя, трудягу, съем!

— А я убегу, — отвечает конь.

— А я догоню, — сказал великан и съел его.

Идет он дальше и видит — пять землекопов яму копают.

— Здравствуйте, землекопы! — говорит великан. — Съел я семь мисок каши, да семь кружек молока, да корову рогатую, да теленка-постреленка, да лисичку-сестричку, да конягу-трудягу и вас, землекопов, съем!

— А мы убежим, — отвечают землекопы.

— А я догоню, — сказал великан и съел их.

Пошел он дальше и видит — семь девушек весело пляшут.

— Здравствуйте, плясуньи-хохотуньи! — говорит им великан. — Съел я семь мисок каши, да семь кружек молока, да корову рогатую, да теленка-постреленка, да лисичку-сестричку, да конягу-трудягу, да пять землекопов и вас, плясуний, съем!

— А мы убежим, — отвечают девушки.

— А я догоню, — сказал великан и съел их.

Идет он дальше и видит — белка по дороге прыгает.

— Здравствуй, белка-свиристелка! — говорит великан. — Съел я семь мисок каши, да семь кружек молока, корову рогатую, теленка-постреленка, лисичку-сестричку, конягу-трудягу, пять землекопов да семь плясуний-хохотуний и тебя, свиристелку, съем!

— А я убегу, — отвечает белка.

— А я догоню, — сказал великан.

Да только белка — прыг на высокую сосну, на самую верхушку. Задрал великан голову посмотреть, куда же она девалась, увидел солнце и лопнул. И вышли наружу:

семь плясуний-хохотуний,

да пять землекопов,

да коняга-трудяга,

да лисичка-сестричка,

да теленок-постреленок,

да корова рогатая,

да молоко да каша,

вот и вся сказка наша.

По заслугам расчет

Шведская сказка

Перевод А. Афиногеновой

Как-то раз у одного человека убежала лошадь, и он пошел ее искать.

Бродил он, бродил по лесу, да вдруг на пути гора, а в горе расщелина. Стал он через расщелину перебираться, заглянул вниз и видит: лежит большой змей, сдвинуться с места не может, камнем ему хвост придавило.

Окликнул змей человека и говорит ему:

— Помоги мне освободиться, получишь за это по заслугам расчет.

Взял человек длинную палку, сдвинул камень и освободил змея.

— Вот и хорошо, — сказал змей, — сейчас ты получишь по заслугам расчет.

А человек и спрашивает, что же это такое — по заслугам расчет?

— Так ведь это смерть, — отвечает змей.

— Ну, это еще проверить надо, у других спросить, — сказал человек.

Пошли они дальше вместе и вот встречают медведя. Спросил человек у медведя, что такое по заслугам расчет, и тот ответил, что это смерть.

Говорит тогда змей:

— Вот видишь, по заслугам расчет — смерть. Сейчас я тебя съем!

Попросил человек:

— Давай еще немного пройдем, еще кого-нибудь спросим.

Пошли они дальше и встретили волка. И спросил у него человек, что такое по заслугам расчет.

Волк отвечает:

— Смерть.

— Ну, теперь-то уж я тебя съем, — говорит змей.

Попросил человек:

— Давай еще немного пройдем, еще кого-нибудь спросим.

Пошли они дальше и повстречали лису. Спрашивает у нее человек, что такое по заслугам расчет. И ответила лиса, как и другие:

— Смерть.

— Ну, теперь-то уж я тебя съем, — говорит змей.

Услыхала это лиса и сказала:

— Нет, погоди. Сперва надо в этом деле разобраться. Расскажи-ка мне все с самого начала.

— Понимаешь, змей лежал в расщелине, а хвост ему придавило камнем, — начал человек.

А лиса ему на это:

— Пойдем-ка на то место, где все это случилось, да посмотрим.

Отправились они все вместе обратно.

Попросила лиса человека взять палку и поднять камень, а змею велела сунуть хвост под камень и лечь, как он раньше лежал.

Сделал змей, как ему сказано было, а лиса велит человеку опустить немного палку.

А потом спрашивает у змея:

— Ну как, в прошлый раз хуже было?

— Хуже, — отвечает змей.

— Опусть палку еще немного, — сказала лиса человеку, а потом спрашивает у змея: — Ну что, в прошлый раз хуже было?

— Хуже, — опять отвечает змей.

— Вытащи палку совсем, — говорит лиса человеку, а потом спрашивает у змея: — Ну как, в прошлый раз хуже было?

— Нет, — отвечает змей. — В прошлый раз было лучше.

Тогда лиса и говорит:

— Ну вот, так и лежи. Теперь вы в расчете.

И остался змей в расщелине, а человек был рад-радешенек, что змей с ним по заслугам не рассчитался.

Замухрышка

Шведская сказка

Перевод В. Мамоновой

ил-был бедный крестьянин, и было у него три сына.

Старшие двое были прилежные да проворные, а младший лентяй и грязнуля, каких мало. Целыми днями он сидел у печки и копался в золе. Ногти у него выросли длиннющие, словно когти, волосы он отродясь не расчесывал, и прозвали его поэтому Замухрышка.

Однажды дал ему отец немного еды на дорогу и сказал:

— Довольно тебе есть родительский хлеб. Иди-ка ты сам попытай счастья, Замухрышка!

Шел он, шел, пришел в большой лес и заблудился. Еда у него вся кончилась, и он не знал, что ему делать. Загрустил он, сел на пенек и горько заплакал. Вот тогда он пожалел, что так ленился дома.

Стемнело, и стал Замухрышка думать, где бы ему устроиться на ночлег. И увидал он, что вдалеке огонек горит, и пошел на огонек. Долго он шел и увидел большую реку, а на другом берегу той реки замок, а вокруг замка железные стены. И в одном окошке замка горел тот огонек. Разделся он догола, одежду на спину привязал и пошел вброд по реке. Но скоро так глубоко стало, что он чуть не утонул, насилиу выбрался.

Вышел он на другом берегу, стал вход искать — а входа-то и нет, насилиу он в железной стене ворота нашел, и они открылись сами собою.

Вошел он в ворота, а они за ним сразу сами и захлопнулись.

Стал он бродить по двору, дверь в замок искать, да нашел только щелку в стене. Постучал он в стену, и тут же открылась дверь. И он вошел в темную-темную комнату.

Стал он стены ощупывать и нащупал дверь, она сразу отворилась, и он попал в большую комнату. Посреди той комнаты стоял стол, а за столом сидел старый-престарый старик и что-то писал.

Нос у старика был длинный-длинный, а на голове надета чудная шапочка.

— Чего тебе надо, мальчик? — спросил старик.

— Вот хожу службу ищущу, — ответил Замухрышка.

— А как же ты сюда вошел? — удивился старик.

— Да уж трудно мне пришлось, — признался Замухрышка.

— А ведь обратно-то еще трудней будет выбираться, — сказал старик. — Что же, оставайся мне служить. Я скоро поеду родных навестить и вернусь через год. А ты в это время читай книжки да коня моего холь. Вот тебе ключи ото всех дверей, только одну открывать нельзя, а какую, я тебе покажу. Если ты ее откроешь, я сразу вернусь, и тебе несдобровать. — И вынул он большую связку ключей. — А как тебя звать-то? — спросил старик.

— Замухрышка, — ответил мальчик.

— Красивое имя, — сказал старик и ушел.

А Замухрышка остался в замке. Целыми днями он читал книжки и скоро стал не глупей своего хозяина. Запретную дверь он никогда не открывал, только один разок ему очень захотелось заглянуть в щелку, но он вспомнил, что наказывал ему старик, и ушел от той двери подальше.

Но дни шли за днями, и любопытство его все больше разбирало. И вот он не смог больше терпеть, открыл дверь и вошел в маленькую комнатку. В комнатке была печка, а на печке кипел котел. На стене висел меч, а рядом с ним несколько флаг. На столе лежали две щетки и коробка, а в ней колышки.

Перепугался Замухрышка, что ослушался старика, и стало ему тошно одному в замке. Тут он вспомнил про коня и побежал в конюшню. А там стоял хозяйский конь, под хвостом сено, а под мордой — жар. Пожалел Замухрышка коня и повернул его так, чтобы сено под мордой оказалось, а жар под хвостом! Тут конь и сказал:

— Что ты наделал? Ты зашел в запретную комнату, и хозяин, того гляди, вернется. Но ты мне помог, и за это я дам тебе добрый совет. Беги в запретную комнату и отпей из бутылки, что висит рядом с мечом. И станешь сильным и удержишь меч. Потом сунь голову в котел. Увидишь, что будет. Потом пройди в соседнюю комнату и возьми там латы. Одни блестят как солнце, другие — как месяц, третьи — как звезды на небе. Возьми их все. Еще возьми меч, флагу, щетку и коробку с колышками. Да только поскорее, не то вернется хозяин.

Побежал Замухрышка в замок и сделал все, как велел ему конь. Отпил он из бутылки, и меч в руке у него стал как перышко, сунул он голову в котел — и куда-то пропали грязные патлы, и вместо них миглом выросли золотые кудри. Взял он с собою все, что велел ему конь, и поскакал прочь.

Недалеко он ускакал, тут и вернулся хозяин. Такой злой, что от этой злости все стены в замке задрожали.

Конь и спрашивает Замухрышку:

— Слышишь ты что-нибудь?

— Нет, ничего не слышу, — отвечает Замухрышка.

— Приложи голову к моему уху, — сказал конь.

Послушался мальчик, да только все равно ничего не услышал.

Поскакали они дальше, и скоро конь опять спросил:

— Слышишь ты что-нибудь?

— Слышу сзади грохот.

— Скорей, скорей плесни назад из бутылки! — сказал конь.

Послушался его мальчик, и разлилось за ними море, хозяину не переплыть. Пришлось ему возвращаться, людей кликать, корабль строить.

А конь все скакал и скакал. И вот он снова спросил у мальчика, не слышит ли тот чего. Три раза у него спрашивал, и на третий раз Замухрышка ему ответил, что слышит сзади ужасный гул.

— Брось назад щетку! — сказал конь.

Бросил Замухрышка щетку, и за ними вырос дремучий лес, хозяину не пройти. Пришлось ему возвращаться, людей кликать, деревья рубить.

Скакали они, скакали и прискакали к стеклянной горе.

— Только бы гору одолеть, и тогда уже нам ничего не страшно, — сказал конь. — Слышишь ты что-нибудь?

— Да, я слышу, сзади гром гремит, — ответил Замухрышка.

— Значит, старый тролль нас догоняет, — сказал конь. — А ну-ка, пришпорь меня!

Пришпорил Замухрышка коня, а хозяин уже руку к нему тянет. Конь на гору, а хозяин за ним.

— Высыпай колышки из коробки! — крикнул конь.

Высыпал он колышки, и превратились они в большущие бревна, покатались бревна с горы на тролля и его раздавили!

— Ну, мы спасены, — сказал конь. — Теперь переоденься во все старое, а латы оставь у меня, только не забудь — возьми с собой уздечку! Иди во дворец, он совсем близко, и попросись на службу — помогать садовнику.

Исполнил Замухрышка все, как велел ему конь, и садовник взял его на службу. Конь приходил к нему каждую ночь, учил, что надо делать, и садовник хвалил его, нахвалиться не мог.

Вот как-то раз стоял Замухрышка в саду и золотые кудри расчесывал. А принцесса тут возьми да выгляни в окно; увидала его и подумала: «Ох, не тот он, за кого себя выдает».

А Замухрышка увидал принцессу, поскорей нахлобучил шапчонку и спрятался за кустом.

Ну, а тут соседний король войну затеял, и конь научил Замухрышку, чтоб он пошел попросился в королевское войско. Замухрышка так и сделал. Король посмеялся, но на войну его взял и дал ему старую клячу. Пошли они в поход, а Замухрышка с клячи в лужу свалился, и все войско над ним хохотало.

Подождал Замухрышка, пока войско мимо пройдет, оставил старую клячу в луже, сам — на гору, потряс уздечкой, и прибежал к нему его волшебный конь, а на седле латы лежат.

— Надевай те, что блестят как солнце! — сказал конь. — Бери меч, садись на меня, и поскачем с тобой на войну.

Замухрышка так и сделал, и не успело еще королевское войско до сечи дойти, а уж Замухрышка всех врагов разогнал. Удивился король, кто же этот принц заморский? Тут он увидел, что из ноги принца кровь течет, и повязал ему ногу своим королевским платочком и потом пригласил его к себе, да только принц отказался и поскакал на гору. Там он разнуздал коня и переоделся во все старое. Вернулся к луже, подобрал старую клячу и поплелся во дворец.

На другой день все так же было. Замухрышка выехал на старой кляче, она застряла в луже, он побежал на гору, потряс уздечкой. На этот раз он надел те латы, что блестели как месяц. Опять он разогнал всех врагов и поскакал на гору.

На третий день он надел те латы, что блестели как все звезды на небе, и так много врагов порубил могучим мечом, что те, которые уцелели, пустились наутек и не оглядывались, пока до своей страны не добежали.

Опять король звал Замухрышку в гости, а он на гору поскакал. Переоделся там в старые лохмотья, подобрал клячу в луже и поплелся во дворец. Увидели его все и давай хохотать и спрашивать, где это он так долго пропадал.

Кончилась война, и устроил король пир на весь мир. Было тут много благородных принцев, которые помогали королю на войне, и король велел дочкам выбирать из них женихов.

Старшая покатила к одному принцу золотое яблочко и сказала:

— Это тебе, моя радость.

Вторая тоже покатила яблочко к благородному принцу, ну, а младшая бросила яблочко Замухрышке, он на пороге стоял.

— Это тебе, моя радость, — говорит.

Рассердился король и велел вытолкать Замухрышку взашей.

— Ну нет! — говорит Замухрышка. — Я на войне больше врагов перебил, чем вы все вместе!

Показал он свою рану на ноге и спросил, не признает ли кто свой платочек, на рану повязанный. Поглядел король и узнал свой платочек. Потряс Замухрышка уздечкой, и прискакал к нему волшебный конь.

Рассказал Замухрышка все как было, мол, конь не даст соврать, и конь все подтвердил. Все диву давались, а конь велел Замухрышке, чтоб принес топор и отрубил ему голову.

— Нет, не могу я такое дело сделать! — сказал Замухрышка.

— Делай, как я велю, — сказал конь. — Ты же обещал меня спасти.

Отрубил Замухрышка ему голову, и в тот же миг конь превратился в прекрасного принца. Взял тот принц Замухрышку за руку и подвел к королю.

— Милый батюшка, — сказал принц. — Узнаешь ли ты сына родного, которого околдовал злой тролль? Ведь это на мне скакал Замухрышка, когда разогнал всех твоих врагов. Это он меня спас!

У короля даже дух захватило. А Замухрышка надел латы, что блестели как солнце, и золотые кудри по плечам распустил. И король на радостях тут же сделал его принцем и отдал ему в жены свою младшую дочку.

Мальчик со скрипкой

Шведская сказка

Перевод А. Афиногеновой

Давным-давно жила-была старая женщина, и был у нее единственный сын. Жили они в шалаше в лесу и терпели большую нужду. Часто случалось так, что не было у них даже куска хлеба на ужин.

Вот мальчику исполнилось двенадцать лет, и отдала его мать в услужение на господский двор далеко-далеко от дома. Стал мальчик пасти коров и овец.

Прошел год, и получил мальчик за работу один эре, столько же он получил за второй год работы, да и за третий вышло не больше. Взял он тогда весь свой заработок за три года, попрощался с хозяевами и отправился домой.

Весело шагал мальчик по дороге и напевал песенку:

Как я счастлив, как я рад!
Я работал три года подряд.
Заработал три медяка,
вот какой стал богатый я!

Вдруг, откуда ни возьмись, идет ему навстречу старуха. Услыхала она про три медяка да и говорит:

— Милый мальчик, дай мне одну монетку!

— Ну что ж, это будет справедливо, — ответил мальчик и протянул ей один эре.

Поблагодарила его старуха и пропала. Осталось теперь у мальчика только два эре. Но вы, может, думаете, что это его огорчило? Да нисколько. Все так же весело шагал он по дороге и пел песенку:

Как я счастлив, как я рад!
Я работал три года подряд.
Целых три эре я получил,
два осталось, один подарил.

Шел он, шел, да вдруг опять старуха ему навстречу. Услыхала она, что у мальчика два эре осталось, да и говорит:

— Милый мальчик, дай мне одну монетку!

— Ну что ж, это будет справедливо, — ответил мальчик и протянул ей один эре.

Поблагодарила его старуха и пропала. Теперь осталась у мальчика только одна монетка. Но он все равно не унывал, весело шагал по дороге и пел песенку:

Как я счастлив, как я рад!
Я работал три года подряд.
Заработал три медяка,

остался один лишь теперь у меня.

Шел он, шел, да вдруг опять навстречу ему старуха. Услыхала она, что у мальчика один эре есть, да и говорит:

— Милый мальчик, дай мне одну монетку!

— Ну что ж, это будет справедливо, — ответил мальчик и протянул ей последний медяк.

Поблагодарила его старуха и пропала.

Заметил тут мальчик, что ни одной монетки у него не осталось, сел на камень и горько заплакал. Вспомнил он, как тяжело работал три долгих года, как часто рвал одежду, когда пас скот в лесу да в горах. А теперь вот даже ниток не на что ему купить, чтобы дырки на платье залатать.

«Ох, и попадет же мне от матушки, — думал мальчик. — Хорошую трепку она мне задаст... вот и вся награда за работу».

И вдруг чей-то голос спрашивает:

— Почему ты так горько плачешь, мой мальчик?

Поднял он голову и увидел маленькую сгорбленную старушку.

— Как же мне не плакать, — ответил мальчик. — Три года пас я скот и получил за работу три эре. А какие-то три старухи выманили у меня все деньги, и теперь дома ждут меня одни колотушки.

— Не плачь, милый мальчик, — сказала старушка. — Это ведь мне ты отдал свои монетки и в первый, и во второй, и в третий раз.

Не поверил мальчик и сказал:

— Этого не может быть!

— Это так же верно, как то, что я стою здесь, — заверила его старушка. — И за каждую твою монетку я исполню одно твоё желание. Ну, чего бы тебе хотелось?

— Вот спасибо так спасибо, — засмеялся мальчик. — Если ты говоришь правду, я больше не буду плакать. Так чего же мне пожелать? Ну, во-первых, хочу я получить такой кошелек, в котором никогда бы не переводились деньги. Потом, хочется мне иметь такую скрипку, чтоб, как только я заиграю на ней, все бы в пляс пускались. Ну и, наконец, хочу я получить ружье, которое всегда бьет в цель.

— Ну что ж, это ты неплохо придумал, — сказала старушка. — И раз ты отдал мне все, что заработал за три года, я исполню твои желания!

И в тот же миг в кармане у мальчика очутился кошелек, через плечо висело ружье, а в руках он держал скрипку.

— Большое спасибо, — сказал мальчик. — Теперь-то уж матушка меня ругать не станет!

Попрощался он со старушкой и быстро зашагал по дороге. А старушка посмотрела ему вслед и побрела в лес.

Пришел мальчик домой, рассказал матери обо всем, что с ним приключилось, и показал старушкины подарки.

— От ружья и скрипки какая польза, — сказала мать. — А вот кошелек, может, на что и сгодится! Дай-ка я посмотрю, нет ли в нем монетки? Сходила бы я тогда в город да купила бы каравай хлеба и кувшинчик молока на ужин.

— Каравай хлеба да кувшинчик молока! — засмеялся мальчик. — Маловато что-то! Лучше купи меру муки да два пуда сала, вот тогда будет нам чем подкрепиться!

— Ах ты, простофиля! — покачала головой мать. — Хорошо, если на каравай хлеба да кувшин молока хватит. Ну-ка, давай кошелек!

— Сейчас, — ответил мальчик. — Подставляй передник, матушка!

Мальчик открыл кошелек, и в передник так и посыпались серебряные монеты.

— Остановись! — закричала мать, когда передник наполнился доверху. — Оставь немного на другой раз!

— А теперь иди в город и купи то, что я тебе велел, — сказал мальчик. — Да домой возвращайся в повозке. А вернешься, будут тебе еще деньги.

Завязала старуха передник и пустилась в путь. Купила она меру муки да два пуда сала, а денег вроде бы и не убавилось. Пошла она тогда по лавкам бродить да на разный товар глядеть, а как понравится ей что, запустит руку в передник, горсть серебряных монет вытащит и покупает.

Ну, люди, само собой, приметили это, стали глазеть на нее да перешептываться.

— Что это случилось со старухой? Неужто ж эти деньги достались ей честным путем?

Посоветовались да пошли к бургомистру. Тот, конечно, сразу решил, что старуха кого-то ограбила. Надел он свой бургомистерский мундир, шляпу с перьями, натянул блестящие сапоги, кликнул стражу и отправился на площадь. А старуха все по лавкам ходит, товар разглядывает.

— Именем короля ты арестована! — закричал бургомистр.

Запричитала старуха, говорит, что ничего плохого не сделала, что это сын дал ей деньги. Да все напрасно.

— Не плети небылицы, — сказал бургомистр. — Лучше признайся! А то посажу тебя в тюрьму на хлеб и воду!

Как ни плакала старуха, как ни уверяла, что она невиновна, ничего не помогло. Схватила ее стража и потащила к дому бургомистра. Посадили ее там в маленькую каморку, и бургомистр самолично запер дверь на засов. И велел он всем жителям города явиться на дознание.

Скоро дом бургомистра был набит битком. Кому в доме места не хватило, толпились на крыльце и в саду. Собрались все наконец, а бургомистр и говорит:

— Пусть выйдет вперед тот, кого сегодня обокрали. Мы вернем ему деньги, а вора накажем.

Разинули все рты, стоят, ждут, что дальше будет. Никто вперед не выходит. Лицо у бургомистра все красное становится, люди друг на друга поглядывают. Да только оказалось, что ни у кого ничего не пропало, так что и обвинять старуху в краже было некому. Вот только откуда она взяла столько денег, никто понять не мог.

А мальчик тем временем все мать поджидает. Он уж и проголодаться успел, а ее все нет и нет. Взял он тогда ружье и скрипку да сам в город отправился. Приходит и видит — что такое? — на улицах народу никого, только из бургомистерского сада шум доносится. Пошел мальчик туда, пробрался к двери да тихонько в дом вошел.

Видит он — мать его на деревянной скамье сидит, а перед ней бургомистр стоит, в затылке чешет.

— Разве моя матушка сделала что-нибудь плохое? — спросил мальчик. — Почему ты арестовал ее?

— У нее так много новых серебряных монет, — ответил бургомистр. — Но я ничего не понимаю — оказывается, ни у кого ничего не пропало!

— Ты, может, думаешь, что моя мать украла эти деньги? Сейчас я тебе докажу, что ты ошибаешься. Ну-ка, подставляй шляпу!

Протянул бургомистр шляпу, и мальчик открыл кошелек, а из него серебряные монеты так и посыпались.

— Вот так-то, — сказал мальчик. — А теперь раздели эти деньги, чтоб всем поровну досталось, и большим и маленьким! А мою матушку отпусти с миром. Ну, а раз уж вас здесь так много собралось, может, потанцевать хотите?

— А ты умеешь играть? — закричали парни и девушки.

— Умею, умею, — ответил мальчик.

Взмахнул он смычком и такую веселую полечку заиграл, что и столы, и стулья, и все, что было в комнате, пустилось в пляс. Тут и люлька, в которой спала младшая дочка бургомистра, качнулась и выбила шляпу у бургомистра из рук. Серебряные монетки рассыпались по полу, и тут все давай друг дружку толкать, отпихивать, давай их подбирать — каждому ведь хотелось побольше захватить. Пошла потеха — дерутся, ругаются, а сами всё пляшут.

Стал бургомистр кричать мальчику, чтоб играть перестал. Все монетки обещал подобрать да ему отдать, лишь бы смычок опустил.

— Зачем мне они? — отвечает мальчик. — Захочу, и у меня их гораздо больше будет.

Решил он наконец, что с них довольно, и перестал играть.

— А теперь отдайте моей матушке все, что она купила, — сказал мальчик. — На сегодня с вас хватит.

Ну, а бургомистру, понятно, да и всем остальным только бы побыстрее от мальчика и от старухи отделаться — кинулись помогать. Кто покупки старухины разыскивает, кто за лошадью пошел. Вернулись мать с сыном домой как настоящие господа, да и мера муки и два пуда сала при них — плохо ли?

Однажды рано утром отправился мальчик в лес. Гуляет он себе по лесу и вдруг видит — на верхушке сосны тетерев сидит.

«Вот и испытаю я мое ружье, — подумал мальчик. — Поглядим, не обманула ли меня старушка».

Вскинул он ружье, в другую сторону направил и нажал на курок. Раздался выстрел, и тетерев камнем упал с сосны прямо в кусты терновника. А как раз в это время ехал через лес монах. Ехал он верхом на коне, в монастырь направлялся.

— Ах ты, проклятый вор! Ты почему без спросу тут охотишься? — закричал монах. — И в кого это ты стрелял?

— Да в тетерева, — ответил мальчик. — Он сидел на сосне и дразнил меня. А теперь он там, в кустах терновника. Хочешь, возьми. Мне тетерев ни к чему. Только вот разговаривать ты мог бы и повежливей.

— Да ты еще и дерзить смеешь! — рассердился монах. — Ну, болтаться тебе в петле! Погоди только — сперва я тетерева достану, а то улетит, пожалуй.

Очень любил монах жаркое из тетерева, у него даже слюнки потекли при мысли о таком обеде. Слез монах с коня, привязал его к березе, а сам к кустам подобрался. Протянул руку и схватил тетерева за крыло.

Но в этот миг взмахнул мальчик смычком и заиграл. И начал монах прыгать да скакать по кустам, а

тетерева не выпускает. Полетели перья, ряса у монаха в клочки разорвалась, а сам он от страха дурным голосом кричит. Лошадь у дерева стоит и тоже пляшет. Порвала она наконец веревку и ускакала.

— Видишь, как невинных людей ворами обзывать, — сказал мальчик и еще усерднее заиграл.

— Остановись, остановись! Я больше не буду! — закричал монах. — Никогда в жизни!

— Ну вот, теперь ты говоришь так, как тебе и подобает, святой отец! — ответил мальчик. — А еще пообещай, что не будешь мне мстить за свою пляску.

— Обещаю, обещаю! — пропыхтел монах. — Я буду любить тебя, как родного сына, только перестань играть!

Опустил мальчик смычок, а монах как припустился бежать — только его и видели. Но хоть и торопился, а про тетерева не забыл.

Прибежал он в монастырь, в кровать улегся, раны да царапины считает и все думает, как бы получше мальчику отомстить.

— Конечно, я обещал этому шалопаю не делать ему ничего плохого, — рассуждал монах. — Да ведь одно дело обещать, когда ты в беде, а другое — выполнять, когда тебе уже ничего не грозит!

Выздоровел монах и пошел жаловаться аббату^[90]. Аббат пожаловался епископу, епископ архиепископу, а архиепископ королю — ведь не святым же отцам, в самом деле, с тетеревом разбираться.

Разгневался король, велел схватить мальчика и повесить. Привели его на королевский двор, а там народу уже полным-полно. Король с королевой на троне сидят, а между ними принцесса. Принцесса была очень печальна — только ей одной было жаль мальчика.

И монах тут же стоял, руки от удовольствия потирал. Наконец-то он будет отомщен.

Король дал знак начинать, и повели мальчика на виселицу. Вдруг повернулся он к королевской чете и вежливо поклонился.

— Всесильный король! — сказал мальчик. — Знаю я, что существует обычай исполнять последнее желание тех, кому скоро на шею веревку накинута. У меня тоже есть одно маленькое желание. Если ваше величество исполнит его, я умру спокойно и радостно.

— Будь по-твоему, — ответил король. — Обещаю исполнить твое желание. Клянусь своей королевской короной!

— Многие держат речь перед народом, прежде чем повиснуть в петле, — сказал мальчик. — Я не умею красиво говорить, ведь я только бедный музыкант. И мне хотелось бы в последний раз сыграть на моей скрипке. Была она мне верным другом и много радостных минут доставила. Позволь мне с ней попрощаться.

— Не позволяйте! — закричал монах. — Не позволяйте ему играть! Ваше величество, не исполняйте его желания!

И монах бросился к королю и схватил его за рукав. Но король нахмурился и строго посмотрел на монаха.

— Я не спорил, когда ты захотел наказать мальчика, — сказал он. — Так оно и будет. Но нужно во всем знать меру. Не хватало еще, чтобы ему отказали в таком пустяковом желании. Это было бы несправедливо и бесчеловечно!

Затрясся монах от страха и сказал:

— Тогда, ваше величество, велите привязать меня вон к той сосне. Довольно уж я наслышался его

скрипки!

— С удовольствием, — кивнул король и дал знак придворным.

Привязали монаха к сосне крепкими веревками, мальчик взмахнул смычком и заиграл.

И все пустились в пляс. Завертелись король с королевой, закружилась прекрасная принцесса, прыгали придворные, плясал весь народ.

А монаху хуже всех пришлось. Елозил он вверх и вниз по сосне, как сухая бычья шкура.

Само собой, рассердился король, что ему вот так скакать и прыгать приходится.

— Если ты сию же минуту не перестанешь, — закричал он, — я велю тебя тотчас повесить!

— Меня и так повесят, — ответил мальчик, — но сперва я со своей скрипкой попрощаюсь.

— Я тебя помилую, только опусти смычок! — прокричал король, а сам все танцует.

— Вот это уже другое дело, — сказал мальчик. — Да только этого мне мало! Я, пожалуй, еще немного поиграю. А потом вешайте меня на здоровье, если сумеете!

— Скажи, чего ты еще хочешь? — пропыхтел король и прыгнул с пятки на носок. — Ты получишь все, что пожелаешь!

— Большое спасибо, — сказал мальчик и поклонился. — Тогда прошу я принцессу в жены да полкоролевства в придачу!

— Я обещал уже это принцу Португальскому, — закричал король и сделал несколько пируэтов. — Если я нарушу слово, он на меня войной пойдет. Что тогда делать?

— Об этом не беспокойтесь, — ответил мальчик. — С ним-то мы уж как-нибудь справимся, клянусь моей скрипкой!

— Делай как знаешь, — проговорил король. — Я на все согласен, только перестань играть.

И он волчком завертелся на одной ноге так, что его горностаевая мантия плотно обвилась вокруг него.

— Ну вот, теперь можно и отдохнуть немного и о делах поговорить, — сказал мальчик и опустил смычок.

Все кругом еле на ногах держались, а монах так усердно прыгал и елозил по дереву, что веревки наконец не выдержали. Припустился монах в монастырь, только пятки засверкали.

А мальчик пошел во дворец и там обручился с принцессой. И надо сказать, что от ее печали и следа не осталось.

Узнал обо всем этом принц Португальский, собрал большое войско да двинулся в поход. Вышел навстречу им мальчик с ружьем и скрипкой и давай стрелять да на скрипке играть. Что тут началось! Кто сразу умирал, как только звук выстрела слышал, кто бездыханным после пляски падал! Так скоро от войска ничего не осталось.

Тут сразу и свадьбу сыграли. Умный зять королю достался, а принцессе хороший муж, и была поэтому в королевстве большая радость.

Мать мальчика тоже на свадьбе веселилась и за сына радовалась. А он ее и спрашивает:

— Милая матушка, ты ведь теперь с нами жить будешь?

— Ни за что! — ответила старуха. — Никогда не покину я свою печку да старую кровать!

Не стал мальчик перечить матери — ведь он был хорошим сыном. Только на следующее утро послал

он мастеров матушкин шалаш починить. Печку и кровать на прежнем месте оставили, а вокруг них новые стены и новый пол сделали, да и про крышу не забыли.

И превратился шалаш в настоящий дворец, а люди его Соломенным Замком прозвали.

Так и жила там старуха в счастье и довольстве до самой смерти. А умерла она прошлым летом, и было ей восемьдесят семь лет, три месяца да девять дней.

Норвежские сказки

Принцесса на стеклянной горе

Норвежская сказка

Перевод Е. Суриц

Жил-был один человек, и был у него луг где-то на косогоре, а на лугу стоял сарай, и там хранилось сено. Только в последние годы не много там припасов было, потому что каждый год, на Иванову ночь [\[91\]](#), когда трава всего сочнее и гуще, повадился кто-то объедать весь луг, да так, словно по нему прошло целое стадо. Раз так было, и два так было, а на третий раз хозяину это надоело, и сказал он своим сыновьям, что надо им посторожить у сарая, чтобы не съели у них траву, как в прошлые годы; а было у него три сына, только третий-то был, понимаешь ли, Аскеладден.

— Кто из вас пойдет, пусть глядит в оба, — так сказал отец.

Сначала пошел старший сын сторожить луг.

«Ну, теперь ни человек, ни зверь, ни сам дьявол мою траву не тронет», — думал он.

Вот наступил вечер, забрался старший сын на сеновал и лег спать. Только вдруг среди ночи поднялся страшный шум и земля загудела, задрожала так, что у сарая чуть крыша не обвалилась. Вскочил старший сын — и бежать что есть мочи, даже ни разу не оглянулся. А всю траву опять кто-то объел, как и в прошлые годы.

Вот на другой год, в Иванову ночь, отец опять говорит, что не дело им отдавать всю траву неведомо кому.

— Пусть один из вас опять пойдет сторожить, да пусть следит хорошенько, — сказал он.

Решил средний сын попытать счастья. Забрался он на сеновал и лег спать, в точности как его брат. И опять посреди ночи поднялся страшный шум и земля задрожала еще сильнее прошлогоднего. Услыхал это средний сын, испугался и пустился наутек, да так, словно ему за это деньги платили.

На третий год пришла очередь Аскеладдена. Собрался он на луг, а старшие братья и давай над ним смеяться.

— Ну, ты-то уж наверно убережешь наше сено! Недаром ты только и умеешь, что у печки сидеть да в золе копать! — говорили они.

Но Аскеладден не стал их слушать, а, как только наступил вечер, пошел на луг, забрался на сеновал и лег; и вот скоро опять поднялся шум и задрожала земля. «Ничего, только бы хуже не было», — подумал Аскеладден. Тут земля еще сильнее задрожала, и соломинки так и запрыгали вокруг Аскеладдена. «Ничего, только бы еще хуже не было», — подумал Аскеладден. Задрожала снова земля, да так, что Аскеладден испугался, как бы крыша на него не свалилась. Но было это недолго, а потом сразу стало все вокруг тихо-

тихо. «Интересно, будет опять шум или нет?» — подумал Аскеладден. Но шуму больше не было, все было тихо. Полежал немного Аскеладден и слышит, как будто лошадь стоит у амбара и жует. Выглянул он осторожненько за дверь — и видит: стоит конь и жует траву, да такой большой, гладкий и красивый конь, какого Аскеладден в жизни своей не видывал. Тут же было седло и уздечка и еще рыцарская кольчуга, и были они медные, да так и сверкали. «Ага, так это ты съедаешь наше сено! — подумал Аскеладден. — Ну, больше я тебе этого не позволю!»

Взял он поскорее огниво^[92], перебросил через коня, и конь замер как вкопанный. И стал он такой послушный, что Аскеладден мог делать с ним все, что душе угодно. Сел он на коня и поскакал в такое место, о каком никто ничего не знал, да там коня и оставил.

Вернулся он домой, а братья стали над ним смеяться и спрашивать, как он провел ночь.

— Сознайся, ведь недолго ты пролежал в сарае, хоть домой и не спешил возвращаться! — говорили они.

— Я спал на сеновале, пока меня солнце не разбудило, и ничего не видал и не слышал. А чего вы там испугались, понять не могу! — отвечал он братьям.

— Что же, посмотрим, хорошо ли ты луг сторожил! — сказали они.

Пошли туда и видят: стоит трава такая же густая и высокая, как с вечера была.

На следующую Иванову ночь все было точно так же старшие братья побоялись идти стеречь луг, а Аскеладден пошел. И случилось в точности то же, что и в прошлом году. Сначала раздался шум и задрожала земля, потом — опять, потом — в третий раз. И все три раза намного-намного сильнее, чем в прошлом году. А потом опять стало тихо-тихо. И услышал Аскеладден, как кто-то жует возле двери. Выглянул он поосторожней за дверь и видит: стоит конь и жует, и конь этот еще больше и глаже прежнего. И было на спине у него седло, и была на шее уздечка, а рядом лежала рыцарская кольчуга из чистого серебра, и так она сверкала, что глазам было больно. «Ага, так это ты решил сегодня съесть наше сено, — подумал Аскеладден. — Да только я этого тебе не позволю!» Взял он огниво и набросил прямо на конскую гриву, и стал конь смиренхонек, как ягненок. Ну, отвел его парень в то же место, где первый конь стоял, а сам воротился домой.

Ну, как сегодня? Хороша, наверно, наша травка? — спросили братья.

— А как же, — отвечал им Аскеладден.

Пошли они на луг и видят: трава как была высокая и густая, так и осталась. Только не стали они от этого к Аскеладдену добрее.

Вот в третий раз наступила Иванова ночь, и опять старшие братья боятся идти сторожить луг. Уж так они тогда испугались, когда в амбаре лежали, что на всю жизнь запомнили. А Аскеладден взял и пошел. И случилось все точно так же, как в прошлый и позапрошлый разы. Трижды дрожала земля все сильнее и сильнее, и напоследок парня так и бросало от стены к стене; а потом вдруг стало тихо-тихо. Полежал немного Аскеладден и слышит, как кто-то жует у двери. Выглянул он за дверь и видит: у самого амбара стоит конь, гораздо больше и глаже, чем те, которых он уже поймал; а на коне седло и уздечка и рыцарские доспехи из чистого червонного золота.

«Ага, так это ты сегодня собрался съесть наше сено, — подумал Аскеладден, — да только я тебе не позволю!» Взял он огниво и перебросил через коня; конь так и замер, будто его к земле пригвоздили, и теперь Аскеладден мог делать с ним все, что душе угодно. Отвел он коня туда, где первые два стояли, а сам воротился домой. Братья опять стали над ним смеяться.

— Верно, хорошо ты стерек траву, — говорили они, потому что Аскеладден так и спал на ходу.

Но Аскеладден не стал их слушать, а сказал им, чтобы они пошли сами да посмотрели. Пошли они и видят: трава и на этот раз осталась высокая и густая.

У короля той страны, где жил отец Аскеладдена, была дочь, и только тому он соглашался отдать ее в жены, кто взберется на стеклянную гору; эта стеклянная гора была высокая-высокая и гладкая, как лед, и стояла она возле самого королевского дворца. На самой верхушке этой горы сядет королевская дочь и будет держать три золотых яблока. И тот, кто взберется на самый верх и возьмет яблоки, получит принцессу и полкоролевства в придачу. Так король велел объявить по всем церквам своей страны и во всех соседних королевствах.

А была принцесса такая красавица, что кто ее ни увидит — хочет не хочет, сразу в нее влюблялся. И понятно, всем принцам и рыцарям со всего света хотелось получить ее и полкоролевства в придачу. Прискакали они на своих конях; кони так и танцевали, а доспехи у рыцарей так и блестели, и каждый думал, что королевская дочь достанется непременно ему. И вот когда пришел назначенный день, возле стеклянной горы кишмя кишели рыцари и принцы, а все, кто только мог ходить или ползать, пришли поглядеть, кому же достанется принцесса; пошли туда и братья Аскеладдена, а его с собой взять ни за что не захотели.

— Как увидят нас с таким оборванцем, да еще черным и грязным от золы, все будут над нами смеяться, — говорили они ему.

— Ну что ж, тогда я один пойду, — сказал Аскеладден.

Вот пришли братья Аскеладдена к стеклянной горе, а рыцари и принцы уже на конях скачут да так стараются, что кони все в мыле. Только проку от этого никакого: как ступит конь копытом на стеклянную гору, сразу вниз и скользит; ни одному даже на вершок не удалось взобраться. Оно и не удивительно: гора была гладкая, как оконное стекло, и крутая, как стена.

Однако принцессу и полкоролевства в придачу каждый не прочь получить — вот они и скакали и скользили без конца. Под конец кони так устали, что больше уж скакать не могли, и так вспотели, что пена с них так и валила, и тут уж принцам делать было нечего. Король хотел было объявить, что все откладывается до другого раза, но только он об этом подумал, как в ту же минуту появился новый рыцарь на таком красивом коне, какого еще никто никогда не видывал; и был он в медной кольчуге, и седло с уздечкой тоже были медные, и все это так блестело, что смотреть было больно. Другие рыцари закричали ему, чтобы он зря не старался, — все равно у него ничего не выйдет. А он не стал их слушать, поскакал прямо к стеклянной горе, и — наверх как ни в чем не бывало, и, ни много ни мало, поднялся на целую треть, а потом повернул коня и спустился вниз. Такого красивого рыцаря принцесса никогда еще не видала, и, пока он скакал по горе, она сидела и думала: «Хоть бы он поднялся!» И когда он повернул коня, она бросила золотое яблоко ему вслед, а оно попало ему в латы на ногу. Вот спустился он с горы и поскакал своей дорогой, да так быстро, что никто и не заметил — куда. Вечером всех рыцарей и принцев позвали во дворец, чтобы найти того, у кого золотое яблоко. Но ни у кого его не было; один за другим приходили рыцари и принцы во дворец, и никто не мог показать яблоко.

Вечером возвратились домой и братья Аскеладдена и рассказали про все: как сначала никто и на вершок не мог подняться по стеклянной горе, а потом прискакал рыцарь в медных доспехах, и они так блестели, что больно было смотреть.

— Этот скакать умеет, — говорили братья Аскеладдена, — он поднялся на стеклянную гору на целую треть, а мог бы и выше, если б захотел; только он взял да повернул коня — видно, решил, что на первый раз хватит.

— Эх, вот бы мне взглянуть на него, — сказал Аскеладден; он, как всегда, сидел у печи и в золе

копался.

— Ну да! — ответили ему братья. — Тебя только там не хватало, грязная ты скотина!

На другой день братья снова собрались в дорогу, а Аскеладден снова просился вместе с ними; но они никак не хотели его брать.

— Слишком ты грязный и противный, — говорили они.

— Ну что ж, раз так, я один пойду, — сказал Аскеладден.

Пришли братья Аскеладдена к стеклянной горе, а рыцари и принцы уже снова на конях — видно, наново их подковали. Только и это не помогло — снова ни одному даже и на вершок подняться не удалось. Загнали они вконец своих коней, и больше им делать было нечего. И снова хотел было король объявить, что все откладывает до другого раза, — может, тогда дело лучше пойдет. А потом решил он подождать немного — не появится ли рыцарь в медных доспехах. Только он это подумал, как в ту же минуту показался конь, еще намного красивее, чем у рыцаря в медных доспехах, а сидел на нем рыцарь в серебряных доспехах, и седло и уздечка тоже были серебряные, и все это так блестело, что далеко вокруг так и шло сияние. Снова закричали ему другие рыцари, чтобы он не старался понапрасну; а он и не стал их слушать, поскакал прямо к горе и — вверх, и еще выше поднялся, чем первый рыцарь; но вот поднялся он на две трети, повернул коня и спустился вниз. А принцессе он еще больше первого понравился; она сидела и мечтала: «Только бы он поднялся!» И когда он повернул коня, она бросила ему вслед второе яблоко, и оно попало ему прямо в ногу да там в латах и застряло. Вот спустился он со стеклянной горы и ускакал прочь, да так быстро, что никто и не уследил — куда.

Вечером опять пригласили всех рыцарей и принцев во дворец к королю и принцессе, и опять ни у кого не было золотого яблока. Пришли братья домой и всё рассказали; как все пробовали, да никто не мог подняться на стеклянную гору.

— А потом явился рыцарь в серебряных доспехах, с серебряной уздечкой, — сказали они, — этот, видно, скакать умеет; он поднялся на две трети, а потом повернул коня. Вот это было дело! И принцесса бросила ему второе золотое яблоко.

— Эх, вот бы мне посмотреть, — сказал Аскеладден.

— Тебя там не хватало! На нем кольчуга светилась, как те угли, в которых ты копаешься, грязная скотина! — ответили братья.

На третий день опять было точно так же.

Опять Аскеладден просился вместе с братьями, и опять они не хотели его брать. И опять никто не мог даже на вершок подняться по стеклянной горе. Все только и ждали рыцаря в серебряных доспехах; но о нем не было ни слуху ни духу. И вот показался всадник, конь под ним был такой красоты, что и описать невозможно, а доспехи, седло и кольчуга были из чистого золота и так сверкали, так сверкали, что далеко-далеко от них расходилось сияние. Другие рыцари и принцы даже не стали кричать ему, чтобы он зря не старался, — они слова не могли вымолвить от изумления при виде такой красоты. Он поскакал прямо к горе и взлетел вверх, как перышко, так что королевская дочь даже и пожелать не успела, чтобы он добрался до верхушки, а он уже был там. Взлетел он на вершину, взял у принцессы золотое яблоко и тут же повернул коня, спустился с горы и скрылся из глаз, так что никто и опомниться не успел.

Когда братья Аскеладдена вернулись вечером домой, они рассказали, как опять никто не мог подняться на стеклянную гору. А потом рассказали они и о рыцаре в золотых доспехах.

— Вот это было здорово! Другого такого рыцаря во всем свете не сыскать, — говорили они.

— Вот бы мне посмотреть, — сказал Аскеладден.

— Да уж его кольчуга сверкала точно так, как угольная куча, в которой ты вечно копаешься, грязная скотина! — отвечали братья.

На другой день — дело было вечером — всех рыцарей и принцев пригласили к королю и принцессе, чтобы тот, у кого окажется золотое яблоко, показал его всем. Но приходили гости один за другим — сначала принцы, а потом уже рыцари, — а золотого яблока ни у кого не было.

— У кого-то оно должно быть! — сказал король. — Ведь все мы видели своими глазами, как всадник поднялся на гору и взял его себе!

И он отдал приказ, чтобы все жители страны пришли во дворец, так как он хотел проверить, нет ли у них золотого яблока. И пришли они все один за другим, но яблока ни у кого не было. Вот под конец явились к королю и братья Аскеладдена. Были они самые последние, и король спросил, нет ли кого-нибудь еще в королевстве.

— Да вот, есть у нас брат, — отвечали они, — только у него не может быть яблока: он в эти дни ни разу с печки не слезал.

— Все равно, — сказал король. — Раз все побывали во дворце, пусть и он придет.

И вот привели Аскеладдена в королевский дворец.

— Не у тебя ли золотое яблоко? — спросил король.

— Да, вот одно, вот другое, а вот и третье, — ответил Аскеладден и вынул из кармана все три яблока одно за другим.

А потом сбросил с себя грязные лохмотья, и все увидели золотые доспехи, и они так блестели, что глазам было больно.

— Ну, бери себе мою дочь и полкоролевства в придачу, ты все это заслужил, — сказал король.

Сыграли они свадьбу, и досталась Аскеладдену в жены прекрасная принцесса.

Как мальчик к Северному ветру за своей мукой ходил

Норвежская сказка

Перевод Е. Суриц

Жила-была старая женщина, и был у нее сын; женщина была совсем слабая и больная, и приходилось сыну ходить в амбар за мукой.

Вот однажды пошел он за мукой, и только вышел из амбара, как, откуда ни возьмись, налетел Северный ветер, отнял у него муку и умчался с нею прочь.

Снова пошел мальчик в амбар, и, как только он вышел оттуда, снова налетел Северный ветер и отнял муку; в третий раз все было точно так же. Подумал мальчик, что нехорошо поступает Северный ветер, и осердился. И решил он разыскать его и попросить обратно свою муку.

Ну вот, отправился он в путь, а дорога была долгая. Шел он, шел и пришел наконец к Северному ветру.

— Здравствуй, — говорит мальчик.

— Здравствуй, — говорит Северный ветер, а у самого голос неприветливый. — Ну, чего тебе надо?

— Да хочу, — говорит мальчик, — муку у тебя обратно попросить, которую ты у меня возле амбара отнял. Мы люди бедные, а если ты и последнее у нас отнимешь, нам ничего другого не останется, как умереть с голоду.

— Нет у меня никакой муки, — отвечает ветер. — Но раз уж ты в такой нужде, дам я тебе скатерть, да такую, что стоит тебе только сказать: «Скатерть, расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!» — и будет у тебя все, что твоей душе угодно.

Ну что ж, обрадовался мальчик и пошел домой. Да только дорога была долгая, за день не дойти, и зашел он переночевать на постоялый двор, а когда там собирались ужинать, положил он на стол свою скатерть и говорит: «Скатерть, расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!»

Не успел он это сказать, как скатерть все исполнила, и все стали хвалить ее — хвалят не нахвалятся. Но никому она так не пришлась по душе, как хозяйке постоялого двора: ничего-то не надо ни жарить, ни варить, ни на стол накрывать, ни со стола убирать, думала она. И вот настала ночь, все заснули, а хозяйка взяла скатерть, которую мальчику Северный ветер дал, а вместо нее положила другую, с виду точь-в-точь такую же, да только скатерть эта никого даже кусочком черного хлеба угостить не могла.

Проснулся мальчик, взял скатерть, отправился в путь и к вечеру пришел домой к своей матери.

— Ну, — сказал он, — был я у Северного ветра; он честно со мной рассчитался: дал мне вот скатерть, а скатерть эта не простая. Скажи ей только: «Расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!» — и у тебя будет все, что твоей душе угодно.

— Вот чудеса, — сказала мать, — пока своими глазами не увижу — не поверю.

Мальчик — скорее к столу, положил на него скатерть и говорит:

— Скатерть, расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!

А скатерть как лежала, так и осталась, даже кусочком черного хлеба его не угостила.

— Что ж, делать нечего, придется опять к Северному ветру идти, — сказал мальчик и отправился в путь.

Шел он, шел и пришел к Северному ветру.

— Здравствуй, — говорит.

— Здравствуй, — отвечает ветер.

— Отдавай мне муку, которую ты у меня отнял, а скатерть-то твоя никуда не годится.

— Нет у меня муки, — отвечает ему Северный ветер, — на вот, возьми лучше козла, и он будет давать тебе золотые дукаты, как только ты скажешь ему: «Козел, делай деньги!»

Что ж, мальчик не прочь был получить такого козла и тут же отправился в путь; только идти было долго, в один день не дойти, и снова остановился он на постоялом дворе.

Прежде чем попросить еды и питья, он испытал своего козла, чтобы узнать, правду ли сказал Северный ветер, и оказалось, что все чистая правда. Как увидел это хозяин постоялого двора, решил он, что козлу этому цены нет, и, как только мальчик заснул, хозяин взял козла себе, а вместо него подsunул другого, который никаких золотых дукатов делать не мог.

Наутро мальчик отправился со двора, пришел к своей матери и говорит:

— Северный ветер все-таки хороший. Вот дал мне козла, да такого, что скажи ему только: «Козел, делай деньги!» — и он делает золотые дукаты.

— Вот чудеса, — сказала мать, — ни за что я этому не поверю, пока своими глазами не увижу.

— Козел, делай деньги! — сказал мальчик.

Но козел сделал кое-что совсем другое.

Снова пошел мальчик к ветру, сказал, что козел никуда не годится, и попросил рассчитаться за муку.

— Ну, больше я уже ничего не могу тебе дать, — сказал ветер, — кроме той старой палки, что стоит у входа. Может, и она тебе пригодится. Скажи ей: «Бей, моя палочка!» — и она начнет бить и будет драться до тех пор, пока ты не скажешь: «Стой, моя палочка!»

Путь до дому был долгий, и снова зашел мальчик на постоялый двор. Только он уже смекнул, что случилось со скатертью да с козлом, и потому, как вошел, так сразу и улегся на скамью и давай храпеть, будто спит крепким сном.

Подумал хозяин, что и палка, видно, на что-нибудь сгодится. Нашел он точно такую же и положил рядом с мальчиком и хотел уж было взять палку себе, а мальчик-то как закричит:

— Бей, моя палочка!

Палка — бить-колотить, а хозяин давай прыгать через столы да скамьи и кричит-надрывается:

— Прикажи ты этой палке перестать, не то она прибьет меня до смерти! Ой, отдам я тебе и козла, и скатерть!

Решил тогда мальчик, что хозяин уже получил по заслугам:

— Стой, моя палочка!

А потом положил в карман скатерть, взял в руки палку, на веревочке повел козла и со всем этим богатством отправился к себе домой.

Честно рассчитался за муку Северный ветер!

Честно добытая монета

Норвежская сказка

Перевод Э. Шаховой

Жила-была на свете бедная женщина. Жила она в маленькой, убогой избушке на самом краю села. Есть ей было нечего, печку топить нечем, вот и послала она своего маленького сынишку в лес за хворостом. На дворе стояла холодная осенняя погода, и мальчик всю дорогу до леса бежал вприпрыжку, чтобы хоть немного согреться. Каждый раз, положив в корзину ветку или корень, мальчик хлопал руками, потому что от холода они стали красные-красные, точь-в-точь как брусника, что росла у него под ногами.

Насобирав мальчик полную корзину хвороста и только было хотел возвращаться домой, как набрел на засеку. И увидел вдруг там белый изъеденный камень.

— Бедный старенький камень! Какой ты белый и бледный! Как же ты, должно быть, промерз! — сказал мальчик, снял с себя куртку и накрыл ею камень.

Пришел домой, а мать спрашивает его, как это он в такой холод в одной рубашке в лес ходил. Он и рассказал ей, как увидел в лесу старый изогнутый камень, белый и бледный от мороза, и как укрыл его своей курткой.

— Дурень ты этакий! — говорит ему мать. — Неужто ты думаешь, камни мерзнут? А если даже и замерз твой камень — своя рубашка ближе к телу. Одежда нынче и так дорогая, а ты еще будешь разбрасывать ее по всяким камням! — И она прогнала мальчика снова в лес за курткой.

Пришел он на то место, где в первый раз нашел камень, и видит: камень одним концом повернулся и чуть приподнялся от земли.

— Бедняжка! Это потому, что ты немножко согрелся под курткой, ведь правда? — сказал мальчик.

Но когда он повнимательнее поглядел на камень, то увидел под ним шкатулку, полную блестящих серебряных монет. «Наверняка краденые, — подумал мальчик. — Ну кто станет прятать в лесу под камнем честно заработанные деньги?»

Взял он шкатулку, отнес ее к озеру неподалеку от засеки и выбросил в него деньги. Но одна монетка выпала из шкатулки и поплыла по воде.

— Вот уж эта добыта честным путем. Монета, что добыта честно, ни за что не потонет, — сказал мальчик, поймал монетку и, захватив куртку, отправился домой.

Пришел домой и давай рассказывать матери, как камень приподнялся от земли, как он нашел шкатулку, полную серебряных монет, и как выбросил ее в озеро, потому что деньги наверняка были краденые.

— Но одна монетка не утонула. Я взял ее, потому что она добыта честным путем, — кончил мальчик.

— Ну что за болван! — пришла в ярость мать. — Если бы из всех монет только одна была добыта честно, то, значит, не так уж много на свете честности. Но хоть бы их украли десять раз подряд, ты ведь нашел их — а своя рубашка ближе к телу. Взял бы ты эти деньги — жить бы нам припеваючи до конца дней наших. Но ты как был дураком, так дураком и остался. Не желаю я больше гнуть спину на тебя! Убирайся на все четыре стороны и сам зарабатывай себе на хлеб!

И пошел мальчик по белу свету. Шел он, шел и, куда бы ни приходил, всюду просился в услужение. «Уж больно маленький и хлипкий», — думали, глядя на него, люди и не брали его.

Долго ли, коротко ль он шел, только пришел он на двор к купцу. И взял его купец к себе на кухню — носить кухарке дрова и воду.

Стал мальчик жить у купца. И вот однажды собрался купец ехать в другую страну, далеко-далеко за море. Стал он спрашивать слуг, чего им привезти из заморской страны. Каждый сказал, и вот дошла очередь до мальчика, что таскал на кухне дрова и воду. Мальчик протянул купцу монетку.

— Что же тебе привезти? — спросил купец. — Ведь много-то на нее не купишь.

— Купите то, что дадут. Это честно добытая монета, — ответил мальчик.

Пообещал ему купец выполнить просьбу и уехал.

Разгрузил купец за морем свои товары, нагрузил новые, накупил всего, что обещал слугам, и вернулся на свой корабль. Собрался уж было отчаливать от пристани и только тут вспомнил, что мальчик дал ему монетку, а он пообещал купить на нее что-нибудь. «Неужто мне из-за какой-то монетки снова возвращаться в город? — подумал купец. — Вздор! От такой ерунды только лишние хлопоты».

Тут, откуда ни возьмись, старуха с мешком на спине.

— Что у тебя в мешке, мать? — спрашивает ее купец.

— Всего-навсего кошка. Не на что мне ее кормить, вот и надумала я выбросить ее в море, да и дело с концом, — отвечает старуха.

«Мальчик просил купить то, что дадут за его монетку», — подумал купец и спросил старуху, не отдаст ли она за монетку свою кошку.

Старуха не заставила себя долго упрашивать, и сделка совершилась.

Только отплыл купец от пристани, как разыгрался на море страшный шторм. Дико завывал ветер, корабль кидало из стороны в сторону, и купец даже не знал, куда их несут разбушевавшиеся волны.

Наконец их прибило к берегу, и они оказались в стране, в которой купец никогда прежде не бывал. Он сразу же отправился в город. Заходит в трактир и видит: на каждом столе лежат розги^[93]: у каждого прибора по розге. Удивился купец. «Зачем им столько розог? — подумал он. — Посмотрю, что будут делать с ними остальные», — решил он и сел за стол. А когда *принесли еду, понял купец, для чего на каждом столе лежали розги*: из всех *щелей* повылезли тысячи мышей и набросились на еду, и каждому, кто сидел за столом, пришлось отбиваться от них, размахивая во все стороны розгами. Вокруг ничего не было слышно, кроме свиста и ударов розог, один другого сильнее. А иногда люди задевали друг друга по лицу, и тогда им приходилось говорить: «Извините».

— Тяжко живется людям в этой стране! — сказал купец. — А почему бы вам не завести кошку?

— Кошку? — удивились люди.

Они даже не знали, что такое кошка.

Тогда купец принес с корабля кошку, которую купил для мальчика, и все мыши моментально

разбежались, и люди впервые с незапамятных времен смогли спокойно покушать. Уж и благодарили они купца! Стали они просить его продать им кошку. Не соглашался сначала купец, а потом все же пообещал уступить им кошку, но запросил за нее сотню талеров. Они охотно заплатили, да еще тысячу раз благодарили купца.

И снова купец отправился в путь-дорогу. Но не успел он выбраться в открытое море, глядь, а на гот-мачте сидит кошка! А вскоре снова разыгрался на море шторм, еще сильнее первого, и корабль швыряло из стороны в сторону и гнало по волнам, пока наконец не прибило к стране, в которой купец никогда прежде не бывал.

Снова купец отправился в трактир и снова увидел на столах розги. Но на сей раз они были куда больше и длиннее первых. Да оно и понятно: мышей здесь было куда больше, и были они куда крупнее тех, что он видел в первый раз.

Опять продал купец кошку и опять взял за нее сто талеров. И опять не пришлось ему долго торговаться.

Поплыл купец дальше. Только вышел в открытое море, глядь, а кошка тут как тут: сидит себе на гот-мачте. И снова разыгрался шторм, и волны гнали корабль до тех пор, пока не прибило его к стране, в которой купец никогда прежде не бывал.

Пошел он снова в трактир. И здесь тоже на столах лежали розги, но каждая розга была в полтора аршина длиной, а толщиной с маленькую метелку. Купцу рассказали, что поесть для жителей этой страны — сущее мучение: тысячи большущих отвратительных крыс набрасываются на еду и людям с трудом удается вырвать у них кусок и сунуть его в рот.

Принес купец кошку с корабля, и жители страны вздохнули с облегчением. Стали они упрашивать купца продать им кошку. Долго не соглашался купец, но наконец обещал уступить кошку, запросив за нее триста талеров. Они с радостью согласились, не переставая благодарить и благословлять купца.

И снова отправился купец в путь-дорогу. «Сколько же денег заработал мальчик на монете, что послал со мной? — раздумывал он. — Ну что ж, придется отдать ему малую толику, но, конечно, не все. Ведь это я купил ему кошку. Своя рубашка ближе к телу».

Только он это подумал, как разыгрался на море шторм, да такой сильный, что всем уже стало казаться, что корабль вот-вот пойдет ко дну. Смекнул купец, что ничего другого ему не остается, как пообещать отдать мальчику все деньги. И правда: стоило ему это сделать, как шторм утих, и корабль на всех парусах помчался к дому.

Вернулся купец домой и отдал мальчику пятьсот талеров да свою дочь в придачу. Потому что теперь мальчик, который таскал дрова и воду на кухню, стал таким же богатым, как сам купец.

И стал мальчик жить-поживать да добра наживать. А мать свою он взял к себе и всегда был добр к ней.

— Не верю я, — сказал мальчик, — что своя рубашка ближе к телу.

Финские сказки

Лиса-нянька

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

Пошел однажды медведь искать няньку для своих медвежат. Брел он по лесу, брел, встретил волка.

— Куда, дедушка, путь держишь? — спросил волк.

— Иду няньку медвежатам искать, — ответил медведь.

— Возьми меня нянькой, — проурчал волк.

— А умеешь ли ты петь? — поинтересовался медведь.

— Конечно, умею, — ответил волк и завыл: — У-у-у! У-у-у!

— Не выйдет из тебя няньки, слишком плохо поешь, — сказал медведь и пошел дальше.

Навстречу ему заяц.

— Куда, дедушка, путь держишь?

— Иду няньку медвежатам искать.

— Возьми меня нянькой.

— А умеешь ли ты петь?

— Пу-пу, пу-пу, пу-пу, — запел заяц.

— Не выйдет из тебя няньки, слишком плохо поешь, — сказал медведь и снова заковылял по тропинке.

Навстречу ему лиса.

— Куда, дедушка, путь держишь?

— Иду няньку медвежатам искать.

— Возьми меня нянькой.

— А умеешь ли ты петь?

— Только я одна и умею, — похвасталась лиса и ласково запела:

Я спою тебе, малышка,
песню птицы голосистой,
туути-луллаа, туути-луллаа,

туули-луллаа, а-а-а!

— Тебя я возьму, ты поешь очень красиво, — растрогался медведь и повел лису к себе домой.

На следующий день отправился медведь на охоту, а лиса делать ничего не захотела, медвежат не покормила, не почистила.

Вернулся медведь вечером и спрашивает:

— Хорошо ли ты моих детей нянчила?

— Целый день им песни пела, — ответила лиса. Медведь так устал, что больше ничего и не спросил.

Утром снова медведь отправился на охоту. А лисе и дела нет до медвежат, голодные они и совсем неухоженные.

Вернулся медведь вечером, видит — медвежата плачут, есть просят. Разозлился медведь, сейчас накажет ленивую няньку, а хитрая лиса скок на улицу, порх хвостом и бегом в лес.

Как собака и волк на свадьбе у людей побывали

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

Встречались однажды в лесу волк с собакой. Набросился волк на собаку, вцепился зубами и потащил в свое логово.

— Не ешь меня, волк, — заскулила собака, — пойдем лучше к людям на свадьбу.

— К людям на свадьбу? — удивился волк. — Как же я туда попаду?

— Вместе со мной. Приходи вечером к амбару, проберемся в избу, никто и не заметит.

Дождлся волк вечера, прокрался на условленное место, тут и собака подоспела.

Свадьба была в самом разгаре. Собака и волк проскочили в дверь и шмыгнули под праздничный стол. Сидели, сидели, начала собака тихонько поскуливать. Гости услышали и стали бросать ей угощенье: и мясо, и кости, и пироги — всего было много, собака и волк наелись до отвала. А тут еще рядышком стояла кадучка с квасом. Задвинула собака посудину под стол, и друзья ну квасом-то баловаться.

Доволен волк, сыт, совсем забыл, что рядом люди. Вот он и предлагает собаке:

— Может, споем?

— Что ты! — испугалась собака. — Люди тебя сразу узнают по голосу.

Помолчал волк немного и снова спрашивает:

— Может, споем?

— Не вздумай! — снова предупредила собака.

Волк внял ее совету и на этот раз. Молчал минуту, другую, а на третью не выдержал:

— Тогда я один спою! — И как начал выть: — У-у! У-у! У-у!

Гости зашумели, завизжали, друг у друга спрашивают:

— Откуда волк в доме?

— Откуда волк в доме?

Один гость схватил кочергу, другой полено, третий — железный прут и давай охаживать волка — тот еле с духом собрался да как пустится в лес!

Белка и охотники

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

ила-была белка с четырьмя бельчатами.

Вот сидят они у себя в гнезде, слышат — собака лает. Да все ближе, ближе. Видно, охотник какой в лесу объявился. Испугались бельчата, а белка-мать и говорит:

— Надо еще посмотреть, какой это охотник. Может, и бояться его не стоит. Взгляните-ка, детки, как он выглядит.

Высунулись бельчата из дупла, посмотрели вниз и засмеялись:

— Чудной какой-то! Одет нарядно, на голове — шляпа с пером, на ногах — сапоги лаковые. Ружье все в медных украшениях, блестит, как золотое. И собака, видно, хорошо кормлена, так и лоснится.

— Ну, тогда бояться нечего, спите спокойно, — решила белка, — такому охотнику нас не найти.

И в самом деле — охотник постоял, постоял и пошел с собакой дальше бродить по лесу.

— Пустое дерево, — сказал он сам себе, — и белок там никаких нет.

На следующий день еще один охотник набрел на дерево с беличьим гнездом. Лениво постучал топором по стволу, а собака несколько раз тьякнула.

— Посмотрите, детки, что за стрелок сюда пожаловал, — велела белка.

Выглянули бельчата из дупла, смотрят вниз и говорят:

— Охотник в богатой одежде, и ружье у него добротное, а собака жирная, перекормленная, шерсть так и лоснится.

— Нечего бояться, спите спокойно, — сказала белка, — то охотники неумелые, не найти им нас.

Постоял охотник, постоял и пошел с собакой прочь.

На третье утро снова какая-то собака залаяла у дерева.

Выглянули бельчата из дупла и говорят:

— У охотника одежда ношенная-переношенная, ружьишко старенькое, а собака поджарая, быстрая, от нашего дерева ни на шаг.

Встревожилась белка, заторопила сыновей:

— Ох, беда, беда! Это уж настоящий охотник пожаловал! Бежим скорее отсюда!

Бельчата прыг, как кинутся все врассыпную, тем только и спаслись от охотника.

Мневезет

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

Жила-была на свете старушка, и была у нее дочь, очень искусная пряжа. Прослышал о мастерице король, захотел на нее посмотреть. Прискакал он верхом на коне к старушке и стал ее расспрашивать о девушке-искуснице. А старушка давай хвастать, дочь свою нахваливать. И сама не заметила, как сказала о ней то, чего на самом деле и не было, — мол, умеет девушка золотые нити из соломы и глины прясть.

— Золото из соломы и глины? — удивился король. — Такую мастерицу надобно во дворец взять.

Поселили бедную девушку в королевских покоях, привезли ей воз соломы и ушат глины и оставили одну — пусть золото спрядет. Но как ни пыталась девушка прясть золотую нить, ничего не получалось.

Заглянул к девушке принц и пообещал:

— Спрядешь золотую нить, возьму тебя в жены.

Но солома в золото все-таки не превращалась!

Плачет пряжа горькими слезами, а что делать — не знает. Вдруг, откуда ни возьмись, карлик. Протянул он девушке серые перчатки и сказал:

— Надень перчатки, помогут они тебе спрясть золотую нить. А уговор у нас будет такой: даю тебе три дня. Коли не узнаешь моего имени за это время, станешь моей женой.

Девушка так боялась королевской немилости, что согласилась на условие карлика и взяла перчатки.

А карлик, гримасничая, сразу исчез.

Только она надела перчатки и начала работу, как из пряжи потянулась золотая нить, да так быстро тянется, так ровненько, что девушка еле успевала пропускать ее через пальцы.

А время шло, пролетели три дня, наступил вечер. Вот-вот придет карлик за пряхой. Только имени-то его девушка так и не знает. Придется, видно, идти ей в жены к карлику.

Вот уж солнышко стало опускаться за лес, полились ручьем слезы девушки. Увидел ее в таком горе принц и решил развеселить:

— Не плачь, я тебе сейчас такое расскажу! Гулял я нынче по лесу, вдруг смотрю — на поляне карлик приплясывает, неуклюже так, а сам поет:

Такое имя — «Мневезет»
не отгадать невесте.
Как только солнышко зайдет,
уйдем с нею вместе.

Вскочила девушка — теперь-то она знает, как зовут карлика, теперь-то она спасена.

Тут вдруг открылась дверь и появился сам карлик.

— Твое имя Мневезет, — крикнула пряха, снимая перчатки. — Я свободна!

Карлик выбежал на улицу, и больше его никто не видел, даже перчатки не успел забрать.

А принц взял девушку в жены.

Добрые советы

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

Жил когда-то юноша-сирота. Был он очень беден, каждый день голод его навещал. Вот и решил он побродить по белу свету, — может, удастся раздобыть какое-никакое пропитание. Шел он, шел, а вечером, голодный и уставший, оказался в глухом лесу. Вдруг видит, в силках лесная птица бьется. Обрадовался юноша:

— Приготовлю-ка я себе жаркое.

А птица тут и заговорила человеческим голосом:

— Не губи меня, дорогой путник, выпусти на свободу.

У юноши было доброе сердце, выпустил он птицу на волю. Расправила она крылья и молвит:

— Дам тебе в благодарность такой совет. Иди по этой тропе, пока не увидишь большой дуб, залезай на него и сиди на ветвях всю ночь. А там увидишь, что будет.

Пошел юноша по тропе, увидел дерево, забрался на него, уселся на крепкую ветвь, сидит. И чудится юноше, кто-то под дубом разговаривает. Прислушался — точно, три гнома беседуют.

— Слышали? — говорит один. — В королевском парке ручей пересох, раньше-то в нем уж такая чистая вода текла! Кто догадается повалить сосну, что растет рядом с ручьем, подрить ее корни, тот снова воду вернет.

— И я знаю один секрет, — сказал другой. — В королевском лесу раньше было много лосей, а сейчас — ни единого. А не знает король, что звери боятся лосиных рогов у ворот парка. Снять бы эти рога, живо лоси назад вернуться.

— Знаю и я кое-что, — сказал третий. — Единственная дочь короля больна много лет. Ни один врач не может вылечить принцессу. А вот если вывести ее в парк перед восходом солнца да побрызгать на нее росой, принцесса сразу же выздоровеет.

Поговорили гномы и ушли. Юноша все запомнил, слез утром с дерева и отправился в королевский дворец наниматься на работу.

— Хочешь работать водоносом? — предложили юноше. — Мы теперь издалека носим воду во дворец. Протекал раньше в парке ручей, да высох.

Юноша осмотрел место, где находился ручей, увидел рядом сосну и сказал:

— Если повалить эту сосну, подрить ее корни, опять появится вода.

Свалили дерево, подрыли корни — снова в ручье кристально чистая вода.

Позвал король к себе юношу и спрашивает:

— А не знаешь ли, как вернуть нам лосей? Раньше гуляли они здесь целыми стадами, а теперь исчезли.

— Проще простого, ваше величество, — улыбнулся юноша. — Надо только снять лосиные рога с ворот парка. Вот и все.

Приказал король снять рога, и вот они — лоси. Опять в парке гуляют.

— Хороший ты советчик, — милостиво заметил король. — А не сможешь ли исцелить мою дочь от тяжкого недуга? Уж много лет она больна.

— Отведите принцессу перед восходом солнца в парк и побрызгайте на нее росой, — предложил юноша, — она и выздоровеет.

Отвел король принцессу в парк, побрызгал на нее росой — девушка тотчас выздоровела.

Захотелось королю отблагодарить юношу.

— Оставайся жить во дворце, — говорит. — Будешь моим первым советником.

С тех пор зажил юноша во дворце и был счастлив до конца своих дней.

Глупый Пейкко

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

давние-стародавние времена жил на земле тролль Пейкко. Никто не знал, откуда он появился. Одни говорили, что Пейкко такой же властелин природы, как хозяйка моря Велламо, как лесной царь Тапио, другие считали, что Пейкко обычный мужчина, только живет в лесу. Словом, никто о нем толком ничего сказать не мог. Знали одно: Пейкко много выше и крепче самых высоких мужчин, лицо у него заросшее, волосы лохматые, руки-ноги толстые, словно из бревна вырублены.

Пейкко был стар, богат и глуп. Так говорят.

Стоило Пейкко прийти в деревню, деревенские обязательно над ним подшутят, и первый среди всех — молодой Матти.

Вот однажды пришел Пейкко в деревню и давай спорить с Матти, что пересидит его в парилке, любой пар выдержит. Что ж, затопили баню, пошли париться.

А Матти вырубил в стене бани дыру и незаметно высунулся на улицу.

Пейкко знай накаляет камни, знай кипятком их окатывает. Печь шипит, как сто кошек, а Матти все просит — добавь парку да добавь. А что ему! Он стоит у дыры в стене да свежий воздух вдыхает!

Не вынес Пейкко жар в парилке и выбежал на улицу, а под баню сунул горящую головешку. Вспыхнула баня и мигом дотла сгорела, одна печка стоит нетронутая.

Матти-то тем временем через дыру во двор вылез, от пожара спасся.

На следующий день пошел Матти с деревенскими смотреть на пожарище, а там — Пейкко.

— Хорошо ли ты попарился вчера вечером? — злится Пейкко.

— Какой там! — усмехнулся Матти. — Плохо ты протопил баньку, пару совсем не подал, замерз я.

Другой раз встретились Матти и Пейкко зимой и опять схватились.

— Больно лютая нынче зима-то, — пробурчал Пейкко.

— Разве? — удивился Матти.

— Конечно! В такой мороз никакая работа не заладится.

— Вот еще! Нет такого мороза, чтоб я не перетерпел. Спорим?

— Спорим! — обрадовался Пейкко, а сам как напустит на Матти ледяной мороз да студёный ветер.

Стиснул Матти зубы и ну махать топором — поленья от чурбана так и отскакивают!

У Пейкко зуб на зуб не попадает, не знает, как от холода укрыться.

— Не слишком ли крепкий мороз нынче? — спрашивает.

— Может, и крепкий, да ветер изрядно пригревает, — схитрил Матти.

Удивился Пейкко: с чего бы это Матти тепло-то?

Остановил Пейкко ветер, остановил мороз, все равно толку от них никакого. Опять Матти его одолел.

Тогда Пейкко уговорил Матти в прыжках сразиться — кто глубже в землю войдет. Согласился Матти: давай, говорит, со скалы прыгать. А сам ночью выкопал у подножья горы глубокую яму, наполнил ее хворостом и хвоей прикрыл.

Встали утром на краю скалы, сейчас начнут прыгать. Пейкко прыгнул — до колен в землю вошел. Матти прыгнул — нет его как нет, и головы не видно. От удивления Пейкко открыл рот, так, с открытым ртом, и стоял, пока Матти из ямы не вылез.

— Да ты, видно, колдун, — вздохнул Пейкко, — как же иначе сумел ты в землю врезаться?

— Не колдун я, — ответил Матти, — а настоящий мужчина и уж куда умнее и ловчее тебя.

Поездка на ярмарку

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

Как-то раз крестьяне из деревни Хельмёлы поехали в город. Дорога длинная, вот и остановились они на ночлег в одном доме. Распрягли и накормили лошадей, а чтобы утром ничего не перепутать — жители Хельмёлы всегда были очень забывчивы, — поставили сани оглоблями в сторону города.

Случилось тут идти мимо прохожему. Вот он шутки ради и развернул сани в обратную сторону.

Утром проснулись крестьяне, запрягли лошадей и торопливо отправились в путь.

Едут, едут, далеко уж вроде отъехали. Вдруг один старик и говорит:

— Смотрите, никак, мы вчера здесь проезжали.

— Много на земле есть мест, похожих друг на друга, — отвечают ему.

Въехали мужики в деревню, старик как закричит:

— Деревня-то совсем как наша.

— Все деревни одинаковые, — раздалось в ответ.

А старик опять кричит:

— Уж не мой ли это дом?

— Да ты что?! — засмеялся кто-то. — Твой-то дом ох как далеко сейчас.

А жена старика, услышав голос своего мужа, вышла из дому.

— Да это вроде бы моя жена, — оторопел старик.

Подбежала старуха к саням, поняли все: да ведь и вправду в родную деревню приехали!

Очень все удивились!

Одеяло стало много длиннее

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

шила старуха из деревни Хельмёлы толстое одеяло своему мужу, только одеяло получилось короткое, и утром старик пожаловался, что всю ночь мерзли у него ноги.

— Что за беда, сейчас исправлю, — встrepенулась старуха.

Отрезала она верхнюю часть одеяла и пришила ее снизу. Потом повертела одеяло в руках, подумала и еще кусок отмахала ножницами — пришила и его по низу одеяла. И зовет мужа:

— Теперь тебе, старик, будет тепло, ноги не замерзнут. Я одеяло удлинчила, пришила снизу два больших куска.

Ничего не ответил старик. А что тут скажешь, если одеяло удлинчалось дважды? Ноги-то, правда, у него по-прежнему мерзли.

Как едят кашу

Финская сказка

Перевод Е. Сойни

В деревне Хёльмёла очень любят кашу. Только едят ее довольно странно. Горшок с кашей ставят в избе на столе, кружку с топленным маслом — на лежанке, кадушку с простоквашей — во дворе.

Зачерпнут кашу ложкой и бегом к лежанке — обмакнут кашу в масло, теперь бегом во двор — глотнуть простокваши, так-то каша много вкуснее!

Вот и бегают друг за другом — от стола к лежанке, от лежанки во двор. Много времени уходит на такой завтрак, да не беда, у жителей Хёльмёлы времечко вкусной каши поесть всегда найдется!

Исландские сказки

Кидхюс

Исландская сказка

Перевод Л. Горлиной

или когда-то в своем домишке старик со старухой, и были они такие бедные, что не было у них никакого добра, кроме пряслешка на старухином веретене. А пряслешок тот был из чистого золота. Старик каждый день ходил на охоту или ловил рыбу, тем они и кормились. Неподалеку от их дома был высокий бугор. Люди говорили, что в нем обитает чудище по имени Кидхюс, которого нужно остерегаться.

Пошел старик однажды на охоту, а старуха, по обыкновению, дома осталась. День был погожий, она вынесла прялку на двор и села прясть. Вдруг пряслешок возьми да свались с веретена. Покатился он, покатился и закатился невесть куда. Всполошилась старуха и давай искать пряслешок, а он как сквозь землю провалился. Вернулся старик домой, и старуха рассказала ему о своей пропаже.

— Не иначе как Кидхюс твой пряслешок украл, — сказал старик. — Такое за ним и прежде замечали.

И решил он пойти к Кидхюсу, чтобы заставить его вернуть пряслешок или хотя бы заплатить за него. Полегчало на сердце у старухи. Вот приходит старик к бугру и давай колотить по нему дубинкой. Кидхюс спрашивает:

— Кто там стучится в мой дом?

Старик отвечает:

Пришел сосед твой, Кидхюс,
уж ты не обессудь —
за пряслешок старухе
пожалуй что-нибудь.

Кидхюс спросил, чего хочет старуха.

— Дай ей корову, — сказал старик, — да такую, чтобы за один раз давала не меньше пяти литров молока.

И Кидхюс дал ему корову.

На другой день старуха надоила столько молока, что заполнила все свои жбаны, и пришло ей в голову наварить молочной болтушки. Да только варить было не из чего — муки у нее не было. Тогда велела она старику пойти к Кидхюсу и попросить у него муки на болтушку. Вот идет старик к бугру и снова стучит по нему дубинкой. Кидхюс отзывается:

— Кто там стучится в мой дом?

Старик отвечает:

Пришел сосед твой, Кидхюс,
уж ты не обессудь —
за пряслешок старухе
пожалуй что-нибудь.

Кидхюс опять спрашивает, чего хочет старуха. А старик говорит, что им надо муки, потому что старуха болтушку варить надумала. Дал ему Кидхюс меру муки, старик отнес ее домой, старуха наварила болтушки. Ели старики, ели, наелись до отвала, а в котле все еще много болтушки. Стали они думать, куда остатки девать, и решили отдать болтушку деве Марии. Только вот как до нее добраться — очень уж она высоко. И надумали они попросить у Кидхюса лестницу, чтобы до неба достала, — им все казалось, что они мало с него за свой пряслешок получили. Пошел старик и постучал по бугру. Кидхюс отозвался, как прежде:

— Кто там стучится в мой дом?

Старик отвечает:

Пришел сосед твой, Кидхюс,
уж ты не обессудь —
за пряслешок старухе
пожалуй что-нибудь.

Тут Кидхюс рассердился не на шутку.

— Да когда же я расплачусь с ней за этот пряслешок? — закричал он.

Но старик сказал, что им нужна всего лишь лестница, чтобы подняться на небо к деве Марии и отдать ей ведро болтушки. Ладно, принес Кидхюс лестницу, да еще сам ее и к небу приставил. Обрадовался старик — побежал домой за старухой. Взяли они ведро с болтушкой и стали взбираться по лестнице, но от спешки у них голова закружилась, свалились они на землю и разбились насмерть. И там, где они упали, на камнях остались белые пятна, а где пролилась болтушка — желтые. Говорят, будто эти пятна до сих пор видны.

Гилитрутт

Исландская сказка

Перевод Л. Горлиной

Жил в давние времена один молодой работающий крестьянин. Был у него свой хутор с обширными пастбищами и много-много овец. И вот он женился. Жена ему, на беду, попалась бездельница и лентяйка. Целыми днями она била баклуши, даже обед мужу и то ленилась приготовить. И муж ничего не мог с ней поделать.

Однажды осенью приносит он жене большой мешок шерсти и велит за зиму спрясть всю шерсть и выткать из нее сермягу. Жена даже не взглянула на шерсть. Время идет, а она и не думает приниматься за работу. Хозяин нет-нет да и напомним ей про шерсть, только она и ухом не ведет.

Как-то раз пришла к хозяйке огромная безобразная старуха и попросила помочь ей.

— Я тебе помогу, но и ты должна оказать мне одну услугу, — отвечает хозяйка.

— Это справедливо, — говорит старуха. — А что я должна для тебя сделать?

— Спрясть шерсть и выткать из нее сермягу, — отвечает хозяйка.

— Давай сюда свою шерсть! — говорит старуха.

Хозяйка притащила весь мешок. Старуха вскинула его на плечо, как пушинку, и говорит:

— По весне я принесу тебе сермягу!

— А как я с тобой расплачусь? — спрашивает хозяйка.

— Ну, это пустяки! — отвечает старуха. — Ты должна будешь с трех раз угадать мое имя. Угадаешь, и ладно, больше мне ничего не нужно.

Хозяйка согласилась на это условие, и старуха ушла.

В конце зимы хозяин снова спросил у жены про шерсть.

— Не тревожься, — отвечает жена. — Сермяга в срок будет готова.

Хозяин промолчал, но заподозрил неладное.

Меж тем зима шла на убыль, и вот замечает хозяин, что его жена с каждым днем становится все мрачнее и мрачнее. Видно, что она чего-то боится. Стал он у нее выпытывать, чего она боится, и в конце концов она рассказала ему всю правду — и про огромную старуху, и про шерсть. Хозяин так и обомлел.

— Вот, глупая, что наделала! — сказал он. — Ведь то была не простая старуха, а скесса-великанша, что живет здесь в горах. Теперь ты в ее власти, добром она тебя не отпустит.

Как-то раз пошел хозяин в горы и набрел там на груды камней. Сперва он ее даже не заметил. И вдруг слышит: стучит что-то в каменной груди. Подкрался он поближе, нашел щель между камнями и заглянул внутрь.

Смотрит: сидит за ткацким станком огромная безобразная старуха, гоняет челнок и поет себе под нос:

Ха-ха-ха! Никто не знает,
как меня зовут!
Хо-хо-хо! Никто не знает,
что зовусь я Гилитрутт!

И ткет себе да ткет.

Смекнул хозяин, что это та самая скесса, которая приходила к его жене. Побежал он домой и записал ее имя, только жене об этом ничего не сказал.

А тем временем жена его от тоски да от страха уже и с постели подниматься перестала. Пожалел ее хозяин и отдал ей бумажку, на которой было записано имя великанши. Обрадовалась жена, а все равно тревога ее не отпускает — боязно, что имя окажется не то.

И вот наступила весна. Хозяйка попросила мужа не уходить из дома, но он ей сказал:

— Ну, нет. Ты без меня со скессой столковалась, без меня и расплачивайся. — И ушел.

Осталась хозяйка дома одна. Вдруг земля затряслась от чьих-то тяжелых шагов. Это явилась скесса. Хозяйке она показалась еще больше и безобразнее, чем прежде. Швырнула скесса на пол кусок сермяги и закричала громовым голосом:

— Ну, хозяйка, говори, как меня зовут!

— Сигни, — отвечает хозяйка, а у самой голос так и дрожит.

— Может, Сигни, а может, и нет, попробуй-ка угадать еще разок!

— Оса, — говорит хозяйка.

— Может, Оса, а может, и нет, попробуй-ка угадать в третий раз!

— Тогда не иначе как Гилитрутт! — сказала хозяйка.

Услыхала скесса свое имя и от удивления рухнула на пол, так что весь дом затрясся. Правда, она тут же вскочила и убралась восвояси. С той поры в тех краях никто ее не видал.

А уж жена крестьянина была рада-радешенька, что избавилась от скессы. И с того дня ее будто подменили, такая она стала добрая и работающая. И всегда сама ткала сермягу из шерсти, которую осенью приносил муж.

Школа Чернокнижия

Исландская сказка

Перевод Л. Горлиной

прежние времена была на свете Школа Чернокнижия. Обучали там колдовству и всяким древним наукам. Находилась эта школа в прочном подземном доме, поэтому окон там не было и всегда царил мрак.

Учителей в Школе Чернокнижия тоже не было, а все науки изучались по книгам, написанным огненными буквами, и читать их можно было только в темноте.

Учение длилось от трех до семи лет, и за это время ученики ни разу не поднимались на землю и не видели дневного света. Каждый день серая лохматая лапа высовывалась из стены и давала ученикам пищу.

И еще одно правило всегда соблюдалось в этой школе: когда ученики покидали ее, черт оставлял у себя того, кто выходил последним. Поэтому немудрено, что каждый старался проскочить вперед.

Учились однажды в Школе Чернокнижия три исландца — Сэмунд Мудрый, Каульвюр, сын Ауртни, и Хальвдан, сын не то Эльдяудна, не то Эйнара. Хотели они договориться, что выйдут в дверь одновременно, но Сэмунд сказал друзьям, что пойдет последним. Друзья, конечно, обрадовались.

Сэмунд накинул на плечи широкий плащ, и, когда он поднимался по лестнице, которая вела наверх, черт ухватил его за полу.

— А ты мой! — сказал он.

Но Сэмунд скинул плащ и убежал. Железная дверь захлопнулась за ним и отдала ему пятку.

— Душа дороже пятки! — сказал Сэмунд по этому поводу, и эти слова стали поговоркой.

А иные рассказывают, что все было иначе: когда Сэмунд поднялся по лестнице и ступил за порог, солнце стояло так, что тень Сэмунда упала на стену. Только черт приготовился его схватить, как Сэмунд сказал:

— А я вовсе не последний. Вон за мной еще один идет. — И показал на тень.

Черт принял тень за человека и схватил ее. Так Сэмунд вырвался на волю, но с тех пор он жил без тени, потому что черт оставил ее у себя.

Английские сказки

Чудовище Уинделстоунского ущелья

Английская сказка

Перевод Г. Кружкова

или некогда в Бамбургском замке могучий король и прекрасная королева, и было у них двое детей — сын по имени Чайлд-Винд и дочь Маргрит.

Чайлд-Винд вырос и уехал за море — мир повидать и себя показать. Вскоре после его отъезда королева-мать заболела и умерла. Долго горевал король, но однажды на охоте повстречался он с прекрасной чужеземкой, влюбился и решил на ней жениться. Был отправлен гонец с приказом, чтобы в замке готовились к прибытию новой королевы — хозяйки Бамбурга.

Принцесса Маргрит не очень обрадовалась этой вести, но и не слишком огорчилась. Она исполнила повеление отца и в назначенный день сошла к воротам, готовая встретить новую королеву и передать ей ключи от замка.

Но случилось так, что, когда Маргрит приветствовала своего отца и мачеху, один из новых рыцарей свиты воскликнул:

— Клянусь, прелестней этой северной принцессы нет никого на свете!

Королева-мачеха была глубоко уязвлена, но не показала виду, лишь злобно пробормотала про себя: «Ну ничего! Я позабочусь об этой прелести!»

В ту же ночь королева (ведь на самом-то деле она была ведьмой!) поднялась на самую-самую старую и высокую башню замка и там с помощью магических обрядов и амулетов [\[94\]](#) — драконьего зуба, свиных когтей и змеиной кожи — наложила на свою падчерицу злые колдовские чары и заклала ее неслыханным, ужасным заклятием.

Наутро служанки и фрейлины не нашли принцессу в ее постели, и никто в замке не мог сказать, куда она исчезла.

В тот же самый день в Уинделстоунском ущелье, неподалеку от Бамбурга, появилось страшное и отвратительное чудовище — громадный кольчатый змей с железной чешуей и огнедышащей пастью. Чудовище это пожирало овец и коров, которые забредали в ущелье, а по ночам наводило страх на всю округу своим протяжным, жутким ревом.

Король был весьма опечален этими двумя напастями — пропажей дочери и появлением ужасного змея. Послал он гонца за море, к сыну своему Чайлд-Винду, умоляет его вернуться домой. «Ибо сам я слишком стар, мой сын, и не под силу мне бремя этих бедствий», — писал он в письме принцу.

Едва Чайлд-Винд получил это известие, как начал готовиться к отплытию — велел оснастить корабль и

отобрал из своего отряда тридцать лучших воинов, самых смелых и надежных. Да не забыл посоветоваться с чародеем, знатоком белой магии, и вот что сказал ему мудрый старик:

— Чтобы твой поход был успешным, вырежь бушприт^[95] своего корабля из целого ствола рябины, ведь рябина отвращает злые чары; да возьми с собой этот рябиновый прутик. Прикоснись им к своей мачехе — королеве. Вреда от этого не будет, а истина откроется.

Поблагодарил Чайлд-Винд чародея, взял прутик, укрепил бушприт из рябины на носу корабля и на рассвете отплыл на запад.

Но королева (которая, как вы знаете, была ведьмой!) разложила в уединенной башне свои амулеты, просеяла лунный свет сквозь решето и узнала, что Чайлд-Винд с тридцатью отборными воинами возвращается в Бамбургский замок.

Тогда она вызвала подвластных ей духов и приказала:

Слуги мои черные,
Мне одной покорные!
Вихрями летите,
Море возмутите,
Корабль утопите,
Принца погубите!

Полетели черные духи, стали дуть встречь кораблю, подымать вокруг него огромные волны, но бушприт из рябины рассеивал и отражал все злые чары, так что корабль Чальд-Винда как ни в чем не бывало приближался к берегу.

Вернулись духи к королеве, признались в своем бессилии повредить принцу. Скрипнула она зубами от злости, но не успокоилась. Приказала войску двинуться в гавань, встретить корабль, напасть на него и умертвить приплывших людей всех до единого.

Вот приближается Чайлд-Винд к берегу и вдруг видит: плывет навстречу огромный страшный змей с огнедышащей пастью. Подплывает вплотную, толкает корабль обратно, не дает войти в гавань. Снова и снова разворачивается корабль принца, пытается пройти к пристани, но каждый раз ужасный змей преграждает путь. Бессильны удары весел и копий против его железной чешуи.

Говорит Чайлд-Винду опытный кормчий^[96]:

— Отойдем в море, а потом развернемся и высадимся незаметно — вон там, за мысом.

Так и сделали. Но едва Чайлд-Винд высадился на берег и ступил несколько шагов по земле, как выползает из леса тот самый змей — отвратительное чудище с кольчатым телом, с головой дракона.

Выхватил меч Чайлд-Винд, изготовился... И вдруг вместо страшного рева из пасти чудища раздался нежный женский голос:

О, спрячь свой меч и щит отбрось,
Не бойся ничего!
Три раза поцелуй меня —
И сгинет колдовство.

Чайлд-Винду кажется, что он узнаёт голос... Что за наваждение! Или впрямь нечистая сила морочит его? Содрогнулся от ужаса принц, а чудовище говорит:

Не думай, что перед тобой
Лукавит гнусный змей,

Три раза поцелуй меня
И колдовство развеи!

Это же голос сестры — Маргрит! Заколебался принц, шагнул было вперед, но вспомнил, как бывают коварны злые духи. Снова поднял Чайлд-Винд свой меч, а чудовище покачало головой и говорит:

Без страха подойди ко мне
И поцелуй трикрат:
Лишь в том спасение мое.
Молю тебя, мой брат!

Тогда отбросил принц свой меч и щит, шагнул к чудовищу и трижды поцеловал его в страшную огнедышащую пасть.

В тот же миг со свистом и шипением чудище отпрянуло назад, и — о чудо! — перед Чайлд-Виндом стояла его сестра Маргрит.

— Спасибо тебе, милый брат! — сказала принцесса. — Знай, что это наша мачеха-ведьма превратила меня в чудище и наложила заклятие, чтобы не знала я избавления до тех пор, пока мой брат трижды не поцелует меня в этом ужасном образе. Но отныне чары рассеялись и та, которая наслала их, потеряла всю свою колдовскую силу.

Когда Чайлд-Винд об руку с сестрой и в сопровождении своих отборных воинов вступил в отцовский замок, злая королева сидела в своей башне и без умолку твердила заклинания: очень ей мечталось наколдовать принцу и принцессе какое-нибудь несчастье.

Услыхала она шаги Чайлд-Винда, хотела убежать, но принц прикоснулся к ней рябиновым прутиком, и ведьма прямо на глазах стала уменьшаться и съеживаться, съеживаться и уменьшаться, пока не превратилась в отвратительную жабу, которая — чоп-шлеп! чоп-шлеп! — ускакала из замка в лес.

Джек и бобовый росток

Английская сказка

Перевод Г. Кружкова

Давным-давно, а точнее сказать — не припомню когда, жила на свете бедная вдова с сыном. Помощи ждать им было неоткуда, вот и впали они в такую нужду, что порой не оставалось ни горсти муки в доме, ни клочка сена для коровы.

Вот однажды мать и говорит:

— Видно, делать нечего, Джек, придется нам продать корову.

— Почему? — спросил Джек.

— Он еще спрашивает, почему! Да чтобы купить хлеба на прокорм, глупая твоя голова!

— Ладно, — согласился Джек. — Завтра же утром отведу Бурую на базар. Возьму за нее хорошую цену, не беспокойся.

На другой день рано утром Джек встал, собрался и погнал корову на базар. Путь был не близкий, и Джек не раз сворачивал с пыльной дороги, чтобы самому отдохнуть в тени и дать корове пощипать свежей травы.

Вот так сидит он под деревом и вдруг видит: бредет навстречу какой-то чудной коротышка с тощей котомкой за спиной.

— Добрый день, Джек! — сказал чудной коротышка и остановился рядом. — Куда это ты путь держишь?

— Добрый день, уж не знаю, как вас по имени, — отозвался Джек. — Иду на базар продавать корову.

— Продай ее мне, и дело с концом, — предложил коротышка.

— С удовольствием, — ответил Джек. — Все лучше, чем топтать по жаре туда-обратно. А много ли вы за нее дадите?

— Столько, что тебе и не снилось!

— Да ну! — засмеялся Джек. — Что мне снилось, про то я один знаю.

А человек между тем снял с плеча свою котомочку, порылся в ней, вынул пять простых бобов и протянул их на ладошке Джеку:

— Держи. Будем в расчете.

— Что такое? — изумился Джек. — Пять бобов за целую корову?

— Пять бобов, — важно подтвердил человек. — Но каких бобов! Вечером посадишь — к утру вырастут до самого неба.

— Не может быть! — воскликнул Джек, разглядывая бобы. — А когда они вырастут до самого неба, тогда что?

— А дальше смотри сам, — отвечал человечек.

— Ну ладно, по рукам! — согласился Джек.

Он устал от ходьбы и от жары и рад был повернуть домой. К тому же любопытство его разобрало: что за диковина такая?

Взял он бобы, отдал коротышке корову. Но куда тот ее погнал, в какую сторону, Джек не заметил.

Кажется, только что стояли они рядом и вдруг пропали — ни коровы, ни чудного прохожего.

Вернулся Джек домой и говорит матери:

— Коровенку я продал. Взгляни, какую мне дали за нее чудную цену. — И показал ей пять бобов.

Увидела мать бобы — и слушать дальше не стала: рассердилась, раскричалась, надавала Джеку тумачков, а бобы его вышвырнула за окошко. Потом села у очага и горько заплакала...

На другое утро проснулся Джек не по-старому. Обычно его солнце будило своим ярким светом в лицо, а теперь в комнате стоял полумрак. «Дождик на дворе, что ли?» — подумал Джек, спрыгнул с постели и выглянул в окошко.

Что за чудеса! Перед самыми его глазами колыхался целый лес стеблей, листьев и свежих зеленых побегов. За ночь бобовые ростки вымахали до самого неба; невиданная чудесная лестница высилась перед Джеком: широкая, мощная, зеленая, сверкающая на солнце.

«Ну и ну! — сказал себе Джек. — Что там матушка ни говори, а цена все-таки недурная за одну старую корову! Пусть меня олухом назовут, если эта бобовая лестница не доходит до самого неба. Однако что же дальше?»

И тут он вспомнил слова вчерашнего человечка: «А дальше смотри сам».

— Вот и посмотрю, — решил Джек.

Он вылез из окна и стал карабкаться вверх по бобовому стеблю.

Он взбирался все выше и выше, все выше и выше. Страшно подумать, как высоко ему пришлось влезть, прежде чем он наконец добрался до неба. Широкая белая дорога пролегла перед ним. Он пошел по этой дороге и вскоре увидел огромный дом, и огромная женщина стояла на пороге этого огромного дома.

— Какое чудесное утро! — приветствовал ее Джек. — И какой чудесный у вас домик, хозяйка!

— Чего тебе? — проворчала великанша, подозрительно разглядывая мальчика.

— Добрая хозяйка! — отвечал Джек. — Со вчерашнего дня у меня не было ни крошки во рту, да и вчера я остался без ужина. Не дадите ли вы мне хоть малюсенький кусочек на завтрак?

— На завтрак! — усмехнулась великанша. — Знай, что если ты сейчас не уберешься отсюда подбурпоздорову, то сам станешь завтраком.

— Как это? — спросил Джек.

— А так, что мой муж — великан, который ест вот таких мальчишек. Сейчас он на прогулке, но если он вернется и увидит тебя — тотчас же сварит себе на завтрак.

Всякий бы перепугался от таких слов, но только не Джек. Голод его был пуще страха. Он так просил и умолял великаншу дать ему хоть что-нибудь перекусить, что та наконец сжалилась, впустила его на кухню и

дала немного хлеба, сыра и молока. Но едва он успел проглотить свой завтрак, как за окном раздались тяжелые шаги великана: бум! Бом! Бум! Бом!

— Ой, выйдет мне боком моя доброта! — всполошилась великанша. — Скорее лезь в печку!

И она быстро запихнула Джека в огромную остывшую печь и прикрыла ее заслонкой. В тот же миг дверь распахнулась и в кухню ввалился страшный великан-людоед.

Он принялся, запыхтел громко, как кузнечный мех, и проревел:

Тьфуй! Фуй! Уф! Ух!
Чую человеческий дух!
Будь он мертвый или живой —
Будет славной мне поживой!

— Видно, стареешь ты, муженек, вот и нюх у тебя притупился, — возразила ему жена. — Пахнет ведь не человеком, а носорогами, которых я сварила тебе на завтрак.

Великан не любил, когда ему напоминали о старости. Ворча и бурча, уселся он за стол и угрюмо съел все, что подала ему хозяйка. После этого он велел ей принести свои мешки с золотом — он имел привычку пересчитывать их после еды для лучшего пищеварения.

Великанша принесла золото, положила на стол, а сама вышла приглядеть за скотиной. Ведь вся работа в доме была на ней, а великан ничего не делал — только ел и спал. Вот и сейчас — едва начал он пересчитывать свое золото, как устал, уронил голову на грудку монет и захрапел. Да так, что весь дом заходил ходуном и затрясся.

Тогда Джек тихонько выбрался из печи, вскарабкался по ножке стола, ухватил один из великанских мешков — тот, что был поближе, — и пустился с ним наутек — за дверь да за порог да бегом по широкой белой дороге, пока не прибежал к верхушке своего бобового стебля.

Там он сунул мешок за пазуху, спустился на землю, вернулся домой и отдал матери мешок с золотом. На этот раз она его не ругала, не давала тумачков, а наоборот — расцеловала и назвала молодцом.

Долго ли, коротко жили они на то золото, что принес Джек, но вот оно все вышло, и они сделались такими же бедняками, как и прежде.

Как быть? Конечно, мать и слышать не хотела о том, чтобы снова отпустить Джека к великану, но сам-то он решил иначе. И вот однажды утром, тайком от матери, он вскарабкался по бобовому стеблю — все выше и выше, выше и выше, до самого неба, — и ступил на широкую белую дорогу. По той широкой белой дороге пришел он к дому великана, смело отворил дверь и оказался на кухне, где жена великана готовила завтрак.

— С добрым утром, хозяйка! — приветствовал ее Джек.

— А-а, это ты! — сказала великанша и наклонилась, чтобы получше разглядеть гостя. — А где мешок с золотом?

— Если б я это знал! — отвечал Джек. — Золото всегда куда-то исчезает, просто чудеса с ним!

— Чудеса? — усомнилась великанша. — Значит, оно не у тебя?

— Сами посудите, хозяйка, пришел бы я к вам просить корочку хлеба, будь у меня мешок золота?

— Пожалуй, ты прав, — согласилась она и протянула Джеку кусок хлеба.

И вдруг — бум! бом! бум! бом! — дом содрогнулся от шагов людоеда. Хозяйка едва успела впихнуть Джека в печь и прикрыть заслонкой, как людоед ввалился в кухню.

Тьфуй! Фуй! Уф! Ух!
Чую человеческий дух!
Будь он мертвый или живой,
Будет славной мне поживой! —

проревел великан.

Но жена, как и в прошлый раз, стала корить его: мол, человеческим духом и не пахнет, просто нюх у него от старости притупился. Великан не любил таких разговоров. Он угрюмо съел свой завтрак и сказал:

— Жена! Притащи-ка мне курицу, которая несет золотые яйца.

Великанша принесла ему курицу, а сама вышла приглядеть за скотиной.

— Клади! — приказал великан, и курочка тотчас же снесла золотое яичко.

— Клади! — приказал он снова, и она снесла второе золотое яичко.

Так повторялось много раз, пока наконец великан не устал от этой забавы. Он уронил голову на стол и оглушительно захрапел. Тогда Джек вылез из печки, схватил волшебную несущку и бросился наутек. Но когда он пробежал по двору, курица закудаhtала, и жена великана пустилась вдогонку — она громко бранила и грозила Джеку кулаком. К счастью, она запуталась в своей длинной юбке и упала, так что Джек как раз вовремя успел добежать до бобового стебля и спуститься вниз.

— Смотри, что я принес, мама!

Джек поставил курочку на стол и сказал: «Клади!» — и золотое яичко покатилося по столу. «Клади!» — и явилось второе золотое яичко. И третье, и четвертое...

С тех пор Джек с матерью могли не бояться нужды, ведь волшебная курочка всегда дала бы им столько золота, сколько они пожелают. Поэтому мать взяла топор и хотела срубить бобовый стебель. Но Джек воспротивился этому. Он сказал, что это его стебель и он сам срубит его, когда будет нужно. На самом деле, он решил еще раз отправиться к великану. А мать Джека задумала срубить стебель в другой раз, потихоньку от Джека, поэтому она спрятала топор неподалеку от бобов, чтобы в нужное время он был под рукой. И вы скоро узнаете, как это пригодилось!

Джек решил снова навестить дом великана. Но на этот раз он не стал сразу заходить на кухню, опасаясь, как бы жена великана не свернула ему шею в отместку за украденную курицу. Он спрятался в саду за кустом, дождался, когда хозяйка выйдет из дома — она пошла набрать воды в ведро, — пробрался на кухню и спрятался в ларь с мукой.

Вскоре великанша вернулась обратно и стала готовить завтрак, а там и ее муж-людоед — бум! бом! бум! бом! — пожаловал с прогулки.

Он шумно втянул ноздрями воздух и страшно завопил:

— Жена! Чую человеческий дух! Чую, разрази меня гром! Чую его, чую!!!

— Наверное, это тот воришка, который стянул курицу, — отвечала жена. — Он, наверное, в печке.

Но в печке никого не оказалось. Они обшарили всю кухню, но так и не догадались заглянуть в ларь с мукой. Ведь никому и в голову не взбредет искать мальчишку в муке!

— Эх, злость разбирает! — сказал великан после завтрака. — Принеси-ка мне, жена, мою золотую арфу^[97] — она меня утешит.

Хозяйка поставила арфу на стол, а сама вышла приглядеть за скотиной.

— Пой, арфа! — велел великан.

И арфа запела, да так сладко и утешно, как и птицы лесные не поют. Великан слушал-слушал и вскоре стал клевать носом. Минута, и он уже храпел, положив голову на стол.

Тогда Джек выбрался из мучного ларя, вскарабкался по ножке стола, схватил арфу и пустился наутек. Но когда он перескакивал через порог, арфа громко зазвенела и позвала: «Хозяин! Хозяин!» Великан проснулся и выглянул за дверь.

Увидел он, как Джек улепетывал по широкой белой дороге с арфой в руках, взревел и бросился в погоню. Джек мчался, как заяц, спасающий свою жизнь, а великан неся за ним огромными прыжками и оглашал все небо диким ревом.

Впрочем, если бы он поменьше ревел и побольше берег силы, то, наверное, догнал бы Джека. Но глупый великан запыхался и замешкался. Он уже было и руку протянул на бегу, чтобы схватить мальчишку, но тот успел все-таки добежать до бобового стебля и стал быстро-быстро карабкаться вниз, не выпуская арфы из рук.

Великан остановился на краю небес и призадумался. Он потрогал и даже покачал бобовый стебель, прикидывая, выдержит ли тот его тяжесть. Но в это время арфа еще раз позвала его снизу: «Хозяин! Хозяин!» — и он решился: облапил обеими ручищами стебель и стал карабкаться вниз. Дождем летели сверху листья и обломки веток, гнулась и качалась вся огромная зеленая лестница. Джек взглянул вверх и увидел, что великан его настигает.

— Мама! Мама! — закричал он. — Топор! Неси скорее топор!

Но топора долго искать не пришлось: как вы помните, он уже был спрятан в траве под самым бобовым стеблем. Мать схватила его, выждала момент и, едва Джек спрыгнул на землю, с одного удара перерубила стебель. Дрогнула громада, заколебалась — и рухнула наземь с великим шумом и треском, а вместе с нею с великим шумом и треском рухнул наземь великан и расшибся насмерть.

С этих пор Джек с матерью зажили счастливо и безбедно. Они построили себе новый дом взамен своего старого, обветшало домика. Говорят даже, что Джек женился на принцессе. Так ли это, не знаю. Может быть, и не на принцессе. Но то, что жили они долгие-долгие годы в мире и согласии, это правда. А если порой и навещало их уныние или усталость, Джек доставал золотую арфу, ставил ее на стол и говорил:

— Пой, арфа!

И вся их печаль рассеивалась без следа.

Юный Роланд

Английская сказка

Перевод Г. Кружкова

[98]

ри брата возле замка в мяч

Играли поутру,
И леди Эллен, их сестра,
Глядела на игру.

Коленом Роланд мяч поймал,
Носком его подбил,
Ударил посильней — и мяч
За церковь угодил.

Пустилась Эллен за мячом,
Резва и весела,
Умчалась Эллен за мячом —
И больше не пришла.

Искали братья день и ночь
Повсюду, где могли,
И горько плакали они,
Но Эллен не нашли.

Тогда отправился старший брат к волшебнику Мерлину[99] и спросил, не знает ли тот, где искать леди Эллен.

— Прекрасную леди Эллен, — ответил Мерлин, — похитили эльфы[100] — из-за того, что она обошла церковь *превратно*, то есть против хода солнца. Теперь она в Мрачной башке короля эльфов; много нужно отваги, чтобы добыть ее оттуда.

— Если это только возможно, — воскликнул старший брат, — я спасу ее или сам погибну!

— Это возможно, — сказал волшебник Мерлин. — Но горе всякому рожденному женщиной — воину или рыцарю, — кто отважится на это, не узнав заранее, что ему нужно делать и чего остерегаться.

Старший брат леди Эллен был смелый рыцарь, опасность не могла остановить его.

Стал он просить волшебника поведать ему все, что нужно делать и чего остерегаться, чтобы освободить сестру. Повторил, запомнил каждое слово волшебника и отправился в страну эльфов.

И долго в замке ждали дня,
Когда вернется брат,
Но — горе любящим сердцам! —
Он не пришел назад.

Наконец среднему брату надоело ждать. Так же, как и старший брат, он отправился к волшебнику Мерлину, расспросил его обо всем и пустился в путь — искать страну эльфов.

И долго ждали дня, когда
Вернется средний брат,
Но — горе любящим сердцам! —
Он не пришел назад.

Тогда настала пора юному Роланду — младшему из братьев леди Эллен — собираться в дорогу. Он пришел к своей матери, доброй королеве, и попросил ее благословения. Сперва она не соглашалась его отпустить — ведь это был последний оставшийся у нее сын, к тому же самый любимый. Но Роланд просил и умолял до тех пор, пока мать не дала ему своего благословения. Она вручила ему отцовский меч — клинок, разящий без промаха, — и заговорила его старинным заговором, приносящим победу.

Юный Роланд распрощался с доброй королевой, своей матерью, и направился в пещеру волшебника Мерлина.

— О мудрый Мерлин, — промолвил он, — не откажи поведать еще раз, каким образом может рожденный женщиной воин или рыцарь освободить леди Эллен и двух моих братьев из-под власти короля эльфов?

— Добро, сын мой, — отвечал волшебник. — Скажу тебе, что нужно делать и чего остерегаться. Делать нужно вот что: кто бы с тобой ни заговорил в стране эльфов, нужно обнажить меч и рубить ему голову с плеч. Остерегаться же нужно вот чего: ни куска еды, ни глотка воды нельзя проглотить в стране эльфов, как бы ни томили тебя голод и жажда. Кто съест хоть кусок или выпьет глоток, тот навеки останется в заклятой стране и никогда больше не увидит белого света.

Юный Роланд повторил и затвердил эти слова наизусть, поблагодарил Мерлина и отправился дальше. Он шел и шел и прошел немалый путь, пока не набрел на табун коней, что паслись среди луга. По их бешеным, сверкающим глазам он сразу признал коней короля эльфов и понял, что недалек от цели.

— Скажи-ка, — спросил он табунщика, — где мне найти Мрачную башню короля эльфов?

— Этого я тебе не скажу. Ступай дальше, встретишь коровьего пастуха, может быть, он скажет, — отвечал табунщик.

Тогда, не говоря лишнего слова, обнажил Роланд свой меч — клинок, разящий без промаха, — и срубил ему голову с плеч. Пошел он дальше, встретил пастуха со стадом коров, задал ему тот же вопрос.

— Ступай дальше, — отвечал коровий пастух. — Встретишь птичницу; может быть, она скажет.

Тогда вновь обнажил Роланд свой меч и срубил ему голову с плеч. Пошел он дальше, видит, старуха пасет гусей, спрашивает:

— Как мне найти Мрачную башню короля эльфов?

— Ступай дальше, — ответила птичница, — пока не увидишь круглый зеленый холм, идущий уступами от подножья к вершине. Трижды обойди кругом против солнца и трижды повтори:

Отворитесь, врата!
Пропустите меня!

На третий раз врата откроются, и ты войдешь.

Поблагодарил Роланд старуху и поспешил было в путь, да вспомнил наказ волшебника, вытащил меч и срубил ей голову с плеч.

И хорошо сделал, ибо это все были оборотни[101] и призраки, посланные королем эльфов, чтобы заманить его в ловушку.

Пошел он дальше и в скором времени увидел перед собой зеленый холм, восходящий уступами от подножья к вершине. Трижды обошел он его кругом, против хода солнца, трижды повторил:

Отворитесь, врата!
Пропустите меня!

На третий раз врата отворились, пропустили его и снова с лязганьем захлопнулись за спиной. Роланд очутился в темноте. Правда, это была не сплошная тьма, а скорей, полумрак. Слабый мерцающий свет исходил неведь откуда — ведь ни окон, ни факелов, ни свечей не было в Мрачной башне. Длинный коридор уводил вдаль, и его грубые своды из полупрозрачных глыб сверкали прожилками слюды и золотистого колчедана[102]. Но хотя кругом был камень, воздух внутри холма оставался теплым, как это всегда бывает в стране эльфов.

Роланд дошел до конца коридора и увидел окованные железом двустворчатые двери. От его прикосновения они вдруг широко распахнулись, и невиданное зрелище предстало перед ним — громадный зал, такой величественный и просторный, что, казалось, он размахнулся во всю ширину и высоту зеленого холма.

Купол зала поддерживали могучие колонны, украшенные золотой и серебряной резьбой, а между колоннами висели гирлянды цветов, составленных — из чего бы вы думали? — из алмазов, изумрудов и всевозможных драгоценных камней. И самые венцы высоких арок сверкали гроздьями самоцветов; а посередине, где сходились все арки, на золотой цепи висел светильник в виде огромной жемчужины, полой внутри и совершенно прозрачной. В центре жемчужины вращался и сиял гигантский карбункул[103], и его лучи расходились по залу, окрашивали воздух и стены в пламенеющие краски заката.

Зал был убран с дивной роскошью; в дальнем его конце, на ложе из пурпурного атласа и шелка, сидела леди Эллен и расчесывала свои золотые волосы серебряным гребнем. Но лицо ее было неподвижно и бесстрастно, словно каменная маска. При появлении Роланда она не двинулась с места, а лишь произнесла глухим, замогильным голосом:

Глупец несчастный, простодушный!
Зачем ты здесь? Что тебе нужно?

Первым порывом Роланда было броситься к сестре и заключить ее в объятия, но суровые слова удержали его. И вдруг он вспомнил урок великого волшебника Мерлина. Не долго думая, вытащил Роланд отцовский меч, закрыл глаза и ударил с размаху по этому наваждению в облик леди Эллен.

И когда он снова взглянул, дрожа и ужасаясь, — о радость! — перед ним стояла сестра, живая и

невредимая. Слезы брызнули из ее глаз, когда она прижала Роланда к груди и промолвила с глубокой печалью:

О, для чего ты, милый брат,
Покинул дом родной?
Не сто ведь жизней у тебя,
Чтоб жертвовать одной.

Сестра заплачет по тебе,
И зарыдает мать;
Когда придет король-колдун,
Тебе несдобровать!

Они уселись рядом, и юный Роланд поведал сестре о своих приключениях, а леди Эллен рассказала, что два их старших брата тоже добрались до Мрачной башни короля эльфов, но коварный чародей околдовал их и заключил заживо в гробницу. Увы! Они не сумели в точности исполнить наказ Мерлина, не решились ударить мечом, когда перед ними предстало наваждение в облике сестры.

Так они говорили между собой, и спустя некоторое время юный Роланд почувствовал, как он проголодался в дороге, и попросил сестру принести еды.

Печально посмотрела на него леди Эллен, но ничего не сказала — ибо колдовские чары еще властвовали над ней; она встала и принесла хлеб и молоко на золотом подносе.

Роланд протянул руку к хлебу и молоку, но в последний миг поднял взгляд на сестру и прочел в ее глазах такую тоску, что, озаренный догадкой, вскочил на ноги, швырнул на пол поднос с угощением и воскликнул:

— Ни глотка я не выпью, ни куска не проглочу, пока не освобожу леди Эллен и моих братьев!

Словно гром прогремел в ответ, словно вихрь прошумел — двери распахнулись, и в зал ворвался король эльфов:

ТЬФУЙ! ФУЙ! УФ! УХ!
ЧЮЮ ЧЕЛОВЕЧИЙ ДУХ!
СРАЖАЙСЯ ОН ИЛИ БЕГИ —
Я ВЫШИБУ ЕМУ МОЗГИ!

— А ну, попробуй, бесовское отродье! — закричал Роланд, выхватил свой клинок, разящий без промаха, и бросился вперед.

Долго и жестоко бились они; наконец Роланд поверг на колени короля эльфов и заставил его просить пощады.

— Я пощажу тебя, если ты снимешь чары с моей сестры, освободишь моих братьев и дашь нам свободно уйти отсюда.

— Согласен, — ответил король эльфов.

Он поднялся с колен, открыл свой сундук и достал оттуда хрустальный фиал [\[104\]](#) с кроваво-красным зельем. Этим зельем он смазал уши, веки, ноздри, губы и кончики пальцев двух братьев, лежащих, подобно мертвым, в золотых гробницах. И они очнулись и встали как ни в чем не бывало.

Колдун прошептал заклинание и снял чары с леди Эллен. И вот три брата со своей любимой сестрой вышли из огромного зала, залитого алым закатным светом, прошли по длинному коридору вдоль мерцающих каменных сводов с прожилками слюды и золотистого колчедана, и тяжелые входные ворота

Мрачной башни, лязгнув, пропустили их на волю.

Они вернулись домой к доброй королеве, своей матери, и с тех пор леди Эллен остерегалась обходить церковь превратно.

Владыка из владык

Английская сказка

Перевод Г. Кружкова

дна девушка нанималась в услужение к пожилому чудаковатому джентльмену.

Спрашивает он ее:

— Как ты будешь меня называть?

— Хозяином, или баринном, или как вам будет угодно, сэ, — отвечает девушка.

— Ты должна меня называть «владыкой из владык». А как ты назовешь это? — спрашивает он, указывая на свою кровать.

— Кровать, или постель, или как вам будет угодно, сэ.

— Ты должна называть это «отдыхалищем». А это? — спрашивает джентльмен, указывая на свои панталоны.

— Штаны, или брюки, или как вам будет угодно, сэ.

— Ты должна называть их «фары-фанфары». А это? — спрашивает он, указывая на кошку.

— Кошка, или киса, или как вам будет угодно, сэ.

— Ты должна называть ее «Фелиция белолица». А как ты назовешь это? — спрашивает он, указывая на воду.

— Вода, или влага, или как вам будет угодно, сэ.

— Ты должна называть это «мокромундией». А это? — указывает он на огонь.

— Огонь, или пламя, или как вам будет угодно, сэ.

— Ты должна называть это «красным петухалиусом». А это? — указывает он на свой дом.

— Дом, или особняк, или как вам будет угодно, сэ.

— Ты должна называть это «громадой поднебесной».

В ту же ночь хозяина будит испуганный вопль служанки:

— Владыка из владык! Слезайте скорее с отдыхаща да надевайте ваши фары-фанфары! Фелиция белолица опрокинула свечку, так что если вы сейчас же не побежите за мокромундией, красный петухалиус спалит всю вашу громаду поднебесную!

Портной и феи

Английская сказка

Перевод Г. Кружкова

прежние времена портные не сидели на одном месте, а ходили пешком по деревням и предлагали людям свои услуги: пошить или починить одежду.

Один такой портной, по имени Томас, работал как-то на хуторе Норт-Райдинг в Йоркшире [\[105\]](#) да за работой беседовал о том о сем с хозяйкой. Увидел Томас, как она налила в мисочку свежих сливок и выставила ее за порог для домовенка, или маленького брауни, и спрашивает:

— Неужели вы и вправду верите в домовых, эльфов и всяких там фей?

— А то как же! — отвечала жена фермера.

— А я, — усмехнулся Томас, — если б я когда-нибудь повстречал фею... я взял бы эту феечку и посадил в бутылочку, чтоб не проказничала.

— Тсс! — испуганно прошептала женщина. — Как бы вас не услышала какая-нибудь фея. Они, знаете ли, бывают довольно злопамятны, если их обидеть.

— Подумаешь, как страшно, — хмыкнул Томас, перекусил нитку и разгладил рукавный шов на особой портняжной дощечке. — А я утверждаю, что никаких фей не существует.

— И очень глупо, — сказала жена фермера.

Стало смеркаться. Портной окончил свою работу, сложил иголку, нитки да ножницы в сумку, взял под мышку портняжную доску.

— Надо бы успеть домой до темноты. Жена, наверное, заждалась.

— Вот, возьмите для вашей женушки, — сказала хозяйка. — Это пирог из домашней поросятинки, ей понравится.

— Спасибо, — ответил Томас. — Спокойной ночи.

— Будьте осторожней, — донеслось к нему на прощанье, — берегитесь фей!

— Тьфу на них! — откликнулся портной и быстро зашагал домой.

Сначала он шел по тропинке, но потом решил срезать путь и пройти напрямик через поле. Когда портной перелезал через изгородь, он неловко взмахнул сумкой и выронил на землю ножницы.

Пришлось положить сумку и портняжную доску и заняться поисками ножниц. Казалось бы, ножницы — не иголка, да никак почему-то не хотели они отыскаться.

— Вот незадача, — ворчал Томас. — Ножницы для портного — наипервейшая вещь, да еще такие отличные! Ладно. Вернусь утром на это место и отыщу.

Он поднял свою сумку и пирог... но где же портняжная доска? Куда она могла запропасться? Он

снова положил пирог и сумку, обшарил все вокруг на коленях — и впустую.

«Ну и дьявол с ней, — подумал он. — Все равно до утра никто не возьмет. Отправлюсь-ка я домой да поем с женой пирога, пока он еще свеж».

Не тут-то было! Он поднял сумку, но никакого пирога рядом не оказалось. Он излезил на четвереньках чуть не весь луг, но не нашел ничего, кроме камней и колючек. Осталось только облизнуться, вспоминая о пироге, и отправиться домой налегке, с одной сумкой.

Томас вернулся назад, к тому месту, где оставил сумку, но ее там не было! Он подумал, что ошибся местом, однако все приметы сходились — вот изгородь, вот большой валун, только сумка исчезла.

— Эх, был бы фонарь! — простонал Томас. — Что же теперь мне делать — без иголки и ниток, без ножниц и моей портняжной сумки?

Он повернул было к дому... только где ж он, его дом? Он столько бродил и кружил в поисках своих вещей, что совсем сбился с пути, а ночь была черна, как яма.

И вдруг, к великой своей радости, он заметил впереди огонек. Словно кто-то медленно шел с фонарем по лугу.

— Сюда! — позвал Томас. — Эй, с фонарем! Сюда!

— Сам иди сюда! Сам иди сюда! — отозвался насмешливый голосок.

Портной побрел на свет, но таинственный огонек тоже не стоял на месте: он то приближался почти вплотную, — кажется, только руку протяни и схватишь! — то вдруг исчезал и вспыхивал где-то вдалеке, на краю поля.

Томас по колено измазался в глине буераков, расцарапал терновником лицо, изорвал одежду. Он преследовал блуждающий огонек, пока вконец не выбился из сил и не отчаялся.

Огонек окончательно пропал. Стало светать. Портной услышал звяканье молочных бидонов на ферме, оглянулся и увидел перед собой тот же хутор и тот же двор, из которого он вчера вышел. А рядом на траве лежали все его потерянные вещи!

Томас был слишком измучен, чтобы идти домой в свою деревню. Он постучал в знакомую дверь. Увидела его хозяйка и всплеснула руками от изумленья:

— Господи! Что с вами стряслось?

Она помогла портному почистить одежду и накормила его завтраком, а потом вдруг улыбнулась и спросила:

— Ну как? Посадили феечку в бутылочку?

Но Томас ничего не ответил. И никогда в жизни не говорил больше о феях дурного слова.

Шотландские сказки

Битва птиц

Шотландская сказка

Перевод Г. Кружкова

Расскажу вам историю про воробья.

Один фермер искал себе работника. Проведал про то воробьишка, прилетел к нему наниматься.

— Да что от тебя толку? — удивился фермер.

— А ты меня испытай.

Хорошо. Для начала задал ему фермер такую работу: зерно молотить в амбаре. Взял воробьишка цеп и давай молотить-колотить. Выколотил одно зернышко, а мышка подбежала и съела его.

— Пожалуйста, больше так не делай, — предупредил воробей.

Стал он снова молотить-колотить и выколотил два зернышка. И снова их съела мышка.

— Ах ты, негодница! — возмутился воробей.

Подскочила мышь, хотела лягнуть его, но воробей взмахнул цепом и зашиб ей ножку.

— Будем завтра сражаться, — сказала мышь. — Выводи свое птичье войско, поглядим, кто сильнее.

— И ты выводи свое войско, — отвечал воробей.

Назавтра все птицы и твари собрались на решающую битву. Явился и королевич из Тетертауна посмотреть на это зрелище. Правда, когда он пришел, все поединки уже окончились, кроме последнего — между вороном и змеей. Ворон ухватил змею клювом за загривок. Но и змея успела обвиться вокруг вороновой шеи тугим, безжалостным кольцом. Казалось, победа будет на ее стороне. Когда королевич увидел это, он решил помочь ворону. Одним ударом он отсек змее голову. Отдышался ворон и говорит:

— Ты спас меня, королевич; за это я отблагодарю тебя. Садись ко мне на спину.

Только сел королевич, как ворон взмахнул крыльями и перенес его через девять вершин, через девять долин, через девять озер.

— Видишь дом на опушке? — спросил его ворон. — Там тебя встретят, как желанного гостя. Если спросит хозяйка, видел ли ты битву птиц, отвечай: видел! Если спросит, кто победил, змей или ворон, отвечай: ворон! И не будет тебе ни в чем недостатка — ни в яствах, ни в питье. Переночуешь — встретимся с тобой снова.

На другой день ворон снова поднял королевича и перенес его через шесть вершин, через шесть долин, через шесть озер. В другом доме, где тоже ждали известия о битве птиц, встретил королевич радушный прием и ночлег.

На третий день перенес его ворон через три вершины, через три долины, через три озера, пока не спустились они возле красивого дома на холме.

— Здесь живу я сам, — объяснил ему ворон. — А прежде ты ночевал у сестер моих любимых.

Как вошли они в горницу, ударился ворон об пол и превратился в черноглазого статного юношу.

— Злой колдун обратил меня в ворона, и лишь встреча с тобой разрушила колдовство. Возьми в подарок от меня эту котомку, но смотри не открывай ее, пока не придешь в такое место, где захочешь навсегда поселиться.

На следующее утро распрощался королевич с добрым юношей, взял котомку и пустился в обратный путь.

Долго ли, коротко он шел — недалеко уже было до родных мест, — когда дорога привела его в глухой, дремучий лес. Видно, устал он: тяжела показалась ему ноша. Охота одолела взглянуть: что там внутри?

Открыл — и что бы вы думали? Тотчас вырос перед ним дворец, окруженный прекрасным садом. Жить бы и жить в таком дворце, но не здесь, посреди дремучего, страшного леса, а там, в родной стороне, вблизи отцовского дома! Как быть?.. Тут из-за деревьев выходит к нему великан и говорит:

— Худое место избрал ты для своего дома, королевич.

— Правда, — отвечает королевич. — Правда и то, что ненароком это вышло.

— Что бы ты дал, если б я засунул твой дворец и сад обратно в котомку?

— А что ты попросишь?

— Отдай мне своего сына, своего первенца, как только сравняется ему семь лет.

«Будет ли еще у меня сын! — подумал королевич. — А может быть, дочка родится». И говорит:

— Согласен.

В мгновение ока засунул великан дворец и сад обратно в котомку.

— Смотри же, — предупредил, — не забудь обещания. А забудешь, так сам напомню.

Возвратился королевич в родные края, в тихой долине вблизи отчего дома развязал котомку — и вырос перед ним дворец. Прекрасная девушка встретила и приветила его во дворце.

— Добро пожаловать, королевич, — сказала она. — Здесь все к твоим услугам. А если ты захочешь, я стану тебе женой.

В тот же день они поженились. Много времени миновало; и вот однажды, в тот самый день, когда их сыну исполнилось семь лет, явился к ним великан и напомнил про старый уговор. Королевич (который к тому времени сам уже стал королем) растерялся, не знает, что ответить.

— Предоставь это дело мне, — шепнула королева мужу, а великану громко сказала: — Будь по-твоему. Только придется тебе подождать, пока я соберу сына в дорогу.

Пошла она, нарядила сына повара в богатую одежду и отдала великану. Думает: не догадаться ему о подмене.

А коварный великан дошагал до леса, остановился, сломал ореховый прут и спрашивает:

— Будь у твоего папаши такой прут, что бы он сделал?

— Он бы взял этот прут и прогнал с кухни всех собак и кошек, лакомых до королевского пирога, —

отвечает мальчик.

— Так значит, твой отец — повар! — закричал великан и с досады швырнул его прямо в крапиву.

Возвратился великан ко дворцу, требует исполнить по уговору. Нарядила королева тайком сына огородника и отдала великану. Дошагал тот до реки, сломал ореховый прут и спрашивает:

— Будь у твоего папаши такой прут, что бы он сделал?

— Он взял бы этот прут и прогнал из огорода всех свиней и кур, лакомых до королевских овощей, — отвечает мальчик.

— Так значит, твой отец — огородник! — закричал великан и с досады швырнул его прямо в речку.

Возвратился великан, разъярился хуже прежнего, требует исполнить все по уговору. Делать нечего: отдали ему королевского сына.

Дошагал великан до высокой горы, сломал ореховый прут, спрашивает:

— Будь у твоего папаши такой прут, что бы он сделал?

— У моего отца есть прутик покрасивее: золотой, с цветными камушками, — отвечает мальчик.

— Что же он делает с этим красивым прутиком?

— Он сидит на своем королевском троне и держит его в правой руке, чтобы все слушались!

Усмехнулся великан: понял, что на этот раз его не обманули. Привел он королевича к себе домой, воспитал его, как родного сына. День проходит за днем и год за годом; настал час, когда великан призвал королевича к себе и объявил:

— Пора тебе жениться. Есть у меня две дочери: черноволосая да белокурая. Выбери, которая тебе больше нравится.

А надо вам сказать, что у великана была и третья дочь, младшая. Звали ее Рыжекудрая Мэри. Пуще глаза стерег ее отец, скрывал от чужих глаз. Да только королевич успел и повидать ее, и полюбить.

— Коли так, — отвечает он, — отдай за меня меньшую дочь, Мэри.

Как услышал это великан, взъярился:

— Многого ты захотел! Исполни прежде три моих желания. Не сумеешь — прощайся с жизнью!

— Согласен, — отвечает королевич.

— Во-первых, вычисти хлев, где я держу сто коров и быков; уж семь лет, как там не чищено. Да так вычисти, чтоб золотое яблоко по полу прокатить из конца в конец и ни пятнышка на нем не сыскать.

Взялся молодец за дело. Полдня трудился, семь раз потом умылся, а дело почти ни с места. Подошла к нему младшая великанова дочка, спрашивает:

— Как работа идет?

— Не работа, а сущее наказание, — отвечает королевич.

— Не тужи зря. Присядь и отдохни!

Послушался королевич. Присел рядом с Мэри да незаметно задремал. Задремал на минутку, а проспал часок. Просыпается — Мэри рядом нет, а хлев вычищен так, что прокати золотое яблоко из конца в конец — ни пятнышка на нем не сыщешь. Увидал великан чистый хлев, сморщился недовольно:

— Кто-то помог тебе.

— Уж не ты ли? — улыбнулся королевич.

— Рано радуешься. К завтрашнему утру покрой мне этот хлев крышей из птичьих перьев, да так, чтобы не сыскать в ней двух одинаковых перышков.

Делать нечего, взял молодец лук со стрелами, пошел по лугам, по болотам дичь стрелять. Полдня проходил, семь потов спустил, а все без толку. Откуда ни возьмись — Рыжекудрая Мэри:

— Устал, охотничек?

— Да притомился малость.

— А ты присядь, отдохни.

Присел он рядом с Мэри и задремал. Задремал на минутку, а проспал до утра. Поутру смотрит: все исполнено.

— Кто-то помог тебе, — проворчал великан.

— Уж не ты ли? — весело отозвался королевич.

— Погоди радоваться. Видишь вон ту сосну? На сосне — сорочье гнездо, а в гнезде пять яиц. Сваришь мне на завтрак эти яйца всмятку; а разобьешь хоть одно — пеняй на себя.

А сосна, скажу я вам, была такой вышины, что другой подобной и не сыскать. До нижних веток — триста сажен голого ствола, не меньше. Попробуй влезь!

Призадумался королевич, а верная Мэри — тут как тут.

— Эта задача, — говорит, — потрудней других. Есть только одно средство. Смотри и не бойся.

Взяла Мэри кинжал, отрубила себе все пальцы на руках и ногах, подкинула их вверх. Приросли ее пальчики к сосне, сделались лесенкой.

— Теперь взбирайся, мой милый, не мешкай. Достанешь сорочьи яйца и спускайся назад; да только смотри: дотронься рукой до каждой ступеньки, не пропусти ни единой. А то не досчитаться мне пальца на руке или на ноге.

Вскарабкался королевич на вершину сосны, достал из сорочьего гнезда пять яиц и спустился на землю. И все пальчики Мэри спрыгнули к ней обратно и приросли каждое к своему месту, кроме мизинчика на левой руке, которого забыл коснуться королевич, — пропустил он в спешке одну ступеньку.

Получил великан сорочьи яйца на завтрак.

— Твое счастье, хитрец, — сказал он. — Значит, будем свадьбу играть.

Свадьба была долгая и шумная. Гости-великаны ели и пили без передышки, а потом пошли танцевать. Вот это были танцы! Просто чудо, как весь дом не развалился. Наконец настало время молодым отправляться отдыхать. Но и тут великан устроил испытание. Он одел своих дочерей в одинаковые пышные платья, волосы и лица прикрыл длинными накидками — и велел королевичу угадать, где его невеста. Мол, ошибешься — пеняй на себя!

А как угадаешь, если дочери великана одного роста и не видно ни лица, ни волос? Переводит юноша взгляд с одной на другую и вдруг замечает, как одна из девушек чуть заметно пошевелила рукой; глядь, а на левой руке у нее мизинчика не хватает.

— Вот моя невеста, Рыжекудрая Мэри! — указывает королевич.

Крякнул великан с досады: снова его уловка не удалась.

Вот покинули королевич и Мэри пир, пришли в опочивальню, она ему шепчет:

— Если ты сегодня уснешь — пропадешь: отец убьет тебя. Одно нам спасенье — бежать, и не мешкая.

Вышли они потихоньку, оседлали лохматую сивую кобылку.

— погоди, — говорит Мэри. — Придумала я одну шутку, перехитрим старика.

Вернулась в дом, разрежала яблоко на девять долек, положила две дольки в изголовье постели, еще две дольки — в изножье, еще две — возле двери в кухню, еще две — возле двери наружной и последнюю дольку — за порогом. Ускакали они.

Проснулся великан и позвал:

— Спите вы или нет?

— Нет еще! — отозвались яблочные дольки в изголовье постели.

Выждал он немного времени и снова позвал:

— Спите вы или нет?

— Нет еще! — отозвались яблочные дольки в изножье постели.

Выждал он и снова позвал:

— Спите вы или нет?

— Нет еще! — отозвались яблочные дольки возле двери в кухню.

— Что это вам не спится? — спросил великан.

— Нет еще! — отозвались дольки возле наружной двери.

— Куда это вы уходите? — встревожился великан.

— Нет еще! — отозвалась яблочная долька на дворе.

— Удирают! — завопил великан и вскочил на ноги.

Подбежал он, ощупал их постель — а постель давным-давно пустая, холодная.

— Это дочкины шутки, — проскрипел великан сквозь зубы и бросился в погоню.

— Чую, настигает нас отец, — говорит Мэри. — Засунь-ка руку в ухо сивой кобылки: что там найдешь, бросай на дорогу.

Вытащил королевич из уха кобылки веточку терна, бросил на дорогу. Тотчас позади них вырос терновый лес, да такой густой, что и хорьку не прошмыгнуть. Бросился великан напролом очертя голову, застрял в колючках.

— Снова дочкины шутки, — пробурчал он. — Был бы при мне мой топор, недолго бы я тут задержался.

Сбежал он домой, принес топор, да как начал им помахать! Полчаса не прошло — прорубился он сквозь терновник.

— Оставлю-ка я здесь топор, а на обратном пути заберу.

— Украдем твой топор, украдем! — прокаркала ворона с ветки.

— Коли так, придется мне его домой отнести.

Сбежал он домой, отнес топор и снова пустился в погоню.

— Чую, настигает нас отец. Пошарь-ка опять в ухо кобылки: что там найдешь, бросай на дорогу.

Пошарил королевич в ухе сивой кобылки, нашел там серый камушек, бросил его на дорогу. Тотчас у них за спиной выросла каменная гора — да такая, что ни перелезть, ни объехать.

— Снова дочкины шутки! — пробурчал великан. — Были бы сейчас при мне мои кирка и молот, недолго бы я здесь задержался.

Сбежал он домой, принес кирку и молот, да как начал ими помахивать! Четверти часа не прошло — прорубился он сквозь гору.

— Оставлю-ка я тут свой молот и кирку, а на обратном пути заберу.

— Украдем кирку, украдем! — прокаркала ворона со скалы.

— Ну и крадите! Никогда возвращаться. — И бросился в погоню.

Снова почувяла Рыжекудрая Мэри, что отец настигает.

— Пошарь-ка еще раз в ухе кобылки — беда за спиною!

Послушался королевич, пошарил в ухе сивой кобылки, достал оттуда пузырь с водой и бросил на дорогу. Тотчас огромное озеро разлилось у них за спиной, широкое и глубокое.

Хотел было великан с размаху его перескочить, да не допрыгнул: упал посередине и утонул.

Весь день скакал королевич с женой на сивой кобылке. К вечеру подъехал он к родительскому дому.

— Ступай сперва один, — сказала Мэри, — расскажи отцу с матерью обо мне, а я тебя подожду здесь, у колодца. Только смотри не позволяй никому целовать тебя — ни единому живому существу! — не то забудешь меня навсегда.

То-то радость была во дворце, когда вернулся королевич! Но он помнил слова Мэри и не позволил ни отцу, ни матери поцеловать себя. Все было бы хорошо, да, к несчастью, старая охотничья собака узнала хозяйского сына, с радостным лаем бросилась ему на грудь и лизнула прямо в губы. В тот же миг забыл королевич о дочери великана, словно и не встречал ее никогда.

Ждала, ждала его Мэри, пока темнота не настала. Тогда она забралась на старый дуб, росший возле колодца, и устроилась на ночь в развилке сучьев.

Поутру пришла Сапожникова жена за водой, заглянула в колодец, а оттуда на нее смотрит такая красавица, что глаз не оторвать. Подумала Сапожникова жена, что это ее собственное отражение, вернулась домой, швырнула пустое ведро на пол и говорит мужу:

— Ах ты, старичина-дурочина! Как ты смеешь такую красавицу писаную посылать за водой да за дровами?

— Да ты, должно быть, рехнулась, — отвечает сапожник. — Ладно; сходи-ка ты, дочка, за водой к колодцу.

Пошла сапожникова дочка за водой, и с ней случилось то же самое.

Вернулась она с пустым ведром и кричит отцу:

— Неужели ты думаешь, чурбан неотесанный, что я, такая красавица, буду твоей прислужницей?

Решил сапожник, что они обе в уме повредились, пошел сам за водой. Заглянул он в колодец, увидел там девичье лицо, оглянулся и видит: сидит на дубу красавица, да такая, что глаз не оторвать.

— Шаткая у тебя скамейка, красавица! — сказал сапожник. — Слезай на землю. Будешь гостьей в моем доме, сколько тебе захочется.

Стала Мэри жить в доме у сапожника. Ничем он ее не обделял, ни о чем не расспрашивал. Спусти

несколько дней вызвали его во дворец. Королевский сын собрался жениться, так на свадьбу жениху и невесте заказали новые башмаки.

— Как бы мне хотелось хоть краем глаза взглянуть на королевского сына, — сказала Мэри.

— В чем же дело? Вот как сошью башмаки, пойдем вместе. Слуги меня знают. Они разрешат нам посмотреть на пир и на свадьбу.

И вот пришли они во дворец. Когда придворные увидели прекрасную незнакомку, они обрадовались, пригласили ее в пиршественную залу, усадили за стол и поднесли бокал вина.

Взяла она в руку бокал, не спеша поднесла к губам... И вдруг красным пламенем полыхнуло вино, и вылетели из него два голубя — золотой и серебряный.

Они стали порхать по залу, и кто-то из гостей бросил на пол несколько крошек. Тотчас серебряный голубь подскочил и все склевал.

— Если бы ты вспомнил, как я вычистила хлев, ты бы поделился со мной, — промолвил золотой голубь.

Снова кто-то бросил несколько крошек, и снова серебряный голубь первым подскочил и склевал их.

— Если бы ты вспомнил, как я сделала крышу из птичьих перьев, ты бы поделился со мной, — промолвил золотой голубь.

И вновь упали на пол несколько крошек, и вновь все склевал серебряный голубь.

— Если бы ты вспомнил, как я помогла тебе залезть в сорочье гнездо, ты бы поделился со мной, — промолвил золотой голубь. — Я потеряла тогда свой мизинчик на левой руке: посмотри, его до сих пор не хватает.

Взглянул тогда королевич на незнакомку, и словно в сердце его кольнуло: вспомнил он все, что с ним было.

— Так случилось, — обратился он к гостям, — что, когда я был немного помоложе, потерялся у меня ключ от шкатулки. Заказал я другой, но в тот самый день, когда его принесли, нашелся мой старый ключ. Как мне теперь быть, какой ключ сохранить — старый или новый?

— Мой совет тебе, — заметил один из гостей, — сохранить старый ключ, потому что он лучше подходит к замку и тебе он привычней.

Тогда поднялся королевич и сказал:

— Благодарю за мудрый совет и правдивое слово. Вот перед вами моя невеста, дочь великана, которая спасла мою жизнь, хоть и рисковала своей собственной. Только ее одну назову я своей женой.

Тут сел королевич рядом с Рыжекудрой Мэри, и свадебный пир пошел еще шумней и веселей прежнего.

Там, сказать вам по правде, и меня угощали: фиги с маслом давали да кашу в корзинке; и бумажные мне подарили ботинки — им бы сносу не было, кабы не разорвались!

Тень

Шотландская сказка

Перевод Г. Кружкова

Джеми Кармайкл был смывленный, бойкий мальчишка. Поэтому, едва он прослышал о школе мистера Оррака, где обучают волшебному ремеслу, как сразу загорелся желанием попасть в эту школу.

— Нет, нет и нет! — отрезал отец.

— Нет, нет и нет! — сказала мать. — Разве ты не слышал? Говорят, что мистер Оррак — не кто иной, как сам дьявол.

— Мало ли что болтают, — возразил Джеми. — Я ведь не из пугливых.

В общем, отца с матерью он уговорил. Деньги на обучение дал своему любимчику дед, который в нем души не чаял, и вот в один прекрасный день отправился Джеми в путь с крепкой ореховой палкой и кошельком в кармане. Переваливает он гору, минует болотистую пустошь, ночует на охалке вереска и на следующее утро прибывает в школу мистера Оррака. Стучит своей ореховой палкой в дверь: тук-тук-тук! — дверь открывается, и на пороге возникает мистер Оррак собственной персоной.

— Что тебе угодно, малыш?

— Научиться всему, чему вы сможете меня научить, — отвечает Джеми.

— Это тебе недешево обойдется.

— Я принес деньги: вот, взгляните!

— Ну, заходи! — говорит мистер Оррак. — Садись и выслушай мои условия — они не всякому по душе.

Пригласил он Джеми в большой зал, усадил на стул против себя и начал читать правила, которым должны подчиняться все ученики его школы.

Правила состояли из тринадцати пунктов. В них оговаривалось, когда ученикам вставать, и когда ложиться в постель, и когда приступать к занятиям, и как вести себя в классе, и как проводить свободное время. Все это звучало неплохо, пока мистер Оррак не приступил к чтению тринадцатого пункта. А он гласил (не больше и не меньше!), что по окончании учебы ученики прощаются с учителем, а последний, покинувший школу в этот день, будет принадлежать душой и телом, всецело и навеки, мистеру Орраку.

— Вот так пункт! — воскликнул Джеми. — На нем и споткнуться можно.

— Как знаешь! Если тебя устраивают мои правила, поставь свою подпись на этом пергаменте. Если нет — прощай, счастливого пути!

— Дайте мне одну минуточку подумать, — попросил Джеми.

— Даю тебе пять минут, но не больше.

Джеми задумался. Он оглядел просторный зал.

Был полдень, и солнце ярко светило в окна и широко открытую дверь, четко обрисовывало на полу тени стола и стульев, мистера Оррака и Джеми.

— Скажите, пожалуйста, из этого ли зала и через эту ли дверь будут выходить ученики в день выпуска? — спросил Джеми.

— Да, — ответил мистер Оррак.

— А в какое время суток состоится выпуск?

— В такое же самое время.

— Разверните свиток, мистер Оррак, я поставлю свою подпись, — заявил Джеми. — Надеюсь, ноги меня не подведут и я не замешкаюсь больше других.

— Все так говорят, — пробурчал мистер Оррак.

Он отвинтил крышечку чернильницы, висевшей у него на поясе на золотой цепочке, вынул из-за уха гусиное перо и ткнул пальцем в пергамент:

— Вот здесь!

Джеми расписался и посмотрел, что у него получилось.

— Чернила какие-то бурые. Похоже на кровь.

— Ты недалек от истины, малыш, — заметил мистер Оррак. — Расплатишься сейчас или в день выпуска?

— Лучше бы сейчас, — сказал Джеми. — Боюсь, что в тот день я буду спешить. — И он вручил кошелек мистеру Орраку. — Возьмите, сколько нужно за учебу.

— Сколько есть, столько и нужно, — возразил мистер Оррак и спрятал кошелек в карман. — Теперь пойдем, я познакомлю тебя с твоими однокашниками.

Он провел Джеми в классную комнату, где стояли столы и десятка три мальчиков сидели перед раскрытыми книгами. Все они вскочили на ноги при появлении учителя.

— Это — новый ученик. Зовут его Джеми Кармайкл, — представил его мистер Оррак.

— Добро пожаловать! — хором прокричали ребята, и снова настала тишина.

— Можете сесть, — произнес учитель, и, словно вымуштрованные солдаты, школьники разом опустились на свои места.

Усадив Джеми за свободный стол, мистер Оррак занял место на возвышении и начал урок.

— Сегодня, друзья, я буду проверять, как вы усвоили искусство превращений. Ты, Джок Мэддок, станешь ястребом; ты, Тэмми Крокер, тигром; ты, Билл Макдуфф, собакой; остальные — овцами, козами, котами, крысами, чем вам только вздумается.

Тотчас комната огласилась странными кликами, и ученики исчезли: вместо них появились рычащие львы, мяукающие коты, хрюкающие поросята, летучие мыши и всевозможные птицы, реющие и порхающие по всему классу.

— Ура! — закричал Джеми от восторга.

Но тут мистер Оррак хлопнул в ладоши; тотчас все звери и птицы исчезли, вместо них появились

школьники, чинно сидящие за столами. Лишь одно странное существо — с головой мальчика, но с ногами и телом горноста — неуклюже копошилось на полу.

— Сэнди Макнаб! Ты сегодня останешься после уроков и внимательно перечтешь все, что недоучил, — сурово произнес мистер Оррак полугорностаю и подпихнул его своим остроносым ботинком, отчего непонятное существо тотчас превратилось в белобрысого, растерянного паренька. — Остальные до обеда свободны.

Мальчишки гурьбой высыпали из класса, и за ними Джеми, он был совершенно ошеломлен и не переставал удивляться, потому что ребята снова стали показывать всякие чудеса. Каждый хотел покрасоваться перед новичком своим умением: один летал по воздуху на кленовом прутике, который послушно превращался в крылатого коня, другой показывал трюк с исчезновением — то он здесь, то его нет, то он снова здесь; третий набрал камушков и превратил их в пчелиный рой, четвертый карабкался по невидимой лестнице и окликал Джеми сверху...

— Вот здорово! — воскликнул Джеми. — Вот ловко! Я буду не я, если всему этому не выучусь!

И действительно, он стал прилежным учеником и в короткое время овладел всеми волшебными приемами, каким только пожелал обучить его мистер Оррак.

— Ты станешь отличным волшебником, малыш, когда выберешься отсюда, — говаривал учитель и ехидно добавлял: — Если только выберешься. Думаю, что мои приятели там, внизу, были бы не прочь познакомиться с тобой.

— А я не собираюсь к ним в гости, — отвечал Джеми.

— Неужели? Ну, не ты, так кто-нибудь другой.

И вот что было худо: проходили дни, недели, месяцы, и веселость учеников мистера Оррака таяла с каждым часом. Каждый из них подписал договор со зловещим тринадцатым пунктом, и как знать, кому из них придется в конце концов принадлежать — душой и телом, всецело и навеки — своему страшному наставнику?

Беззаботное время кончилось. Ученики стали сторониться друг друга, ссориться из-за пустяков и обмениваться неприязненными взглядами. «Что, если я окажусь последним? — думал каждый. — О, если бы это был кто-нибудь другой!»

Только Джеми, казалось, ничуть не беспокоился. Однажды он собрал ребят и обратился к ним с такими словами:

— Друзья, мне не нравятся ваши хмурые лица. Обещаю вам, что, когда придет время, вы все выйдете отсюда прежде меня. Даю вам слово.

— Опомнись, что ты говоришь!

— Именно это и говорю. Я боюсь мистера Оррака не больше, чем любого из матушкиных гусей.

— Но ад и преисподняя! — воскликнул один.

— Всецело и навечно! — добавил другой.

— К чертям ад и преисподнюю! К чертям «всецело и навечно»! Будьте спокойны, я их всех перехитрю.

В конце концов, хотя и не сразу, товарищи поверили Джеми и стали смотреть на него, как на героя. Тревога и косые взгляды снова сменились весельем и улыбками.

Но время летело, и настал день, когда мистер Оррак созвал своих учеников в большой зал для церемонии выпуска.

Поперек зала мелом была проведена черта, и все ученики стали в ряд, наступив одной ногой на черту. Было такое же ясное утро, как в тот день, когда Джеми впервые пришел в школу, и солнце ярко светило в распахнутую дверь.

— Итак, друзья, — сказал мистер Оррак, — чему мог, я вас научил и каждого из вас сделал искусным волшебником. У меня есть подписанные вами договоры, и все знают условие. Взгляните на этот колокольчик. Когда я дам сигнал, вы побежите к двери. Если бы я был коварным и злым, я мог бы заставить вас всех служить мне до скончания веков, но я честный малый и поэтому заявляю свои права лишь на последнего — согласно уговору.

С этими словами мистер Оррак позвонил в колокольчик, и мальчишки бросились к двери.

Всей кучей вылетели они наружу и пустились бежать, не разбирая дороги, через вереск и кусты, через луг и лог — без оглядки, пока школа мистера Оррака не осталась далеко-далеко позади.

А что же Джеми? Услышав колокольчик, он помедлил немного, прищурился на солнце и не спеша направился к выходу. Мистер Оррак со злобной усмешкой протянул было руку, чтоб задержать его.

— Руки прочь! — сказал Джеми.

— Что, что? — удивился мистер Оррак. — Как ты смеешь так разговаривать? У меня есть договор, скрепленный кровью. Последний, покинувший этот зал, принадлежит мне, всецело и навеки.

— Но я не последний!

— Как не последний?! А кто же выходит вслед за тобой?

— Взгляните на пол, — сказал Джеми и спокойно шагнул к двери. — Неужели вы не видите, кто идет следом?

— Не вижу! — воскликнул мистер Оррак.

— Как не видите? А моя тень? Вот кто идет вслед за мной. Забирайте ее, мистер Оррак, она ваша. Счастливо оставаться и спасибо за науку.

С этими словами Джеми вышел за порог и пошел прочь по зеленой долине, залитой ярким светом. Легкий ветерок шевелил тени вереска и шиповника на тропинке впереди и позади Джеми, слева и справа от него. Но погодите-ка, где же тень самого Джеми? Ее нет ни слева, ни справа, ни впереди, ни позади. Она осталась там, где Джеми ее оставил, — на полу в школе мистера Оррака.

Мистер Оррак наклонился, поднял тень, скатал ее в трубочку и засунул за шкаф.

— Ах, Джеми Кармайкл! — вздохнул он. — Я не расстался бы с тобой за все души ада. Каким отличным, искусным волшебником сделаешься ты, когда станешь взрослым!

И действительно, Джеми вырос и сделался отличным, искуснейшим волшебником, знаменитым по всей стране своими необыкновенными знаниями, умением исцелять недуги и давать мудрые советы. Ни разу в жизни не использовал он своего могущества во зло, но всегда на пользу людям. Имя его не забылось. И до сих пор вспоминают в народе Кармайкла Мудрого, или Человека Без Тени.

Овсяная лепешечка

Шотландская сказка

Перевод Г. Кружкова

в маленьком домике возле речки жили-были старичок и старушка. Было у них добра — две коровы, четыре курицы, петух, кошка да пара котят.

Старичок приглядывал за коровами, петух — за курами, кошка следила, чтобы мышь не залезла в буфет, а старушка сидела у огня и пряла шерсть на своей ручной прялке. Нередко котята, расшалившись, норовили вцепиться в старушкино веретено, но она строго прикрикивала на них: «Кыш! Кыш отсюда!» — и они снова убежали играть и возиться друг с другом.

Вздумалось как-то старушке старичка своего овсяными лепешками побаловать. Испекла она две лепешечки да поставила на стол — остывать. Вошел старичок, присел к столу, взял одну лепешку, разломил — и в рот. Увидела это вторая лепешечка, да как пустится наутек! Старушка с прялкой и веретеном — за ней, но где уж там!

Бежала, бежала лепешечка что есть духу и прибежала к большому красивому дому под соломенной крышей. Влетает в дверь, а там трое портных сидят на лавке, портняжничают. Увидали лепешечку, повскакали да за хозяйку попрятались. А хозяйка у очага сковородку скребет.

— Чего вы испугались? — говорит. — Это же овсяная лепешечка. Хватайте ее скорее: каждому дам по кусочку с молоком.

Тут хозяйка со сковородкой, портной с утюгом да два подмастерья, один с ножницами, другой с иглой, — все бросились ловить лепешечку. Увернулась она от них, прыгнула за очаг. Хотел один подмастерье ножницами ее ткнуть, да свалился в золу. Портной швырнул в нее утюгом, а хозяйка — сковородкой, да всё мимо.

Выскочила лепешечка за дверь — и бежать. Бежала, бежала, видит, хибарка у дороги, сунулась в дверь, а там ткач сидит у своего станка, а жена его пряжу мотает.

— Тибби! — говорит ткач. — Погляди, что это такое?

— Овсяная лепешка, — отвечает жена.

— Вовремя она пожаловала: каша-то сегодня была жидковата. Хватай ее, женушка!

— Не так-то это просто! — отвечает жена. — Больно увертлива! Лови ее сам, Вилли!

Но лепешечка уже выскочила за дверь и припустилась бежать как сумасшедшая. В гору да под гору — прибежала к маленькому чистенькому домику, а в нем сидит чистенькая хозяйюшка, масло сбивает в маслбойке.

— Иди, иди сюда, моя милая! — говорит. — Маслице есть, так и лепешечка кстати.

Лепешечка давай от нее увертываться туда-сюда, а хозяйка за ней скачет сюда-туда — чуть

маслобойку не опрокинула, еле придержать успела. А лепешечка — за дверь да кубарем вниз по склону, к реке. Забежала на мельницу, а там мельник муку через сито просеивает.

— Эвон чего! — говорит. — Лепешки разгуливают сами по себе. Это добрая примета. Овсяные лепешки я уважаю, особенно с сыром. Иди-ка сюда, голубушка, так и быть, пристрою тебя на ночлег.

Но лепешечке совсем не улыбалось ночевать у веселого мельника. Она повернулась — и бежать. А мельник только рукой махнул — мол, скатертью дорожка!

Забежала лепешечка в кузню. А там кузнец у наковальни стоит и гвозди подковные выковывает.

— Вот здорово! — говорит кузнец. — Хорошо бы отведать такую хрустящую овсяную лепешечку!

Услыхала лепешечка, перепугалась и бросилась бежать без памяти, а кузнец заюлююкал ей вслед и молотком запустил. Хорошо еще, что не попал.

Бежала, бежала лепешечка и прибежала к низкому домику, возле которого лежала большая куча торфа. Прощмыгнула в дверь, а там крестьянин топорище строгают, а хозяйка лен расчесывает.

— Смотри, Дженни, лепешка! — говорит хозяин. — Чур, половину мне.

— И мне, чур, половину! Бросай в нее топорищем, Джон.

Но лепешечка увернулась от топорища.

— Ах, так! — воскликнула хозяйка и швырнула в нее чесалку.

Но лепешечка оказалась проворней. Выскочила она за дверь, добежала до соседнего дома, а там хозяин сидит, плетет из конопли привязки для коров, а жена его у очага похлебку мешает.

— Эй, Джок! — говорит жена. — Ты все просишь испечь тебе лепешечку. Одна такая у тебя за спиной. Хватай ее, не зевай!

— Да где она, матушка?

— Вон там! Хватай же скорей!

Джок — за лепешкой, а та — под лавку. Он споткнулся да растянулся, а она — к двери. Хозяйка швырнула поварешку, да уж было поздно. Выскочила лепешечка за порог и через кусты, через канавы — в следующий дом. А там семья садится за ужин, хозяйка по тарелкам кашу раскладывает.

— Смотрите-ка, лепешечка погреться зашла!

— Закройте дверь, — велел хозяин. — Сейчас мы ее изловим.

Услыхала это лепешечка — и наутек. Только ложки ей вдогонку полетели, да еще хозяйская шляпа. Прибежала она в другой дом, а там уже спать ложатся.

— Это что такое? — удивился хозяин.

— Лепешка, — говорит жена.

— Я бы съел половиночку.

— А мне бы хоть кусочек!

— Лови же ее, лови!

Хозяин прицелился и чуть было не накрыл лепешечку курткой.

Но та все-таки увильнула — и бежать, а за ней хозяин без штанов. Ну и славная же вышла гонка по кустам да по кочкам! Наконец хозяин отстал — пришлось ему с пустыми руками домой возвращаться. Тут совсем стемнело. Куда идти, не видно. Сунулась лепешечка туда-сюда да и угодила в лисью нору.

— Милости просим, — сказала лиса. Ам! — и проглотила лепешечку.

Только ее и видели.

Ирландские сказки

Поэт Шонахан и кошачий царь

Ирландская сказка

Перевод Г. Кружкова

древние времена поэты в Ирландии (их называли бардами) пользовались великим почетом и уважением. Ведь поэт в своей песне мог восславить или высмеять любого — будь он пастух или король. А честь и доброе имя ценились в те времена превыше всего.

Однажды король Коннахта Гуаири устроил у себя большой пир. На этот пир он пригласил и созвал несчетное множество ученых мужей, мудрецов и книжников, певцов и музыкантов, и трех вещих старух — Грух, Грах и Грангайт, и вождей, и знатных мужей, и всех лучших поэтов и поэтесс Ирландии. Угощение, которое выставил король Гуаири, было до того щедро и обильно, что и по сей день древнюю дорогу, ведущую к его дворцу, называют «Дорогой сытости».

Три дня и три ночи длился пир. Гости короля ели, веселились и наслаждались прекрасной музыкой. Лишь знаменитый бард Шонахан сидел за столом угрюмо, не притрагиваясь ни к еде, ни к питью. Король Гуаири весьма дивился тому и не раз посылал к нему своих прислужников с изысканными яствами и угощениями, но тот всякий раз с презрением отсылал их обратно. «Не по вкусу мне это», — говорил он людям короля, и Гуаири с каждым часом все больше тревожился. Боялся король, что Шонахан может ославить его пир в какой-нибудь насмешливой песне и тем самым навсегда осрамит его и обесчестит.

И вот на третий день пира король Гуаири послал к Шонахану свою дочь с превосходным угощением — пшеничным пирогом и вареным лососем на золотом блюде. Но бард и на этот раз отклонил пищу.

— Не по вкусу мне это, — промолвил он.

— А что бы тебе могло прийтись по вкусу, о благородный бард? — спросила дочь короля.

— А пришлось бы мне по вкусу свежее куриное яичко из-под крыльца, — ответил он.

Девушка вышла и вскоре вернулась.

— Там нет яйца, господин мой.

— Значит, ты сама его съела, — гневно молвил Шонахан.

— О нет, господин мой, мыши утащили и съели его, — отвечала дочь короля.

— Ах, так! — воскликнул бард. — Тогда я сочиню о них злую песню.

И он спел о мышах такую язвительную и насмешливую песню, что две дюжины мышей тут же умерли на месте от позора.

— Это хорошо, — сказал Шонахан. — Но и кот виноват не меньше. Ведь его служба и долг держать

мышей в страхе. Я сочиню поношение всему племени котов и прежде всего кошачьему царю Ирузану, сыну Арузана, ибо он отвечает за все дела своих подданных.

И он пропел такую песню:

Ирузан, куда глядишь?
Упустил ты мышь, лентяй!
Ишь, смеется над тобой!
Свой с досады хвост хватай!
Где концы ушей твоих?
Их, видать, хорек отгрыз.
Куцеухий царь котов,
Ты готов бежать от крыс?

Услышал Ирузан это поношение в своей пещере и говорит жене своей Острозубихе, братьям Мурлану и Мяукану и дочери Искроглазке:

— Шонахан спел обо мне насмешливую песню, но я отомщу ему!

— Принеси его нам живым, — свирепо проворчала Острозубиха. — Он поплатится за свою дерзость.

И вот, пока пир у короля Гуаири шел своим чередом, вдруг послышалось жуткое шипение и нарастающий гул, как в бушующей пламенем печи, и в зал ворвался огромный кот. Он был величиной с доброго бычка, дикий, дышащий злобой, куцеухий, плосконосый, острозубый, неистовый, мстительный, с острыми когтями и сверкающими глазами. Таковы были его вид и подобие.

Он бросился прямо на знаменитого барда, схватил за руку, забросил его себе на спину и одним прыжком умчался прочь. Никто не посмел встать у него на пути.

Когда Шонахан понял, что его уносит свирепый Ирузан — уносит, чтобы растерзать в своей пещере, — он решил прибегнуть к хитрости и смягчить гнев кошачьего царя. Тотчас он придумал и спел такую хвалебную песню:

Ирузан, о чем твой гнев?
Ты, как лев, меня схватил.
Ты могуч и ты велик,
Ты, как бык, исполнен сил.
Ты стремителен и смел —
Спорить кто посмел с тобой?
Славься, Арузанов сын,
Властелин и крысобою!

Таковою искусною хвалой смягчено было сердце кошачьего царя, и он сперва остановился, чтобы лучше слышать певца, а когда дослушал, махнул хвостом, сбросил Шонахана на землю и, урча от гордости, вернулся в свое логово.

— Возблагодарим сей день за чудесное избавление! — промолвил случившийся тут святой Киаран.

— Проклятие сему дню! — с досадой отозвался Шонахан.

— Но отчего? — спросил святой.

— Лучше бы этот кот разорвал бы меня на кусочки и съел! Тогда все бесчестье пало бы на голову короля Гуаири — ведь это из-за его злосчастливого пира я попал в такую переделку!

Прослышав про этот случай, все знатные мужи и весь народ Ирландии еще больше стали уважать Шонахана. Короли наперебой приглашали его ко двору, но великий певец отклонил все приглашения и

удалился к себе, в Обитель Бардов.

Прошло время, и он помирился с королем Гуаири, и был устроен новый пир, который длился ровно тридцать дней и тридцать ночей без перерыва. Все барды и музыканты собрались на этом пиру, и Шонахан сидел за столом выше могучих вождей и знатных мужей. В избытке было чудесных яств, и заморских напитков, и серебряных кубков.

Когда барды возвратились с того пира, в благодарность за честь и гостеприимство они прославили короля во многих стихах и воспели его в песнях, как «Гуаири благородного», под каковым именем он известен и доныне, ибо слово поэта бессмертно.

История Колпачка

Ирландская сказка

Перевод Г. Кружкова

В долине Ахерлоу, у подножья сумрачных Гальтийских гор, жил увечный бедняк с большим горбом на спине. Был он маленького роста, немощный, не было у него сил работать в поле. Поэтому он зарабатывал на жизнь тем, что плел корзины из лозняка и продавал их местным жителям.

Несмотря на свое увечье, был он человек жизнерадостного, веселого нрава и любил распевать песни за работой.

А еще он любил прикалывать к своей шапчонке пучок наперстянок — цветов, которые часто называют еще «колпачками фей». Неудивительно, что люди прозвали маленького горбуна Колпачком.

Однажды вечером возвращался Колпачок с базара, где продавал свои корзины. Наступала ночь, надо было поторопиться, но быстро шагать бедняга не мог.

Наконец он выбился из сил и присел отдохнуть на кочке возле каких-то полузаросших развалин.

И вдруг в тишине и в темноте раздался звук дудочки. Колпачок прислушался и различил мотив — простой, но такой отрадный и чудесный, какого он отродясь не слышал. Зазвучала песенка, хор тоненьких голосов с необыкновенным совершенством выводил мелодию, а слова были такие:

Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник...

На этом месте пение как-то неуверенно обрывалось, а потом повторялось все сначала:

Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник...

Колпачок наслаждался необыкновенной музыкой. Он понял, что нечаянно подслушал спевку Волшебного Народца Из-под Холма. Малютки, должно быть, сочиняли новую песенку, но что-то у них не ладилось. Колпачку захотелось им помочь. Он приготовился и — когда в третий раз прозвучало:

Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник —

вступил и допел красивым, звонким голосом, завершая мелодию:

И сре-да!

На несколько секунд воцарилась удивительная тишина. И вдруг раздался веселый шум, щебетание

тоненьких голосов, смех, радостные возгласы, и Колпачок увидел себя окруженным толпой маленьких музыкантов. Это были волшебные жители холмов, которых ирландцы называют сидами, а англичане — феями или эльфами. Малыши ликовали, что песня у них наконец получилась, и без устали распевали, приплясывая вокруг Колпачка:

Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник
И сре-да!

Наконец один из сидов, видимо старший, потребовал тишины и, выступив вперед, обратился к Колпачку с такой речью:

— О певец, искуснейший среди смертных! Нам прискорбно видеть тебя обремененным этим тяжелым горбом. К счастью, одного взмаха волшебной палочки достаточно, чтобы навек избавить тебя от уродства. Такова наша благодарность тебе за чудесную песню. Прощай, Колпачок!

С этими словами он взмахнул палочкой... и все замелькало в глазах Колпачка, закружилось в стремительном хороводе и исчезло. Без чувств он упал на росистую траву и уснул, а когда проснулся, уже наступило утро.

Колпачок вскочил на ноги и впервые в жизни распрямился — горба больше не было у него за плечами, он сделался статным и красивым парнем. Многие его не узнавали. Пришлось вновь и вновь рассказывать всем и каждому историю про сидов, прежде чем люди поверили ему и признали в нем прежнего Колпачка.

Случилось так, что проведал про этот случай другой горбун, по имени Джонни Порченный, и тоже решил попытать своего счастья.

Он пришел с вечера на то самое место, о котором рассказывал Колпачок, и сел там на кочку, дожидаясь темноты.

Долго так сидел он и начал было задремывать, как вдруг раздались тоненькие голоса, пенье дудочки, и Джонни услышал, как веселый хор поет песенку:

Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник,
Понедельник, вторник
И сре-да!

«Ага! — подумал Джонни. — Колпачок подсказал им только один день — среду, а я подскажу целых два. Небось за это меня и наградят щедрей: не только избавят от горба, но и дадут золота. У них ведь, говорят, много золота — у этого чудного Народца Из-под Холма».

Рассудив таким образом, Джонни раскрыл пошире рот и, едва только хор успел пропеть «Понедельник...», поспешно закричал ни в склад, ни в лад:

Четверг и пятница!
Четверг и пятница!

Все смолкло — но только на миг. Потом раздались шум, возгласы, сердитые голоса:

— Какой невежа это закричал? Кто испортил нашу песню?

Джонни увидел себя окруженным возмущенной толпой малюток, они кричали и показывали ему

кулаки. Внезапно один из них, с волшебной палочкой в руке, выступил вперед и сказал:

— О глупец, несноснейший среди смертных! Ты получишь награду, достойную тебя. Быть тебе до скончания века таким же нескладным, как твоя песня!

Он взмахнул палочкой... Все закружилось в глазах у Джонни, и он рухнул на землю как подкошенный. До утра проспал он на росистой траве, а когда проснулся и ощупал свою спину — о злосчастье! — не один, а два горба было у него за плечами. Кое-как побрел прочь жадный Джонни, разгневавший сидов.

А веселый Колпачок жил долго и счастливо, радуя людей своими песнями и добрым нравом.

Удивительный сон

Ирландская сказка

Перевод Г. Кружкова

Давным-давно жил возле Свинфорда человек по имени Оуэн О'Малреди. Он сажал картошку, разводил огород вместе со своей женой Молли и никогда не унывал, ни на что не жаловался.

Лишь одно у него было сокровенное желание — увидеть сон. Никогда в жизни ему ничего не снилось.

Встретил он как-то соседа, разговорились они о том о сем. Оуэн возьми да признайся, что нет у него заветнее мечты, чем увидеть хоть какой-нибудь сон.

— Увидишь сегодня же ночью, — сказал сосед, — если поступишь по моему совету.

— Говори скорее, — обрадовался Оуэн.

— Выгреби всю золу из очага, устрой себе там постель и ложись спать. Будет тебе и сон, и сновидение, не беспокойся.

Пришел Оуэн домой, стал выгребать золу из очага и устраивать там постель. Жена решила, что он спятил, но Оуэн растолковал ей, в чем дело, утихомирил кое-как, и вот легли они спать вместе прямо в очаге.

Только заснули, как в дверь стучатся:

— Вставай, Оуэн О'Малреди! Помещик велел тебе доставить письмо в Америку.

Встал Оуэн, сунул ноги в башмаки, думает: «Нелегкая тебя принесла в такую пору!»

Однако взял письмо и не мешкая зашагал по дороге. Возле горы Слив-Чарн поравнялся он с пареньком, пасущим стадо коров.

— Бог в помощь тебе, О'Малреди! — приветствует его пастух.

— И тебе того же! — ответил Оуэн, удивившись. — Все меня знают, лишь я никого не знаю.

— Куда тебя несет среди ночи? — спрашивает пастух.

— В Америку, с письмом от помещика. Не сбился ли я с пути?

— Все верно, шагай себе прямо на запад. Но как ты думаешь переправляться через море?

— Там видно будет, — ответил Оуэн и пошел дальше.

Вот подходит он к морю, видит — на берегу журавль стоит на одной ноге.

— Бог в помощь тебе, О'Малреди! — приветствует его журавль.

— И тебе того же! — ответил Оуэн, удивившись. — Все меня знают, лишь я никого не знаю.

— Куда ты спешишь, О'Малреди?

— В Америку, с письмом от помещика. Да не знаю, как через море перебраться.

— Садись ко мне на спину, — говорит журавль. — Я тебя перенесу.

— А не притомишься ли ты на полпути? Что я тогда буду делать?

— Не бойся, не притомлюсь.

Сел Оуэн на журавля, полетели они через море. На полпути, как раз на серединечке, журавль говорит:

— Эй, Оуэн, слезай! Я что-то притомился.

— Ах ты, негодный журавлишка! — возмутился Оуэн. — Чтоб тебя так черти притомили! Не слезу, и не проси.

— Ну, слезь хоть на минутку, дай передохнуть, — просит журавль.

Тут они услышали над собою стук, смотрят — а это молотильщики на небе зерно молотят.

— Эй, молотильщик! — закричал Оуэн. — Дай за молотило подержаться, пока мой журавль передохнет.

Молотильщик опустил ему молотило, Оуэн ухватился за него двумя руками, крепко держит. А журавль нахально засмеялся и улетел!

— Чтоб тебе пусто было, обманщик! — выругался Оуэн. — Из-за тебя я тут вишу между небом и водой посередине океана.

Немного погодя молотильщик ему кричит:

— Эй, парень, слезай, мне молотить надо!

— И не подумаю, — отвечает Оуэн. — Мне тонуть неохота.

— Ах, так! — рассердился молотильщик. — Тогда я перерублю держалку.

— Пожалуйста, — отвечает Оуэн, — все равно ведь молотило останется у меня.

Тут он поглядел вниз и увидел баркас в море.

— Эй, моряк-морячок! Греби сюда — я к тебе спрыгну.

Подгреб моряк, кричит снизу:

— Правее или левее?

— Немножко полевее! — просит Оуэн.

— Сбрось один башмак, чтобы увидеть, куда он упадет! — кричит моряк.

Тряхнул Оуэн ногой, и башмак полетел вниз.

— Уй-уй-уй-уй! Убивают! — завизжала жена, подскакивая на постели. — Оуэн! Где ты?

— Я-то здесь, Молли. А вот ты что там делаешь на баркасе?

Встала жена, зажгла свечку. И где же она нашла Оуэна, как вы думаете? В дымоходе. Там он висел, уцепившись руками за выступ кирпича, — весь черный от сажи. Одна его нога была обута в башмак, а что касается другого башмака, так это именно он, свалившись сверху, разбудил и напугал Молли.

Вылез Оуэн из дымохода, кое-как отмылся и пришел в себя. Но с той ночи никогда-никогда не завидовал он людям, которые видят сны.

Примечания

Стр. 17. *Каурый конь* — конь рыжеватой, светло-каштановой масти.

Пурпурная мантия — широкий нарядный плащ ярко-красного цвета. Царская мантия шилась из дорогой парчи, украшалась богатой вышивкой и отделялась мехом горностаея. Пурпур — драгоценная краска темно-багрового цвета, которая добывалась в древности из пурпуровой улитки.

Скипетр — один из знаков царской или королевской власти. Представлял из себя жезл, украшенный резьбой и драгоценными камнями.

Корчма — трактир, постоялый двор.

Стр. 21. *Костёл* — польский католический храм.

Ксёндз — польский католический священник.

Стр. 22. *Бабка-ведунья* — то же, что колдунья, волшебница, знахарка, ворожея.

Стр. 31. *Служка* — слуга при монастыре.

Ополе — город в Польше на реке Одра. Сейчас называется Ополе.

Стр. 36. *Сермяга* — грубое некрашеное сукно, а также одежда из него.

Палица — тяжелая дубинка с утолщенным концом.

Стр. 37. *Сажень* — старинная мера длины, равная примерно двум метрам.

Стр. 42. *Чантория* — гора в Силезии на юге Польши.

Вороной конь — конь черной масти.

Чепрак — матерчатая подстилка под седло, которая служила также для украшения.

Стр. 47. *Шляхта* — польское мелкопоместное дворянство.

Стр. 48. *Парша* — заразная кожная болезнь.

Стр. 50. *Вереск* — низкорослый вечнозеленый кустарник, растущий на торфяных болотах, с мелкими листьями и лилово-розовыми цветками.

Стр. 56. *Верста* — старинная мера длины, равная примерно одному километру.

Стр. 64. *Амбар* — строение для хранения зерна, муки, припасов.

Стр. 66. *Пергамен* — выделанная кожа животных, употреблявшаяся в старину для письма.

Стр. 67. *...уголь жечь собирался...* — то есть, сжигая деревья, заготавливал древесный уголь. Углежжение было распространенным промыслом среди лесных крестьян.

Стр. 76. *Баклага* — похожий на сплюснутую тыкву деревянный плоский сосуд с крышкой или пробкой.

Стр. 86. *Пражский мост* — знаменитый Карлов мост, памятник чешской средневековой архитектуры XIV–XVIII вв.

Стр. 99. *Кудель* — вычесанный и перевязанный пучок волокнистой части льна или пеньки, приготовленный для пряжи.

Стр. 102. *Жупан* — глава округа.

Стр. 128. *Житница* — амбар или какое-либо другое помещение для хлеба, зерна.

Стр. 131. *Батоги* — палки или прутья для телесных наказаний.

Стр. 134. *Аспидная доска* — тонкая доска из черного слоистого минерала, на которой писали грифелем.

Яловая корова — бесплодная корова.

Стр. 137. *Молочная тюря* — кушанье из крошенного в молоке хлеба.

Стр. 140. *Кошара* — овчарня, хлев или загон для овец.

Стр. 141. *Торба* — мешок, сума.

Стр. 146. *Чело* — лоб.

Стр. 147. *Медведь-стервятник* — крупный матерый медведь-людоед.

Стр. 149. ...и, наконец, *побратались*. — Побратимство — старинный славянский обычай закрепления дружбы. Дружба приравнивалась к братским отношениям, а люди, вступившие в побратимство, назывались побратимами или названными братьями.

Стр. 155. *Димитров день* — 26 октября.

Стр. 160. *Боярин* — крупный землевладелец знатного происхождения.

Стр. 169. *Вепрь* — дикая свинья.

Борзая — охотничья собака.

Стр. 174. *Визирь* — в Турции, а также в других странах Востока титул министра или высшего государственного сановника.

Стр. 176. *Чернильные орешки* — черные наросты на деревьях, применявшиеся для изготовления чернил.

Стр. 192. *Чертог* — пышное великолепное помещение, дворец.

Стр. 195. *Истрия* — полуостров на северо-западе Балкан.

Волшебницы-вилы — в южнославянских мифах и сказках женские духи, обитавшие в горах. Вилы могли летать, как птицы, и владели колодцами и озерами. По облику это были очаровательные девушки с распущенными волосами и крыльями. Вилы всегда выступают как существа дружелюбные по отношению к добрым людям, как помощницы и советчицы.

Стр. 198. *Тамбур* — распространенный на Востоке струнный инструмент, напоминающий мандолину.

Стр. 203. *Погача* — плоская пресная лепешка.

Стр. 204. *Багдад* — город на Ближнем Востоке, ныне столица Ирака.

Стр. 213. *Бурдюк* — мешок из шкуры животных для перевозки и хранения жидкости.

Стр. 220. *Омет* — стог сена или соломы.

Стр. 223. *Святое писание* (священное писание) — религиозные книги (у христиан — это Библия, у мусульман — Коран), в которых отразились религиозные представления разных народов.

Стр. 224. *Падишах* — титул мусульманских властителей, равняющийся титулу «император» или «король». Чаще всего так называли турецкого султана.

Стр. 227. *Черногория и Герцеговина* — исторические области Югославии. В настоящее время —

республики, входящие в состав СФРЮ.

Стр. 228. *Венецианский дож* — глава Венецианской средневековой республики, расположенной на многочисленных островах Венецианской лагуны Адриатического моря.

Дубровник — старинный город на берегу Адриатического моря. Ныне Дубровник — город-музей, крупный порт СФРЮ.

Стр. 229. *Соломон* — царь иудейского царства в 965–928 гг. до н. э., которого библейская традиция именует «мудрым».

Стр. 235. *Бочкоры* — крестьянская обувь: кожаные чупьяки, подвязанные переплетенными ремешками.

Стр. 246. *Егерь* — охотник при королевском дворе.

Стр. 249. *Гофмейстер* — смотритель за придворными чинами и служителями.

Стр. 265. *Чардаш* — венгерский национальный танец.

Стр. 268. *Мамалыга* — каша из кукурузной муки.

Стр. 272. *...три златорунных барана* — бараны с драгоценной золотой шерстью.

Понтий Пилат — римский наместник в Иудее (26–33 гг. н. э.), который, согласно христианской легенде, утвердил смертный приговор Иисусу Христу.

Стр. 299. *Святая Пятница* — так у христиан называлась святая Параскева, которая в народе почиталась как покровительница пряжи и льна. Христианский культ Параскевы-Пятницы сохранил многие черты язычества.

Стр. 316. *Жнивье* — поле, где сжаты зерновые.

Стр. 333. *Брынза* — сыр из овечьего молока.

Стр. 341. *Тутовое дерево* — то же, что шелковица. Листья этого дерева служат кормом для шелкопряда.

Стр. 356. *Базилик* — пахучий цветок, называемый также «душистый василек».

Стр. 372. *Полента* — густая кукурузная каша, которую режут ломтями. Обычная пища итальянских бедняков.

Стр. 394. *Головка сыру*. — В старину сыр, сахар и другие продукты продавались большими порциями, которые назывались «головы». Они имели форму шара или конуса. Это название сохранилось до наших дней — «голова сыру», «голова сахару».

Бадья — широкое низкое деревянное ведро.

Стр. 400. *Чечевица* — разновидность бобов плоской округлой формы.

Стр. 404. *Монастырский огород* — огород, принадлежащий монастырю, религиозной общине, где проживают монахи — лица, давшие обет вести аскетический образ жизни в соответствии с церковными правилами.

Стр. 405. *Келья* — отдельная комната монаха в монастыре.

Стр. 408. *Хосе-Антонио-Андрес-Хесус-Фернандес*. — Полное имя испанца состоит не только из его собственного, но и из имен его матери и отца.

Стр. 428. *Магия* — чародейство и волшебство. С магией связаны всевозможные суеверия, приметы, обряды, гадания, вера в «чудеса» и т. д. В средние века различали «белую магию», творившую добрые

«чудеса», и «черную магию», связанную с «нечистой силой».

Стр. 503. *Бремен* — старинный немецкий город на берегу реки Везер, основанный в VIII веке.

Лютня — средневековый струнный музыкальный инструмент, напоминающий гитару. Лютня имела от шести до двадцати четырех струн, наиболее распространены были девятиструнные лютни.

Стр. 506. *Шесток* — площадка перед устьем (выходным отверстием) печки, куда после топки выгребается жар.

Серник — предназначенная для добывания огня лучина, на конец которой наносилась расплавленная сера.

Стр. 525. *Гусар* — солдат легкой кавалерии. Этот род войск впервые появился в Венгрии в XV веке.

Стр. 534. *Хлев* — помещение для скота.

Стр. 545. *Меняла* — человек, промышлявший разменом денег.

Стр. 549. *Кирка* — тяжелый железный заостренный молоток для разбивания камней.

Стр. 560. *Снедь* — пища, еда.

Стр. 565. *Троль* — сказочное существо малого роста, обитавшее в пещерах под землей и охранявшее подземные сокровища. Иное имя — гном.

Стр. 572. *Бургомистрова дочка* — дочь бургомистра, главы городского управления.

Стр. 599. *Аббат, епископ, архиепископ* — духовные звания в христианской церкви.

Стр. 603. *Иванова ночь* — ночь накануне старинного праздника Ивана Купалы, связанного с летним солнцеворотом. По народным поверьям, это было единственное время в году, когда расцветал мнимый цветок папоротника, который давал волшебную способность находить клады.

Стр. 605. *Огниво* — кусок стали, которым высекали огонь из кремня.

Стр. 619. *Розги* — срезанные тонкие ветки, прутья, применявшиеся для наказания.

Стр. 644. *Амулет* — предмет, которому суеверные люди приписывали колдовские и волшебные свойства предохранения от болезней, от «дурного глаза», от ран, чародейства и т. д.

Бушприт — брус, выступающий вперед с носа корабля и служащий для вынесения вперед носовых парусов.

Стр. 645. *Кормчий* — рулевой судна.

Стр. 655. *Арфа* — струнный музыкальный инструмент, представляющий собой вертикальную раму с натянутыми струнами. Арфа известна с глубокой древности.

Стр. 656. *Юный Роланд* — один из самых известных образов английского сказочного фольклора. Упоминается У. Шекспиром в трагедии «Король Лир»:

Наехал на черную башню Роланд,

А великан как ахнет:

«Британской кровью пахнет».

(В переводе Б. Л. Пастернака. Акт III, сцена 4.)

Стр. 657. *Мерлин* — могущественный чародей, мудрец и пророк. Один из наиболее популярных персонажей британского фольклора.

Эльфы — в германо-скандинавской мифологии духи природы, легкие, воздушные существа, наделенные чудесными способностями. Эльфы делились на светлых и темных. Светлые духи любили водить хороводы при лунном свете, очаровывали своим пением и музыкой всех, кто слышал их. Темные духи охраняли подземные сокровища.

Стр. 660. *Оборотень* — сказочный персонаж, обладавший волшебной способностью превращаться в кого-нибудь или во что-нибудь.

Золотистый колчедан — минерал с золотым блеском.

Стр. 661. *Карбункул* — драгоценный камень ярко-красного цвета.

Стр. 663. *Фиал* — плоская низкая чаша для питья.

Стр. 665. *Йоркшир* — графство в Англии.

А. Налепин

Примечания

1

В оригинальном издании сказки одного народа не оформлялись в виде отдельного раздела (*Прим. верстальщика*).

2

Стр. 17. *Каурый конь* — конь рыжеватой, светло-каштановой масти.

3

Пурпурная мантия — широкий нарядный плащ ярко-красного цвета. Царская мантия шилась из дорогой парчи, украшалась богатой вышивкой и отделывалась мехом горноста. Пурпур — драгоценная краска темно-багрового цвета, которая добывалась в древности из пурпуровой улитки.

4

Скипетр — один из знаков царской или королевской власти. Представлял из себя жезл, украшенный резьбой и драгоценными камнями.

5

Корчма — трактир, постоялый двор.

6

Стр. 21. *Костёл* — польский католический храм.

7

Ксёндз — польский католический священник.

8

Стр. 22. *Бабка-ведунья* — то же, что колдунья, волшебница, знахарка, ворожея.

9

Стр. 31. *Служка* — слуга при монастыре.

10

Ополе — город в Польше на реке Одра. Сейчас называется Ополе.

11

Стр. 36. *Сермяга* — грубое некрашеное сукно, а также одежда из него.

12

Палица — тяжелая дубинка с утолщенным концом.

13

Стр. 37. *Сажень* — старинная мера длины, равная примерно двум метрам.

14

Стр. 42. *Чантория* — гора в Силезии на юге Польши.

15

Вороной конь — конь черной масти.

16

Чепрак — матерчатая подстилка под седло, которая служила также для украшения.

17

Стр. 47. *Шляхта* — польское мелкопоместное дворянство.

18

Стр. 48. *Парша* — заразная кожная болезнь.

19

Стр. 50. *Вереск* — низкорослый вечнозеленый кустарник, растущий на торфяных болотах, с мелкими листьями и лилово-розовыми цветками.

20

Стр. 56. *Верста* — старинная мера длины, равная примерно одному километру.

21

Стр. 64. *Амбар* — строение для хранения зерна, муки, припасов.

22

Стр. 66. *Пергамен* — выделанная кожа животных, употреблявшаяся в старину для письма.

23

Стр. 67. *...уголь жечь собирался...* — то есть, сжигая деревья, заготавливал древесный уголь. Углежжение было распространенным промыслом среди лесных крестьян.

24

Стр. 76. *Баклага* — похожий на сплюснутую тыкву деревянный плоский сосуд с крышкой или пробкой.

25

Стр. 86. *Пражский мост* — знаменитый Карлов мост, памятник чешской средневековой архитектуры XIV–XVIII вв.

26

Стр. 99. *Кудель* — вычесанный и перевязанный пучок волокнистой части льна или пеньки, приготовленный для пряжи.

27

Стр. 102. *Жупан* — глава округа.

28

Стр. 128. *Житница* — амбар или какое-либо другое помещение для хлеба, зерна.

29

Стр. 131. *Батоги* — палки или прутья для телесных наказаний.

30

Стр. 134. *Аспидная доска* — тонкая доска из черного слоистого минерала, на которой писали грифелем.

31

Яловая корова — бесплодная корова.

32

Стр. 137. *Молочная тюря* — кушанье из крошенного в молоке хлеба.

33

Стр. 140. *Кошара* — овчарня, хлев или загон для овец.

34

Стр. 141. *Торба* — мешок, сума.

35

Стр. 146. *Чело* — лоб.

36

Стр. 147. *Медведь-стервятник* — крупный матерый медведь-людоед.

37

Стр. 149. *...и, наконец, побратались.* — Побратимство — старинный славянский обычай закрепления дружбы. Дружба приравнивалась к братским отношениям, а люди, вступившие в побратимство, назывались побратимами или названными братьями.

38

Стр. 155. *Димитров день* — 26 октября.

39

Стр. 160. *Боярин* — крупный землевладелец знатного происхождения.

40

Стр. 169. *Вепрь* — дикая свинья.

41

Борзая — охотничья собака.

42

Стр. 174. *Визирь* — в Турции, а также в других странах Востока титул министра или высшего государственного сановника.

43

Стр. 176. *Чернильные орешки* — черные наросты на деревьях, применявшиеся для изготовления чернил.

44

Стр. 192. *Чертог* — пышное великолепное помещение, дворец.

45

Стр. 195. *Истрия* — полуостров на северо-западе Балкан.

46

Волшебницы-вилы — в южнославянских мифах и сказках женские духи, обитавшие в горах. Вилы могли летать, как птицы, и владели колодцами и озерами. По облику это были очаровательные девушки с распущенными волосами и крыльями. Вилы всегда выступают как существа дружелюбные по отношению к добрым людям, как помощницы и советчицы.

47

Стр. 198. *Тамбур* — распространенный на Востоке струнный инструмент, напоминающий мандолину.

48

Стр. 203. *Погача* — плоская пресная лепешка.

49

Стр. 204. *Багдад* — город на Ближнем Востоке, ныне столица Ирака.

50

Стр. 213. *Бурдюк* — мешок из шкуры животных для перевозки и хранения жидкости.

51

Стр. 220. *Омет* — стог сена или соломы.

52

Стр. 223. *Святое писание* (священное писание) — религиозные книги (у христиан — это Библия, у мусульман — Коран), в которых отразились религиозные представления разных народов.

53

Стр. 224. *Падишах* — титул мусульманских властителей, равняющийся титулу «император» или «король». Чаще всего так называли турецкого султана.

54

Стр. 227. *Черногория и Герцеговина* — исторические области Югославии. В настоящее время — республики, входящие в состав СФРЮ.

55

Стр. 228. *Венецианский дож* — глава Венецианской средневековой республики, расположенной на многочисленных островах Венецианской лагуны Адриатического моря.

56

Дубровник — старинный город на берегу Адриатического моря. Ныне Дубровник — город-музей, крупный порт СФРЮ.

57

Стр. 229. *Соломон* — царь иудейского царства в 965–928 гг. до н. э., которого библейская традиция именует «мудрым».

58

Стр. 235. *Бочкоры* — крестьянская обувь: кожаные чуваки, подвязанные переплетенными ремешками.

59

Стр. 246. *Егерь* — охотник при королевском дворе.

60

Стр. 249. *Гофмейстер* — смотритель за придворными чинами и служителями.

61

Стр. 265. *Чардаш* — венгерский национальный танец.

62

Стр. 268. *Мамалыга* — каша из кукурузной муки.

63

Стр. 272. *...три златорунных барана* — бараны с драгоценной золотой шерстью.

64

Понтий Пилат — римский наместник в Иудее (26–33 гг. н. э.), который, согласно христианской легенде, утвердил смертный приговор Иисусу Христу.

65

Стр. 299. *Святая Пятница* — так у христиан называлась святая Параскева, которая в народе почиталась как покровительница пряжи и льна. Христианский культ Параскевы-Пятницы сохранил многие черты язычества.

66

Стр. 316. *Жнивье* — поле, где сжаты зерновые.

67

Стр. 333. *Брынза* — сыр из овечьего молока.

68

Стр. 341. *Тутовое дерево* — то же, что шелковица. Листья этого дерева служат кормом для шелкопряда.

69

Стр. 356. *Базилик* — пахучий цветок, называемый также «душистый василек».

70

Стр. 372. *Полента* — густая кукурузная каша, которую режут ломтями. Обычная пища итальянских бедняков.

71

Стр. 394. *Головка сыру*. — В старину сыр, сахар и другие продукты продавались большими порциями, которые назывались «голова». Они имели форму шара или конуса. Это название сохранилось до наших дней — «голова сыру», «голова сахару».

72

Бадья — широкое низкое деревянное ведро.

73

Стр. 400. *Чечевица* — разновидность бобов плоской округлой формы.

74

Стр. 404. *Монастырский огород* — огород, принадлежащий монастырю, религиозной общине, где проживают монахи — лица, давшие обет вести аскетический образ жизни в соответствии с церковными правилами.

75

Стр. 405. *Келья* — отдельная комната монаха в монастыре.

76

Стр. 408. *Хосе-Антонио-Андрес-Хесус-Фернандес*. — Полное имя испанца состоит не только из его собственного, но и из имен его матери и отца.

77

Стр. 428. *Магия* — чародейство и волшебство. С магией связаны всевозможные суеверия, приметы, обряды, гадания, вера в «чудеса» и т. д. В средние века различали «белую магию», творившую добрые «чудеса», и «черную магию», связанную с «нечистой силой».

78

Стр. 503. *Бремен* — старинный немецкий город на берегу реки Везер, основанный в VIII веке.

79

Лютня — средневековый струнный музыкальный инструмент, напоминающий гитару. Лютня имела от шести до двадцати четырех струн, наиболее распространены были девятиструнные лютни.

80

Стр. 506. *Шесток* — площадка перед устьем (выходным отверстием) печки, куда после топки выгребается жар.

81

Серник — предназначенная для добывания огня лучина, на конец которой наносилась расплавленная сера.

82

Вот потому, когда идет в Гессене снег, и говорят, что это госпожа Метелица (фрау Холле) взбивает свою перину. (*Примеч. братьев Я. и В. Гримм*).

83

Стр. 525. *Гусар* — солдат легкой кавалерии. Этот род войск впервые появился в Венгрии в XV веке.

84

Стр. 534. *Хлев* — помещение для скота.

85

Стр. 545. *Меняла* — человек, промышлявший разменом денег.

86

Стр. 549. *Кирка* — тяжелый железный заостренный молоток для разбивания камней.

87

Стр. 560. *Снедь* — пища, еда.

88

Стр. 565. *Троль* — сказочное существо малого роста, обитавшее в пещерах под землей и охранявшее подземные сокровища. Иное имя — гном.

89

Стр. 572. *Бургомистрова дочка* — дочь бургомистра, главы городского управления.

90

Стр. 599. *Аббат, епископ, архиепископ* — духовные звания в христианской церкви.

91

Стр. 603. *Иванова ночь* — ночь накануне старинного праздника Ивана Купалы, связанного с летним солнцеворотом. По народным поверьям, это было единственное время в году, когда расцветал мнимый цветок папоротника, который давал волшебную способность находить клады.

92

Стр. 605. *Огниво* — кусок стали, которым высекали огонь из кремня.

93

Стр. 619. *Розги* — срезанные тонкие ветки, прутья, применявшиеся для наказания.

94

Стр. 644. *Амулет* — предмет, которому суеверные люди приписывали колдовские и волшебные свойства предохранения от болезней, от «дурного глаза», от ран, чародейства и т. д.

95

Бушприт — брус, выступающий вперед с носа корабля и служащий для вынесения вперед носовых парусов.

96

Стр. 645. *Кормчий* — рулевой судна.

97

Стр. 655. *Арфа* — струнный музыкальный инструмент, представляющий собой вертикальную раму с натянутыми струнами. Арфа известна с глубокой древности.

98

Стр. 656. *Юный Роланд* — один из самых известных образов английского сказочного фольклора. Упоминается У. Шекспиром в трагедии «Король Лир»:

Наехал на черную башню Роланд,
А великан как ахнет:
«Британской кровью пахнет».
(В переводе Б. Л. Пастернака. Акт III, сцена 4.)

99

Стр. 657. *Мерлин* — могущественный чародей, мудрец и пророк. Один из наиболее популярных персонажей британского фольклора.

100

Эльфы — в германо-скандинавской мифологии духи природы, легкие, воздушные существа, наделенные чудесными способностями. Эльфы делились на светлых и темных. Светлые духи любили водить хороводы при лунном свете, очаровывали своим пением и музыкой всех, кто слышал их. Темные духи охраняли подземные сокровища.

101

Стр. 660. *Оборотень* — сказочный персонаж, обладавший волшебной способностью превращаться в кого-нибудь или во что-нибудь.

102

Золотистый колчедан — минерал с золотым блеском.

103

Стр. 661. *Карбункул* — драгоценный камень ярко-красного цвета.

104

Стр. 663. *Фиал* — плоская низкая чаша для питья.

105

Стр. 665. *Йоркшир* — графство в Англии.